

ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2017 № 4



Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
“LITERARY HERITAGE”

LITERARY FACT

Academic journal

Published since 2016

2017. No. 4



Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

Издается с 2016 г.

2017. № 4

16+

Основан в 2016 г. Выходит 4 номера в год

Редакция

Олег Анатольевич Коростелев (главный редактор)
Сергей Игоревич Панов (заместитель главного редактора)
Анна Викторовна Журбина (ответственный секретарь)
Армен Варужанович Геворкян (редактор)
Елена Валерьевна Глухова (редактор)
Александр Дмитриевич Ивинский (редактор)

Редколлегия

Константин Маркович Азадовский, Германская академия языка и литературы
(Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург)
Алексей Юрьевич Балакин, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург)
Николай Алексеевич Богомолов, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
Наталья Васильевна Корниенко, ИМЛИ РАН (Москва)
Вячеслав Анатольевич Кошелев, Арзамасский филиал Нижегородского
гос. университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамас / Великий Новгород)
Александр Васильевич Лавров, Институт русской литературы (Пушкинский
Дом) РАН, (Санкт-Петербург)
Игорь Евгеньевич Лоцилов, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
Дарья Сергеевна Московская, ИМЛИ РАН (Москва)
Вадим Владимирович Полонский, ИМЛИ РАН (Москва)
Федор Борисович Поляков, Институт славистики Венского университета (Австрия)
Олег Анатольевич Прокурин, университет Эмори (Атланта, Джорджия, США)
Абрам Ильич Рейтблат, ИД «Новое литературное обозрение» (Москва)
Михаил Викторович Строганов, Российский гос. университет дизайна
и технологии им. А.Н. Косыгина (Москва / Тверь)
Андрей Львович Топорков, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)
Марина Ивановна Щербакова, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)

Международный редсовет

Стефано Гардзонио, Пизанский университет (Пиза, Италия)
Андрей Леонидович Зорин, Оксфордский университет (Великобритания) / Москов-
ская высшая школа социальных и экономических наук (Москва)
Дмитрий Павлович Ивинский, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
Павел Михайлович Лавринец, Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)
Джон Малмстад, Гарвардский университет (Бостон, США)
Геннадий Владимирович Обатнин, университет Хельсинки (Финляндия)
Леа Лембитовна Пильд, Тартуский университет (Тарту, Эстония)
Даниела Рицци, университет Са' Foscari (Венеция, Италия)
Александр Федорович Строев, Университет Новая Сорбонна–Париж 3
(Париж, Франция)
Роман Давидович Тименчик, Еврейский университет (Иерусалим, Израиль)
Лазарь Соломонович Флейшман, Стэнфордский университет (Пало-Алто, США)
Манфред Шруба, Рурский университет (Бохум, Германия)

Literary Fact. Academic journal. – Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences, 2017. – No 4. – 376 p.
ISSN 2541-8297

Founded in 2016. Quarterly edition

Editors

Oleg Korostelev (Editor-in-chief)
Sergei Panov (Deputy Editor-in-chief)
Anna Zhurbina (Executive Editor)
Armen Gevorkyan (Editor)
Elena Glukhova (Editor)
Alexander Ivinsky (Editor)

Editorial Board

Konstantin Azadovsky, German Academy for Language and Literature
(Darmstadt, Germany)
Alexei Balakin, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian
Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russia)
Nikolay Bogomolov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Natalia Kornienko, Institute of World Literature of the Russian Academy
of Sciences (Moscow, Russia)
Vyacheslav Koshelev, Arzamas Philiation of Lobachevsky University of Nizhny
Novgorod (Arzamas / Novgorod, Russia)
Alexander Lavrov, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian
Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russia)
Igor' Loshchilov, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy
of Sciences (Novosibirsk, Russia)
Darya Moskovskaya, Institute of World Literature of the Russian Academy
of Sciences (Moscow, Russia)
Vadim Polonsky, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
Fyodor Polyakov, Institute of Slavic Studies at the University of Vienna
(Vienna, Austria)
Oleg Proskurin, Emory University (Atlanta, GA, USA)
Abram Reitblat, Publishing House “The New Literary Observer” (Moscow, Russia)
Mikhail Stroganov, A.N. Kosygin Russian State University of Design
and Technology (Moscow / Tver', Russia)

International Editorial Council

Stefano Garzonio, University of Pisa (Pisa, Italy)
Andrey Zorin, Oxford University (Great Britain), Moscow School of Social
and Economic Sciences (Moscow, Russia)
Dmitry Ivinsky, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Pavel Lavrinets, Vilnius University (Vilnius, Lithuania)
John Malmstad, Harvard University (Boston, MA, USA)
Gennady Obatnin, University of Helsinki (Finland)
Lea Pild, University of Tartu (Tartu, Estonia)
Daniela Rizzi, University Ca' Foscari (Venice, Italy)
Alexander F. Stroev, New Sorbonne University – Paris 3 (Paris, France)
Roman Timenchik, Hebrew University of Jerusalem (Jerusalem, Israel)
Lazar Fleishman, Stanford University (Palo Alto, CA, USA)
Manfred Schruba, Ruhr University (Bochum, Germany)

Содержание

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

<i>А.А. Бабиков.</i> Находчивая Мнемозина: Архивные материалы к мемуарам Набокова	8
<i>Владимир Набоков.</i> По поводу «Убедительного доказательства». Перевод с англ., прим. <i>А. Бабикова</i>	

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

<i>К.В. Сарычева.</i> Письма к учителю. К истории отношений И. Анненского и А. Кондратьева	53
<i>А.Л. Соболев.</i> Из воспоминаний С.Г. Кара-Мурзы. [1]	68

БИОГРАФИКА

<i>А.В. Бакунцев.</i> Иван Бунин – несостоявшийся редактор газеты «Южное обозрение»	121
<i>Т.И. Двнятина.</i> Нобелевский год И.А. Бунина (По материалам дневников и семейной переписки)	143

СТАТЬИ. СООБЩЕНИЯ. ЗАМЕТКИ

<i>В.А. Кошелев.</i> Парадокс «банного строения»: К литературной репутации М.Т. Каченовского	162
<i>А.И. Рейтблат.</i> Булгарин и вокруг. 3. Письма Ф.В. Булгарина цензорам	172
<i>Ю.А. Рыкунина.</i> «Вы всегда шли от жизни к Богу»: из черновых записей Владимира Гиппиуса	202
<i>Елена Глухова.</i> Андрей Белый и переводы Элліса из Верхарна	208
<i>Д.О. Торшилов.</i> Неизвестный перевод Андрея Белого	225
<i>Н.И. Николаев.</i> Тептелкин и другие в романе Конст. Вагинова «Козлиная песнь»	233
<i>И.С. Булкина.</i> «Пахнут смертью господские Липки...»: О некоторых контекстах «киевского» стихотворения Мандельштама	268
<i>Н.А. Богомолов.</i> Из комментаторских заметок. 4. К публикации статей С.Н. Дурьлина о символизме	277
<i>Р.Д. Тименчик.</i> Заметки комментатора. 5. Казус Пестовского	291

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ

<i>С.Н. Морозов.</i> Проблема датировки прозы И.А. Бунина	317
---	-----

ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

<i>Альбин Конечный.</i> Как всё начиналось	326
--	-----

ФОРУМ

<i>А.М. Ранчин.</i> О новой книге А.Н. Ужанкова и о проблемах изучения «Слова о полку Игореве»	358
---	-----

Contents

FROM THE LITERARY HERITAGE

<i>Andrei Babikov</i> . Resourceful Mnemosyne: Archival materials to the Nabokov's Autobiography	8
<i>Vladimir Nabokov</i> . On "Conclusive Evidence". Transl. from English, notes by <i>A. Babikov</i>	

MEMOIRS. LETTERS. DIARIES

<i>Kristina Sarycheva</i> . Letters to the Teacher: On the Literary Relationship of Innokenty Annensky and Alexander Kondratiev	53
<i>Alexander Sobolev</i> . From the Memories by S. Kara-Murza. [1]	68

BIOGRAFICA

<i>Anton Bakuntsev</i> . Ivan Bunin — a manque editor of the newspaper "Yuzhnoye obozreniye"	124
<i>Tatiana Dvinyatina</i> . The Nobel Year of I.A. Bunin. (Following diaries and family letters)	143

ARTICLES. NOTES. MATERIALS

<i>Vyacheslav Koshelev</i> . "The Bathhouse Paradox": on M.T. Kachenovsky's Literary Reputation	162
<i>Abram Reitblat</i> . Bulgarin and others. 3. F.V. Bulgarin's Letters to Censors	172
<i>Yulia Rykunina</i> . "You Have Always Been Moving from Life to God": from Vladimir Gippius' Draft Manuscripts	202
<i>Elena Glukhova</i> . Andrei Bely and Ellis' Translations of Verhaeren	208
<i>Dmitry Torshilov</i> . Unknown Translation by Andrey Bely	225
<i>Nikolay Nikolaev</i> . Teptelkin and Others in Konstantin Vaginov's "Satyr Chorus"	233
<i>Inna Bulkina</i> . "Pahnut smert'iu gospodskie Lipki": on some contexts of the "Kiev poem" by Osip Mandelstam	268
<i>Nikolay Bogomolov</i> . From the Notes of a Commentator. 4. About S.N. Durylin's Works on Symbolism	277
<i>Roman Timenchik</i> . Notes of a Commentator. 5. The Pestovsky Enigma	291

TEXT STUDIES

<i>Sergey Morozov</i> . The Problem of Dating I.A. Bunin's Prose	317
--	-----

ON THE HISTORY OF ACADEMIC LIFE

<i>Albin Konechnyi</i> . How it all began	326
---	-----

FORUM

<i>Andrey Ranchin</i> . On the new book by A.N. Uzhankov and the study the "Tale of Igor's campaign"	358
--	-----

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-4-8-52

УДК 82(09) Набоков

ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

Находчивая Мнемозина Архивные материалы к мемуарам Набокова

А.А. Бабиков

Аннотация: Настоящая работа посвящена преимущественно начальному этапу сочинения на английском языке мемуарной книги Владимира Набокова «Conclusive Evidence» / «Speak, Memoir» (1951). По переписке Набокова и архивным материалам раскрывается история создания композиции книги, подробно рассмотрен ряд ее предварительных и рабочих названий, включающий ранние мемуарные очерки 30-х годов под названием «It is Me» («Это я») и первое постоянное название «The House Was Here» («Здесь стоял дом»). Контрапунктная структура мемуаров Набокова сопоставлена с его последним русским романом «Дар» и последним оконченным английским романом «Взгляни на арлекинов!» (1974), представляющим собой завершение серии автобиографических произведений Набокова и преобразенное вымыслом продолжение мемуарного проекта писателя. Тексты двух архивных сочинений, вступление к «Здесь стоял дом» и последняя, шестнадцатая глава книги, публикуются в русском переводе с комментариями публикатора.

Ключевые слова: Мемуары В.В. Набокова, архивные материалы, перевод на русский язык, особенности автобиографического повествования, композиция мемуарной книги Набокова, «Conclusive Evidence», «Speak, Memoir», «Другие берега», «Взгляни на арлекинов!».

Информация об авторе: Андрей Александрович Бабиков, исследователь литературы русского зарубежья, Москва, Россия. E-mail: andreybabikov1@gmail.com

Книга воспоминаний Набокова, известная русскому читателю как «Другие берега» (1954), была начата в середине 30-х годов в Европе серией автобиографических очерков на французском и английском языках, претерпела ряд метаморфоз в 40-х годах, печаталась отдельными рассказами в американских журналах с 1943 по 1951 годы, и наконец увидела свет в феврале 1951 года под названием «Conclusive Evidence. A Memoir» («Убедительное дока-

зательство. Автобиография»). Это интригующее заглавие из юридического словаря вскоре, однако, было заменено более броским — «Speak, Memory» («Свидетельствуй, память»), под которым автобиографический роман Набокова издавался до 1966 года, когда вышла его уточненная и дополненная редакция «Speak, Memory. An Autobiography Revisited» («Свидетельствуй, память. Пересмотренная автобиография»). Но и после этого издания Набоков не оставлял мыслей продолжить книгу, упомянув в самом предисловии к нему о намерении однажды написать «Свидетельствуй дальше, память» («Speak on, Memory»), посвященную американским годам его жизни (1940–1960).

В 1973 году он сообщил издательству «McGraw-Hill» о своем определенном желании написать вторую часть воспоминаний — «Свидетельствуй, Америка»: «У меня уже собрана коллекция заметок, дневников, писем и проч., но чтобы как следует описать мои американские годы, потребуются расходы, поскольку мне нужно будет вновь посетить несколько мест в Америке, как, например, Нью-Йорк, Бостон, Итаку, Большой Каньон и еще кое-какие иные западные уголки. Пожалуй, пятнадцати месяцев было бы вполне довольно, чтобы написать эту книгу, которую теперь вижу куда яснее, чем то было прежде. Постараюсь в ней никого не обидеть, так что не придется дожидаться, пока все благополучно отойдут в мир иной»¹.

В силу различных обстоятельств, как случилось и со второй частью «Дара» в начале 40-х годов, этот замысел остался в набросках, но не пропал втуне. *Mutatis mutandis*, американские воспоминания вошли, причудливо преломленные, в последний набоковский *Künstlerroman* «Взгляни на арлекинов!» (1974)². Эти «окольные мемуары», как и «Speak, Memory» / «Другие берега» — род *experimentum crucis*³, и их следует рассматривать в том числе как автокомментарий к его многолетнему биографическому проекту. Так, финал «Арлекинов», с обретенной наконец повествователем

¹ *Nabokov Vladimir. Selected Letters (1940–1977) / Ed. by D. Nabokov and M. J. Vuccoli. Harcourt Brace Jovanovich. San Diego et al. 1989. P. 508.*

² Названный Ю. Левиным «травестийным коррелятом “Других берегов”» (точнее было бы сказать — «Speak, Memory»). (Биспациальность как инвариант поэтического мира В. Набокова // *Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 383.*

³ В письме к Эдмунду Уилсону от 7 апреля 1947 г. Набоков сообщил, что одновременно с «коротким романом о человеке, которому нравились маленькие девочки», он работает над «автобиографией нового вида — научной попыткой обнаружить и ретроспективно проследить все запутанные нити отдельной личности» (*Dear Bunny, Dear Volodya. The Nabokov–Wilson Letters, 1940–1971 / Ed. by S. Karlinsky. California University Press: Berkeley et al., 2001. P. 215.*)

истинной любовью его жизни, названной «Ты», обращен к началу последней главы «Speak, Memory»: «Наш сын растет; розы Пестума, туманного Пестума, отцвели; люди неумные, с большими способностями к математике, лихо добираются до тайных сил природы, которые кроткие, в ореоле седин, и тоже не очень далекие физики предсказали (к тайному своему удивлению)»⁴. В «Арлекинах»:

«Я обратил твое внимание на красоту высоко вьющихся роз. [...] “Все это замечательно, — сказал я, берясь за рычаги своего кресла-каталки, направляясь с твоей помощью обратно в свою палату. — И я благодарен, я тронут, я исцелен! И все же твое объяснение — это лишь тонкий софизм — и ты это знаешь; идея попытаться обратить время — это *trouvaille*; это напоминает (целую руку, опущенную на мой рукав) точную и ясную формулу, которую выводит физик, чтобы люди были счастливы, — до тех пор (зевая, забираясь обратно в постель), пока другой какой-нибудь умник не хватается за мел”»⁵.

Логично, что в списке «Других книг повествователя», приведенном на первой странице «Арлекинов» и имеющим разного рода соответствия с книгами Набокова («Тамара» — «Машенька», «Ардис» — «Ада» и т.п.), не хватает одного важного сочинения — «Speak, Memory», замещенного этими самыми квазимемуарами «Взгляни на арлекинов!» (только у этих двух из всех — названия-обращения). Помимо проблемы раскрытия уникального узора судьбы героя, обе книги посвящены теме влияния любви на искусство и давно занимавшей Набокова загадке пространства и времени, о которой говорится в конце «Других берегов»: «Что-то заставляет меня как можно сознательнее примеривать личную любовь к безличным и неизмеримым величинам, — к пустотам между звезд, к туманностям [...] к ужасным западным вечности, ко всей этой беспомощности, холоду, головокружению, крутизнам времени и пространства, непонятым образам переходящим одно в другое».

Очевидно, что проект продолжения книги воспоминаний Набоков сначала отложил, а позднее и вовсе отменил из-за сочинения этого остроумного эпилога к длинному ряду своих автобиографических вещей, от «Машеньки» до «Пнина». Его могло остановить, кроме прочего, соображение, что вторая часть воспоминаний уже не сможет взять начало из того тематического центра

⁴ Здесь и далее цитаты из «Других берегов» приводятся по изданию: *Набоков В.* Собр. соч. русского периода: В 5 т. / Сост. Н.И. Артеменко-Толстой. СПб.: Симпозиум, 2000. Т. 5.

⁵ *Набоков В.* Взгляни на арлекинов! / Перевел и снабдил прим. А. Бабинов. Изд. 4-е, уточн. и доп. СПб.: Азбука, 2016. С. 264–266. О некоторых особенностях отражения автобиографии в последнем романе Набокова см.: *Couturier M.* La figure de l’auteur. Paris: Seuil, 1995.

спирали, из которого, расширяясь с каждой главой, берут начало «Другие берега» — из его детства.

Мемуары Набокова изучены довольно основательно⁶ и здесь нет нужды излагать все перипетии этого сложного замысла; однако о некоторых их сторонах и промежуточных стадиях по-прежнему известно немного.

Одной из таких лагун является тот этап создававшейся книги, когда она носила совсем иное название — «The House Was Here» («Здесь стоял дом») и имела короткое лирическое вступление, сохранившееся в вашингтонском архиве писателя⁷. Первым предварительным или рабочим заглавием книги было «Solus Rex» («Одинокий Король» — из книги «Термины и темы шахматных задач» новозеландского шахматного композитора Стюарта Блэкберна⁸) — название последнего неоконченного русского романа Набокова, который начал печататься еще в парижских «Современных Записках» (1940), но после переезда Набокова в Америку продолжен не был. С ним связано самое первое известное нам общее описание замысла автобиографии в письме Набокова от 22 сентября 1946 года к редактору издательства «Doubleday», в котором и возникает этот термин шахматной композиции в качестве пробного названия книги:

⁶ См.: Бойд Б. Владимир Набоков. Американские годы. СПб.: Симпозиум, 2010. С. 171–198; *Diment Galya*. Vladimir Nabokov and the Art of Autobiography // Nabokov and His Fiction. New Perspectives / Ed. by J. Connolly. Cambridge University Press, 1993. P. 36–53; *Nivat George*. Speak, Memory // The Garland Companion to Vladimir Nabokov / Ed. by V.E. Alexandrov. New York, 1995. P. 672–685; *Diment Galya*. Nabokov's biographical impulse: art of writing lives // The Cambridge Companion to Nabokov / Ed. by J. Connolly. Cambridge University Press, 2005. P. 170–184; Маликова М., Трезьяк Джоанна. Сквозняк из прошлого // Звезда. 1999. № 4. С. 81–91 (с переводом отрывков из 16-ой гл. «Убедительного доказательства»); Маликова М. Набоков: Автобиография. СПб.: Академический проект, 2002; Васильева Е.В. Автобиографическая проза Набокова «Conclusive Evidence», «Другие берега», «Speak, Memory!» <sic!>: история создания, художественная и жанровая специфика. Диссертация на соискание ученой степени к. ф. н. Томск, 2005.

⁷ Бойд приводит его в примечаниях к «Speak, Memory»: *Nabokov Vladimir*. Novels and Memoirs 1941–1951 / Ed. by Brian Boyd. New York: The Library of America, 1996. P. 695.

⁸ *Blackburne S.S.* Terms and Themes of Chess Problems. London: George Routledge & Sons, 1907. P. 31: «If the King is the only Black man on the board, the problem is said to be of the “Solus Rex” variety» («Если единственной черной фигурой на доске остается король, такая задача относится к типу “Solus Rex”»). На этот источник указал Набоков в примечании к английскому переводу «Solus Rex». Ср. паронюмию в названии книги Блэкберна, а также: *Miles John A.* Poems and Chess Problems (1882) с заглавием сб. стихов и шахматных задач Набокова «Poems and Problems» (1969).

«Это будет автобиография нового типа, или скорее гибрид автобиографии и романа. От последнего в ней — наличие определенного сюжета. Из разных пластов личного прошлого будут образованы как бы берега, между которыми устремится поток физических и ментальных приключений. Предполагается изображение множества различных стран и людей, а также образов жизни. Мне трудно изложить замысел более точно. Поскольку мой метод совершенно нов, я не могу прикрепить к нему расхожего ярлыка из тех, что мы обсуждали. Если начну рассказывать подробно, то неизбежно соскользну к таким выражениям как “психологический роман” или “детектив”, в котором разыскивается прошлое человека, что не передаст ощущения новизны и открытия, которые отличают мою книгу, как я вижу ее в своем сознании. Это будет последовательный ряд коротких отрывков, напоминающих эссе, которые вдруг начинают набирать движущую силу и складываться во что-то весьма причудливое и динамичное: невинные как будто составные части совершенно неожиданного варева⁹. Уверен, что смогу написать эту книгу за 1½–2 года. [...] Мне очень дорого Ваше внимание к моему сочинению. Не сомневаюсь, что Вы отметите его непреходящую ценность. С этой точки зрения “Solus Rex” (я, вероятно, сменю название) — беспроегрешный вариант¹⁰».

Действительно, Набоков вскоре сменил это название, отбрасывающее длинную тень в его русское литературное прошлое, и «книга в работе» получила новое предварительное заглавие — «The Person in Question», также не без юридического оттенка («Обсуждаемое лицо», «Тот самый», «Данное лицо» и т. п.), о чем Набоков написал 7 апреля 1947 года Эдмунду Уилсону.

После «Солус Рекс’а» и «Данного лица», Набоков, судя по всему, отказался от мысли связывать название автобиографии, вос-

⁹ В этом отношении мемуары Набокова близки по своему устройству «Поискам» Пруста. Ср. замечание С. Бочарова: «Сочинение Пруста так легко воспринять как сплошной поток воспоминаний и впечатлений, слабо организованное собрание фрагментов и тонких замечаний, за которыми очень непросто разглядеть “единый замысел” и направляющие линии большой книги. Ничто не доставляло большего огорчения и досады автору, чем подобное понимание его труда. “То, что критики называют произведением без композиции, пишущимся по прихоти воспоминаний” — писал он 24 сентября 1919 Франсуа Мориаку и 10 ноября того же года Полю Судэ: “Я нахожу читателей, воображающих, будто я пишу, предаваясь случайным и произвольным ассоциациям идей, историю собственной жизни”. Жаку Ривьеру 7 февраля 1914 (после выхода первого тома, “В сторону Свана”, который читатели и критики особенно склонны были рассматривать как воспоминания): “Наконец, я нахожу читателя, *угадавшего*, что моя книга — догматическое сочинение, что это конструкция!”» (О «конструкции» книги Пруста // *Бочаров С.Г.* Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 404).

¹⁰ *Nabokov V.* Selected Letters. P. 69–70.

ходящее к его начальному мемуарному очерку середины 30-х годов «It is Me» («Это я»), с персоной самого мемуариста. Тогда-то и возникло отвлеченно-ностальгическое «The House Was Here».

В доступных нам источниках это название встречается лишь однажды в письме Набокова к сестре Елене от 6 декабря 1949 года, где оно приводится без каких-либо оговорок — предварительное, рабочее и т.п.: «У меня уже готовы тринадцать глав моей книги “The House Was Here” (большинство из них печаталось или будут печататься в *New Yorker*’е. А выйдет у Harpers Brothers)»¹¹. Несколько дней спустя Набоков написал о том же своему другу и редактору «Опытов» Роману Гринбергу, не упомянув названия книги: «Я как Боборькин пишу много и хорошо, кончаю книжку свою автобиографическую, только что в *New Yorker*’е (на прошлой неделе) появилась глава “Тамара” и еще продал две штуки»¹². По прошествии восьми месяцев он сообщил сестре (3 августа 1950 года), что автобиография получила другое название: «Моя книжка выйдет в январе у Harpers и будет называться “Conclusive Evidence”»¹³.

Отсюда можно заключить, что книга носила название «Здесь стоял дом» недолго, вероятно, меньше года, и что таковым, по-видимому, было ее самое первое постоянное заглавие. Но примечательно, что и позднее, вплоть до середины 50-х годов, ее имя (и английское и русское) оставалось или не вполне определенным или не удовлетворяющим автора¹⁴. 22 марта 1951 года, уже после выхода в Америке «Conclusive Evidence», Набоков предлагал своему британскому издателю на выбор несколько названий: «Кромка радуги», «Улики» / «Путеводные нити»¹⁵, «Свидетельствуй,

¹¹ *Набоков В.* Переписка с сестрой. Ann Arbor: Ardis, 1985. С. 59.

¹² «Дребезжание моих ржавых русских струн...» Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940–1967) / Публ., пред., комм. Р. Янгирова // In memoriam. Исторический сборник памяти А.И. Добкина / Сост. В.Е. Аллой, Т.Б. Притыкина. СПб., Париж: Феникс — Atheneum, 2000. С. 365.

¹³ Переписка с сестрой. С. 62–63.

¹⁴ Осенью 1950 г. Набоков писал Р. Гринбергу, что название «Conclusive Evidence» Уилсон не одобрил, а ему самому «нравится — философски-оправданно и есть музыкальный холодок» (Друзья, бабочки и монстры. Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом (1943–1967) / Публ., комм. Р. Янгирова // Диаспора. Новые материалы. [Вып.] I. СПб., Париж: Феникс — Atheneum, 2001. С. 496).

¹⁵ Это название («Clues» — ключи к разгадке, ход мыслей, улики, путеводные нити) могло бы кое-что сказать и русскому читателю, напоминая «Улику» (1922) В. Ходасевича, где деталью, уличающей поэта «в нездешнем счастье», оказывается «тонкий, длинный» волос возлюбленной/музы. Ср. в стихотворении Набокова «Вечер на пустыре» (1932) о поэтическом вдохно-

Мнемозина!», «Грань призмы» (название романа Севастьяна Найта), «Линялое перо» (из концовки стихотворения Роберта Браунинга «Памятные вещи», 1855, и с намеком на перемену языка с русского на английский), «Дебют Набокова» (шахматный термин, напоминающий о первой большой удаче Набокова — «Защите Лужина») и «Эмблемата»¹⁶. В письме к Уилсону два дня спустя он сообщал, что для книги воспоминаний искал самое отвлеченное из возможных названий, а кроме того, подбирал разные короткие имена, упомянув те же «Улики» (одно из значений термина «conclusive evidence» — решающая улика) и одно новое: «Ловля ночниц»¹⁷. В предисловии к «Speak, Memoгу» Набоков указывает еще одно пробное название — «Антемион», «орнамент, состоящий из искусно сплетенных расширяющихся кистей жимолости», — которое «никому не пришлось по душе»¹⁸.

В первой публикации глав из русского перевода «Conclusive Evidence» в журнале «Опыты» (№ 3, Нью-Йорк, 1954) они еще не имеют привычного теперь названия «Другие берега» и напечатаны под традиционным жанровым определением: «Воспоминания». Что русская редакция книги, как до того ее оригинал, долго

вании: «череп счастья, тонкий, длинный, / вроде черепа борзой». К «отрывкам из автобиографии» Ходасевича «Младенчество» (1933), где он пишет, что с ранней сцены, сохранившейся в его памяти, когда стоявший у входа в парк городской поцеловал его руку, «начинается моя жизнь, ибо с нее начинается мое сознание» (*Ходасевич В.* Собр. соч.: В 4 т. М.: Согласие, 1997. Т. 4. С. 194), обращено то место в первой гл. «Других берегов», где Набоков рассказывает о своем осознании возрастов родителей, когда они держали его за руки «на парковой тропе» и «в тумане [...] младенчества» он пережил свое «второе крещение» и «зарождение чувственной жизни». Причем, описывая отца, Набоков особо отмечает, что в тот день он надел военную форму.

¹⁶ *Nabokov V.* Selected Letters. P. 118–119. «Nabokov's Opening» — многозначное название («opening» имеет значения «вступление», «отправная точка», «премьера» или «открытие», в юриспруденции — «предварительное изложение дела защитником» и т.д.), которому отчасти могло бы соответствовать «Начало Набокова» (в шахматах «начало» — равнозначный дебюту термин) с богатой игрой слов в различных планах и смыслах.

¹⁷ Dear Bunny, Dear Volodya. The Nabokov–Wilson Letters. P. 288. В оригинале: «Nothing», представляющее собой старый энтомологический термин, образованный от «moth» — ночная бабочка, мотылек, и «hunting» — охота. Вместе с тем, Набоков имел в виду игру слов: «nothing» — «nothing» (ничего, ничто). Первый из написанных им в Америке романов «Под знаком незаконнорожденных» (1947) завершается так: «A good night for nothing» (с подразумеваемым выражением «good for nothing» — никчемный), что можно передать лишь в той или иной мере остроумной русской игрой слов: «Никчемная ночь для ловли ночниц» и т. п.

¹⁸ *Nabokov V.* Speak, Memory. An Autobiography Revisited. New York: Penguin Books, 1969. P. 8.

не могла обрести заглавия, следует из письма Набокова от 27 апреля 1954 года к редактору «Нового журнала» М.М. Карповичу, взявшему главы его воспоминаний для своего журнала:

«Книгу я назвал “Другие Берега” (из пушкинского “Вновь я посетил”)¹⁹, решив игнорировать “Берега” г-жи Прегель²⁰ и забыть “С Другого Берега” Герцена²¹. “Мнемозина” мне очень нравится (я назвал книгу в английском издании “Спик, Немосине”²²), но все мне говорят, что во-первых, был журнал “Мнемозина”, а во-вторых, что это слишком туманно. Назвать же “Голос Мнемозины” или как-нибудь в таком роде, мне кажется искусственным»²³.

Таким образом, известные нам предварительные и окончательные названия мемуарной книги распадаются на три основных вида:

1) Относящиеся к личности автора: «It is Me», «Solus Rex» (с подразумеваемым «королевством» прошлого и одиночеством/исключительностью автора), «The Person in Question» (с подразумеваемой проблемой изображения «истинной жизни»), «Nabokov’s Opening» (с намеком на новизну подхода к мемуарному жанру);

2) Характеризующие содержание или структуру книги: «The House Was Here», «Clues», «The Rainbow Edge», «The Prismatic Edge», «The Moulded Feather», «Emblemata», «Mothing», «Anthemi-on», «Conclusive Evidence», «Другие берега»;

3) Названия-обращения, определяющие мемуарный характер книги: «Speak, Mnemosyne!», «Speak, Memory».

¹⁹ Над словом «Другие» карандашом вписано «Иные», возможно, рукою Карповича, имевшего в виду, что у Пушкина в этих стихах «Иные берега, иные волны...»

²⁰ Четвертая книга стихов Софии Прегель (Париж: Новоселье, 1953).

²¹ Русское название этой книги, изданной сперва на немецком — «С того берега» (1855). Слова Герцена из обращения «к друзьям на Руси» в начале книги мог бы сто лет спустя повторить и Набоков в «Других берегах»: «Непреодолимое отвращение и сильный внутренний голос, что-то пророчащий, не позволяют мне переступить границу России» (*Герцен А.И.* Соч.: В 2-х т. М.: Мысль, 1986. Т. 2. С. 6).

²² Одобренное сперва английским издателем, название «Speak, Mnemosyne!» (с восклицанием), с его пунктирной линией к «полу-Мнемозине» Зине Мерц в «Даре», в конце концов также было отвергнуто из-за опасений, что читатели, боясь неверно произнести редкое слово и оказаться в глупом положении (имя богини памяти и матери муз произносится «нимозини»), не будут заказывать эту книгу.

²³ Письма Владимира и Веры Набоковых к Михаилу и Татьяне Карпович (1933–1959), Публ., прим. А. Бабикова (в печати). Несколько ранее, в феврале, Набоков написал Т. Карпович о готовящемся выходе книги: «Вы скоро получите, если еще не получили, мою книжечку. Не удивляйтесь короне на обложке, это затея моего издателя, и я себя утешаю тем, что это бумажное пальтишко скоро изнашивается и выбрасывается».

Следующие группы составляют названия:

- a) «Шахматные»: «Solus Rex», «Nabokov's Opening»;
- b) «Юридические»: «The Person in Question», «Clues», «Conclusive Evidence»;
- c) Ностальгически окрашенные и названия-обращения: «The House Was Here», «Speak, Mnemosyne!», «Speak, Memory», «Другие берега»;
- d) Отвлеченно-тематические: «The Rainbow Edge», «The Prismatic Edge», «The Moulded Feather», «Anthemion», «Emblemata», «Nothing»;
- e) «Энтомологические», симметричные двум «шахматным» названиям: «Speak, Mnemosyne!» (с подразумеваемым «черным» аполлоном — Parnassius mnemosyne, упомянутым в гл. 10 «Других берегов») и «Nothing».

Приведенные названия, кроме того, делятся на специальные (группы «a», «b», а также «Anthemion», «Nothing» и «Emblemata») и общие («c», «d», исключая последние три). Как можно видеть, совершенно отказавшись от названий из четвертой группы, Набоков сперва взял заглавие из «ностальгической» группы («The House Was Here»), поменял его на «юридическое» («Conclusive Evidence») ²⁴, выбрал «энтомологическое» («Speak, Mnemosyne!», единственное, относящееся к двум группам и отчасти специальное) и затем вновь вернулся к ностальгически-нейтральному («Speak, Memory»), которое в русской версии мемуаров утрачивает обращение и получает значительно более отвлеченные коннотации и, следовательно, восходит к первому постоянному «ностальгическому» названию (с семантическими переходами: «берега» — «house/дом»; «другие», с подразумеваемой ассоциацией «там»/«тот берег», — «here/здесь», с подразумеваемым: «на родине», «на этом берегу»).

Итак, вот это отставленное, но сохраненное Набоковым вступление.


[Отвергнутое вступление к «Убедительному доказательству», когда книга предварительно называлась «Здесь стоял дом»] ²⁵

Здесь дом стоял. Прямо здесь. Я не мог и представить, что место способно измениться до неузнаваемости с 1917 года. Ужасно — я ничего не узнаю. Нет нужды идти дальше. Прости меня, Хопкинсон,

²⁴ Это название привлекало его своими перетекающими «ive — evi» (с подписью-криптономом: V.V. и инициалами двух имен: «Vladimir» и «Véra»). Кроме того, Набокову, возможно, нравилось сквозящее в «conclusive» слово «elusive» — неуловимый, ускользающий (из памяти), ненадежный, что ведет к *elusive evidence* (мнимое доказательство). Ср. восклицание в его стихах «On Translating “Eugene Onegin”» (1955): «Elusive Pushkin!».

²⁵ Поздняя английская пометка рукой Набокова. Скобки принадлежат Набокову.

[discarded introduction to
 "Conclusive Evidence" where
 the title was tentatively
 "The House Was Here"]


The house was here. ~~It~~ here. I never imagined
the place would have changed so completely since
nineteen seventeen. How dreadful -- I don't
recognize a thing. No use walking any farther. Sorry,
Hopkinson, to have made you come such a long way. I
had been looking forward to a perfect orgy of
nostalgia and recognition! That man over there seems
to be growing suspicious. Speak to him. ~~Twisti~~ Twisti.
Amerikantsi
~~Ch, wait a minute. Tell him I am a ghost.~~
You surely know the Russian for "ghost"². Mehta.
Prizrak. Metafisicheskly kapitalist. Run, Hopkinson!

*что заставил тебя тащиться в такую даль. А я-то предвкушал на-
стоящую оргию ностальгии и воспоминаний! Тот человек, поодаль, он,
кажется, что-то заподозрил. Поговори с ним. Туристы. Американцы
[Turisti. Amerikantsi]. Нет, погоди. Скажи ему, что я призрак. Ты ведь
знаешь, как сказать по-русски «ghost»? Мечта. Призрак. Метафизиче-
ский капиталист. Беги, Хопкинсон!*

[Не датировано и не подписано.
Ок. декабря 1949 г.]

Слова «Turisti», «Amerikantsi» вписаны Набоковым в машинописный текст по разработанной им в 40-е годы системе транслитерации; слова «Mechta. Prizrak. Metafisischeskiy (через «s») kapitalist» («метафизический капиталист» представляет собой иронический оксюморон к классовой концепции марксизма, отрицающей метафизику и признающей лишь материалистический взгляд на вещи; Набоков выстраивает следующий ассоциативно-смысловый ряд: мечта, призрак — метафизика; американец — капиталист; призрачный американец — метафизический капиталист) напечатаны без подчеркивания, обозначающего у Набокова указание набирать курсивом, в отличие от остального текста.

Переход от курсива — английского текста — к прямым строкам русского имеет символическое значение, как знак перехода с одного строя мыслей и слога на другой, природный. Этот штрих нашел применение в предисловии к «Другим берегам»: «Предлагаемая русская книга относится к английскому тексту, как прописные буквы к курсиву, или как относится к стилизованному профилю в упор глядящее лицо [...]». Примечательно и то, что отвергнув это вступление, Набоков все же не отказался в предисловии от короткой лирической виньетки с русским пейзажем и попутчиком (под инициалом N. — авторская подпись), поместив ее сразу же после слов о курсиве, хотя и придал ей несколько иное тематическое и эмоциональное содержание:

«...в упор глядящее лицо: “Позвольте представиться, — сказал попутчик мой без улыбки. — Моя фамилья N.”. Мы разговорились. Незаметно пролетела дорожная ночь. “Так-то сударь”», — закончил он со вздохом. За окном вагона уже дымился ненастный день, мелькали печальные перелески, белело небо над каким-то пригородом, там и сям еще горели, или уже зажглись, окна в отдаленных домах...»

Еще одна связующая нить отвергнутого вступления с опубликованной автобиографией — мотив призрачного представителя автора, совершающего воображаемую ретроспективную прогулку к родовому имению. В главе 11 «Других берегов» Набоков задается вопросом о возможности своей поездки в СССР — в образе постаревшего Рип ван Винкля (поездки, которая будет затем визионерски описана в «Арлекинах») и под прозрачным псевдони-

мом: «Каково было бы в самом деле увидеть опять Выру и Рождественно, мне трудно представить себе, несмотря на большой опыт. Часто думаю: вот, съезжу туда с подложным паспортом, под фамилией Никербокер. Это можно было бы сделать». Однако картина такого воображаемого посещения родных мест содержится в самой книге, причем в пятой главе ее русской версии Набоков еще значительно усиливает этот мотив. Описывая в «Других берегах» прибытие швейцарской гувернантки, он вспоминает:

«Я не поехал встречать ее на Сиверскую, железнодорожную остановку в девяти верстах от нас; но теперь высылаю туда *призрачного представителя*, и *через него* вижу ясно, как она выходит из желтого вагона в сумеречную глушь небольшой оснеженной станции в глубине гиперборейской страны и что она чувствует при этом. [...] *Бесплотный представитель* автора предлагает ей невидимую руку. [...] Совершенно прелестно, совершенно безлюдно. Но что же я-то тут делаю, посреди стереоскопической феерии? Как попал я сюда? Точно в дурном сне, удалились сани, оставив стоящего на *страшном* русском снегу моего *двойника* в американском пальто на викуньевом меху. Саней нет как нет; бубенчики их — лишь раковинный звон крови у меня в ушах. *Домой* — за *спасительный* океан! Однако *двойник* медлит. Все тихо, все околдовано светлым диском над русской пустыней моего прошлого. Снег — настоящий на ощупь; и когда наклоняюсь, чтобы набрать его в горсть, полвека жизни рассыпается морозной пылью у меня промеж пальцев» (курсив мой. — А.Б.).

Восклицание «Домой — за спасительный океан!» представляет собой парафраз последних слов отвергнутого вступления: «Беги, Хопкинсон!» Разумеется, Хопкинсон здесь и есть двойник автора, его представитель, американский alter ego Набокова с историческим именем (эссеист и композитор Фрэнсис Хопкинсон, 1737–1791, создавший изображение первого официального американского флага и подписавший Декларацию независимости Соединенных Штатов), что напоминает сочиненную Набоковым во время работы над автобиографией поэму «К кн. С.М. Качурину» (1947), в которой он описывает свой приезд в СССР под видом американского священника²⁶: «Мне *страшно*. <...> Мне хочется *домой*. Довольно. / Качурин, можно мне *домой*? / В пампасы молодости *вольной*, / в *техасы*, найденные мной» (курсив мой. — А.Б.). В позднем примечании к поэме Набоков сообщает краткие био-

²⁶ Ср. упоминание в «Других берегах» (гл. 12) и «Лолите» (Ч. II, гл. 32) английского поэта и католического священника Джерарда Мэнли Хопкинса (Hopkins, 1844–1889), в «Speak, Memoгу» отсутствующего. Древняя англосаксонская фамилия Hopkinson не имеет никакого отношения к англ. hope (надежда), как полагает М. Маликова (Примечания // *Набоков В.* Собр. соч. русского периода. Т. 5. С. 713), но происходит от Hobb — домашней формы имени Роберт, с присоединением уменьшительного суффикса «kin».

графические сведения о вымышленном князе Качурине (анаграмма княжеского рода Акчуриных): «Качурин, Стефан Мстиславович. Мой бедный друг, бывший полковник белой армии, умерший несколько лет тому назад в монастыре на Аляске. Только золотым сердцем, ограниченными умственными способностями и старческим оптимизмом можно оправдать то, что он присоветовал описываемое здесь путешествие. Его дочь вышла замуж за композитора Торнитсена»²⁷.

В поздней английской редакции автобиографии пассаж о призрачном посещении родных мест не содержит этой отчаянной ноты или ноты отчаяния. Как не имеет и «раковинного звона», напоминающего строки Владислава Ходасевича о берегах Коцита (и добавляющего еще один ассоциативный ряд к набоковскому выбору многозначного русского заглавия книги): «[...] Живи на берегу угрюмом. / Там, раковины приложив к ушам, внемли плененным шумам — / Проникни в отдаленный мир: глухой старик ворчит сердито, / Ладыя скрипит, шуршит весло, да вопли — с берегов Коцита» («Душа», 1908. Курсив мой. — А.Б.). Вот это место из английской версии в нашем переводе:

«Как попал я сюда? Незаметно двое саней скрылись из глаз, оставив позади беспаспортного соглядата, стоящего на голубовато-белой дороге в новоанглийских зимних ботинках и ветронепроницаемом пальто с меховым воротником. Затихающие вдали бубенчики их — лишь пение моей старческой крови. Все тихо, все околдовано, зачаровано луной — иллюзорная картина в зеркале заднего вида. Хотя снег — настоящий на ощупь; и когда наклоняюсь, чтобы набрать его в горсть, шестьдесят лет рассыпаются морозной пылью у меня промеж пальцев»²⁸.

Тщательное сопоставление всех трех основных редакций набоковских воспоминаний («Убедительное доказательство», 1951, —

²⁷ Набоков В. Стихи. Анн Арбор: Ардис, 1979. С. 320. «Кн. Качурин» отсылает читателя к «генералу Качурину» в третьей главе «Дара», автору романа «Красная княжна». Его образ, однако, здесь уже иной: теперь это друг автора, которому он пишет послание. Его отчество обращено к учителю детских лет и старшему другу Набокова Мстиславу Добужинскому, чей мемуарный очерк, напечатанный в «Новом Журнале» в 1942 г., Набоков назвал очаровательным (см.: Переписка Владимира Набокова с М.В. Добужинским / Публ. В. Старка // Звезда. 1996. № 11. С. 99). Упоминание композитора также указывает на Добужинского, предложившего Набокову в 1943 г. написать либретто по «Идиоту» Достоевского для композитора А. Лурье (там же. С. 100). Вместе с тем, смерть набоковского адресата в «монастыре на Аляске», бывшей русской территории, намекает на судьбу многих русских аристократов в СССР, например, кн. Д. Святополка-Мирского, воевавшего на стороне белых, сделавшего научную карьеру в эмиграции, а после возвращения в Россию осужденного и умершего в лагере под Магаданом.

²⁸ Nabokov V. Speak, Memory. An Autobiography Revisited. P. 78.

«Другие берега», 1954, — «Свидетельствуй, память», 1966) и сопутствующих им материалов позволило бы сделать важные заключения о принципах отбора и применения тех или иных тем, метафор, аллюзий и приемов для русского и английского читателей²⁹. Такому исследованию, однако, должно предшествовать изучение черновых и отвергнутых вариантов рукописей английского оригинала и русского перевода книги, из которых следует, что текст претерпевал значительные изменения на поздних стадиях работы. К примеру, в десятой главе воспоминаний Набоков описывает купание Поленьки:

«Мокрая, ахающая, задыхающаяся, с соплей под курносым носом, с крутыми детскими ребрами, резко намеченными под бледной, пупырчатой от холода кожей, с забрызганными черной грязью икрами, с круглым гребнем, горевшим в темных от влаги волосах, она спасалась от бритоголовой, тугопузой девчонки и бесстыдно возбужденного мальчишки с тесемкой вокруг чресл (кажется, против глазу), которые приставали к ней, хлеща и шлепая по воде вырванными стеблями водяных лилий».

В английской версии книги следует продолжение, в «Других берегах» — нет. Однако в вашингтонском архиве писателя сохранилась правленая машинопись его собственноручного перевода, в котором это продолжение, изложенное несколько иначе, чем в английском оригинале, и впоследствии вовсе отвергнутое, имеется:

«[...] и на одно мгновение — раньше, чем я отступил в каком-то дурмане гадливости и вожделения — я успел увидеть, как эта чужая Поленька, дрожа и стуча зубами, присела на корточки у края полусгнившей пристани, и, локтями полуприкрыв грудь от ветра, показала своим последователям кончик языка».

2

Другой важный архивный текст к мемуарам Набокова, которому не было уделено должного внимания, — написанная в апреле–мае 1950 года заключительная 16-ая глава книги (в английской версии воспоминаний всего пятнадцать глав, в русской — четырнадцать), машинопись которой (восемнадцать страниц беловика с х-образными вычерками и несколькими лакунами в указании

²⁹ Некоторые справедливые замечания и соположения по этой части сделаны Е.В. Васильевой в ее диссертации, однако ее переводы английских фрагментов из различных версий автобиографии часто вызывают недоумение. Так, Цинциннат становится у нее «повстанцем», заключенным «в наmaleванную крепость сборищем шутов и нелепиц <sic!> коммунистического толка» (указ. соч., с. 125), тогда как у Набокова сказано: «бунтарь, заключенный в живописную крепость с видовой открытки шутами и подонками коммунистического государства [Communist state]».

имен) хранится в том же вашингтонском собрании рукописей. До последних недель, если не дней завершения книги, подготовки ее к печати и поиска подходящего заглавия, варьировалась и видоизменялась ее структура. В письме к редактору «New Yorker'a» Катарине Уайт от 27 ноября 1949 года Набоков составил список глав, которые должны были войти в книгу. Глава 15-ая в этом списке названа «Второе лицо», глава 16-ая — «Третье лицо». «Последняя, — пишет Набоков, — на мой взгляд, самая важная из всех (собственно, при сочинении книги я все время имел в виду этот финал и вершину), поскольку в ней тщательно собраны и рассмотрены (вымышленным рецензентом) различные темы, проходящие через всю книгу — все запутанные нити, за которыми я с таким усердием следую в каждой главе. Между прочим, эта глава включает в себя кое-какие очень милые детали, имеющие отношение к моему упоительному сотрудничеству с “Нью Йоркером”. Я, впрочем, не думаю, что эта последняя глава подойдет для отдельной журнальной публикации. Все это должно оставаться стро-го между нами»³⁰.

Не смотря на слова о «вершине», которой должна была стать 16-ая глава, восемь месяцев спустя Набоков уже сомневался в том, что ей вообще есть место в книге, что следует из его письма к редактору издательства «Harper» Дж. Фишеру от 20 июля 1950 года:

«С этим письмом шлю последнюю (XVI) главу, относительно помещения которой в книгу мне трудно принять решение. Я посылаю ее Вам, главным образом, по той причине, что она содержит, кроме прочего, всё, что стоит сказать в рекламной аннотации. “Рецензент” и “Г-жа Браун”, разумеется, вымышлены, и такого сочинения “Когда сирень цвела” не существует. Если эта глава все-таки появится в книге, стоящие в скобках слова “слон на с2” на с. 219 придется, разумеется, исключить»³¹. Я весьма доволен этой 16-ой главой, но по некоторым соображениям все еще колеблюсь завершать ею свои воспоминания. Как бы там ни было, Ваш рекламщик волен выудить из нее все, что сочтет нужным. Я бы хотел, чтобы аннотация была настолько прозаичной и строгой, насколько это возможно: в конечном счете, читатель узнает об авторе из самой книги»³².

Все же отвергнутая и неизвестная до 1999 года, когда она с сокращениями была напечатана в «Нью Йоркере»³³, последняя

³⁰ *Nabokov V. Selected Letters*. P. 95.

³¹ В архивном тексте 16-ой главы в решении шахматной задачи указано лишь, что ход делает слон, но на какое поле, не сказано. Эта деталь, а также пропуск в имени некоего чешского друга Кафки, позволяют заключить, что Набоков послал Фишеру более позднюю редакцию этого текста, которой в архиве Набокова не обнаружено.

³² *Nabokov V. Selected Letters*. P. 105.

³³ В том же году ее текст был напечатан в издании: *Nabokov Vladimir. Speak, Memory. An Autobiography Revisited* / Ed. by Brian Boyd. New York et

глава «Убедительного доказательства» долгое время являлась важным структурным элементом книги и ее исключение стало главным решением Набокова в отношении его автобиографического замысла.

Оценивая различные частности этого сочинения и его место в мемуарах Набокова, прежде всего следует обратить внимание на избранную для него форму рецензии и на фигуру его номинального автора — безымянного американского рецензента. Этот необыкновенно осведомленный рецензент с его собственными непрошенными воспоминаниями, неумеренными похвалами и пристрастными оценками, твердящий о несуществующей Барбаре Браун и ее прекрасной книге «Когда сирень цвела» (название взято из Уитмена³⁴), который к тому же оказывается редактором мемуаров Набокова в «Нью Йоркере» и едва сдерживается, чтобы не перейти к рассказу о себе и своих заслугах, предстает прообразом Чарльза Кинбота из «Бледного огня», уверенного в том, что именно он направлял перо Джона Шейда и блестяще подготовил к публикации его поэму. С другой стороны, в отношении дидактических и социальных ноток «рецензии», образ «рецензента» напоминает Джона Рэя, редактора манускрипта «Лолиты» и автора предисловия к ней³⁵.

al.: Alfred A. Knopf. Everyman's Library. P. 245–262. См. предисловие Бойда в этом издании (р. ix–xxv); в переводе С. Ильина: *Набоков В. Убедительное доказательство // Иностранная литература*. 1999. № 12. С. 136–145 (воспроизведен в: *Маликова М. Набоков: Авто-био-графия*. С. 217–232).

³⁴ «When Lilacs Last in the Dooryard Bloom'd» (1865, «Когда во дворе перед домом цвела этой весной сирень» — в переводе К.И. Чуковского). Очевидно, что Набокову для названия книги американки Барбары Браун нужна была хрестоматийная строка из американского поэта, к тому же связанная с американской историей (эти стихи Уитмена посвящены убитому в апреле президенту Линкольну). Кроме того, по наблюдению Б. Каца, «сирень» нередко возникает в русских стихах самого Набокова, служа авторской подписью и графически напоминая его русский псевдоним, особенно в дореформенном написании: «Сиринь» («Ехегі monumentum» Владимира Набокова: к прочтению стихотворения «Какое сделал я дурное дело...» // *Литературное обозрение*. 1999. № 2. С. 76). Той же цели, по-видимому, служат навязчивый образ сирени и преобладающая лилово-розовая гамма в «Арлекинах», где упоминается (несуществующая) картина Серова «Сирень с пятью лепестками», где Вадим Вадимович приезжает в Ленинград в пору цветения сирени, а на обратном пути знакомится с пожилой американкой с розово-лиловыми морщинами «мисс Сиренефф (ее почти невероятное имя)» (в оригинале «miss Havemayer», что указывает на сорт сирени «Katherine Havemeyer»).

³⁵ Стоит отметить, что и сам Набоков ко времени завершения автобиографии уже мог бы именоваться «американским рецензентом», написавшим с 1940 г. несколько отзывов и в том числе на английский перевод мемуарной книги Сергея Лифаря «Дягилев и с Дягилевым» (1939).

Что же касается избранной Набоковым формы, то прием введения мистифицирующей читателя «рецензии» в само сочинение и передача полномочий рассказчика анонимному редактору или критику имел в первую очередь мощное оградительное значение в подразумеваемой оппозиции: мемуарист / публика, защищая неприкосновенность личной жизни автора. Он, кроме того, создавал эффект двойной экспозиции и переводил всю книгу из разряда non-fiction в разряд просто fiction. За десять лет до «Убедительного доказательства» Набоков поместил фиктивные рецензии на «Жизнь Чернышевского» в «Дар», а двадцать лет спустя использовал вариацию этого приема, вставив в окончание «Ады» (1969) рекламную аннотацию об этой «Хронике одного семейства», в которой также дается беглый перечень основных тем книги, а «воспоминания» Вана Вина³⁶ сравниваются с «Детством» Толстого:

«Ардис Холл» — арки и парки Ардиса — вот лейтмотив, пронизывающий «Аду», обширную и восхитительную хронику, действие которой проходит главным образом в сказочно-яркой Америке — и разве воспоминания нашего детства не напоминают нагруженные в Вайнленде каравеллы, отрешенно сопровождаемые белыми птицами грез? Главный герой — отпрыск одного из самых известных и богатых семейств, д-р Ван Вин, сын барона «Демона» Вина — фигуры, памятной на Манхэттене и в Рино. Закат необычайной эпохи совпал с не менее удивительным детством Вана. Во всей мировой литературе, исключая, быть может, воспоминания графа Толстого, не сыскать ничего подобного чистейшей радости и аркадской невинности “ардисовской” части этой книги. В баснословном поместье его дядюшки, собирателя живописи Данилы Вина, чередой великолепных эпизодов развивается пылкий отроческий роман Вана и красавицы Ады, этой воистину удивительной *gamine*³⁷, дочери Марины, страстно увлеченной театром жены Данилы. С первых же страниц становится понятно, что их отношения — не просто опасный *cousinage*³⁸, но нечто такое, что запрещено законом.

³⁶ Имя «Van Veen», обычно передаваемое как «Ван Вин», отсылает не столько к герою новеллы В. Ирвинга Рип ван Винкля (Rip van Winkle), сколько к фламандскому художнику, учителю Рубенса, Otto van Veen (1556–1629), Отто ван Веен, Отто ван Вен, известному также как Октавиус Вениус, Отто Вениус (ср. «Отто Отто» в «Лолите» и «вилла “Вениус”» в «Аде», а также множество экфрасисов картин в романе). Одной из известнейших его работ является автопортрет с семейством (1584). Также известна его книга любовных эмблемат «Amorum Emblemata» (1608). См. подробный разбор этого имени в комментариях Бойда к «Аде»: <http://www.ada.auckland.ac.nz>

³⁷ Девочка.

³⁸ Прямое указание на «Войну и мир»:

«— А была детская любовь? — вдруг неожиданно покраснев, спросил князь Андрей.

— Да. Vous savez, entre cousin et cousine cette intimité mène quelquefois à l'amour: le cousinage est un dangereux voisinage» («Вы знаете, между двою-

Несмотря на множество сюжетных и психологических препятствий, повествование продвигается крупной рысью. Не успеваем мы отдышаться и спокойно освоиться в новой обстановке, в которую нас занесло волшебным ковром автора, как уже другая хорошенькая девчушка, младшая дочь Марины Люсетта Вин, смертельно влюбляется в Вана, неотразимого повесу. Ее трагической судьбе отведено одно из главных мест в этой восхитительной книге.

Всё прочее в истории Вана откровенно и красочно вращается вокруг его долгой любовной связи с Адой. Она прерывается ее замужеством с арizonским скотопромышленником, чей легендарный пращур открыл нашу страну. После его смерти наши любовники воссоединяются. Они коротают остаток дней путешествуя вместе по свету и проводя время на виллах, одна прекраснее другой, воздвигнутых Ваном по всему Западнему полушарию.

Украшением хроники не в последнюю очередь служат утонченные живописные детали: решетчатая галерея; расписной потолок; прелестная безделица, прибитая ручьем к поросшему незабудками берегу; бабочки и орхидеи-бабочки на полях романа; туманный пейзаж, открывающийся с мраморных ступеней; застывшая посреди старинного парка лань, и еще многое, многое другое»³⁹.

Так завершается «Ада». Однако то, что оказалось удачным приемом введения рамочной структуры в финал *вымышленной* хроники жизни, переданной в руки вымышленных редакторов (названных в самом начале книги), необыкновенно осложнило бы и без того проблематичный онтологический статус набоковских мемуаров, поскольку фиктивный рецензент *реальных* воспоминаний не только на удивление хорошо знает Набокова и его близких, но еще сообщает недостоверные сведения о некоей г-же Браун, тем самым ставя под сомнения и все прочие излагаемые им факты. Если бы Набоков окончил этой главой свою книгу, она стала бы убедительным доказательством невозможности представить публике истинный образ реального Набокова — сына, мужа, отца, эмигранта, писателя, переводчика, профессора, энтомолога (ср. в ней ироничные высказывания по поводу воспоминаний о Пушкине, напоминающие французское эссе Набокова «Пушкин, или правда и правдоподобие», 1937) — в том же смысле, в каком Sebastian Night is absent в романе-биографии В.⁴⁰ и в каком сказано: «В зале автора нет, господ» («Парижская поэма», 1943); «Vladimir Nabokov» предстал бы в ней собственным персонажем,

родным братом и сестрой эта близость очень часто приводит к любви. Двойродные — опасное дело». Т. 2, ч. 3. XXI).

³⁹ Перевод мой. — А.Б.

⁴⁰ Как заметил Г.А. Барабтарло, имя «Sebastian Knight» представляет собой анаграмму «Knight is absent» — «Найта нет», а сама его фамилия в русском написании является анаграммой слова «тайна» (Барабтарло Г. Сочинение Набокова. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. С. 164–176).

который быть может и верит «в связь бытия» со своим создателем, но пребывает в бесконечном удалении от настоящей недостижимой персоны. Другими словами, если бы Набоков все же вставил эту главу в свою книгу, он в приложимом к ней определении «автобиографический роман» перенес бы центр тяжести с первого слова на второе, вознес романские коллизии выше личных биографических, переведя все повествование в совершенно иной, ирреальный план, да еще с эффектом *mise en abyme* (обсуждаемым в «рецензии») и представил бы фигуру самого мемуариста, непрестанно утверждающего историческую точность своего изложения, недоверенным рассказчиком, таким как Вадим Вадимович Н. в «Арлекинах».

Традиционные воспоминания Барбары Браун, которой «рецензент» явно отдает предпочтение перед Набоковым, нужны автору «Убедительного доказательства» как оппозиция не только по отношению к его единственному в своем роде сочинению, «невиданному диву среди автобиографий», и его уникальному для биографий методу контрапунктной композиции (освоенному в «Даре» в жизнеописании Чернышевского), но и в отношении самой его необычной судьбы русского писателя-эмигранта, становящегося английским классиком (притом без каких бы то ни было аналогий, что утверждается упоминанием в «рецензии» случая Джозефа Конрада, от которого Набоков, по его собственному выражению, отличается «конрадически»). Той же цели отмежевания в этом демонстративно полемическом завершении книги служат достижения Набокова в энтомологии, которым уделено значительное место в «рецензии», и приведенные в ней программные разносы небелевских лауреатов и кумиров американских читателей того времени — С. Льюиса, Т.С. Элиота, У.Х. Одена, Дж. Голсуорси, Т. Манна, Г. Джеймса и З. Фрейда, по отношению к которым Набоков выстраивает на долгие годы систему культурно-идеологических дистанций.

Отвергнув 16-ую главу и весь замысел двойной экспозиции книги, Набоков не отказался от некоторых его возможностей и впоследствии использовал прием оппозиции собственного своего лучшего романа (на этот раз «Лолиты») по отношению к американской модной новинке. О «самом обсуждаемом романе года» «Когда сирень цвела», скроенному по Фрейду сентиментальному опусу (не автобиографии), рассказывает Гумберту Шарлотта Гейз (член дамского книжного клуба) в сценарии «Лолиты» (1973):

Шарлотта. Вы это читали? «Когда сирень цвела».

Гумберт издает отрицательный звук, прочищая горло.

Шарлотта. О, вы должны прочитать! Об этом романе была восторженная рецензия Адама Скотта⁴¹. Это история мужчины с Севера и

⁴¹ NB «восторженная рецензия». Под этим именем скрыт критик Орвилл Прескотт, назвавший «Лолиту» в своей рецензии «скудной, скудной, скуд-

девушки с Юга, у которых все складывается чудесно: он — копия ее отца, она — копия его матери, но потом она осознает, что, будучи ребенком, терпеть не могла своего отца, и конечно, с этого момента он начинает отождествлять ее со своей собственной матерью. Видите ли, здесь заложена такая идея: он символизирует индустриальный Север, она — старомодный Юг, и —

Лолита (*вскользь*). Все это собачья чушь⁴².

Несмотря на то, что в 16-ой главе «Убедительного доказательства» книга Барбары Браун — мемуары, а в сценарии «Лолиты» — сентиментальный роман, между ними есть скрытые пересечения: «рецензент» отмечает нападки Набокова на «онейроманию и мифоблудие психоанализа», которые «покоробят определенного рода читателя», в то время как книга Барбары Браун, с ее «журчащим, как ручеек» слогом и набором банальностей (сбор кленового сока, именинный пирог, подробности школьной жизни), очевидно, отвечает тенденциям времени, поскольку модный рассказ о детстве не может не обойтись без толики фрейдизма. Об условности этой фигуры говорит само ее (немецкое) имя: Braun = Brown, в английском языке «Mr. Brown» — это так называемое placeholder name, используемое в том случае, если чье-то имя забыто, или неизвестно, или несущественно. Но вместе с тем, это, вероятно, и маска Набокова. Упоминание в предисловии к «Speak, Memory» некой «Hazel Brown», родившейся с ним в один год и «разделяющей с ним паспорт», наводит на мысль, что и в 16-ой главе «Убедительного доказательства» Набоков использовал Барбару Браун с целью обозначить свое авторское присутствие (ср. попутчика N. в предисловии к «Другим берегам», где «N» может быть раскрыта как начальная буква в «Nabokov»). В имени «Hazel Brown», как заметил Бойд⁴³, зашифровано описание личных примет Набокова из его американского паспорта и сертификата о натурализации (вот славная линия к юридическому термину первого названия книги и не раз повторенному Набоковым утверждению, что настоящий паспорт писателя — его книги⁴⁴): цвет глаз — hazel — карий; цвет волос — brown — темно-русый. К тому же ономотопея «Барбара» имеет русский эквивалент — Варвара, а три «б» в ее имени, ка-

ной на претенциозный, напыщенный и нелепо-игривый лад» («Нью-Йорк Таймс», 18 августа 1958 г.).

⁴² *Набоков В. Лолита. Сценарий / Перевод с англ. А. Бабикова. Изд. 2-е., доп. СПб.: Азбука, 2017 (в печати).*

⁴³ *Бойд Брайан. «Бледный огонь» Владимира Набокова. Волшебство художественного открытия / Пер. с англ. С. Швабрина. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. С. 310.*

⁴⁴ Эта мысль лучше всего развита в пятой части «Арлекинов» в пассаже о фальшивом паспорте В.В., которому кажется, что его жизнь только «неудачная версия жизни другого человека [...] другого писателя».

жется, только умножают «б» в ударном слоге фамилии Набокова. Этому предположению отвечает и та литературно-ономастическая игра, которую ведет Куильти с Гумбертом в создававшейся в это время «Лолите» и очередная маска (если не истинное имя) Гумберта: «Красавец Анатолий Брянский, он же Антони Бриан, он же Тони Браун, глаза — карие, цвет лица — бледный, разыскивался полицией по обвинению в похищении дитяти» (Ч. II, гл. 19), а в самой 16-ой главе мемуаров — рассказ «рецензента» о «Василии Шишкове», набоковской литературной личине, выведенной им под ипостасью Сирина.

Отказ Набокова от включения в книгу рекурсивного игрового текста 16-ой главы⁴⁵ с ее резкими выпадами в адрес нобелевских лауреатов по литературе⁴⁶, влиятельных американских писателей и критиков и с утверждением самого себя художником первого ряда, стоящим вместе с Толстым, Прустом и Джойсом, убедительно доказывает многое в отношении его замысла. Прежде всего, это доказывает, что его автобиография, представляющая собой сложное телеологическое исследование возможности постижения

⁴⁵ Примечательно, что этот прием у Набокова, вполне возможно, восходит не к западным образцам (из которых особенно близкими к его воспоминаниям оказываются «Поиски» Пруста), а к Достоевскому, у которого Т. Цивьян находит первое использование рекурсивного повествования в русской литературе: «Можно предположить, что формальная структура произведений Достоевского принципиально новая, им впервые (во всяком случае в русской литературе) введенная: рекурсивная. Самостоятельные темы объявляются заранее, далее они повторяются, чередуясь друг с другом; швы могут быть так замаскированы, что соединение тем происходит незаметно. Бесполезно, да и невозможно, “поймав” тему, пытаться обособить ее: она не существует вне взаимодействия или борьбы с остальными, напротив, перед читателем стоит задача синтезировать отдельные линии в композиционное единство. Такое построение имплицитно предполагает повторное чтение: [...] восприятие [...] не в силах с одного раза овладеть рекурсивными структурами или их прагматическим осмыслением. С этой точки зрения, роль читателя делается более активной [...] В воле человека конструировать жизнь, в том числе и собственную, как дискурсивный или как рекурсивный текст» (Цивьян Т.В. О структуре времени и пространства в романе Достоевского «Подросток» // Из работ московского семиотического круга / Сост. Т. Николаева. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 705).

⁴⁶ Стоит отметить, что и по отношению к русскому нобелевскому призеру, Ивану Бунину, Набоков в своей книге холоден. В апреле 1951 г. он отказался рецензировать английский перевод его недавно вышедших «Воспоминаний» (Париж: Возрождение — La Renaissance, 1950), не желая писать уничижительный отзыв, а еще раньше отказался выступить на его юбилее. Отношения двух писателей подробно рассматривает Максим Шраер в своей книге: Бунин и Набоков. История соперничества. 2-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2015.

личной судьбы средствами искусства, не была обусловлена узко-прагматичными целями желающего заявить о себе в американском литературном мире неизвестного автора, как полагает А. Долинин⁴⁷. Ведь ничего лучше, чем эта полностью готовая к публикации острая «рецензия», сообщающая в третьем лице о блестящем прошлом Набокова, его европейских годах, насыщенной литературной жизни в уникальном эмигрантском окружении, среди издателей, поэтов, интеллектуалов, с «друзьями Кафки», с Габриэлем Марселем, просящим его выступить с французской лекцией о Пушкине, на которую пришел сам Джойс, ничего лучше такого стороннего биографического очерка не могло бы послужить этим целям, будь они у него на первом или хотя бы на втором плане. И, разумеется, в таком случае не было никакой нужды Набокову ни сразу менять название своих мемуаров, ни спешно переводить их на русский язык для небольшого круга старой эмигрантской аудитории, а в 60-х годах уже прославленному автору «Лолиты», прочно занявшему свое место среди писателей мирового уровня, вновь и вновь возвращаться к ним, уточняя, пополняя и переписывая.

Такой взгляд на замысел этой книги опровергается и менее очевидными доводами. Автобиография была начата еще в середине 30-х годов, когда Набоков сочинил по-английски «It is Me»⁴⁸,

⁴⁷ «Пришелец ниоткуда, без узнаваемого имени и культурно-значимой биографии, он должен был начинать с нуля и строить свой образ заново, как если бы писателя Сирина (в Америке мало кому тогда известного) никогда не существовало. Для того, чтобы заполнить биографический вакуум и представить себя англо-американской аудитории, в конце 1940-х годов Набоков написал автобиографию, само название которой — “Conclusive Evidence” [...] — выдавало его интенцию: он стремился предложить американской культуре такое свидетельство о своем прошлом, которое было бы принято ею за истину и положено в основу того, что можно назвать набоковским мифом» (Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина. СПб.: Академический проект, 2004. С. 163). Критику спекулятивного подхода А. Долинина см.: *Boyd Brian. Nabokov's Transition from Russian to English: Repudiation or Evolution? // Stalking Nabokov. Selected Essays. New York: Columbia University Press, 2011. P. 176–202.*

⁴⁸ В письме к матери от 29 декабря 1935 г. Набоков сообщил, что кончил перевод «Отчаяния» на англ. язык и что «Теперь можно будет скоро приняться за переписку моих английских реминисценций, а главное за роман [«Дар»]: я уже кажется третий год подряжаю для него кирпичи» (The New York Public Library / Berg collection. Nabokov's papers / Letters to Elena Ivanovna Nabokov). В январе 1936 г. была закончена на французском «Мадмуазель О», а начиная с февраля автобиография на англ. языке, под названием «It is Me» или «Me» («временное заглавие», как пишет Набоков жене), состоявшая из нескольких главок, не раз упоминается Набоковым в письмах к жене. В письме от 19 февраля 1936 г., в котором Набоков сообщает ей, что к начальному заглавию сочиняемого им романа он прибавил одну букву, на-

и затем продолжалась с перерывами из того же, на наш взгляд, стремления создать невиданный роман о «методах судьбы», которое овладевает героем «Дара», нашедшим то, что «служило нитью, тайной душой, шахматной идеей для едва еще задуманного “романа”» (кавычки здесь важнее многих жанровых определений). «Какая находчивость! — восклицает Годунов-Чердынцев, говоря об уловках судьбы, незаметно сводившей его с Зиной. — Все самое очаровательное в природе и искусстве основано на обмане [...] Разве это не линия для замечательного романа? Какая тема! Но обстроить, завесить, окружить чащей жизни — моей жизни, с моими писательскими страстями, заботами». И Зина ему отвечает: «Да, но это получится автобиография с массовыми казнями добрых знакомых». На что следуют знаменитые слова Годунова-Чердынцева о том, что «от автобиографии останется только пыль, — но такая пыль, конечно, из которой делается самое оранжевое небо. И не сейчас я это напишу, а буду еще долго готовиться, годами, может быть...»⁴⁹

Из той же волшебной биографической «пыли» Набоков, помимо самого «Дара» и «Севастьяна Найта», создаст «Speak, Memoгу» / «Другие берега» и затем «Взгляни на арлекинов!», написав в первом случае единственную в своем роде художественную автобиографию, где канва жизни становится сюжетной канвой, а во втором — совершив не менее поразительное обратное превращение собственной биографии в вымысел.

«Все [...] главные составляющие изобразительного, испытательно-психологического и созерцательного планов искусства Набокова, — пишет Геннадий Барабтарло, — доведены в “Других берегах” до предельной своей напряженности и вместе изошренности в том, что касается координации тем и мастерского соположения частей»⁵⁰ — и, на наш взгляд, исключение из книги 16-ой главы диктовалось именно этими соображениями верного соотношения различных планов повествования, композиционной безупречности и шахматной точности в координации тем.

звав его «Дар», он обмолвился, что ему «здорово хочется пробраться вновь сквозь “It is Me”». В феврале 1937 г. Набоков читал свои воспоминания в различных литературно-издательских кругах, предлагал их четырем лондонским издателям (среди которых был и «Victor Gollancz», пятнадцать лет спустя выпустивший первое британское издание «Speak, Memoгу»), и не сомневался, что они скоро будут опубликованы (см.: *Boyd B.* Владимир Набоков. Русские годы. СПб., 2010. С. 499; *Nabokov Vladimir. Letters to Vera / Ed. and transl. by Olga Voronina and Brian Boyd.* New York: Knopf, 2015).

⁴⁹ *Набоков Владимир.* Дар. Второе, испр. изд. Анн Арбор: Ардис, 1975. С. 407–409.

⁵⁰ *Барабтарло Г.* Сочинение Набокова. С. 274.

Жертва тяжелой фигуры привела в конечном счете к выигрышу партии. Вершиной и блестящим завершением книги воспоминаний Набокова стал не игровой формальный прием, не кодированная кода и не «пэпер-чэс» автора с искусственным читателем, которому понятнее «сложное», а его неслыханное по своей силе и простоте обращение к неназванной по имени «ты», которой он говорит о том, что настанет время, когда «никто не будет знать, что знаем ты да я» и о своем следовании «чистому ритму Мнемозины», которого он «смирненно слушался с самого начала этих замет».

Приношу выражение искренней признательности Джеймсу Пуллелу (The Wylie Agency (UK) Ltd.) за любезное разрешение опубликовать архивные материалы Набокова.

© On «Conclusive Evidence», Ch. 16. — *Dmitri Nabokov, 1998*

© Вст. ст., перевод, прим. — *Андрей Бабиков, 2017*

Владимир Набоков

По поводу «Убедительного доказательства»⁵¹

Передо мною две книги воспоминаний. Одна принадлежит перу русского писателя, ставшему гражданином нашей страны, другая — внучке великого американского педагога-теоретика, и обе эти книги на редкость искусно написаны. Не часто случается, чтобы два столь выдающихся сочинения оказались на столе рецензента практически в один день.

Небольшая группа почитателей г-на Набокова не без основания обрадуется изданию его нового произведения. Несмотря на то, что подзаголовок «воспоминания» кажется вполне законным, «Убедительное доказательство» обладает такими особенностями — не обязательно достоинствами — которые совершенно выводят ее из круга известных нам автобиографий — правдивых, более или менее правдивых, либо попросту вымышленных. И хотя ее самобытность не так притягательна, как то глубокое человеческое тепло,

⁵¹ На незаглавленном машинописном тексте рукою Набокова сделана пометка: «On “Conclusive Evidence”». Настоящий перевод впервые выполнен по архивному тексту — изначальному и единственному источнику всех последующих публикаций 16-ой главы книги (Manuscript Division, The US Library of Congress. Washington, DC / Vladimir Nabokov papers. Writings, 1918–1964. Box 9).

On "Conclusive Evidence"

The two books of memoirs before me, one by a Russian-born author, now a citizen of this country, the other by the granddaughter of a great American educationalist, are extremely elaborate affairs. It is seldom that two such accomplishments reach a reviewer's desk practically on the same day.

The small bunch of Mr. Nabokov's admirers will be not unreasonably elated by the publication of his new work. Although to subtitle it "memoirs" seems an obvious step, there are certain features -- not necessarily virtues -- about "Conclusive Evidence" that set it completely apart from extant autobiographies, true, more or less true, or deliberately fictitious. If its originality is not quite as attractive as the deep human glow ~~which~~ that suffuses every page of Miss [redacted] "When Lilacs Last", it contains, on the other hand, special sources of pleasure that no intelligent reader should miss.

A unique freak as autobiographies go, Mr. Nabokov's book is easier to define in terms of what it is not than in terms of what it is. It is not, for instance, one of those garrulous, formless and rambling affairs, heavily relying on a diarist's notes, that experts in other arts or the administrators of our public existence are apt to produce ("Wednesday night, around 11.40, General so-and-so telephoned. I said to him --"). Nor is it a professional writer's kitchen, with bits of unused material floating in a tepid brew of literary and personal stuff. Emphatically, it is not the popular slick kind of reminiscences where the author keys himself up to the lofty level of grade C fiction, and with quiet impudence sets down reams and reams of dialogue (Maw and the neighbor. Maw and the children. Bill and Paw, Bill and Picasso) which no human brain could have preserved in anything approaching that particular form.

что излучает каждая страница книги г-жи [Браун]⁵² «Когда сирень цвела», она таит в себе для всякого хорошего читателя особый источник наслаждения.

Невиданное диво среди автобиографий, книга г-на Набокова легче поддается описанию в терминах того, чем она *не* является. К примеру, она не является одним из тех многословных, бесформенных и бессвязных опусов, тяжело опирающихся на дневниковые записки, которые имеют обыкновение преподносить читателям эксперты по другим искусствам или вершители нашей общественной жизни («В среду поздно вечером, около 11.40, телефоновал генерал Н. Я сказал ему — —»). Не является она и стряпней профессионального писателя, с кусочками всякой неиспользованной всячины, плавающими в остывшем вареве полулитературного, полуличного состава. И уж точно передо мной не разновидность ходкого глянцевого рода воспоминаний, в которых автор, поднявшись к высотам третьеразрядной беллетристики, с вкрадчивым бесстыдством изливает на читателя потоки диалогов («Мо и сосед. Мо и дети. Билль и По. Билль и Пикассо»), которые ни один человеческий мозг не способен сохранить в той форме, в какой они невозмутимо воспроизводятся.

На наш критический взгляд, непреходящее значение «Убедительного доказательства» состоит в том, что в нем беспристрастными средствами искусства излагается весьма необычная история жизни. Метод Набокова заключается в исследовании отдаленнейших областей собственного прошлого — в розысках того, что можно назвать тематическими тропами или руслами. Однажды будучи найденной, та или иная тема прослеживается на протяжении многих лет. По ходу своего развития она направляет автора к новым берегам жизни. Ромбовидный узор искусства и мускулы прихотливо устроенной памяти сочетаются в едином мощном и гибком движении, порождая такой слог, который словно бы скользит среди трав и цветов к теплой плоскости камня, где он роскошно и исчерпывающе сворачивается кольцом.

Разумеется, метод Набокова оправдан лишь при том условии, что материал являет собой точную сводку личного опыта — во всяком случае, насколько это в силах человеческой памяти. Инструменты для отбора предоставляет искусство, но сами избранные части извлекаются из чистейшего раствора жизни. Память Набокова, особенно в отношении первых двадцати лет его жизни, почти противоестественно крепка, и, вероятно, ему было легче следовать намеченной цели, чем большинству мемуаристов: держаться истины во что бы то ни стало и не пытаться заполнить пустоты

⁵² Здесь и далее в таких же случаях квадратные скобки указывают, что в оригинале это имя, возникающее лишь с середины текста, отсутствует.

логическим правдоподобием, выдаваемым за любовно сохраненные сувениры. В одном или двух случаях изыскания могли бы доказать, что какие-то вещи изначально запомнились неверно или же память на какой-нибудь развилке могла заплутать и последовать за легким реалистичным объяснением, тут же посланным ей на помощь; так, туманное описание способа, каким одно письмо достигло автора в версии гл. XII, напечатанной в «Нью Йоркере», заменено внезапной вспышкой фактического воспоминания в настоящем издании благодаря введению в эту главу некоторых новых, как будто прямо не относящихся к делу материалов, естественным и искусным образом позволивших памяти подобрать в неожиданном месте то, что она обронила. А в другой главе (VII-й) Набоков на всем протяжении повествования проводит, как нить его текстуры, линию действительно испытанной им трудности, когда он не мог вспомнить кличку собаки — имя, которое вдруг высвобождается из тайной ячейки сознания в момент самого сочинения!

Читатель получит большое удовольствие, самостоятельно отыскивая извивы, переброшенные через ручей мостки, смеющиеся маски той или иной темы, проходящей через всю книгу. В ней несколько главных линий и множество побочных, сочетание которых напоминает шахматные композиции, разного рода головоломки, и все это стремится к своему шахматному апофеозу — собственно, эта тема возникает почти в каждой главе: составные картинки; геральдическая шашечница; определенные «ритмические узоры»; «контрапунктная» природа судьбы; жизнь, «смешивающая все линии в игре»; шахматная партия на борту парохода, уходящего от русского берега; романы Сирина; его увлечение шахматными задачами; «эмблемата»⁵³ иверня разбитой чаши⁵⁴; и финальная картинка-загадка, завершающая спираль этой темы.

Весьма увлекательна также тема радуги, берущая начало из случайного набора красок — витражей, праздничных огней, жи-

⁵³ «Эмблемата» — сокращенное название первой книги эмблем и символов, изданной в Аугсбурге в 1531 г. Подобный сборник «Символы и эмблемата», составленный Яном Тесингом и Ильей Копиевским по указу Петра I, был издан в 1705 г. в Амстердаме. «Эмблемата» — одно из названий книги воспоминаний, предложенное Набоковым английскому издателю в 1951 г.

⁵⁴ В 14 гл. «Других берегов»: «Не сомневаюсь, что между этими слегка вогнутыми ивернями майолики был и такой кусочек, на котором узорный бордюр как раз продолжал, как в вырезной картинке, узор кусочка, который я нашел в 1903 году на том же берегу, и эти два осколка продолжали узор третьего, который на том же самом ментонском пляже моя мать нашла в 1885 году [...] так что если б можно было собрать всю эту серию глиняных осколков, сложилась бы из них целиком чаша, разбитая итальянским ребенком Бог весть где и когда».

вописи, драгоценных камней и проч., — а затем обретающая самостоятельность как некая призматическая сущность горного ландшафта, или вот она возникает за каплющими деревьями, под которыми наш юный поэт переживает свою первую судорогу отроческой версификации. Читатель с наслаждением будет сопутствовать теме прогулок и тропинок в частных парках и фамильных лесах, которая начинается дубовой аллеей, ведет к занятым мечтам об Америке среди русских рощ и торфяных болот и затем обнаруживается в городских садах и парках, сбегающих к морю и к иным горизонтам. Пожалуй, самой трогательной темой книги следует назвать тему изгнания, к которой я еще обращусь. В некотором смысле Набоков испытал всю горечь и сладость ностальгии задолго до того, как революция переменяла декорации его юности. Он убеждает нас, что в самом его детстве в сильно уменьшенном виде содержались все основные составляющие его писательской зрелости; так сквозь тонкую оболочку созревшей куколки можно видеть проступающие на крошечных надкрыльях краски и узоры — миниатюрное видение бабочки, которая скоро явится миру, многократно увеличив свои расцветно-яркие клетчатые крылья.

Разгадывание тайн — чистейший и необходимейший акт рассудка. Все упомянутые тематические линии постепенно соединяются вместе, сплетаются или сходятся в одной точке, в изысканной, но естественной форме соприкосновения, которая оказывается не только функцией искусства, но и осознаваемым процессом развития личной судьбы. В силу этого обстоятельства, к концу книги тема мимикрии, «таинственной маскировки», изучавшаяся Набоковым в его энтомологических работах, сходитя в условленный час с темой «загадок» — с ее хитро спрятанным решением шахматной задачи, с составлением по форме осколка всей разбитой чаши и с картинкой-«пузелем», на которой угадываются очертания новой страны. К той же точке схождения спешат все прочие тематические линии — как если бы они сознательно жаждали блаженного анастомоза⁵⁵, обеспеченного совместными усилиями искусства и судьбы. Разрешение «загадочной» темы есть также разрешение темы изгнания, проходящей через всю книгу «внутренней утраты», и эти линии в свой черед смешиваются с кульминацией «радужной» темы («спираль жизни в агате»⁵⁶) и

⁵⁵ Естественное соединение двух артерий или органов.

⁵⁶ Этот образ, приведенный как цитата из книги — мистификация: в книге иная, ставшая знаменитой фраза: «Цветная спираль в стеклянном шарике — вот модель моей жизни» (гл. 13 «Других берегов»; гл. 14 «Speak, Memoir»: «A colored spiral in a small ball of glass, this is how I see my own life»). Можно было бы подумать, что так в журнальной версии, с которой знаком «рецензент», однако в первой публикации этой главы в «Partisan Review» это

соединяются в высшей степени замечательным *gond[-]point*⁵⁷ со множеством садовых дорожек и парковых аллей, и лесных троп, вьющихся через всю книгу. Ничего, кроме восхищения не вызывает это достижение ретроспективной проницательности и созидательной концентрации, потребовавшие от автора невероятных усилий, чтобы задумать свою книгу в точном соответствии с замыслом, по которому неведомые игроки расписали его жизнь, и ни разу не уклониться от этого замысла.

Владимир Набоков родился в 1899 году в Санкт-Петербурге. Его отец, Владимир Дмитриевич, был широко образованным европейцем, ученым, государственным деятелем, убежденным и жизненнолюбивым бунтарем, братья и шурины которого были в лучшем случае доброжелательными консерваторами, а в худшем — черносотенцами. Он же примкнул к группе либералов, которая в Думе и в газетах, читавшихся по всей России, противостояла своеволию и бесчинствам царского режима. Нынешние американские читатели, чьи познания о царской России проникнуты коммунистической пропагандой и просоветскими оценками, получившими распространение в Америке в 20-х годах, будут крайне удивлены, узнав из «Убедительного доказательства» насколько в действительности свободно можно было отстаивать свои взгляды и сколь многое удалось сделать цивилизованным людям в предреволюционные годы.

Жизнь богатых землевладельцев, к высшему слою которых принадлежали Набоковы, отчасти сопоставима с изобильной жизнью американских южан и — в гораздо большей мере — с усадебным укладом в Англии и Франции. По-видимому, на автора оказали большое влияние мальчиком проведенные в деревне лет-

место изложено как в книге (1951, № 1, р. 45) и никакой «спирали жизни в агате» там нет. «Рецензент» этой псевдоцитатой указывает внимательному читателю на связь слов о цветной спирали с концовкой гл. 7 воспоминаний: «Эти листья смешиваются у меня в памяти с кожей ее башмаков и перчаток, и была, помнится, какая-то подробность в ней — ленточка, что ли, на ее шотландской шапочке, или узор на чулках, — похожая на радужные спирали внутри тех маленьких стеклянных шаров, коими иностранные дети играют в агатики» («glass marble» в «Speak, Memory»). Данное место, конечно, одна из частей составной картины, которая должна подойти для места о «цветной спирали в стеклянном шарике», на что Набоков тут же и обращает внимание: «И вот теперь я стою и держу этот обрывок самоцветности, не совсем зная, куда его приложить [...]». Однако упоминание «игры в агатики» находит приложение и к более широкой картине, за пределами книги — к той сцене в первой части «Поисков утраченного времени» Пруста, где Жильберта дарит юному Марселю на Елисейских полях один из таких «блестящих агатовых шариков», которые кажутся ему необыкновенными: «Они были прозрачные и текущие, словно сама жизнь» (перевод А. Франковского).

⁵⁷Круг, к которому ведут пути, а также что-либо, расположенное по кругу.

ние месяцы. Этот край, с его рассыпанными среди грандиозных лесов и болот деревнями, был населен скудно, однако множество старинных путей (таинственные тропы, опутывающие всю империю с незапамятных времен) не давали собирателям ягод, странникам и очаровательным барчукам сгнить в чащобе. И поскольку эти пути и опушки, которыми и через которые они проходили, оставались безымянными, помещицы семьи из поколения в поколение придумывали им названия, закреплявшиеся за ними под влиянием французских гувернанток и наставников во время ежедневных детских прогулок и частых пикников — *Chemin du Pendu*, *Pont des Vashes*, *Amerique*⁵⁸ и тому подобные.

Автор «Убедительного доказательства» — и по приятному совпадению автор мемуаров «Когда сирень цвела» — были старшими из пятерых детей. Но в отличие от г-жи [Браун], Набоков совсем немного рассказывает о двух своих братьях и двух сестрах, родившихся соответственно в 1900, 1911, 1902 и 1906 годах. Мощная сосредоточенность на собственной личности — акт негибкой артистической воли — неизбежно влечет за собой определенные последствия, и упомянутое мною обстоятельство, без сомнения, одно из них.

С разрешения автора позволю себе упомянуть некоторые из моих случайных встреч с его родственниками. Кузен Набокова⁵⁹, также гражданин нашей страны, рассказал мне однажды, что сестры Набокова и его младший брат в юности с поразительной легкостью сочиняли лирические стихи, разделяя эту способность с бесчисленными другими русскими юношами и девушками своего поколения. Как-то в начале 20-х годов (возможно это было в 1923 году) на литературном вечере в Праге друг Франца Кафки,⁶⁰ даровитый чешский переводчик Достоевского и Розанова, указал мне на мать Набокова, маленькую седую женщину в черном, ря-

⁵⁸ Дорога повешенного, Коровий мост, Америка.

⁵⁹ Николай (Николас) Дмитриевич Набоков (1903–1978), русский и американский композитор, музыкальный критик, организатор фестивалей, друг Сергея Прокофьева и Игоря Стравинского, автор мемуарной книги «Багаж» (1975) и других сочинений.

⁶⁰ Так в тексте, оставлено место для слова из шести-семи букв. О ком именно из окружения Кафки идет речь, сказать затруднительно (вполне возможно, что Набоков намеревался поместить вымышленное имя), однако стоит отметить 1) что в указанный год (1923) Набоков в Праге сочинял «Трагедию господина Морна», посещал литературные вечера и встречался с Цветаевой; 2) что Достоевского и Розанова Набоков ставил одинаково невысоко; 3) что после издания в 1891–1922 гг. в Чехии большого переводного собрания сочинений Достоевского, он стал широко обсуждаться в чешской критике и оказывать влияние на чешскую литературу; и 4) что сам Кафка в письме к Ф. Бауэр в 1913 г. признался в чувстве «кровного родства» с Достоевским.

дом с которой сидела девушка с прозрачными глазами и сияющей кожей лица — сестра Набокова Елена. В тридцатые годы, живя в Париже, я как-то свел знакомство с братом Набокова Сергеем: несмотря на то, что разница между ними составляла меньше года, они, кажется, с раннего детства жили каждый своей жизнью, посещали разные школы и окружали себя собственными друзьями. Когда я познакомился с Сергеем, он вел образ жизни человека, плывущего по течению в гедонистическом тумане среди космополитической монпарнасской толпы, так часто изображавшейся определенным пошиба американскими писателями. Его лингвистический и музыкальный таланты совершенно растворились в собственной ему праздности. У меня есть основания полагать, что его детство не было таким же счастливым, как детство его старшего брата — любимца родителей. Обвиненный в англо-саксонских симпатиях, Сергей, человек с виду изнеженный, но прямодушный и бесстрашный, был арестован нацистами и погиб в лагере смерти в 1944 году.

На прекрасных страницах «Когда сирень цвела», предаваясь своим самым ранним воспоминаниям, г-жа [Браун] упоминает ощущение надежности мира, в котором сбор кленового сока или выпекаемый матерью именинный пирог были всегдашними и неизменными вещами, столь же привычными и дорогими для современных новоанглийских патрициев или филаделфийских князьков, сколь и для их простоватых, тяжело трудившихся предков двумя-тремя поколениями ранее. Мир набоковского прошлого, напротив, наполнен уникальной атмосферой светлой хрупкости, ставшей одной из главных тем его книги. С великой пронизательностью Набоков отмечает необъяснимые предчувствия грядущих утрат, овладевавшие им в детстве, тем самым еще усиливая, быть может, его прелесть. В его петербургской детской на видном месте висела маленькая цветная картина «в сочной шуточной английской манере, в какой писались охотничьи сцены и тому подобное, что так подходит для составных картинок»; на ней с подходящим юмором была изображена семья французского дворянина в изгнании: заросшая маргаритками поляна и еще корова вдалеке под синим небом, и толстый пожилой дворянин в крапчатом от солнца камзоле и рыжих штанах, уныло сидящий на табурете для дойки, пока его жена и дочери занимают себя развешиваньем на веревке белья разных изысканных оттенков. В набоковском имени родителей автора, как если бы они вернулись после многих лет путешествий, указывали на милые памятные знаки, спрятанные в недосягаемом, но каким-то чудом всегда присутствующем прошлом. На кипарисовых аллеях крымских парков (по которым Пушкин прогуливался за сто лет перед тем) молодой Набоков развлекал и дразнил свою подругу, знавшую толк в романтической литерату-

ре, комментируя свои поступки или замечания в той мечтательной и слегка жеманной манере, в какой его спутница, как подразумевалось, могла бы много лет спустя написать свои мемуары (в стиле воспоминаний о Пушкине): «Набоков любил черешни, особенно спелые»; или: «У него была привычка шуриться, глядя на заходящее солнце»; или: «Мне памятен один вечер, мы лежали на дернистом берегу — —» и так далее, — игра была довольно глупой, но теперь она кажется не такой уж глупой, когда и ей нашлось место в общем узоре предсказанных потерь, в трогательных попытках удержать обреченные, уходящие, нежно умирающие подробности жизни, которая силится, отчаянно и безнадежно, размышлять о себе в терминах будущей ретроспективы.

Когда весной 1917 года грянула революция, Набоков-старший стал членом Временного правительства, а позже, когда верх взяла большевистская диктатура, вошел в другое недолговременное правительство на все еще свободном юге России. Группы либералов и некоммунистических социалистов, в которых состояли эти русские интеллектуалы, разделяли основные положения западных демократов, однако образованные американцы наших дней, получившие представление о русской истории из коммунистических или прокоммунистических источников, попросту ничего не знают об этом периоде. Большевицкие историки, разумеется, замалчивали дореволюционную демократическую борьбу, произвольно исказили и преуменьшали ее значение, осыпая ее грубой пропагандистской бранью («реакционеры», «приспешники», «рептилии» и т.п.); схожим образом советские журналисты наших дней называют удивленных американских чиновников «фашистами». Удивляться следовало еще тридцать лет тому назад.

Читатели «Убедительного доказательства» обратят внимание на странное сходство между нынешним отношением к Советской России бывших американских ленинистов и удрученных сталинистов и теми маргинальными взглядами русских интеллектуалов, что отстаиваются эмигрантскими газетами на протяжении последних тридцати лет, прошедших после большевицкого переворота, — т.е. как раз все то время, в которое наши восторженные радикалы трубили о своем восхищении Советами. Приходится признать, что эмигрантские публицисты или значительно опередили свое время в понимании истинного духа и неизбежной эволюции советского режима, или обладали интуицией и прозорливостью, граничащими с чудом.

Мы живо представляем себе школьные годы г-жи Браун. Иное дело — «Убедительное доказательство», в котором автор ничего не сообщает нам о занятиях, которые он несомненно должен был посещать. Покинув Россию в самом начале советской эры, Набоков завершил свое образование в Кембридже. С 1920 по 1940-й он

жил в разных городах и странах Европы, по большей части в Берлине и Париже. Между прочим, любопытно сопоставить довольно тягостное впечатление Набокова от Берлина межвоенной поры с относящимися к тому же времени, но куда более лиричными воспоминаниями г-на Спендера (пару лет тому назад напечатанными в «Partisan Review»), в особенности то место, где он говорит о «безжалостной красоте немецких юношей»⁶¹.

Описывая свою литературную деятельность во время вольного европейского изгнания, г-н Набоков прибегает к удручающему приему говорить о себе в третьем лице, как о «Сирина» — литературный псевдоним, под которым он известен до сих пор в небольшом, но высококультурном и уникальном мире русских экспатриантов. Но это и не удивительно, поскольку фактически прекратив карьеру русского писателя, он вправе обсуждать книги Сирина отдельно от собственных. Вместе с тем, может показаться, что истинное желание Набокова состоит в том, чтобы изобразить на создаваемой им картине самого себя или, по крайней мере, свою самую ценную сущность, что напоминает нам те проблемы «объективности», которые ставятся философией науки. Наблюдатель создает детальнейшую картину вселенной, но, закончив, сознает, что в ней чего-то не хватает — его самого. Тогда он помещает в нее и самого себя, но — опять-таки — «самость» остается внешней по отношению к миру и т.д., в бесконечной череде проекций, вроде тех реклам, которые изображают девушку, держащую в руках собственный портрет, на котором она держит в руках свой портрет, на котором она тоже держит портрет — и лишь грубость печати не позволяет разглядеть его. Следует сказать, что Набоков пошел дальше и под маской Сирина вывел третью персону по имени Василий Шишков. Поступок этот стал следствием его десятилетней вражды с самым одаренным эмиг-

⁶¹ В этом журнале были выпусками напечатаны воспоминания известного английского поэта и эссеиста Стивена Спендера (1909–1995), друга Николая Набокова, композитора и кузена писателя. Часть из них, под названием «Оксфорд и Германия», появилась в том же номере (1949, vol. XVI, № 9), что и рассказ Набокова «Первое стихотворение», ставший затем гл. 11 его автобиографии (а кроме того, в нем были напечатаны рассказ Борхеса «Эмма Цунц» и «Философия и наука» Ясперса). За год до того в этом журнале вышла глава из воспоминаний Спендера, в которой он описывает пляж в Груневальде схожим с «Даром» образом, особенно отмечая «почти совершенно нагих загорающих, лежащих на кремнисто-серой траве» и далее следуют слова о немецких юношах. Ирония Набокова заключается в том, что «лиричное» место о немецких юношах у Спендера имеет прозаичное продолжение: «Безжалостно красивые немецкие юноши, обнимающие своих одутловатых девиц» (*Spender Stephen. The Life of Literature // Partisan Review. 1948. Vol. XV. № 12 (December). P. 1325 по сквозной пагинации журнала.*

рантским критиком Георгием Адамовичем, который сперва отверг, затем неохотно признал и наконец расхвалил вместе с другими счастливо цветущую сирийскую прозу, но продолжал отмахиваться от его поэзии. При азартном содействии редактора журнала, Набоков-Сирийский явился на его страницах под именем Шишкова. В один из августовских дней 1939 года Адамович, рецензируя в парижской русской газете «Последние новости» шестьдесят девятый номер ежеквартального журнала «Современные Записки» (также выходившего в Париже), бурно восхитился стихотворением Шишкова «Поэты», высказав мнение, что под занавес в русской эмиграции все же наконец появился великий поэт. Осенью того же года в «Последних новостях» Набоков подробно изложил свой воображаемый разговор с «Василием Шишковым». Ошеломленный, но все еще не сдающийся Адамович в своем ответе позволил себе усомниться в том, что стал жертвой розыгрыша, и прибавил, что, впрочем, Сирийский довольно изобретателен, чтобы сымитировать и вдохновение и гениальность, много превосходящие его, Сирийца, собственные возможности⁶².

Очень скоро после этой истории Вторая мировая война положила конец русской литературной жизни в Париже. Боюсь, я не могу поверить до конца автору «Убедительного доказательства», когда он, вспоминая те годы, подчеркивает свое абсолютное безразличие к критике, уничижительной или лестной. Как бы там ни было, в его собственных статьях проступает порой нечто отвратительное, оградительное, а иногда и довольно вздорное.

Как нам узнать сокрытую в словах великую тайну? Нам известно, что иностранцу как правило недоступно совершенное, естественное понимание их сути. Его жизнь не протекала с младенчества в тихом впитывании и бессознательном изучении языка, он не чувствует, как один век, с его словесностью, устной традицией и общепринятой манерой общения, перетекает в другой. В прекрасных, сострадательных, напряженно-женственных поисках в королевстве прошлого у г-жи Браун одной заботой меньше, чем у Набокова. Конечно, русский автор с детства воспитывался английскими гувернантками и три года учился в Англии. Приводить случай Конрада, говоря об английских романах Набокова («Истинная жизнь Севастьяна Найта» и «Под знаком незаконнорожденных»), значит упускать главное в достижениях последнего: Конрад, чей стиль, как к нему ни относиться, представляет собой лишь коллекцию уважаемых клише, не имел за плечами двадца-

⁶² Подробнее об этом см.: *Бабиков А.* Продолжение следует. Неизвестные стихи Набокова под маркой «Василий Шишков» // *Звезда*. 2012. № 7. С. 198–223; *Маликова М.* Фантомный парижский поэт Василий Шишков // *Русская литература*. 2013. № 1. С. 191–210.

тилетнего упорного труда на ниве польской литературы, когда он начал карьеру британского писателя. Набоков же, прежде чем перейти на английский, написал несколько романов и множество рассказов по-русски и несомненно занял прочное место в русской литературе, несмотря на то, что его книги запрещены у него на родине. Единственное сближение между ними усматривается лишь в том, что оба могли бы вместо английского с тем же успехом избрать французский. Собственно, первая попытка Набокова сочинять на другом языке вылилась во французский рассказ («Mademoiselle O»), написанный в середине 30-х годов. Жан Полан⁶³ напечатал его в журнале «Mesures», английская же версия, из которой автор выполнил большую часть вымысла, появилась в «The Atlantic Monthly» и вошла в сборник «Девять рассказов». В новой, пересмотренной и расширенной редакции, из которой были искоренены последние ростки фантазии, рассказ в окончательном виде занял свое место в книге как ее пятая глава. У меня сохранились давнишние воспоминания о набоковской лекции на отличном французском, прочитанной им на *soirée littéraire*⁶⁴ — в 1937-м, кажется, году, в парижском концертном зале. Венгерская писательница, теперь забытая, но тогда бывшая весьма модной, чей французский роман стал бестселлером (что-то о кошке-рыболове⁶⁵), была приглашена выступить на том вечере, но за несколько часов до начала известила, что прийти не может. Габриэль Марсель, один из организаторов этих вечеров, в последнюю минуту уговорил Набокова заменить ее и выступить с французской лекцией о Пушкине (позднее опубликованной в «Нувель ревю франсез»). Лекторскому *acte gratuite* (как очаровательно г-н Оден смешал мужской род с женским⁶⁶) предшествовало забавное движение, вроде водоворота среди публики. Венгерская колония, купившая билеты, была представлена в полном составе, однако, узнав о замене, частично покинула зал. Другие пребывали в блаженном неведе-

⁶³ Французский писатель (1884–1968), главный редактор «Нувель ревю франсез».

⁶⁴ Литературный вечер (фр.).

⁶⁵ Роман эмигрировавшей во Францию венгерской писательницы Йоланды Фолдеш (1902–1963) «Улица кошки-рыболова» (*rue de Chat-qui-Pêche* — самая узкая улица Парижа), описывающий жизнь эмигрантов в Париже в 20-х гг., был написан не по-французски, а по-венгерски, переведен на английский (а затем еще на двенадцать языков) и издан в Лондоне в 1936 г. Французское издание вышло в 1937 г.

⁶⁶ Правильно *acte gratuit* — поступок без причины и цели. У Одена это выражение с ошибкой (теперь во всех изданиях исправленной) встречается в эссе «Augustus to Augustine» (1944) и других. Набоков отметил эту ошибку также в письме к Джейсону Эпстайну 22 апреля 1957 г. (*Nabokov V. Selected Letters*. P. 217).

нии. Большая часть французов также удалась. За кулисами венгерский посланник, приняв Набокова за мужа писательницы, бешено тряс его руку. Спешно созданные русские эмигранты делали все возможное, чтобы заполнить еще сильнее поредевший зал. Поль и Люси Леон, верные друзья Набокова, как особого гостя, привели Джеймса Джойса. Весь первый ряд занимала венгерская футбольная команда⁶⁷.

Теперь г-ну Набокову должно быть странно вспоминать литературные превратности своей молодости. Он с женой и сыном живет в Америке, став ее гражданином, и живет, судя по всему, счастливо под видом безвестного университетского профессора литературы, посвящающего свои долгие летние вакации ловле бабочек в западных штатах. Среди лепидоптерологов он снискал славу слегка эксцентричного таксономиста с интересами скорее аналитическими, чем синтетическими. Он опубликовал несколько своих открытий по части новых видов или разновидностей бабочек в научных американских журналах; другие энтомологи его именем называли бабочек и мотыльков — научная традиция, которая производит, кажется, неизгладимое впечатление на светских репортеров. Собранные Набоковым экземпляры хранятся в Американском музее естественной истории и в Гарвардском музее сравнительной зоологии, где я имел возможность увидеть несколько крохотных ночниц, относящихся к удивительно многообразному виду, открытых Набоковым в горах Уосатч, штат Юта, в 1943 году. Одну из них Макдано назвал *Eupitecia nabokovi*⁶⁸ — восхитительное разрешение той тематической серии в «Убеди-

⁶⁷ Ср. описание этого выступления в письме Набокова к жене от 12 февраля 1937 г.: «[...] вчерашнее *matinée* было удачей из моих выступлений (хотя народу было не больше 150 человек, — и толпы местных венгерцев возвращали в кассу билеты). [...] Был, между прочим, Джойс; мы с ним очень мило поговорили. Он крупнее ростом, чем я думал, с ужасным свинцовым взглядом: одним глазом уже не видит вовсе, а зрачок другого (который он наставляет на тебя особенным манером, так как не может им вращать) заменен дыркой, причем эту операцию делали шесть раз, пока не удалось пробуровать зрачок, не вызывая кровотечения» (указ. источ.). Появление Джойса на том вечере объясняется, по-видимому, не только желанием поддержать коллегу, который должен был выступать в полупустом зале (см.: *Ellmann Richard. James Joyce. New and Revised Edition. New York et al.: Oxford University Press, 1982. P. 699*), но и тем обстоятельством, что его секретарь, русский эмигрант Поль Леон (Павел Леопольдович Леон, 1893–1942), рассматривал Набокова как возможного русского переводчика «Улисса» — проект, серьезно обсуждавшийся еще в 1933–1934 гг.

⁶⁸ Ср.: «Другие берега», шестая гл., подглавка 6. Джеймс Макдано (1877–1962), энтомолог из Оттавы, Онтарио, которому Набоков послал пойманный им экземпляр пяденицы, получившей номенклатурное название *Eupithecia nabokovi* McDunnough, 1945.

тельном доказательстве», которая посвящена страстному желанию Набокова в детские годы поймать неизвестного представителя именно этого семейства.

Мне, по-видимому, придется остановиться и на некоторых технических особенностях этой книги. Набокову не удалось избежать определенных трудностей в транслитерации русских слов. Чтобы быть последовательным, ему следовало писать Tolstoj (что рифмуется с «домой»), Dostoevskij, Nevskij и т.д., а также Chehov вместо Chekhov. Однако, он предпочел оставить хорошо известные имена в привычном написании (последовательно, впрочем, используя «i» в окончаниях), всюду ставя «u» (единственное исключение «Yalta») для весьма специфического звука, полу-i, полу-u, не имеющего эквивалента в Западной Европе, где «i» или «j» могли бы вступить в противоречие с традиционным словоупотреблением.

Двенадцать глав «Убедительного доказательства» были напечатаны в «Нью Йоркере» — и здесь рецензент, которому оказались известны обстоятельства публикации, хотел бы дать кое-какие пояснения. Прежде всего, сравнение журнальной публикации с настоящим изданием показывает, что в ряде случаев (это относится в первую очередь к главам III, VI, X и XII) по ходу подготовки книги Набоков добавлял новый материал, как например экскурсы в историю его предков, неурядицы во время ловли бабочек в Европе, вставки в рассказе о Поленьке, и множество новых деталей его жизни в Санкт-Петербурге и на Крымской ривьере. Помимо этого, к тому же, во всех двенадцати главах находим разные другие изменения, также связанные с более или менее основательной переделкой всего текста.

Менее значительные расхождения между настоящим изданием и журнальным текстом проистекают из авторских замен тех нескольких слов и выражений в различных местах, которые были исключены — с его вынужденного согласия — редакторами «Нью Йоркера», исходившими из стандартов «семейного журнала» (речь идет о концовке третьей подглавки главы X), или в силу того, что они пессимистично полагали, будто редкое слово может озадачить не слишком искушенного читателя. В этих случаях Набоков сдавался далеко не всегда, что привело к нескольким пыльным схваткам. Некоторые из них, как например Битву Пальпериальной Ночи, Набоков проиграл. В других победил.

Наконец, остается еще вопрос грамматической точности. Редактирование такого рода, да, впрочем, и любого другого, Набоков считал бы чудовищным оскорблением в былые времена, когда «Современные Записки» просили у Сирина позволения внести изменение в какое-либо из его русских предложений. Но как англоязычный писатель Набоков никогда не чувствует себя впол-

не уверенно. При всей стремительности и смелости его английского, он нередко допускает солецизмы, порой довольно странные, учитывая его общую искушенность. Посему незначительные улучшения, предложенные редакторами «Нью Йоркера» — исправление инверсии, подпорка для неловко повисшего термина, разделение одного длинного предложения на два коротких, ритуальное преобразование «which» в «that» — кротко и благодарно принимались г-ном Набоковым. Но какие бывало возникали стычки, ежели редакторы ненароком нарушали драгоценный ритм, или неверно толковали аллюзию, или старались заменить существительным каждое «он», «она» и «мы», забредавшие в следующий абзац, заставляя рядового читателя чесать в средних размерах затылке. А еще — вот более специальный пример — вспоминается дело Пропавшего Антецедента⁶⁹, длившееся долго, приводившее к новым стычкам, в ходе которых г-н Набоков, анти-антецедентист с большим опытом, часто терпел поражения, но одержал и несколько отборных побед.

Может показаться, что в самом начале сотрудничества Набокова с «Нью Йоркером» редакторские попытки прояснить кажущиеся двусмысленности и выровнять его прозу были более частыми и менее последовательными, чем на поздней стадии. Со стороны автора слышались страдальческие стоны и глухое ворчание о бессмысленности этих стараний потрафить журнальным вкусам. Мало-помалу, впрочем, редакторский отдел убедился, что усилия по сооружению прочного моста, соединяющего две мысли, которые у Набокова разнесены на превышающее привычное для сознания окраинного пассажира расстояние, при всей их благонамеренности оказывались тщетны, поскольку автор принимался с еще большим усердием разрушать или переносить или маскировать этот мост, который по его мнению лишь портил вид.

Читателю, однако, следует показать и другую сторону дела. Редакторские замечания сопровождалась исключительной доброжелательностью, деликатностью и любовным вниманием. В тех нескольких случаях, когда от Набокова твердо требовалось внести изменения, ему для оценки предлагались словесные заготовки, причем подразумевалось, что Набоков самостоятельно переделает вызвавшее возражение редакторов место. После одобрения сочинения, автор мог отвергать любые предложения замен или изъятий. Пояснения или добавления, нередко запрашиваемые главным редактором, г-ном Россом («Сколько именно ванн комнат было в доме?»), приводили к появлению новых прелестных строк. Ка-

⁶⁹ Здесь: предшествующая единица высказывания, с которой соотносится последующая единица, поясняющая местоимения, местоименные наречия, имена существительные, расположенные в первой части.

тарина Уайт, состоявшая с автором в переписке по всем этим вопросам и взявшая на себя бесконечные хлопоты по проверке каждого дефиса и запятой, а также по умиротворению его взрывного нрава, сделала все возможное, чтобы проза Набокова осталась невредимой. Великолепным свидетельством гармоничного согласия между автором и редактором служит то обстоятельство, что Набоков ревностно принял большую часть предложенных поправок в отношении своего порывистого синтаксиса, а кроме того перешел на прекрасную «закрытую» систему пунктуации «Нью Йоркера». Наконец, последнее, но немаловажное замечание: чудный исследовательский отдел «Нью Йоркера» несколько раз спасал Набокова — сочетающего изрядную долю рассеянности, если позволительно так сказать, с педантизмом — от разного рода ошибок: в именах, датах, названиях книг и т.п. Он нередко бывал не согласен с находками этого отдела, что влекло за собой занятные обмены письмами. Один из вопросов касался дымовой трубы атлантического лайнера «Champlain». Набоков отчетливо помнил, что она была белого цвета. Наш эксперт снесся с французской пароходной компанией, которая заверила его, что «Champlain» в 1940 году не имел маскировки и труба его была окрашена в обычные красно-черные цвета. Набоков ответил, что согласен оставить описание вовсе без эпитета, но ничто не заставит его поменять цвет, который он запомнил с небывалой отчетливостью. Ведь могло же так случиться, что военные в Сен-Назере перекрасили трубу, не ставя в известность руководство «Французских линий» в Нью-Йорке?

Я отвел столько места обсуждению отношений Набокова с «Нью Йоркером», поскольку полагаю, что читателям следует знать положение вещей, чтобы прийти к собственному выводу. Ключевой вопрос авторской неприкосновенности едва ли может возникнуть, когда редактор способен доказать автору, что у его любимого питомца, фигурально выражаясь, шерсть стоит дыбом — т.е. что лелеемое им предложение грамматически неверно и должно быть приглажено в произведении, которое журнал намерен приобрести. В свою очередь журнал может недооценить способности своего среднего читателя по пониманию аллюзий, иносказаний, умолчаний — и в этих случаях, я убежден, автору не следует сдаваться, какие бы финансовые неприятности ни последовали.

Уравновешенность и вкус Барбары Браун, чистота и простота ее стиля, журчащего, как ручеек в Новой Англии — качества, которыми автор «Убедительного доказательства» не обладает. Не могут не раздражать некоторые особенности набоковской манеры: его обыкновение использовать термины, которые малоизвестные ученые придумывают для неизвестных болезней, его склон-

ность к любительской эзотерике, его метод транслитерации (он использует одну систему — корректную — для передачи русской речи, а другую — состоящую из компромиссов — для передачи имен); или такие его причуды, как неожиданное введение шахматной задачи (не указывая верного хода — слон на...). Читатели Набокова, впрочем, возразят, что автор «Алисы в Зазеркалье» на самом фронтисписе поместил блестящую шахматную задачу, которой, конечно, немногие из его маленьких читателей могли бы насладиться.

Еще одно, что несомненно покоробит определенного типа читателей (выше среднего класса в культурном отношении) — это взгляд Набокова на таких писателей как Фрейд, Манн и Элиот, чьих традиция и приличные манеры учат уважать наряду с Лениным и Генри Джеймсом⁷⁰. Онейроманию и мифоблудие психоанализа Набоков осыпает резкими шутками с далеких 20-х годов. Томаса Манна он помещает в подгруппу Жюль-Ромена-Роллана-Галсворти⁷¹, где-то между Эптоном и Льюисом⁷², как непочтительно он позволяет себе выражаться (поскольку Ромен математически равен Синклеру⁷³). Он буквально умирает от саркастического смеха, видя как буржуазный критик из этого вышесреднего круга водружает гипсовых Манна и Элиота на один постамент с мраморными Прустом и Джойсом. Немногие люди разделяют его убеждение, будто поэзия Элиота — воплощенная банальность. Как авторитетно замечает где-то г-н Клинт Брукс⁷⁴: «обратил ли

⁷⁰ В декабре 1946 г. Набоков сообщил Уилсону о своем намерении написать эссе «Голый король» о Г. Джеймсе и Т.С. Элиоте (*Nabokov V. Selected Letters*. P. 206).

⁷¹ Совмещены имена двух французских писателей, Жюль Ромена (1885–1972), автора огромного, в 27 томах романа «Люди доброй воли», и Нобелевского лауреата (1915) Ромена Роллана (1866–1944), которого Набоков иронично помянул и в «Лолите», хотя в юности перевел его «Кола Брюньона» («Николка Персик»). Джона Голсуорси (1867–1933), Нобелевского лауреата 1932 г., Набоков назвал в «Лолите» (именуя его «Галсворти») «посредственным, давно окаменевшим писателем».

⁷² Набоков не раз обыгрывал сходство имен Эптона Синклера (1878–1968), американского публициста и писателя левого толка и Синклера Льюиса (1885–1951), автора множества романов и первого американского Нобелевского лауреата по литературе (1930).

⁷³ Вероятно, Набоков иронизирует над огромным количеством написанного и тем и другим.

⁷⁴ Американский литературовед (1906–1994), один из основоположников школы новой критики. Рассматривал поэзию как особую форму знания, разработал понятие органической формы в учебных антологиях «Понимание поэзии», 1938, «Понимание прозы», 1943. Автор множества книг и работ об авторах, которых Набоков считал дутыми величинами: Хемингуэе, Фолкнере, Элиоте и др.

Элиот внимание на этот пассаж (что-то о работе несчастной г-жи Уэстон), намеревался ли ответить ей, изнасилование женщины — это *очень хороший символ* (курсив мой) процесса секуляризации[?]. Боюсь, Набоков лишь старается казаться остроумным, замечая, что широкий успех последней пьесы Элиота⁷⁵ того же порядка, что «зутизм⁷⁶, экзистенциализм и титоизм⁷⁷», и, несомненно, все те, чья муза, урожденная Элиотович, так хрипло кричащая в малотиражных журналчиках, горячо согласится с тем, что называть Т. С. Э. «Уолли Симпсон американской литературы»⁷⁸, попросту означает щеголять дурным вкусом. Мы не сказали еще о его презрении к Достоевскому, заставляющему русских содрогаться, а ученых величайших американских университетов возмущенно протестовать. Быть может, иммунитет Набокова к сентиментальным культам американских критиков, сохранившимся по сей день с 20–30 годов, объясняется тем, что в эти годы он не прошел стадии *Zeitgeist*⁷⁹, поскольку мир русского аскетичного изгнания был

⁷⁵ Комедия «Коктейльная вечеринка» (1949), представляющая собой переделку «Алькесты» Еврипида. Модное пристрастие к адаптации приемов греческой драмы на современной сцене Набоков критиковал в лекциях 40-х гг. «Советская драма» и «Трагедия трагедии».

⁷⁶ Имеется в виду «zoot suit style» — от англ. zoot (искаженное suit — костюм) — шляпа, длинный, до колен пиджак и мешковатые брюки — популярный в 40-е гг. в Чикаго, Гарлеме и Детройте стиль, подражающий манере джазовых исполнителей.

⁷⁷ Титоизм — коммунистическая идеология, носящая имя югославского диктатора Броз Тито (доктрина самоуправления рабочих коллективов и проч.), противопоставившего ее официальной сталинской идеологии.

⁷⁸ У Набокова «Wally Simpson», должно быть «Wallis Simpson». Ирония в том, что Элиот (1888–1965), недавно (1948) получивший Нобелевскую премию по литературе, уподоблен Бесси Уоллис Симпсон, ради женитьбы на которой Эдуард VIII отрекся в 1936 г. от престола. Пара не раз обвинялась в нацистских симпатиях после ее визита в Германию в 1937 г. и встречи с Гитлером. В антисемитизме и профашистских симпатиях упрекался и Элиот (см.: *Ricks Ch. T.S. Eliot and Prejudice. L.; Boston: Faber, 1988*), особенно после его поддержки Эзры Паунда в половине 1940-х гг. Уподобление уехавшего в Англию Элиота дважды разведенной светской диве, очаровавшей английского короля, может показаться невинной шалостью в сравнении с более поздней набоковской анаграммой его имени: T.S. Eliot = toilets. Утверждение М. Маликовой и Дж. Трезьяк о том, что здесь «Набоков вступает в диалог с эссе Элиота “Идеальный критик”», в котором он «дает характеристику “импрессионистической критики” Уоллеса Симпсона [?], в большей степени приложимую к самому Набокову» (Сквозняк из прошлого // Звезда. 1999. № 4. С. 91), подхваченное и другими, следствие ошибки, поскольку Элиот в этой работе пишет об англ. поэте и критике Артуре Саймонсе (Symons) и *его* «импрессионистической критике».

⁷⁹ Дух времени. Идеи, ценности и направления, доминирующие в данной культуре в определенный период.

совершенно чужд модным тенденциям «Века джаза» и «Просперити»⁸⁰.

При всех своих недостатках «Убедительное доказательство» все же остается выдающимся достижением. Книга эта и есть «убедительное доказательство» по отношению ко многим вещам, среди которых самой убедительной оказывается мысль о том, что наш мир не так уж плох, как кажется. Г-на Набокова следует поздравить с тем, что он создал труд столь же выдающийся, сколько и необходимый. На полке ценителей его воспоминания станут в один ряд с «Детством» Льва Толстого, «Литургией» Т.С. Элмана⁸¹ и «Когда сирень цвела» Барбары Браун, к рассмотрению которой мы теперь и приступим.

[апрель–май 1950 г.]

Литература

- Барабтарло Г.* Сочинение Набокова. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011.
- Бойд Б.* Владимир Набоков. Американские годы. СПб.: Симпозиум, 2010.
- Бойд Б.* «Блудный огонь» Владимира Набокова. Волшебство художественного открытия / Перевод с англ. С. Швабрина. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015.
- Бочаров С.Г.* Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Васильева Е.В.* Автобиографическая проза В.В. Набокова «Conclusive Evidence», «Другие берега», «Speak, Memory!» <sic!>: история создания, художественная и жанровая специфика. Диссертация на соискание ученой степени к. ф. н. Томск, 2005.
- Долинин А.* Истинная жизнь писателя Сирина. СПб.: Академический проект, 2004.
- Левин Ю.И.* Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998.
- Маликова М., Трезьяк Джоанна.* Сквозняк из прошлого // Звезда. 1999. № 4.
- Маликова М.* Набоков: Авто-био-графия. СПб.: Академический проект, 2002.
- Набоков В.* Переписка с сестрой. Анн Арбор: Ардис, 1985.
- Набоков В.* Собр. соч. русского периода: В 5 т. Сост. Н. И. Артеменко-Толстой. СПб.: Симпозиум, 2000. Т. 5.
- Набоков В.* Взгляни на арлекинов! / Перевел и снабдил прим. А. Бабиков. Изд. 4-е, уточн. и доп. СПб.: Азбука, 2016.

⁸⁰ Процветание — так назывался период экономического подъема США после Первой мировой войны.

⁸¹ В оригинале роман назван «Amen Corner» — место в протестантской церкви для особенно истовых прихожан. Как было отмечено в 1999 г. участниками дискуссии на электронном форуме NABOKV-L по поводу публикации 16 главы «Убедительного доказательства», Т.С. Elmann представляет собой контаминацию имен двух Нобелевских лауреатов — Томаса Манна и Т.С. Элиота. Последний, автор «Убийства в соборе» (1935) и «Идеи христианского общества» (1939), не раз заявлял о своем кредо убежденного католика и после переезда в Лондон и перехода в англиканство, стал старостой прихода кенсингтонской церкви св. Стефана.

Набоков В. Лолита. Сценарий / Перевод с англ. А. Бабикова. Изд. 2-е., доп. СПб.: Азбука, 2017 (в печати).

«Дребезжание моих ржавых русских струн...» Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940–1967) / Публ., пред., комм. Р. Янгирова // In memoriam. Исторический сборник памяти А.И. Добкина / Сост. В.Е. Аллой, Т.Б. Прилькина. СПб., Париж: Феникс — Atheneum, 2000.

Друзья, бабочки и монстры. Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом (1943–1967) / Публ., комм. Р. Янгирова // Диаспора. Новые материалы. [Вып.] I. СПб., Париж: Феникс — Atheneum, 2001.

Письма Владимира и Веры Набоковых к Михаилу и Татьяне Карпович (1933–1959) / Публ., прим. А. Бабикова (в печати).

Цивьян Т.В. О структуре времени и пространства в романе Достоевского «Подросток» // Из работ московского семиотического круга / Сост. Т. Николаева. М.: Языки русской культуры, 1997.

Шраер М.Д. Бунин и Набоков. История соперничества. 2-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2015.

Boyd B. *Stalking Nabokov. Selected Essays.* New York: Columbia University Press, 2011.

Couturier M. *La figure de l'auteur.* Paris: Seuil, 1995.

Diment G. *Vladimir Nabokov and the Art of Autobiography // Nabokov and His Fiction. New Perspectives / Ed. by J. Connolly.* Cambridge University Press, 1993.

Diment G. *Nabokov's biographical impulse: art of writing lives // The Cambridge Companion to Nabokov / Ed. by J. Connolly.* Cambridge University Press, 2005.

Nabokov V. *Selected Letters (1940–1977) / Ed. by D. Nabokov and M.J. Bruccoli.* Harcourt Brace Jovanovich, San Diego et al, 1989.

Nabokov V. *Novels and Memoirs 1941–1951 / Ed. by Brian Boyd.* New York: The Library of America, 1996.

Nabokov V. *Speak, Memory. An Autobiography Revisited / Ed. by Brian Boyd.* New York et al.: Alfred A. Knopf. Everyman's Library, 1999.

Dear Bunny, Dear Volodya. The Nabokov–Wilson Letters, 1940–1971 / Ed. by S. Karlinsky. California University Press: Berkeley et al, 2001.

Nabokov V. *Letters to Vera / Ed. and transl. by Olga Voronina and Brian Boyd.* New York: Knopf, 2015.

Nivat G. *Speak, Memory // The Garland Companion to Vladimir Nabokov.* Ed. by V.E. Alexandrov. New York: Garland, 1995.

The New York Public Library / Berg collection. Nabokov's papers / Letters to Elena Ivanovna Nabokov.

References

Barabtarlo G. *Sochinenie Nabokova* [Nabokov's Writing]. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha Publ., 2011. (In Russ.)

Boyd B. *Vladimir Nabokov. Amerikanskie gody* [Vladimir Nabokov. The American years]. Saint-Petersburg, Symposium Publ., 2010. (In Russ.)

Boyd B. *Stalking Nabokov. Selected Essays.* New York, Columbia University Press, 2011.

Boyd B. «*Blednyi ogon'*» *Vladimira Nabokova. Volshebstvo khudozhestvennogo otkrytiia* [Vladimir Nabokov's "Pale Fire". The Magic of Artistic Discovery]. Per. s angl. S. Shvabrina. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha Publ., 2015. (In Russ.)

Bocharov S.G. *Siuzhety russkoi literatury* [Subjects of Russian Literature]. Moscow, Jazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. (In Russ.)

Couturier M. *La figure de l'auteur.* Paris: Seuil, 1995.

Dear Bunny, Dear Volodya. The Nabokov–Wilson Letters, 1940–1971. Ed. by S. Karlinsky. California University Press, Berkeley et al, 2001.

Diment G. Vladimir Nabokov and the Art of Autobiography. In: *Nabokov and His Fiction. New Perspectives.* Ed. by J. Connolly. Cambridge University Press, 1993.

Diment G. Nabokov's biographical impulse: art of writing lives. In: *The Cambridge Companion to Nabokov.* Ed. by J. Connolly. Cambridge University Press, 2005.

Dolinin A. *Istinnaja zhizn' pisatelja Sirina* [The Real Life of Sirin the Writer]. Saint-Petersburg, Akademicheskii proect Publ., 2004. (In Russ.)

«Drebezhantie moikh rzhavykh russkikh strun...» Iz perepiski Vladimira i Very Nabokovykh i Romana Grinberga (1940–1967) [Rattling of my rusty Russian strings. From the correspondence between Vladimir and Véra Nabokov and Roman Grinberg (1940–1967)]. Publ., pred., komm. R. Jangirova. In *memoriam. Istoricheskii sbornik pamiatii A.I. Dobkina.* Sost. V.E. Alloï, T.B. Pritykina. Saint-Petersburg–Paris, Phoenix–Atheneum, 2000. (In Russ.)

Druz'ja, babochki i monstry. Iz perepiski Vladimira i Very Nabokovykh i Romana Grinberga (1943–1967) [Friends, butterflies and monsters. From the correspondence between Vladimir and Véra Nabokov and Roman Grinberg (1940–1967)]. Publ., pred., komm. R. Jangirova. *Diaspora. Novye materialy.* I. Saint-Petersburg–Paris: Feniks–Atheneum Publ., 2001. (In Russ.)

Levin U.I. *Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika* [Selected works. Poetika. Semiotika]. Moscow, Jazyki russkoi kul'tury Publ., 1998. (In Russ.)

Malikova M., Trez'jak Dzhonna. Skvoznjak iz proshlogo [A Draft From the Past]. *Zvezda*, 1999, no 4, pp. 81–91. (In Russ.)

Malikova M. *Nabokov: Avto-bio-grafija* [Nabokov: Auto-bio-graphy]. Saint-Petersburg, Akademicheskii proect Publ., 2002. (In Russ.)

Nabokov V. *Selected Letters (1940–1977).* Ed. by D. Nabokov and M.J. Bruccoli. Harcourt Brace Jovanovich. San Diego et al, 1989.

Nabokov V. *Novels and Memoirs 1941–1951.* Ed. by Brian Boyd. New York, The Library of America, 1996.

Nabokov V. *Speak, Memory. An Autobiography Revisited.* Ed. by Brian Boyd. New York et al., Alfred A. Knopf. Everyman's Library, 1999.

Nabokov V. *Letters to Véra.* Ed. and transl. by Olga Voronina and Brian Boyd. New York, Knopf, 2015.

Nabokov V. *Perepiska s sestroi* [Correspondence with his sister]. Ann Arbor, Ardis, 1985. (In Russ.)

Nabokov V. *Sobr. soch. russkogo perioda: V 5 t.* [Collected works: in 5 vol.]. Sost. N.I. Arteminko-Tolstoi. Saint-Petersburg, Symposium Publ., 2000, vol. 5. (In Russ.)

Nabokov V. *Vzgljani na arlekinov!* [Look at the Harlequins!]. Per. s angl., prim. A. Babikov. Izd. 4, utochn. i dop. Saint-Petersburg, Azbuka Publ., 2016. (In Russ.)

Nabokov V. *Lolita. Stsenarii* [Lolita: A Screenplay]. Per. s angl. A. Babikov. Izd. 2, dop. Saint-Petersburg, Azbuka Publ., 2017 (in print). (In Russ.)

Nivat G. *Speak, Memory. The Garland Companion to Vladimir Nabokov.* Ed. by V.E. Alexandrov. New York: Garland, 1995.

Pis'ma Vladimira i Very Nabokovykh k Mikhailu i Tatiane Karpovich (1933–1959) [Vladimir and Véra Nabokov's letters to Michael and Tatiana Karpovich (1933–1959)]. Publ., prim. A. Babikova (v pečatni). (In Russ.)

Tziv'jan T.V. O structure vremeni i prostranstva v romane Dostoevskogo «Podrostok» [On the Structure of Time and Space in Dostoevskij's "The Raw Youth"]. *Iz pabot moskovskogo semioticheskogo kruga* [From the works of the Moscow semiotic circle]. Sost. T. Nikolaeva. Moscow, Jazyki russkoi kul'tury Publ., 1997. (In Russ.)

Shraer M.D. *Bunin i Nabokov. Istorija sopernichestva* [Bunin and Nabokov. The History of a Rivalry]. 2-e izd. Moscow, Al'pina nonfiction Publ., 2015. (In Russ.)

Vasil'eva E.V. *Avtobiograficheskaia proza V.V. Nabokova «Conclusive Evidence», «Drugie berega», «Speak, Memory!» <sic!>: istoriia sozdaniia, khudozhestvennaia i zhanrovaia spetsifika* [V.V. Nabokov's autobiographic prose "Conclusive Evidence", "Other Shores", "Speak, Memory": the history of composing, particularity of artistic and genre]. Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni k. f. n. Tomsk, 2005. (In Russ.)

Resourceful Mnemosyne

Archival materials to the Nabokov's Autobiography

Andrei A. Babikov

Abstract: This publication of Vladimir Nabokov's archival materials presents annotated Russian translation of two discarded texts: the introduction to «Conclusive Evidence» (1951) when the title was «The House Was Here» and the last chapter of «Conclusive Evidence», written in the form of review on it. The article considers the history of the Nabokov's autobiography from the early reminiscences of nineteen-thirties «It is Me» and till the last Russian novel «The Gift» (1938) and the last English one «Look at the Harlequins!» (1974), which is an artistic version of the continuation of his memoirs. The article justifies the idea that Nabokov's refusal to include the last chapter in the book was his main decision regarding the entire project. Collected in the article, the numerous tentative titles of the book are also extremely important for its study.

Keywords: Vladimir Nabokov's memoirs, archival materials, translation into Russian, autobiographic narration, composition of the memoirs, «Conclusive Evidence», «Speak, Memory», «Other Shores», «Look at the Harlequins!»

Information about author: Andrei A. Babikov (Moscow, Russia), independent scholar, specializing in Russian émigré literature. E-mail: andreybabikov1@gmail.com

МЕМОУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-4-53-67

УДК 821.161.1 83.3(2Рос=Рус)

Письма к учителю: К истории отношений И. Анненского и А. Кондратьева

К.В. Сарычева

Аннотация: Настоящая публикация представляет собой подборку из семи писем А.А. Кондратьева к своему учителю И.Ф. Анненскому. Они могут послужить дополнением к реконструкции взаимоотношений двух литераторов. Первое из публикуемых писем относится к 1905 г., когда Кондратьев благодарил Анненского за присланную ему книгу стихов «Тихие песни». Большая часть писем приходится на 1908–1909 гг. В это время Кондратьев и Анненский обсуждают литературные планы, современные им театральные и литературные переложения на мифологические сюжеты. Их связывает, главным образом, общее увлечение античной мифологией. Кондратьев позиционирует себя как ученик Анненского. Вместе с тем он не стал его литературным последователем, а характер творчества Кондратьева Анненскому был чужд. С точки зрения Анненского, Кондратьеву не удалось найти подходящую жанровую форму для мифологических сюжетов.

Ключевые слова: И.Ф. Анненский, А.А. Кондратьев, античная мифология, русский символизм, неомифологизм, эпистолярный

Информация об авторе: Кристина Витальевна Сарычева, PhD, научный сотрудник Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля. Москва, Россия. E-mail: kr.sarycheva@gmail.com.

Знакомство А. Кондратьева с И. Анненским происходит во время обучения в 8-й Санкт-Петербургской гимназии. «В гимназии несколько лет был учеником Иннокентия Федоровича Анненского, с которым поддерживал хорошие отношения вплоть до его смерти», — пишет Кондратьев в автобиографии¹. Под влиянием Анненского у Кондратьева сформировался интерес к античной культуре: «Любовью к античному миру я обязан Иннокентию Федоровичу Анненскому, переводившему на русский язык эврипидовские трагедии»². Интерес к античности связывал учителя и ученика и в послегимназические годы.

¹ *Лавров А.В.* Автобиографии А.А. Кондратьева // ПОЛУТРОПОН: К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М.: Индрик, 1998. С. 774.

² Там же. С. 772.

Возобновление общения происходит в 1905 г., после того, как оба поэта дебютировали сборниками стихотворений. Часть произведений Кондратьева была посвящена античной мифологии. Анненский, приветствуя дебют своего ученика, отправил ему свою книгу стихов «Тихие песни» (1914). В это время Кондратьев становится участником символистского круга, хотя и стремится «держаться особняком»³. Такое позиционирование по отношению к символистам также послужило поводом к сближению ученика и учителя. С 1905 г. общение Кондратьева и Анненского становится, по видимому, постоянным, основанным на обмене мнений по поводу новых изданий, событий в литературной и культурной жизни.

Шесть из публикуемых писем относятся к 1908–1909 гг. Последнее письмо из настоящей подборки датируется 26 августа 1909 года, оно было написано за два с половиной месяца до смерти Анненского. Письма Анненского к Кондратьеву не сохранились. Они были уничтожены в 1939 г., во время прихода Красной армии в Ровно, куда уехал жить Кондратьев после революции 1917 г.

Античная мифология стала основным предметом творчества Кондратьева петербургского периода⁴. Анненский проявлял интерес к «эллинским» произведениям ученика. 30 сентября 1906 г. он по приглашению Кондратьева присутствовал на чтении его «мифологического романа» «Сатиресса», опубликованного в 1907 г.

В рецензии на это произведение Анненский, указывая на неровное повествование романа Кондратьева, все же с симпатией отзывается о его *стиле*⁵: «Рассказ ведется мастерски. Пусть лодку все время немножко покачивает, но я не осужу за это гребца: в стиле автора Сатирессы есть что-то мягкое, почти баюкающее»⁶.

³ Тименчик Р.Д. А.А. Кондратьев // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 47.

⁴ В 1918 г. Кондратьев переезжает на Волынь. Его роман «На берегах Ярыни» (1930), стихотворения сборника «Славянские боги» (1936) и более поздние произведения в основном посвящены славянской мифологии, хотя так или иначе интерес к мифологии сформировался еще в Петербурге под влиянием Анненского.

⁵ По словам Р. Тименчика, в рецензии Анненского на «Сатирессу» «определена функция прозы Кондратьева в литературном процессе 1900-х годов, предвосхищающая, с одной стороны, программы “кларизма” и “адамизма”, а с другой стороны — перекликающаяся с некоторыми настроениями блоковского “второго тома”: “Если вы хотите уйти хоть на время от психологии шелковых юбок, молитвенников и мертвецкой, то загляните в книгу А.А. Кондратьева — на вас пахнет смолою и морем”» (Тименчик Р.Д. Письма А.А. Кондратьева к Блоку // Литературное наследство. М., 1980. Т. 92. Кн. 1. С. 555).

⁶ Анненский И.Ф. Кондратьев А.А. Сатиресса. [Рец.] // Перевал. 1907. № 4. С. 63.

В то же время выбор жанра *романа* для передачи мифологического сюжета вызывает у Анненского сомнения. С его точки зрения, содержание романа должно быть связано с реальной действительностью — автор поучает или пророчествует: «Г. Кондратьев назвал свою сказку романом. Зачем это? И где тот романист, который бы чему-нибудь не учил?

Но если автор Сатирессы и в самом деле писал роман, то я невольно читаю в его строках печальное пророчество»⁷.

Если в рецензии на «Сатирессу» Анненский обратил внимание на несоответствие содержания выбранной жанровой форме, то в кратком отклике на перевод Кондратьева «Песен Билитис» П. Луиса (СПб., 1907) Анненский писал о том, что русский язык не подходит для переложения таких произведений: «Legrand был предвосхищен Пьером Луис, позже автором шутливой проделки с песнями Билитис, которую, кстати сказать, едва ли не напрасно перевели недавно по-русски, так как язык Серпиона, Аввакума и Достоевского невольно обличает бесстыдство александрийских статуэток»⁸.

В статье «О современном лиризме», обсуждая лексический и фонетический облик стихотворений молодых поэтов (Ю. Верховский, Н. Гумилев, Вл. Пяст, С. Соловьев и др.), Анненский упоминает и Кондратьева, отмечая его увлечение экзотизмами. Как и в предшествующих статьях, Анненский обращает внимание на эстетизм Кондратьева («экзотичность обросла красивою строфою») и отвлеченность от реальности:

«Александр Кондратьев (два сборника стихов) говорит, будто верит в мифы, но мы и здесь видим только миф. Слова своих стихов Кондратьев любит точно, — притом особые, козлоногие, сатировские слова, а то так вообще экзотические.

Например, Аль-Уцца, — кто его знает, это слово, откуда оно и что, собственно означает, но экзотичность обросла красивой строфою, и слово стало приемлемым и даже милым —

В час, когда будет кротко Аль-Уцца мерцать,
Приходи, мой возлюбленный брат.
Две звезды синеватых — богини печать —
На щеках моих смуглых горят.

(Сб. «Черная Венера», с. 39)»⁹.

Кондратьев последовательно позиционирует себя как ученик Анненского. По его письмам к учителю видно, что он прислуши-

⁷ Там же.

⁸ Анненский И.Ф. Античный миф в современной французской поэзии // Гермес. 1908. № 8 (14). С. 210.

⁹ Анненский И.Ф. Книги отражений. М., 1979. С. 377.

вається к советам Анненского, во всем разделяет его суждения и интересы, вдохновленный опытом своего учителя, обращается к тем же сюжетам. В то же время художественная манера Анненского, его стиль и мировоззрение не заметны в поэзии Кондратьева. Здесь мы видим влияние Пьера Луиса, Хосе Мария Эредиа и других поэтов, также интересовавшихся Анненского.

В поэзии Кондратьева мы находим переключки с произведениями Х.-М. де Эредиа. Отметим некоторые из них. Например, название романа Кондратьева «Сатиресса» (1907) отсылает к стихотворению Эредиа «Кентавресса» (*La Centavresse*) из книги стихов «Трофеи». В обоих произведениях присутствует образ стада кентавров. В рецензии на роман ученика Анненский акцентировал его: «В конце повести стадо кентавров, надругавшись над дочерью Пана, убивает и ее, так что влюбленный в нее сатир Гианес может взять только ее холодную, смущающую сумрак белизну. [...] А что же для нас?.. торжество кентавров... стада кентавров?»¹⁰.

В сборнике «Черная Венера» (1909) Кондратьев поместил стихотворение «Анадиомена», сюжет которого — рождение Афродиты из пены — переключается с сонетом Эредиа «Рождение Афродиты». Как и Эредиа, Кондратьев посвятил цикл стихотворений сюжету об Артемиде. В отличие от французского поэта, который мифологические сюжеты облек в форму сонета, Кондратьев экспериментирует, для разных сюжетов используя новую поэтическую форму. Любопытно, что более поздний сборник «Славянские боги» Кондратьева представляет собой собрание сонетов, в которых славянские мифологические персонажи говорят о себе.

По рецензиям Анненского и кратким ответам Кондратьева на замечания учителя видно, что и ему художественная манера Кондратьева не была близка.

Различия в подходе к жанру заметны в воплощении мифологического сюжета о певце Фамире (Фамириде), на основе которого Анненский и Кондратьев одновременно, в 1906 г., создают свои произведения. Анненский пишет на этот сюжет драму «Фамира-кифарэд», Кондратьев — повесть, которую посвящает своему учителю. Повесть Кондратьева тогда же вышла в приложении к газете «Слово»¹¹. Трагедия «Фамира-кифарэд» Анненского (на основе сюжета утраченной трагедии Софокла «Фамир») опубликована была лишь посмертно в 1913 г.

2 августа 1906 г. Анненский писал А.В. Бородиной:

¹⁰ Анненский И.Ф. Кондратьев А.А. Сатиресса. [Рец.] // Перевал. 1907. № 4. С. 63.

¹¹ Понедельники газеты «Слово». 1906. № 13. 15 мая. С. 2.

Лет шесть тому назад я задумал трагедию. Не помню, говорил ли я Вам ее заглавие? Мысль забывалась мною, затиралась другими планами, поэмами, статьями, событиями, потом опять вспыхивала. В марте я бесповоротно решил, или написать своего “Фамиру” к августу, или уже отказаться навсегда от этой задачи, которая казалась мне совершенно тогда не выполнимой. [...]

Между тем в этом году, весной, мой ученик написал на этот же миф прелестную сказку под названием “Фамирид”. Он мне ее посвятил. Еще года полтора тому назад Кондратьев говорил мне об этом намерении, причем, я сказал ему, что у меня набросан план “Фамиры”, но совсем в ином роде — трагического. И вот теперь состоялось чтение моего “Фамиры”¹².

В 1908 г. Кондратьев пробовал написать на мифологический сюжет о певце Фамире драму, как и его учитель, о чем сообщал ему в одном из публикуемых нами писем, однако этот план не был реализован.

Произведения Анненского и Кондратьева отличает также трактовка мифологического сюжета и образа главного героя. В трагедии «Фамира-кифарэд» главный герой — гордый высокомерный музыкант — противопоставлен богам и людям, и за это наказан. В повести Кондратьева Фамирид представлен как герой, осмелившийся вступить в борьбу с богами. Анненский акцентирует проблему искусства и жизни, в то время как проблематика произведения Кондратьева сосредоточена в эстетической сфере. Его переложение древнегреческого сюжета о певце отличает именно то, о чем писал Анненский по поводу других произведений своего ученика — эстетизм, отсутствие веры писателя в создаваемый им самим художественный мир. В связи с этим Кондратьев и не смог написать драму на тот же сюжет. Он сам это понимал и сетовал в публикуемом письме: «...хотел было придать ему драматическую форму, но выходит одно огорчение... Действующие лица говорят, говорят и говорят... да так скучно!».

Письма публикуются по подлинникам из фонда И.Ф. Анненского: РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 334.

1. [Середина 1904–1905? Петербург]

Глубокоуважаемый Иннокентий Федорович,
очень и очень благодарю за книгу. Меня давно интересовал вопрос, кто ее автор. Вас, откровенно говорю, не подозревал, т.к.

¹² Анненский И. Книги отражений. М., 1979. С. 468.

думал, что Вы всецело преданы грекам и римлянам... И вдруг такая неожиданность!¹

Искренне Вас почитающий Ал. Кондратьев
Пересылаемого Вами изображения Ал. Толстого² в продаже не имеется.

Почтовая карточка (Carte Postale). Адрес: Царское село. Царскосельская Николаевская гимназия. Его Превосходительству Иннокентию Федоровичу Анненскому. — Дата на почтовом штампе неразборчива. Письмо написано несколько месяцев спустя после выхода в начале 1904 г. «Тихих песен» Анненского, но до конца 1905 г., пока Анненский еще оставался директором гимназии.

¹ Анненский отправил Кондратьеву свой первый сборник «Тихие песни», выпущенный под криптонимом Ник. Т-о. Кондратьев выражает удивление по поводу того, что в книгу включены переводы французских поэтов в разделе «Парнасцы и Проклятые». В письме к Брюсову 28 марта 1906 г. на вопрос об авторе «Тихих песен» Кондратьев отмечал: «Никто мой бывший директор и учитель, заставивший меня полюбить эллинскую красоту» (РГБ. Ф. 386, Карт. 90. Ед. хр. 5).

² Интерес к А.К. Толстому также объединял ученика и учителя; Анненский был автором статьи «Сочинения гр. А.К. Толстого как педагогического материал» (Воспитание и обучение. 1887. № 8. С. 181–191; № 9. С. 212–230), а Кондратьев, будучи ценителем и отчасти последователем творчества Толстого, посвятил ему литературно-критическое сочинение «Граф А.К. Толстой: Материалы для истории жизни и творчества» (СПб., 1912).

2. [29 января 1908. Петербург]

29 янв. 08

ул. Широкая, д. 10, кв. 8, Петерб[ургская] стор[она], СПб.

Глубокоуважаемый Иннокентий Федорович,
дорогой Учитель.

На днях случилось мне присутствовать на первом представлении Аристофановской комедии «Женщины в народном собрании»¹. Во вступительной речи, сказанной к публике перед поднятием занавеса, а также в газетных заметках указывается, что Аристофан иронизирует над Платоновской «Республикой». Меня взяло по этому случаю сомнение, и я, глубокоуважаемый Учитель, очень прошу его разрешить. Разве «Республика» была уже написана в то время, как появились «Экклезиасты»? Мне кажется, что сатира Аристофана, помимо вышучивания феминистического движения в Афинах, направлена против какого-либо софиста, предшественника Платона. Против кого именно?

И, действительно, существовало или нет феминистическое движение в Афинах?

Ответом на эти вопросы Вы очень обяжете меня, дорогой Иннокентий Федорович, т.к. ответ Ваш мог бы придать более серьезный характер рецензионной заметке моей для одной из московских газет.

Вас широко почитающий и любящий Александр Кондратьев.

¹ Кондратьев говорит о постановке комедии Аристофана «Женщины в народном собрании» (или «Законодательницы», *Ecclesiazusae*) в переводе В.Е. Теплова на сцене Марининского театра 26 января 1908 г.

3. [31 января 1908. Петербург]

31 января 1908 г.

СПб., Петерб[ургская]стор[она], Широкая ул., д.10, кв.8.

Дорогой Учитель,
глубокоуважаемый Иннокентий Федорович.

Большое спасибо за Ваше доброе письмо ко мне с ценными историческими указаниями. Почтительно Вас прошу принять от меня экземпляр моей еще не вышедшей в свет книги¹. На переплете ее, как видите, не указано ни цены, ни места склада издания. Когда она выйдет в свет — мне самому не известно. Этих экземпляров у меня только два. Один — для меня, другой по праву принадлежит Вам. Ибо если я кому-либо обязан любовью своей к античному миру, то исключительно Вам.

Сердечно преданный и благодарный Вам ученик Александр Кондратьев.

Письмо написано на бланке Управления железных дорог Министерства путей сообщения, где в 1902–1908 гг. служил Кондратьев.

¹ Сборник мифологических рассказов Кондратьева «Белый козел» (СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1908).

4. [16–18 июня 1908. Петербург]

16 июня 1908

Сердечно благодарю Вас, глубокоуважаемый Иннокентий Федорович, за любезно переданный мне Валентином Иннокентьевичем¹ оттиск Вашей статьи из «Гермеса»². Я прочитал ее, и не усуюсь до тех пор, пока не познакомлюсь с «Анкеем» и «Книгой Мелиссы» Вьеле-Гриффена, с «Улыбкой Эллады» Жака Маделен, «Дафнисом» Эмманюэля Синворе, с носящими заманчивые заглавия книгами Луи Пайэна³. Последний сборник Ж. Мореаса⁴ я просмотрел, и он мне не понравился, предшествовавших книг его

не читал. Несколько лет я уже мечтаю о том, как бы познакомиться с французским переводом стихов Мелеагра, начитавшись которых П. Луис написал свои «Песни Билитис»⁵, подобно тому, как Марсель Швоб писал свои «Mimes» под влиянием Геронда⁶.

Только связанные с хлопотами по перемене квартиры беспокойства и затруднения мешают мне тотчас же атаковать Цинзерлинга⁷ и порывшись в его каталогах оставить ему заказы с длинным списком книг и имен. Одним из первых стояло бы имя Марка Леграна, т.к. Пьер Луис вышел, если не ошибаюсь, из продажи. По крайней мере никто из знакомых моих не мог отыскать мне в Париже его перевода Мелеагра⁸.

Но почему Вы, Иннокентий Федорович, не сочли нужным упомянуть об Анри Ренье, Альберте Самэн и об одном из учеников Хозе М.-Эредиа, кажется Форе⁹, три раза уже «коронованном»? А, кроме того, мне казалось, что и оригинальные стихи Пьера Луиса стоили того, чтобы о них упомянули.

Вернусь в настоящее время с Фамиридом¹⁰; хотел было придать ему драматическую форму, но выходит одно огорчение... Действующие лица говорят, говорят и говорят... да так скучно! Вчера попытался было прочесть черновик первого акта, но меня взяла такая тоска, что бросил и решил вновь «когда-нибудь» переделать.

Мне понадобилась для драмы песенка о Дафне, преследуемой Аполлоном. Пробовал начать, но мне вспоминались стихи Сергея Соловьева, и я понял, что после него лучше не трогать этого мифа¹¹.

Вы читали его «Цветы и ладан», Иннокентий Федорович? Если не читали — прочтите¹².

Из молодых меня интересуют Б. Садовской в Москве и Гумилев с Ауслендером в Петербурге. Гумилев подает большие надежды и, когда по примеру Брюсова перестанет ломаться, безусловно даст несколько хороших вещей¹³.

Если Вольф благоприятно рассчитается со мною к июлю, то уеду из Петербурга, быть может даже в Италию¹⁴. Буду бегать там по табачным лавочкам и покупать открытки с фотографиями античной скульптуры. Попытаюсь проветрить немного свою запыленную железнодорожной трухой голову... А море, быть может, расскажет мне хотя бы самую коротенькую сказку... Я так давно не слушал этих сказок...

Если бы я не был женат, то Солнце увидело бы меня созерцающим стенную живопись Кносских раскопок, и сапоги мои дырjались бы о скалы Эллады. В хамаксе прокатился бы я по бульварам Афин... Теперь же если обстоятельства будут благоприятны, я отправляюсь на берега Адриатики.

Помолитесь за меня олимпийским богам, дорогой Учитель!

Вам преданный Александр Кондратьев.

18 июня.

Мой новый адрес: СПб., Петерб. стор[она], Бармалеева ул., д. 20, к. 10.

¹ Сын (лит. имя: В. Кривич; 1880–1936) И.Ф. Анненского.

² Статья Анненского «Античный миф в современной французской поэзии» («Гермес». 1908. № 7–10); далее Кондратьев перечисляет упомянутые в статье произведения.

³ Имеются в виду два «эллинистических создания» (по определению Анненского) поэта и либреттиста Louis Rayen (1875–1927) «Под сенью портика» и «Персей».

⁴ *Moréas J. Esquisses et souvenirs*. Paris: Société du “Mercure de France”, 1908.

⁵ В 1907 г. вышел перевод Кондратьева книги Пьера Луиса «Песни Билитис». Греческого поэта I в. до н.э. Мелеагра Гадарского («розу древней Аттики») указывал как один из образцов европейского «неоэллинизма» (в т.ч. Пьера Луиса) также М. Волошин в рец. на «Александрийские песни» М. Кузмина (1906) (*Волошин М. Лики творчества*. Л., 1988. С. 471–477).

⁶ Марсель Швоб (1867–1905) в названии своего цикла прямо отсылает к «Мимиямбам» греч. поэта III в. до н.э. Геронда.

⁷ Август-Вильгельм Федорович Цинзерлинг — петербургский издатель и книгопродавец.

⁸ В своей статье Анненский назвал переводы Марка Леграна «перепевами из Гомера, Аристофана, Мелеагра», отмечал влияние поэзии Мелеагра на творчество Пьера Луиса. (Гермес. 1908. №8 (14). С. 210).

⁹ Поль Фор (Paul Fort, 1872–1960) — французский поэт-символист, драматург, театральный деятель. Парижские литераторы в начале века объявляли его «королем поэтов».

¹⁰ Повесть Кондратьева «Фамирид» была опубликована в 1906 г.

¹¹ Стихотворение «Дафна» из цикла «Пиэрийские розы» первого сборника С. Соловьева «Цветы и ладан» (М., 1907).

¹² Анненский упоминает о сборниках С. Соловьева «Цветы и ладан» и «Стиги́агиум» (1908) в статье «О современном лиризме».

¹³ Ранний период (1903–1912) творчества Н.С. Гумилева принято считать ученическим, связанным с подражанием В.Я. Брюсову (см.: *Тименчик Р., Щербаков Р.* Переписка [В.Я. Брюсова] с Н.С. Гумилевым (1906–1920) // Литературное наследство. Т. 98. Кн. 2. М., 1993; *Богомолов Н.А.* Гумилев и оккультизм // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 113–145; *Лекманов О.А.* Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000). Оценка Кондратьева относится ко второму сборнику стихотворений Гумилева «Романтические цветы» (1908).

¹⁴ В издательстве Вольфа в 1908 г. вышел сборник рассказов Кондратьева «Белый козел». В этом году Кондратьев совершил поездку в Иерусалим.

5. [2 января 1909. Петербург]

02/01/09

СПб., Бармалеева ул., д. 20, кв. 10

Глубокоуважаемый Иннокентий Федорович,
Поздравляю с Новым Годом. Сердечно желаю здоровья и сча-

стья. Мой почтенный привет Дине Валентиновне¹ и Валентину Иннокентьевичу.

Сердечно Вам преданный ученик Александр Кондратьев.

Открытка. Адрес: Его Превосходительству Иннокентию Федоровичу Анненскому. Царское Село. Захаржевская ул., д.39.

¹ Жена (Надежда, или Дина, Валентиновна; 1841–1917) Анненского.

6. [28 марта 1909 ?]

*СПб, Петер[бургская] Стор[она],
Бармалеева, д. 20, кв. 10.
Суббота*

Дорогой Учитель,

Глубокоуважаемый Иннокентий Федорович.

Простите, что только теперь, отдышавшись немного от поглощавшей меня всецело служебной работы, отвечаю на Ваше полное расположения письмо... *Mea culpa!*..

Книга¹, о которой Вы мне пишете, не достаточно продумана и обработана. Вполне с Вами согласен, что не следовало взбираться на ходули (стр. 21)², дабы не показаться смешным в глазах тех, кто понимает дело... Спасибо за то, что не отчаиваетесь за мое будущее. Я же сильно опасаюсь, что такового вовсе не будет. Работа не дает времени для личной жизни. Питаю робкую надежду на лето, когда, кажется, буду иметь несколько свободных недель...

А так бы хотелось порою сесть и писать, все равно, что: прозаический рассказ, рецензию или одну из начатых и незаконченных драм... только бы писать, только бы видеть, как движутся вызванные из темного сна величавые образы древнего, боги, герои, чудовища, химеры и звери, только бы видеть, как блестит, озаряя лик, ласковое, хотя и высоко стоящее солнце!!! Как отраднo шумят сине-зеленые с белыми гребнями волны! Как приятно колыхаться на них в ярко раскрашенной барке вместе со стремящимися на подвиг героями! Ветер освежает бодрящим дыханием лицо, а на руках и одежде остаются следы белой соли от брызжущей пены...

Эти призраки, бледные, безгласные и еле заметные изредка издали манят меня за собою, и я не могу, не имею силы за ними последовать на Крит, где в темном лабиринте будет совершенно какое-то загадочное убийство, к берегам Трои, Сидона, Тира, Берита, откуда вывозят такие прекрасные ткани, на те маленькие острова, где среди безжалостных камней, бывших когда-то вершинами высоких затопленных гор, плывут одичавшие потомки горделивых атлантов...

И боги всех стран грустно кивают мне головою. «Ты мог бы снова дать нам подобие жизни», — беззвучно шепчут они с укоризненным взором. И это так грустно!...

Стихотворение о болотных бесенятах³ имеет такую подкладку. Кто-то из них открыл мне, что раз в лето, как будто весной, ибо, насколько я могу разуместь, мох на болоте все еще серо-желтого цвета, у них бывает обряд, нечто вроде судного дня у евреев. Один, возведенный в цари, приносится в жертву путем утопления. Жертва, по-видимому, носит искупительный характер и наполняет скорбью существо бесенят. Вполне согласен, что выражение «плакал» следовало бы заменить каким-нибудь иным. Но ведь бесенята в это время были жалкие и беспомощные...

Спасибо за те комплименты, которые оказались в письме, но еще больше благодарю за то, что не потеряли надежды относительно моей способности писать дальше...

Еще раз извиняюсь, что так непозволительно долго Вам не отвечал.

Шлю почтительный привет Дине Валентиновне.

Желаю по возможности весело провести праздники.

Ваш преданный и благодарный Александр Кондратьев

На стр. 7 «Черной Венеры», 10 строчке снизу вместо «за стеною» следует читать «за спиною»⁴, на стр. 21, 2-я строка снизу, вместо «среди» — «среть»⁵. А.К.

Датируется предположительно 1909 г.: Кондратьев указывает свой новый (со второй половины 1908 г.) адрес, при этом письмо написано в первой половине года (до лета); если праздники, с которыми он поздравляет Анненского, — пасхальные, то «суббота», вероятно, Великая (28 марта).

¹ Речь идет о втором поэтическом сборнике Кондратьева: Стихи: Книга 2 (Чёрная Венера) / Обл. Я. Бельзена. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1909.

² Речь идет о стихотворении Кондратьева «Щедрую властной рукой бросил я образы миру...», в котором поэт заявляет, что он «от сна пробудил фавнов, сатиров и нимф». Прибегая к гораццианской цитате: «Нет, не умру я совсем!», поэт говорит о том, что боги и существа, воскресшие в его поэзии, станут памятником ему.

³ «Болотные бесенята» («Мы — безвестная нежить болот...»).

⁴ В стихотворении «Лоно Геи кроют росы...» из цикла «Полумесяц». Имеется в виду следующий фрагмент: «Ночь простерлась над землею; / Стал стеной густой туман. / Чей-то брякнул за спиною / Переполненный колчан».

⁵ В стихотворении «Щедрую властной рукой бросил я образы миру...»; фрагмент «Дети печали моей, жадно вкусив бытия, / Будут блуждать, как отец, средь равнодушного света...».

7. [26 августа 1909. Поповка]

26 августа

Дорогой Учитель,

Глубокоуважаемый Иннокентий Федорович,

прежде всего спешу выразить Вам радость свою по поводу готовящейся на сцене Александринского Театра постановки Вашего перевода «Ифигении-жертвы»¹. На казенной сцене она поставлена будет несомненно лучше, чем несколько лет тому назад в зале Павловой, где мне удалось ее видеть... Помните, как хорошо играла Клитемнестру Котляревская?!...²

По поводу пьесы этой я и направляю Вам, дорогой Учитель, мое просительное письмо.

В той же дачной местности, что живу и я, несколько лет подряд обитает моя знакомая артистка Александринского Театра Мария Андреевна Ведринская³. Собираясь просить дирекцию, чтобы ей позволено было дублировать роль Ифигении, она тщетно пыталась достать в Петербурге оттиск Вашего перевода и теперь через меня просит Вас не отказать ей в высылке* экземпляра «Ифигении-жертвы», буде у Вас такой окажется свободный. Если же свободных экземпляров у Вас не найдется, то не укажете ли Вы, дорогой Иннокентий Федорович, где бы можно таковой приобрести (или хотя бы достать на прочтение).

Не знаю, как сыграет она эту роль, если ей последнюю предоставят (Н.А. Котляревский, по-видимому держит руку своей жены, которая соперничает с Ведринской). Могу сказать только, что всю вторую половину лета она усердно занималась изучением античных танцев под руководством довольно серьезной учительницы (ученицы недавно умершего в Москве гр. Алексея Бобринского⁴), которую вывез для Ведринской из Москвы «муж» ее Николай Александрович Попов⁵, бывший режиссер Московского Малого театра, теперь режиссер Соловцовского Театра в Киеве⁶. Этот Николай Александрович Попов представляет собой очень интересную личность, и если Вам когда-либо придется встретиться с ним, Вы наверно останетесь довольны этим знакомством. А может быть он и окажется когда-либо Вам полезным.

Что касается до Вашего покорного слуги, то он только теперь начал вкушать свой осенний заслуженный отдых после зимней, весенней и летней работы в Госуд[арственной] Думе⁷. Из-за летней работы я упустил возможность совершить очень удобно и дешево две заграничных поездки: одна на юг Франции, другая — в Англию. В особенности, жаль, что не удалось совершить последней. Мне так хотелось посмотреть Британский музей (вернее

* Петербургский адрес Ведринской: Фонтанка, д. 39. (Примеч. А.А. Кондратьева.)

античную скульптуру, там собранную). Ну, да возможность съездить туда не окончательно утрачена. По-прежнему мечтаю о том, чтобы приобрести во французском переводе Мелеагра и прочих греческих лириков. Надоел всем петербургским букинистам. Дорогой Иннокентий Федорович, не было ли новых французских изданий этих поэтов? Если были, пожалуйста, сообщите. Я их выпишу через Вольфа или Мелье⁸...

Прочел, что Вы состоите в числе основателей нового журнала «Аполлон»⁹. Не столько радуюсь тому, что этот журнал основан, сколько тому, что Вы будете играть в нем доминирующую роль.

Шлю мои лучшие Вам пожелания.

Мой городской адрес: Пет[ербургская] Ст[орона], Бармалеева ул., д. 20, кв. 10.

В Поповке пробуду до конца августа, после или перееду в Петербург, или уеду вместе с женою и сыном на Волынь, где проведу остаток каникул и займусь переписыванием и также отделкой нескольких новых рассказов своих¹⁰.

Обратный адрес: Ст. Поповка Ник[олаевской] ж.д., Подобедовка, Большой просп., дача П.П. Кондратьева. — Датируется 1909 г. на основании того, что в письме говорится о начале издания «Аполлона» и постановке «Ифигении-жертвы» в переводе Анненского в Александринском театре.

¹ Премьера состоялась 16 марта 1900 г. в зале Павловой (известие о готовившейся постановке: Театр и искусство. 1900. №11. 12 марта. С. 227). В Александринском театре трагедия в переводе Анненского была поставлена 25 сентября 1909 г.

² Вера Васильевна Пушкарева-Котляревская (1871–1942), актриса Александринского театра, жена академика Н.А. Котляревского, который тесно сотрудничал с петербургским Драмсоюзом.

³ М.А. Ведринская (1877–1948), в 1906–1924 гг. — актриса Александринского театра.

⁴ Гр. Алексей Алексеевич Бобринский (1864–1909), служил в дирекции Императорских театров.

⁵ Н.А. Попов (1871–1949), режиссер и театральный деятель.

⁶ Театр русской драмы под руководством Николая Соловцова (1857–1902) начал стационарно работать в Киеве с 1891 г. (сначала как «Товарищество драматических артистов», затем — театр «Соловцов»).

⁷ Кондратьев поступил на службу делопроизводителем в Канцелярию Государственной Думы в 1908 г.

⁸ Т.е., через сеть универсальной книжной торговли М.О. Вольфа или магазин Мелье и К^о (Невский пр., д. 20).

⁹ Заметки об издании журнала «Аполлон» появились уже в конце апреля 1909 г. См., например: «С осени возникает новый большой журнал “Аполлон”, типа “Золотого Руна”. Во главе журнала стоят С. Маковский, М. Волошин, И. Анненский и А. Волинский» (Литературная летопись // Речь. 1909. 20 апр. № 106. С. 4. Без подписи).

¹⁰ Возможно, речь идет о второй книге рассказов Кондратьева «Улыбка Ашеры» (СПб., 1911).

Литература

- Анненский И.Ф. Античный миф в современной французской поэзии // Гермес. 1908. № 8 (14). С. 210–213.
- Анненский И.Ф. Книги отражений. М.: Наука, 1979. 680 с.
- Анненский И.Ф. Кондратьев А.А. Сатириесса. [Рец.] // Перевал. 1907. № 4. С. 62–63.
- Богомолов Н. А. Гумилев и оккультизм // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 113–145.
- Литературная летопись // Речь. 1909. № 106. 20 апр. (3 мая). С. 4. Без подписи.
- Кондратьев А.А. Граф А.К. Толстой: Материалы для истории жизни и творчества. СПб., 1912.
- Кондратьев А.А. Фамирин // Понедельники газеты «Слово». 1906. № 13. 15 мая. С. 2.
- Лавров А.В. Автобиографии А.А. Кондратьева // ПОЛУТРОПОН: К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. Moscow, Indrik Publ., 1998. С. 770–787.
- Лекманов О.А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск: Водолей, 2000. 704 с.
- Тименчик Р.Д. А.А. Кондратьев // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 47–48.
- Тименчик Р.Д. Письма А.А. Кондратьева к Блоку // Литературное наследство. М.: Наука, 1991. Т. 92. Кн. 1. С. 552–562.
- Тименчик Р., Щербачков Р. Переписка [В.Я. Брюсова] с Н.С. Гумилевым (1906–1920) // Литературное наследство. М.: Наука, 1993. Т. 98. Кн. 2. С. 400–514.

References

- Annensky I.F. “Antichny mif v sovremennoi frantsuzskoi poezii”. *Germes*. 1908. № 8 (14), pp. 210–213.
- Annensky I.F. *Knigi otrazhenij*. Moscow, 1979.
- Annensky I.F., Kondratiev A.A. “Satiressa”. *Pereval*. 1907. № 4, pp. 62–63.
- Bogomolov N.A. “Gumilev i okkul'tizm”. In Bogomolov N.A. *Russkaya literatura nachala XX veka i okkul'tizm*. Moscow, 1999, pp. 113–145.
- Kondratiev A.A. *Graf A.K. Tolstoy: Materialy dlya istorii zhizni i tvorchestva*. St.-Petersburg, 1912.
- Kondratiev A.A. “Famirid”. *Ponedel'niki gazety “Slovo”*. 15.05.1906. № 13, p. 2.
- Lavrov A.V. “Avtobiografii A.A. Kondratieva”. *POLITROPON: K 70-letiyu Vladimira Nikolaevicha Toporova*. Moscow, 1998, pp. 770–787.
- Lekmanov O.A. *Kniga ob akmeizme i drugie raboty*. Tomsk, 2000. 704 p.
- “Literaturnaya letopis'.” *Rech'*. 20.06.1909. № 106. p. 4. (n.a.).
- Timenchik R.D. “A.A. Kondratiev”. *Russkie pisateli. 1800–1917*. Moscow, 1994. Vol. 3, pp. 47–48.
- Timenchik R.D. “Pis'ma A.A. Kondratieva k Bloku”. *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow, Nauka Publ., 1991. Vol. 92. Book 1, pp. 552–562.
- Timenchik R., Shcherbakov R. “Perepiska s N.S. Gumilevym (1906–1920)”. *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow, 1993. Vol. 98. Book 2, pp. 400–514.

Letters to the Teacher: On the Literary Relationship of Innokenty Annensky and Alexander Kondratiev

Kristina V. Sarycheva

Abstract: Alexander Kondratiev’s seven letters to his teacher Innokenty Annensky kept in the Russian State Archive of Literature and Arts have never

been published before though their fragments have been cited by the scholars. The letters help to reconstruct the relationships between the two writers. The first letter was written in 1905 when Annensky sent to his disciple a book of verse “Tikhie pesni” (“Quiet songs”, 1904). In the main block of correspondence (1908–1909) the two writers discuss their literary plans, contemporary works of art and literature. They were both interested in ancient mythology, literary and theatric interpretations of ancient myths and archetypal plots. Kondratiev considered himself Annensky’s disciple, although he was not his follower in literature; furthermore, Kondratiev’s literary manner was alien to Annensky. From Annensky’s point of view Kondratiev failed to find an appropriate literary form for the mythological plots.

Keywords: Innokenty Annensky, Alexander Kondratiev, ancient mythology, Russian symbolism, neo-mythologism, correspondence.

Information about the author: Kristina V. Sarycheva, PhD, State Museum of History of Russian literature, Moscow. E-mail: kr.sarycheva@gmail.com.

Из воспоминаний С.Г. Кара-Мурзы [1]

А.Л. Соболев

Аннотация: Впервые печатаются мемуарные очерки журналиста, театрального критика и библиофила Сергея Георгиевича Кара-Мурзы (1878–1956), которые должны были войти в его недописанную (или несохранившуюся в полном виде) книгу «Литературные воспоминания». В предлагаемых главах — рассказы о встречах с Чеховым, очерки о «трагической фигуре русской литературы» А.М. Моисеевой (Мирэ), не менее трагической судьбе Ал.Н. Чеботаревской и о Ю.К. Балтрушайтисе. Публикация предваряется кратким очерком его биографии. Продолжение мемуаров — в следующем номере ЛФ.

Ключевые слова: русская литература начала XX в., С.Г. Кара-Мурза, Чехов, А. Мирэ (Моисеева), Ю.К. Балтрушайтис, Ал. Н. Чеботаревская, литературные воспоминания

Информация об авторе: Александр Львович Соболев, независимый исследователь. Москва. E-mail: trirodov@gmail.com

Весной 1940 года, опасливо собираясь претендовать на скромнейший статус члена советского Литфонда и больше всего страшась публичного конфуза («могу ли я, без риска быть забаллотированным на старости лет»¹ etc), писатель Сергей Георгиевич Кара-Мурза (1878–1956) составил список своих публикаций. Для такого официального случая их нашлось ровно восемь: шесть статей, одна книга и один составленный сборник; первая из них датирована 1914-м годом, последняя — 1939-м. Демонстративная скудость этой автобиблиографии объяснялась сочетанием нескольких причин: с одной стороны, значительная часть его публицистических работ не стоила упоминания по условиям времени; с другой — как будто злой рок тяготел над всеми десятилетиями его литературного труда, не давая воплотиться значительным замыслам, останавливавшимся на разных стадиях.

«Сергей Георгиевич Кара-Мурза (журналист). Родился 29 января 1878 года в г. Симферополе (армяно-григорианского вероисповедания). Отец был купцом, вел торговлю шерстью. В роду вы-

¹ Из письма С.Г. Кара-Мурзы В.Г. Лидину от 7 апреля 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 2. Ед. хр. 92. Л. 3. Почти аналогичный текст был в тот же день отправлен И.А. Новикову (РГАЛИ. Ф. 323. Оп. 4. Ед. хр. 680. Л. 3–3 об.).

дающихся людей не было. Воспитывался в Лазаревском институте восточных языков в Москве, где окончил курс в 1899 г. Высшее образование получил в Московском университете по юридическому факультету, по окончании которого в 1903 г. записался в помощники к известному адвокату, ныне члену Государственной Думы Н.П. Шубинскому. С 1908 г. состоит присяжным поверенным округа Московской судебной палаты, занимаясь гражданской практикой. Журнальную деятельность начал еще с гимназической скамьи, печатая библиографические заметки в газете “Новости дня” и журнале “Семья”. В 1901 г. работал в статистическом бюро при Таврическом земстве под руководством С.М. Блеклова. В 1900 г. принимал участие в составлении “Галереи русских писателей”, изданной в Москве С. Сирмунтом под редакцией И. Игнатова, для которой написал более 25 литературных характеристик. В 1900–1903 гг. посещал собрания известного литературного салона В.А. Морозовой, где неоднократно читал рефераты. В 1902 г. в Московском литературно-художественном кружке сделал доклад “О драматических произведениях А.П. Чехова”, вызвавший оживленные прения, растянувшиеся на два вечера. В 1909 г. совершил первую поездку за границу и посетил города Германии и Франции. В 1910 г. совершил путешествие по Бельгии, Англии и Голландии. В 1911 г. посетил Австрию и в 1913 г. — Северную и Южную Италию. Кроме названных выше газет, сотрудничал в следующих изданиях: “Курьер”, “Московский вестник”, “Русское слово”, “Русская мысль”, “Путь”, “Новый путь”, “Век”, “Современник”, “Парус”, “Час”, “Московская газета” и др. В настоящее время подготавливает к печати одновременно две книги: 1) сборник литературно-критических статей и 2) собрание фельетонов о городах Европы, встречах и впечатлениях. До последнего времени пишет в различных московских газетах прогрессивного направления статьи по вопросам литературы, искусства и текущей жизни под следующими псевдонимами: К. Мур, Бумлер, Книжник, Саддукей. В 1906 г. им основано литературно-философское издательство “Дилетант”, которым выпущены в свет: “Наоборот” Гюисманса, “Калибан” Ренана, “Душа человека при социализме” Оскара Уайльда, “Пир” Платона, “Мое обнаженное сердце” Бодлера»².

Эта краткая автобиография (единственная известная на сегодняшний день³), написанная в куда более свободные годы, нуждается

² Автобиография 1913 г. См.: Автобиографии деятелей книги в собрании С.А. Венгерова. Публикация М.Д. Эльзона // Книга. Исследования и материалы. Сборник ХХІХ. М., 1974. С. 156–157. Ни один из двух анонсированных авторских сборников в свет не вышел.

³ Несмотря на все старания, нам не удалось ознакомиться с личным делом Кара-Мурзы, хранящимся в РГАЛИ (Ф. 631. Оп. 39. Ед. хр. 2589) и ожидающим истечения 75-летнего срока со дня его смерти.

ся в некоторых комментариях. Несмотря на задатки архивариуса и систематический склад ума, Кара-Мурза оставил материалы к собственной библиографии в сугубо беспорядочном виде. Основу их составляет грандиозное собрание вырезок его статей, напечатанных в разных газетах⁴, но почти все они — без обозначения источников, так что главным результатом их сквозного просмотра оказывается расширенный каталог псевдонимов, под которыми автор выступал в печати: С. Кармин, Сергеев, Саддукей, Книжник, Факир, К. М., С., Бумлер, К. Мурзин, Друг, Карамзин, Б-ер, К. Мур, М., Фальстаф, Б., С. Крымский, Анатолий Х., Ар. Пр.

С одним из них связана дополнительная загадка: в 1905 и 1912 годах в Санкт-Петербурге вышли две книги, подписанные «К. Мурр» (где «К», конечно, означает «Кот»): от известного и даже зафиксированного в словаре Масанова псевдонима Кара-Мурзы подпись отличается удвоением конечного согласного. Первая из книг, комедия в 3-х действиях «По Домострою» (СПб., 1905), представляет собой остроумный, хотя и довольно безыскусный скетч из усадебной жизни. Вторая — «Сборник рассказов» (СПб., 1912), содержит, среди прочего, два изящных очерка о путешествии в Венецию и вполне гофманианскую миниатюру о пожилом антикваре, обнаружившем среди старого хлама бесценную икону. И петербургские, и московские библиографы безусловно атрибутируют эти книги нашему герою (а в каталоге РНБ наличествует даже выпущенная в 1951 г. типографская карточка, раскрывающая этот псевдоним) — между тем, ни в его бумагах, ни в автобиографических материалах нет следов подготовки этих изданий.

Другая заметная особенность его ранней критической прозы — приязненное внимание к литературе русского модернизма. Перу Кара-Мурзы принадлежит, например, один из первых сторонних сочувственных отзывов об Андрее Белом: откликаясь на «Несколько слов декадента...», он, в частности, писал: «Знакомо ли вам это имя? Оно мелькало иногда в газетах, главным образом в статейках о различных декадентских вылазках. Ему принадлежит некая “Симфония” — странная смесь памфлета с изящным, чисто-лирическим романом, пересыпанным довольно поэтичными образами и метафорами. В его статьях, подчас напыщенно фальшивых, нередко слышны искренние нотки»⁵. Среди наиболее заметных его выступлений в этой области — пронциательная статья-некролог о Коневском, содержащая не только высокую оценку творчества покойного автора («в лице погибшего поэта мы потеряли необыкновенно тонкий, оригинальный, я бы сказал — благоуханный талант»), но и похва-

⁴ РГБ. Ф. 561. Карт. 17. Ед. хр. 1 («Мои статьи на литературные темы»).

⁵ Бумлер. Открытое письмо декадента // Новости дня. 1903. № 7191. 14 июня. С. 5.

лы другому, столь же непризнанному поэту: «Он нередко употребляет архаические русские слова, из боязни банальным обиходным словом навлечь оттенок будничной пошлости на изображаемый предмет. В этом отношении Коневской несколько напоминает другого, также мало известного, но весьма оригинального поэта Вячеслава Иванова»⁶.

При этом, в согласии с особенностями эпохи, главное его участие в литературе было не столько творческим, сколько биографическим: с начала 1900-х годов адрес квартиры, принадлежавшей ему и его жене, М.А. Кара-Мурзе (урожд. Головкиной, в первом замужестве Гончаровой) сделался одним из важных пунктов московской богемной топографии.

«В доме московского адвоката Сергея Георгиевича Кара-Мурзы к литературе относились с благоговением. Все, связанное с писателями, было в этом доме овеяно поэтической дымкой.

В прихожей огромной квартиры в доме страхового общества “Россия” на Сретенском бульваре в Москве посетителя встречал невысокий, милейший по своим душевным качествам хозяин. С мальчишески-румяными блестящими щеками, с живыми умными глазами на круглом лице, весь как-то уютно сбитый, Сергей Георгиевич умел создавать высокое литературное настроение на своих “вторниках”. “Вторники” Кара-Мурзы были в годы, предшествовавшие революции, популярны в литературной Москве. Они следовали традициям московских литературных салонов, даже своим названием повторяя знаменитые “вторники” поэтессы прошлого века Каролины Павловой, о которых осталось немало воспоминаний.

“Вторники” Кара-Мурзы были, конечно, скромные и ни на какие литературные аналогии не претендовали. Это было просто чтение писателями своих произведений за большим чайным столом, и

⁶ *Крымский С.* Неизвестный поэт // *Семья*. 1904. № 6. 8 февраля. С. 10, 11. Позже его отношение к Иванову переменится: «Чем-то затхлым и фальшивым несет от всех этих умопостроений отвлеченного теоретика. Вяч. Иванов — человек не без способностей, но он придушил в себе все свежие ростки непосредственного литературного дарования безжизненным педантизмом и сухим гелертерством однобокого германского типа.

Это — Вагнер из “Фауста”, наивный буквоед наших дней, целые годы просяживающий в Риме за древними фолиантами ватиканской библиотеки, а потом в Москве, на Зубовском бульваре, измышляющий на основании добытой за границей католической премудрости квазиновые, абстрактные теории об искусстве, о поэзии, о ритме и вот теперь о театре. Увы, все эти мудреные ивановские теории лишены даже кажущейся внешней прелести новизны. Лет шесть-семь тому назад, все в Петербурге и Москве были помешаны на соборности искусства, и только тот, кому было лень, не философствовал на тему о церковности и театральности» (*Кара-Мурза С.Г.* Театр и церковность // РГБ. Ф. 561. Карг. 8. Ед. хр. 6. Л. 1–2).

почти все новое, возникавшее в литературе, не миновало этих “вторников”; тот или другой молодой писатель появлялся в очередном порядке у Кара-Мурзы и уходил обычно от него обласканным»⁷.

Летописи этих собраний не велось, а повестки выпускались occasionally, так что судить о темах собеседований и составе участников можно лишь приблизительно. Так, среди писем Кара-Мурзы к С.П. Боброву сохранились приглашения на доклады С.Я. Рубановича «Демонизм Лермонтова» (2 декабря 1914 г.), Б.М. Рунт «Скорбная улыбка» (о стихах Анны Ахматовой) (9 декабря 1914 г.), самого С.П. Боброва «Бумажный городок» (о творчестве А. Белого) (23 декабря 1914 г.) и А.Ф. Струве — «Ритм и динамика в искусстве» (17 февраля 1915 г.)⁸.

Еще в меньшей степени поддаются учету знакомые и гости Кара-Мурзы: так, документально зафиксировано знакомство с Б.К. Зайцевым⁹, Н.Е. Пояровым¹⁰, А.Н. Емельяновым-Коханским¹¹, М.А. Во-

⁷ *Лидин В.Г.* Друзья мои — книги. М., 1976. С. 149.

⁸ РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 1. Ед. хр. 35. О тексте сообщения Б.М. Рунт можем судить по публикации (*Рунт Б.* Скорбная улыбка. О стихах Анны Ахматовой // Женское дело. 1914. № 9. С. 11–12), статья Боброва также напечатана (*Бобров С.* Бумажный городок // Современник. 1914. № 12. С. 240–247); остальные нам неизвестны.

⁹ «К[ара]-Мурзу зовут Сергей Георгиевич, как будто ваш сын, — но похож больше на московский каравай или каменную бабу из Истор[ического] музея. [...] Адрес Кара-Мурзы: Петровка, Салтыковский пер. д. Головкиной, кв. 1» (письмо к Г.И. Чулкову от 17 октября 1906 г. // *Зайцев Б.* Собрание сочинений. Т. 10. Письма. 1901–1922 гг. М., 2001. С. 30; адрес позже переменялся). Ср. кстати другой, более комплиментарный портрет: «Одним из ярких членов был С.Г. Кара-Мурза. Очень темпераментный, с лицом татарским, с очень красивыми черными глазами, С. Г. часто выступал у нас с прекрасными докладами. [...] Вот песенка моего сочинения: Кара-Мурзе в дни юбилея / Дарю я песню и припев. / На книжной нашей ассамблее / Мне не пришлось прочесть их нараспев. / Мы любим все Мурзу как брата / Он в теле и в душе поэт. / Кара-Мурза — дезидерата, / Кара-Мурза — наш раритет» etc («Бесконечно дорогое, родное и любимое дело»: дневник букиниста и коллекционера Э.Ф. Ципельзона / Публ. и предисл. О. Андреевой // Библиофилы России. Альманах. М., 2009. Том VI. С. 284–285).

¹⁰ Ср. в его письме к В.И. Стражеву от 9 февраля 1913 г.: «В четверг на чтении в литературном салоне П.К[ожевникова], где Кожевников прочел рассказ и несколько миниатюр и был прочитан рассказ М. Криницкого. [...] Вечер прошел оживленно — прели и прели (было душно и накурено). Из новых был Крачковский с каким-то приятелем и некий Топорков, из новых дам к моему ужасу не было ни одной новой, но зато не было и Кара-Мурзы» (РГАЛИ. Ф. 1647. Оп. 1. Ед. хр. 373. Л. 14–14 об.).

¹¹ «Сегодня в редакцию пришел ко мне Емельянов-Коханский. Вздолбанный, обиженный, он резко выражал мне свое неудовольствие по поводу того, что я рассказывал о стихах Брюсова, напечатанных в его книге. Ему передал

лошины¹², В.Ф. Ходасевичем и А.И. Ходасевич¹³, И.Г. Эренбургом¹⁴, В.М. Инбер, А.Н. Толстым¹⁵ и многими другими¹⁶. Значительно расширить этот круг позволили недавно обретенные альбомы кружка: в биографическом перечне, сопровождающем их предварительное описание, значатся шестьдесят пять имен¹⁷. При этом вынужденная неполнота его (часть альбомов утрачена) вполне очевидна — так, хронологически первый из известных нам мемуарных очерков Кара-Мурзы посвящен отсутствующему в них Н.Н. Сапунову¹⁸.

В этом очерке хорошо видна складывающаяся воспоминательная манера автора: сочетание личных наблюдений, инкорпорирован-

об этом (неизвестно зачем) Кара-Мурза» (*Аишукин Н.С.* Заметки о виденном и слышанном / Публ. и коммент. Е.А. Муравьевой // Новое лит. обозрение. 1999. № 36. С. 143).

¹² См. его письмо к матери от 5/28 октября 1911 г. // *Волошин М.* Собр. соч. М., 2010. Том 9. Письма 1903–1912. С. 631 (публ. В.П. Купченко и А.В. Лаврова).

¹³ Ходасевич передавал жене привет от Кара-Мурзы с пометой «видел его в трамвае» (письмо от 8 февраля 1922 г. // РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 15). На рубеже 1910-х и 20-х годов обсуждался план пребывания А.И. Ходасевич на даче (?) Кара-Мурзы, ср. в ее недатированном письме к мужу: «Сейчас подали письмо от М.А. Кара-Мурзы. Вот его содержание:

“Дорогая Анна Ивановна!

Очень извиняюсь, что долго не могла Вам ответить: была больна, — очень тяжело переживаю потерю отца. Из нашего проекта, очевидно, ничего не выйдет: Сережа ни в каком случае не соглашается брать с Вас деньги. Будем очень рады если приедете погостить. Целую Вас. Ваша М.К.М.”

Вот тебе и фунт! Что мне теперь делать? Фраза “из нашего проекта очевидно ничего не выйдет” мне ясно [sic] что Сер. Георг. не хочет, чтобы я жила целый месяц, “погостить” — это три дня» (РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 5–6).

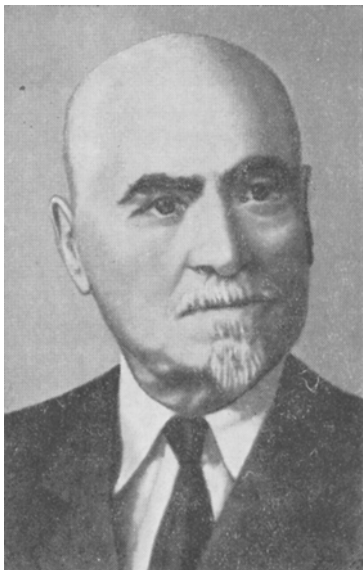
¹⁴ Ср.: «Зимой 1917/18 года мы часто бывали у С.Г. Кара-Мурзы, верного и бескорыстного друга писателей; там мы ужинали, читали стихи, говорили о судьбе искусства» (*Эренбург И.* Люди. Годы. Жизнь. М., 1990. Т. 1. С. 151).

¹⁵ Ср.: «На квартире у С.Г. Кара-Мурзы мне было тепло и уютно. Тепло шло от самого хозяина и от хозяйки, Марии Алексеевны. Помню, А.Н. Толстой читал в доме Кара-Мурзы свою повесть “День Петра”» (*Инбер В.М.* Страницы дней перебирая... М., 1977. С. 322).

¹⁶ Ретроспективные впечатления многолюдности собраний рождали в мемуарах второго порядка некоторые химеры на манер следующей: «Алчная хроника изустной мемуаристики рассказывала, как там мирились-ссорились Валерий Брюсов и Андрей Белый, поочередно, а то и вместе сопровождавшие “недостойную их” (а может, как раз достойную?) разлучницу-красавицу по имени, кажется, Нелли» (*Данин Д.* ...и Андрей Гончаров (Из «Книги без жанра») // Панорама искусств. [Вып.] 13. [М., 1990]. С. 359; вряд ли нуждается в комментарии нежизнеспособный гибрид Н.Г. Львовой и Н.И. Петровской).

¹⁷ *Адашкина Н.Л.* Содружество муз. Литературно-художественный кружок Кара-Мурзы // Третьяковские чтения. 2012. Материалы научной конференции. М., 2013. С. 173–176.

¹⁸ Н. Сапунов. Стихи, воспоминания, характеристики. М., 1916. С. 27–38.



С.Г. Кара-Мурза

ных в текст документальных источников, исторических анекдотов, искусствоведческого анализа, записанных с чужих слов эпизодов и широких обобщений. Несколько лет спустя, подступая к широкому мемуарному полотну, сам Кара-Мурза так охарактеризовал выходящий из-под своего пера текст:

«То, что я хочу предложить сегодня вашему вниманию, не является ни книговедческим докладом, ни историческим очерком. Это глава из книги моих воспоминаний, в которой есть, однако, элементы и первого и второго.

Она написана в плане мемуарном, в котором автора интересуют столько же людские дела и труды, сколько и сами люди, личности с их оригинальной индивидуальностью и неповторимым своеобразием.

Рассказ мой ведется, так сказать, елочкой, с отклонениями от главной темы то влево, то вправо для изложения попутных воспоминаний и пришедших на память эпизодов»¹⁹.

Утратив в 1917-м году адвокатскую практику одновременно с привычным образом жизни («Сенат закрыт рукой Фортуны... / Доходных дел уж больше нет / И я по милости коммуны / Из адвоката стал поэт»²⁰), Кара-Мурза неожиданно приобрел новое применение своим талантам, сделавшись участником и летописцем Русского общества друзей книги. Именно с работой РОДК связано возникновение ряда его мемуарных текстов, первоначально писавшихся в качестве докладов на заседаниях. Так, 11 декабря 1925 г. состоялся вечер, посвященный 25-летию издательства «Скорпион», к которому была подготовлена выставка скорпионовских книг и графических материалов²¹. Кара-Мурза произносил вступительное слово и оглашал приветствие от одного из близких к издательству лиц, перед которым отчитывался три дня спустя:

¹⁹ *Кара-Мурза С.Г.* Русское общество друзей книги (Московские библиофилы). Воспоминания. М., 2011. С. 9.

²⁰ Там же. С. 178.

²¹ *Марков А.* Магия старой книги. Записки библиофила. М., 2004. С. 318.

«Глубокоуважаемый Борис Николаевич!

Чрезвычайно приятно было получить от Вас письмо и приветствие С.А. Полякову. Правление Общества Друзей книги приносит Вам свою искреннюю благодарность. Заседание прошло очень удачно и оживленно. Почти с исчерпывающей полнотой была представлена выставка изданий “Скорпиона”, имевшая очень большой успех и вызвавшая волнующие воспоминания людей моего возраста. Ваше приветствие пришлось огласить мне, т.к. я имел возможность еще накануне ознакомиться с ней [sic], проштудировать ее и прорепетировать исполнение. Несмотря на мое далеко не выразительное чтение, за которое я просил у слушателей снисхождения, Ваше приветствие произвело очень глубокое впечатление; письмо было выслушано с большим вниманием. За стол президиума были приглашены: С.А. Поляков, И.М. Брюсова, Феофилактов, П. Кузнецов, Эттингер и Шик. Приветствия были произнесены от Академии Художественных Наук, от П.С. Когана, Союза Писателей, Художественного Театра, Публичной Ленинской библиотеки, Книжной Палаты, Ленинградского Общества Библиофилов и др. Союз Писателей подарил С.А. [Полякову] Энциклопедический словарь. У Правления нашего Общества возникла мысль издать брошюру — памятку, посвященную “Скорпиону”, в которой мы предполагаем, — с Вашего разрешения — поместить Ваше приветствие. В заседании были помянуты Брюсов, Блок и Ликиардопуло (Вам, вероятно, известно, что он недавно умер в Англии в больнице для душевнобольных и похоронен в Брайтоне).

Что касается вопроса, затронутого Вами в письме ко мне о возможности издания Ваших воспоминаний в Москве, то мне за сутолокой не удалось поговорить с С.А. Сделаю это на днях.

После заседания в Союзе писателей был банкет, в котором участвовало до 70 человек.

Посылаю Вам на память повестку.

С искренним к Вам уважением

С. Кара-Мурза

P.S. Не будете ли Вы, Борис Николаевич, так добры как-нибудь прочесть в нашем обществе доклад? Чем его тема будет интимнее, тем он дороже для нас.

СКМ»²².

Упомянутая в письме брошюра так и не вышла (сохранилась лишь обычная родковская памятка-повестка), но сам текст вступительного слова уцелел²³. Несмотря на его юбилейную функцию

²² Письмо к А. Белому от 14 декабря 1925 г. // РГБ. Ф. 25. Карт. 27. Ед. хр. 10а. Л. 1–2 об.

²³ РГБ. Ф. 561. Карт. 1. Ед. хр. 4. Текст будет помещен в следующем номере «Литературного факта».

нальность, он написан той же, по собственному определению автора, «елочкой» — с многочисленными экскурсами сугубо мемуарного характера. В схожей манере выдержаны и другие воспоминательные речи Кара-Мурзы, формальным поводом для которых служили отмечаемые юбилеи — о художнике Модесте Дурнове в том же РОДК, о Брюсове — в мемуарной секции Союза Писателей, о Чехове — в Доме ученых²⁴. Постепенно примеряемая им на себя роль хранителя культурной памяти (в шуточной цеховой газете с озорным названием «Неправда» он был назначен исполнителем «мемуарного романса» из «Русалки» Даргомыжского: «Мне все здесь на память приводит бывшее»²⁵) заставляет его все чаще выступать в качестве критичного респондента, расшифровывая для младших современников забытые имена малозаметных участников литературной жизни. Заполняя деизидераты комментария Н.С. Ашукина к дневникам Брюсова, Кара-Мурза создает сюжетные маргиналии на полях именного указателя: «Хесин. Очень скоро отошел от декадентов и превратился в заурядного газетного сотрудника, вернее, рекламного работника в Петербурге. В настоящее время за растрату казенных денег приговорен к 5 годам тюрьмы»²⁶; «А.Ф. Филиппов (Алексей Фролович). Бывший адвокат, помощник Алекс. Ив. Урусова. Соредатор и соиздатель “Русского обозрения”. Во время войны — владелец петербургской банкирской конторы. После октябрьского переворота — один из виднейших сотрудников петербургского ЧЕКА. В Москве организатор учреждения под названием “Исполкомдух” — призванного было регулировать деятельность духовенств всех вероисповеданий. Вскоре учреждение было ликвидировано и Фил[иппов] арестован. По освобождении он выступил с проектом скупать за границей все долговые обязательства России за бесценок. Был выслан в Ярославль. По возвращении служил в Деткомиссии. Женат на сестре Ф.Э. Дзержинского, которая тоже была выслана»²⁷ etc.

²⁴ Перечислены в письме к С.Н. Дурылину от 17 июля 1942 г. (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 2. Ед. хр. 547. Л. 3–5).

²⁵ Неправда. Газета не ежедневная и не дельная, неполитическая и беспечельная, беспартийная и беспринципная, непечатная и нестереотипная. 16 ноября 1923. № 1 // РГАЛИ. Ф. 2558. Оп. 2. Ед. хр. 1870. Л. 1 об.

²⁶ Письмо к Н.С. Ашукину от 5 июня 1927 г. // РГАЛИ. Ф. 1890. Оп. 3. Ед. хр. 278. Л. 5. Восемь лет спустя он снова вспомнит об этом неприметном герое: «Хесин Николай Павлович. В ту пору гимназист-декадент из компании бр[атьев] Койранских. Впоследствии театральный критик, журналист. Сейчас живет в Москве» (письмо от 3 июля 1935 г. // Там же. Л. 11 об.).

²⁷ Письмо к Н.С. Ашукину от 5 июня 1927 г. // Там же. Л. 6. Здесь, увы, не место говорить о манящей биографии этого эпизодического вкладчика «Весов». Экземпляр печатного издания брюсовских дневников, поднесенный Ашукиным с инскриптом «Сергею Георгиевичу / Кара-Мурза / в знак истинного уважения / Ник. Ашукин / 12 VI 1927 / Москва», описан: *Молодяков В. Во-*

В середине 1920-х годов Кара-Мурза работает над книгой о писательских суицидах, которая также должна была включать несколько мемуарных очерков. 9 июня 1927 года он при посредстве М.А. Цявловского предлагал ее для публикации в издательство Сабашниковых:

«Дорогой Мстислав Александрович!

Прошу Вас об одном одолжении. Не будете ли Вы так добры рассмотреть с Вашими товарищами по редакции и ответить мне на следующий вопрос: могу ли я рассчитывать выпустить в издательстве Сабашниковых заканчиваемую мной книгу “Писатели-самоубийцы”, написанную главным образом на основании личных воспоминаний и впечатлений. В этой книге мной излагаются материалы к биографии писателей и поэтов-самоубийц, их литературная характеристика (вкратце), мотивы их личной драмы, последние часы жизни, предсмертные записки, способ самоубийства и пр. Я пишу о следующих литераторах: С.Н. Елеонский, А.И. Косоротов, И.И. Зачесов, Д.В. Ульяновский, И.А. Скворцов, Л.М. Родионов, М.П. Свободин, Виктор Гофман, Лозина-Лозинский, И.В. Игнатьев, Анастасия Чеботаревская, Александра Чеботаревская, Анна Мар, Н.Г. Львова, Муни, Бор. Савинич, Бор. Койранский, И.И. Щукин, Н.П. Лопатин, Ф. Купчинский, В.П. Обнинский, И.А. Коновалов, Н.Л. Тарасов, Б. Ропшин, Ник. Кузнецов, С.С. Раевский, Есенин, Андрей Соболев.

Всего 28 очерков. Книга листов на 12. При желании можно взять часть — наиболее крупные имена. На тот случай, если бы издательство приняло мое предложение, — я бы хотел, чтобы кем-либо из историков литературы было написано предисловие, в котором были бы указаны самоубийства писателей в 19 веке: Радищева, Милькеева, Гаршина, Ник. Успенского, Фета (?) и др. В прошлом году мою работу хотел издать “Колос”. И Фер. Ив. Витязев заручился согласием проф. Бехтерева написать к ней предисловие. Но “Колос”, как Вам известно, засох...

Буду Вам очень признателен за ответ.

Жму В[ашу] руку

Ваш С. Кара-Мурза»²⁸.

круг Брюсова: инскрипты и маргиналии // Библиофилы России. Альманах. М., 2016. Т. XII. С. 124.

²⁸ РГБ. Ф. 261. Карт. 4. Ед. хр. 41. Л. 1–2. Из перечисленных авторов, кажется, неочевидны прозаик Иван Иванович Зачесов (1870–1910), редактор журнала «Женское дело» Лев Михайлович Родионов (?–1915), журналист, критик и поэт Борис Павлович Савинич, прозаик и публицист Иван Андреевич Коновалов (1883–1911), поэт Николай Адрианович Кузнецов (1904–1924). С.С. Раевский — вероятно, Савелий Семенович Раецкий (1883–1925). О М.П. Свободине см. далее. И.А. Скворцов нам неизвестен.

По всей вероятности, книга полностью написана не была — в архиве сохранилось лишь несколько ее глав (в частности, о Муни, Игнатеве и Александре Чеботаревской); некоторые ее герои с разной степенью подробности упоминаются в других мемуарных текстах.

В 1929 году он предпринял еще одну попытку напечатать значительный автобиографический комплекс, обратившись к Б.П. Козьмину:

«Вы как-то любезно предложили мне дать что-нибудь в редактируемые Вами издания; но что я мог Вам дать, я, дилетант, интересующийся театральными и литературными (отчасти) темами. Но просматривая недавно мои дневники и записки, которые я в течение многих лет вел в молодости, я подумал, что кое-что можно было бы из них использовать, в частности, дневник 1905 года. В будущем году будет четвертьвековой юбилей этого года, который несомненно вызовет к себе повышенный интерес. У меня сохранился дневник за весь этот год, — все 365 дней, — веденный изо дня в день самым подробнейшим образом. Он не блещет ни литературными, ни иными какими-либо достоинствами; но в нем, по просту и без затей, совершенно объективно и строго беспристрастно, можно сказать, протокольно, отражен весь ход нарастающих событий, приведших к революции. Очень много места уделено рабочему движению, 9 января, гапоновщине, аресту Горького, забастовкам, демонстрациям, террористическим актам, аграрным волнениям, процессу Каляева, восстанию Потемкина, октябрьской забастовке, вооруженному восстанию и пр.

Мне бы очень хотелось, чтобы Вы прочли хотя бы одну или две главы (которые переписаны на машинке) и откровенно высказали свое мнение: представляет ли дневник какой-либо интерес и можно ли из него что-нибудь сделать»²⁹.

Этот план также не увенчался успехом — более того, насколько можно судить по слегка обиженному тону следующего письма («Очень Вам благодарен за то, что Вы взяли труд просмотреть мою рукопись. Я никак не рассчитывал поместить дневник в редактируемых Вами изданиях»³⁰), отказ носил достаточно демонстративный характер.

Еще одним стимулом к тому, что в частной переписке Карамурза называл «развертывать свиток своих воспоминаний»³¹, служило активное его сотрудничество в зарубежной прессе. Отвергая

²⁹ Письмо от 1 июля 1929 г. // РГБ. Ф. 520. Карт. 44. Ед. хр. 93. Л. 1–2.

³⁰ Письмо от 6 августа 1929 г. // Там же. Л. 3. Сохранилась машинописная копия дневника за 1905 г.: РГБ. Ф. 561. Карт. 1. Ед. хр. 1.

³¹ Письмо к Н.С. Ашукину от 3 июля 1935 г. // РГАЛИ. Ф. 1890. Оп. 3. Ед. хр. 278. Л. 12.

очевидную и нарастающую небезопасность этого занятия, он как минимум до середины 1930-х годов вел обширнейшую и, кажется, ничем не стесненную переписку с заграничными корреспондентами. Иногда она касалась простого книгообмена (так, благодаря Кара-Мурзе Д.Д. Бурлюк получил давно чаемый «Кипарисовый ларец», выслав в ответ новинки собственного книгоиздательства³²), но чаще была связана с выступлениями в иностранной периодике. Рекомендуясь в 1933 году актрисе Н.Э. Трухановой (Игнатъевой) в качестве историка театра, Кара-Мурза сообщал: «Ввиду того, что моя книга еще не скоро увидит свет, я стараюсь опубликовать отдельные ее главы в периодических изданиях, как советских, так и заграничных. Так напр.: в № 11 римского журнала “Scenario” помещена моя статья об Элеоноре Дузе³³, в № от 10 марта с.г. парижской газеты “L’ordre” напечатан мой очерк о Рашель, в Нью-Йоркском журнале “Crisis Magasin” опубликована моя работа об Ольдридже»³⁴.

³² Ср. в письме Кара-Мурзы к М.Н. Бурлюк от 5 февраля 1934 г.: «Чрезвычайно приятно было получить комплект Ваших последних изданий, из которых некоторые я видел в Литературном Музее Маяковского, но многое было для меня совершенно ново. Из этих материалов я вижу, что у Вас такое обилие всяких мемуаров о Давиде Давидовиче, что мои ничтожные воспоминания, человека совершенно постороннего футуристическому движению и интересовавшегося им только в качестве объективного наблюдателя, должны показаться неуместными и вызвать недоумение. Поэтому, я думаю, будет лучше, если я воздержусь от присылки их Вам, — как думаете Вы?

“Кипарисовый ларец”, — как Вам известно, принадлежит к числу очень редких библиографических раритетов, но я приложу все усилия, чтобы найти его и прислать Вам в знак моей глубочайшей признательности Вам. Не откажите сообщить мне хотя бы открыткой другие Ваши книжные desiderata. Быть может, мне удастся найти что-нибудь поскорее, — раньше Анненского» (РГБ. Ф. 372. Карт. 12. Ед. хр. 32. Л. 1 об.–2). Некоторое время спустя Н.М. Бурлюк отвечала: «“Проза” Маяковского — если не затруднительно и “Кипарисовый ларец” — буду очень благодарна за присыл» (РГБ. Ф. 561. Карт. 18. Ед. хр. 25. Л. 1). Просьба была выполнена; ср. в письме Д.Д. Бурлюка к Н.А. Никифорову от 16 ноября 1957 г.: «книгу Анненского Марусе в 1932 [sic!] г. прислал Кара-Мурза из Москвы» (*Бурлюк Д.Д. Письма из коллекции С. Денисова*. Тамбов, 2011. С. 135).

³³ Важным посредником между Кара-Мурзой и итальянской периодикой служил Э. Ло Гатто, которого ему в 1931 г. рекомендовал Б. Грифцов; см. письма Кара-Мурзы к Ло Гатто (РГБ. Ф. 561. Карт. 18. Ед. хр. 7) и ответные: РГБ. Ф. 561. Карт. 19. Ед. хр. 17. В частности, 5 июня 1932 г. Ло Гатто писал: «Статья о Элеоноре Дузе в России может быть очень интересна итальянцам и потому прошу Вас прислать ее мне немедленно. Я сам займусь ее переводом и позабочусь, чтобы она была напечатана в большом итальянском журнале “Scenario”» (Там же. Л. 1–1 об.).

³⁴ Письмо от 30 июня 1933 г. // РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Ед. хр. 1177. Л. 1–1 об.

По всей вероятности, к середине 1930-х годов вызрел замысел итоговой мемуарной книги, рукописное оглавление которой (беловой и черновой варианты) сохранилось в архиве:

- «1. Улыбки писателя (Воспоминания о А.П. Чехове)
2. Чехов и Потапенко
3. Чехов и журфиксы С.П. Кувшинниковой (неопубликованные дневники и альбом “Попрыгуньи”)
4. А.М. Горький и интервью (о поэзии Некрасова)
5. Леонид Андреев (газета “Курьер”, В.П. Потемкин, Фриче, Коган, Шулятиков)
6. В.Я. Брюсов
7. Ю.К. Балтрушайтис
8. А.И. Сумбатов
9. Н.Д. Телешов
10. В.А. Гиляровский
11. А.И. Урусов и его пушкинский словарь
12. В.М. Дорошевич
13. Н.Е. Эфрос
14. С.С. Голоушев
15. Мирэ
16. Букинист Астапов
17. Прототипы романа “Что делать” (М.А. Сеченова)
18. Литературный салон В.А. Морозовой
19. Московские библиофилы (Русское общество Друзей Книги. 1920–1930 г.)»³⁵.

Палеографическая и эдичионная судьба этих глав складывалась по-разному. Так, очерк о Горьком был напечатан в 1936 году в нижегородской газете³⁶; воспоминания о Балтрушайтисе оказались опубликованы в 1934 году на литовском языке в Вильнюсе³⁷; «Московские библиофилы» обособились в качестве самостоятельного текста, разошлись внутри сообщества в машинописных копиях и были напечатаны уже в новейшее время. Часть упомянутых очерков известна лишь в рукописях (например, мемуары о Брюсове — в двух черновых вариантах³⁸); некоторые — в машинописи, причем иногда — несущей на себе следы допечатной подготовки, вплоть

³⁵ Оба варианта вложены среди листов машинописи его поздних воспоминаний (о которых речь впереди), см.: РГБ. Ф. 561. Карг. 1. Ед. хр. 8. Л. 5.

³⁶ *Kara-Murza S.* А.М. Горький и «интервью» // Горьковский рабочий. 1936. № 199. 29 августа. С. 3.

³⁷ *Kara-Murza S.* Jurgis Baltrusaitis // Kultura. 1934. № 9 (судим по библиографии; журнал остался нам недоступен).

³⁸ РГБ. Ф. 561. Карг. 2. Ед. хр. 7. Будут напечатаны в следующих номерах «Литературного факта».

до указаний наборщику; машинопись очерка «Улыбки писателя» оказалась в составе чеховского фонда в РГАЛИ; часть поименованных здесь текстов пока не разыскана вовсе.

Попытки опубликования этой книги почти не документированы — лишь на нескольких материалах видны анонимные скептические маргиналии наподобие следующих: «Это — любопытные, но слишком “семейные” записки; общественное значение их невелико. Как глава какой-то более объемлющей [sic] работы, большего обществ[енного] диапазона — они м.б. были бы уместны»³⁹. Вняв замечаниям такого рода, Кара-Мурза в 1947 году написал новую версию воспоминаний. Первоначально они были прочитаны весной 1947 года в расширенном заседании Отдела литературы XIX века Литературного музея под общим заглавием «Литературная Москва на рубеже XIX и XX столетий»⁴⁰. Впечатленный услышанным, Н.П. Анцыферов, исполнявший обязанности председателя, предложил Кара-Мурзе переработать текст в статью для сборника «Литературная Москва», расширив хронологический диапазон до 1916 года. Летом того же года текст был сдан и поступил в работу к редактору Н.Л. Степанову, который к следующей весне сформулировал свои пожелания, с одной стороны, касавшиеся библиографического оформления текста, а с другой — прояснения его идеологического каркаса — в частности, предписывалось уделить больше внимания характеристике большевистской печати и решительнее размежевать буржуазно-реакционную литературу с демократической. Поправки были внесены и рукопись благополучно принята издательством, но в дальнейшую ее судьбу вновь вмешался злой рок: вследствие оставшихся за кадром пертурбаций Гослитмузей передал все материалы сборника в Госкультпросветиздат — за исключением единственного материала: воспоминаний Кара-Мурзы. Формальной причиной служила утеря договора (что, в частности, позволило заказчикам сэкономить на авторском гонораре) но, кажется, эта история своей дурной вторичностью переполнила чашу терпения мемуариста и заставила его отбросить привычную корректность: «[...] меня крайне удивляет то несправедливое отношение ко мне Литературного музея, прибегающего к недостойным казуистическим приемам для того, чтобы не уплатить мне следуемого гонорара в том единственном случае, когда за десятки лет я единственный раз выполнил по его заказу платную работу»⁴¹. В качестве печального архивного па-

³⁹ Карандашная пометка на последнем листе машинописи главы «Литературный салон В.А. Морозовой» (РГБ. Ф. 561. Карт. 2. Ед. хр. 15. Л. 26).

⁴⁰ Далее сюжет излагается по копиям документов, хранящимся в: РГБ. Ф. 561. Карт. 1. Ед. хр. 8. Л. 191–217.

⁴¹ В комитет по делам культурно-просветительской работы РСФСР. Отдел инспекции. Жалоба на действия Государственного Литературного музея // Там же. Л. 212.

радокса готовая к печати рукопись этой книги — написанной с твердыми правоверными интонациями и вдобавок выхолощенной редакторской цензурой — сохранилась безупречно — в отличие от ее не в пример более любопытной предшественницы.

Насколько можно судить по неидеально сбереженному архиву, это была последняя попытка Кара-Мурзы опубликовать книгу воспоминаний. В дальнейшем он продолжал работать на радио⁴², участвовал в литературных мероприятиях и вел постоянно сужающуюся из-за убыли корреспондентов переписку. Умер он 9 октября 1956 года.

* * *

Очерки печатаются по машинописям с учетом последнего слоя правки: РГАЛИ. Ф. 1345. Оп. 7. Ед. хр. 20 («Улыбки А.П. Чехова»), РГБ. Ф. 561. Карт. 2. Ед. хр. 14 («Мирэ»), РГБ. Ф. 561. Карт. 2. Ед. хр. 5 («Юргис Балтрушайтис»), РГБ. Ф. 561. Карт. 12. Ед. хр. 21 («А.Н. Чеботаревская»).

* * *

УЛЫБКИ А.П. ЧЕХОВА

Я решаюсь поделиться своими воспоминаниями об Антоне Павловиче Чехове только для того, чтобы рассказать, как мне удалось вызвать несколько очаровательных улыбок на его прекрасном лице. Каждая улыбка Чехова была по-особому пленительна и своеобразна, всякий раз с новым оттенком: то веселая, то печальная, многозначительная или ироническая, загадочная или скептическая.

Шел 1901-ый год. Я был студентом Московского Университета и сотрудником московской газеты «Новости Дня», в которой некогда печатался и сам Антон Павлович. На столбцах этой газеты, как известно, был помещен первый и единственный роман Чехова «Драма на охоте»⁴³, в котором видим уже многообещающие блестящие пера будущего мастера слова.

Лето 1901 года я проводил на южном берегу Крыма, в Гурзуфе. В одно прекрасное августовское утро я совершенно неожиданно увидел на пляже, среди приглядевшихся лиц курортников, хорошо мне известного по фотографиям Антона Павловича Чехова вместе с женой. Можно себе представить мое волнение, когда я очутился в двух шагах от любимого писателя.

⁴² Перечисление его выступлений с указанием гонорара за каждое отложилось среди его деловых бумаг: РГБ. Ф. 561. Карт. 16. Ед. хр. 26.

⁴³ «Драма на охоте» печаталась в «Новостях дня» с августа 1884 по апрель 1885 г.

Это было счастливое лето для Чехова; он был здоров и хорошо настроен. 25-го мая этого года он обвенчался в Москве с Ольгой Леонардовной Книппер, начало лета провел с женой на кумысе в Аксенове, Уфимской губернии, а в июле приехал в Крым. Один месяц Чеховы провели в Ялтинском доме, а в начале августа перебрались в Гурзуф, где у Антона Павловича была своя дача⁴⁴.

Гурзуфская дача Чехова представляла собой то, что называется «ласточкино гнездо». Это была обыкновенная татарская сакля на вершине высокой скалы, отвесно впадающей [sic] в море. Так как там не было пляжа, то Антон Павлович с Ольгой Леонардовной ежедневно, в определенный час, спускались в курорт и отдыхали на берегу.

Со взрослыми Чехов совершенно не разговаривал, но очень охотно беседовал с детворой, игравшей на прибрежном гравии. Видимо и дети его любили, судя по тому, что все время возились около него. И я сильно завидовал этим малышам, имевшим возможность так просто общаться со знаменитым писателем, а я, такой горячий почитатель автора «Чайки» и «Дамы с собачкой», лишен был этой радости.

Но, так как на пляже знакомства завязываются довольно легко, я вскоре познакомился сначала с Ольгой Леонардовной, оказав ей какую-то мелкую услугу, а затем и с Антоном Павловичем. Узнав, что я студент Московского Университета и сотрудник «Новостей Дня», Чехов отнесся ко мне не совсем безразлично, а с некоторым вниманием. Еще теплее и доверчивее стало отношение ко мне Антона Павловича, когда он узнал, что я друг Миши Свободина, сына большого приятеля Чехова — Павла Матвеевича Свободина, известного артиста Александринского театра⁴⁵. Антон Павлович не раз,

⁴⁴ Сообщаемые Кара-Мурзой сведения отчасти противоречат «Летописи жизни и творчества» Чехова. Так, согласно последней, Чехов с женой приехали в Ялту 8–9 июля 1901 г., где пробыли до 20 августа, когда Книппер уехала в Москву; посещения Гурзуфа здесь не отмечены (см.: *Гитович Н.И.* Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. М., 1955. С. 670–672). Ныне выходящее второе расширенное издание летописи до 1901 г. еще не добралось.

⁴⁵ Свободин Михаил Павлович (1880–1906) — поэт-сатирик, публицист, юрист, посетитель «башни» Вяч. Иванова, приятель Волошина (см. в воспоминаниях их общего друга Ф. Арнольда: «Мишель Свободин был поэтом. [...] Мишель Свободин представлял из себя маленького востроносого человека с немного веснушчатым бритым актерским лицом, в пенсне с широкой тесьмой, с высочайшим, подпиравшим голову воротником. Его немного пшнотоватая внешность освещалась взглядом серых выразительных глаз, в которых блескел то юмор, то вдохновение» // Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990. С. 83–84; здесь же описание того, как он напросился на арест, чтобы быть высланным в Крым за казенный счет), за subtilность сложения прозванный «Микромихайла»; подписывал послания к Е.О. Волошиной «Ваш вроде как сынишка» (см. его приписку к письму биологического «сынишки»

и не без ласковости высказывался в своих письмах о Мише Свободине⁴⁶.

Студент-юрист, Свободин был очень одаренным поэтом, сотрудником журнала «Русская Мысль», удачно перевел в стихах пьесу Артура Шницлера: «Зеленый Попугай»⁴⁷. Его самоубийство наделало в свое время много шума в Москве.

Необычайно трагично сложилась судьба обоих Свободиныных: отец умер на сцене в 42 года, играя роль Карандышева в «Шутниках» Островского. Сын в 25 лет застрелился в 1906 г. на пороге квартиры оперной певицы Петровской⁴⁸.

адресата: *Волошин М.* Собр. соч. М., 2009. Т. 8. С. 215); см. также его неподписанный некролог: *Весы.* 1906. № 12. С. 76. Свободин Павел Матвеевич (наст. фам.: Козинко; 1850–1892) — драматический актер, приятель и корреспондент Чехова.

⁴⁶ Ср., напр., в письме к А.С. Суворину от 9 июня 1889 г.: «Неделю тому назад приехал ко мне Свободин с своим девятилетним сынишкой, очень милым и симпатичным неугомонно философствующим мальчиком» (*Чехов А.П.* Полное собр. соч. и писем. М., 1976. Письма. Т. 3. С. 223).

⁴⁷ В том же некрологе «Весов», среди прочего, упоминается: «Между прочим, в его переводе издана к[нигоиздательст]вом “Скорпион” трилогия Арт. Шницлера “Зеленый попугай”» (*Весы.* 1906. № 12. С. 76). Таким образом, именно ему принадлежит псевдоним М.О.И., которым подписан перевод в этом издании (см., среди прочего, о нем: Переписка [В.Я. Брюсова] с С.А. Поляковым (1899–1921) / Вступ. ст. и коммент. Н.В. Котрелева. Публ. Н.В. Котрелева, Л.К. Кувановой и И.П. Якир // *ЛН.* М., 1994. Т. 98. Кн. 2. С. 31, 32). В экземпляре, преподнесенном Чехову («Глубоко уважаемому и дорогому Антону Павловичу Чехову в память много хорошего. Мих. Свободин. 1900. 1 ноября») псевдоним поправлен от руки, так что вместо М.О.И. стало М.О.Й. (т.е. «Перевод М. О. Й.»), см.: *Балухатый С.* Библиотека Чехова // Чехов и его среда. Л., 1930. С. 313–314. Ср., впрочем, восходящие к неизвестному источнику сведения о том, что трилогия «была переведена стихами тремя студентами: Ф.К. Арнольдом, Э.А. Купфером и М.П. Свободиныным (сыном артиста Свободина, друга Чехова)» (Переписка А.П. Чехова и О.Л. Книппер. М., 1936. Т. 2. С. 38 (прим. А.Б. Дермана)). В действительности — в книге три пьесы («Парацельс», «Подруга» и «Зеленый попугай») и стихами переведена только первая из них. Ср., кстати, в письме Волошина матери от 3 мая 1900 г.: «Мишель продал перевод “Зеленого попугая” за 100 р. книгоиздательству московских декадентов “Скорпион”» (*Волошин М.* Собр. соч. Том 8. Письма 1893–1902. Сост. А.В. Лаврова. Подготовка текста и коммент. В.П. Купченко и А.В. Лаврова. М., 2009. С. 362).

⁴⁸ Ср. в другом мемуарном тексте Кара-Мурзы: «Плохо кончил и бедный романтик Мишель: он застрелился в ноябре 1906 года в Москве, в безнадежных поисках взаимности, на пороге квартиры известной оперной певицы З.В. Петровской. Значительный свет на самоубийство М. Свободина бросает одно его стихотворение, написанное за две недели до смерти, и поднимающее завесы над его внутренней жизнью» (*Кара-Мурза С.Г.* Литературный салон В.А. Морозовой // *РГБ.* Ф. 561. Карт. 2. Ед. хр. 15. Л. 20–21). Речь идет о Зи-

Антон Павлович давал мне небольшие поручения, которые я с необычайным наслаждением исполнял: узнавать, в котором часу приходят в Гурзуф севастопольские газеты, можно ли достать пароконный фаэтон на резиновых шинах для поездки на Аю Даг и др. Иногда Антон Павлович выезжал вместе с Ольгой Леонардовной кататься в экипаже на шоссе, «по над морем», как говорят в Крыму.

Чехов очень интересовался мелочами курортной жизни: каков был улов татар-рыбаков, вышедших ночью в море? Какие примёры подаются за табльдомом? Я тогда не знал, что такое примёры, и Антон Павлович мне объяснил, что это кушанья из нового урожая, блюда из свежего привоза.

В это лето Гурзуф переживал кризис: разорившийся владелец имения, бывший миллионер, купец Губонин, продавал курорт некоему князю Оболенскому⁴⁹, расслабленному, дегенеративному аристократу. Казалось, что происходит процесс, совершенно обратный тому, что составляет тему «Вишневого сада», где купец приобретает владение оскудевшего дворянства. Но оказалось, что князь Оболенский только фиктивная фигура, подставное лицо акционерной компании, покупающей курорт. Акционеры приезжали в Гурзуф контролировать действия своего «свадебного генерала», который вместо того, чтобы совершать деловые акты, устраивал фестивали, пикники с танцами, ночные прогулки на катере с иллюминацией, с оркестром музыки и т.д. Чехов с любопытством относился ко всем подробностям этой грандиозной сделки купли-продажи, и я ежедневно сообщал ему о курортных новостях.

Узнав, что я слушал курс лекций профессора В.О. Ключевского, Антон Павлович предложил мне воспроизвести манеру его речи. И когда я, не обладая никакой способностью к имитации, как мог, несколько по-мальчишески, изобразил как Василий Осипович жестикулирует и мимирует на кафедре, Чехов с необычайным добродушием улыбался.

наиде Васильевне Петровской, служившей в Оперном театре С. Зимина (см.: Леонид Витальевич Собинов. Т. 1. Письма. М., 1970. С. 402, 698).

⁴⁹ Основатель курорта Петр Иванович Губонин (1825 или 1828–1894) умер за некоторое время до описываемых событий; акционерное общество, имевшее целью возрождение Гурзуфа, было основано одним из его наследников Сергеем Петровичем Губониным (1852–?) и князем Алексеем Андреевичем Оболенским, ср.: «Для приобретения и эксплуатации на южном берегу Крыма известного имения “Гурзуф” С.П. Губонина — в Москве организовывается акционерное общество, учредителями коего являются князь Алексей Андреевич Оболенский и Сергей Петрович Губонин. Цель Общества — развитие в приобретенных имениях обширного виноделия и устройство образцового курорта» (Проект Организации Акционерного Общества «Гурзуф». М., 1900. С. 1; далее следует подробное экономическое обоснование проекта). См.: *Макарухина Н.М.* Гурзуф — первая жемчужина Южного берега Крыма. Кн. первая. Симферополь, 2012. С. 179.

В другой раз Антон Павлович спрашивал меня о «Новостях Дня», о редакторе Н.Е. Эфросе, об издателе газеты А.Я. Липскеров⁵⁰. Я рассказывал о том, что Абрам Яковлевич Липскеров живет магнатом в своем, известном Москве, шоколадном особняке у Красных Ворот⁵¹, имеет до двухсот тысяч рублей годового дохода: у него один из лучших в Москве выездов, он содержит большую конюшню, лошадей его тренирует знаменитый американец Вильям Кеттон, и они берут на конных состязаниях первые призы⁵². Потом я рассказал, какие вечера и ужины задает Абрам Яковлевич, как они многолюдны; настолько, что Липскеров сам не знает кто у него в гостях: к нему можно прийти, поужинать и уйти, не будучи известным никому из хозяев дома. Антон Павлович слушал меня с большим вниманием, а когда я кончил рассказ, он помолчал немного и потом с какой-то грустной иронией сказал: «А мне он платил по три копейки за строчку»⁵³, и улыбнулся горькой, саркастической улыбкой.

Вообще беседа с Чеховым была очень своеобразной: Антон Павлович был крайне малоречив: задавал лишь односложные вопросы и подавал самые короткие реплики. Зато слушал он необыкновенно внимательно, живо реагируя на слова своей выразительной мимикой, то и дело меняющей выражение его лица.

⁵⁰ Эфрос Николай Ефимович (1867–1923) театральный критик, историк театра. Липскеров Абрам Яковлевич (1848 или 1851–1910) — стенограф, журналист, предприниматель, автор уголовных романов, отец поэта К.А. Липскерова. Исключительно яркий его портрет содержится в мемуарах Амфитеатрова: *Амфитеатров А.В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих.* М., 2004. Т. 1. С. 267–271.

⁵¹ Адрес Липскеровых — Садовая-Спаская, собственный дом. На месте этого снесенного двухэтажного особняка, сохранившегося на фотографиях, сейчас расположено высотное здание.

⁵² Липскеров был владельцем значительного количества высококлассных скаковых лошадей; см., напр.: Заводская книга чистокровных лошадей в России (*Russian Stud-Book*). СПб., 1908. Т. XIII. С. 706. Так, в 1903 г. в гладких скачках участвовали 11 его лошадей, принесших более 8000 руб. призовых (*Скаковой календарь 1903 года, издаваемый Главным Управлением Государственного коннозаводства.* Т. 1. СПб., 1903. С. 625). Биографическими данными о тренере мы не располагаем.

⁵³ Ср. в воспоминаниях М.П. Чехова о деловых привычках Липскерова: «Бывало, придешь в редакцию, ждешь-ждешь, когда газетчики принесут вырчку.

— Чего вы ждете? — спросит наконец издатель.

— Да вот получить три рубля.

— У меня их нет. Может быть, вы билет в театр хотите или новые брюки? Тогда сходите к портному Аронтрихеру и возьмите у него брюки за мой счет» (*Чехов М.П. Вокруг Чехова. Встречи и впечатления.* М., 1959. С. 112).

Еще внимательнее отнесся ко мне Антон Павлович, когда я шутя сказал, что имею некоторое отношение к Московскому Художественному Театру. Какое же, — спросил Антон Павлович.

— А я был клакером.

— Как клакером, разве в Художественном театре существует клака? — насторожился Чехов. — Никогда не слыхал!

И я рассказал Антону Павловичу следующую историю. В январе 1899 года Художественный Театр поставил «Антигону» Софокла. Постановка была совершенно необычайная для современного русского зрителя. Она полностью воспроизводила внешний вид античного эллинского театра. Когда зритель входил в зал, он видел сцену уже открытой, какой она и оставалась во все продолжение спектакля. Занавес был раздвинут и не задвигался во весь вечер, а внизу, у самой рампы, алтарь Диониса. Трагедия состояла из нескольких актов.

Но если занавес не задвигается, то как дать понять зрителю, что акт кончился и начинается антракт? И вот В.И. Немирович-Данченко придумал следующее: посадить в разных местах партера нескольких студентов, которые, зная, когда кончается действие, должны были встать, зааплодировать, и тем подсказать зрителям, что начался антракт. Одним из этих студентов, в некотором роде клакеров, был я. На генеральной репетиции, мы, студенты-клакеры, в партере так же усердно репетировали свою роль, как и актеры на сцене.

Выслушав мой рассказ, Антон Павлович очень иронически усмехнулся и спросил:

— Помогали Софоклу? Вряд ли он в вас нуждался. Публика разобралась бы и сама.

И действительно: максимум предусмотрительности, проявленный В.И. Немировичем-Данченко, оказался напрасным. Вскоре зрители освоились со спектаклем и сами стали соображать: когда кончается действие и начинается антракт, и надобность в наших искусственных аплодисментах отпала. Клака была распушена.

Иногда Антон Павлович любил экзаменовать меня и проверять мои знания по части русской литературы, но делал это необычайно тонко и лукаво.

Среди курортной детворы на пляже была одна девочка лет 6–7, москвичка Маслова, которую особенно любил Антон Павлович. Звали ее Катей. — «Катюша Маслова» — сказал однажды Чехов, указывая на нее и испытующе глядя на меня, словно желая проверить: знаю ли я «Воскресенье» Л. Толстого. Да, сказал я, только не косит.

Антон Павлович, видимо, остался доволен моим ответом. Молча, одобрительно кивнул головой и ласково улыбнулся, словно говоря: ну, экзамен выдержали. Я и до сих пор встречаю на улицах

Москвы эту гражданку Маслову; сейчас это почтенная дама лет под шестьдесят.

В другой раз мы встретились в Гурзуфском парке, под платаном Пушкина, где великий поэт любил отдыхать, когда гостил здесь с семейством генерала Раевского.

Долго мы сидели молча; Антон Павлович безмолвно глядел на небо. Наконец он прервал молчание и сказал жене: «посмотри, какие занятные облака». А потом, помолчав еще некоторое время, обратился ко мне с вопросом:

— А что здесь было написано Пушкиным? — и испытующе ждал ответа. Но на этот раз я спасовал и ничего не мог ответить. Тогда Антон Павлович многозначительно ответил за меня сам своим низким баском несколько хрипловатого тембра медленно проскандировав «Редет облаков летучая громада...»⁵⁴ А затем усмехнулся своей очаровательной милой улыбкой и укоризненно качнул головой, как бы говоря: а Пушкина-то, видимо, вы не знаете, молодой человек!

Как-то разговор зашел у нас о знаменитом московском адвокате Александре Ивановиче Урусове, умершем год тому назад. Я сообщил Антону Павловичу, что видел Урусова на втором представлении «Чайки» в фойе Художественного театра, собирающим подписи под телеграммой, отправляемой Чехову в Ялту⁵⁵.

Тут же я рассказал Антону Павловичу об одном случае находчивости и остроумия Урусова. Как-то один адвокат задал Александру Ивановичу вопрос: видел ли он последнюю театральную новинку? Какую? — спросил Александр Иванович. — Антигону! — Видел, — ответил Урусов, — хотя этой новинке уже 2436 лет. Чехов, конечно, не мог не оценить по достоинству качества юмора Урусова и весело усмехнулся.

Должен сказать, что в ту пору я очень интересовался так называемыми «бытовыми прототипами» в литературе: кто зарисован в таком-то произведении, кто является прообразом такого-то персонажа. Однажды, воспользовавшись благодушным настроением Антона Павловича, я решился спросить его: верны ли слухи о том, что в образе адвоката Лысевича в «Бабьем царстве» изображен Урусов. Антон Павлович сразу помрачнел, ничего не ответил и только отрицательно повел головой. Сейчас при воспоминании об этом молчаливом движении головы для меня вполне ясно: насколько мой

⁵⁴ Вероятно, это опечатка, а не ошибка памяти, но на всякий случай оставляем ее в неприкосновенности. Стихотворение Пушкина отражает гурзуфские впечатления 1820 г., но написано спустя 4 месяца в Каменке.

⁵⁵ А.И. Урусов был, среди прочего, автором апологетического отзыва о втором представлении «Чайки»; см.: *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 8. М., 1980. С. 408–409.

бестактный вопрос был неприятен Чехову, но тогда, по молодости лет, я этого не понимал. Что в Лысевиче изображен А.И. Урусов, нет никакого сомнения. Как известно, А.И. Урусов — фанатический поклонник Флобера, всем и каждому рекомендовал: «Читайте Флобера», и даже на своих визитных карточках писал «Lese Flober»⁵⁶ [sic]. А адвокат Лысевич в «Бабьем Царстве» всех приглашает читать Мопассана: «Читайте Мопассана, обязательно читайте Мопассана».

Заговорив о «Чайке», я рассказал Антону Павловичу, как московское студенчество увлекается этой пьесой, о том, как все мы, студенты, немного влюблены в исполнительницу роли Нины Заречной Марию Людомировну Роксанову⁵⁷.

«Ну и видно, что вы еще молокососы, — сказал Чехов, — вот если бы вы видели Комиссаржевскую в этой роли, вы бы не то запели».

Теперь известно, что Чехов был недоволен исполнением Роксановой роли Заречной⁵⁸, а нас, студентов, она положительно пленяла.

Давно уже меня подмывало спросить Антона Павловича об одной вещи: о повести Чехова «Попрыгунья». Я знал по Москве художницу Софью Петровну Кувшинникову и художника Исаака Ильича Левитана, о которых молва говорила, что они и их взаимоотношения изображены в «Попрыгунье». Воспользовавшись как-то хорошим настроением Антона Павловича, я решился наконец спросить его, знает ли он Софью Петровну? Антон Павлович помор-

⁵⁶ Надо: «Lisez Flaubert» — читайте Флобера (*фр.*). Ср. характеристику: «[...] князь Александр Иванович Урусов, русский западник *rigue sang* и знаток французской литературы, раздававший знакомым книжки с лаконической надписью “Lisez Flaubert”» (*Маковский С.* Портреты современников. М., 2000. С. 124). См. также: «Князь Урусов был большим почитателем французского писателя Флобера и подарил мне, как он это обычно делал, свою фотографию с надписью “Lire Flaubert” (“Читайте Флобера”)» (*Морозова М.К.* Мои воспоминания // Московский альбом. Воспоминания о Москве и москвичах XIX–XX веков. М., 1997. С. 193). Ср. в воспоминаниях Щепкиной-Куперник об Урусове, «который так обожал Флобера, что, когда у него попросили для какого-то благотворительного сборника портрет с автографом, он к великому негодованию патриотов написал по-французски “Читайте Флобера”» (*Щепкина-Куперник Т.Л.* Дни моей жизни. [М., 1928]. С. 314). Ср.: *Соболев Ю.* Чехов. Статьи. Материалы. Библиография. М., 1930. С. 175.

⁵⁷ Роксанова Мария Людомировна (наст. фам.: Петровская; 1874–1958) — драматическая актриса.

⁵⁸ Ср., напр., в письме Чехова Горькому от 9 мая 1899 г.: «“Чайку” видел без декораций; судить о пьесе не могу хладнокровно, потому что сама Чайка играла отвратительно, всё время рыдала навзрыд, а Тригорин (беллетрист) ходил по сцене и говорил, как паралитик; у него “нет своей воли”, и исполнитель понял это так, что мне было тошно смотреть» (*Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 8. С. 170).

щился и сказал. «Знаю, вздорная баба». Тогда я еще более осмелел и в упор спросил: верно ли, что он изобразил ее в Дымовой.

— Чепуха, — ответил, как всегда однословно и сердито Антон Павлович⁵⁹.

Чтобы смягчить как-нибудь свою бестактность, я сказал: «Реникса?» воспользовавшись словами Кулыгина из только что поставленных «Трех сестер», Чехов сразу повеселел, видимо довольный тем, что, не всем доступная, шутка из его пьесы дошла до широкой публики.

И сейчас еще краска стыда заливает мое лицо, когда я вспоминаю, как я докучал великому писателю своими неуместными вопросами. Но тогда, повторяю, была молодость, юный задор и легкомыслие; к тому же я был достаточно заражен развязностью газетных интервьюеров.

К великому моему сожалению, этими шестью-семью улыбками не исчерпываются мои воспоминания о Чехове. В последний раз я видел Антона Павловича осенью 1903 г. при совсем иных обстоятельствах. В газетах появилась заметка о том, что Чеховым закончена новая пьеса «Вишневый сад». Редактор «Новостей дня», в которой я продолжал работать, Н.Е. Эфрос, не преминул воспользоваться этим сообщением для того, чтобы получить от Чехова интервью, и, снабдив меня своим письмом, командировал меня к Антону Павловичу.

С затаенным дыханием переступал я порог квартиры Чехова. Он жил тогда на Неглинной, в Звонарном переулке, в доме Сандуновских бань. Узнает ли меня Антон Павлович? Ведь с грузуфских встреч прошло 2 года. Чехов меня узнал, но я едва мог его узнать. Передо мной был худой, с землистым цветом лица, истомленный, больной человек, почти старик. Я объяснил Антону Павловичу цель моего прихода и вручил ему визитную карточку Эфроса, на которой было написано: «Дорогой Антон Павлович! У нас сегодня сообщено, что вы кончили пьесу. И я знаю, что это правда. Не откажите в большой любезности редакции, мне и нашему сотруднику Сергею Георгиевичу Кара-Мурза и сообщите что-нибудь о пьесе. Как зовут, в чем сюжет, какие персонажи, если нельзя дать прочесть самое пьесу. Право ничего дурного нет в оглашении этого; ничему это никогда не вредит. А нам вы окажете страшно большую услугу. Не откажите в ней и простите, что беспокою. Искренне любящий Вас Ник. Эфрос»⁶⁰.

⁵⁹ Художнице Софье Петровне Кувшинниковой (1847–1907) посвящена отдельная глава мемуаров Кара-Мурзы: «“Попрыгунья” Чехова и салон С.П. Кувшинниковой». То, что она послужила прототипом героини рассказа «Попрыгунья», ныне считается установленным фактом.

⁶⁰ Ср.: «За добрых полвека Сергей Георгиевич хорошо познал характер деятелей прессы, сам печатался (как-то он принес мне визитную карточку теат-

На этот раз Антон Павлович отнесся ко мне очень сурово. Прочтя записку Эфроса, он с крайним раздражением, почти гневно вернул мне ее и сердито сказал. «Передайте Эфросу, что я никогда и никому не рассказываю содержания своих пьес». Я ушел, унося с собой эту визитную карточку, которую храню как память о своем неудачном визите к великому писателю.

Однако Эфрос не успокоился на этом отказе Чехова и, как неисправимый газетчик, изложил-таки содержание «Вишневого Сада» в «Новостях Дня», со слов Вл.Ив. Немировича-Данченко⁶¹. К сожалению, изложение появилось в газете в искаженном виде, с неточностями. Так, например, вместо: «все собрались в гостиной» было напечатано «все собрались в гостинице». Гаев благодаря небрежности корректуры превратился в Чаева. Все это крайне расстроило Чехова и он был очень сердит на Эфроса. Но особенно возмутило Чехова то, что пьесе была дана совсем не та окраска, которую имел в виду автор. Ее изложили как драму, в то время как Антон Павлович создавал ее как комедию.

В письме от 26 октября 1903 г. Чехов писал жене: «Коли бы я знал, что выходка Эфроса подействует на меня так нехорошо, то ни за что не дал бы своей пьесы Художественному Театру. У меня такое чувство, точно меня помоями облили»⁶².

Через 8 месяцев Антона Павловича не стало.

А. МИРЭ

Сквозь дымку лет встают из прошлого полузабытые литературные встречи. Нежелающая бездействовать память восстанавливает в невольных воспоминаниях из тумана прошлого очертания лиц и событий, приводит в движение образы забытых друзей и знакомых, придает реальность контурам умерших деятелей слова и печати; она сообщает живое биение пульса потонувшим во времени фактам, чувствам и настроениям. Много было интересных литературных знакомств, мимолетных журнальных встреч и газетных дружб. Вспоминается ряд лиц ярко талантливых, широко образованных,

рального критика Н.Е. Эфроса, который в качестве заведующего театральным отделом в газете «Новости дня» просил Чехова принять молодого журналиста С. Кара-Мурзу» (*Лидин В.Г. Друзья мои — книги. С. 151*).

⁶¹ Имеется в виду публикация: «Вишневый сад» // *Новости дня*. 1903. 19 октября. № 7315. С. 3. И.Ф. Масанов, описывая эту заметку, делает примечание: «Было перепечатано в «Курьере», «Одесских новостях», «Крымском курьере» и др.» (*Масанов И.Ф. Чеховиана. М., 1929. Выпуск 1. С. 49*).

⁶² Вольно цитируется письмо от 25 октября 1903 г. (*Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 11. М., 1982. С. 285*); см. там же комментарий к этому и соседним письмам.



А.М. Моисеева (Мирэ)

богато одаренных, которым условия дореволюционной русской жизни не дали возможности развернуть свои многогранные духовные способности, раскрыть заложенные в них творческие возможности. Одни совсем не успели сказать свое подлинное оригинальное слово, другие, едва начав свой писательский путь и обнаружив талящиеся в них задатки дарований, гибли в непосильной борьбе с жизнью, со всяческими незадачами и нуждой.

Одной из таких трагических фигур русской литературы, встающих в памяти, как печальная черная тень, была встретившаяся на моем пути писательница, Александра Михайловна Моисеева⁶³, печатавшаяся под псевдонимом А. Мирэ.

Впервые она появилась в литературных кругах Москвы в 1905 году, но никогда не жила здесь подолгу; женщина своеобразной и большой духовной жизни, вечно горевшая, искавшая и никогда не удовлетворенная, она провела свою короткую жизнь в постоянных скитаниях. А.М. неожиданно исчезала из Москвы, также как неожиданно возвращалась в нее, полная свежих впечатлений, новых интересов и занятых рассказов. Это был — и внутренне, и внешне — завершенный тип того русского скитальца, о котором говорил Достоевский в своей пушкинской речи⁶⁴. Воплощенный протест против всего размеренного, домовитого, мещанского, она никогда не могла свить себе прочного, семейного гнезда, никогда не оставалась подолгу на одном месте и вечно переезжала из города в город.

Литературное наследство, оставленное Мирэ, невелико: два сборника рассказов: «Жизнь» и «Черная пантера» и две небольших пьесы: «Побежденные» и «Голубой павлин». Талантливая писательница с блестящим чеканным стилем, с тонким художественным чутьем, А.М. умерла в 1913 году и дала гораздо меньше того,

⁶³ Здесь и далее Кара-Мурза устойчиво использует начертание «Моисеева»; традиционно пишется «Моисеева» (см. прежде всего: *Лавров А.В.* Мирэ // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 90–91). Очерк ее биографии см.: *Михайлова М.В.* «Я женщина с головы до ног...» (Творческий портрет писательницы А. Мирэ) // *Время Дягилева. Универсалии серебряного века. Третьи Дягилевские чтения. Материалы. Выпуск 1.* Пермь, 1993. С. 197–208.

⁶⁴ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 томах. Л., 1984. Т. 26. С. 137.

что она могла бы дать при более благоприятных внешних условиях жизни и при более крепком здоровье. Свои 39 лет она прожила в тревожной, печальной и суровой обстановке.

А.М. Мойсеева родилась в 1874 г. в зажиточной провинциальной семье средней руки, в среде, где жили спокойно и неторопливо. Она воспитывалась в Борисоглебской женской гимназии, которая ничего не могла дать ищущей и страстной душе девушки, рвущейся из затхлой атмосферы семейного уюта на вольный простор идейных и художественных исканий, за подвигом, за славой. Ее влечет театр, и в 16 лет А.М. покидает гимназию и родительский дом для того, чтобы поступить на сцену в одном из приволжских городов. Как Нина Заречная из Чеховской «Чайки», она тянется к огням рамп и так же, как она, вскорости разочаровывается в них, охладевая к артистической деятельности, чувствуя отвращение к связанным с нею сценическим дрязгам и закулисным интригам.

В начале 90-ых годов А.М. оставляет театр и уезжает в Москву, где начинает вращаться в среде революционной молодежи, с жаром и страстностью отдается подпольной деятельности, ведя агитационную работу среди московских рабочих. Это приводит ее к обыску, аресту и тюремному заключению. Около двух лет проводит она в тюрьмах, сначала в Москве, потом в Одессе. Выйдя весной 1894 года из Одесской тюрьмы, она проводит три года под гласным надзором полиции в Кишиневе и в конце 97 г. уезжает в Париж⁶⁵.

За границей А.М. провела пять лет, в постоянных путешествиях по Франции, Бельгии, Швейцарии и Италии. Эти скитания проходили в самых причудливых и странных условиях, в бедности, в нужде, а порой и в неприкрытой нищете. Жизнь то давала ей недолгие просветы радости, а то кидала ее из одной пропасти в другую, вплоть до самых глубоких низин человеческого существования, до самых ужасающих ям социального быта. В Бельгии какими-то непонятными путями, о которых А.М. не могла вспоминать без истерических содроганий, она очутилась в стенах одного из ужасных вертепов на окраинах Брюсселя. Каким-то негаданным случаем, почти чудом ей удалось вырваться из пасти захватившего ее водоворота: из мучительной обстановки дома вырвал ее один из случайных посетителей, негр, почему-то проникшийся жалостью к печальной судьбе русской девушки.

В 1902 г. А.М. приехала в Россию, обогатив свой и без того значительный запас житейских наблюдений, но вернулась на родину уже измученной, издерганной, душевно надломленной навсегда.

⁶⁵ Дело департамента полиции, заведенное на Мирэ, по всей вероятности, не сохранилось, в полицейском архиве осталась лишь ее фотография с кратким комментарием (ГАРФ. Ф. 742. Оп. 1. Ед. хр. 24122).

Темные годы, ею пережитые, оставили ей как наследство печать болезненной отчужденности и пугливого недоверия к людям, как будто между нею и миром возникла какая-то незримая стена. В 1903 г. А.М. попадает в Нижний Новгород, где в «Нижегородском листке» начинается ее литературная деятельность⁶⁶. В те поры в Нижнем была значительная писательская колония из высланных литераторов во главе с М. Горьким. Последний обратил внимание на свежее, незаурядное художественное дарование А.М., и в течение целого года Мирэ помещала на столбцах местной газеты ряд маленьких изящных рассказов из жизни парижской богемы. Нижегородские литераторы высоко ценили оригинальный беллетристический талант Мирэ и оказали всяческое содействие изданию ее рассказов отдельным сборником. Нашелся местный издатель Муко-сеев⁶⁷, рискнувший выпустить книжку новелл никому неведомой писательницы и издал ее под названием «Жизнь».

Сюжеты из западно-европейской жизни, иностранные имена действующих лиц и французская манера письма в связи с псевдонимом «Мирэ» многих заставила думать, что произведения эти переводные. Они написаны четким ясным стилем на сильно драматические темы. Их содержанием служат по большей части те трагические анекдоты, которым автору приходилось быть свидетелем во время своих заграничных мытарств: драма старого скрипача из бедной таверны, несчастная любовь кучера городского омнибуса, самоубийство натурщицы в запущенном ателье художника, муки самолюбия американского тапера в отдельном кабинете ресторана, тоскливая печаль белых пленниц в залах публичных домов и пр. Печать неодолимой грусти, безысходного одиночества лежит на всех рассказах Мирэ, острых и волнующих.

Сборником «Жизнь» заинтересовался В.Я. Брюсов. «Мы не знаем французского автора с фамилией Мирэ, — писал он в “Весы”. — На книге нигде не означено, что это перевод. Между тем, содержание большинства рассказов взято из французской жизни, и действующие лица в них французы. Некоторые рассказы переносят читателя в Италию, другие в Ирландию, в Швейцарию, в Бельгию; только в одном выведены русские, арестанты, и место действия — русская тюремная больница. Однако, судя по языку автор “русский”, и рассказы “оригинальные”»⁶⁸.

⁶⁶ Об этом см.: *Михайлова М.В.* Публикации Мирэ в газете «Нижегородский листок» // Жизнь провинции как феномен русской духовности. Нижний Новгород, 2003. С. 23–26.

⁶⁷ Мукосеев Леонид Александрович (1878–1937) был студентом-медиком, высланным в Нижний Новгород за участие в революционном движении; издавал «Нижегородский календарь». См. о нем (в связи с горьковской протекцией Мирэ): *Забурдаев Н.А.* Автографы М. Горького // Горьковские чтения. 1953–1957. М., 1959. С. 730–731.

⁶⁸ Весы. 1904. № 8. С. 56 (подп.: *Аврелий*).

Однажды А.М. спросили, почему она дает своим персонажам иностранные имена.

— Ах, — ответила она, — русская жизнь такая тяжкая, такая затрудненная, неласковая и грубая, что мне больно жить в ней и вовсе не хочется изображать ее. Мои вымышленные иностранцы, все эти Альфреды и Альберты, как-то изящнее и не так ранят мне сердце.

Жизнь, яркая для многих, упорно поворачивалась к ней своей колющей, своей тусклой, неприветливой стороной. В 1905 году А.М. переехала из Нижнего в Петербург, чтобы войти в большую литературу. Здесь она завязывает знакомство, перешедшее впоследствии в дружбу, с Ф. Сологубом, Чеботаревскими, Г.И. Чулковым, Щеголевой и др.⁶⁹ Сотрудничала в «Вопросах Жизни», в «Новом Пути», дала прекрасные переводы с французского Мопассана, Золя, Мирбо, Роденбаха. Человек высокой и утонченной внутренней культуры, Мирэ любила и знала иностранную литературу, прекрасно говорила на нескольких европейских языках, была хорошо знакома с философией, особенно занималась учением Платона.

Из Петербурга Мирэ перебралась в Москву. Она была непоседлива, постоянно переезжая с места на место, теряя деньги, теряя вещи⁷⁰, но никогда не расставаясь с чемоданом, в котором хранились ее переписка за многие годы и ее рукописи.

⁶⁹ Эти отношения в разной степени документированы. Сохранились письма Мирэ к Ал.Н. Чеботаревской (ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 120) и Ан.Н. Чеботаревской (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 165), которая называла ее Мирэшкой («Мирэшка не придет — у нее работа спешная»). — Из недатированного письма к Сологубу; цит. по: *Лавров А.В.* Новонайденные письма Анастасии Чеботаревской к Федору Сологубу // Федор Сологуб. Разыскания и материалы. М., 2016. С. 418). Г.И. Чулков (письма Мирэ к нему: РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 465) оставил о ней подробные воспоминания (*Чулков Г.* Годы странствий. М., 1999. С. 66–70), лишь отчасти перекликающиеся с мемуарами его жены (*Чулкова Н.Г.* Воспоминания о моей жизни с Г.И. Чулковым и о встречах с замечательными людьми // РГБ. Ф. 371. Карт. 6. Ед. хр. 1. Л. 35–42).

⁷⁰ Ср. характерный эпизод: «Вяч. Ив. [Иванов] очень хотел просить Вас об одной нашей знакомой. Сомов Вам писал об ней. Она хочет поступить в буддийск[ий] монастырь в Индии. Это такое глубоко несчастное существо. Вся ее жизнь... Ей было 15 лет, когда над ней совершили насилие. Это положило печать на нее. Она очень чувствена, но у нее другие порывы, мечта о белых ступенях. Она хотела сама вам писать, но рвала письма. Она была в страшном отчаянии в эту осень. Вяч. Ив. ее всячески успокаивал, но ей нужна дисциплина, власть над ее волей. Она хотела отравиться. Теперь она уехала за границу, но потеряла деньги и возвращается. Будет через 2–3 дня здесь. Поговорите с ней, помогите ей. Вы одни можете это. Чулков говорит, что года 4 назад она была замечательно хорошенькой. Но теперь за этот год она страшно изменилась» (реплика Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, переданная М.А. Волошиным // *Волошин М.* Собр. соч. Том 11. Кн. 2. Переписка с Маргаритой Сабашниковой. 1906–1924 / Подг. текста Р.П. Хрулевой. Комм. К.М. Азадовского. М., 2015. С. 150).

В Москве А.М. вошла в круг писателей-символистов, где к ней отнеслись с теплотой и сочувствием, но близких друзей здесь она не нашла. Мирэ с ее скромностью, с ее испуганной робостью была не из тех людей, которые умеют создавать около себя шум, и потому высоко ценимая немногими, она не создала себе большого литературного имени, которого заслуживала.

После бурной и кошмарной молодости годы ее пребывания в России проходили в одиночестве, в чисто личном смысле этого слова. Она не была приспособлена к организованной жизни, жила в большой бедности, постоянно нуждаясь, не имея даже своего угла. Некрасивая собой, часто больная, она была молчаливой, замкнутой в себе, чужой людям, скрытной даже для лиц, сочувствующих ей. Всегда неприютная, она не могла найти места в окружающей ее русской современности. Нервы ее с годами все больше и больше расшатывались. Но тем, кому удавалось подойти к ней ближе, преодолев ее смущенную улыбку, ее способность молча зациклиться в угол, открывалась душа утонченная, глубокая и нежная.

В Москве А.М. стала сотрудничать в журнале «Золотое Руно» и в издательстве «Гриф», в котором выпустила второй сборник рассказов «Черная Пантера». Последние были значительно совершеннее по форме, чем ее нижегородские рассказы. Они представляли собой на редкость законченные образцы литературной формы новеллы. Изящный, острый, сжатый, тонко отделанный стиль, отчетливые, никогда не расплывающиеся психологические очертания действующих лиц и какое-то особое присущее ей благородство в самой манере письма резко выделяли произведения Мирэ среди потока женского творчества, наполнявшего тогда нашу литературу.

В эту эпоху А.М. сделала последнюю попытку найти личное счастье, оказавшую роковое влияние на исход ее жизни. Случайно она затеяла переписку с незнакомым, как в свое время Мария Башкирцева вступила в переписку с Мопассаном, а «графиня Лида» с Надсоном⁷¹. Письма Мирэ были столь интересны и увлекательны, что незнакомец пригласил ее приехать к нему в гости. Он оказался агрономом из Перми. А.М. имела неосторожность исполнить его просьбу и поехала к нему на Каму⁷². Но случай, помогающий дру-

⁷¹ Имеется в виду переписка С.Я. Надсона с высокородной поклонницей, скрывшейся за инициалами Л.В.Ф., изданная отдельной книгой (С.Я. Надсон и графиня Лида. Б.м., Б.г.). В 1927 г. Кара-Мурза делал в Русском обществе друзей книги (РОДК) доклад по поводу этой мистификации, где назвал подлинное имя «графини» (Л.В. Фадеева) (текст: РГБ. Ф. 561. Карт. 10. Ед. хр. 1). В 1989 г. независимо от него атрибуция была проведена заново: *Иванова Е.В.* История одной переписки // Альманах библиофила. М., 1989. Вып. 25. С. 175–186.

⁷² Адрес Мирэ этого времени: почтовая станция Частые, Оханского уезда, Пермской губернии (см., напр., ее письма к Л.И. Рыбаковой: РГБ. Ф. 371. Карт. 4. Ед. хр. 19).

гим, как всегда был против нее. Первые недели жизни А.М. в Перми были согреты теплом неподдельного душевного участия, и оттуда московским знакомым шли восторженные письма, в которых А.М. писала, что она отдыхает душой и вознаграждает себя за пережитые страдания всей своей жизни. Бедная женщина не предполагала, что именно в Перми ожидают ее еще горшие страдания. Вскороности А.М. очутилась совсем одна в чужом городе, покинутая агрономом, полубольная, без всяких средств⁷³. Это последнее сознание обманутых надежд совсем доконало писательницу. Сильное нервное потрясение нарушило равновесие ее душевной жизни до такой степени, что А.М. пришлось поместить в буйное отделение больницы для психических больных.

Узнав о бедственном положении Мирэ, один из ее знакомых отправился в Пермь и привез ее в Москву. Здесь в студии режиссера Ф.Ф. Комиссаржевского был устроен в пользу писательницы благотворительный вечер, и на вырученные деньги А.М. принялась за правильное лечение. Летние месяцы 1913 г. Мирэ провела в «Чеховской комнате» Крюковского санатория⁷⁴, но как-то неожиданно

⁷³ Иначе этот эпизод описывает Н.Г. Чулкова: «Она всегда искала любви, тяготилась одиночеством, но красота ее увяла, и ей трудно было привлечь к себе кого-нибудь. Но вот кто-то из “доброжелателей” посоветовал ей обратиться к посредничеству “Брачной газеты”. Она прочла объявление какого-то агронома из Пермской губернии. Он желал иметь подругу, просил прислать фотографическую карточку и биографию особы, которая откликнется на его предложение. Мирэ написала ему и послала свою довольно эффектную фотографическую карточку. Получила ответ. Завязалась интересная переписка. Он влюбился заочно и прислал ей на дорогу к нему денег. Она поехала к нему. Ехала долго, устала и т.к. не умела по-женски прикрасить себя к встрече с ее будущим другом, приехав на назначенную станцию, вышла из вагона не выспавшаяся и не причесанная как надо, то вид ее настолько отличался от ее изображения на фотографии, что он не сразу узнал ее. Ей пришлось отрекомендоваться и тогда только он повез ее к себе, куда-то в село под Пермью. Агроном оказался хорошим хозяином, любил порядок в доме и чистоту. Мирэ не имела к этому никакого вкуса. Но зато как товарищ и собеседник Александра Михайловна могла быть очень приятной и интересной. Вот что писала она мне о своей жизни с этим человеком: “Я его очень сильно люблю, всем существом, очень глубоко. Но в этой любви много мучений... Помните, я говорила Вам раньше, что хотела бы знать, что такое настоящая любовь, не мимолетное увлечение, а любовь. Теперь я узнала ее, но еще не знаю... для жизни или для смерти”. “В сущности я мало его знаю, благодаря его крайней замкнутости и молчаливости. Он мне непонятен, а отношение его ко мне тоже непонятно. Зимой жить было трудно, я совсем как бы в темноте ходила, все время мучилась и недоумевала”» (РГБ. Ф. 371. Карт. 6. Ед. хр. 1. Л. 38–39).

⁷⁴ В машинописи ошибочно «Красновского». Имеется в виду санаторий Е.Н. Рукавишниковой и Н.А. Вырубова близ станции Крюково Николаевской железной дороги, где с 1909 г. содержалась особая «чеховская комната» для

для всех покинула ее и исчезла неизвестно куда. В течение полугода никто не слышал о Мирэ, и даже ближайшие ее друзья не знали, где она скитается и что с ней.

Только в декабре стало известно, что еще три месяца назад А.М. умерла на больничной койке и, никем не опознанная, похоронена на казенный счет в общей могиле. Беспокойное сердце нашло, наконец, свой вечный покой; вечная скиталица — она умерла совершенно одинокая, как и жила. Ее последний путь был так же скорбен и одинок, как и мятежные пути ее недолгой жизни. Всю жизнь одинокая, она по жестокой иронии нашла свой последний приют в общей могиле, и никто не положил цветов на ее безвестный казенный гроб.

Существовавшее тогда Общество деятелей периодической печати и литературы принялось за обследование последних дней жизни Мирэ и обстоятельств ее смерти. Из больничных книг удалось установить, что днем 24 августа 1913 г. в Старо-Екатерининскую больницу была доставлена в тяжелом состоянии А.М. Мойсеева. Доставили ее из дома Луповой с Михалковского шоссе. Кто доставил — неизвестно. 1-го сентября она скончалась от дизентерии. Перед смертью она сильно мучилась. В бреду, как говорят сиделки, она очень красиво разговаривала.

— Только понять мы не могли. Точно стихами говорила.

За неделю болезни никто не посетил больную; никто ни разу не справлялся о состоянии ее здоровья.

Похоронили А.М. 7-го сентября. В течение недели, что труп несчастной, одетый в больничную рубашку, валялся на нарах мертвецкой, никто не опознал и не востребовал ее.

В книжке у часовника мертвецкой Старо-Екатерининской больницы против фамилии Мойсеевой стоит надпись: «казен.»

— Что значит эта надпись?

— А на казенный счет хоронили, в казенном белье, в общей могиле.

поправки нервов нуждающихся писателей. Возможно, Кара-Мурза в изложении последних эпизодов путает хронологию; ср. в письме Н.Г. Чулковой к Ал.Н. Чеботаревской от 1 января 1913 г.: «Была ли у Вас недавно Мирэ? С ней у меня произошла какая-то странная история. Я поместила ее в психиатрическую клинику к Рыбакову, конечно с ее согласия, а она через неделю удрала оттуда, переругав всех докторов, и так себя там держала, что теперь уж ни за что туда ее не примут опять. Она поехала зачем-то в Петербург и вернулась очень скоро сюда. Просит устроить ее снова в клинику. Я прямо в отчаянии от ее поведения. Она сама себе все дело портит. Так всех извела [?], что никто не хочет о ней и слышать. Теперь уж дней пять ее нет, куда девалась, Бог знает. Боюсь, что кончится это все плохо» (ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 182. Л. 3–4). Рыбаков здесь — Павел Васильевич, а больница, следовательно, Московская Преображенская — значит ли это, что первая госпитализация состоялась не в Перми, а в Москве?

Отправились на Михалковское шоссе разыскивать дом Луповой. Он оказался за Петровско-Разумовским, совсем деревня. Нашли Лупову, словоохотливую старушку, которая не отказалась рассказать про свою квартирантку все, что интересуется представители литературы.

— А.М. приехала вечером 21 августа. У меня как раз комнатка свободная была. Сдала ее за 6 рублей в месяц. Странная какая-то была покойница. В первый же день я уже поняла, что либо больна она, либо не совсем нормальна. Все время молчала. Писала что-то. Напишет и разорвет. Потом опять напишет. Целые вороха исписала и порвала. На другой день слегла в постель. Боли начались сильные в животе. Мы испугались очень и пригласили врача. Он осмотрел больную и велел сейчас же в больницу везти. А.М. отказывалась, просила не отправлять. Но нельзя было. Боялись мы. Да не на что и лечить-то дома было. Ведь она приехала к нам в одном стареньком платье и пальто. Да корзина с какими-то бумагами и книгами. Со всем плоха была, когда повезли ее. Так за комнату и не получили. Комнату она за собой оставила. Из больницы о смерти дали знать спустя долгое время.

— А откуда она приехала к вам?

— Откуда-то из гостиницы. Вообще весь паспорт ее был исписан отметками. Нигде она больше месяца не жила, — больше по 3–4 дня. В Одессе была, в Киеве, Саратове и еще во многих городах. Не упомяну даже в каких⁷⁵.

Литературным наследием Мирэ заинтересовалось Общество деятелей печати и решило издать их, но так и не собралось этого сделать, и куда девалась корзина с рукописями и перепиской Мирэ, никому неизвестно. Помимо ее произведений беллетристического характера в архиве А.М. должны были быть имеющие большое историко-литературное значение письма писателей начала XX века.

Мирэ не оставляла мысли когда-нибудь в беспощадно правдивой книге рассказать о своей тяжелой судьбе, но всякий раз, когда приступала к этому роману, она бросала перо под наплывом мучительных воспоминаний, чувствуя свое бессилие передать в объективных художественных формах свою трагически прожитую жизнь. Весьма вероятно, что в исчезнувшей корзине были отрывки из этого ненаписанного романа, который по своим ужасающим бытовым подробностям мог бы быть тяжким обвинительным актом против бездушных социальных условий жизни буржуазно-капиталистического общества.

⁷⁵ Этот абзац дословно выписан из некролога: *Ю.К. Скорбный путь* (К кончине А. Мирэ) // Утро России. 1913. № 285. 11 декабря. С. 6. Там же названо имя Луповой, квартирной хозяйки: Дарья Ивановна.

ЮРГИС БАЛТРУШАЙТИС

Когда на улицах Москвы я встречаю мчащийся автомобиль с литовским флажком и разглядываю сидящего в нем литовского посланника Ю.К. Балтрушайтиса, я переношусь мысленно за 35–40 лет назад, и вижу перед собой юного блондина в серой студенческой фуражке.

Я был на юридическом факультете Московского Университета, когда среди студентов, и не только студентов, но и профессоров распространился слух, что в университете объявился гениальный лингвист, студент с необычайными способностями к языкознанию и, что особенно замечательно — он появился не на филологическом факультете, как можно было бы ожидать, а на естественном. Вскоре мне назвали его фамилию, которая среди сотен Ивановых и Петровых, прозвучала для меня очень неожиданно: Балтрушайтис. Потом я узнал, что этот студент окончил курс Ковенской гимназии, что он сын очень бедных родителей, которые настолько нуждались, что юный гимназист во время летних каникул вынужден был заниматься пастушеством. Все эти слухи меня настолько заинтересовали, что однажды я пошел на естественный факультет со специальной целью посмотреть на этого необычайного студента, — и в небольшом студенческом буфете под лестницей мне указали на скромного голубоглазого блондина, с небольшими усиками. Впоследствии я узнал, что студент Балтрушайтис не только замечательный лингвист, но и талантливый поэт, пишущий отличные стихи.

В Университете Балтрушайтис дружил со студентом С.А. Поляковым, также естественником и также полиглотом, с которым они впоследствии совместно переводили скандинавских поэтов и основали книгоиздательство «Скорпион» и журнал «Весы», сыгравшие такую громадную роль в истории русского символизма и всего модернистического движения.

Поляков был по специальности математик-астроном и писал сочинения о числах⁷⁶. В 1897 г. он выпустил книгу: «Марс по наблюдениям 1892–1894 г.г.»⁷⁷. Но в душе это был мечтатель и поэт и больше всего любил языкознание. Он изучил все европейские языки, все ближневосточные и даже дальневосточные. О Балтрушайтисе и Полякове говорили шутя, что они поглощают языки с той же легкостью, как язык под зеленым горошком.

⁷⁶ О естественнoнаучных достижениях Полякова см.: *Богомолов Н.А.* К истории символистского книгоиздания: автобиография С.А. Полякова // Тихие песни. Историко-литературный сборник к 80-летию Л.М. Турчинского. М., 2014. С. 25–30.

⁷⁷ Поляков был не автором, но переводчиком книги: *Мейер М.В.* Марс по наблюдениям 1892–1894 годов. М., 1897.

По окончании Балтрушайтисом университетского курса, я на некоторое время потерял его из виду. Но зимой 1899 г., просматривая декабрьскую книжку популярного в те годы «Журнала для всех», издаваемого В.С. Миролубовым, я неожиданно наткнулся на прекрасное стихотворение, подписанное «Ю. Балтрушайтис»: «Тихо спят тополя, онемели поля; Подымается ночь бесконечная».

Кончалось стихотворение такими строками:

В стройном вихре миров упадет покров
С молчаливого образа Вечности.

Характерно, что этот образ молчаливой Вечности, о котором поэт пишет в своем первом же юношеском стихотворении, сопровождает впоследствии весь путь поэтического творчества Балтрушайтиса. Позднее поэт изменил несколько эпитетов в этом дебютном стихотворении и поместил его в своем сборнике «Земные ступени», как посвящение В.С. Миролубову. В исправленном варианте это стихотворение читается следующим образом:

Чутко спят тополя... Онемели поля
Раскрывается ночь бесконечная...

И кончается так:

В звездном вихре миров упадет покров
С молчаливого образа Вечности.

1899-й год, канун нового столетия, является знаменательным и поворотным годом как в личной жизни, так и в литературной судьбе поэта. В 1899 году он вместе с С.А. Поляковым основывает книгоиздательство «Скорпион», в котором протекает вся литературная деятельность Балтрушайтиса. В этом же году он знакомится с поэтом Валерием Брюсовым, с именем которого в значительной степени связана его поэтическая карьера. И, наконец, осенью 1899 г. он женится на М.И. Оловянишниковой, дочери очень известного в Москве крупного фабриканта церковной утвари. Оловянишниковы принадлежали к новейшему типу промышленных предпринимателей европейского образца, подводивших под свое производство художественную и идеологическую базу: производя на своих фабриках и заводах лампы, паникадила, подсвечники, парчовые ризы и прочие предметы религиозного культа, они в то же время издавали роскошный художественно-археологический и религиозно-индустриальный журнал под названием «Светильник». Шаферами на свадьбе Балтрушайтиса были: С.А. Поляков и В.Я. Брюсов.

С зимы 1900 г. Москва обогащается еще одним литературным домом: заживши по-семейному, Ю. Балтрушайтис устраивает у себя вечера, на которых бывают преимущественно писатели модернисты и поэты-символисты. Он и сам начинает появляться во всех

литературных и художественных обществах Москвы: в Литературно-Художественном кружке, где как раз в эти годы происходили жесточайшие полемические схватки между сторонниками нового искусства и писателями-староверами, адептами реалистического мировоззрения. Затем он бывал постоянным гостем на журфиксах Общества Любителей Художеств, где каждую среду собирались все выдающиеся в то время художники: Коровин, Врубель, барон Клодт и др. Они делали зарисовки и наброски, кто пером, кто акварелью, а Балтрушайтис экспромтом писал к этим эскизам стихи. Позднее Балтрушайтис принимал живое участие в обществе «Свободная эстетика», в котором собиралось изысканное московское общество, причастное к новейшим движениям в искусстве: в поэзии, музыке и живописи.

Лично я познакомился с поэтом в литературном салоне Варвары Алексеевны Морозовой, известной московской благотворительницы и общественной деятельницы, которая собирала в своем гостеприимном доме не только известных писателей с именами: Чехова, Боборыкина, Немировича-Данченко, Кони, Эртеля, Мачтета и др., но и зеленую литературную молодежь⁷⁸. Помню, в октябре 1900 г. молодой литератор В.Ф. Саводник читал у В.А. Морозовой свой реферат о творчестве умершего летом этого года Владимира Соловьева; на этом вечере присутствовало все издательство «Скорпион»: Поляков, Брюсов, Балтрушайтис, с которым я в этот день свел личное знакомство⁷⁹. Затем вскорости молодой беллетрист Георгий Чулков прочел свой доклад о поэзии Брюсова; на этом докладе также присутствовал Балтрушайтис⁸⁰.

⁷⁸ Салону Варвары Алексеевны Морозовой (1848–1917) Кара-Мурза посвятил отдельную главу воспоминаний (РГБ. Ф. 561. Карт. 2. Ед. хр. 15).

⁷⁹ Это утверждение противоречит записям в дневнике Брюсова: так, он в ретроспективной записи октября 1900 г. упоминает об отъезде Балтрушайтиса («Много видался с С. Поляковым. За отъездом Балтрушайтиса он обратил свое свободное время на меня, да и общих дел у нас оказалось много») и здесь же записывает свое впечатление от упоминаемой Кара-Мурзой встречи: «Был на литературном вечере у В.А. Морозовой. Читал Саводник о Вл. Соловьеве. Присутствовали разные либеральные люди: Ермилов, П.С. Коган etc., затем молчаливые студенты, из числа которых нашлись мои читатели. Было еще несколько человек артистов Художественного театра. Конечно, Соловьева скоро забыли и, ввиду моего присутствия, спорили о “символизме”» (*Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002. С. 109*).

⁸⁰ Этот вечер состоялся 14 января 1901 г., ср. в дневнике Брюсова: «Вчера у Морозовых Чулков читал реферат обо мне, очень восторженный, но очень поверхностный. Я первый напал на референта и разобрал его реферат жестоко... Все, даже явные мои недоброжелатели, бросились защищать бедного, обескураженного Чулкова и, защищая его, тем самым защищали мои стихи» (Там же. С. 118).

И, наконец, в эту же зиму сам Балтрушайтис прочел свой интереснейший реферат о драматургии Габриэля Д'Аннунцио, произведения которого он начал изучать и переводить с итальянского⁸¹. Доклад Балтрушайтиса о Д'Аннунцио явился для Москвы совершенной новостью и неожиданностью, так как москвичи ничего еще не слыхали о пьесах даровитого итальянского писателя.

Летом 1900 г. я помню Балтрушайтиса в военной форме: он отбывал воинскую повинность и жил в лагерях. Интересно отметить, что войдя в состав редакции «Скорпиона» и находясь в кругу писателей-индивидуалистов, Балтрушайтис в то же время не чуждается писателей-общественников, реалистов, настроенных революционно. Он вращается в обществе Максима Горького, Леонида Андреева, социал-демократов, где бывали Поссе, Скимунт, Шаляпин, Скиталец и др. И отдаваясь во власть эготической философии и символистической поэзии, поэт оставался верен своим основным социальным убеждениям: «что глубочайшим долгом человека является пожизненная борьба за общую жизнь, одинаково справедливую и одинаково полную для всех»⁸².

Когда в апреле 1901 г. Горький был арестован, Балтрушайтис вместе с прочими его друзьями принимал меры к освобождению писателя⁸³. Однажды на вечере в квартире Горького Балтрушайтис читал свой рассказ, в котором между прочим изображался круг горизонта, как нечто мучительное и губящее, как предел, из которого не вырвешься⁸⁴. Интересно, как раз но воспринимался различными писателями этот выдвинутый Балтрушайтисом мотив о горизонте. Горький, например, высказался следующим образом: «Ну, я этот круг видел, и чувствовал иное. Меня не пугало, что от него не уйдешь, а напротив, радовало всегда, что я, вот я, — в самом центре этого круга, а все остальное кругом меня» (см. В.Я. Брюсов «Дневники»⁸⁵).

Посещает Балтрушайтис также заседания Московского Психологического общества на докладах религиозно настроенных философов, мистиков и спиритуалистов. Однажды, после доклада, прочитанного в этом обществе Д.С. Мережковским в 1901 г. весь пре-

⁸¹ Этот доклад также упоминает Брюсов в общей записи о рубеже 1900 и 1901 гг.: «Любопытнее было собрание у доктора N, где Юргис повторил свой реферат о д'Аннунцио» (Там же. С. 117).

⁸² Балтрушайтис Ю. Автобиографическая справка // Русская литература XX века. 1890–1910. Под ред. проф. С.А. Венгерова. Т. 2. М., Б.Г. С. 298–299.

⁸³ Об отношениях писателей см.: Салинка В. Письма Ю. Балтрушайтиса к Горькому // Вопросы литературы. 1968. № 7. С. 249–252.

⁸⁴ Среди немногочисленных прозаических опытов Балтрушайтиса ближе прочих (хотя и не полностью подходящим) кажется рассказ «Капли» (Северные цветы на 1901 г., М., 1901. С. 55–65).

⁸⁵ Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 111.

зидиум этого общества вместе с докладчиком и его женой З.Н. Гиппиус поехал ужинать в ресторан «Славянский базар»⁸⁶. Балтрушайтиса упросили прочесть стихи и он прочел несколько своих новых вещей, имевших большой успех.

Так постепенно, в течение двух-трех лет, поэт вошел во все общественные круги Москвы: профессорские и артистические, литературные и художественные, и везде стал своим человеком.

Каждый год Балтрушайтис ездил за границу, откуда писал прекрасные письма, которые с интересом читались не только адресатами, но и другими его друзьями. В 1901 г. летом был в Норвегии, где видел Ибсена. «Он так дряхл, писал Балтрушайтис, что ветер валит его с ног; он не выходит на улицу без лакеев»⁸⁷. Весной 1902 г. поэт уехал в Италию, а лето провел в Швейцарии. В 1903 г. жил вместе с К. Бальмонтом в Меррекюле. Позднее он объездил почти все страны Европы и Америку.

Балтрушайтис владеет большим количеством иностранных языков: греческим, латинским, итальянским, английским, французским, норвежским, шведским, испанским, польским и др. Переводил произведения Ибсена, Д'Аннунцио, Гамсуна, Стриндберга и др. Он со-

⁸⁶ Доклад Мережковского о Толстом был прочитан в субботу 8 декабря 1901 г.; впечатления от него подробно описаны: *Белый А.* Начало века. М.: Л., 1933. С. 177–182. Ср., кстати, свидетельство одного из зрителей: «В субботу вечером Мережковский читал здесь в закрытом заседании Психологического общ. реферат о Толстом; меня провел Айхенв[альд]. Было бы долго рассказывать. Дело в том, что по надежным слухам Мережк[овский] с Победоносцевым основывают в Пет[рограде] православно-философское общество; реферат имел целью доказать: 1) что русская интеллигенция неправильно поняла постановление синода: оно — вполне естественно (констатирует несомненный факт) и вполне христианское; 2) что наш нынешний строй, где церковь подчинена государству — ненормален; должно быть наоборот. Попутно доказывалось, что православие — единственно-культурный путь (между христианством — церковью — греко-российской церковью не делалось различий, и примеры из прошлого служили для доказательства нынешних ценностей).

Была и жена Мережк[овского] — Гиппиус: вот интересная женщина!

В прениях участвовали Бугаев, Герье, Трубецкой, Шарапов; существенный пункт все обошли, но первые трое сильно пощипали Мережк[овского]. — Сам он — по-моему, отталкивающий субъект, но голос у него великолепный» (письмо М.О. Гершензона к брату от 10 декабря 1901 г. // РГБ. Ф. 746. Карг. 19. Ед. хр. 11. Л. 28 об.–29). О последующем вечере в «Славянском базаре» см.: *Брюсов В.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 130. Вопреки мнению Кара-Мурзы, знакомство Мережковских с Балтрушайтисом произошло днем раньше, в пятницу 7 декабря, в гостях у Брюсова: «Юргис не понравился. Зиночка говорила, что в “Мире искусства” его зовут: “Also sprach Baltruschaitis”. — Конечно, это она сама выдумала» (Там же. С. 129).

⁸⁷ Кара-Мурза цитирует письмо Балтрушайтиса по дневнику Брюсова (Там же. С. 123).

трудничал во многих литературных журналах: «Весы», «Золотое Руно», «Правда», «Русская Мысль», «Северные Записки», «Заветы», в английском журнале «The Mask».

Только через 12 лет после своего первого литературного дебюта в «Журнале для всех» Балтрушайтис выпустил первый сборник своих стихотворений «Земные ступени» (1911 г.), в котором собрал свои элегии, песни и поэмы. Книга, посвященная жене поэта Марии Балтрушайтис, была издана книгоиздательством «Скорпион» весьма изысканно. Рисунок обложки был взят из книги: «Il Palazzo Ducale di Venezia. 1842» с гравюры М. Комирато. Эта гравюра воспроизводит надпись, высеченную скульптором Александром Витториа во внутренней галерее Дворца Дожей против лестницы гигантов в честь Генриха III Французского. Отдельные циклы стихотворений сопровождалась разнообразными эпиграфами, заключающими цитаты из Гете, Вильяма Йтса, Вильгельма Эжелунда, Микель Анджело, Пэра Халлстрема, Бен Джонсона, Гвидо Кавальканти, Вильяма Блека⁸⁸ и др.

Через год, в 1912 г., в том же издательстве «Скорпион» поэт издал второй сборник своих стихотворений «Горная тропа», также посвященный жене поэта Марии Балтрушайтис. Обложка этого сборника, уже менее изысканная, воспроизводит скромный типографский шрифт. Разделы книги по-прежнему возглавляются цитатами из Данте, Сервантеса, Байрона, Теннисона, Эдгара По и др. В том же году, во Флоренции, вышел сборник стихотворений Балтрушайтиса на итальянском языке: «La Scala terrestre. Firenze 1912».

Остальные свои произведения поэт предполагал опубликовать в следующих изданиях: «Лилия и серп» — сборник стихотворений, «Шелест трав» — рассказы, «Искры в пепле» — драматические эпилоги, «Спутники Колумба» — трагическая поэма в трех видениях с прологом, «Средь детей ничтожных мира» — драма в трех действиях⁸⁹. Война и последующие события, к сожалению, помешали Балтрушайтису осуществить свои планы и до сих пор все названные произведения не опубликованы и находятся в портфеле писателя. В предвоенные годы поэт дружит с артистами, художниками, писателями; много времени проводит он с знаменитым английским режиссером Гордоном Крегом, приехавшим в Москву ставить в Художественном театре «Гамлета». Он посвящает свои стихи сестре Антона Чехова М.П. Чеховой, профессору Г.Г. Шпет, К.Д. Баль-

⁸⁸ Кара-Мурза называет (иногда архаично транскрибируя) имена Уильяма Йейтса, шведского поэта Вильгельма Эжелунда (1880–1949), шведского инженера, поэта и прозаика Пера Халлстрема (1866–1960), Уильяма Блейка.

⁸⁹ Анонсы всех этих изданий были помещены в вышедших сборниках Балтрушайтиса. Напечатана из них была только книга «Лилия и серп» (Париж, 1948; посмертно).

монту, и друзьям-итальянцам: Джузеппе Ванникола, Джиованни Амендола, Еве Кюн Амендола⁹⁰ и др.

Особо следует остановиться на дружбе поэта с знаменитым композитором Скрябиным, которому Балтрушайтисом посвящено много стихотворений. Его лирика была очень близка по духу философской музыке Скрябина и, вероятно, вследствие этого, оба мастера чувствовали друг к другу взаимное влечение. Балтрушайтис видел в скрябинских интуициях и настроениях какое-то могучее и побеждающее своей цельностью миропонимание. Скрябин ценил в поэзии Балтрушайтиса способность пантеистического ощущения природы. Как известно, в последние годы жизни Скрябин был занят созданием своей Мистерии. Но еще до осуществления мистерии композитор пришел к мысли о сочинении, названном им «Предварительным Действием», грандиозной кантате на сюжет Мистерии, которая должна была исполняться не в порядке концерта, а в виде некоего действия, без непосвященных. Скрябин написал стихотворный текст к Предварительному Действию, в котором выразил свои взгляды на сущность мира⁹¹. Свою поэтическую работу он представил на рассмотрение и суд своих друзей-поэтов: Ю. Балтрушайтиса и Вячеслава Иванова, прося их непременно высказать свое искреннее, но авторитетное слово. Он не был уверен в своих силах в этой области. Но его друзья-поэты предпочли не огорчать композитора и высказали свое мнение весьма осторожно, что было понято Скрябиным как полное одобрение⁹². На самом же деле Скрябин, великий художник звука, в области поэзии оказался далеко не на высоте. Он создал не самостоятельное поэтическое произведение, а навеянный мотивами поэтов-символистов, технически неумелый стихотворный текст. Когда Скрябин умирал от карбункула, вскочившего на верхней губе, Балтрушайтис был у постели угасающего композитора. А после его смерти он явился инициатором создания «Скрябинского Музыкального Общества».

Глубоким доверием дарила Ю. Балтрушайтиса замечательная русская актриса Вера Комиссаржевская, советовавшаяся с ним в самые критические моменты своей жизни. Осенью 1909 г. артистка со своей труппой гастролировала на юге России, переживая острый кризис своего творчества. В середине ноября она вызвала из Моск-

⁹⁰ Джузеппе Ванникола (1886–1915) — итальянский музыкант и писатель; Джиованни Амендола (1882–1926) — журналист и политик; Ева Кюн-Амендола (1880–1961), его жена, была родом из Вильнюса; она перевела на итальянский книгу Балтрушайтиса 1912 г.

⁹¹ Текст «Предварительного Действа» был напечатан М.О. Гершензоном в 1919 г. (Русские пропилеи. М., 1919. Т. 6. С. 120–247).

⁹² Отзыв Вяч. Иванова был разыскан сравнительно недавно: *Берд Р.* Неизданный текст Вячеслава Иванова о «Предварительном Действе» А.Н. Скрябина // Русская литература. 2006. № 3. С. 147–151.

вы Балтрушайтиса в Харьков на совещание. О чем они говорили, никому не было известно. Труппа, очень заинтересованная приездом поэта, предполагала, что темой обсуждения могла быть программа будущего сезона или заказ на переводы новых пьес. Но ожидания труппы были обмануты. В.Ф. Комиссаржевская созвала актеров и послала им в закрытом конверте свое известное письмо, в котором писала следующее: «То большое волнение, какое переживаю я, касаясь того, о чем скажу сейчас, помешало бы мне говорить, и поэтому я пишу. С теми из Вас, кто пришел в мой театр, веря в него, с теми из вас, кто работал и работает со мной, веря в меня — я должна, я хочу поделиться своим решением. По окончании этой поездки я уйду совсем из театра. Надолго ли, навсегда ли зависеть это будет не от меня. Я уйду потому, что театр в той форме, в какой он существует сейчас — перестал мне казаться нужным и путь, которым я шла в исканиях новых форм — перестал мне казаться верным»⁹³. Это было за два месяца до смерти Комиссаржевской, последовавшей в Ташкенте, от черной оспы. Мы видим, что в самый роковой момент своей артистической жизни, в минуту принятия важнейшего решения об отречении от сцены великая актриса почувствовала потребность в советах Балтрушайтиса.

В 1913 г. в Москве открылся «Свободный театр», памятный всем истинным любителям сцены, мелькнувший ярким метеором на театральном горизонте предвоенной России. Это был синтетический театр, культивировавший все виды сценического зрелища: драму и оперу, оперетту и пантомиму. Стоявший во главе театра известный режиссер К.А. Марджанов, впоследствии народный артист грузинской республики, пригласил в качестве Заведующего литературной частью репертуара Ю. Балтрушайтиса. Театр шел в ногу со всем культурным миром, откликался на все события исторического и общественного характера. Так, например, еще до открытия сезона, 15-го июля, был отмечен день смерти Лермонтова, и на общем собрании всей труппы Балтрушайтисом была произнесена блестящая, вызвавшая чрезвычайный интерес всех присутствующих речь, посвященная Лермонтову.

После закрытия, вследствие разразившейся войны, «Свободного театра», Балтрушайтис вместе с А.Я. Таировым, А.Г. Коонен и Н.П. Аслановым⁹⁴ организовал в 1914 г. «Камерный театр», кото-

⁹³ Точную хронологию этих эпизодов и комментариев к ним см.: *Рыбакова Ю.П.* В.Ф. Комиссаржевская. Летопись жизни и творчества. СПб., 1994. С. 476–478. Балтрушайтис оставил воспоминания об этой своей беседе с актрисой: *Балтрушайтис Ю.* Последний замысел (Впечатления) // В.Ф. Комиссаржевская. Альбом «Солнца России». Пг., 1915. С. 33–35.

⁹⁴ Асланов Николай Петрович (1877–1949) — артист, режиссер, театральный деятель.

рый существует до настоящего времени, уже как Государственный театр и в нынешнем году справляет свое двадцатилетие.

В первые дни свобод после февральского переворота Балтрушайтисом был написан прекрасный «Гимн Родине»⁹⁵, на который композитор А. Архангельский сочинил музыку. Помню мартовский вечер в театре «Летучая Мышь», в котором впервые исполнялся этот гимн и Балтрушайтис имел большой успех⁹⁶.

В 1918 г. поэт был выбран первым председателем Всероссийского Союза Писателей. В то же время он работал в Театральном Отделе Народного Комиссариата Просвещения и заведовал его репертуарной секцией, которая под руководством Балтрушайтиса составила и опубликовала списки пьес мирового и современного репертуара, рекомендуемых для постановки.

Хочется здесь отметить одно очень характерное для Балтрушайтиса литературное выступление 1918 г. Это — весьма сочувственное предисловие к сборнику стихов «Эра Славы» пролетарского поэта Ивана Филипченко⁹⁷. Позволю себе привести следующие строки Балтрушайтиса о молодом поэте: «Он любит краткое пламя пастушеского костра, но ему ближе слепящая молния в ночи. Как набат ему слаще свирели. Так должно быть, если в своем творчестве поэт верен своей внутренней стихии. Автор жарко ищет в мире не умиления о частном, а ликования об общем, не сладостно-журчащего ручья, а грохота обвалов и воющего шума морского прибоя; на полевой меже он не замечает или не хочет замечать отдельного и одинокого василька, а видит только все поле, видит только прос-

⁹⁵ Текст его не разыскан. Заслуживает внимания версия Ю. Тумялиса, согласно которой имеется в виду стихотворение «Привет родине» («Прахом распались оковы...») (Русское слово. 1917. № 57. 12 марта. С. 1; текст: Балтрушайтис Ю. Дерево в огне. Вильнюс, 1969. С. 454); см.: Из несобранных и неопубликованных стихотворений Юргиса Балтрушайтиса / Подготовил Ю. Тумялис // Literatūra ir kalba. XIII: Lietuvių poetikos tyrinėjimai. Vyg. redaktorius K. Korsakas. Vilnius: Vaga, 1974. P. 339–341; электронная публикация: http://www.russianresources.lt/archive/Baltrusaitis/Baltrusaitis_14.html

⁹⁶ Ср. кстати: «Первой из театров [sic], давших новое в послереволюционную пору, явилась “Летучая мышь”. Но значительная часть ее новой программы была подготовлена еще при старом режиме и потому не отличалась от обычных прежних номеров. Быть может только от инсценировки старой поэмы гр. А.К. Толстого “Сон Попова” веет уже духом свободы, как веяло им и от остроумных речей г. Балиева, и от гимна г. Архангельского на слова г. Балтрушайтиса» (Джонсон И. [Иванов И. В.] Московские письма. XXXI // Театр и искусство. 1917. № 13–14. С. 236).

⁹⁷ Филипченко Иван Гурьевич (1887–1937) — поэт. До последнего времени дата его смерти была предположительной — по одной версии он был расстрелян в 1937-м, по другой — погиб в заключении в 1939-м. Недавно обнаруженные документы подтверждают первую из них. В указанной книге предисловие Балтрушайтиса соседствует со вступительным словом Брюсова.

тор, где стремительный ветер на версты и версты вздымает в поле ржи беспрерывные волны кивающих колосьями стеблей». Эти строки очень показательны не столько для И. Филипченко, сколько для самого Балтрушайтиса. Краткое предисловие заканчивается очень ценным признанием. «В суровое и смутное время борьбы — пишет Балтрушайтис — в роковую пору лавин и расщелин, задевших сердцевины дрогнувшего мира певцу борьбы и в сей воинствующей жизни, очевидно трудно быть только поэтом».

В последний раз на литературной арене я видел нашего поэта в декабре 1919 г. в Московском Художественном театре. Всероссийский Союз писателей чествовал Балтрушайтиса по поводу двадцатилетия его поэтической деятельности. Я подписал приветственный адрес и присутствовал на юбилейном вечере, носившем очень душевный характер. С речами и стихами, посвященными юбиляру, выступали Бальмонт, Андрей Белый⁹⁸, Георгий Чулков, Иван Аксенов и др. Сенсацию вызвало появление индусского поэта Сураварди⁹⁹, прочитавшего стихотворение, посвященное Балтрушайтису, на индусском языке. В ответ на все приветствия Балтрушайтис прочел несколько неизданных своих стихотворений, а также некоторые старые. Это была моя последняя встреча с поэтом, который вскорости перешел на дипломатическую деятельность, продолжая традицию таких писателей-дипломатов, как Ксавье-де-Местр, Тютчев, Клод Фаррер, Морис Палеолог, Поль Клодель, Пьер Лоти и др.

Переходя к оценке поэзии Балтрушайтиса, я должен сказать, что в большой публике поэт недостаточно популярен и, невзирая на наличие ряда очень ценных высказываний его друзей и читателей, критическая литература о нем не очень обширна: ибо он поэт не для массы, а для знатоков и избранных ценителей поэзии. В его творчестве нет тех элементов поэзии, которые делают поэта угодным и любимым в массах: в его стихах совершенно отсутствуют общественные мотивы и эротика, нет в них также урбанистических настроений. Это поэт вне истории, вне территорий. Лирика его настроена философски и родственна философским течениям русской поэзии, представляемым поэтами Баратынским, Тютчевым, Вл. Соловьевым. Балтрушайтис — поэт любомудр и богомолец. Могучей и плодоносной струей его лирики является религиоз-

⁹⁸ Об этом выступлении см.: *Лавров А.В.* Андрей Белый. Разыскания и этюды. М., 2007. С. 216–218. Краткое упоминание о юбилее см. также: *Волжанин О.* Письмо из Москвы // Вестник литературы. 1920. № 1. С. 14.

⁹⁹ Хассан Шахид Сураварди (1890–1965) — индийский поэт, переводчик и журналист, приметное лицо в российской культурной жизни 1916–1920-х годов. О нем см. превосходную справку Д. Малмстада (*Малмстад Д.* Переписка В.Ф. Ходасевича с А.В. Бахрахом // Новое лит. обозрение. 1993. № 2. С. 187–188).

ность. Стихи и раздумья поэта — те же молитвы, и как благоговейны, как чисты, как смиренны они. Иногда религиозность поэта переходит в мистику: он возвеличивает ночь, воспевает ее мистическую загадочность, мистический смысл земли и земной жизни. Он чувствует свое пантеистическое единство с природой, приемлет жизнь, мир, радость земли, ее страду, ее звонкое утро. *Gloria in excelsis Deo*¹⁰⁰ — восклицает он благодарственно. Но рядом с этим оптимистическим жизнепониманием поэт задумывается над зыбкостью всего земного и философски осознает всю его бренность.

Внешняя форма его стихотворений торжественна и проста. Поэт чужд новаторства и следует классическим образцам. По выражению Вячеслава Иванова, Балтрушайтис создал свой особый лирический жанр, соединение гимна и элегии; его строфы — это песнопения и псалмы, они звучат, как органная fuga¹⁰¹. Упомянутого Вячеслава Иванова следует считать лучшим знатоком и истолкователем поэзии Балтрушайтиса. Со слов самого поэта, своего друга, он объяснил нам значение и смысл символов, скрытых в книге стихов «Земные ступени». Семь последовательных ступеней осознания личностью мира и ее самой различает поэт в своем прошлом внутреннем опыте — и дает этим ступеням неожиданное и многозначительное наименование «Семи забвений». Свое первое «забвение» (обнимающее период до 1900 г.) поэт характеризует, как простое «стояние в мире — без вопросов и ответов»; он поглощен разглядыванием вещей и эстетической их расценкой. Второе забвение — чувство сиротства и отторженности. Пробудившейся личности противостоит мир и в душе поэта рождается благоговение из страха. В корне третьего забвения — чувство покорности, добровольного согласия на высшую волю. Этот выход был чисто религиозный и совершился он под знаком «молись». Наступление нового, четвертого периода душевной жизни поэта связано с итальянскими впечатлениями от творений Микель-Анджело, особенно от его «Ночи». Поэт проникается скорбью человеческой предельности и ощущением жизни, как бреда. В 1908 г. забрезжило перед поэтом то, что он называет «началом мира в человеке» и печаль уже просветленная отмечает пятую ступень поэта, как опыт первой живой связи между ним и вселенной. На следующей, шестой ступени таинство познания согласно общего ритма его развития находит свою трагическую антитезу: «трагически» переживает он единство личности и мира, «капли и моря». И только в 1912 г. со вступлением в круг последнего из доселе изведанных им «забвений» поэт обретает в

¹⁰⁰ Слава в вышних Богу (*лат.*)

¹⁰¹ Здесь и далее пересказывается статья Вяч. Иванова «Юргис Балтрушайтис как лирический поэт» (Русская литература XX века. 1890–1910 / Под ред. проф. С.А. Венгерова. Т. 2. М., Б.г. С. 301–311).

углубленном чувстве гармоничного слияния с миром источник внутренней свободы и мужественного пафоса.

Друг и долголетний сотрудник Балтрушайтиса Валерий Брюсов характеризовал поэзию своего друга следующими словами: «Что Балтрушайтис истинный поэт это чувствуешь сразу, прочтя два-три его стихотворения. Балтрушайтис как-то сразу, с первых своих шагов в литературе обрел себя, сразу нашел свой тон, свои темы и уже с тех пор ни в чем не изменил себе. Основной пафос поэзии Балтрушайтиса — символизация всей окружающей действительности и в этом смысле его сборник очень удачно назван: “Земные ступени”. Поэт ничего в жизни и ничего в мире не воспринимает просто, как явление, но во всем видит иносказание, символ. Балтрушайтис почти не говорит ни о чем одиночном, конкретном; постоянно противопоставляет себя вселенной, всему миру. В его стихах нет ничего другого, кроме самого поэта и мира, других индивидуальностей для Балтрушайтиса не существует, и он говорит или о себе или о человечестве»¹⁰².

В Дневниках Брюсова мы находим такое ценное высказывание. «В Италии Балтрушайтис рассказывал мне про раковины так, что я ахнул: поэт, крупный поэт Юргис»¹⁰³.

В книгах Конст. Бальмонта мы встречаем немало посвящений и упоминаний о нашем поэте.

Милый Юргис, ты похитил
Ветер, ветер у меня;
Ветер, ветер, ветер, ветер
Ты похитил у меня¹⁰⁴, —

пишет в одном месте Бальмонт.

А другое его стихотворение посвящено:

Угрюмому, как скалы, Балтрушайтису¹⁰⁵.

¹⁰² Из рецензии Брюсова на сборник «Земные ступени» (Брюсов В. Среди стихов. 1894–1924. Манифесты. Статьи. Рецензии / Сост. Н.А. Богомолов и Н.В. Котрелев. М., 1990. С. 344–345).

¹⁰³ Кара-Мурза ошибается: это не дневниковая запись, а эпизод из воспоминаний Белого: «— Раз он сказал, — дернул губы мне Брюсов. — В Италии: он рассказал мне про раковины так, что я ахнул: поэт, крупный, Юргис!» (Белый А. Начало века. М.; Л., 1933. С. 381).

¹⁰⁴ Кара-Мурза цитирует по памяти; в оригинале: «Гордый Юргис, ты похитил Ветер, Ветер у меня / Ты подслушал и расслышал, как он шепчет, нас дразня» (впервые: Новый путь. 1904. № 1. С. 146–147).

¹⁰⁵ Характеристика из коллективной дедикации книги Бальмонта «Будем как Солнце» (М., 1903): «Посвящаю эту книгу, сотканную из лучей, моим друзьям, чьим душам всегда открыта моя душа: брату моих мечтаний, поэту и волхву Валерию Брюсову, — нежному, как мимоза, С.А. Полякову, — угрюмому, как скала, Ю. Балтрушайтису, — творцу сладкозвучных песнопений

Молчаливость — одно из основных свойств Балтрушайтиса, и об этой черте упоминают многие мемуаристы. В своих воспоминаниях о Скрыбине музыкальный критик Л. Сабанеев пишет: «Членом нашего интимного кружка был сосредоточенно мрачный Балтрушайтис, который мог часами сидеть в одной позе в кресле, ни слова не сказав, человек, от которого всегда ждалось какое-то очень веское слово. Но он говорил это веское слово, обычно в такой неопределенной формулировке, что над расшифровкой его требовалось думать, как над вещаниями пифийского оракула»¹⁰⁶.

Судя по этой цитате, нужно полагать, что автор воспоминаний музыкант Сабанеев не очень любил думать и задумываться над чужими словами.

Я лично вспоминаю, как на одной дружеской елке, среди прочих шуточных подарков предполагалось подарить поэту и даже, кажется, преподнести коробку визитных карточек с надписью: Ю.К. Балтрушайтис, уроки красноречия, там-то и тогда-то. Это было явное указание на то кресло за столиком, где в дружеской компании поэт сидел молча, часами не проронив ни одного слова.

Это же свойство — молчаливость — отмечает в своем портрете и Илья Эренбург: «Балтрушайтис так часто повторяет слово “немотствовать”. В черном наглухо застегнутом сюртуке Балтрушайтис молчит, но не просто молчит, а торжественно, непоколебимо, как будто противопоставляя убожеству и суете человеческих слов благое молчание... Великой суровостью дышит лик Балтрушайтиса; это суровость северной природы. Редко, редко младенческая улыбка, как беглый луч скупого солнца озаряет на миг его. На пустынном лице Балтрушайтиса особенно значителен рот, горько сжатый рот, как будто невидимый перст тяжелый и роковой лежит на нем. Немой Балтрушайтис, когда приходит урочный час, разрешается сжатыми, строгими строками. Стихи его — гравюра по дереву, в них только черные и белые пятна. Они похожи на голые стены древней молельни, где нет ни золотых риз икон, ни крытых пестрыми камнями статуй, где человек глаз на глаз ведет извечный спор с грозным Вседержителем. Читает стихи Балтрушайтис размеренно

Георгу Бахману, — художнику, создавшему поэму из своей личности М.А. Дурнову, — художнице вакхических видений, русской Сафо, М.А. Лохвицкой, знающей толк в колдовстве, — рассветной мечте Дагни Кристенсен, валькирии, в чьих жилах кровь короля Гаральда Прекрасноволосого, — и песенному цветку Люси Савицкой, с душой вольной и прозрачной, как лесной ручей». Впрочем, повторял он ее и изустно, ср.: «Как-то в Мастерской Пронина ко мне кинулся Бальмонт и, как всегда, восторженно-напевно воскликнул: — Алиса, познакомьтесь, Юргис Балтрушайтис — угрюмый, как скала! Любите его стихи и опасайтесь его философии!» (Коонен А. Страницы жизни. М., 2003. С. 106).

¹⁰⁶ Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Скрыбине. М., 2000. С. 153–134.

и глухо, не выдавая волнения, не возвышая и не понижая голоса, как путник, повествующий о долгих скитаниях в пустыне. В его кабинете пусто, только стол рабочий и большое распятие»¹⁰⁷.

Чрезвычайно яркие и характерные штрихи к портрету Балтрушайтиса дает в своих мемуарах Андрей Белый. «Тихий и флегматичный, он в годах вырастал как поэт. Лирика его стихов о цветах и о небе; поэт полей он и под потолком чувствовал себя как под открытым небом. На литературном журфиксе Балтрушайтис сидел с таким видом, точно он грелся на солнце и точно под ногами его золотела нива, не пол. Он достал из кармана листок и прочел мне неожиданно свое стихотворение, только что написанное о том, как над нивой висело небо, и в чтении стихов сказался весь, как поэт. Поперечной морщиной бороздился его умный лоб, и гудел басок, тусклый как голос рога. Казалось: с надлобной морщины несло точно сосредоточенным холодом — Стриндбергом, Ибсенем; он переряженный в партикулярное платье Зигурд; цвета серого пара, как скалы Норвегии, глаз цвета серых туманов Нордкапа. И глаза голубели цветочками луга Литовского, около Ковно; нордкаповский туман только утренний свежий парок, занавесивший теплое и миротворное солнышко»¹⁰⁸.

Андрей Белый вспоминает, как не раз Балтрушайтис спасал положение в журнале «Весы», как в критические минуты коллектив сотрудников обращался к его помощи. «С ним точно подводная лодка — “Весы” — выплывали к поверхности, портились наши компасы, манометр ломался; толчок — праздно слонявшийся Юргис тогда только брался за руль: “Надо плыть руководствуясь звездами”. И проведя по опасному месту на палубе снова болтался, чтобы с первой шлюпкой на берег, исчезнуть надолго»¹⁰⁹.

А. Белый рассказывает также о своей встрече с Балтрушайтисом, уже как с посланником в 1921. «Выдавая мне визу в Литву, он встал как прежде в “Весях” и сказал: “очень жаль, что ты едешь, надо бы мне сказать тебе”, но посмотрел на часы он, и с нордкапским туманом в глазах он пошел в свой посольский авто. И не надо сказать, потому что все сказано, сказ его — лирика стихов о цветах и о небе»¹¹⁰.

О значении Балтрушайтиса в «Весях» говорит в своих литературных воспоминаниях также П. Перцов. «Почти в каждом деле имеются такие весьма важные, но незаметные на отдалении двига-

¹⁰⁷ *Эренбург И.* Портреты русских поэтов. Берлин, 1922. С. 15 (с сокращениями).

¹⁰⁸ Сильно деформированная цитата из: *Белый А.* Начало века. М.: Л., 1933. С. 380–382.

¹⁰⁹ Там же. С. 381.

¹¹⁰ Там же. С. 382.

тели, в высшей степени полезные и даже необходимые участники дела. Таким был в “Весах” Балтрушайтис»¹¹¹.

Зинаида Гиппиус говорила, что в Петербурге одно время, особенно в редакции журнала «Мир Искусства» поэта звали Also Sprach Baltruschaitis. Что она этим хотела сказать — непонятно¹¹². То ли, что Балтрушайтис — современный Заратустра, то ли: он — пародия на Ницше. Сходство между ними только в том, что и в фамилии Балтрушайтис, и в имени Заратустра по четыре слога.

Очень вдумчивую и верную оценку поэзии Балтрушайтиса дает известный литературный критик Ю.И. Айхенвальд. Отпечаток благородства и целомудрия, — пишет он, — лежит на строгом творчестве Балтрушайтиса. Оно не разнообразно в своих мотивах, его круг имеет определенный диаметр, но это именно тот круг, в который замкнуты все религиозные темы человечества, все интересы наших печалей и утешающей мудрости. Молитвенник мыслителя — сборники Балтрушайтиса; по ним совершается поэтическое богослужение. У поэта пристальный взгляд, сосредоточенная дума, он исключительно серьезен. Его умное вдохновение не восторженно, не пылко, но тем надежнее его глубина и постоянство. Все у него слишком значительно и существенно. Слова у него сжатые и скупые, суровые. Это добровольная скудость монаха, подвижника, это не отсутствие богатства, а отказ от него. Жизнь человеческого странника — борьба между началами цельности и дробления. Земной пилигрим хочет единства, слияния с миром, блаженного часа полноты, но прежде чем он вознесется в этой области великого целого, великого общего ему суждено жить в дробящих условиях времени и пространства, быть игрой частичности. Это перемежающееся в человеке земное и горное составляет одну из основных тем Балтрушайтиса¹¹³.

Проф. Д.Д. Благой отмечает в творчестве Балтрушайтиса мотивы одиночества. Великое сиротство человека в природе, его обособленность от всего остального мира, жизнь как непрерывное стояние над бездной, стремление раскрыть запретные тайны бытия — таковы наиболее типичные темы элегий и раздумий Балтрушайтиса. Изредка прорываются в его стихах мятежные голоса («на нашей мачте знамя мятежа», «раб мятежный», «вновь я брошу вызов бытию») для его поэзии характерно широкое приятие жизни, поклонение земле, жалкие хвалы святыне бытия. Суровая мужественность его взглядов на жизнь, как на долг суровый, беззаветно

¹¹¹ Перцов П. Литературные воспоминания. 1890–1902 гг. М.; Л., 1933. С. 291.

¹¹² См. прим. 86 на с. 104.

¹¹³ Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. Т. 3. Новейшая литература. Берлин, 1923. С. 235–242 (с искажениями).

упорный труд. Человек «досоздающий», достраивающий мир — такова основная нота поэзии Балтрушайтиса. С упорством он призывает высекать лучи из серого камня, рвать гранит, равнять холмы. Характерно пристрастие его к образам, заимствованным из сельской трудовой действительности — сеятель, жница, серп, колос, зерно и др.¹¹⁴.

С.С. Розанов, посвятивший Балтрушайтису специальную монографию, определяет его общее философское мирозерцание термином теоцентризм¹¹⁵. Отмечая внутреннюю правду лирического творчества поэта, критик называет Балтрушайтиса поэтом-мыслителем, поэтом-философом. Его сборники стихов — это книги философской лирики. Стихию поэта Балтрушайтис сочетал в себе со стихией философа. Это содружество поэзии и философии составляет отличительную черту Балтрушайтиса. Он смотрит на кипень [sic] жизни, на хаотическое многообразие ее форм и явлений с горных вершин философичности. Он вне истории, вне пространства; он торжествует завидную поэтическую победу над скованностью во времени и пространстве. От частного, дробного, конкретного поэт-мыслитель протягивает нить к общему, целому и всеединому. Потаенно и долго вынашивает он свои мысли, шлифует свои эпитеты, чеканит свои образы; но зато как полновесны они, как выразительны в их нарочитой четкости. Убежденная религиозность сообщает необычайную торжественность его песням, и никогда не проронит он слова, которое оскорбило бы вас своей несерьезностью. Он исключительно сосредоточен. Но, сам религиозный, он затеплит искру религиозного озарения и в других. Его поэзия входит в душу, будто величавый удар колокола, будто молитвенный вздох органа. И один влекущий образ уносит с собой в свои жизненные скитания читатель, расставаясь с заключительными страницами Балтрушайтиса. Это прекрасный образ поэта, воздевающего трепетные руки к далеким звездам.

Мы привели здесь отзывы и высказыванья лишь наиболее известных и авторитетных русских литераторов, писавших о Балтрушайтисе. При желании эту сводку можно было значительно расширить. Но и приведенного достаточно для того, чтобы признать, как высоко расценивается критикой дарование нашего поэта-мыслителя и какое почетное место и значение отводится ему в поэзии. Мы не сомневаемся, что и теперь, среди трудов и забот своей дипломатической деятельности, Балтрушайтис не оставляет пера и находит время для поэзии. И когда в один прекрасный день он издаст плоды

¹¹⁴ Цитируется словарная статья Д. Благого (Литературная энциклопедия. М., 1929. Т. 1. С. 311).

¹¹⁵ Далее пересказываются положения книги: *Розанов С. Ю.* Балтрушайтис (силуэт). М., 1913.

своих поэтических дум за последние годы, мы, несомненно, увидим, насколько глубже и значительнее стало творчество Балтрушайтиса, обогащенное опытом государственной деятельности.

А.Н. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ

Александра Николаевна Чеботаревская — родная сестра Анастасии Николаевны Чеботаревской-Сологуб, — кончила свою жизнь тем же роковым способом, как и последняя — на дне реки.

А.Н. была одной из образованнейших женщин нашего времени, отлично знала литературу, особенно французскую, прекрасно владела пером, тонко разбиралась в живописи, писала живые и содержательные статьи и очерки по вопросам искусства и поэзии.

Она родилась в Новом Осколе Курской губ. в 1870 году. Отец ее, известный адвокат Николай Николаевич Чеботаревский, занимался юридической практикой сначала в Курске, а затем в Москве. А.Н. окончила курс частной женской гимназии С.А. Арсеньевой, а затем поступила на историческое отделение так называемых коллективных уроков. В те времена женщины не допускались в университет, и министерство не разрешало открытия высших женских курсов. В обход этих административных рогаток проф. Герье открыл «коллективные уроки» с целым рядом отделений — тех же факультетов — и А.Н. была одной из первых слушательниц этих курсов. Громадной жадности знаний, острого пытливого ума и избытка умственной энергии А.Н. не могли удовлетворить московские уроки, и Чеботаревская переезжает во Францию. В Париже она слушает лекции по истории и литературе в университете и в Collège de France, вся отдается изучению излюбленных научных дисциплин, возвращается в эмигрантских политических кругах, где руководящую роль играет А.В. Луначарский и его единомышленники¹¹⁶. По воз-

¹¹⁶ Политическая неблагонадежность Чеботаревской в 1890-е годы находит подтверждение в архиве Департамента полиции: «Из дел Московского Охранного Отделения усматривается, что домашняя учительница, дочь коллежского асессора Александра Николаева Чеботаревская приходится родной сестрой известной Департаменту Полиции Ольги Николаевны Черносвитовой, жены бывшего студента Московского Университета Николая Николаева Черносвитова, состоящего под негласным надзором полиции и проживающего ныне за границей. По имеющимся в делах отделения сведениям, к числу знакомых Чеботаревской принадлежат следующие политически неблагонадежные лица: жена титулярного советника Елена Николаевна Каменецкая, известная, между прочим, по делу о «Южно-русском рабочем союзе»; жена врача Софья Николаевна Луначарская, о нежелательности допущения коей к преподаванию в вышеозначенных Пречистенских классах я сообщил Департаменту Полиции

вращении в Россию А.Н. всецело уходит в литературную работу и в общественную деятельность, нисколько не заботясь о благах личной жизни. В девятисотых годах она принимает активное участие в занятиях Московской Комиссии по организации домашнего чтения, которая при отсутствии в Москве живой общественной жизни и мертвом политическом затишье играла огромную роль. Ею руководил известный профессор-историк П.Г. Виноградов. А.Н. работала в «Русской Мысли» и в «Русских Ведомостях», в «Народном Пути»; была избрана действительными членами Общества Любителей Российской Словесности при Московском Университете¹¹⁷. Из ее работ по искусству особенной законченностью, четкостью и тонкостью отличалась статья: «Беклин и его искусство»¹¹⁸, написанная в то время, когда увлечение творчеством этого своеобразного мюнхенского художника охватило широкие круги русской интеллигенции. Другая статья по живописи была посвящена художнице Марии Васильевне Якунчиковой, связанной с Чеботаревской узами тесной личной дружбы¹¹⁹. Из историко-литературных очерков А.Н. необходимо указать на две превосходные работы: «Французская лирика в 19 столетии»¹²⁰ и «Жизнь Мопассана»¹²¹. Последнего А.Н. высоко ценила и перевела множество его произведений. Превосходным образцом переводов А.Н. может служить перевод «Мадам Бовари» Флобера, исполненный, по отзывам специалистов, с тонким пониманием духа французского языка и чрезвычайно удачно передающий все литературные нюансы флюберовского стиля. С французского А.Н. переведены еще: роман Ан. Франса «Комическая история», много рассказов А. Франса; «Лики дьявола» Барбье, д'Оревилли, «Исповедь простого человека» Гильомена и пр. Из немецких авторов А.Н. переводила Вассермана («Над жизнью»), Ген-

отношением от 9 минувшего Января за № 300, и известный своими марксистскими убеждениями сын статского советника Василий Григорьев Михайловский» (ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. 1899. Ед. хр. 336. Л. 1–1 об.). Упомянутая здесь С.Н. Луначарская — жена родного брата будущего наркома.

¹¹⁷ Чеботаревская избрана действительным членом общества 20 января 1908 г. (см.: Словарь членов Общества Любителей российской словесности. М., [1911]. С. 307). Весьма любопытные протоколы обсуждения ее кандидатуры, состоявшегося 15 декабря 1907 г., см.: РГБ. Ф. 207. Карт. 15. Ед. хр. 37.

¹¹⁸ *Чеботаревская А. Беклин и его искусство* // Русская мысль. 1903. № 5. 2-я паг. С. 109–137.

¹¹⁹ *Чеботаревская Ал. Художник-друг (Посмертная выставка произведений М.В. Якунчиковой)* // Русская мысль. 1905. № 4. 2-я паг. С. 169–172.

¹²⁰ *А.Ч. Французская лирика в XIX столетии* // Русская мысль. 1894. № 7. Отд. II. С. 44–59; № 8. Отд. II. С. 107–124; № 10. Отд. II. С. 40–55.

¹²¹ *Чеботаревская Ал. Жизнь Мопассана* // Русская мысль. 1908. № 11. Отд. II. С. 82–111.

риха Манна («Злые») и др. Из научных книг, переведенных Чеботаревской, хорошее распространение получили монография Поля Гиро «Фюстель-де-Куланж» и Де-Роберти «Новая постановка основных вопросов социологии».

Невозможно перечислить все библиографические рецензии и критические отзывы по текущей русской и иностранной литературе, которые помещались А.Н. в течение всей ее жизни в различных периодических изданиях, и вскрывали самое основное ядро в художественном творчестве оцениваемого автора, его главные литературные свойства и наиболее характерные писательские черты.

* * *

В феврале 1925 года скончался М.О. Гершензон; его преждевременная кончина опечалила всех ценителей этого тончайшего мастера пера, изумительного литературного критика, и изысканного художника слова, в прекрасных образах воссоздавшего облики лучших русских людей 19 века: Пушкина, Грибоедова, Чаадаева, Печерина, декабриста Кривцова и др. А.Н. Чеботаревская некогда была слушательницей и ученицей М.О. Гершензона¹²², и высоко ценила труды и личность М.О. как писателя, философа и идеалиста. Смерть Гершензона потрясла Чеботаревскую и, как говорят близкие люди, вывела ее из состояния душевной уравновешенности. Я помню гражданскую панихиду по Гершензону в Академии Художественных Наук на Пречистенке¹²³. В белом ампирином зале Академии, утопая в зелени лавровых деревьев и в живых цветах похоронных венков, стоял гроб с телом М.О. У гроба московские писатели несли почетный караул. Хор пел реквием, и его величавые звуки, сливаясь с запахом гиацинтов, создавали торжественно скорбное настроение, объединявшее всех присутствующих в одном общем чувстве горестной утраты дорогого писателя. Друзья и почитатели М.О. говорили прощальные, надгробные слова. Ораторы сменяли друг друга. К гробу подошла А.Н. Чеботаревская. Ее глаза болезненно блуждали; в голосе слышался надрыв, в словах чувствовалась истерика. От пристального наблюдателя и внимательно слушающего уже тогда не могли ускользнуть в речи А.Н. намечающиеся признаки психического расстройства и явные симптомы приближающегося религиозного помешательства. Здесь говорили

¹²² Никогда не преподававший Гершензон учеников не имел вплоть до конца 1910-х годов; с Чеботаревской они познакомились по делам Комиссии по организации домашнего чтения и приятельствовали с первых годов XX века.

¹²³ Панихида по Гершензону в ГАХН состоялась 21 февраля 1925 г. (см.: *Аицкин Н.* Заметки о виденном и слышанном / Публ. и коммент. Е.А. Муравевой // Новое лит. обозрение. 1998. № 33. С. 234).

о том, — так начала свою речь А.Н., — чему служил покойный Михаил Осипович, кого он любил, каких поэтов он предпочитал. Я скажу, что он служил одному Богу, любил и предпочитал только Бога. И мы должны следовать его примеру. Так жить, как мы живем, нельзя, так жить нельзя. Россия теряет всех своих великих людей; мы потеряли горячее сердце Ленина. Кончина Мих. Осип. должна послужить нам всем напоминанием, что мы должны измениться, возродиться. Мы должны оглянуться на свою жизнь, подумать о себе, и выйдя из этой залы, сейчас же, не откладывая ни на минуту, дать друг другу слово отречься от суетной жизни и служить Богу. «Так жить нельзя», — еще раз громко, настойчиво и болезненно повторила А.Н. В словах говорившей уже чувствовалась некая обреченность. И не прошло трех недель, как А.Н. покончила расчеты с жизнью.

13 марта рано утром, около 6 часов она ушла из дому¹²⁴. Домашние искали ее в комиссариатах, заявили в Уголовный розыск.

¹²⁴ В литературе в качестве даты гибели Чеботаревской утвердилось 22 февраля, день похорон Гершензона; ср., напр., в примечаниях О. Дешарт: «Неожиданно Гершензон умер, 19 февраля 1925 г. В большом зале Гос[ударственной] Академии художественных наук 22 февраля состоялось отпевание: М.О. Гершензон был председателем литературного отдела Академии. Его любили. Чувствовалась настоящая грусть и сердечность в переполненной зале, не нарушенная некоторой официальной торжественностью обстановки. Все речи сопровождались песнями превосходного хора Б.Л. Яворского. Вдруг к месту, близ гроба, откуда произносились речи, ринулась Чеботаревская; указывая простертой рукой на умершего, она закричала: “Вот он! Он открывает нам единственно возможный путь освобождения от этого ужаса! За ним! За ним!” И она стремглав дико убежала. Бросились ее догонять друзья; среди них Ю.Н. Верховский, Н.К. Гудзий. В течение нескольких часов они за нею гонялись по улицам, подворотням, лестницам. Наконец, хитростью безумия ей удалось от них скрыться. В тот же день вечером нашли ее мертвое тело в Москве-реке» (*Иванов Вяч.* Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 725). В действительности, кажется, прав Кара-Мурза, относя ее самоубийство к 13 марта; ср. в письме Г.И. Чулкова к И.А. Новикову, датированном этим же днем: «Скончалась Александра Николаевна Чеботаревская. Она бросилась с моста в реку. Сейчас ее тело находится в Шереметьевской больнице. О дне погребения надо узнать у ее сестры, Татьяны Николаевны Чеботаревской. Ее телефон 5.62.28» (РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 4. Ед. хр. 944. Л. 21). Впрочем, с этим не сочетается письмо М. Шкапской к М. Волошину, недвусмысленно датированное 10 марта 1925 г.: «В Союзе у нас председательствует Сологуб, за этот год очень привязалась к старику, он совершенно замечательный. Его постигло очень большое горе — две недели назад утопилась в Москве-реке сестра Анастасии Николаевны — Александра Николаевна Чеботаревская, ее спасли, но она умерла через 3 часа от слабости сердца. Старик остался одиноким, но с еще большим жаром ведет в союзе общественную работу, входит в ряд комиссий, не пропускает ни одного заседания, на всех председательствует и как-то особенно по-хорошему дру-

Но одна из сестер Чеботаревской — женщина-врач¹²⁵, давно уже замечавшая психическую неуравновешенность сестры, сразу почувствовала катастрофу и, памятуя кончину Анастасии Николаевны Сологуб, бросившейся в Неву, прямо пошла на Москва-реку искать сестру по всем мостам и пристаням. Инстинкт ее не обманул. У Каменного моста ей сообщили, что дежурный матрос на спасательной станции заметил пожилую женщину, кинувшуюся в прорубь. Она осторожно, стараясь быть незамеченной, спустилась под мост, по льду несколько ускорила шаги и исчезла под водой. Матрос немедленно сел в лодку, поплыл за женщиной, бросился под лед и вытащил ее. Она еще была жива. Ее отвезли в ближайшую аптеку, где приняли первые меры к спасению ее жизни. Но вернуть ее к сознанию не удавалось, и утопленницу отправили в Шереметьевскую больницу, где снова попытались привести ее в чувство. Но напрасно. Жизнь не вернулась к А.Н., и через два часа она скончалась. В больнице было сделано медицинское вскрытие трупа А.Н., обнаружившее в картине мозга некоторые отклонения от нормы.

«Зовет вода» — так по-народному можно было бы определить состояние А.Н. перед смертью. Несомненно, что и Анастас. Никол. и Алекс. Никол. Чеботаревские слышали «зовы воды». В воскресенье 15 марта кружок писателей и друзей покойной проводил А.Н. на Ваганьковское кладбище. Это были драматические похороны. Гроб А.Н. положили рядом с могилой матери (урожденной Берлизовой), покончившей самоубийством путем повешения, и могилой брата, погибшего от револьверной пули¹²⁶. На минутку в ограде московского кладбища повеяло духом трагедии в шекспировском стиле.

Литература

Автобиографии деятелей книги в собрании С.А. Венгерова. Публикация М.Д. Эльзона // Книга. Исследования и материалы. Сборник XXIX. М., 1974. С. 156–157.

Адашкина Н.Л. Содружество муз. Литературно-художественный кружок Кара-Мурзы // Третьяковские чтения. 2012. Материалы научной конференции. М., 2013. С. 173–176.

жит с молодежью» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1303. Л. 38 об.). В московских газетах нет сведений об этой трагедии ни в первую дату, ни во вторую.

¹²⁵ Чеботаревская Татьяна Николаевна (1878–1968) — детский врач, много лет проработавшая в детской Морозовской больнице. Год рождения (отличающийся от обычно принятого в литературе) устанавливается по профильному справочнику: Российский медицинский список... на 1913 год. СПб., 1913. С. 573.

¹²⁶ Мать Чеботаревских покончила с собой в возрасте 29 лет. О самоубийстве одного из братьев Чеботаревских мы имеем лишь опосредованные сведения; см. коммент. М.М. Павловой к воспоминаниям В. Вересаева о Сологубе (Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 2013 г. СПб., 2014. С. 477).

Аиукин Н.С. Заметки о виденном и слышанном / Публ. и коммент. Е.А. Муравьевой // Новое лит. обозрение. 1999. № 33, 36.

Берд Р. Неизданный текст Вячеслава Иванова о «Предварительном Действе» А.Н. Скрябина // Русская литература. 2006. № 3. С. 147–151.

«Бесконечно дорогое, родное и любимое дело»: дневник букиниста и коллекционера Э.Ф. Ципельзона / Публ. и предисл. О. Андреевой // Библиофилы России. Альманах. М., 2009. Том VI.

[Брюсов В.Я.] Переписка с С.А. Поляковым (1899–1921) / Вступ. ст. и коммент. Н.В. Котрелева. Публ. Н.В. Котрелева, Л.К. Кувановой и И.П. Якир // Литературное наследство. М., 1994. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. С. 5–136.

Бурлок Д.Д. Письма из коллекции С. Денисова. Тамбов, 2011.

Гитович Н.И. Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. М., 1955.

Иванова Е.В. История одной переписки // Альманах библиофила. М., 1989. Вып. 25. С. 175–186.

Из несобранных и неопубликованных стихотворений Юргиса Балтрушайтиса / Подготовил Ю. Тумялис // *Literatūra ir kalba. XIII: Lietuvių poetikos tyrinėjimai*. Vyr. redaktorius K. Korsakas. Vilnius: Vaga, 1974. P. 339–341; электронная републикация: http://www.russianresources.lt/archive/Baltrusaitis/Baltrusaitis_14.html

Забурдаев Н.А. Автографы М. Горького // Горьковские чтения. 1953–1957. М.: Из-во АН СССР, 1959.

Кара-Мурза С.Г. Русское общество друзей книги (Московские библиофилы). Воспоминания. М., 2011.

Коонен А. Страницы жизни. М., 2003.

Лавров А.В. Андрей Белый. Разыскания и этюды. М., 2007.

Лавров А.В. Мирэ // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 90–91.

Лавров А.В. Новонайденные письма Анастасии Чеботаревской к Федору Сологубу // Федор Сологуб. Разыскания и материалы. М.: Новое лит. обозрение, 2016.

Лидин В.Г. Друзья мои — книги: Заметки книголюбца М.: Современник, 1976. 382 с.

Макарухина Н.М. Гурзуф — первая жемчужина Южного берега Крыма. Кн. первая. Симферополь, 2012.

Маковский С. Портреты современников. М., 2000.

Малмстад Д. Переписка В.Ф. Ходасевича с А.В. Бахрахом // Новое лит. обозрение. 1993. № 2. С. 170–205.

Марков А. Магия старой книги. Записки библиофила. М., 2004.

Михайлова М.В. «Я женщина с головы до ног...» (Творческий портрет писательницы А. Мирэ) // Время Дягилева. Универсалии серебряного века. Третьи Дягилевские чтения. Материалы. Выпуск 1. Пермь, 1993. С. 197–208.

Михайлова М.В. Публикации Мирэ в газете «Нижегородский листок» // Жизнь провинции как феномен русской духовности. Нижний Новгород, 2003. С. 23–26.

Молодяков В. Вокруг Брюсова: инскрипты и маргиналии // Библиофилы России. Альманах. М., 2016. Т. XII. С. 113–145.

Рыбакова Ю.П. В.Ф. Комиссаржевская. Летопись жизни и творчества. СПб., 1994.

Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Скрябине. М., 2000.

References

“Avtobiografii deiatelei knigi v sobranii S.A. Vengerova”, publ. by M.D. El’zon. *Kniga. Issledovaniia i materialy*. Issue XXIX. Moscow, 1974, pp. 156–157.

- Adaskina N.L. "Sodruzhestvo muz. Literaturno-khudozhestvennyi kruzhok Kara-Murzy". *Tret'iakovskie chteniia*. 2012. *Materialy nauchnoi konferentsii*. Moscow, 2013, pp. 173–176.
- Ashukin N.S. "Zametki o vidennom i slyshannom", publ., comm. by E.A. Murav'eva. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1999. No 33, 36.
- Berd R. "Neizdannyy tekst Viacheslava Ivanova o «Predvaritel'nom Deistve» A.N. Skriabina". *Russkaia literatura*. 2006. No 3, pp. 147–151.
- "«Beskonechno dorogoe, rodnoe i liubimoe delo»: dnevnik bukinista i kollektionera E.F. Tsipel'zona", publ., introd. by O. Andreeva. *Bibliofily Rossii. Al'manakh*. Moscow, 2009. Vol. VI.
- [Briusov V.Ia.] "Perepiska s S.A. Poliakovym (1899–1921)", introd., comm. by N.V. Kotrelev; publ. by N.V. Kotrelev, L.K. Kuvanova, I.P. Iakir. *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow, 1994. Vol. 98: "Valerii Briusov i ego korrespondenty". Book 2, pp. 5–136.
- Burliuk D.D. *Pis'ma iz kolleksii S. Denisova*. Tambov, 2011.
- Gitovich N.I. *Letopis' zhizni i tvorchestva A.P. Chekhova*. Moscow, 1955.
- Ivanova E.V. "Istoriia odnoi perepiski". *Al'manakh bibliofila*. Moscow, 1989. No 25, pp. 175–186.
- "Iz nesobrannykh i neopublikovannykh stikhotvoreniĭ Iurgisa Baltrushaitisa", ed. Yu. Tumialis. *Literatūra ir kalba*. XIII: "Lietuvių poetikos tyrinėjimai", vyr. redaktorius K. Korsakas. Vilnius: Vaga, 1974, pp. 339–341. Online at http://www.russianresources.lt/archive/Baltrusaitis/Baltrusaitis_14.html
- Zaburdaev N.A. "Avtografy M. Gor'kogo". *Gor'kovskie chteniia. 1953–1957*. Moscow: Izdatelstvo AN SSSR Publ., 1959.
- Kara-Murza S.G. *Russkoe obshchestvo druzei knigi (Moskovskie bibliofily). Vospominaniia*. Moscow, 2011.
- Koonen A. *Stranitsy zhizni*. Moscow, 2003.
- Lavrov A.V. *Andrei Belyi. Razyskaniia i etudy*. Moscow, 2007.
- Lavrov A.V. "Mire". *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'*. Moscow, 1999. Vol. 4, pp. 90–91.
- Lavrov A.V. "Novonaidennye pis'ma Anastasii Chebotarevskoi k Fedoru Sologubu". *Fedor Sologub. Razyskaniia i materialy*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016.
- Lidin V.G. *Druz'ia moi — knigi: Zametki knigoliuba*. Moscow: Sovremennik Publ., 1976. 382 p.
- Makarukhina N.M. *Gurzuf — pervaiia zhemchuzhina luzhnogo berega Kryma. Kniga pervaiia*. Simferopol', 2012.
- Makovskii S. *Portrety sovremennikov*. Moscow, 2000.
- Malmstad D. "Perepiska V.F. Khodasevicha s A.V. Bakhrakhom". *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1993. No 2, pp. 170–205.
- Markov A. *Magiia staroi knigi. Zapiski bibliofila*. Moscow, 2004.
- Mikhailova M.V. "«Ia zhenshchina s golovy do nog...» (Tvorcheskii portret pisatel'nitsy A. Mire)". *Vremia Diagileva. Universalii serebrianoego veka. Tre'ti Diagilevskie chteniia. Materialy*. Issue 1. Perm', 1993, pp. 197–208.
- Mikhailova M.V. "Publikatsii Mire v gazete Nizhegorodskii listok". *Zhizn' provintsii kak fenomen russkoi dukhovnosti*. Nizhnii Novgorod, 2003, pp. 23–26.
- Molodiakov V. "Vokrug Briusova: inskripty i marginalia". *Bibliofily Rossii. Al'manakh*. Moscow, 2016, vol. XII, p. 113–145.
- Rybakova Iu.P. *V.F. Komissarzhevskaiia. Letopis' zhizni i tvorchestva*. St.-Petersburg, 1994.
- Sabaneev L.L. *Vospominaniia o Skriabine*. Moscow, 2000.

From the Memories by S. Kara-Murza*Alexander L. Sobolev*

Abstract: First publishing of the memorial sketches by Sergei G. Kara-Murza (1878–1956) — a journalist, theatre critic, bibliophile, that were to become a part of his unfinished (or rather surviving with missing parts) book *Literary Recollections*. The chapters published herewith tell about the meetings with Chekhov, “the tragic figure of the Russian literature” A.M. Moiseeva (Mire), the tragic fate of A. Chebotarevskaya, and about Yuri Blatrushaitis. The foreword offers the author’s brief biography. The publication is to be continued in the next issue of the *Literaturny Fact*.

Keywords: biographical documents, Russian literature of the early XXth century, S.G. Kara-Murza, Anton Chehov, Mire (A.M. Moiseeva), Iu.K. Baltrushaitis, Al. N. Chebotarevskaia.

Information about the author: Alexander L. Sobolev, freelance researcher, Moscow, Russia. E-mail: trirodov@gmail.com

БИОГРАФИКА

DOI 10.22455/2541-8297-2017-4-124-142

УДК 821.161.1

Иван Бунин — несостоявшийся редактор газеты «Южное обозрение»

А.В. Бакунцев

Аннотация: В публикации представлены материалы, связанные с историей несостоявшегося утверждения И.А. Бунина в должности второго редактора одесской ежедневной общественно-политической и литературной газеты «Южное обозрение». Публикуемые документы хранятся в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА, Санкт-Петербург) и Государственного архива Одесской области (ГАОО, Одесса).

Ключевые слова: И.А. Бунин, газета «Южное обозрение», Главное управление по делам печати, цензура, Одесса, редактор.

Информация об авторе: Антон Владимирович Бакунцев, кандидат филологических наук, доцент, факультет журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: auctor@list.ru

И.А. Бунину за его долгую жизнь не раз доводилось выступать в роли редактора — причем как в книжных, так и в периодических изданиях. Известно, например, что он редактировал переводы своего племянника Н.А. Пушешникова¹. В 1910 г. Бунин был одним из соредакторов (наряду с Н.В. Давыдовым и Н.Д. Телешовым) «Общестуденческого литературного сборника», предпринятого в пользу первого в России студенческого санатория в Пятигорске. В 1919 г. в «белой» Одессе он вместе с академиком Н.П. Кондаковым руководил большой ежедневной общественно-политической и литературной газетой «Южное слово». А в 1925 г., уже в эмиграции, И.А. Бунин чуть не возглавил, по приглашению П.Б. Струве, литературный отдел парижской газеты «Возрождение»: это «назначение» не состоялось только из-за того, что писатель жил вдали от Парижа, в Приморских Альпах, и не мог оперативно связываться с главным редактором. Вместе с тем бывало и

¹ См., например: *Тагор Р.* Садовник / Пер. Н.А. Пушешникова; под ред. И.А. Бунина. М.: Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве», б.д. 56, 4 с.

так, что И.А. Бунин уклонялся от участия в редактировании тех или иных изданий. Так, в 1930 г. он ответил твердым отказом на просьбу Издательской комиссии при Русском культурном комитете в Белграде стать соредактором сборников произведений молодых писателей-эмигрантов. «Подобные дела, — писал И.А. Бунин председателю Издательской комиссии В.Д. Брянскому, — требуют всегда больших забот и хлопот, а я очень занят»².

Между тем подобной свободой выбора — быть или не быть редактором — Бунин обладал далеко не всегда. Например, в конце XIX в. от его желания и воли в этом отношении не зависело равным счетом ничего — по крайней мере, в области периодической печати. И дело тут было вовсе не в его литературной опытности и известности (в ту пору еще очень скромных). Даже издатели газет и журналов не имели возможности по своему усмотрению назначать редакторов. Вопросы такого рода решались на довольно высоком административном уровне — в Главном управлении по делам печати Министерства внутренних дел Российской империи. Именно это ведомство в 1899 г. не позволило Бунину стать вторым редактором ежедневной «политической, научной, литературной, торгово-промышленной и финансовой» газеты «Южное обозрение», которая издавалась в Одессе в 1896–1906 гг.

В исследовательской литературе очень неясно говорится об обстоятельствах учреждения «Южного обозрения» и его владельцах. Считается, что «истинным вождем» газеты, ее «неизменным лидером» и фактическим издателем и редактором был Н.П. Цакни³ — революционер, публицист, первый тесть И.А. Бунина. Однако это справедливо лишь отчасти. Официально Н.П. Цакни никогда не был ни редактором, ни тем более владельцем «Южного обозрения», хотя попытки *легально* стать и тем и другим предпринимались им по меньшей мере дважды, о чем будет сказано ниже. Полновластным, но в то же время «нелегальным» хозяином газеты Н.П. Цакни стал лишь в середине 1898 г. Для этого ему пришлось прибегнуть к посредству подставного лица — своего дальнего родственника, юриста А.В. Лазариса. Подобная хитрость была вызвана упорным нежеланием Главного управления по делам печати допустить Н.П. Цакни к руководству газетой. Несмотря на то, что по возвращении в Россию из эмиграции (в 1886 г.) Н.П. Цакни совершенно отошел от революционной деятельности,

² ГАРФ. Ф. Р-6793. Оп. 1. Д. 10. Л. 35. Писатель не кривил душой: в то время он работал над «Жизнью Арсеньева», над рассказами, вошедшими впоследствии в сборник «Божье дерево» (Париж, 1931).

³ См., например: *Выскребенцева С.Т.* «Душа готова вновь волнениям предаваться...» (По материалам архива А.Н. Цакни) // Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. Одесса: Друк, 2001. Вып. 2. С. 71.

власти по-прежнему сомневались в его политической благонадежности.

Материалы фонда Главного управления по делам печати в РГИА дают возможность реконструировать — пусть и в самых общих чертах — подлинную историю «Южного обозрения».

Основал газету ординарный профессор Императорского Новороссийского университета в Одессе, статский советник Н.Е. Чижов. В июле 1896 г. он обратился в Главное управление по делам печати с просьбой разрешить ему издавать в Одессе «с дозволения предварительной цензуры, под его редакторством, ежедневную политическую, научно-литературную, торгово-промышленную и финансовую газету под названием „Южное обозрение“»⁴.

Программа задуманного Н.Е. Чижовым издания была обширна (и во многом типична для массовых газет того времени): «1) Телеграммы и правительственные распоряжения; 2) Сообщения, статьи и фельетоны, касающиеся истории, литературы, науки, искусства, государственной, общественной и экономической жизни иностранных государств и России; 3) Местная хроника и корреспонденции; 4) Обзорение журналов и газет; 5) Морское, торгово-промышленное, санитарно-медицинское, железнодорожное, финансовое, театральное обозрения и спорт; 6) Судебная хроника с суждениями по вопросам судебной практики; 7) Смесь, справочный отдел, метеорологические сведения; 8) Объявления; 9) Иллюстрации»⁵.

Ходатайство Н.Е. Чижова было удовлетворено, и 9 сентября 1896 г. он получил соответствующее свидетельство за № 5598/5599.

Дела у Н.Е. Чижова шли, по-видимому, не очень хорошо: «Южное обозрение» с трудом выдерживало конкуренцию с другими газетами аналогичной тематики. Уже в июне 1897 г. Н.Е. Чижов ходатайствовал перед Главным управлением по делам печати о дозволении передать право издания «Южного обозрения» другим лицам — «одесскому купцу Саулу (он же Шевель) Исааковичу Соколовскому, греческо-подданному Льву Ксенофоновичу Паппадато и дворянину Николаю Петровичу Цакни, с утверждением последнего, Цакни, редактором»⁶. Однако цензурное ведомство отклонило эту просьбу.

Желание Н.Е. Чижова продать газету вызвало негативную реакцию и у его делового партнера — владельца типографии, в которой печаталось «Южное обозрение», некоего Исаковича, который в особой телеграмме, адресованной в Главное управление по

⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1896. Д. 72. Л. 10.

⁵ Там же. Л. 2.

⁶ Там же. Л. 43–43 об.

делам печати, обвинил Н.Е. Чижова в мошенничестве. По словам Исаковича, Н.Е. Чижов вознамерился избавиться от газеты потому, что не хотел возвращать ему, Исаковичу, долг, составлявший свыше тысячи рублей, притом что сам Исакович «затратил специально для этого издания свыше десяти тысяч, что совместно с неплоченным долгом отзовется разорительно»⁷.

В сентябре 1897 г. Н.Е. Чижов повторно обратился в Главное управление по делам печати с просьбой о передаче права издания своей газеты. На этот раз покупателем значился доктор медицины, губернский секретарь, бывший секретарь Верхнеуральского уездного съезда, состоявший при Министерстве внутренних дел, К.Н. Новосельский. Его кандидатура была признана Главным управлением по делам печати вполне приемлемой, и с октября 1897 г. К.Н. Новосельский приступил к изданию «Южного обозрения». Однако довольно скоро он тоже захотел сбыть с рук газету, которая по-прежнему приносила одни убытки.

Уже в январе 1898 г. К.Н. Новосельский готов был продать «Южное обозрение» Н.П. Цакни (формально — его жене, певице Элеоноре Павловне). И еще до того, как был получен официальный ответ из Петербурга, многие из числа сотрудников газеты считали ее переход к Н.П. Цакни делом решенным. Об этом, в частности, писал И.А. Бунину один из его одесских приятелей, литератор А.М. Федоров⁸. Однако Главное управление по делам печати рассудило иначе: слишком уж очевидной была уловка потенциального покупателя. Резолюция на прошении К.Н. Новосельского о передаче права издания газеты была неумолима: «Отклонить ввиду уже отклоненной ранее просьбы Цакни и К^о»⁹.

Несмотря на постигшую его очередную неудачу, Н.П. Цакни не отказался от идеи заполучить «Южное обозрение», и к лету 1898 г. объявился новый претендент на роль издателя-редактора газеты — в лице адвоката, кандидата прав, коллежского секретаря А.В. Лазариса.

В июле 1898 г. К.Н. Новосельский направил в Главное управление по делам печати ходатайство о передаче права на издание «Южного обозрения» А.В. Лазарису. В то же время непосредственно М.П. Соловьеву, тогдашнему начальнику Главного управления по делам печати, написал отец К.Н. Новосельского — член совета Министерства финансов, тайный советник, бывший городской голова Одессы, бывший председатель Верхнеуральского уездного суда Н.А. Новосельский: «Обстоятельства как личного, так и общественного характера вынуждают его [К.Н. Новосельского] в

⁷ Там же. Л. 51. Сохранена авторская орфография.

⁸ См.: Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 577.

⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. 1896. Д. 72. Л. 80.

настоящее время передать это издание другому лицу»¹⁰. Новосельский-старший настоятельно просил М.П. Соловьева удовлетворить ходатайство сына.

Не дожидаясь официального ответа из Петербурга, Н.П. Цакни выкупил «Южное обозрение» у К.Н. Новосельского за 3000 р. — и почти сразу пожалел об этом из-за гигантских расходов, которых потребовало поддержание газеты на плаву.

В ту пору И.А. Бунин уже был вхож в дом Н.П. Цакни и подумывал о женитьбе на его красавице-дочери Анне. О своем намерении самому Н.П. Цакни он еще не объявлял, но тот уже советовался с молодым писателем, имевшим некоторый опыт редакционной работы (в частности, в «Орловском вестнике»), как сделать убыточную газету прибыльной. Выход из кризиса обоим виделся в том, чтобы «устроить дела на компанейских началах». При этом И.А. Бунин хотел привлечь к реформированию и редактированию «Южного обозрения» своего старшего брата — Юлия Алексеевича. «Ведь помнишь, — писал он Ю.А. Бунину между 17 и 19 июля 1898 г., — мы всю зиму толковали и пили за свою газету. Теперь это можно устроить. Цакни нужна или материальная помощь, или сотрудничество. “Своей компании, — говорит он, — я с удовольствием отдам газету (направление “Южн[ого] обозр[ения]” хорошее), могу отдать или совсем с тем, чтобы года три ничего не требовать за газету, а потом получать деньги в расрочку, или так, чтобы компания хороших сотрудников работала бесплатно и получала барыши, ежели будут, причем и редактирование будет компанейское, или так, чтобы был представитель-редактор от компании, а он будет только сотрудником, или чтобы сотрудники при тех же условиях вступили пайщиками в газету, чтобы можно было, наконец, создать хорошую литературную газету в Одессе”. Прошу тебя, Юлий, подумай об этом серьезно [...] Только погоди с кем бы то ни было переписываться — газета должна быть прежде всего в наших с тобой руках. Цакни просит меня переехать в Одессу, если это дело устроится. Хорошо бы устроить! Тем более что все шансы за то, что я женюсь на его дочери»¹¹.

Остаток лета и начало осени 1898 г. И.А. Бунин посвятил подбору новых авторов для газеты. Для этого он «мобилизовал» свои литературные связи в Москве и Петербурге. В итоге ему удалось заручиться поддержкой целого ряда более или менее известных писателей, которые дали согласие присылать в «Южное обозрение» свои произведения и включить (в рекламных целях) свои имена в список сотрудников газеты. В числе таковых были

¹⁰ Там же. Л. 98–98 об.

¹¹ Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов. С. 257–258.

Л.А. Авилова, К.Д. Бальмонт, И.А. Белоусов, В.Я. Брюсов, Ю.А. Бунин, Н.В. Засодимский, А.А. Коринфский, А.И. Куприн, В.Н. Ладженский, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Вас. И. Немирович-Данченко, С.Т. Семенов, Ф.К. Сологуб, Н.Д. Телешов и другие. При этом И.А. Бунин старался блюсти также интересы тестя и на первых порах, ссылаясь на его неплатежеспособность, просил своих корреспондентов печататься в «Южном обозрении» даром¹². Он буквально жил газетой, ее нуждами, то и дело сердясь на нерасторопность ее одесских сотрудников и несговорчивость издателя¹³.

Между тем с сентября 1898 г. А.В. Лазарис стал очередным официальным издателем-редактором «Южного обозрения». Вскоре он — разумеется, по указанию фактического владельца газеты — обратился в цензурное ведомство империи за разрешением утвердить «дворянина Ивана Алексеевича Бунина в звании второго редактора» (вместо отошедшего от дел К.Н. Новосельского).

Это ходатайство запустило в действие огромный бюрократический механизм: Главное управление по делам печати сделало запросы о благонадежности И.А. Бунина в Департамент полиции и одесскому градоначальнику; последний в свою очередь с аналогичными запросами обратился к местным полицеймейстеру и начальнику жандармерии. Полученные отовсюду ответы для И.А. Бунина были более чем благоприятны — об этом свидетельствуют публикуемые ниже документы. Тем не менее, несмотря на отсутствие каких бы то ни было нареканий к писателю по части его политических взглядов и общественного поведения, Главное управление по делам печати сочло «более осторожным» отклонить просьбу А.В. Лазариса — в связи с тем, что «г. Бунин не обладает образовательным цензом, соответствующим званию редактора»¹⁴.

Можно только догадываться об истинных мотивах этого решения. Его абсурдность и надуманность очевидны и сами по себе, и в исторической перспективе. Несмотря на то, что И.А. Бунин действительно не получил систематического образования (формально он отучился только в трех классах гимназии, а своими разносторонними знаниями был обязан главным образом Ю.А. Бунину и интенсивному самообразованию), это не помешало ему стать

¹² См., например, письма И.А. Бунина к С.Т. Семенову, А.А. Коринфскому (Там же. С. 259–260, 263).

¹³ См. письма И.А. Бунина к брату, Юлию Алексеевичу (Там же. С. 264, 266).

¹⁴ РГИА. Ф. 778. Оп. 12. 1896. Д. 72. Л. 124. Уже в конце января 1899 г. А.В. Лазарис снова ходатайствовал о назначении второго редактора для «Южного обозрения». На сей раз претендентом на эту должность был назван член одесского коммерческого суда, коллежский советник А.И. Нечаев. Однако и эту кандидатуру Главное управление по делам печати отклонило, так как с подобным назначением не согласился министр юстиции.

одним из крупнейших русских писателей, чья взыскательность к самому себе как к художнику была беспримечной. В любом случае, к концу XIX в. И.А. Бунин пользовался определенной известностью, много печатался в столичной и периферийной периодике. А в 1909 г. и вовсе был избран почетным членом Императорской академии наук по разряду изящной словесности, и голосовавших за его кандидатуру академиков явно не смутило отсутствие того самого «образовательного ценза», из-за которого 10 годами ранее Главное управление по делам печати не позволило писателю стать редактором обычной провинциальной газеты.

Как бы то ни было, расчет И.А. Бунина на то, чтобы сделать «Южное обозрение» подлинно «своей» и притом по-настоящему «хорошей литературной газетой», не оправдался. Тем не менее писатель по-прежнему проявлял заинтересованность в газете и продолжал в ней сотрудничать. Весной 1899 г. он жаловался в письмах Ю.А. Бунину на убытки и злоупотребления местной цензуры: «Денежные дела дрянь. Газету не покупают, а каждый месяц рублей 1000 надо. Просто ужас! И уж сколько долгов! [...] Газету вести нет никакой возможности уже из-за одного цензора. Страшно много режет — Лисовского, Изгоева (е[...] его мать!), Засодимского оставил только начало, которое и было напечатано, и т.д.»¹⁵.

Каков в это время был *фактический* статус И.А. Бунина в «Южном обозрении», сказать трудно. По крайней мере, в ответ на полунасмешливые строки Н.Д. Телешова (в письме от 30 мая 1899 г.): «Что же ты делаешь? ты, свободный человек? Пишешь ли? Или секретарствуешь в газете? Брось это и пиши!»¹⁶, — И.А. Бунин не без некоторого раздражения сообщал 18 июня 1899 г. из Краснополя — имения Н.П. Цакни под Одессой: «В газете, я тебе уже сто раз говорил, я ничего не делаю и тем паче не “секретарствую”. Больно уж маленький чин ты мне полагаешь. Желал бы я знать, из-за какого х[...], как говорят французы, я буду забивать себе галиматьей голову?»¹⁷.

Тем не менее исследователи жизни и творчества писателя полагают, что он «продолжал активно участвовать в редактировании газеты до начала 1900 г.»¹⁸. На это указывают, в частности, бунинские письма к Н.Д. Телешову за август 1899 — январь 1900 гг. Даже в разгар своего конфликта с женой — А.Н. Буниной (Цакни)

¹⁵ Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов. С. 275.

¹⁶ Переписка [И.А. Бунина] с Н.Д. Телешовым, 1897–1947 / Предисл. и публ. А.Н. Дубовикова // Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. Кн. 1. С. 490.

¹⁷ Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов. С. 287.

¹⁸ Морозов С.Н., Голубева Л.Г., Костомарова И.А. Комментарии // Там же. С. 580.

и тестем¹⁹ писатель просил Н.Д. Телешова «черкнуть что-нибудь» для «Южного обозрения»²⁰.

Окончательный разрыв И.А. Бунина с женой совпал по времени с прекращением его участия в «Южном обозрении». Это случилось весной 1900 г.

Газета просуществовала после того еще 6 лет. В 1899 г. ее очередным официальным издателем-редактором стал некто В.Н. Маракуев, а после смерти Н.П. Цакни (в 1904 г.) она перешла к Г.Н. Бейленсону.

В декабре 1905 г., в пору Первой русской революции, против «Южного обозрения» было возбуждено уголовное дело — за напечатанную в одном из номеров статью «Чего хотят люди, которые ходят с красным флагом», причем этот номер был изъят из обращения и уничтожен; правда, 15 июня 1906 г. следствие было прекращено. В газете публиковались и другие материалы, которые в условиях военного положения, объявленного в Одессе, не могли не быть самоубийственными для издания. Действительно, эти публикации расценивались официальными властями как свидетельства «непрекращающегося, несмотря на неоднократные предупреждения, вредного направления, выражающегося в помещении ложных сведений тревожного характера, в умышленном искажении фактов и крайне тенденциозном освещении их и всех распоряжений правительства»²¹. В итоге 10 июля 1906 г. специальным постановлением генерал-губернатора Одессы генерал-майора К.А. Карангозова «Южное обозрение» было приостановлено «на все время военного положения». На деле же это означало закрытие газеты.

* * *

Впервые обстоятельства и причины несостоявшегося утверждения И.А. Бунина вторым редактором «Южного обозрения» были изложены в сообщениях замечательного историка цензуры А.В. Блюма²². Эти сообщения, увидевшие свет в конце 1960-х — начале 1970-х гг., были основаны на материалах фонда Главного управления по делам печати в ЦГИА СССР (ныне — РГИА). А.В. Блюм не ставил перед собой задачу воспроизвести полные

¹⁹ Причины этого конфликта весьма подробно изложены самим И.А. Буниным в августовских, 1899 г., письмах к брату Юлию Алексеевичу (см.: Там же. С. 290–293).

²⁰ См.: Там же. С. 290, 307.

²¹ РГИА. Ф. 778. Оп. 12. 1896. Д. 72. Л. 287.

²² См.: Блюм А. Бунин и «Южное обозрение» // Дружба народов. 1968. № 7. С. 283–284; *Его же*. Цензура о раннем Бунине // Рус. лит. 1970. № 3. С. 131–133.

тексты всех обнаруженных им материалов; в своих публикациях он привел целиком только два документа: собственноручное заявление И.А. Бунина и доклад начальника Главного управления по делам печати М.П. Соловьева министру внутренних дел И.Л. Горемыкину (в нашей подборке эти документы значатся под № 5 и 13 соответственно). Спустя 40 с лишним лет, в начале 2010-х гг., нами были опубликованы материалы по тому же делу, хранящиеся в фонде Канцелярии одесского градоначальника, «по секретному столу», в ГАОдО²³.

Цель данной публикации — представить *всю* имеющуюся документацию по интересующему нас делу, а не только «петербургскую» ее часть, на которую в свое время опирался А.В. Блюм. Собранные вместе и расположенные в хронологическом порядке, материалы из фондов РГИА и ГАОдО весьма наглядно показывают степень административного произвола, жертвой которого столь неожиданно и нелепо стал И.А. Бунин.

Документы печатаются по нормам современной русской орфографии и пунктуации. В квадратных скобках восстановлены сокращения и пропуски, имеющиеся в первоисточниках, а также даны необходимые пояснения. Рукописные выделения в текстах (подчеркивания, разрядка) унифицированы и заменены курсивом. Курсивом также набраны публикаторские пояснения, в том числе обозначения времени и места составления документов.

Автор публикации благодарит за оказанную ему неоценимую помощь сотрудников РГИА, ГАОдО, Справочно-библиографического отдела («Одессика») Одесской государственной научной библиотеки имени М. Горького и Российской государственной библиотеки, а также лично Н.А. Мартынову (Москва).

1. А.В. Лазарис — Главному управлению по делам печати

25 ноября 1898 г., Одесса

В Главное управление по делам печати

Издателя и второго редактора газеты «Южное обозрение» коллежского секретаря Алексея Владимировича Лазариса, жив[ущего] в г. Одессе, по Елисавет[инской] ул., в д. № 5

²³ См.: *Бакунцев А.В.* «...Препятствий не встречал бы...»: Новые материалы о несостоявшемся назначении И. А. Бунина редактором газеты «Южное обозрение» (1898–1899) // Дом князя Гагарина: Сб. науч. ст. и публ. Одесса: Симекс-принт, 2011. Вып. 6. Ч. 1. С. 192–200; *Его же.* И.А. Бунин и газета «Южное обозрение»: Новые материалы // Медиаскоп. 2011. Вып. 1. URL: www.mediascope.ru/node/753

Прошение

Состоящий до настоящего времени редактором издаваемой мной ежедневной газеты «Южное обозрение» губернский секретарь Константин Николаевич Новосельский отказался от занимаемой им должности. Ввиду сего имею честь покорнейше просить Главное управление по делам печати утвердить редактором «Южного обозрения» *потомственного дворянина Ивана Алексеевича Бунина*, живущего в г. Одессе, по Херсонской ул. в доме Диалегмено¹.

При сем имею честь объяснить, что ходатайство это вызвано моими частыми отлучками из Одессы, во время которых, при наличии одного лишь редактора, газета остается без руководителя и представителя пред начальством.

Прилагаются две гербовые марки 80 коп. достоинством².

Коллежский секретарь Алексей Лазарис г. Одесса.

25 ноября 1898 года.

РГИА. Ф. 778. 1896. Оп. 12. Д. 72. Л. 107. Микрофильм подлинника. Рукопись. Подпись — автограф. *Штамп о приеме в производство*: «28 нояб. [18]98». *Резолюция*: «Сношение 29.XI.[18]98. М. С[оловьев]». *Пометы*: «3 дек. №№ 8484, 8485 и 8498. 10 февр. 1899 г. № 1012».

¹ Ныне ул. Пастера, 44. Флигель, где жила семья Цакни и где, после женитьбы на А.Н. Цакни, поселился И.А. Бунин, сильно пострадал от пожара.

² В подлиннике — описка: «достоинства».

2. Главное управление по делам печати — Департаменту полиции

3 декабря 1898 г., Санкт-Петербург

Конф[иденциально]

В Департамент полиции

3 декабря 1898 г.

№ 8484

Издатель-редактор выходящей в Одессе газеты «Южное обозрение» кол[лежский] секр[етарь] Алексей Лазарис обратился в Гл[авное] упр[авление] по д[елам] п[ечати] с ходатайством об утверждении в звании второго редактора этой газеты, вместо г. Новосельского, дворянина Ивана Бунина, проживающего в гор. Одессе, по Херсонской улице, в доме Диалегмено.

Вследствие сего Гл[авное] упр[авление] по д[елам] п[ечати] имеет честь покорнейше просить Деп[артамент] полиции об уведомлении, не имеется ли в виду Д[епартамен]та сведений, могущих служить препятствием в удовлетворении изложенного ходатайства.

Вр[еменно] исп[олняющий] об[язанности]
 нач[альника] Гл[авного] упр[авления] Соловьев¹
 Завед[ующий] делопр[оизводством,]
 чл[ен] Сов[ета] Адикаевский²

РГИА. Ф. 778. 1896. Оп. 12. Д. 72. Л. 109–109 об. Микрофильм подлинника. Рукопись (черновик).

¹ Соловьев Михаил Петрович (1842–1901) — государственный деятель, кандидат права, действительный статский советник. В 1896–1901 гг. член Совета Главного управления по делам печати, до 1900 г. временно исполняющий обязанности начальника Главного управления по делам печати.

² Адикаевский Василий Семенович (1835–1907) — административный деятель, цензор, тайный советник. С 1877 г. исполняющий обязанности правителя дел, с 1881 г. член Совета Главного управления по делам печати.

3. Главное управление по делам печати — исправляющему должность одесского градоначальника

3 декабря 1898 г., Санкт-Петербург

3 декабря 1898 г.
 № 8485

Конфиденциально

Господину и[справляющему] д[олжность] одесского
 градоначальника¹

Издатель-редактор выходящей в г. Одессе газеты «Южное обозрение» коллежский секретарь Алексей Лазарис обратился в Главное управление по делам печати с ходатайством об утверждении в звании второго редактора этой газеты, вместо г. Новосельского, дворянина Ивана Бунина, проживающего в гор. Одессе, по Херсонской улице, в доме Диалегмено.

Вследствие сего Главное управление по делам печати имеет честь покорнейше просить Ваше сиятельство почтить Вашим заключением по изложенному ходатайству.

Временно исполняющий обязанности
 начальника Главного управления
 по делам печати

М. Соловьев

Заведующий делопроизводством
 член Совета

В. Адикаевский

ГАОдО. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 2980. Л. 1. Подлинник. Рукопись, на бланке Главного управления по делам печати. Подписи — автографы. На обороте — письмо-автограф П.П. Шувалова (черновик) одесскому полицеймейстеру (см. документ 7). *Штамп о приеме в производство:* «Канцеляр[ия] градоначальн[ика] 9 дек. 1898 стол. вступ. № 26127». *Отметка:* «81298». Писарская копия (черновик): РГИА. Ф. 778. 1896. Оп. 12. Д. 72. Л. 109 об. —

110. Микрофильм подлинника. Рукопись, на бланке Главного управления по делам печати.

¹ В конце 1898 г. «исправляющим» эту должность был назначен «числящийся по гвардейской конной артиллерии полковник граф Павел Павлович Шувалов» (Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1899 год. Одесса: Тип. Штаба округа, 1898. С. 35). *Шувалов* Павел Павлович (1859–1905) — военный и государственный деятель, одесский (1898–1903) и московский (1905) градоначальник. При назначении одесским градоначальником был произведен в генерал-майоры. Убит членом «Боевой организации эсеров» П.А. Куликовским.

4. Главное управление по делам печати — А.В. Лазарису

3 декабря 1898 г., Санкт-Петербург

3 декабря 1898 г.

№ 8498

Канцелярия Гл[авного] упр[авления] по д[елам] п[ечати], по приказанию г[осподина] вр[еменно] исп[олняющего] об[язанности] нач[альника] этого Упр[авления], сим объявляет издателю-редактору выходящей в г. Одессе газеты «Южное обозрение» кол[лежскому] секр[етарю] Алексею Лазарису, что на основании ст. 113 и 119 Уст[ава] о ценз[уре] и печ[ати] ему надлежит в дополнение к прошению об утверждении в звании второго редактора этой газеты, вместо г. Новосельского, дворянина Ивана Бунина, доставить заявление последнего о принятии им заведывания изданием газеты, вместе с засвидетельствованными копиями¹ с документов о личности его и о полученном им образовании.

Завед[ующий] делопр[оизводством], чл[ен] Сов[ета] Адикаевский
Пом[ощник] пр[авителя] д[ел] Агапов²

РГИА. Ф. 778. 1896. Оп. 12. Д. 72. Л. 108–108 об. Микрофильм подлинника. Рукопись (черновик), на бланке Главного управления по делам печати.

¹ В подлиннике — описка: «засвидетельствованных копий».

² *Агапов* Николай Александрович (1863–1903) — коллежский асессор, с 1896 г. помощник правителя дел в Главном управлении по делам печати.

5. Заявление И.А. Бунина

10 декабря 1898 г., Одесса

В Главное управление по делам печати

Дворянина Ивана Алексеевича Бунина
Заявление

Ввиду поступившего в Главное управление по делам печати прошения редактора-издателя газеты «Южное обозрение» Алек-

сея Владимировича Лазариса об утверждении меня редактором этой газеты, имею честь заявить, что с своей стороны я изъявляю свое полное согласие принять [на] себя обязанности и звание редактора «Южного обозрения». При этом присовокупляю, что я прошел три класса Елецкой гимназии, получил серьезное домашнее воспитание и с 1887 года занимаюсь литературой, печатая свои стихотворения и рассказы в «Книжках “Недели”», «Вестнике Европы», «Вестнике воспитания», «Живописном обозрении», «Ниве», «Детском чтении», «Мире Божьем», «Русском богатстве», «Наблюдателе» и др. В 1897 году выпустил книгу рассказов под заглавием «На край света». В 1898 г. — полный перевод «Песни о Гайавате» Лонгфелло (январская книга журнала «Версты»), в том же году — книжку стихотворений, под заглавием «Под открытым небом». — 10 декабря 1898 г. Иван Алексеевич Бунин.

РГИА. Ф. 778. 1896. Оп. 12. Д. 72. Л. 111–111 об. Микрофильм подлинника. Рукопись. Подпись — автограф. *Штамп о приеме в производство:* «11 дек. 1898 [№] 7784/1266».

6. Копия паспортной книжки И.А. Бунина

10 декабря 1898 г., Одесса

Паспортная книжка, № 70

Бессрочная

Выдана Елецким уездным полицейским управлением Орловской губернии тысяча восемьсот девяносто пятого года октября месяца 13 дня Ивану Алексеевичу Бунину.

Владелец книжки:

1. Имя, отчество, фамилия: Иван Алексеевич Бунин.
2. Звание: дворянин.
3. Время рождения: 10 октября тысяча восемьсот семидесятого года.
4. Вероисповедание: православное.
5. Место постоянного жительства: Одесса, Херсонская ул., д. № 40.

Верность сих сведений удостоверяю. Иван Алексеевич Бунин. 10 декабря 1898 г.

РГИА. Ф. 778. 1896. Оп. 12. Д. 72. Л. 112. Микрофильм подлинника. Рукопись. Подпись — автограф.

7. Исправляющий должность одесского градоначальника — одесскому полицеймейстеру

12 декабря 1898 г., Одесса

Декабря 12 дня 1898 г.

№ 2133

Одесса

Секретно

Г[осподину] одесскому полицеймейстеру

Издатель-редактор выходящей в Одессе газеты «Южное обозрение» коллежский секретарь Алексей Лазарис обратился в Главное управление по делам печати с ходатайством об утверждении в звании второго редактора этой газеты, вместо Новосельского, дворянина Ивана Бунина, проживающего по Херсонской улице, в доме Диалегмено.

Ввиду требования Главного управления по делам печати от 3 сего декабря за № 8485 о доставлении ему заключения по изложенному ходатайству, предлагаю Вашему высокоблагородию собрать и доставить мне сведения: об образовательном и имущественном цензе Бунина, отчестве, летах, занятиях и времени пребывания в Одессе, небытности под следствием и судом и вообще подробные, по возможности, о личности его сведения.

И[справляющий] д[олжность] градоначальника

Полковник

Управляющий канцелярией

Шувалов

Осетров¹

ГАОдО. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 2980. Л. 3–3 об. Подлинник. Рукопись, на бланке Канцелярии одесского градоначальника. Подписи — автографы. *Отметки*: «№ 1883/832. Декабря 14 дня 1898 г.». *Резолюции*: «Поручить исполнение местному приставу. Пр[иставу] Херсонского уч[астка] 15 дек. [18]98 г. № 1883».

¹ *Осетров* Александр Александрович (?–?) — статский советник, управляющий Канцелярией одесского градоначальника, чиновник особых поручений V класса при Департаменте полиции (см.: Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1899 год. С. 35).

8. Пристав Херсонского участка — одесскому полицеймейстеру

17 декабря 1898 г., Одесса

№ 1883

17 декабря [1898 г.]

Секретно

Имею честь доложить Его высокоблагородию, господину одесскому полицеймейстеру, что потомственный дворянин Орловской

губернии Иван Алексеевич Бунин, как оказалось по собранным сведениям, от роду имеет 27 л[ет], вероисповедания православного, окончил курс гимназии, лично принадлежащего имущества не имеет, а имеет не разделимое имение с братьями в Елецком уезде, Орловской губернии, состоит сотрудником газет и журналов «Русское богатство», «Сын Отечества» и «Вестника воспитания», приблизительно зарабатывает литературным трудом до 200 руб[лей] в год. Бунин постоянно жил в г. С[анкт-]Петербурге¹, а последнее полугодие в Одессе, поведения он за указанное время был хорошего, в образе жизни ничего предосудительного замечено не было и судимости не подвергался. 17 декабря 1898 года.

Пристав Лысенко².

ГАОдО. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 2980. Л. 5–5 об. Подлинник. Рукопись. Подпись — автограф.

¹ Неточность: *постоянно* И.А. Бунин до революции не жил нигде, а бывал наездами в Москве, Петербурге, Огневке, Ефремове, Одессе.

² *Лысенко* Эраст Михайлович (?–?) — надворный советник, пристав Херсонского участка (см.: Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1899 год. С. 41).

9. Департамент полиции — Главному управлению по делам печати

19 декабря 1898 г., Санкт-Петербург

19 декабря 1898 г.
№ 11577

Секретно

В Главное управление по делам печати

Вследствие отношения от 3 декабря 1898 года за № 8484, Департамент полиции имеет честь уведомить Главное управление по делам печати, что к утверждению дворянина Ивана *Бунина* в звании второго редактора выходящей в г. Одессе газеты «Южное обозрение» *препятствий* со стороны Департамента *не встречается*.

Вице-директор
Делопроизводитель

Г. Семякин¹
Лемтюжников²

РГИА. Ф. 778. 1896. Оп. 12. Д. 72. Л. 119. Микрофильм подлинника. Рукопись, на бланке Департамента полиции. Подписи — автографы. *Штамп о приеме в производство*: «20 дек. [18]98». *Помета*: «[№] 8041/1324». *Резолюция*: «20.XII.[18]98. М. С[оловьев]. К делу».

¹ *Семякин* Георгий Константинович (?–1902) — действительный статский советник, вице-директор Департамента полиции, руководитель политического сыска.

² *Лемтюжников* Павел Николаевич (1853 — после 1916) — статский советник, чиновник III класса, делопроизводитель (см.: Адрес-календарь: Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1899 год. СПб.: Тип. Правит. Сената, 1899. Ч. 1. Стб. 120).

10. Одесский полицеймейстер — исправляющему должность одесского градоначальника

21 декабря 1898 г., Одесса

№ 1883

21 декабря [1898 г.]

Секретно

Переписку эту с собранными сведениями имею честь представить Его превосходительству, господину исправляющему должность одесского градоначальника¹. 20 декабря 1898 г.

Полицеймейстер

Полковник

Секретарь

Бунин²

В. Голмачев³

ГАОдО. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 2980. Л. 6. Подлинник. Рукопись. Подписи — автографы.

¹ По-видимому, к письму одесского полицеймейстера были приложены документы № 7 и 8.

² *Бунин* Яков Иванович (?–1902) — полковник, с 1882 г. одесский полицеймейстер.

³ *Голмачев* Владимир Дмитриевич (?–?) — надворный советник, секретарь канцелярии одесского полицеймейстера (см.: Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1899 год. С. 39).

11. Начальник Жандармского управления Одессы — исправляющему должность одесского градоначальника

30 декабря 1898 г., Одесса

30 декабря 1898 г.

№ 5124

г. Одесса

По отношению

за № 2133

Секретно

О неблагонадежности Ивана Бунина сведений не имеется.

Полковник

Бессонов¹

Господину одесскому градоначальнику.

ГАОдО. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 2980. Л. 2. Подлинник. Рукопись, на бланке канцелярии начальника Жандармского управления Одессы. Подпись — автограф.

¹ *Бессонов* Владимир Александрович (?–?) — полковник, начальник Жандармского управления Одессы (см.: Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1899 год. С. 43).

12. Исправляющий должность одесского градоначальника — Главному управлению по делам печати

9 января 1899 г., Одесса

Января 9 дня 1899 г.

№ 2133

Одесса

Конфиденциально

В Главное управление по делам печати

Вследствие отношения от 3 декабря минувшего года за № 8485 имею честь сообщить Главному управлению по делам печати, что к утверждению дворянина Ивана Алексеева *Бунина* в звании второго редактора выходящей в Одессе газеты «Южное обозрение», вместо губернского секретаря К.Н. Новосельского, я с своей стороны препятствий не встречал бы.

Ис[правляющий] д[олжность] градоначальника

Полковник

Управляющий канцелярией

Шувалов

Осетров

РГИА. Ф. 778. 1896. Оп. 12. Д. 72. Л. 120. Микрофильм подлинника. Рукопись, на бланке Канцелярии одесского градоначальника. Подписи — автографы. *Штамп о приеме в производство*: «14 янв. [18]99». *Помета*: «№ 261/32». *Резолюция*: «К делу. 15-1-[18]99. М. С[оловьев]». Писарская копия (черновик): ГАОдО. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 2980. Л. 4. Подлинник. Рукопись, на бланке Канцелярии одесского градоначальника.

13. Доклад временно исполняющего обязанности начальника Главного управления по делам печати — министру внутренних дел

23 января 1899 г., Санкт-Петербург

По докладному списку, утв[ержденному] г. министром [внутренних дел]¹. 23 янв[аря] [18]99 г. № 14.

Издатель-редактор газеты «Южное обозрение» кол[лежский] секр[етарь] Алексей Лазарис ходатайствует об утверждении в звании второго редактора этой газеты, вместо г. Новосельского, дворянина Ивана Бунина.

На сделанные отношения Д[епартамен]т полиции и и[справляющий] д[олжность] одесского градоначальника уведомили, что с их стороны не встречается препятствий к утверждению г. Бунина вторым редактором «Южного обозрения».

Принимая во внимание, что г. Бунин ~~не полу~~ не доставил ~~ни~~ ~~какого~~ документа о полученном им образовании обладает образовательным цензом, соответствующим званию редактора, Гл[авное] упр[авление] по д[елам] п[ечати] полагало бы более осторожным ходатайство г. Лазариса отклонить.

РГИА. Ф. 778. 1896. Оп. 12. Д. 72. Л. 124. Микрофильм подлинника.

¹ В рассматриваемый период министром внутренних дел, шефом жандармов был сенатор, действительный тайный советник Иван Логгинович Горемыкин (1839–1917).

14. Главное управление по делам печати — А.В. Лазарису

10 февраля 1899 г., Санкт-Петербург

10 февраля 1899 г.

№ 1012

Канцелярия Гл[авного] упр[авления] по д[елам] п[ечати], по приказанию г. вр[еменно] исп[олняющего] об[язанности] нач[альника] этого упр[авления], сим объявляет издателю-редактору выходящей в Одессе газеты «Южное обозрение» кол[лежскому] секр[етарю] Алексею Владимировичу Лазарису, на поданное прошение, что ходатайство его об утверждении вторым редактором этой газеты дворянина Ивана Алексеевича Бунина признано г. министром вн[утренних] д[ел] не подлежащим удовлетворению.

Гербовый сбор уплачен.

Завед[ующий] делопр[оизводством,]

чл[ен] Сов[ета]

Пом[ощник] пр[авителя] д[ел]

Адикаевский

Агапов

РГИА. Ф. 778. 1896. Оп. 12. Д. 72. Л. 140. Микрофильм подлинника. Ручкопись (черновик), на бланке Главного управления по делам печати.

Литература

Бакунцев А.В. И.А. Бунин и газета «Южное обозрение»: Новые материалы // Медиаскоп. 2011. Вып. 1. URL: www.mediascope.ru/node/753.

Бакунцев А.В. «...Препятствий не встречал бы...»: Новые материалы о несостоявшемся назначении И.А. Бунина редактором газеты «Южное обозрение» (1898–1899) // Дом князя Гагарина: Сб. науч. ст. и публ. Одесса: Симекс-принт, 2011. Вып. 6. Ч. 1. С. 192–200.

Блюм А. Бунин и «Южное обозрение» // Дружба народов. 1968. № 7. С. 283–284.

Блюм А. Цензура о раннем Бунине // Рус. лит. 1970. № 3. С. 131–133.

Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; подгот. текстов и коммент. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 768 с.

Выскребенцева С.Т. «Душа готова вновь волненьям предаваться...» (По материалам архива А.Н. Цакни) // Дом князя Гагарина: Сб. ст. и публ. Одесса: Друк, 2001. Вып. 2. С. 70–84.

Переписка [И.А. Бунина] с Н.Д. Телешовым, 1897–1947 / Предисл. и публ. А.Н. Дубовикова // Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. Кн. 1. С. 471–638.

References

Bakuntsev A.V. I.A. Bunin i gazeta «Iuzhnoye obozrenie»: Novye materialy [I.A. Bunin and the newspaper “Yuzhnoye Obozrenie”: New Materials]. *Mediascope*, 2011, no 1. URL: www.mediascope.ru/node/753. (In Russ.)

Bakuntsev A.V. «...Prepiatstviu ne vstrechal by...»: Novye materialy o nesostoiavshemsia naznachении I.A. Bunina redaktorom gazety «Iuzhnoye obozrenie» (1898–1899) [“... I would not encounter any obstacles ...”: New materials about I.A. Bunin's failed appointment as editor of the newspaper Yuzhnoye Obozrenie (1898–1899)]. *Dom kniazia Gagarina: Sb. nauch. st. i publ. Odessa, Simeks-print Publ.*, 2011, vyp. 6, ch. 1, pp. 192–200. (In Russ.)

Blium A. Tsenzura o rannem Bunine [Censor on the Early Bunin]. *Russkaia literatura*, 1970, no 3, pp. 131–133. (In Russ.)

Blium A. Bunin i «Iuzhnoye obozrenie» [Bunin and “Southern Review”]. *Druzhiba narodov*, 1968, no 7, pp. 283–284. (In Russ.)

Bunin I.A. *Pis'ma 1885–1904 godov* [Letters 1885–1904 years]. Pod obshch. red. O.N. Mikhailova; podgot. tekstov i komment. S.N. Morozova, L.G. Golubevoi, I.A. Kostomarovoi. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003. 768 p. (In Russ.)

Perepiska [I.A. Bunina] s N.D. Teleshovym, 1897–1947 [Correspondence [I.A. Bunin] with N.D. Teleshov, 1897–1947]. Predisl. i publ. A.N. Dubovikova. *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow, Nauka Publ., 1973, vol. 84: Ivan Bunin: v 2 kn. kn. 1, pp. 471–638. (In Russ.)

Vyskrebentseva S.T. «Dusha gotova vnov' volnen'iam predavat'sia...» (Po materialam arkhiva A.N. Tsakni) [“The soul is ready again to stir up excitement ...” (Based on the materials of the archive of A.N. Zakni)]. *Dom kniazia Gagarina: Sb. st. i publ. Odessa, Druk*, 2001, vyp. 2, pp. 70–84. (In Russ.)

Ivan Bunin — an editor manque of the newspaper «Yuzhnoye obozreniye»

Anton V. Bakuntsev

Abstract: The publication contains materials relating to the history of I.A. Bunin's failed appointment as the second editor of Odessa daily socio-political and literary newspaper «Yuzhnoye obozreniye». The published documents are stored in the Russian State Historical Archive (St. Petersburg) and the State Archives of Odessa Region (Odessa).

Keywords: I.A. Bunin, newspaper «Yuzhnoye obozreniye», General Directorate for the Protection of State Secrets in the Press, censorship, Odessa, editor.

Information about author: Anton V. Bakuntsev, PhD, Associate Professor, Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: auctor@list.ru

Нобелевский год И.А. Бунина (по материалам дневников и семейной переписки)¹

Т.М. Двинятина

Аннотация: В статье на материале дневниковых записей и писем И.А. Бунина и его ближайшего окружения воссоздается последний год перед присуждением ему Нобелевской премии, ставшей наивысшей точкой признания как его творчества, так и всей русской эмигрантской литературы первой волны. Этот год напряженного ожидания решения Нобелевского комитета на фоне почти катастрофического материального положения Буниных был в то же время чрезвычайно плодотворным временем творческой сосредоточенности: именно тогда написана большая часть «Лики», пятой, последней книги «Жизни Арсеньева». Художественная отрешенность от земной суеты, в которой Бунин провел почти весь год, и осязаемый, мировой успех, обрушившийся на него после присуждения премии, стали двумя главными событиями его жизни в это время. О том, каким был для Бунина 1933 год, рассказывают, в том числе ранее не публиковавшиеся, материалы его личного архива, хранящиеся в Русском архиве Лидса (Великобритания).

Ключевые слова: И.А. Бунин, эмиграция, архивные материалы, Нобелевская премия, дневники, семейная переписка

Информация об авторе: Татьяна Михайловна Двинятина, старший научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, д.ф.н. E-mail: tatiana.dvinyatina@gmail.com

В конце 1932 года исполнилось десять лет с тех пор, как Бунин стал рассматриваться как претендент на Нобелевскую премию по литературе². Высказанная летом 1922 года М. Алдано

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект №17–18–01410 «Академический Бунин. Источниковедение, текстология, методология»). Письма И.А. и В.Н. Буниных, полный корпус которых готовится к публикации в бунинском томе «Литературного наследства», печатаются с разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate. За постоянную помощь и консультации в работе с бунинским наследием благодарю хранителя Русского архива в Лидсе (РАЛ) Ричарда Д. Дэвиса, а также О.А. Коростелева, С.Н. Морозова и Г. Брэдли.

² Подробная история присуждения Бунину Нобелевской премии изложена в книге Т.В. Марченко «Русские писатели и Нобелевская премия (1901–

вым³ идея нашла отклик у Ромена Роллана (лауреата 1915 года), и 3 января 1923 года он обратился в Нобелевский комитет с представлением М. Горького, И. Бунина и К. Бальмонта «в одной кандидатуре», тем самым призывая к независимости художественной экспертизы от преходящих политических настроений (см. *Марченко*: 292–294). С годами ожидание решения Нобелевского комитета становилось все напряженнее, однако усилия критиков, переводчиков, профессоров разных мировых университетов так и не приводили к желаемому результату, а материальное положение Буниных становилось все хуже и хуже: «не в славе дело, а в голоде», — сетовал Бунин в одном из писем еще 1923 года⁴.

В начале 1931 года — новый виток нобелевской истории. Свои представления Бунина в Шведскую академию направляют два члена Императорской Российской академии наук⁵ — В.А. Францев (ставший профессором славянских литератур в Пражском университете), М.И. Ростовцев (в то время профессор античности Висконсинского университета), избранный в 1916 году иностранным членом Российской академии Олаф Брок (профессор славистики университета Осло), а также целый ряд известных в мире славистов (среди них Этторе Ло Гатто, профессор славистики в Падуе, и А.С. Каун, профессор славистики в Беркли, см. *Марченко*: 327–362). Тогда же у Бунина завязываются дружеские отношения с племянником А. Нобеля Эммануилом Людвиговичем (Emanuel Ludvig Nobel), который оказывается посредником между выступившей за Бунина группой русских парижан (граф В.Н. Коковцев, В.А. Маклаков, А.О. Гукасов, Н.К. Кульман) и Нобелевским комитетом. В конце февраля было получено письмо Георгия Павловича Олейникова, зятя Людвиг Нобеля (старшего брата Альфреда Нобеля), с надеждой на «русский обед» в честь Бунина в будущем декабре (см. *Грасский дневник*: 206; запись от 28 февраля 1931 г.).

1955)» (Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2007; *Марченко*), и в первых абзацах этой статьи мы опираемся на это исследование, стремясь в дальнейшем дополнить его материалами семейного архива Буниных, оставшимися за рамками этого труда.

³ Идея заключалась в совместном выдвижении на премию Бунина, Мережковского и Куприна, в чем усматривался «знак уважения Европы к изгнанной русской литературе» (см. ответ М. Алданова на анкету газеты, помещенный в редакционной заметке: Нобелевская премия — русским писателям // Слово (Париж). 1922. 17 июля. № 4).

⁴ «Вы — друг старый и верный...». Письма И.А. Бунина к А.В. Тырковой-Вильямс / Публ. Р. Янгирова // Минувшее: Исторический альманах. [Вып.] 15. М., 1994. С. 183. Письмо от 20 февраля 1923 г.

⁵ Выдвигать претендентов на премию могли только члены национальных академий наук и в случае Бунина ими стали члены еще Императорской Российской академии наук.

Однако в 1931 году премию присуждают многолетнему секретарю Шведской академии поэту Э.А. Карлфельдту, в 1932-м — Дж. Голсуорси. И то, и другое Бунин воспринимает как «удар». Но узнав о первом решении, он «обложился своими “молодыми” сочинениями и сел за работу. Вычеркивает, исправляет, надписывает. Неудачи заставляют его крепче собираться» (*Грасский дневник*: 221, 222). После оглашения последнего вердикта он вновь «спасается писанием» — идет напряженная работа над «Жизнью Арсеньева» (*Устами Буниных*, 2: 276⁶; *Грасский дневник*: 264). 22 ноября 1932 года Г.Н. Кузнецова записывает:

И.А. пишет по 3–4 печатных страницы в день. [...] Вечером ходит со мной гулять и говорит о написанном. Пишет он буквально весь день, очень мало ест за завтраком, пьет чай и кофе весь день. Вот уже больше месяца, если не полтора, длится такой режим. Нечего говорить, что он поглощен своим писанием полностью. Все вокруг не существует (*Грасский дневник*: 265).

Наконец, 20 декабря 1932 года Бунин и Кузнецова едут в Париж: Бунину нужна передышка, а в издательстве «Современные записки» готовится к изданию первый роман его протеже «Пролог»⁷. Вера Николаевна Бунина тем временем остается в Грассе и через четыре дня получает письмо из Стокгольма. В нем известие о необходимости в наступающем январе представить кандидатов на Нобелевскую премию следующего года. Сообщая об этом мужу, Вера Николаевна так спешит, что даже пропускает обычное в их письмах обращение:

Начинаю с самого интересного:

“Дорогой Иван Алексеевич, представление относительно кандидатов нужно послать: Nobelstiftelsen 14, Sturegatan, Stockholm (начертания букв списала).

Необходимо послать в январе.

Могу Вам с полной уверенностью сказать, что было только два кандидата, Вы и Гольсворти. Только *никому не говорите*. Из двух лучших источников, можно поверить, что у Вас все шансы на будущее. Я в этом совершенно уверен.

О Вашей последней книге (на шведском языке)⁸ писали два акаде-

⁶ Здесь и далее дневниковые записи Буниных, если они вошли в «Устами Буниных», цитируются по этому изданию. В обратном случае или в случае расхождения с архивным источником, они цитируются по личным материалам Буниных в РАЛ.

⁷ Кузнецова Г. Пролог: Роман. Париж: Современные записки, 1933.

⁸ По всей видимости, имеется в виду «Livets bågare och andra noveller» — перевод на шведский язык сборника рассказов «Чаша жизни» (в него вошли также рассказы «Сны Чанга», «Дело корнета Елагина», «При дороге», «Лапти», «Соотечественник», «Крик», «Ночь»). Перевод был сделан Сигурдом Аг-

мика: Остерлинг⁹ чудно отозвался, Бергман¹⁰ очень хорошо. Первый в Свенски Доувгттг¹¹, второй в До..... (не могу разобрать....)¹²

Гебер¹³ очень доволен.

Пишете ли Вы продолжение «Жизни Арсеньева»?

Было бы очень хорошо, если бы продолжение появилось в *будущем году*.

Гебер тоже этого мнения.

Как здоровье? Счастливых праздников. Сердечный привет [от] нас обоих¹⁴. Обнимаю Вас.

Искренне любящий

С.....”

Понимаешь, от кого? [...]”¹⁵

Бунин понимает: Вера Николаевна переписывает для него письмо, которое прислал С. де Шессен (Serge de Chessin, Сергей Борисович Шершевский, 1880–1942), французский журналист русского происхождения, стокгольмский корреспондент нескольких французских газет, атташе французского посольства в Швеции, горячо сочувствовавший Бунину в получении Нобелевской премии¹⁶.

реллем и вышел в стокгольмском издательстве «Geber» в 1932 г. 25 октября 1932 г., в именины И.А. Бунина, В.Н. Бунина пишет в дневнике: «Сегодня получен чек от Гербера [так!] в 3000 фр. за “Чашу жизни и другие рассказы” на шведском языке» (*Устами Буниных*, 2: 276).

⁹ Андерс Эстерлинг (Österling; 1884–1981) — поэт, литературный критик, действительный член (позже постоянный секретарь) Шведской академии. О его роли в присуждении Бунину Нобелевской премии см.: *Марченко*: 388–392 и др.

¹⁰ Бу Бергман (Bo Hjalmar Bergman, 1869–1967) — известный шведский поэт, критик, действительный член Шведской академии.

¹¹ Имеется в виду газета «Свенска дагбладет» («Svenska Dagbladet»); рецензия А. Эстерлинга на «Чашу жизни» появилась в ней 16 декабря 1932 г. Многократная «г» в тексте письма является, возможно, ошибкой машинописной печати.

¹² Статья Б. Бергмана (под псевдонимом «Б. Б-н») вышла в крупнейшей шведской ежедневной газете «Dagens Nyheter» 20 декабря 1932 г. Био- и библиографические данные трех последних примечаний сообщены М. Юнггреном (Magnus Ljunggren), приносим ему искреннюю благодарность.

¹³ Нильс Гебер (Geber; 1878–1937) — шведский издатель, владелец издательства «Hugo Gebers förlag», выпустивший в начале 1930-х гг. шесть книг Бунина.

¹⁴ Видимо, С. де Шессен передает привет и от своей жены; одно из коллективных писем к В.Н. Буниной, посланных Буниным в Грасс из парижского ресторана «Корнилов» (17 мая 1934 г.), было подписано и ею (РАЛ. MS 1066A/53).

¹⁵ РАЛ. MS 1067A/26.

¹⁶ В письме самого С. де Шессена (РАЛ. MS 1066/5035) не выделены слова «никому не говорите», вместо «можно поверить» написано «могу Вам по-

На самом деле в списке кандидатов 1932 года значилось более 20 человек, среди которых были К. Чапек, П. Валери, Д. Мережковский, И. Шмелев и др., так что речь, видимо, шла о наиболее вероятных кандидатах с точки зрения стокгольмского корреспондента Буниных. В начале 1933 года последовала серия новых представлений Бунина на Нобелевскую премию¹⁷, а жизнь между тем шла своим чередом.

В марте выходит английский перевод «Жизни Арсеньева» «The Well of Days» («Истоки дней», пер. Г.П. Струве и Х. Майлза (Hamish Miles))¹⁸. Но денежных затруднений Буниных это разрешить не может, и Г.Н. Кузнецова констатирует: «У нас наступает бедность. [...] У И.А. такого положения, кажется, еще не было». В следующие дни она фиксирует визит Г.П. Олейникова, связанный, вероятно, в том числе с оказанием Бунину денежной помощи (*Грасский дневник*: 269; записи от 13 и 16 марта). К маю ситуация достигает пика: «Кризис полный, даже нет чернил — буквально на донышке [...]»; «Безденежье. Однообразие. Неврастения» (*Устами Буниных*, 2: 285–286; записи В.Н. Буниной от 26 и 27 мая).

В целом, 1933-й — один из самых контрастных годов в жизни Бунина, в котором параллельными путями, образуя единый сюжет, идут отчаянная бедность и тончайшее, просветленное вдохновение, долгожданная осязаемость земного успеха и высокая отрешенность от сегодняшнего дня. Будто отделившись от обступивших его забот, Бунин весь год живет в мире своего воображения и памяти, их тонком сочленении и прозрении того, что станет продолжением «Жизни Арсеньева». Пока написаны только четыре книги, прошлым летом он начал пятую (она составит треть всего сочинения). Четвертая книга заканчивалась смертью великого князя Николая Николаевича (Младшего), в ее финале Бунин друг за другом поставил ряд зеркал: когда-то, в их общей юности, смерть вел. кн. Николая Николаевича (Старшего) / молодой вел. кн. Николай Николаевич (Младший) / молодой Бунин (в этом случае никакого зазора между ним и Арсеньевым нет) / Россия — сейчас, спустя целую жизнь, смерть вел. кн. Николая Николаевича (Младшего) / чувствующий приближение конца свой жизни Бу-

вторить», все нерусские имена и названия даны на языке оригинала. Письма С. де Шессена к Бунину 1931–1934 гг. см.: РАЛ. MS 1066/5025–5036.

¹⁷ Свои представления повторяют профессора Олаф Брок (Осло), проф. Сигурд Агрелль (Лунд), проф. Фридрих Браун (Лейпциг), см.: *Марченко*: 386–387.

¹⁸ Отклики в английской прессе см.: *Бабореко А.К.* Бунин. Жизнеописание. Изд. 2-е. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 300. Затем вышли переводы на итальянский, шведский, норвежский, французский языки (см. в частности, записи о заключении договоров: *Грасский дневник*: 227, 231, 232).

нин / эмиграция. Глядя на прошлое сквозь настоящее, на настоящее сквозь прошлое, Бунин единым взором обнимает их и приобщает вечности: под сводами памяти завершается основная часть книги. В продолжении, «Лике», остается только любовь.

Труд будет окончен лишь в конце 1938 года: нобелевские события как раз прервут это творческое напряжение, и Бунин потом будет заново мучительно искать его не один год. Тем не менее, когда надо будет поставить дату под всей «Жизнью Арсеньева», Бунин напишет: «1927–1929. 1933», — и 1933-й год будет как раз годом, когда написана большая часть пятой книги¹⁹.

После осеннего подъема 1932 года и зимнего перерыва на Париж и болезни (он вернулся в Грасс простуженным и несколько недель не мог прийти в себя) Бунин лишь в феврале возвращается к письменному столу. Однажды (11 февраля) рассказывает Г.Н. Кузнецовой свой сон, в котором он видел Лику и их встречу спустя много лет.

— Вот доказательство того, как относительно то, что существует и не существует! — говорил он. — Ведь я ее выдумал. Постепенно, постепенно она начинала все больше существовать, и вот сегодня во сне я видел ее, уже старую женщину, но с остатками какой-то былой кокетливости в одежде и испытал к ней все те чувства, которые должны были бы быть у меня к женщине, с которой 40 лет назад, в юности, у меня была связь. Мы были с ней в каком-то старинном кафе, может быть, итальянском, сначала я обращался к ней на вы, а потом перешел на ты. Она сначала немного смущенно улыбалась... А в общем все это оставило у меня такое грустное и приятное впечатление, что я бы охотно увиделся с нею еще раз...

И далее снова (ни за один другой год нет такого количества сходных свидетельств) — о сновидческой, вневременной ткани художественного воображения:

Он так погружен сейчас в восстановление своей юности, что глаза его не видят нас и он часто отвечает на вопросы одним только механическим внешним существом. Он сидит по 12 часов в день за своим столом и если не все время пишет, то все время живет где-то там... Глядя на него, я думаю об отшельниках, о мистиках, о йогах — [...] словом, о всех тех, которые живут вызванным ими самим миром (*Грасский дневник*: 265–266).

¹⁹ В мае и октябре 1933 г. в «Современных записках» (кн. 52, 53) были напечатаны первые главы пятой книги (до гл. XXI по тексту журнальной публикации, то есть до первой поездки героя в Шишаки и слов: «В ту же ночь я поклялся ей, что больше никуда не поеду. Через несколько дней опять уехал»); следующие главы печатались в «Последних новостях» уже только в конце 1938 — начале 1939 гг.

В феврале «Последние новости» отказываются печатать большие отрывки из новой книги. Бунин в гневе комкает, правит, портит уже написанное и не находит себе места; пишет Б.К. Зайцеву:

[...] если бы ты знал, как безобразно исковеркал я это писание! Нашли, что я даю слишком большие фельетоны, попросили давать короче, я, от стыда и обиды да еще шальной от Парижской жизни и начинающейся болезни, стал сокращать, мгновенно запутался, стал вычеркивать, что попало, переставлять куски... словом, сотворил такую бардель, что теперь взглянуть боюсь на то, что напечатал²⁰.

С 7 марта по 21 апреля у Фондаминских гостят Ф.А. и Н.Н. Степуны. Они давно не виделись, и Бунин отводит душу в разговорах с «редким собеседником» (так называла Ф.А. Степуна В.Н. Бунина). Как два года назад создавалось «впечатление, точно [...] на вилле Бельведер в кабинете И.А. был некий словесный балет», «как бы широкие арпеджии по всей литературно-философской клавиатуре» (*Грасский дневник*: 207, 209), так и сейчас встречи, разговоры, прогулки со Степунами и Фондаминскими (к тому же 18 марта в Грасс приезжает Г.П. Олейников, в начале апреля неделю гостит Г.П. Федотов...) наполняют обычно тихую грасскую жизнь долгожданным живым общением и шумными спорами. Степун привез новости из Германии, в первый же свой визит к Буниным (8 апреля) он «весь блистал, резвился, переливался [...] столько людей перевидал, со столькими переговорил за эти последние месяцы, когда ездил с лекциями по разным городам» (*Грасский дневник*: 268). Разговоры — «конечно, о Гитлере»; видимо, Степуну принадлежит определение, которое В.Н. Бунина заносит в свой дневник: «метафизический парикмахер» (*Устами Буниных*, 2: 282). События в Германии у всех на устах: совсем недавно, 30 января Гитлер был назначен рейхсканцлером Германии, 27 февраля случился пожар в Рейхстаге, 24 марта был принят закон о чрезвычайных полномочиях. Споры — о Толстом:

Степун доказывал, что Толстой мыслит примитивно, конечно, по сравнению с Плотинумом, Платоном, Гегелем — у него «все в корнях, а у тех крылья». Ян доказывал, что у Толстого было удивление и трагичное всматривание (*Дневник ВНМБ*; запись от 12 марта);

о «типах святителей на Руси»:

И.А. сказал, что у Х. незначительность черт. Степун возразил, что для русских святителей незначительность черт вполне приемлема. Они не

²⁰ Новый журнал. Кн. 134. С. 179 (письмо от 14 февраля 1933 г.). Вероятно, здесь имеется в виду публикация «Из «Жизни Арсеньева»» в газ. «Последние новости» 29 января 1933 г., текст которой вошел в кн. 5, гл. VIII и IX («Лица»).

личность. Они освобождение от личности (*Грасский дневник*: 268; запись от 12 марта);

«о необходимости “героического сознания” у современной эмиграции» (*Грасский дневник*: 269; запись от 12 марта); о «Новом граде»²¹, о Христе:

И.А. утверждал, что пришествие Христа было подготовлено в мире, было неизбежно; Федотов говорил, что это было подобно впечатлению от неожиданно разорвавшейся бомбы (*Грасский дневник*: 272; запись от 5 апреля).

После отъезда Степунов к Буниным едва ли не каждый день заходит Фондаминский. За обедом 22 мая он,

[к]ак всегда, говорил о том, что мир накануне великого переворота, великих событий. [...] И.А. утверждал, напротив, что мир опять завершает круг, а не идет вверх [...]. Были всякие исторические примеры. Мы рыскали по истории мира с легкостью ласточек (*Грасский дневник*: 276). (И тогда же: «Сад цветет. Мы его каждый день чистим».)

В то же время Бунин все думает о продолжении «Арсеньева». 5 апреля Г.Н. Кузнецова отмечает: «Опять мучение. Опять поиски тона, с которого надо начинать следующую главу». 15 апреля: «С И.А. хожу гулять и говорю об “Арсеньеве”. Вчера печатала вторую главу. Арсеньев и Лика едут в Полтаву, собираются жениться» (*Грасский дневник*: 271, 273). 2 июня вечером Бунин на прогулке говорит Г.Н. Кузнецовой:

Не знаю, сумею ли тебе объяснить... поймешь ли ты меня. Дело в том, что с годами, а теперь особенно, я все больше начинаю чувствовать в себе какой-то... Петраркизм и Лаурность... т. е. какое-то воплощение всего прекрасного, женского, во что-то одно во мне... что и правда подобно тому, что я писал в прошлом году о Петрарке — “Прекраснейшая солнца”... (*Грасский дневник*: 277).

Петрарка снова возникнет в бунинских записях весной 1944 года: «Великое одиночество Петрарки, его “Заальпийское убежище”... То, что и у меня: *Alpes Maritimes*». И затем сразу: ««Петрарка любил только себя — и Лауру!» То есть опять себя, свою выдуманную — думаю, что выдуманную — любовь к ней, жизнь ею? Если даже и так, это очень много, нечто очень сложное»²². В имени Петрарки для Бунина сходятся чувственная память молодой влюбленности, сегодняшнее одиночество и возможность выразить их в едином пространстве текста. Слова из дневниковой

²¹ См. *Грасский дневник*: 271.

²² РАЛ. MS 1066/548.

записи 1944 года о Петрарке — эхо дневниковой записи 1933 года о себе (21 июля):²³

Вечер, шел через сад Montfleury, чувствовал: снова молодость и великое одиночество.

“Il semble qu'il y ait qu[e]lque chose de cruellement illogique dans l'amour. C'est dans la séparation qu'il possède pour ainsi dire le mieux ce qu'il aime”. Maeterlinck²⁴

— Чего тебе, душа моя,

Внезапно стало мало?

Скажи, какую вспомнил я

Любимую печаль? — Тургенев.²⁵

“Вперед, по могилам!” — Гете.²⁶

“Je pense que certains caractères ont besoin de dramatiser la vie”. G. Leblanc²⁷. (Г[алина] без этого не может.)

“Пришлец аз есмь на земли”. Пс. 118.

Для “Арс[еньева]”: Ханенко, Суховой, Рóзум.

Лахезис — вторая Парка.

Отдать жизнь за памятник на могиле!

В молодости неприятности надолго не держались у меня в душе — она их, защищаясь, выбрасывала.

Почти все сверстники были г[o]p[a]з[до] взрослей меня. Vita scribi nequit²⁸.

В этой записи, одной из редких уцелевших среди бумаг Бунина за 1933 год, собраны выписки из книг, недавно прочитанных и образовавших круг его мыслей и чувств последнего времени. В соседней записи — впечатление момента. Вместе они образуют конспект и распахнутое окно в бунинский мир того лета:

30. VII. 33. Grasse.

Проснулся в 4½. Довольно сумрачно — рассвет совсем как сумерки. В синеватых тучках небо над Эстерел[ем], над Антибск[им] мысом по тучкам красноватое, но солнца еще нет.

²³ РАЛ. MS 1066/524. В *Устами Буниных*, 2: 287 приведена не полностью.

²⁴ «Кажется, что есть что-то ужасно нелогичное в любви. Именно в разлуке — лучшее, если можно так выразиться, что он любит». Метерлинк (фр.)

²⁵ Из стихотворения И.С. Тургенева «Откуда веет тишиной?..» (1844).

²⁶ Цитата из очерка Д.С. Мережковского «Гете» из книги «Вечные спутники».

²⁷ Некоторым натурам необходимо драматизировать жизнь. Ж. Леблан (фр.) Жоржетта Леблан (1869–1941) — певица, актриса, писательница, в 1885–1918 гг. гражданская жена М. Метерлинка, печаталась под именем Леблан-Метерлинк.

²⁸ Сокращенное от «Vita Jesu Christi scribi nequit, жизнь Иисуса Христа не может быть написана» — цитата из немецкого теолога и историка церкви Фридриха Лофса (1858–1928), приведенная в книге Д.С. Мережковского «Иисус Неизвестный».

Вечером гроза. Лежал, читал — за окнами содрогающееся, голубое, яркое, мгновенное.

Ночью во мне пела “Лунная соната”. И подумать только, что Бог все это — самое прекрасное в мире и в человек[еской] душе — [пропущен глагол?] с любовью к женщине, а что такое женщина в действительности?²⁹

В сентябре — начале октября идет новый наплыв воспоминаний: 17 сентября Бунин записывает свой сон с А.Н. Цакни («Видел во сне Аню с таинственностью готовящейся близости...»), см. *Устами Буниных*, 2: 289), 11 октября рассказывает Г.Н. Кузнецовой «свой роман в Люстдорфе с Климович» (*Грасский дневник*: 280)³⁰, тогда же — об измене Арсеньева Лике. От начала октября сохранилось несколько коротких записей, говорящих о том, насколько погруженной в круговорот природы ощущал Бунин свою жизнь в это время (см. *Устами Буниных*, 2: 291): ни намек на «нобелевские ожидания» в них нет.

Пока Бунин живет «Арсеньевым» и всматривается в его продолжение, Вера Николаевна доверяет дневнику очерк мучающих ее разнонаправленных жизней под одной крышей:

Ян на днях сказал мне: “Я пока внизу, я тысячу раз подумаю о тебе, тысячи мыслей прорежут мой ум”... Он, конечно, говорил правду. Но я ему нужна лишь чем-то одним. И понятно: он весь собственно в творчестве, то есть сам в себе, и я ему одна из многих. Если бы были дети, то, может быть, заботы о них отвлекали бы меня или какое-нибудь свое дело. А то у меня столько остается неизрасходованных чувств, что даже порой жутко, и никому-то они здесь не нужны. С Л[енией]³¹ тоже ничего не вышло. Какое-то великое недоразумение. Его нервность, собственно, не выносит меня. В нем нет совсем тонкости, нет ни сострадания, ни доброты. Ему тоже нужны лишь заботы, я от забот не отказываюсь, но все же тяжело, когда заботишься о человеке, который, в сущности, тебя не выносит. Г[аля] холодна, равнодушна и, конечно, не любит меня, она меня хотела бы отвести на роль бабушки, но такой, которая жила бы где-то в своем уединении. [...] Вообще, более нелепой жизни, чем моя с ними, трудно отыскать (*Дневник ВНМБ*; запись от 19 мая).

В конце сентября в Грасс сначала приезжают А.В. и П.П. Карташевы (*Грасский дневник*: 278–279; запись от 24 сентября), потом почти на месяц, до начала ноября, Н.К. и Н.И. Кульманы (*Дневник ВНМБ*; запись от 12 октября). Снова образуется круг

²⁹ РАЛ. MS 1066/524.

³⁰ С Верой Петровной Климович, дочерью богатого дачевладельца, члена городской управы Одессы, Бунин познакомился в Одессе в 1901 году, см.: *Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов* / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. Подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 385, 387.

³¹ Л.Ф. Зуров (1902–1971) жил в доме Буниных с 1929 года.

общения, и по-прежнему дает знать о себе бедность. 30 сентября отмечаются именины В.Н. Буниной: «Отпраздновали тем, что Галля купила кусок колбасы. Недурно нажился я за всю жизнь!» — записывает Бунин на следующий день (*Устами Буниных*, 2: 290). На именины Бунин дарит жене записную книжку, на ее первой странице надпись: «17/30 IX 33 Милой, драгоценной. Ив.»³². Пожалуй, не меньше решения Нобелевского комитета Бунины ждут ответа из Голливуда о съемках фильма по рассказу «Господина из Сан-Франциско»: «Если бы это дело вышло, то мы были бы спасены, иначе будет очень плохо» (*Устами Буниных*, 2: 292; запись В.Н. Буниной от 19 октября).

Волнение возвращается позже. Но Бунин уже нашел единственно верное настроение, утром 20 октября он записывает:

Вчера и нынче невольное думанье и стремление не думать. Все-таки ожидание, иногда чувство несмелой надежды — и тотчас удивление: нет, этого не м[ожет] б[ыть]! Главное — предвкушение обиды, го-речи. [...]

Да будет воля Божья, — вот что надо твердить. И, подтянувшись, жить, работать, *смириться мужественно* (*Устами Буниных*, 2: 292).

Именно так Бунин встретил 9 ноября, день присуждения премии: после завтрака «И.А. сел за письменный стол, не выходил и как будто даже пристально писал [...] День был нежный, с солнцем сквозь белое, почти зимнее русское небо» (*Грасский дневник*: 280). Около трех часов дня вместе с Кузнецовой ушел в синема. Позже вспоминал:

Когда, после антракта, начинается какая-то веселая глупость под названием “Бэби”, смотрю на экран с особенным интересом: играет хорошенькая Киса Куприна, дочь Александра Ивановича. Но вот в темноте возле меня какой-то осторожный шум, потом свет ручного фонарика и кто-то трогает меня за плечо и торжественно и взволнованно говорит вполголоса:

— Телефон из Стокгольма...

И сразу обрывается вся моя прежняя жизнь³³.

«С этого момента “все смешалось в доме Облонских”. Париж, приемы, чествования, сутолока. Стокгольм, получение премии, король, ордена, ленты, светлые туалеты дам, дипломаты — как вся эта сказочная атмосфера непохожа на бедное существование в Грассе» (*Устами Буниных*, 1: 10; предисл. М. Грин). Спустя годы

³² РАЛ. MS 1067/474.

³³ Бунин И.А. Записи // Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Вступ. ст. О.Н. Михайлова; Коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: Наследие, 1998. С. 396. Впервые: Иллюстрированная Россия. 1936. 7 марта, № 11. С. 2–3.

Бунин отмечал в дневнике этот день, вспоминая то подробности, то собственные ощущения: «Был счастлив и, как ни странно сказать, молод» (*Устами Буниных*, 3: 73; 1940).

Воспоминания о нобелевских днях оставили и сам Бунин, и его жена³⁴, и Г.Н. Кузнецова (*Грасский дневник*: 280–294), и Я. Цвибак³⁵, наделенный Буниным в стокгольмской поездке полномочиями секретаря. В дневниках и письмах остались непосредственные впечатления и переживания тех дней. Они отмечены не только ясным чувством, что «наша жизнь свернула куда-то» (*Грасский дневник*: 284), но и тревожной неуверенностью в том, что этот поворот к лучшему. Запись в дневнике Г.Н. Кузнецовой:

Девятого ноября наша жизнь переломилась не “сказочно”, как говорят теперь некоторые наши знакомые, но все же переломилась. Не знаю, что будет дальше (*Грасский дневник*: 285; запись от 28 ноября) —

полностью созвучна раздумьям В.Н. Буниной. Через четыре дня после известия о премии она впервые открывает дневник:

За эти дни произошли такие важные события, вернее событие, что чувствуешь, что это грань. В четверть пятого 9 ноября по телефону из Стокгольма я впервые услышала, что Ян нобелевский лауреат. Сейчас вечер. Все уже по своим комнатам. Мне очень тяжело и грустно. Хочется плакать. Кажется, что теряешь что-то дорогое, то есть бедность, уединение. Я очень счастлива за Яна, считаю, что он заслужил славу, увенчание. Рада за нашу эмиграцию, что наконец, хоть раз, хоть в чем-нибудь Бог сделал так, что победа осталась за нами, за белыми. Но для себя я мало вижу радости. Не нужно об этом писать. Удовольствия могут быть, приятные ощущения — тоже, но радость едва ли (*Дневник ВНМБ*; запись от 13 ноября).

В тот же день, 13 ноября, Бунин подсчитает, сколько денег нужно для того, чтобы поехать в Стокгольм всем вместе: ему, Верре Николаевне и Г.Н. Кузнецовой. «Выходило, что для поездки в Швецию надо 50 тысяч [франков]. Мы слушали, слушали и все хором сказали, чтоб он должен ехать в Стокгольм один» (*Грасский дневник*: 283).

Пока что, на следующий день Бунин один уезжает в Париж, его сборы, по словам жены, представляли собой «настоящее ко-

³⁴ Бунина В.Н. То, что я запомнила о Нобелевской премии // Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / Вступ. ст. и примеч. А.К. Бабореко. М.: Вагриус, 2007. С. 487–490. Впервые: Новый журнал. 1962. Кн. 67. С. 136–140.

³⁵ Кроме серии корреспонденций 1933 г. в газетах «Последние новости» и «Сегодня», Я.М. Цвибак (писавший под псевдонимом А. Седых) посвятил Бунину главу в своей мемуарной книге «Далекие, близкие». Впервые: Новый журнал. 1961. Кн. 65. С. 151–197.

мическое синема», ибо он «все делал сам» и «волновался очень» (*Устами Буниных*, 2: 294). Поезд приходит в Париж утром 15 ноября, и Бунина прямо с вокзала увозят в ресторан Корнилова. «Был завтрак, который стоил 1000 фр., и Корнилов отказался взять деньги, сказав, что это для него честь» (*Грасский дневник*: 284).

Из ресторана в Грасс летит фирменная открытка с фотографией ресторанный зала³⁶:

Целую всех!
Ив. Бунин
15. XI. 33. У Корнилова

Целую, обнимаю нежно. Завтракаем все у Корнилова и очень жалею, что Вы не с нами. Пьем за здоровье И[вана] А[лексеевича] и Ваше.

Регі³⁷
Борис З.³⁸

И. Демидов
Целуем и любим. И. Фондаминский.
Целую — ручки. Ваш М. Ландау.
Очень всех ждем. Мария Цетлина.
Седой Цвибак!

Одновременно, навстречу ей (по адресу отеля «Мажестик» на авеню Клебер, где Бунин остановился) отправляется открытка³⁹ от жены и друзей: В.Н. Бунина, Г.Н. Кузнецова и Л.Ф. Зуров празднуют нобелевскую премию в Ле Рурэ (Le Rouret, неподалеку от Грасса) на ферме «Дубок», где жили друзья Буниных князь Александр Александрович Кугушев и его жена Ася Михайловна:

Дорогой, пьем в Дубке за твоё здоровье шампанское. Я заказала 2 платья за 2000 фр. Будут готовы в субботу.

М-ме Неклюдова изумительна и советует все сделать здесь.⁴⁰

Вера
Милый Иван Алексеевич, пьем Ваше здоровье и жалею, что Вас нет среди нас.

Ася Кугушева

И я присоединяюсь со своим сердечным поздравлением и искренним приветом.

В.П. Штернберг⁴¹

³⁶ РАЛ. MS 1066A/41.

³⁷ Р.Г. Осоргина.

³⁸ Б.К. Зайцев.

³⁹ РАЛ. MS 1067A/43.

⁴⁰ Речь, возможно, идет о том, что необходимые для путешествия в Стокгольм вещи можно купить прямо на юге, не откладывая до приезда в Париж. Надежда Васильевна Неклюдова (урожд. Безобразова; 1864–1945) — жена А.В. Неклюдова и член Дамского общества в память императрицы Марии Федоровны.

⁴¹ Не удалось найти сведений.

Родной мой, будьте счастливы и здоровы.

Галя

Здоровья, здоровья и здоровья.

Л. Зуров

Спасибо!

А. Кугушев⁴²
Н. Минаев⁴²

На следующий день — новое письмо Веры Николаевны, полное, как обычно, домашних новостей, окрашенных теперь новыми волнениями от поздравлений, ответов на них, предотъездных хлопот и т. д. Гроза раздражается, видимо, 17 ноября. Под этой датой в дневнике Кузнецовой сообщается о двух звонках Бунина в Грасс:

Сегодня опять был звонок от И.А. по телефону. Он сказал, что берет с собой в Швецию секретарем Я. Цвибака и что предполагает жить пока в Мажестике. [...]

И.А. звонил опять. Говорил, что почести ему большие, но что он уже очень устал, по ночам не спит и что ему очень грустно одному. [...] Мы должны приехать в Париж приблизительно через неделю к большому банкету в его честь (*Грасский дневник*: 285).

Вероятно, в одном из этих разговоров Бунин сообщает домашним еще одну ошеломляющую новость, о которой Кузнецова умалчивает. Описывая эти дни, Я.Б. Полонский отмечает в дневнике: «Все судачат, с кем Бунин поедет в Стокгольм, с Кузнецовой или Верой Николаевной»⁴³. Однако, судя по дальнейшей переписке, первоначальным решением Бунина было ехать в Стокгольм одному, и «приехать в Париж» из записи Кузнецовой вовсе не значило «чтобы дальше ехать в Стокгольм»: на парижском банкете участие дам в нобелевских торжествах, по мысли Бунина, могло и закончиться.

Вере Николаевне понадобилось больше суток, чтобы собраться и написать мужу ответ⁴⁴. Как и зимнее письмо с сообщением из Стокгольма, оно начинается без обращения, что создает еще одно исключение в эпистолярном стиле Буниных:

Прости, что взяла твою бумагу, но на ней можно писать четко, чтобы ты не тратил времени на разбор почерка.

Вчера ночью писала тебе длинное письмо, проносила его в кармане, но не послала, именно потому, что оно написано мелко и тесно.

Буду кратка. Твое нежелание быть с нами в дни твоего торжества меня удивило. Действительно, ни один человек не знает другого. Да и сам он себя не знает. Через двадцать семь лет⁴⁵ ты удивляешь меня...

⁴² Не удалось найти сведений.

⁴³ Иван Бунин во Франции. Дневник Я.Б. Полонского / Вступ. ст. Е. Эткин-да // *Время и мы*. Нью-Йорк; Тель-Авив; Париж, 1980. Кн. 55. С. 270.

⁴⁴ РАЛ. MS 1067A/45.

⁴⁵ В.Н. Бунина отсчитывает годы со времени их знакомства в ноябре 1906 г.

Думаю, что если бы год назад тебе говорили, что ты будешь в состоянии жить один в Париже и поедешь *один* в Стокгольм, ты возмутился бы на говорившего.

Цель моего этого письма — просьба подумать серьезно о твоём решении ехать без нас за премией. Галя призналась мне, что это *самое её сильное желание*, и, поверь, никакие будущие путешествия не искупят некоего оскорбления, то есть нежелание иметь около себя лиц в самый значительный день твоей жизни, которые делили с тобой гречневую кашу. Кроме того, Неклюдов⁴⁶, насколько ему позволяет воспитание, настаивает на моей поездке в Стокгольм: “шведы — народ семейственный, Вы в их вкусе, — они любят интеллектуальных женщин, и ваше присутствие для И[вана] А[лексеевича] прежде всего необходимо”. [...]

Теперь денежный вопрос. Если наша поездка в Швецию состоится, то я *на три года отказываюсь* от всяких путешествий, с кем ты их ни совершал бы. Ты знаешь, что я *слово свое держать умею*. [...]

Еще все можно устроить: и визы, и остановку в Стокгольме. Подумай, ведь после Швеции, где было бы так приятно и поэтично провести Рождество, ты будешь так утомлен, что жить в Париже не будет сил. Да и жизнь там после премии будет и *тяжка*, и *дорога*. А тут мы можем после нее вернуться или домой, или... кто куда. Ты с Галей можешь проехаться по Италии. Я же могу поехать с Леней или домой, или в какую-нибудь савойскую дыру. Иначе у нас никакой радости от твоего торжества не будет, и до могилы мы будем нести горечь обиды. И ты сам в будущем будешь раскаиваться *очень*.

Мы ведь и не улыбаемся. Заботы, тревога за тебя и обида. Я почти не сплю — час, два в сутки.

Заказали себе туалеты, а сами думаем: к чему — парижскую публику развлекать... Гале сегодня выбрали очень изящное платье. Мне уже мерили оба, не сглазить, хорошо. Я даже удивлена, что я такая. Помогает еще то, что я катастрофически худею. [...] Галя грустна, внутренне нервна, но сдерживается. Живем мы очень дружно. С Галей проводим много времени вместе. Она и Леня много работают для тебя. Леня в дождь, вчера, в рваных башмаках полетел на почту, чтобы ты поскорей получил контракты. Промочил ноги, но, к счастью, волновался и не простудился. Галя перебрала всю корзину. Как-то работали до часу ночи, словом, не один Цвибак для тебя “старается”. У меня почти все готово. Белья я не покупала — это можно в Париже между делом, как и манто, то есть шубку. Ее можно купить у Солдатского⁴⁷ в кредит.

По вечерам мы на часок собираемся вместе или в спальне у телефона, или в кабинете возле газет и тихо сидим под шепот дождя. Погода ужасная. Очень боюсь, как бы не простудился бы кто из нас. Слава

⁴⁶ Анатолий Васильевич Неклюдов (1856–1943) — дипломат и грасский знакомый Буниных, в 1914–1917 гг. был полномочным министром России в Швеции.

⁴⁷ Неделю спустя, 25 ноября В.Н. Бунина записала в дневнике: «Уже заказываем манто у Солдатского» (РАЛ. MS 1057/409).

Богу, сегодня взяла свой зонтик из магазина. В среду наши платья будут готовы, в четверг или пятницу мы могли бы и выехать. Извести по телеграмме или телефону, когда ты хочешь, чтобы мы приехали. Рери написала, что все “сказка”⁴⁸, а мы в этой сказке — Золушки. Она пишет, что у тебя две постели, огромная ванна, где можно жить двум. Может быть, только и нужно один лишний номер где-нибудь сверху занять, а мы с Галей и у тебя поместились бы, хотя бы на первое время.

Кажется, обо всем написала. Может быть, и засну.

Через день Бунин отвечает полным согласием:

Понедельник 20-го

2 часа дня

Дорогие, милые, повторяю то, что сию минуту говорил по телефону: 1) я ни в чем не виноват, рассказать, как я живу эти дни, *невозможно* — расскажу более или менее, когда приедете; 2) огорчен за тебя, Вера, истинно до глубины сердца; но — точка — этого в письме особенно нельзя высказать; 3) посылаю нынче или завтра телеграфом три тысячи (сейчас бегу доставать эти деньги — не думайте, что у меня лежат на столе миллионы! 4) выезжайте *в среду*, если можно, — в крайнем случае в четверг, но не позднее.

Крепко всех целую.

Больше нет минуты свободной.

Ив.

Судя по всему, первоначальное намерение Бунина, при всей скоропалительности, не осталось предметом исключительно домашнего обсуждения и было доведено до сведения шведской стороны, так как в письме к Бунину С. де Шессена от 21 ноября 1933 года есть прямой ответ на него: «Очень удручены известием, что Вера Николаевна не приезжает. Мы так радовались при мысли, что увидим вас обоих»⁴⁹. Когда же недоразумение разрешилось, Г.П. Олейников прислал письмо В.Н. Буниной: «Дорогая Вера Николаевна. Получил телеграмму от Густава Людвиговича [Нобеля], что Вы приезжаете в Stockholm и очень этому возрадовался [...] ибо сообщение о том, что Вы не приедете, огорчило многих»⁵⁰.

22 или 23 ноября и В.Н. Бунина, и Г.Н. Кузнецова выезжают в Париж и оказываются в самом центре столичных чествований лауреата. Б.К. Зайцев вспоминал: «Дни до отъезда Ивана в Стокгольм вспоминаются как почти сплошной праздник: от литературного вечера в огромном театре Шан-з’Элизе, где многие из нас выступали, а Вера Бунина сидела в ложе с митрополитом Евлоги-

⁴⁸ См. прим. 37; ср. приведенную выше запись из дневника Г.Н. Кузнецовой от 28 ноября 1933 г.

⁴⁹ РАЛ. MS 1066/5034.

⁵⁰ РАЛ. MS 1067/5693. Письмо от 28 ноября 1933 г.

ем, до разных приемов, банкетов — адреса, цветы, подношения. В “Мажестике” вечная толчея посетителей, в газетах эмигрантских статьи, все как полагается»⁵¹. 3 декабря И.А. и В.Н. Бунины, Г.Н. Кузнецова и Я.М. Цвибак отправляются в Стокгольм. Дальнейшее, официальная часть нобелевских торжеств и их освещение в прессе, хорошо известны благодаря исследованию Т.В. Марченко (см. *Марченко*: 405–433 и др.).

На обратном пути из Стокгольма Бунины заезжают в Дрезден, гостят у Степунов. 24 декабря В.Н. Бунина записывает:

Сочельник — их. [...] Пообедали в комнате Яна карпом, которого традиционно съедают немцы в этот день У Степунов бывали, они очень милы и заботливы. Ян с Ф[едором] А[вгустовичем] перешел на “ты”. [...] У них живет его сестра Марга. Странная, большая девица — певица. Хорошо хохочет (*Дневник ВНМБ*).

Из Дрездена Бунины и Степуны едут в Берлин. Там 30 декабря в Шубертовском зале (Schubertsaal) был устроен вечер в честь лауреата⁵², на котором Бунин впервые встретился с Набоковым. Председательствовал И.В. Гессен, Ф. Степун говорил о прозе Бунина (и читал «Иду»), В. Набоков — о его поэзии. В.Н. Бунина отмечала:

Сирин гораздо лучше понимает стихи Яна, и звук их передачи правильной, выбор хорош и смел, последним он читал “Олень” — стихи эпохи нашей встречи — Ян тогда очень часто читал их». В целом: «Вечер [...] прошел хорошо. Но все же это не Стокгольм. Там был энтузиазм, а тут чувствуется вялость (*Дневник ВНМБ; Устами Буниных*, 2: 299).

Приехав через Германию в Париж, Бунины через некоторое время разделились: 20 января В.Н. Бунина вместе с Зуровым уехала на юг и провела несколько дней в Дижоне и Авиньоне, Бунин и Кузнецова остались в Париже и вернулись в Грасс в начале февраля уже следующего, 1934 года...

1933-й стал годом личных потерь Буниных: 5 марта умер отец В.Н. Буниной Николай Андреевич Муромцев (мать, Лидия Федоровна Муромцева умерла в 1923 году). 4 апреля умер Алексей Васильевич Орешников (отец жены Б.К. Зайцева Веры Алексеевны), которого В.Н. Бунина знала и читала с отроческих лет. Весной любимый брат В.Н. Буниной Павел Николаевич Муромцев заболел тяжелым психическим расстройством; 12 ноября, в разгар нобелевских торжеств он покончил с собой. Осенью стало известно о смерти (еще в 1930 году) невестки Бунина Н.К. Буниной (Гольдман), жены брата Евгения. В последний день года В.Н. Бунина писала:

⁵¹ Зайцев Б. Другая Вера // Новый журнал. Кн. 98. 1970. С. 164.

⁵² См.: Вечер в честь Бунина в Берлине // Возрождение. 1934. 11 января.

Не знаю даже, как отнестись к Нобелевской премии. С ней тоже что-то утерялось дорогое для меня в Яне. Конечно, радостно, приятно, что он лауреат, первый из русских, что общий голос удовлетворен этим. Но в отношении себя я чувствую какую-то потерю (*Дневник ВНМБ*; запись 31 декабря).

Но для Бунина главная потеря была впереди. В Дрездене Г.Н. Кузнецова познакомилась с сестрой Ф.А. Степуна Маргаритой (Маргой). Их стремительный и роковой для Бунина роман положил конец его отношениям с Кузнецовой, и боль от этого разрыва терзала его много лет. Глубокой осенью 1938 года, вернувшись к «Лике» после долгого перерыва, он писал жене: «Грустно еще и потому, что нынче 9 ноября: 5 лет тому назад в этот день судьба меня побаловала. Но потом взяла за это такую контрибуцию, что хоть трагический рассказ пиши!»⁵³ Прошло еще полтора десятилетия, и щедрая на такие переклички и контрасты жизнь Бунина окончилась 8 ноября 1953 года, накануне того дня, когда должно было исполниться 20 лет его счастливой нобелевской вести.

Литература

- Бабореко А.К.* Бунин. Жизнеописание. Изд. 2-е. М.: Молодая гвардия, 2009.
- Бунин И.А.* Письма 1885–1904 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. Подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003.
- Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Вступ. ст. О.Н. Михайлова; Коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: Наследие, 1998.
- «Вы – друг старый и верный...». Письма И.А. Бунина к А.В. Тырковой-Вильямс / Публ. Р. Янгирова // *Минувшее: Исторический альманах*. [Вып.]. 15. 1994.
- Дневник В.Н. Буниной* 1933 г. РАЛ. MS 1067/408.
- Кузнецова Г.Н.* Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / Сост., подгот. текста, предисл. и коммент. А.К. Бабореко. М., 1995.
- Кузнецова Г.* Пролог: Роман. Париж: Современные записки, 1933.
- Марченко Т.* Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2007.
- Муромцева-Бунина В.Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью / Вступ. ст. и примеч. А.К. Бабореко. М.: Вагриус, 2007.
- Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / Под ред. М. Грин: В 3 т. Frankfurt am Main, 1977–1982.

References

Baboreko A.K. *Bunin. Zhizneopisanie* [Bunin. Biography]. Izd. 2-e. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2009. (In Russ.)

⁵³ РАЛ. MS 1066A/196.

Bunin I.A. *Pis'ma 1885–1904 godov* [Letters 1885–1904 years]. Pod obshch. red. O.N. Mikhailova. Podgot. teksta i komment. S.N. Morozova, L.G. Golubevoi, I.A. Kostomarovoi. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003. (In Russ.)

Bunin I.A. *Publitsistika 1918–1953 godov* [Publicism of 1918–1953 years]. Pod obshch. red. O. N. Mikhailova; Vstup. st. O.N. Mikhailova; Komment. S.N. Morozova, D.D. Nikolaeva, E.M. Trubilovoi. Moscow, Nasledie, 1998. (In Russ.)

Dnevnik V.N. Buninai 1933 g. [Diary of V.N. Bunina in 1933]. RAL. MS 1067/408.

Kuznetsova G.N. *Grasskii dnevnik. Rasskazy. Olivkovyi sad* [Grassky diary. Stories. Olive Garden]. Sost., podgot. teksta, predisl. i komment. A.K. Baboreko. Moscow, 1995. (In Russ.)

Kuznetsova G. *Prolog: Roman* [Prologue: The novel]. Parizh, Sovremennye zapiski Publ., 1933. (In Russ.)

Marchenko T. *Russkie pisateli i Nobelevskaia premiia (1901–1955)* [Russian writers and the Nobel Prize (1901–1955)]. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2007. (In Russ.)

Muromtseva-Bunina V.N. *Zhizn' Bunina. Besedy s pamiat'iu* [Bunin's life. Conversations with memory]. Vstup. st. i primech. A.K. Baboreko. Moscow, Vagrius, 2007. (In Russ.)

Ustami Buninykh. Dnevnik Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy [By the Bunins. Diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna and other archival materials]. Pod red. M. Grin: V 3 t. Frankfurt am Main, 1977–1982. (In Russ.)

«Vy – drug staryi i vernyi...». Pis'ma I.A. Bunina k A.V. Tyrkovo-Vil'iams ["You are an old and loyal friend...". Letters I.A. Bunin to A.V. Tyrkova-Williams]. Publ. R. Iangirova. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh* [Past: Historical almanac], 1994, no 15. (In Russ.)

Ivan Bunin's Nobel Year as reflected in diaries and personal correspondence

Tatiana Dvinyatina

Abstract: This article draws on the diaries and correspondence of Ivan Bunin and his closest associates to trace the course of the year before he was awarded the Nobel Prize for Literature, which represented the peak of recognition both for Bunin's own literary oeuvre and for the whole of Russian émigré literature of the so-called First Wave. At the same time as being a year of nerve-wracking suspense before the Nobel Committee's decision was announced, against the background of the Bunins' almost catastrophic financial situation, it was also a remarkably productive year in terms of Bunin's creative concentration, when he wrote most of “Lika”, the fifth and final part of his “Life of Arsenev”. Bunin's artistic detachment from worldly concerns during almost the whole of the year and the world-wide success which buffeted him after the award of the Nobel Prize were the main events in his life at that time. The significance of 1933 for Bunin is revealed in for the most part previously unpublished material from his archive housed in the Leeds Russian Archive (University of Leeds, Great Britain).

Keywords: Ivan Bunin, emigration, archive materials, Nobel Prize, diaries, personal correspondence

Information about the author: Tatiana Dvinyatina, Doctor of Philology, Senior Research Associate, Russian Academy of Sciences Institute of Russian Literature (Pushkin House). E-mail: tatiana.dvinyatina@gmail.com

СТАТЬИ. СООБЩЕНИЯ. ЗАМЕТКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-4-162-171

УДК 821.161.1

Парадокс «банного строения»: К литературной репутации М.Т. Каченовского

В.А. Кошелев

Аннотация: В статье рассматривается журнальная полемика 1810-х годов о «банном строении». Демонстрируются механизмы формирования литературных репутаций. Показано, как ученый спор трансформируется в анекдот, а его предмет, утратив свое конкретное значение, становится эпиграмматической темой.

Ключевые слова: русская журналистика XIX в., журнальные полемики, литературные репутации, М.Т. Каченовский, А.С. Пушкин, «Вестник Европы».

Информация об авторе: Вячеслав Анатольевич Кошелев, д.ф.н., проф. Арзамасский филиал Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Арзамас; Великий Новгород. E-mail: viacheslav.koshelev@mail.ru

Михайло Трофимович Каченовский (1775–1842), доктор философии, профессор истории Московского университета и многолетний редактор популярнейшего русского журнала «Вестник Европы», в пародийном «Парнасском адрес-календаре...» (1818) А.Ф. Воейкова представлен следующим образом: «великий государственный архивариус, хранитель древней пыли, обер-банщик торговых Гиппокренских бань, бессменный член банного строения, церемониймейстер предбанников, ордена бани кавалер; имеет через плечо веник на лыке»¹.

Столь странное «представление» уважаемого московского профессора кажется не очень понятным. Даже и неприятели, не любившие Каченовского, как отмечал желчный Ф.Ф. Вигель, «отдавали справедливость его уму и учености», отделяя от них «ненавистные свойства» его характера: «беспокойный дух, ужасное выскомерие, пронырство, неблагодарность, раздражительность и вечную жажду мести»². А людям младшего поколения, вроде братьев Полевых, редактор «Вестника Европы» и вовсе казался «чем-то

¹ Эпиграмма и сатира. Из истории литературной борьбы XIX века. М.-Л., 1931. Т. 1. 1800–1840. С. 548.

² Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000. С. 268.

близким, родным): «Многие умные и ученые статьи его внушали нам невольное уважение к нему и уже с детства мы воображали его необыкновенным человеком, удивительным писателем, который знает все, потому что говорит обо всем, раздаст хвалы и осуждения и всегда остается на недосягаемой другими высоте»³. Но почему тогда «обер-банщик» и «веник на лыке»?

Дело в том, что в 1810 г. Михайло Трофимович выступил с рецензией на маленькую, явно непрофессиональную, брошюрку, где рассматривалось одно из «темных» мест в «Повести временных лет». Брошюрка (и рецензия) называлась «Исследование банного строения, о котором повествует летописец Нестор». Автором был Иван Романович Мартос (1760–1831), бывший «кабинетный секретарь» у графа К.Г. Разумовского. Он обратил внимание на летописный пересказ события, произошедшего в 6597 (1089) году: епископ Ефрем «заложил бо церковь на воротах Святаго Федора и Святаго Андрея у ворот и город каменной и *строение банное каменно, сего же не бысть прежде в Руси...*». И задался вопросом: что это было за эксклюзивное «каменное банное строение», перечислив версии, высказывавшиеся прежними историками: «всенародные (торговые) бани», «больница для народа», «купель для крещения возрастных», «стену монастырскую», «каменные церковные куполы» («слово “баня” в просторечии означает церковную главу или купол»). И сделал вывод, что имелись в виду именно церковные купола, впервые увенчавшие храмы на Руси.

Каченовский, на множестве примеров, подверг насмешливой критике это утверждение и в конце рецензии заметил: «мы предложили свои замечания единственно с намерением показать, что место о банном строении еще не совершенно исследовано, и потом примолвить, что таких мест великое множество в старинных наших летописях»⁴. По сути, «охлаждающий» пыл Каченовского был абсолютно правилен: позднее Н.М. Карамзин язвительно отзывался о сочинении Мартоса в «Истории государства Российского» (Т. II. Примеч. 160). А современная медиевистика вообще выносит словечко *банное*, что называется, «за скобки» летописного повествования: его нет, например, в переводе древнерусского текста «Повести временных лет», подготовленном Д.С. Лихачевым⁵.

Но рецензия Каченовского появилась в «Вестнике Европы» (в январе 1810 г.) — и «джинн вылез из бутылки!» И.Р. Мартос, влиятельный петербургский масон, поспешил затеять полемику.

³ Полевой К. Записки о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого // Николай Полевой. Мат-лы по истории русской журналистики тридцатых годов. Л., 1934. С. 129.

⁴ Вестник Европы. 1810. Ч. 49. № 1. С. 70.

⁵ Повести древней Руси XI–XII века. Л., 1983. С. 97, 200.

Уже в сентябре 1810 г. в «Вестнике...» появляется его «антикритика» («Изъяснение против критики...» — Ч. 53. № 18. С. 145–154). Каченовский не отвечал — тем не менее, Мартос провоцирует продолжение, посылая в журнал огромную статью «Изложение споров о банном строении, о котором повествует летописец Нестор». В создавшейся ситуации редактор «Вестника...» вынужден ее напечатать — в двух номерах конца 1811 — начала 1812 гг.: Ч. 60, № 22. С. 116–139; Ч. 61. № 1. С. 25–52). И, чтобы не увеличивать «толков», помещает свою статью, расставляющую все точки над *i*: «Еще несколько слов о банном строении» (Ч. 65. № 17. С. 38–56). Этой его статьей полемика и закончилась. М.В. Милонов констатировал в письме к Н.Ф. Грамматину от 14 января 1813 г., что Мартос «теперь в горе: Каченовский опять напал на него и срезал с ног»⁶.

Это была не самая шумная, не самая долгая и не самая бессмысленная полемика, которая развернулась на страницах «Вестника Европы»: четыре статьи в пяти журнальных номерах. Но именно она приобрела особенную известность. Даже в специальных работах указывается, что «предвестником упадка Вестника Европы были его (Каченовского. — В.К.) статьи о банном строении [...] почти в каждой книжке журнала говорилось о банном строении»⁷. Засилье в журнале «банных» статей явно преувеличивается, и сам спор воспринимается как «знаменитый своей мелочностью и продолжительностью»⁸. В популярной же литературе, подчас, именно «банные» статьи представляются основной научной заслугой Каченовского.

И что интересно: в «отрицательном» восприятии этой полемики запомнился именно лопидарный и дельный Каченовский, а не его многословный оппонент. Произошло это, кажется, потому, что две работы на «банную» тему явились в очень интересное для «Вестника Европы» время. «С 1808 по 1811 гг. журнал переживал заметный подъем, и в его истории эти годы были лучшими»⁹. В.А. Жуковский, редактировавший журнал в 1808–1809 гг., сумел дать ему особенное «лицо», определить круг сотрудников и заинтересовать читающую публику. С 1810 г. явился «соредактор» Каченовский — и в первом же номере открывает раздел «Критика» рецензией, посвященной столь странному предмету. Читатель

⁶ Библиографические записки. 1859. № 10. Ст. 302.

⁷ Весин С.П. Очерки истории русской журналистики двадцатых и тридцатых годов. СПб, 1881. С. 7–8.

⁸ Зыкова Г. Журнал Московского университета «Вестник Европы» (1805–1830 гг.): разночинцы в эпоху дворянской культуры. М., 1998. С. 75.

⁹ Гиптус В.В. «Вестник Европы» // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950. Т. 1. С. 171.

вряд ли вчитывался в непривычные для него исторические штудии: что интересного в *банном строении*? Рецензия в контексте журнального номера казалась — уже по заглавию — явно «экзотической».

А вторая (и последняя) рецензия появилась в сентябре 1812 года, когда гремела Отечественная война, только что прошло Бородинское сражение, а Москва — готовилась к сдаче неприятелю... 17-й номер «Вестника Европы» был наполнен соответствующими материалами: патриотическая «Военная песнь», ораторское «Слово...» об Александре I, «Анекдоты о Бонапарте», статья «О политических обманах Франции». И рядом — совсем уж к делу не идущее завершение непонятной полемики о «банном строении». Что же это за «строение» такое, что на него даже тогда, когда «враг у ворот», — журнальных страниц не пожалели?

В подобного рода журнальных выступлениях Каченовский был *нарочито неуместным* — именно поэтому они и запомнились. Через три десятилетия после полемики о «банном строении» ученик Каченовского М.А. Дмитриев в пародийной балладе «Двенадцать сонных статей» (1839) включил эти его статьи в общее представление о деятельности редактора «Вестника Европы» в лучшие его годы. Вот — воспоминание от лица старого редактора давно угасшего журнала; здесь поминаются еще и статьи «О славянском и в особенности церковном языке» и «О белых лобках и кунных мордках»:

Прошли те дни, как мой журнал
 Единое был чтение!
Век золотой, как я писал
Про банное строенье!
 Как мог ученостью и я
 Других морочить дерзкой,
 Когда доказывать брался,
 Что наш язык есть сербской!
 Каких я истин ни искал
 Для блага человека!
 О кунных мордках рассуждал!
 О, дни златого века!¹⁰

В «боевой» атмосфере журнальных полемик конца 1830-х годов давние «мелочные» статьи Каченовского казались как будто «сонными» (то есть клонящими в сон своей сухой «ученостью»). Но в 1810-е годы, в ситуации «единого чтения» (одного толкового журнала), они производили впечатление «эпатажное». Впервые явилось критическое отношение к истории, основанное на трезвом

¹⁰ Эпиграмма и сатира. Т. 1. С. 294. Курсив мой. — В.К.

природном уме и деловитости автора, ставшее преддверием «скептической школы» русской историографии. С этих же позиций Каченовский подходил и к университетскому преподаванию истории — еще до появления «Истории» Карамзина. Вот воспоминание того же М.А. Дмитриева, относящееся к 1813–1814 гг.:

«Русскую историю преподавал он не так, как вообще понимали ее в это время: не как повествование происшествий, по годам и много-много что с разделением на эпохи. Он опередил свое время, и из всех тогдашних профессоров, может быть, один он годился бы на кафедру и в нынешнее время. Он читал русскую историю критически, что в то время было большою новостью. Он начал с обозрения источников русской истории в их хронологическом порядке и с критической их оценки. Он столь подробно разбирал их, что в этом прошло почти полгода. До него мы знали только по именам и Болтина, и Шлецера; он разоблачил нам и их и многих и довольно коротко познакомил с Нестором. Одним словом, наша история, вообще довольно утомительная и скучная, в некрасноречивом преподавании Каченовского представлялась нам живою, самую интересною наукою, требующею не одной памяти, а деятельности сил умственных!»¹¹

Самым интересным в таком подходе оказывались исторические «легенды»: те видимые неточности, которые находились в летописях, представляли не столько «выдумкой», которую надо обличить, сколько *мифом*, который требовал объяснения. С этой же установкой Каченовский в 1818–1819 гг. в журнальных письмах «От Киевского жителя к его другу» высказал восторженное отношение к только что вышедшему труду Карамзина. И совсем не случайно он, отдав должное этому капитальному труду, принял за «рассматривать *предисловие* к Истории Государства Российского, в котором многие места восхищают мою душу, но где также есть кое-что, вовлекающее слабую голову мою в соблазн *критикования*»¹². В этом «предисловии» (Каченовский подробно разбирает и сличает два его французские перевода) недостает, по наблюдению «киевского жителя», именно «критического» пафоса: рецензента не удовлетворяет именно позиция «последнего летописца», которую сознательно избрал для себя автор «Истории государства Российского»¹³.

¹¹ Дмитриев М. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 113.

¹² Вестник Европы. 1818. Ч. 101. № 18. С. 127. Продолжение там же: 1819. Ч. 103. № 2. С. 117–132; № 3. С. 198–208; № 4. С. 289–298; Ч. 104. № 5. С. 45–53; № 6. С. 124–136.

¹³ См.: Кудрявцев И.А. «Вестник Европы» М.Т. Каченовского об «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина // Труды Моск. Историко-архивного ин-та. 1965. Т. 22. С. 211–249.

При этом желчный Каченовский, критикуя не столько Карамзина, сколько его переводчиков, по выражению М. Дмитриева, «начал жевать его предисловие и привязываться к словам». Его огромное «Письмо» было сухо и наукообразно — и совсем непонятно широкому читателю. Для приятелей Карамзина и его наследников-«арзамасцев» уже само «дерзновение» критиковать великое создание человека, который почитался «infaillible, как Папа Римский», было «профанацией, почти святотатством»¹⁴.

При этом сомнительная репутация редактора «Вестника Европы» сформировалась как раз в пору полемики о «банном строении». П.А. Вяземский в письме к К.Н. Батюшкову от 9 декабря 1811 г. привел характерную сценку стычки «Профессора-журналиста» с издателем «Аглаи» П.И. Шаликовым, «Князем журналистов»:

«И вот едет Шаликов на паре лошадей по большой дороге, и вот приближается к Московской заставе и въезжает. Пообчистившись, колико возможно ему было, от грязи, едет он на извозчике в типографию, и вот уже и входит! и вот уже пускают вопли мщения чернила, бумага и весь причет книгопечатания! “Добро! вот я вам дам! Ведь я опять здесь!” — записал издатель “Аглаи”, и вот весь причет книгопечатания, объятый ужасом, умолкает!

И вот входит в типографию Каченовский переписывать из старых книжек “Вестника” статьи на будущие, надеясь, как умный человек, на дурную память своих читателей!

И вот Князь журналистов подходит к Профессору-журналисту и журчит ему: “Милостивый государь! позвольте мне спросить, получили ли Вы мое письмо, где я говорю о бедной женщине, прося мое письмо поместить в Вестнике?” — “Получил” — “А почему не напечатали?” — спрашивает Князь журналистов, поправляя розу, приколотую у него на фраке! — “А потому — отвечает Профессор-журналист, поправляя зеленый зонтик, висящий у него на глазах, — что Вы называете эту женщину *супругою*, а об муже ее ни слова не говорите. И следственно, напечатать Ваше письмо, я бы мог ввести себя в неприятное положение против мужа той женщины!” — “Итак, извольте мне отдать моё письмо! оно мне годится для наполнения Аглаи!” — “К сожалению, не могу удовлетворить вашему желанию. Письмо ваше потеряно!” — “Как! мое письмо, плод моего пера, бумага, орошенная моими слезами! — о, вы злой человек! и это все знают!” — “Позвольте усомниться в справедливости ваших слов, — отвечает ему Профессор-журналист, — ибо, хотя я и был бы злым и все бы то знали, и тогда не стали бы говорить, а доказательством тому служите вы: вы дурак, все это знают, а, однако ж, и тут никто не дает себе труда об этом говорить!”»¹⁵.

В сценке, представленной Вяземским, выведены не столько два конкретных «журналиста», сколько две литературные «репу-

¹⁴ Дмитриев М. Главы из воспоминаний моей жизни. С. 116.

¹⁵ Литературный архив: Мат-лы по истории рус. литературы и обществ. мысли. СПб., 1994. С. 126–127.

тации», противостоящие одна другой. Шаликов, олицетворение «чувствительного дурака», — и Каченовский, образ «делового умника»: последний, по определению, должен быть «злым» и воспринимать мир сквозь «зеленый зонтик» на глазах. Против «необходимого злодейства» редактора «Вестника...» и ополчилась московская литературная молва. Корреспондент Вяземского, Батюшков, в письмах называет Каченовского «бритва Парнасская» и представляет как «человека рачительного», «с критическим умом». Кстати, Батюшков был как будто единственным из «арзамасцев», кто, узнав о «набеге Каченовского» на «Историю государства Российского», занял «примирительную» позицию: «Не гневайтесь: Каченовский делает свой долг, Карамзин — свой»¹⁶.

Но именно исполнение «редакторского» долга определило данности «репутации» Каченовского — необходимого «злодея» и педанта. При первом взгляде на эпиграммы А.С. Пушкина можно подумать, что именно Каченовский был его главным врагом в словесности: самое большое число колких эпиграмм поэта разных лет направлено против него и «журнала, совсем не европейского». И какими только «кличками» Каченовский в них не награждается: «Бессмертною рукой раздавленный зоил», «Хаврониос! Ругатель закоснелый», «Клеветник без дарованья», «Охотник до журнальной драки», «Курилка журналист», «зоил Пахом», «древний Кочерговский». Самое же интересное, что поводами для этих эпиграмм стали высказывания и «проделки» не редактора «Вестника Европы», а тех авторов, которые анонимно или под псевдонимами в журнале печатались: А.Г. Глаголева, М.А. Дмитриева и т.п.¹⁷ «Злой паук» Каченовский в этом случае, как водится, был основным «ответчиком».

Тем не менее, деятельность «злого паука» востребовалась Пушкиным — подчас, в самом неожиданном направлении. Про полемику о «банном строении» поэт слышал, — но исключительно «по названию». Большинству читателей представлялось, что предмет спора — какая-то особая конструкция «*бань, в которых парятся*». Пушкин с юности был знаком с этой «конструкцией», поскольку рано полюбил процесс мытья в русской бане — ср. в сохранившемся фрагменте сожженных автобиографических записок: «Вышед из лица, я почти тотчас уехал в Псковскую деревню моей матери. — Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч.»¹⁸. И, конечно, знал, что *баня* — это

¹⁶ Батюшков К.Н. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 130, 203, 516.

¹⁷ См. коммент. М.И. Гиллельсона в кн.: Русская эпиграмма (XVIII — начало XX века). Л., 1988. С. 598–599.

¹⁸ Пушкин. Полн. собр. соч. М.; Л.: АН СССР, 1949. Т. XII. С. 304.

небольшой и непритязательный деревянный сруб с простой печкой-«каменкой» и мойкой внутри...

Однако, Ратмир, герой поэмы «Руслан и Людмила» (действие которой происходит в условной древней Руси), попадает в совсем иное «строение»:

Но прежде юношу ведут
К великолепной русской бане.
Уж волны дымные текут
В ее серебряные чаны,
И брызжут хладные фонтаны;
Разостлан роскошью ковер;
На нем усталый хан ложится;
Прозрачный пар над ним клубится;
Потупя неги полный взор,
Прелестные, полунагие,
В заботе нежной и немой,
Вкруг хана девы молодые
Теснятся резвою толпой.
Над рыцарем иная машет
Ветвями молодых берез,
И жар от них душистый пашет;
Другая соком вешних роз
Усталы члены прохлаждает...¹⁹

В той «русской бане», которую знал Пушкин, не могло быть ни «фонтанов», ни «ковров» и не разместились бы «двенадцать дев». А с другой стороны: кто его знает, каким было «банное строение» в «преданьях старины глубокой»? Не случайно ведь умные историки, разбирая Несторову летопись, спорили о нем! Такой была логика автора поэмы. Разуукрашивая «банное строение», поэт даже и не предполагал, что в летописях и преданьях «банным» могло называться какое-то иное «строение».

Личное знакомство Пушкина с Каченовским произошло только 27 сентября 1832 г. когда поэт посетил Московский университет, где бывлой редактор «Вестника Европы» служил в должности ректора. Перед посещением Пушкин заметил (в письме к жене): «...в Московском университете я оглашенный. Моё появление произведет шум и соблазн, а это приятно щекотит моё самолюбие». (*«Оглашенные, изыдите!»* — возгласение священника во время литургии; нехристиане обязаны были на сие время выходить из храма)²⁰.)

¹⁹ Там же. Т. IV. С. 53.

²⁰ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1881. Т. 2. С. 643.

А после этого «появления» — с удивлением констатировал: «На днях был я приглашен Уваровым в университет. Там встретился с Каченовским (с которым, надобно тебе сказать, бранивались мы, как торговки на вшивом рынке). А тут разговорились [с] ним так дружески, так сладко, что у всех предстоящих потекли слезы умиления»²¹.

И.А. Гончаров, бывший одним из «предстоящих» в этой беседе, уважал Каченовского: «Это был тонкий, аналитический ум, скептик в вопросах науки и отчасти, кажется, во всем. При этом — строго справедливый и честный человек». Особенно выразительно профессор выглядел в минуты полемики: «Щеки его, обыкновенно бледные, загорались алым румянцем и глаза блистали сквозь очки, а в голосе слышался задор прежнего редактора “Вестника Европы”. Он мысленно видел перед собою своих ученых противников и поражал их стрелами своего неумолимого анализа». У него с Пушкиным «нечаянно» возник разговор «по поводу “Слова о полку Игоревом”, разговор, который мало-помалу перешел в горячий спор. [...] Я не припомню подробностей их состязания, — помню только, что Пушкин горячо отстаивал подлинность древнерусского эпоса, а Каченовский вонзал в него свой беспощадный аналитический нож. Его щеки ярко горели алым румянцем и глаза бросали молнии сквозь очки. Может быть, к этому раздражению много огня прибавлял и известный литературный антагонизм между ним и Пушкиным»²². «Слез умиления» Гончаров не зафиксировал.

Но показательно «самоощущение» поэта, недолюбливавшего Московский университет и готовившегося к роли «оглашенного». Вот он оказался — едва ли не впервые — участником публичного спора со «злым пауком», который в свое время много ему насолил. А увидел просто страстного ученого, доказывающего свою правоту — и право на *сомнение*, которое, в сущности, способствует развитию любой науки.

И неважно, о чем спорят: о гениальном памятнике древней письменности — или о «банном строении». Каченовский продемонстрировал такой тип отношения к противнику, который оставался уважительным вне зависимости от конкретных идей, которые противник высказывал. Жаркий спор, оставаясь спором, принимал *дружеские* и даже «умилительные» формы. С чиновником такой спор невозможен — для университетского ученого он естественен. Важно, чтобы оппонент осознавал *предмет* спора, — а совсем не то, что получилось с «банным строением», когда ученая полемика обернулись неуклюжим анекдотом.

²¹ Пушкин. Полн. собр. соч. Т. XV. С. 32, 33.

²² Гончаров И.А. Собр. соч. М., 1954. Т. 7. С. 207—208.

Литература

Гиппиус В.В. «Вестник Европы» // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1950. Т. 1. С. 177–193.

Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М.: НЛО, 1998. 752 с.

Зыкова Г. Журнал Московского университета «Вестник Европы» (1805–1830 гг.): разночинцы в эпоху дворянской культуры. М.: Диалог-МГУ, 1998. 130 с.

Кудрявцев И.А. «Вестник Европы» М.Т. Каченовского об «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина // Труды Моск. Историко-архивного ин-та. 1965. Т. 22. С. 211–249.

Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб.: Наука, 1994. 398 с.

Николай Полевой. Материалы по истории русской журналистики тридцатых годов. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. 542 с.

References

Dmitriev M.A. *Glavy iz vospominanii moei zhizni*. Moscow: NLO, 1998. 752 p. (In Russ.)

Gippius V.V. “Vestnik Evropy”. *Ocherki po istorii russkoi zhurnalistiki i kritiki*. Leningrad: Izd-vo LGU, 1950. V. 1. P. 177–193. (In Russ.)

Kudriavtsev I.A. “‘Vestnik Evropy’ M.T. Kachenovskogo ob ‘Istorii Gosudarstva Rossiiskogo’ N.M. Karamzina”. *Trudy Moskovskogo Istoriko-arkhivnogo instituta*. 1965. V. 22. P. 211–249. (In Russ.)

Literaturnyi arkhiv: Materialy po istorii russkoi literatury i obshchestvennoi mysli. St.-Petersburg: Nauka, 1994. 398 p. (In Russ.)

Nikolai Polevoi. Materialy po istorii russkoi zhurnalistiki tridsatykh godov. Leningrad: Izd-vo pisatelei v Leningrade, 1934. 542 p. (In Russ.)

Zykova G. *Zhurnal Moskovskogo universiteta “Vestnik Evropy” (1805–1830 gg.): raznochintsy v epokhu dvorianskoi kul'tury*. Moscow: Dialog-MGU publ., 1998. 130 p. (In Russ.)

“The Bathhouse Paradox”: on M.T. Kachenovsky’s Literary Reputation

V.A. Koshelev

Abstract: The article considers polemic on “the bathhouse” that took place in Russian journals of 1810s and explores the making of literary reputations and shows the way a scholarly argument transforms into an anecdote, and its topic devoid of its concrete meaning, becomes a subject of an epigram.

Keywords: Russian journalism of the XIXth century, polemic in journals, literary reputation, M.T.Kachenovsky, A.S. Pushkin, *Vestnik Evropy*

Information about the author: Vyacheslav A. Koshelev, Doctor Hab. in Philology, Professor at Azamas Branch of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: viacheslav.koshelev@mail.ru

БУЛГАРИН И ВОКРУГ

3. Письма Ф.В. Булгарина цензорам

А.И. Рейтблат

Аннотация: В статье представлены письма Ф.В. Булгарина (за 1829–1849 гг.) к петербургским цензорам, рассматривавшим его многотомные «Воспоминания» и материалы газеты «Северная пчела». Публикуемые письма не только дополняют картину сложных взаимоотношений Булгарина и цензурных инстанций, но и дают ценный материал для понимания отношения власти к прессе и нарождающемуся общественному мнению в Николаевскую эпоху.

Ключевые слова: русская литература XIX в., Ф.В. Булгарин, журналистика, цензура, А.В. Никитенко, И.И. Срезневский, А.Н. Очкин, К.С. Сербинович, переписка, литературные и издательские стратегии.

Информация об авторе: Абрам Ильич Рейтблат, канд. пед. наук, «Новое литературное обозрение» / Российская государственная библиотека искусств, Москва, Россия: E-mail: reitblat@nlo.magazine.ru

Сорок лет Булгарин выступал в качестве журналиста, причем почти все это время не только как автор, но и как редактор-издатель. И все эти годы одной из главных проблем для него была цензура, которая регулярно запрещала те или иные предназначенные для его изданий материалы, в том числе и самого Булгарина. Вот лишь несколько эпизодов из его цензурных мытарств.

8 октября 1832 г. цензор В.Н. Семенов доложил Петербургскому цензурному комитету, что в очерке «Чиновник», предназначенном для «Северной пчелы», Булгарин «изображает в смешном виде такие предметы, которые не только не заслуживают осмеяния, но еще могут некоторым образом служить к чести чиновников, имеющих ограниченные средства к удовлетворению своих нужд». В результате комитет запретил очерк, поскольку в нем «осмеивается целое сословие чиновников», а Главное управление цензуры 31 октября утвердило это мнение¹. В следующем году 22 сентября Глав-

¹ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 1146.

ное управление цензуры запретило статью Булгарина о романе П.П. Свиньина «Шемякин суд»². В мае 1836 г. по докладу цензора А.В. Никитенко комитет запретил его статью «Успехи разума», представляющую собой «жестокою личность против одного из литераторов московских»³. Булгарин в 1852 г. написал отрицательную рецензию на книгу И.И. Давыдова «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» (СПб., 1851), но министр народного просвещения князь П.А. Ширинский-Шихматов не разрешил печатать ее, так как книга Давыдова была издана Академией наук⁴. И таких цензурных запретов текстов Булгарина и других авторов «Северной пчелы» были сотни. А цензурных вычеркиваний и изменений на порядок больше.

В переписке Греча и Булгарина масса сообщений о том или ином запрете и сетований на придирчивость и трусость цензоров. Прочитируем лишь одно из них. 1 июня 1844 г. Греч писал Булгарину: «Мои работы идут хорошо и без затруднений. Только приводит меня в отчаяние цензура. Запретили статью Полевого о судьбе Долгоруких при Анне Иоанновне, и только потому, что статья предполагается для газеты. В твоей статье [цензор А.Л.] Крылов исключил все, что ты говоришь о пользе простой пищи: он требовал одобрения медицинского начальства. Ужасная судьба! И мы слышем европейцами! Это хуже киргизского и готтентотского просвещения»⁵. А вот сетования Булгарина в письме А.В. Никитенко от 11 января 1839 г.: «...что г. [А.И.] Фрейганг делает с нами, это ужас! Только что принесли к нему “Пчелу”, тотчас за красные чернила и пошел чертить, не обращая внимания на конец и выводы»⁶.

В то же время получение цензурного разрешения не снимало с Булгарина ответственности. Он не раз получал выговора за публикации, хотя они были разрешены цензором. Например, когда Булгарин по поводу смерти попечителя Дерптского учебного округа Е.Б. Крафстрема позволил себе «публичное суждение об умершем сановнике, толки о направлении его деятельности и даже намеки на недостаток в нем учености», министр народного просвещения

² См.: РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 581.

³ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 1317.

⁴ См.: Усов П.С. Ф.В. Булгарин в последнее десятилетие его жизни // Исторический вестник. 1883. № 8. С. 301; Видок Фиглярин: Письма и записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Изд. подгот. А.И. Рейтблат. М., 1998. С. 586–588.

⁵ Цит. по: Рейтблат А.И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. М., 2016. С. 395.

⁶ Русская старина. 1900. № 1. С. 175. О цензурных запретах материалов для СП см. также: [Стасов В.В.] Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. № 4. С. 169, 174–177; № 7. С. 141–144; № 8. С. 419–420; № 9. С. 649–651, 657–658; 1904. № 2. С. 440–441.

23 ноября 1854 г. предписал попечителю Петербургского учебного округа сделать ему «строгий выговор с объявлением, что в случае дальнейших с его стороны нарушений цензурных правил он подвергнется строжайшему по законам взысканию»⁷.

Но и цензоры не раз страдали из-за того, что разрешили напечатать в газете тот или иной материал. Например, в 1825 г. цензурный комитет получил замечание за публикацию в «Северной пчеле» (№ 60) «Военной новгородской песни 1170 года»⁸, в 1834 г. министр народного просвещения С.С. Уваров предписал попечителю Петербургского учебного округа «внушить цензору, рассматривающему “Северную пчелу”, наблюдать большую осторожность насчет статей», «неприятных к высшим классам»⁹, о чем и было объявлено цензору В.Н. Семенову, а в следующем году Семенов получил выговор за то, что в объявлении об издании книги Булгарина «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях» пропустил фразу о том, что в книге будет рассмотрено отношение верховной власти и церкви к государству¹⁰, в 1840 г. цензоры Крылов и Е.И. Ольдекоп получили выговор за помещенные в № 220 «Северной пчелы» «Фельетонные заметки о Москве»¹¹, в 1851 г. цензор Крылов получил выговор за публикацию в «Северной пчеле» перевода с немецкого статьи «Императорская публичная библиотека в С.Петербурге» (№ 236)¹², и т.д.

Казалось бы, как человек умный, понимающий желания властей и хорошо чувствующий, что можно и что нельзя печатать в данное время, Булгарин не должен был конфликтовать с цензурой. Однако все было не так просто. Как опытный журналист, он стремился привлечь читателей и печатать интересные и по возможности острые материалы, а цензуру именно такие материалы и не устраивали. Кроме того, как публицист с определенной идеологической программой, он стремился пропагандировать свои взгляды, вполне лояльные и направленные на поддержку действий власти. Но император не нуждался даже в похвалах и одобрении своих действий, потому что считал, что поданные должны повиноваться без рассуждений, их дело исполнять, а не думать. И наконец, среди цензоров было немало недалеких и трусливых людей, которые перестраховывались и не пропускали даже то, что вполне можно было печатать. Вот характерный случай, о котором Булгарин писал

⁷ РГИА. Ф. 777. Оп. 2. Д. 98–1854. Л. 1–2.

⁸ См.: РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 445.

⁹ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 717.

¹⁰ См.: РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1298.

¹¹ См.: ОР РНБ. Ф. 865. № 386. Л. 28 об.

¹² См.: РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 2682.

26 октября 1848 г. профессору истории Санкт-Петербургского университета и члену-корреспонденту Петербургской академии наук Михаилу Семеновичу Куторге (1809–1886): «Посылаю Вам важный документ для истории просвещения в России! Беда только, что потомки не поверят истине. Прости Господи тех, которые выбрали в цензоры гг. Крылова, Елагина¹³ et consorts! Гунны, авары и аланы¹⁴ в сравнении с ними — англичане! Особенно велик Елагин! — Он всеми силами стремится к тому, чтоб с нами сбылось то, что Тацит говорит о римлянах (в “Жизни Агриколы”, на 1 стр.): “Memoriam quoque ipsam cum voce perdidissemus”¹⁵. Полюбуйтесь, как этот мудрый Елагин вычеркнул объявление о вашей книге¹⁶ и

¹³ Александр Лукич Крылов (1798–1858) — профессор истории, географии и статистики Петербургского университета, цензор Петербургского цензурного комитета в 1831–1853 гг. По словам А.В. Никитенко, «самый трусливый, а следовательно, и самый строгий» из цензоров (*Никитенко А.В.* Дневник. М., 1955. Т. 1. С. 180). Крылов цензурировал (с перерывами) «Северную пчелу» в 1833–1853 гг. См. письмо Булгарина к нему и рапорт Крылова начальству 1848 г.: Голос минувшего. 1913. № 4. С. 225–226; о запрете Крыловым статьи Булгарина в 1852 г. см.: Русская старина. 1887. № 11. С. 486. Николай Васильевич Елагин (1817–1891) — цензор Петербургского цензурного комитета (1848–1857). В 1848, 1849 и 1853 гг. цензурировал «Северную пчелу».

¹⁴ Гунны, авары и аланы — кочевые народы античности и Средневековья, исчезнувшие до Нового времени. Тут упомянуты в качестве диких, нецивилизованных людей.

¹⁵ Булгарин цитирует последнюю фразу следующего фрагмента сочинения Публия Корнелия Тацита «О жизни и характере Юлия Агриколы» (98-й год): «Мы прочитали о том, что восхвалявшие Тразею Пета — Арулен Рустик, Гельвидия Приска — Геренний Сенецион были осуждены за это на смерть и что казни подверглись не только сами писатели, но и их книги, ибо триумвирам вменили в обязанность сжечь в той части форума, где приводятся в исполнение приговоры, творения этих столь светлых умов. Отдавшие это распоряжение, разумеется, полагали, что подобный костер заставит умолкнуть римский народ, пресечет вольнолюбивые речи в сенате, задушит самую совесть рода людского; сверх того, были изгнаны учителя философии и наложен запрет на все прочие возвышенные науки, дабы впредь нигде более не встречалось ничего честного. Мы же явили поистине великий пример терпения; и если былые поколения видели, что представляет собою ничем не ограниченная свобода, то мы — такое же порабощение, ибо нескончаемые преследования отняли у нас возможность общаться, высказывать свои мысли и слушать других. И вместе с голосом мы бы утратили также самую память, если бы забывать было столько же в нашей власти, как безмолвствовать» (*Agriкола: 2, 1*; пер. А.С. Бобовича).

¹⁶ Речь идет о книге М.С. Куторги «История афинской республики от убийства Иппарха до смерти Мильтиада» (СПб., 1848). По-видимому, Елагина смущало то, что книга посвящена республике, в то время как публикации о республиканском образе правления всегда вызывали в имперской России настороженное отношение. Объявление о продаже книги в магазине И.И. Глазу-

с какою щедростью разлил, при этом случае, красные чернила!! Попечитель [М.Н. Мусин-Пушкин] — человек умный и добрый — но не употребляет своей власти для обуздания своеволия глупейших в мире цензоров!»¹⁷.

Поэтому Булгарину приходилось выстраивать сложную линию поведения, чтобы по возможности максимально успешно преодолевать цензурные препоны и минимизировать потери. Для этого он использовал несколько методов:

— в записках в III отделение добивался смягчения цензурных порядков. Опираясь на М.Я. фон Фока, Булгарин вел длительную борьбу против старого («чугунного») Цензурного устава 1826 г. и внес немалый вклад в создание нового, значительно более либерального устава 1828 г.¹⁸ Кроме того, он не раз высказывался в пользу снятия запрета на публикацию театральных рецензий и добился своей цели¹⁹;

— в этих же записках настаивал на изменении персонального состава цензоров — устранении малокультурных и консервативных цензоров и замене их здравомыслящими и образованными²⁰; эти пожелания при реформе цензуры были, видимо, учтены; по крайней мере, его рекомендации по отстранению одних и назначению других лиц совпали с тем, что было сделано;

— использовал тот факт, что «Северная пчела» была официально. III отделение либо заказывало ее редакторам, либо передавало в редакцию написанные другими лицами статьи, в которых под видом частных мнений проводилась правительственная точка зрения на важные государственные события — войны, эпидемии, смерти и бракосочетания членов императорской семьи и т.п. Об этом главный начальник III отделения не раз сообщал цензурным инстанциям. Вот характерное письмо А.Х. Бенкендорфа от 8 ноября 1830 г. министру народного просвещения К.А. Ливену (которому подчинялась цензура): «На почтеннейший отзыв Вашей Светлости

нова все же было напечатано через 10 дней (№ 249. 5 нояб.), а 23 ноября в «Северной пчеле» была опубликована и рецензия М.С. Стасюлевича на эту книгу (№ 264. Подп.: М.С.).

¹⁷ ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 2. Д. 45.

¹⁸ См.: *Гиллельсон М.И.* Литературная политика царизма после 14 декабря 1825 г. // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1978. Т. 8. С. 195–218. Ряд опубликованных в этой статье записок (на с. 202–203, 214–215, 217), атрибутируемых автором по почерку М.Я. Фоку, принадлежат, с нашей точки зрения, Булгарину и только переписан Фоком. См. также: Видок Фиглярин. С. 89–90, 123, 132, 156, 184, 205, 218–219, 223, 281–282, 345–346.

¹⁹ См.: *Рейтблат А.И.* Борьба Булгарина за отмену запрета на публикацию театральных рецензий // Рейтблат А.И. Фаддей Венедиктович Булгарин... С. 224–241.

²⁰ См.: Видок Фиглярин. С. 84–85, 120–121, 219, 288–289, 301, 543–545.

от 1 сего ноября касательно до известий, посылаемых мною для напечатания в “Северную пчелу”, честь имею ответствовать, что г. цензор, как он и сам мне сознался, был убежден, что таковые присылаются по моему приказанию, ибо он, в противном случае, не имел бы права одобрить оные к напечатанию. Если я не уведомлял о сем официально Вашу Светлость, то сие происходило от того, что статьи сии, для достижения цели, должны сохранить характер частности. По сему убеждению покорнейше прошу Вашу Светлость принять сие мое объяснение для собственного только Вашего соображения, не делая оное гласным, и приказать цензуре, чтобы все подобные статьи, представляемые к напечатанию с разрешения III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, были пропущены беспрекословно»²¹. Пользуясь подобным положением, Булгарин нередко апеллировал к руководству III отделения, доказывая, что цензура нарушает прерогативы этого ведомства или вредит государственным интересам. В некоторых случаях он действовал в обход тех или иных цензурных инстанций и через Бенкендорфа получал у императора разрешение на публикацию;

— устанавливал дружеские личные отношения с цензорами, льстил им, оказывал услуги и т.д.;

— угрожал цензором жалобами их начальству или императору;

— в случае необходимости апеллировал к руководителям Петербургского цензурного комитета.

Учитывая ряд названных обстоятельств (готовность Булгарина к спорам и жалобам, возможность поддержки его III отделением и т.п.), цензоры нередко пропускали то, что не пропустили бы у другого. Правда, временами Булгарин позволял себе лишнее. Сказывался его бурный темперамент, неумение в момент гнева контролировать свои действия. Если Булгарин допускал грубости, а то и оскорбления, цензоры жаловались своему начальству. Так было, например, в 1827 г., когда цензор И.Я. Ветринский подал в Главный цензурный комитет обширную докладную записку, в которой просил его «оградить [...] от неблаговременной и несправедливой жалобы» Булгарина²². В результате у Булгарина возникали неприятности и по этой причине.

Богатый материал для понимания булгаринской цензурной стратегии дают его письма цензорам. Часть их опубликована²³. Ни-

²¹ Там же. С. 402.

²² РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 859. См. также: *Рейтблат А.И.* Круги по воде, или Большие последствия одного письма Ф.В. Булгарина // *Литературный факт.* 2017. № 3. С. 215–234.

²³ См. письма П.И. Гаевскому (Отчет Императорской публичной библиотеки за 1892 год. СПб., 1895. Приложение. С. 61–65), А.Л. Крылову (Голос

же печатается еще ряд писем этой тематики цензорам А.Н. Очкину, А.В. Никитенко, К.С. Сербиновичу и И.И. Срезневскому.

Журналиста и переводчика Амплия Николаевича Очкина (1791–1865) Булгарин знал очень хорошо — тот был постоянным переводчиком в его журнале «Северный архив», а во второй половине 1820-х гг. и в «Северной пчеле». В 1841 г. он стал цензором и в 1842–1848 гг. цензурировал «Северную пчелу», а также 3–5 части «Воспоминаний» Булгарина (СПб., 1847–1848). Булгарин был невысокого мнения о нем и писал в записке в III отделение в 1848 г., что «Очкин человек честный, но бесхарактерный и вовсе не имеет понятия ни о политике, ни о свете, ни о людях, ни о стремлении народов, ни о правах государей, ни о современной истории»²⁴.

Хорошо был знаком он и с Александром Васильевичем Никитенко (1804–1877), который дебютировал в печати диссертацией «О политической экономии [...]», опубликованной в булгаринском журнале «Северный архив» (1827. № 23, 24), а вскоре напечатал в «Северной пчеле» некролог профессору П.Д. Лодию (1829. № 86). В 1832 г. он стал профессором русской словесности Петербургского университета, а в 1833 г. и цензором. Он цензурировал «Северную пчелу» (в 1838–1839), а также 2-ю часть «Мазепы» (СПб., 1833) и другие книги Булгарина: «Памятные записки титулярного советника Чухина [...]» (СПб., 1835) и «Воспоминания» (Ч. 1–2. СПб., 1846). Булгарин долгое время поддерживал с ним дружественные отношения, но после того, как в 1847 г. Никитенко стал официальным редактором «Современника», критиковавшего «Северную пчелу» и Булгарина, начал выступать против него. После появления в булгаринской газете отрицательной рецензии на одну из его книг (1848. № 20) Никитенко поместил в «С.-Петербургских ведомостях» обширную статью «Объяснение, однажды навсегда» (1848. № 46–48) с резко отрицательной характеристикой Булгарина.

Константин Степанович Сербинович (1796–1874) — цензор (1826–1830), редактор «Журнала Министерства народного просвещения» (1833–1856), директор канцелярии обер-прокурора Синода с 1836 г., цензурировал «Северный архив» (в 1827), «Северную пчелу» (в 1826–1829), роман «Иван Выжигин» (СПб., 1829), многотомные «Сочинения» Булгарина (СПб., 1827–1828). Булгарин высоко ценил его и в записке для III отделения писал в 1828 г., что «Сербинович — человек отличного поведения и способностей. [...] При всей строгости в отношении к политике и нравственности, Сербинович совершенно понял обязанности ценсора: снисхо-

минувшего. 1913. № 4. С. 225–226), А.В. Никитенко (Русская старина. 1900. № 1. С. 172–184).

²⁴ Видок Фиглярин. С. 544.

дителен в безделицах и вежлив при отказах в делах серьезных. Он снискал доверенность и любовь всех литераторов»²⁵.

Был ему знаком по газетным делам и филолог, профессор Петербургского университета, академик с 1849 г. Измаил Иванович Срезневский (1812–1880), который поместил в «Северной пчеле» отрывки из своей «Истории Малороссии» (1835. № 165, 178, 179). Срезневский в 1846–1850 гг. служил цензором Петербургского цензурного комитета и цензурировал «Северную пчелу» в 1849–1850 гг. и 6-ю часть «Воспоминаний» Булгарина (СПб., 1849).

Публикуемые письма не только дополняют картину сложных взаимоотношений Булгарина и цензурных инстанций, но и дают ценный материал для понимания отношения власти к прессе и нарождающемуся общественному мнению в Николаевскую эпоху.

Ф.В. Булгарин — К.С. Сербиновичу²⁶

Почтеннейший Константин Степанович!

Посылаю вам в рукописи несколько шуточек. Честь и личность издателей неприкосновенны, а характеризуются аллегорически одни издания²⁷. Впрочем, если вам что покажется не тем или даже если целую статейку почтете недостойною печати — принимаю равнодушно, хладнокровно и нисколько не буду беспокоиться. Я сделался почти так же робок, как после освобождения моего из лапок Красовского²⁸. Сбился с панталыку и не знаю более, что

²⁵ Видок Фиглярин. С. 289.

²⁶ Печатается по: РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 919. Л. 1.

²⁷ Имеется в виду юмористическая заметка без подписи и названия, помещенная в «Северной пчеле» [далее: СП] в рубрике «Смесь» 8 января 1829 г. (№ 4). Булгарин писал: ««Северный вестник», объявленный на 1829 год, не родяся — помре! — Вероятно недуг брата его, покойного “Рецензента”, был причиною сей преждевременной кончины, оплакиваемой всеми пиитами, которых песен не хотят напевать другие журналы. Теперь грустным полупевцам ничего не остается, как взяться за издание журнальца вроде “Бабочки”. Бедная “Бабочка”! Ее нагружают такими тяжестями, которые в пору были бы и альпийскому вьючному животному» и т.д.

²⁸ Александр Иванович Красовский (1780–1857) — цензор Петербургского цензурного комитета в 1821–1826 гг., Главного цензурного комитета в 1826–1828 гг., председатель Комитета иностранной цензуры в 1833–1857 гг. В 1825–1826 гг. он цензурировал «Северную пчелу». Был известен как «человек с дикими понятиями, фанатик и вместе лицемер, всю жизнь, сколько мог, гасивший просвещение» (*Никитенко А.В.* Дневник. М., 1955. Т. 1. С. 463).

можно, что нельзя. Решите и верьте, что ничто не разрушит нашего согласия.

Обнимаю вас и целую заочно и пребываю с любовью и уважением ваш навеки

Ф. Булгарин

3 янв[аря] 1829

Ф.В. Булгарин — А.Н. Очкину²⁹

Почтеннейший и добрейший старый друг
Амплий Николаевич!

Примите мою игрушку³⁰, в залог памяти!

При сем случае нужным почитаю пояснить некоторые обстоятельства, в отношениях «Пчелы». При статье «Новейшие известия из Индии»³¹ вы написали: «Подлежит рассмотрению цензуры иностранных дел»³². Само по себе разумеется — и статья уже **была** прежде вас проценсирована, без всяких помарок, Цирлейном³³. Тут же вы прибавили: «Статья эта должна быть печатана в иностр[анных] известиях». Противу этого позвольте апеллировать! Это зависит совершенно от обстоятельств — и мы программой не обязаны *где — что* печатать, на каком месте. Если политическая статья длинна, имеет вид реляции, то чтоб не загромождать листа одной статьей и не выкидывать других заграничных известий — мы печатаем всегда в задних колонках — и это вовсе не вопреки Высочайше утвержденной программе «Пчелы». При статье *о Венденских водах* вы изволили вымарать имя Государя Императора. Имя Государя Императора мы никогда не употребляем *всуе* — и имеем Высочайшее повеление посылать все статьи, где говорится о Государе, к графу Бенкендорфу, и *так делаем*. Статья же о Венденских

Булгарин писал А.В. Никитенко в 1835 г.: «Было время тяжкое, во время Магницкого и Аракчеева, но ни одна моя статья в то время не была запрещена *даже Красовским* [...]» (Русская старина. 1900. № 1. С. 174).

²⁹ Печатается по: ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 2. Д. 43.

³⁰ Речь идет о вышедшей незадолго до комментируемого письма книге Булгарина «Комары: Всякая всячина. Рой 1» (СПб., 1842).

³¹ Булгарин ошибся, речь идет об анонимной статье «Новейшие известия из Китая», напечатанной в СП 16 апреля 1842 г. (№ 85).

³² Имеется в виду цензура при Министерстве иностранных дел.

³³ Эдуард Карлович фон Цирлейн (Эдуард Франц; 1786–1844) — сторонний цензор Петербургского почтамта, действительный статский советник. Греч писал Булгарину в 1839 г., что «Цирлейн выводит иногда из терпения своей глупостью» (цит. по: *Рейтблат А.И.* Фаддей Венедиктович Булгарин. С. 381).

водах *сообщена* нам графом Бенкендорфом, с приказанием — печатать — и мы не могли повиноваться вашей помарке³⁴.

Итак: все, что говорится о Государе, цензируется графом Бенкендорфом, все политическое, сиречь *современные происшествия*, — Цирлейном — и *поставляется непременно* к ним — ибо наша бутылка нам так же дорога — а потому насчет этих двух предметов — можете быть спокойны! Мы не дерзнем преступить приказания — Царя! — Уф! Страшно!

Остальное в вашей власти! Хорошо я знаю, что Ценсурный устав — *не существует*, и покоряюсь смиренно обстоятельствам! Не вы и не я в этом виноваты!

Скажу вам, при случае, словцо о моих «Комарах»! Нет примера ни в одной литературе, чтоб столько *союзов* восставало против *одного* человека — как это делается противу меня. Бесстыдные брани и клеветы в журналах, пропускаемые *личным врагом* моим, по Дерпту, *Куторгою*³⁵ — и бессмысленным Крыловым — запрещение ценсоров защищаться в «Пчеле» — принудили меня раз навсегда высказать пред публикою правду, в виде шуточки — насчет клеветы и *доносов* — ибо на меня специально *доносили* — так называемые *хлевные* аристократы-бумагомаратели! Всякая *личность* мною устранена — ибо критику и сатирику принадлежит только литературное поприще его врага. Домашняя жизнь и характер — не мое дело. — Ни имен, ни лиц — *не существует*. Вместо действия — область фантазии! Ни одного писаку, даже у антиподов, — не представляют вором, шпионом, взяточником — а изображают тем, чем они есть — дураками! Со мной не так поступают князь-ублюдки³⁶!

³⁴ Город Венден в Лифляндской губернии (ныне — в Латвии) славился своими лечебными водами. Но в «Северной пчеле» статьи о венденских водах не было, была только статья К. Шкалина «Кончезерские марциальные воды в Олонецкой губернии» (1842. № 85. 16 апр.), в которой шла речь о Петре I, что и могло вызвать пристальное внимание цензора.

³⁵ Степан Семенович Куторга (1805–1861) — зоолог и минералог, профессор Петербургского университета; цензор Петербургского цензурного комитета в 1835–1848 гг. В 1836–1837 гг. он цензурировал «Северную пчелу». Куторга в 1828–1832 гг. учился в Дерптском университете, а у Булгарина под Дерптом было имение Карлово, и он несколько раз конфликтовал с дерптскими студентами. В записке, поданной в 1848 г. в Особый комитет для рассмотрения действий цензуры периодических изданий (Меншиковский комитет), Булгарин так характеризовал его: «...ученый скотоврач (попросту коновал) и натуралист, сроду не читал ни одной литературной книги и ни одной газеты. Скотов он знает, а о людях и делах не имеет ни малейшего понятия» (Видок Фиглярин. С. 544).

³⁶ Речь идет о П.А. Вяземском и В.Ф. Одоевском, которые не раз выступали с личностными нападками на Булгарина. Вяземский в 1824–1831 гг. сочинил и распространил несколько эпиграмм на Булгарина (см.: Русская эпиграмм-

Обнимаю вас от души и прошу быть уверенным — что во всяком случае жизни — вы найдете *верным* дружбе — Ф. Булгарина
14 апреля 1842.

P.S. Mille complimens á madame!³⁷ Деток целую³⁸ — и скоро явлюсь к ним лично.

Ф.В. Булгарин — А.В. Никитенко³⁹

1.

Отец и командир Александр Васильевич!

Сделайте милость, воззрите милостивым оком на бедную «Пчелку». А.И. Фрейганг⁴⁰ пропустил две *игры слов* (jeux de mots) противу «Биб[лиотеки] для чтения»: одну за *Телемака*, другую за *недо-*

ма. Л., 1988. С. 221–222), опубликовал эпиграмму «Синонимы: гостинная — салон» (Московский наблюдатель. 1836. Июнь. Кн. 2) и басню «Хавронья» (Отечественные записки. 1845. № 4). Об их взаимоотношениях см.: *Гиллельсон М.И.* П.А. Вяземский (по указ.); Остафьевский архив. СПб., 1899 Т. 2, 3. (по указ.); *Лернер Н.* Эпиграммы Вяземского на Булгарина // Русская старина. 1908. № 1. С. 113–117; *Вацуро В.Э.* Страничка из жизни Грибоедова // Пушкин и другие. Новгород, 1997. С. 168–171). Одоевский в анонимных и псевдонимных выступлениях неоднократно задевал Булгарина (см.: *Размоткин С.* [Одоевский В.Ф.] Утро журналиста // Отечественные записки. 1839. № 12; [Одоевский В.Ф.] [Рец. на: Чтения о русском языке Николая Греча. СПб., 1840] // Отечественные записки. 1840. № 9; *Плакун Горюнов* [Одоевский В.Ф.]. Записки для моего праправнука о литературе нашего времени и о прочем // Отечественные записки. 1843. № 2, и др.; см. также: *Одоевский В.Ф.* О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина // Русский архив. 1864. № 7/8). О взаимоотношениях Булгарина и Одоевского см.: *Сакулин П.Н.* Из истории русского идеализма. Князь В.Ф. Одоевский. М., 1913. Т. 1. Ч. 1, 2 (по указ.); *Мещеряков В.П.* А.С. Грибоедов и полемика «Мнемозины» с «Литературными листками» // Русская литература. 1980. № 3. С. 164–167. «Комары» содержат выпады против Вяземского (с. 13, 240, 241), Одоевского (с. 143–144), В.Г. Белинского, А.А. Краевского, Н.В. Кукольника и др.

³⁷ Тысяча комплиментов мадам (*фр.*). Речь идет о жене Очкина Наталье Христиановне (урожд. Зон).

³⁸ У Очкина было пятеро детей: Марья (род. 1832), Петр (род. 1833), Александр (род. 1834), Пелагея (род. 1838) и Анна (род. 1840).

³⁹ Печатаются по: ИРЛИ. № 18439. Часть писем была опубликована ранее (см. примеч. 23), здесь воспроизводятся как письма, не вошедшие в указанную подборку, так и некоторые из представленных там (с устранением неточностей и восполнением пропусков), связанные с изданием «Воспоминаний» Булгарина, что необходимо для более полного освещения этого сюжета.

⁴⁰ Андрей Иванович Фрейганг (1805–1875) цензурировал «Северную пчелу» в 1837–1848 гг.

статок мороза (!). Не личность, не *полемика*, а просто шуточка, остроты пустые. Итак у нас грустно и холодно везде — позвольте иногда разглаживать морщинки шуточками, без всяких *личностей*. Не говорится ни о лице, ни о жизни автора — играем словами, каламбурами только — а это кажется не вредно! Ради бога, будьте снисходительны!⁴¹

С любовью и уважением ваш на веки вечные Ф. Булгарин
4 ноября 1838

2.

Милостивый государь Александр Васильевич!

Пользуясь обещанием Вашим, посылаю статью об алмазах, с просьбою о передаче любезному Гебгарду для перевода⁴², чем чувствительно меня обяжете.

«Пчела» с нетерпением ждет произведения прекрасного вашего пера — биографии доброго Германа — *моего* учителя⁴³.

С душевную преданностью Ваш навсегда верный Ф. Булгарин
22 декабря 1838

⁴¹ Никитенко выполнил просьбу Булгарина, и на следующий день материалы, о которых шла речь, были опубликованы в «Северной пчеле» (№ 251. 5 нояб.). Это были две неподписанные заметки. В одной, называвшейся «О новом переводе Телемака», высмеивался критический отзыв в «Библиотеке для чтения» о романе Ф. Фенелона «Телемак», а в другой, помещенной в рубрике «Журнальная мозаика», автор (скорее всего сам Булгарин) писал: «Давно не бывало у нас такой прекрасной и сухой осени, как в нынешнем году. Это мы чувствовали и слышали от всех. Теперь из ноябрьской книжки Библиотеки для Чтения (в отделении Литер[атурной] Летописи, стр. 40) узнаем мы, с удивлением, что XV том Энциклопедического лексикона потому не может выйти в срок, что “издатель *вдруг* испытал остановку в доставке бумаги с бумажной фабрики, которая не успевает изготовлять ее в достаточном количестве по причине *продолжительной сырой* осени и *недостатка* в морозах”. *Недостаток* в морозах!?! Только этого *недоставало!* Бедный русский язык — терпи, атаман будешь».

⁴² Речь идет о чиновнике и педагоге (преподавателе математики) Иване Карловиче Гебгардте (?–1881), частом посетителе вечеров Никитенко 1830-х гг. Переведенная им статья «Алмаз» была помещена в СП 18 января 1839 г. (№ 14).

⁴³ Речь идет о статье А.В. Никитенко «Воспоминание о Карле Федоровиче Германе» (СП. 1839. № 213, 214. 22, 23 сент.). В «Воспоминаниях» Булгарин писал: «По экзамену переведен я снова через класс, именно в третий верхний, из которого уже выпускали в офицеры, в армейские полки. По всем частям баллы у меня были хорошие, и потому новые учителя приняли меня отлично. В этом классе уже преподавали статистику, физику и полевую фортификацию; первую — ученый и добрый Герман (скончавшийся в звании инспектора классов Смольного монастыря и оказавший русской статистике большие услуги)» (*Булгарин Ф.В.* Воспоминания. СПб., 1846. Ч. 2. С. 9–10).

3.

Почтеннейший и добрейший Александр Васильевич!

Доставьте мне истинное наслаждение пожалованием ко мне завтра в четверг 2 февраля, в 4 часа пополудни, на русские блины, в доброй компании, между своими.

Истинно вас уважающий и душевно любящий Ф. Булгарин
1 февраля 1839. Среда

4.

Милостивый государь Александр Васильевич!

Чсть имею уведомить Вас, что прекрасная статья Ваша будет напечатана в «Пчеле» в пятницу и субботу, для того именно, чтоб дать более насладиться ею, в день воскресный⁴⁴. Очкин извещен об этом.

С истинным почтением и преданностью чсть имею быть вашим [слугою? слово нрзб] Ф. Булгарин
19 сент[ября] 1839. СПб.

5.

Почтеннейший Александр Васильевич!

Вы никогда еще не отведали моего хлеба-соли, сколько раз я не просил вас. Это грех русский! Я один из древнейших ваших знакомых, и мы никогда еще не посмотрели косо друг на друга — зачем же отказываться от дружеского приглашения. Вы будете в своем кругу. Итак, пожалуйста завтра, 7 ноября, в 4 часа откусать хлеба-соли у любящего и уважающего Вас Ф. Булгарина

6 ноября 1839

6.

Почтеннейший и добрейший Александр Васильевич!

Умоляю Вас именем всех святых угодников, будьте снисходительны к немчику, дерптскому студенту, желающему поступить в здешний университет во 2-й курс. Вы знаете, что при любви к русскому языку он скоро догонит здесь курс русской словесности, на которую в Дерпте обращают мало внимания. *Protégé* мой называется Александр Федорович Гассе, сын истинного моего друга⁴⁵, юноша с хорошими способностями и познаниями — он не обесчестит, а украсит ваш университет и будет самым прилежным Вашим слушателем. Но начало при переходе в русский университет из немецкого весьма трудно. Пособите по-отечески — а это по-

⁴⁴ Имеется в виду статья, упомянутая в предыдущем примеч.

⁴⁵ Речь идет о жителе Дерпта (имение Булгарина Карлово располагалось рядом с этим городом).

даст охоту и другим хорошим студентам дерптским перейти в Петербург.

С истинною и душевною преданностью был, есть и буду ваш верный Ф. Булгарин

12 августа 1840. СПб.

7.

Почтеннейший и добрейший Александр Васильевич!

Одолжите заехать сегодня на часок, часу в восьмом вечера, послушать новоприбылых из Вены музыкантов — [слово нрзб.] немецкие фарсы, пенье, колокольчики⁴⁶.

Душевно преданный Ф. Булгарин

3 ноября 1840. Воскресенье

8.

Почтеннейший Александр Васильевич!

В надежде на всегдашнее Ваше ко мне расположение прошу у Вас покровительства для сына друга моего Гассе — на счет русского языка. Охота у него сильная — но скоро нельзя немцу победить трудностей. Впрочем, под Вашим просвещенным руководством он успеет.

С душевною преданностью остаюсь навеки ваш верный Ф. Булгарин

24 мая 1841. СПб.

9.

Почтеннейший и добрейший Александр Васильевич!

Я был в Дерпте и, приехав третьего дня, нашел Ваше письмо на столе. Желанье Ваше будет непременно исполнено, и я был бы счастлив, если б мог все сделать так легко — что только вы ни пожелаете, ибо я душевно вас люблю и уважаю⁴⁷.

Ваш верный Ф. Булгарин

26 августа 1841

⁴⁶ По-видимому, речь идет о труппе чеха Странского, дававшей концерты в частных домах. См. анонимную заметку о ней: Музыкальная труппа Странского // СП. 1840. № 255. 9 нояб.

⁴⁷ По-видимому, Никитенко просил опубликовать в «Северной пчеле» «Письмо к издателям», которое было помещено в газете через день, 28 августа (№ 191). В нем Никитенко в ответ на письма из провинции, в которых к нему обращались как к редактору журнала «Сын отечества» (Никитенко был официальным редактором его в 1840 г.), сообщал, что в настоящее время он никакого отношения к этому журналу не имеет.

10.

Почтеннейший Александр Васильевич!

Извините, что я до сих пор не доставил Вам «Комаров»⁴⁸. Причина та, что мне схотелось быть самому у вас — и потолковать кое о чем — по семейным обстоятельствам — и болезнь жены и детей — свели меня почти с ума. Читите и не казните!

Передаю вашему покровительству молодого Гассе — который по моему совету сделался русским из лифляндца и переехал в Петербург. Он не имеет ни одного покровителя, а юному древу нужна подпора.

С истинным и душевным уважением и преданностью верный навсегда Ф. Булгарин

17 мая 1842

11.

Отец и командир!

Больно мне самому беспокоить Вас больного — но как тут произошла *ошибка* — то и должен решиться на это. Вы мне прислали *последнюю главу*, сиречь: *конец* первой части — а у вас есть еще 8-я глава — и как эта 8-я глава *не подписана* — то и есть *недогазумение*.

Молю Бога, да возвратит Вам здоровье, драгоценное для русской литературы и всех честных людей.

Душевно преданный Ф. Булгарин.

11 мая 1845

12.

Почтеннейший и добрейший Александр Васильевич!

Если б вы знали, сколь важно для меня в моих семейных делах скорый выход в свет моих «Воспоминаний», то по душевной доброте Вашей и по всегдашней ко мне благосклонности, невзирая на многочисленность Ваших занятий, — прочли бы скоро мою рукопись. Прилагаю окончание 1-й части, умоляю поспешить! Имей я весь манускрипт в руках — в две недели было бы напечатано.

Отче мой, не оставь мя вскуе⁴⁹!

С душевным уважением и искреннею преданностию есмь навсегда верный Ф. Булгарин.

15 окт[ября] 1845. СПб.

⁴⁸ Объявление о поступлении этой книги в продажу было помещено в СП 11 апреля (№ 81).

⁴⁹ Вскую — напрасно, без причины (*церк.-сл.*).

13.

Отец и командир Александр Васильевич!

Я был жестоко болен. Теперь выздоравливаю. Ольхин⁵⁰, мой полномочный посол, сказал мне, что вы хотели возвратить рукопись в понедельник.

Благоволите же назначить, в котором часу явиться мне к вам! Ой, нужно, нужно, нужно!

Отче! я перед вами аки овца — не спору и не прекословлю, но смиренно протягиваю выю. Делайте, что хотите, я вам верю и без консультации комитета⁵¹, где один голос премудрого Крылова испортит дело, как ложка дегтя в бочке меду! А милый мой Фрейганг!

Господи! Вскуе мя создал еси! Душевно преданный Ф. Булгарин.
Воскресенье. 28 окт[ября] 1845

Дом Меняева № 93 на Невском проспекте за Аничковым мостом⁵².

14.

Отец и командир Александр Васильевич!

В понедельник «зван бых и приидох»⁵³ — с утра посылал посланца, а ввечеру сам явился, хотя и знал, что услышу роковое: *дома нет!*

Сжался, ах, отец родной!
Над несчастным сиротой.
Прекрати мои стенанья,
Возврати «Воспоминанья»!
А я, истину любя,
Вспомню сердцем про тебя!

Много ли у вас? Всего — *пять* глав, не более 6-ти печатных листов! В час можете прочесть. Ужели там так много *страшного*? Этого я и не подозревал, хотя и ремесло и положение наше постигнул.

Ради Бога, назначьте $\frac{1}{4}$ часа на свидание. И этого много! Пяти минут довольно. Как прикажете, так и будет сделано — без малей-

⁵⁰ Матвей Дмитриевич Ольхин (1806–1853) — петербургский книгопродавец и издатель. С самого открытия его магазина в 1842 г. был тесно связан с Гречем и Булгариным: у него находилась контора «Северной пчелы», он выпускал их книги.

⁵¹ Имеется в виду Петербургский цензурный комитет. В случае сомнений цензор мог перенести решение спорного вопроса на заседание комитета.

⁵² Речь идет о доме купца Петра Федоровича Меняева. В этом доме Булгарин жил с 1837 г. до конца жизни.

⁵³ «Зван бых и приидох» — пословица, отсылающая к евангельской притче о брачном пире (Мф. 22: 1-14; Лк. 14: 16-24).

шего *возражения*. Я — питомец школы Александра Лукича Крылова et consorté⁵⁴ —

и душевно преданный Вам Ф. Булгарин.

29 окт[ября] 1845. СПб.

15.

Отец и командир Александр Васильевич!

У меня такая система, что после каждой *правды* я помещаю *облегчительные обстоятельства*: *circonstance atténuante*⁵⁵, следовательно, если вы прочтете *полное изложение* какого дела, то оно представится вам в другом виде. Зная вашу благонамеренность и просвещение, я убежден, что вы так и делаете, но простите мне, как прощает доктор больному: что у кого болит, тот о том и говорит!

На место исключенных мест препровожаю заметки, которые прошу покорнейше пересмотреть, и при сем честь имею препроводить 1-ю главу 2-й части.

Вчера я никак не мог быть у вас к крайнему моему сожалению и, как в течение целой недели Вы заняты и не принимаете, то я в отчаянии! Нельзя ли вам назначить мне свидание на неделе, вечером, только на 10 минут, чем крайне меня обяжете.

С истинным уважением и душевною привязанностью ваш покорный слуга Ф. Булгарин.

3 ноября 1845. СПб.

16.

Благороднейший и добрейший Александр Васильевич!

Ради Христа умоляю о возвращении двух последних глав (8 и 9) первой части «Воспоминаний» — и двух вставных листов — об экономе *Боброве* и *воздухоплавании*, и почту это личным одолжением. Крайняя нужда до зарезу!

Душевно уважающий и преданный Фаддей Булгарин

11 ноября 1845. СПб.

17.

Отец и командир Александр Васильевич!

Да ниспошлет Вам Господь здравие, для блага литературы и на радость всем добрым людям!

Вы были так добры, что сообщили мне 9-ю, т.е. *последнюю* главу 1-й части «Воспоминаний» — но без 8-й главы я не могу печатать — и *дело остановилось*. 8-я глава самая пустая — тут толь-

⁵⁴ с сотоварищами (*фр.*).

⁵⁵ смягчающие обстоятельства (*фр.*).

ко *кадетские рассказы*. Если б Вам было тяжело читать: позвольте сообщить Вам в корректуре!⁵⁶

Извините, что надоедаю!

Душевно преданный Ф. Булгарин

13 ноября 1845. СПб.

18.

Отец и командир Александр Васильевич!

В моих «Воспоминаниях» в XIII главе сказано было, что в начале царствования императора Александра — *первым щеголем* в гвардии был тогдашний плац-майор *Иван Савич Горголи*⁵⁷. Вы изволили вымарать имя, отчество и фамилию и оставили только заглавные буквы. Я видался с И.С. Горголием и спросил его, не противно ли ему будет, если я скажу, что он в свое время был *первым щеголем*? Он решительно отвечал, что, напротив, на старости лет это будет ему даже приятно, а потому, если Вы позволите, то я впишу его фамилию. Впрочем, это — маловажность, которую я поместил только для потехи доброго старика, потому что он сам любил об этом рассказывать⁵⁸.

Знаю, как Вы заняты и что вам некогда переписываться с авторами, — но как я без спроса не смею прибавить ни *одного слова* после ценсуры, то и прошу вашего разрешения на этом же письме:

Можно

или

Нельзя. —

Зачеркните одно из этих слов и баста!

Истинно уважающий и душевно любящий Вас Ф. Булгарин.

СПб. 22 нояб[ря] 1845

19.

Отец и командир Александр Васильевич!

Если сие письмо мое не застанет Вас дома, то благоволите или сказать вашему человеку, когда я должен прислать за корректурами — к Вам мною доставленными, или напишите одно словцо — карандашиком. Прошу об одном: если Вам что не понравится — *вычеркните сами* — без всяких комитетов: ибо Вы один из всей санта-германдады⁵⁹ пользуетесь неограниченною моею доверенностью.

⁵⁶ В результате эти главы перешли из 1-й части во 2-ю и стали там, соответственно, 1-й и 2-й главами.

⁵⁷ Иван Саввич Горголи (1773–1862) — генерал-лейтенант, обер-полицей-мейстер Санкт-Петербурга (1811–1821), сенатор (1825).

⁵⁸ В итоге имя, отчество и фамилия Горголи были восстановлены, но это место оказалось в 1-й главе 2-й части (той, что была 8-й по старому счету).

⁵⁹ *Санта-германдад* — испанская жандармерия, основанная в XV в. для

С чувством истинного уважения и душевной привязанности
весь ваш Ф. Булгарин
27 ноября 1845. СПб.

NB. Увы! Только три дня остается до 1 декабря, когда должна
выйти в свет книжка — вместе с «Биб[лиотекой] для чтения»⁶⁰!
Отец родной! Молюсь: «Господи, спаси люди твоя и благослови
достояние твое!»⁶¹.

20.

Отец и командир Александр Васильевич!

Право, не постигаю той удивительной вольности, которую
пользуются «Отеч[ественные] записки», и той неприкосновенно-
сти, которою обеспечен г-н Краевский⁶²! Крылов (цензор) был се-
годня у меня и показал мне исключения из статьи об «Отеч[ест-
венных] записках»⁶³! Я решился перенести суд повыше и всепод-
даннейше просить моего личного благодетеля, Царя православного,
разрешить: почему Краевскому позволено печатно *поносить меня*
самым гнусным образом, топтать мое имя в грязь, употреблять са-
мые низкие выражения⁶⁴, — а мне запрещено даже защищаться!
Дело это должно принять самый серьезный оборот, потому что у
меня собраны акты. Наконец вывели меня из терпенья!⁶⁵

борьбы с разбоем, обладала также судебными полномочиями. Булгарин имеет
в виду Петербургский цензурный комитет.

⁶⁰ Первая часть «Воспоминаний» вышла 7 декабря, а номер «Библиотеки
для чтения», включавший эту часть, — 10 декабря.

⁶¹ Булгарин цитирует тропарь кресту.

⁶² Андрей Александрович Краевский (1810–1889) — журналист, редактор,
издатель «Отечественных записок».

⁶³ Речь идет об обширной рецензии Я.Я.Я. (псевдоним Л.В. Бранта) на ок-
тябрьский и ноябрьский номера «Отечественных записок», в которой дава-
лась общая характеристика журнала. Она была опубликована через несколько
дней (СП. 1845. № 274–276. 4, 5, 7 дек.). Рецензент утверждал, что «Отечест-
венные записки» представляют собой «огромную кучу печатной бумаги, за-
ключающей в себе унижение едва не всех русских литераторов, похвалу
единственно сотрудникам своим, превратные понятия об искусстве, томы
плохих переводов с иностранного и *ничего отечественного*, вопреки назва-
нию журнала, ничего, кроме порчи отечественно языка и дурного примера
молодым писателям» (№ 276).

⁶⁴ Основной критик «Отечественных записок» В.Г. Белинский постоянно
утверждал, что романы Булгарина малохудожественны и что он печатается
только ради денег, обвинял Булгарина в самохвальстве и т.д. См., например:
[Белинский В.Г.] Литературные и журнальные заметки // Отечественные запис-
ки. 1843. № 10. Отд. VIII. С. 123–126; [Он же.] Сочинения Зенеиды Р-вой.
СПб., 1843 // Там же. № 11. Отд. V. С. 5. См. также: *Рейтблат А.И.* Круги по
воде, или большие последствия одного письма Ф.В. Булгарина.

⁶⁵ Булгарин сделал это в марте 1846 г., подав в III отделение посвященную

Прошу всепокорнейше о возвращении метрики моей или свидетельства о крещении⁶⁶. Я сообщил вам вместе с корректурными листами. Во всем покоряюсь вашей воле, скорблю, что должен надоедать Вам — но что же делать. Вольно же вам быть честным, умным и благородным человеком!

28 нояб[ря] 1845. СПб.

21.

Отец и командир Александр Васильевич!

Хоть вовсе запретите предисловие, но только *разрешите дело*, чтоб я мог выдать книжку вместе с «Библиотекой для чтения». Уж когда так суждено, что каждая ракалия может ругать меня и поносить, когда в «Иллюстрации» можно печатать, что я *подделываю к себе письма артистов* (в «Пчеле» на той же неделе было напечатано письмо Рубини)⁶⁷, когда Вяземский может печатать также на меня эпиграммы⁶⁸, а Белинский лаяться как собака в «Отечественных записках», а мне безумно даже нельзя сказать, что на меня клеветают, — пусть будет так! Уж теперь дело только в механизме! Ради бога *решите*, — это предисловие! Ужели даже нельзя сказать, *на каких правах я говорю о современности*, что критика и лай меня не сбили с толку? Вычеркните что угодно — оставьте *два слова* — *запретите вовсе* печатать — только разрешите! Об этом слезно умоляет душевно преданный вам Ф. Булгарин⁶⁹.

29 нояб[ря] 1845

«Отечественным запискам» записку «Социализм, коммунизм и пантеизм в России, в последнее 25-летие» (Видок Фиглярин. С. 490–499).

⁶⁶ В 1-м примечании к 1-й части «Воспоминаний» Булгарин привел цитату из этого документа (на латыни).

⁶⁷ Булгарин включил в свой фельетон анонимное письмо из Вены с критикой западных иллюстрированных журналов (см.: Ф.Б. Журнальная всякая всячина // СП. 1845. № 100. 5 мая). В ответ Н. Кукольник писал: «В чем же обвиняют “Иллюстрацию”?. Прямо и косвенно, изустно и печатно продолжают эти нападения. При этом случае самые усердные порицатели пишут сами к себе письма из Вены, из Парижа, в азарте бросаются на иностранные иллюстрации; обвиняют их в помещении рисунков с фабрик, магазинов и проч. Так как эти господа вовсе незнакомы с Западом, то и в этих письмах обнаруживают то же незнание, как и во всем, чего они коснутся. Не только немецкие, но английские и французские иллюстрации помещают гравюры и статьи о разных фабриках и магазинах; не только помещают, но и получают деньги на художественные расходы...» (От редакции // Иллюстрация. 1845. Т. 1. № 6. 12 мая. С. 81). Письмо Рубини нам разыскать не удалось.

⁶⁸ Булгарин имеет в виду басню «Хавронья» (Отечественные записки. 1845. № 4).

⁶⁹ Предисловие, в котором Булгарин излагал свою версию причин вражды к нему литераторов и критики, было опубликовано в первой части «Воспоминаний».

22.

Отец и командир Александр Васильевич!

Сегодня, в ценсурный *вторник*⁷⁰, отправился я в ценсурный комитет и пустился чрез Неву, не скажу *с опасностью жизни, но с неприятностью*, потому что мостки чинили в середине, и мы должны были пробираться вокруг, по льду. Нет комитета! Биржа есть — и *все*, что составляет *присутствие* — есть, а комитета — нет!

Некто, мне вовсе незнакомый, Николай Иванович Анисимов, сжалился надо мной, *поверил рукопись с книгой* и внял моей просьбе — *отправить к вам билет на выпуск книги*, для отдачи билета мне, если вы найдете, что в рукописи все исправно. Но явился другой человек, объявил, что он секретарь комитета⁷¹ и не соглашается на это! День мой пропал!

Так ли было в старину в ценсуре? Мы выдавали в свет книжки и брали билеты — месяца два позже! Тогда еще верили честному слову!

У нас с Ольхиным заключено условие, что кто будет виноват, если «Библиотека» для чт[ения]» и «Воспоминания» не выйдут вместе, тот платит другому 4000 руб. сер[ебром]. Виноват ли я, что не было комитета, когда есть сообщение с Васильевским островом?

Я облегчил вам весь труд: положил заметки в книге, где опущены вычеркнутые места, и загнул страницы в рукописи, где места вычеркнуты. В ¼ часа можно поверить!

Отец и командир, не задерживайте, ради Бога и всего для Вас святого, здесь идет дело о 4000 руб. серебром!

Вы, верно, ужаснетесь *множеству заметок*, как и я ужаснулся! Не обвиняю Вас! Время!!! А мы, дураки и скоты, плакали во времена Магницкого и Рунича! Да это был золотой век литературы в сравнении с нынешним! Не завидую я месту Уварова в истории! А история — живет, видит и пишет на меди! Имя Торквемады, в сравнении с именем Уварова, есть то же, что имя Людовика XIV в сравнении с именем Омара! Набросил на все тень, навел страх и ужас на умы и сердца — истребил мысль и чувство... Поневоле вспомнишь первую страницу из «Жизни Агриколлы» — Тацита: «Хотели бы лишить нас способности мыслить, как лишили средств говорить, если бы можно было заставить человека не думать, как можно заставить его молчать?»⁷²

⁷⁰ Имеется в виду, что в этот день еженедельно состоялось заседание цензурного комитета.

⁷¹ Имеется в виду Иосиф Васильевич Семенов (1803–1853) — секретарь Петербургского цензурного комитета в 1831–1850 гг.

⁷² См. примеч. 15.

Вовсе не гневаюсь на вас, смотря на этот букет заметок, напротив, зная вас, столько же сожалею об вас, как и о себе! Амен!

Душевно преданный и искренне уважающий Ф. Булгарин
4 дек[абря] 1845. СПб.

23.

Отец и командир Александр Васильевич!

Мучил и терзал я Вас моими «Воспоминаниями», так что думаю и вовек не забудете — но что же и мне бедному делать! Теперь бью челом и повторяю русскую поговорку: «Дал яичко — дай же и облупленное!»

И прошу покорнейше прочесть поскорее — последние строки 2-го тома — и баста! Чтоб Вам легче было читать — прилагаю и корректурные листы. От Вас зависит — чтоб книга вышла в срок, т.е. 1 января⁷³. Стоит посидеть один часик и делу конец!

Ради бога не откажите в этом искренне преданному и высоко уважающему Вас

Ф. Булгарину
26 декабря 1845. СПб.

24.

Отец и командир Александр Васильевич!

Дай Бог вам в *Новом году* того, чего я Вам желаю. Более и себе не хочу!

Сотворите последнюю благостыню и благословите на выход в свет мои бедные «Воспоминания», которые Вас так измучили⁷⁴. Я *приготовил и облегчил* все, стоит только *перевернуть страницы* и поверить⁷⁵, хотя и *слово* мое твердо. За сто миллионов не согласился бы *вставить одно слово*, зачеркнутое ценсурой, ибо это была бы *фальшь*.

Душевно приветствую и обнимаю вас. *Фаддей Булгарин*.
2 января 184[6]. СПб.

НВ. Если, паче чаянья, «Пчелы» вам не принесут, как всегда бывает в начале года непорядок, пожалуйста, дайте знать. Я своей рукой вписал Вас.

⁷³ 4 января в СП сообщалось о выходе из печати 2-й части «Воспоминаний».

⁷⁴ Булгарин ошибочно поставил дату «1845». Письмо относится к началу 1846 г., в нем идет речь о выпуске из типографии ч. 2 «Воспоминаний»; ср. п. № 23.

⁷⁵ То есть сравнить.

Ф.В. Булгарин — И.И. Срезневскому⁷⁶

1.

Милостивый государь Измаил Иванович!

Я заготовил это письмо на случай, если б не застал Вас дома. Соредактор «Библиотеки для чтения»⁷⁷ сказал мне, будто Вы известили его, что отрывок из VI части моих «Воспоминаний» запрещен к напечатанию господином попечителем М.Н. Мусиным-Пушкиным⁷⁸. Вероятно г. Старчевский не уразумел дела. Вчера виделся с его превосходительством Михаилом Николаевичем, и он сказал мне, что прочел с удовольствием мой отрывок, но согласился с Вашим мнением, что надобно смягчить *вступление* и изменить рассказ о Кучаеве⁷⁹, поручив Вам объявить мне об этом. Уважая Ваши познания и характер, я охотно приму все Ваши замечания и исправлю все по желанию Вашему, а потому прошу покорнейше

⁷⁶ Печатается по: СПбФ АРАН. Ф. 216. Оп. 5. Д. 93.

⁷⁷ Имеется в виду журналист Альберт Викентьевич Старчевский (1818–1901). В 1848–1853 гг. он редактировал «Справочный энциклопедический словарь» К. Крайя; в 1848–1855 гг. был вторым редактором журнала «Библиотека для чтения».

⁷⁸ Михаил Николаевич Мусин-Пушкин (1795–1862) — попечитель Петербургского учебного округа и председатель Петербургского цензурного комитета в 1845–1856 гг. В конце 1840-х — начале 1850-х гг. находился под влиянием Булгарина. Вот характерный пример. В 1849 г. Я.К. Грот, публикуя перевод «Очерков из финляндских походов» шведского поэта Й.Л. Рунеберга, написал в сопроводительном тексте, что «несколько любопытных эпизодов из этой войны можно найти (к сожалению, не без примеси неточных и неверных показаний) в “Воспоминаниях” Фаддея Булгарина, участвовавшего в походе 1808 года» (С.-Петербургские ведомости. 1849. № 79. 13 апр.). Обиженный Булгарин писал по этому поводу, что делать подобные заявления без доказательств не принято, и находил к тому же массу ошибок и неточностей в комментариях Грота (Заметки, выписки и корреспонденция Ф.В. // СП. 1849. № 91. 27 апр.). Грот написал ответ Булгарину и через П.А. Плетнева направил его в «С.-Петербургские ведомости». Плетнев писал Гроту 7 мая: «Очкин [редактор «С.-Петербургских ведомостей»] в ответ на мою записку при отсылке ему статьи твоей против Булгарина написал мне в тот же день, что он ее напечатает в воскресенье, т.е. завтра, 8 мая. При этом он прибавил, что хотя нельзя написать скромнее и основательнее возражений, как написал ты, однако же он не совсем уверен, чтобы цензор Срезневский чего-нибудь не вымарал из статьи твоей по тому обстоятельству, что все цензоры боятся Булгарина, который успел низостями своими приобрести особенное к себе благоволение председателя цензурного комитета Мусина-Пушкина» (Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 429; ответ Грота был опубликован 8 мая в № 101 «С.-Петербургских ведомостей»). О влиянии Булгарина на Мусина-Пушкина см. также: *Никитенко А.В.* Дневник. Т. 1. С. 351.

⁷⁹ В опубликованном тексте о Кучаеве ничего не говорится.

назначить мне *день* и *час* свидания. Я явлюсь к Вам тем охотнее, что давно желал лично с Вами познакомиться, но не имел к тому случая.

С истинным уважением и преданностью честь имею быть Вашим покорным слугою Фаддей Булгарин

21 февраля 1849. СПб.

На Невском проспекте за Аничковым мостом, противу канцелярии обер-прокурора правительствующего Синода в доме коммерции советника Меняева, № 93.

2.

Милостивый государь Измаил Иванович!

По отметкам Вашим, красным карандашом, я вычеркнул или исправил *все*, исключая двух, трех мест, которых не умею исправить, а исключение их почитаю убийственным для *связи* целого и притом не вижу в этом ничего даже *сомнительного!* Впрочем — *воля Ваша!* Истребите: подчиняюсь беспрекословно и без апелляции. Но, зная ваше просвещение, вашу благонамеренность и благородный характер, обращаю внимание ваше на два следующие обстоятельства:

1. Полагаю, что сатира или оуждение *современности* могли бы в *нынешнее время* возбудить толки. Но когда *восхваляется* нынешнее, а представляется в тени *прошлое*, показывая успехи России в гражданственности, это совершенно в духе правительства, ибо уничтожает ропот и жалобы, т.е. по крайней мере стремится к уничтожению. В моей благонамеренности никто еще не сомневался — и я действую совершенно в духе правительства.

2. Исторические факты уничтожать совершенно невозможно, особенно если они *в духе правительства*. Польша сама виновата в падении своем⁸⁰, и это надобно непрерывно доказывать, особенно теперь, когда Европа обвиняет в этом Россию и когда в России многие так думают.

Впрочем, предоставляю все Вашему просвещенному вниманию и честь имею быть с истинным уважением и преданностью Вашим покорным слугою Фаддей Булгарин

22 февраля 1849. СПбург.

3.

Милостивый государь Измаил Иванович!

Если б отец мой или сын были цензорами, то я бы никогда не предпринял совращать их от исполнения их обязанностей, по со-

⁸⁰ Об этом Булгарин писал неоднократно; см., например: Суворов. СПб., 1843. Ч. 1. С. 55–56.

вести и по крайнему их разумению. Однако ж позволил бы себе объяснить о деле. Вполне уважая Вас, как человека и как ученого — прошу у Вас позволения объяснить.

Вычеркнутые Вами места в моих «Воспоминаниях» принудили меня, для комплекта листов 6-й части, которую я должен по условию книгопродавцу Печаткину⁸¹, — дополнить листами из седьмой части. Извините, но вычеркнуто именно то, за что правительства не гnevаются, а жалуют, *доказательства*, что герцогство Варшавское⁸² было при Наполеоне *бедное и несчастное* — и прежнее название Царства Польского *благоденствовало* под русским правительством; вычеркнуты причины падения Польши — подтвержденные польскими писателями — наконец вычеркнут эпизод о злодее Пугачеве (когда в то же время пропущен Соллогубу в драме его бунт и грабеж на сцене и побуждение стрельцов к избиению бояр и похищению имущества⁸³) — когда я *доказывал*, что Пугачев ничтожный злодей и пьянюга!⁸⁴ Вы, почтеннейший Измаил Иванович, человек высокопросвещенный, хорошо знаете, что такое *история*, а что *современная* политика — однакож у меня в VI части «Воспоминаний» вычеркнуты все *исторические воспоминания*, приведенные в *русском духе и сообразно современным обстоятельствам*. Ужели и в посылаемом отрывке все историческое должно быть вычеркнуто? Ужели воля правительства истребить *память о прошедшем*, чтоб, как сказал Тацит,

⁸¹ Вячеслав Петрович Печаткин (1819–1898) — издатель, книгопродавец; издавал журнал «Библиотека для чтения» в 1848–1864 гг.

⁸² Великое Герцогство Варшавское было создано Наполеоном в 1807 г. из польских территорий, принадлежавших Пруссии и Австрийской империи. На Венском конгрессе 1815 г. было решено присоединить большую его часть к Российской империи как автономное Царство Польское.

⁸³ Речь идет о драме поэта и прозаика графа Владимира Александровича Соллогуба (1813–1882) «Местничество» (Литературный сборник с иллюстрациями. СПб., 1849. С. 13–142). Однако в театре шло в 1849 г. только 1-е действие (см.: История русского драматического театра. М., 1979. Т. 4. С. 350–351), а попытка поставить пьесу целиком в 1854 г. не завершилась успехом — она была запрещена (см.: *Дризен Н.В.* Драматическая цензура двух эпох. 1825–1881. Пг., 1917. С. 37) именно из-за наличия в драме указанных Булгариным сцен.

⁸⁴ Пассажи о бедственном положении Герцогства Варшавского и причинах падения Польши в опубликованном тексте есть (соответственно в 5-й и 3-й главах VI книги «Воспоминаний»), хотя, возможно, в оригинале они были острее или обширнее). Пассаж же о Пугачеве отсутствует, хотя сохранился рассказ о его сподвижниках, с которыми Булгарин встречался в Кронштадте и от которых слышал рассказы о Пугачеве. Булгарин опубликовал фрагмент из невышедшей второй части книги «Суворов» под названием «Поимка Пугачева» (СП. 1844. № 291. 23 окт.).

«memoriam quoque ipsam cum voce perdidissemus»⁸⁵? — Этому я не поверю, хотя бы мне объявили об этом при колокольном звоне⁸⁶! Я знаю разум нашего доброго царя — действовал во все его царствование и буду действовать до моей смерти в его духе и по его образу мыслей — и убежден твердо, что излагаю мнения, полезные для России и что так на дело смотрит и само правительство. Скажу Вам по сердцу: между нашими цензорами вы как алмаз в капусте — и почему же именно на меня одного вы взглянули сквозь черное стекло! — Будьте строги, как только быть возможно строгим — но взгляните на мой труд *Вашим светлым взором!* Впрочем и совершившаяся беда с моею бедною рукописью — также что бы ни было вперед — не помешают мне любить и высоко уважать Вас — и сими чувствами остаюсь навсегда вам покорный слуга Ф. Булгарин

2 августа 1849. Карлово возле Дерпта

4.

Почтеннейший, добрейший и благороднейший Измаил Иванович!

Мне весьма прискорбно, что мое евангелице о прильвицких истуканах, о которых мы не одного с Вами мнения, причинило Вам неудовольствие. Но мне показалось, что Вы слишком жестко осудили противников Вашего мнения — и перо увлекло!⁸⁷ А кни-

⁸⁵ «вместе с голосом мы бы утратили также самую память» (*лат.*). См. примеч. 15.

⁸⁶ И на Западе и в России бытовало поверие, что колокола обладают магической очистительной силой и что сказанное под колокольный звон правдиво. Поэтому существовала, например, очистительная присяга при колокольном звоне. Считалось, что такая присяга нерушима, была даже поговорка: «Хоть при колокольном звоне под присягу пойду».

⁸⁷ Речь идет о бронзовых статуэтках, найденных в конце XVII в. в немецкой деревне Прильвиц в Мекленбурге и во второй половине XVIII в. принятых за идолов славянского племени вендов. И.И. Срезневский писал о них: «Долго верили, а иные верят и теперь в неподложность этих древностей; но, присматриваясь к ним, нельзя не отказаться от всякой возможности доказывать их подлинность; в числе изображений встречаются фигуры рыцарей и охотников, маркиз и маркизов, амуров и психей, к которым руны так же не идут, как и смысл рун и значение вещей к религии славян балтийских. Очевидно, что поддельщик воспользовался старыми дразгами XVI–XVII века, искадил их, сколько считал нужным, кое-что кое-где поприделал и, сообразно с учеными искательствами того времени и своим понятиям, украсил рунами, смело надеясь на слабость знаний своих ценителей. Некоторые из вещей могли быть и действительно найдены; но, конечно, ни одной не найдено с рунами» (*Срезневский И.И. Древние письмена славянские // Журнал Министерства народного просвещения. 1848. Ч. 59. Отд. 2. С. 22*). Булгарин, рецензируя книгу Срез-

га Ваша все-таки хорошая, и я усердно советовал бы Вам распространиться. Например: слон по-польски *ślón* — а солнце по-польски *śłońce*. Известно, что слон в Индии животное, посвященное солнцу. А символика? — Предмет богатый и Вам совершенно принадлежащий! Но об этом потолкуем при свидании.

Ваше милое письмо ко мне, из Царского Села, от 13 августа заключается следующим: «Возвращаю окончание 6-й части “Воспоминаний”, что касается до начала, то сделайте одолжение, отнесите к г. председателю ценсур[ного] комитета — Михаил Николаевич разрешит, без сомнения, все, что может быть разрешено ценсурой».

Извините, почтеннейший Измаил Иванович, но я не понимаю и не догадываюсь, о каком *начале* Вы говорите в письме! Если о том, что исключено из представленного к напечатанию в «Библиотеке для чтения» — то я об этом и думать перестал. Что с воза упало — то пропало!

Что же касается до присланного Вами окончания, то я вымарал вовсе то, что говорится о неохоте славян сражаться в чужих рядах, под начальством чужестранных начальников, чтоб не было применения к Австрии⁸⁸. Что же касается замечания о том, что сами немецкие правительства покровительствовали Тугендбунду⁸⁹

невского «Исследования о языческом богослужении древних славян» (СПб., 1848), писал, что это «основательный и полезный труд», автор которого продемонстрировал «огромную начитанность и глубокое познание своего предмета. До сих пор мы не имели ничего подобного» (Ф.Б. Журнальная всякая всячина // СП. 1849. № 153. 13 июля). Однако по вопросу о прильвицких идолах он вступил в полемику со Срезневским. Срезневский в своей книге назвал Булгарина и других авторов, веривших в их подлинность, «людьми, которые без всякой критики пользовались всем, чем могли» (с. 53). Булгарин указывал, что в первой части своей книги «Россия...» он на 20 страницах разбирал доводы оппонентов, так что его нельзя причислять к числу некритически подходящих к вопросу о подлинности прильвицких идолов. Хотя большинство исследователей считают эти статуэтки поддельными, но высказывались и иные мнения; см.: Громов Д., Бычков А. Славянская руническая письменность: факты и домыслы. М., 2005. С. 115–142.

⁸⁸ С апреля 1849 г. русская армия, которой командовал генерал-фельдмаршал граф И.Ф. Паскевич, по просьбе австрийского правительства участвовала в подавлении Венгерского восстания. Венгры были разбиты в конце августа, и русская армия отправилась в обратный путь. Ее потери составили 700 убитых, около 2500 раненых и около 11 000 умерших от болезней.

⁸⁹ Тугендбунд («Союз добродетели» (нем.)) — патриотическое общество в Пруссии (1808–1810), которое ставило своей целью воспитание молодежи в патриотическом духе, а в конечном счете — восстановление целостности Пруссии, утратившей половину своей территории после поражения от Наполеона.

и ввели политику в университет — то это история, приведенная нашим графом Уваровым⁹⁰ и повторенная в нынешних обстоятельствах во всех русских газетах. Правительство наше никогда не одобряло этого и никогда не допускало политики в университете — а я говорю совершенно в духе правительства, защищая притом наши университеты, не упоминая об них. Позвольте оставить и верьте, что этого не перетолкуют в дурную сторону. Ведь я человек опытный, отец семейства и из пустой фразеологии не пожертвовал бы своею личностью! Но так было, и так это былое произвело нынешнее лихо. Весь мир вопит об этом и все наши высшие убеждены, что тайные общества и их главы развратили германское юношество — а я видел, как варили и пекли этот яд. Толкую же я после графа Уварова! *Misericordia!*⁹¹

Вы живете в Царском Селе, среди великолепных садов и царской роскоши — а если б мне удалось залучить Вас в мое Карло-

⁹⁰ См. в «Воспоминаниях» Булгарина: «В [немецком] народе не было ни одной политической идеи до 1807 года, т.е. до унижения Пруссии Наполеоном. Советуем всем любознательным людям прочесть краткое, но глубокомысленное сочинение графа Сергея Семеновича Уварова: “Штейн и Поццо ди Борго” [[*Ouvaroff S.S.*] Stein et Pozzo di Borgo. SPb., 1846; [*Уваров С.С.*] Штейн и Поццо-ди-Борго / Пер. с фр. Дерпт, 1847]. Читатель увидит, что первая идея о единстве Германии возникла в голове прусского министра барона Штейна, намеревавшегося соединенными силами всего германского народа ниспровергнуть власть Наполеона, возвратить Пруссии ее самостоятельность и дать ей новые силы, поставив во главе всех протестантских германских государств. Для распространения своих идей в народе Штейн поддерживал сильно тайное общество Tugend-bund, т.е. Добродетельный союз, учредившийся в Германии для противодействия Наполеону и для возбуждения в низших сословиях народа германского патриотизма, и старался притом об уравнении в правах с дворянами среднего сословия изданием закона, по которому всем жителям государства открыты были пути к службе и все места, по выдержании экзамена каждым искателем места, для доказательства способностей и образованности. Эти избранные люди из среднего сословия должныствовали в нем распространять идеи, порожденные Штейном о единстве Германии и освобождении ее от чужеземного влияния. Но главными движителями новой пропаганды Штейн избрал германские университеты, которые издревле были в Германии то же, что сердце и мозг в человеке. Университетам, состоявшим в тесной связи с писателями, книгопродавцами и всем, что только принадлежит или прикасается к просвещению, поручено было посеять и возрастить в народе ненависть не только к чужеземному владычеству, но даже к влиянию, и распространить мысль о единстве Германии. Все германские правительства пристали к этому плану Штейна, и если явно не покровительствовали Тугендбунда, то терпели его и помогали его членам укрываться от французской полиции» (*Булгарин Ф.В.* Воспоминания. СПб., 1849. Ч. 6. С. 273–275).

⁹¹ Помилосердствуйте! (*лат.*).

во — я бы потешил Вас природою. Авось и сбудется когда-либо моя надежда!⁹²

С истинным уважением и душевною преданностью честь имею быть вашим покорным слугою Фаддей Булгарин

16 августа 1849

Литература

- Булгарин Ф.В.* Воспоминания: В 6 ч. СПб., 1846–1849.
- Вацуро В.Э.* Страничка из жизни Грибоедова // Пушкин и другие: Сб. статей к 60-летию С.А. Фомичева. Новгород: Нов. ГУ им. Ярослава Мудрого, 1997. С. 167–179.
- Видок Фиглярин: Письма и записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Изд. подгот. А.И. Рейтблат. М.: Новое лит. обозрение, 1998. 704 с.
- Гиллельсон М.И.* П.А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л.: Наука, 1969. 392 с.
- Гиллельсон М.И.* Литературная политика царизма после 14 декабря 1825 г. // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1978. Т. 8. С. 195–218.
- Громов Д., Бычков А.* Славянская руническая письменность: факты и домыслы. М.: ИД София, 2005. 384 с.
- Дризен Н.В.* Драматическая цензура двух эпох. 1825–1881. Пг., 1917. 348 с.
- Меццериakov В.П.* А.С. Грибоедов и полемика «Мнемозины» с «Литературными листками» // Русская литература. 1980. № 3. С. 164–167.
- Никитенко А.В.* Дневник. М., 1955. Т. 1.
- Рейтблат А.И.* Круги по воде, или Большие последствия одного письма Ф.В. Булгарина // Литературный факт. 2017. № 3. С. 215–234.
- Рейтблат А.И.* Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консултант секретной полиции. М.: Новое лит. обозрение, 2016. 632 с.
- Сакулин П.Н.* Из истории русского идеализма. Князь В.Ф. Одоевский. Т. 1. Ч. 1, 2. М., 1913.

References

- Bulgarin F.V. *Vospominaniia*: in 6 vols. St.-Petersburg, 1846–1849.
- Gillel'son M.I. *P.A. Viazemskii. Zhizn' i tvorchestvo*. Leningrad: Nauka Publ., 1969. 392 p.
- Gillel'son M.I. "Literaturnaia politika tsarizma posle 14 dekabria 1825 g.". *Pushkin: Issledovaniia i materialy*. Leningrad: Nauka Publ., 1978. Vol. 8, pp. 195–218.
- Gromov D., Bychkov A. *Slavianskaia runicheskaia pis'mennost': fakty i domysly*. Moscow: ID Sofiia Publ., 2005. 384 p.
- Drizen N.V. *Dramaticheskaiia tsenzura dvukh epokh. 1825–1881*. Petrograd, 1917. 348 p.
- Meshcheriakov V.P. "A.S. Griboedov i polemika Mnemoziny s *Literaturnymi listkami*". *Russkaia literatura*. 1980. No 3, pp. 164–167.
- Nikitenko A.V. *Dnevnik*. Moscow, 1955. Vol. 1.
- Reitblat A.I. "Krugy po vode, ili Bol'shie posledstviia odnogo pis'ma F.V. Bulgarina". *Literaturnyi fakt*. 2017. No 3, pp. 215–234.
- Reitblat A.I. *Faddei Venediktovich Bulgarin: ideolog, zhurnalist, konsul'tant sekretnoi politzii*. Moscow, 2016. 632 p.
- Sakulin P.N. *Iz istorii russkogo idealizma. Kniaz' V.F. Odoevskii*. Vol. 1, chapter 1, 2. Moscow, 1913.

⁹² Срезневский никогда не приезжал к Булгарину в Карлово.

Vatsuro V.E. "Stranichka iz zhizni Griboedova". *Pushkin i drugie: sbornik statei k 60-letiu S.A. Fomicheva*. Novgorod, 1997, pp. 167–179.

Vidok Figliarin: Pis'ma i zapiski F.V. Bulgarina v III otdelenie, ed. A.I. Reitblat. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1998. 704 p.

Bulgarin and others

3. F.V. Bulgarin's Letters to Censors

Abram I. Reitblat

Abstract: The article presents F.V. Bulgars letters (dd. 1829-1849) to censors in St.-Petersburg, who examined the materials of *Severnaya Pchela* and Bulgarin's multi-volume "Recollections". The letters published herewith help to better understand both Bulgarin's complicated relations with the censorship apparatus, and the attitude of the state to the press and the fledgling public opinion in the epoch of Nikolay I

Keywords: Russian literature of the XIXth century, F.V. Bulgarin, journalism, censorship, A.V. Nikitenko, I.I. Sreznevsky, A.N. Ochkin, K.S. Serbinovich, correspondence, literary and publishing strategies

Information about the author: Abram I. Reitblat, PhD, "Novoe Literaturnoe Obozrenie" / Russian State Art Library, Moscow, Russia: E-mail: reitblat@nlo.magazine.ru

«Вы всегда шли от жизни к Богу»: из черновых записей Владимира Гиппиуса

Ю.А. Рыкунина

Аннотация: Творческое и эпистолярное наследие поэта Владимира Васильевича Гиппиуса (1876–1941) представляют собой важное поле для исследования. Публикуемый нами небольшой черновой отрывок находится на грани между эпистолярием и эссеистическим фрагментом. Этот небольшой прозаический кусок, как кажется, помогает глубже понять как собственные взгляды Гиппиуса рубежа веков, так и его отношения к своим литературным крестным — Мережковским.

Ключевые слова: Владимир Гиппиус, Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, черновики писателей, русская литература рубежа XIX–XX вв.

Информация об авторе: Юлия Абдуллаевна Рыкунина, к.ф.н., независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: rykuninay@mail.ru

Значительная часть наследия Владимира Гиппиуса до сих пор остается неопубликованной, а его книги и статьи ждут переиздания и полноценного научного освоения.

Декадент, сперва постоянно борющийся со своим декадентством, а потом возведший его в критерий подлинности всякого писательства, Гиппиус представляет интерес еще и с точки зрения символистского жизнетворчества, в рамках которого любой шаг, любой акт получает концептуальное значение. Приведем хотя бы такой пример: в середине 1890-х Гиппиус меняет почерк, что для него знаменовало борьбу с внешней красотой и эстетством. 6 июля 1895 г. он писал своему другу, философу и музыкальному критику Я.И. Эрлиху: «Переменяю (почему-то) почерк! Не удивляйтесь: этот — отвлеченнее и некрасивее: у меня в последнее время тончайшее отвращение к внешней красоте!»¹.

Чрезвычайно строгий к себе, Гиппиус оставил большое количество черновых текстов (среди которых и стихи, и литературно-критические статьи), так и не дошедших до читателя. Что-то он, возможно, писал для себя, что-то адресовал людям из своего ближнего круга. Один из его излюбленных жанров в 1890-х —

¹ ИРЛИ. Ф. 77. Ед. хр. 207. Л. 11 об.

начале 1900-х гг. — краткий набросок философского содержания²; часть из них вошла в книгу «Песни» (1897). Обрывочность и краткость не всегда позволяют назвать эти отрывки «эссе»; вполне возможно, что емкий жанр фрагмента был «подсказан» Гиппиусу афоризмами Ф. Ницше.

Среди множества таких записей, сохранившихся в архиве Гиппиуса в Пушкинском Доме, есть небольшой (на одну страницу) текст, перечеркнутый крест-накрест, датированный 3 мая 1900 г., снабженный пометой: «М—им». За этими буквами без труда угадывается адресат, очевидно, так и не посланного фрагмента — Мережковские. В. Гиппиус был троюродным братом З.Н. Гиппиус; знакомы они были с середины 1890-х. Их сложные отношения, оборвавшиеся, по всей видимости, незадолго до революции 1917 года, могут быть охарактеризованы как неудавшийся союз, отсутствие сближения при явном взаимном интересе и согласии в некоторых ключевых вопросах (так, и З.Н. Гиппиус, и В. Гиппиус отрицательно отнеслись к литературной богеме 1910-х). Под влиянием З.Н. Гиппиус Владимир Гиппиус уже в конце века преодолел декадентство, результатом чего в 1896 г. стал отказ участвовать в так и не состоявшемся сборнике «Горные вершины». В письме «любезной тетушке», как он в шутку называет Зинаиду Николаевну, Гиппиус формулирует свое кредо: «Надо быть одиноким и разгадывать какую-то большую Тайну»³. Многие письма Гиппиуса этой поры насыщены философскими размышлениями. Его «философский» круг чтения начинает формироваться в середине 1890-х: Ницше («первый из современных мудрецов»⁴), Б. Спиноза (в 1895 г. он писал Эрлиху, что читает «немножечко Спинозы»⁵), А. Шопенгауэр. При этом Ницше, прежде всего как автор «Заратустры», повлиял и на стиль Гиппиуса⁶, особенно если говорить о его многочисленных «философских» набросках.

Зачастую эти фрагменты — нечто среднее между эпистолярием и лирико-философской прозой. «Эпистолярный» момент здесь важен. Несмотря на стремление «в одиночку разгадывать Тайну»,

² Еще в середине 1890-х Гиппиус колебался в выборе пути. Эрлиху он писал так: «Я намеревался заняться критикой, вышло же, что занимаюсь поэзией и отчасти философией.» (ИРЛИ. Ф. 77. Ед. хр. 207. Л. 8).

³ Цит. по: *Иванова Е.* Александр Добролюбов — загадка своего времени // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 219.

⁴ Письмо Я.И. Эрлиху от 27 июня 1895 г. // ИРЛИ. Ф. 77. Ед. хр. 207. Л. 8.

⁵ Там же.

⁶ О чем Гиппиус писал сам: «"Заратустра" впервые определил и мой литературный вкус: стиль напряженный, насыщенный, нежный и суровый одновременно, преимущественно певучий» (*Гиппиус Вл.* О самом себе / Публ. Евг. Биневица // Петрополь-96. Литературная панорама 1993–1996. СПб., 1996. С. 125.

Гиппиусу, по крайней мере на раннем этапе, по-видимому, был остро нужен собеседник, настроенный на тот же философский лад, — а дистанцироваться он хотел только от литературных кружков. О потребности в таком собеседнике свидетельствуют его письма к неизвестной корреспондентке М. М–ль⁷, письма к Эрлиху, а также к ближайшему другу А. Добролюбову. В этом смысле, конечно, письма молодого Гиппиуса «предвосхищают» известные нам эпистолярные младших символистов. В отличие от писем, у черновых набросков не всегда имелся определенный адресат. Некоторые из них могли быть переписаны и посланы: так, например, среди разных фрагментарных записей нами был найден черновик одного из отрывков, посланных в начале июня 1898 г.⁸ Добролюбову как автору книги со Спинозианским названием «*Natura Naturans. Natura Naturata*» могли быть близки пантеистические рассуждения, изложенные в этом фрагменте.

Очевидно, пантеистические воззрения, проявившиеся и в публикуемом ниже фрагменте, были усвоены Гиппиусом как непосредственно из сочинений Спинозы, так и из поэзии йенских романтиков и, конечно, Тютчева и Фета, которых он, как и другие символисты, считал предшественниками новых поэтов⁹. И пантеизм, и Спиноза занимали важное место в философских настроениях 1890-х, что уже отмечали исследователи¹⁰. В письме Добролюбову Гиппиус формулировал свои взгляды следующим образом: «Я никогда не пойму, что есть Бог и как есть он, если он не в мире и не все, что есть в мире, потому что всегда думал так: если бы было в мире что-нибудь, хоть малая часть не божья, она могла бы восстать на Бога и поспорить с Ним и вырасти больше. И тогда Он не был бы всем и всемогущим»¹¹.

При этом в автобиографической заметке, написанной в середине 1910-х, имя Спинозы не упоминается среди учителей, повлиявших на молодого поэта; важными для него остаются только

⁷ См.: ИРЛИ. Ф. 77. Ед. хр. 208.

⁸ Этот отрывок см.: Рыкунина Ю.А. Два письма Вл.В. Гиппиуса А.М. Добролюбову 1898 года // Русская литература. 2015. № 2. С. 191.

⁹ Об этом Гиппиус писал в неопубликованной статье «Золотой век. Из писем к иностранцу» (ИРЛИ. Ф. 77. Ед. хр. 155. Л. 13–13 об.).

¹⁰ См.: Кэльяс С. Валерий Брюсов и Спиноза // Русская филология. Тарту, 1977. Вып. V. С. 70–98. З.Г. Минц писала: «Именно пантеизм оказывался философской подоплекой знаменитой символистской «реабилитации плоти» — апологии земли, земного, материального мира» (Минц З. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Блоковский сборник III. Творчество А.А. Блока и русская культура XX века. Тарту, 1979. С. 88).

¹¹ Рыкунина Ю.А. Два письма Вл.В. Гиппиуса А.М. Добролюбову 1898 года. С. 191.

«бунтари» и «пророки» — Ницше, Ф.М. Достоевский и отчасти В.В. Розанов. «Пророческий» пафос и бунтарские нотки отличают и публикуемый фрагмент. Как представляется, он может быть воспринят как своеобразный «манифест» Гиппиуса, в сжатой и предельно эмоциональной форме выражающий его настроения рубежа веков.

Этот отрывок содержит обвинения, обращенные к неким людям, не понимающим подлинную суть религиозности, которая должна иметь вектор, обратный общепринятому, — не от жизни к Богу, а от Бога к жизни. В этом смысле не вызывает вопросов, почему отрывок адресован М[ережковск]им: ведь именно под этим знаком — реабилитации плоти — как раз и развивалась основная «тема» Мережковских на рубеже веков: на исходе 1890-х Мережковский впервые высказал идею о необходимости создания «новой церкви»¹². Гиппиус был близок к Мережковским в это время и, вероятно, испытывал влияние всех тех идей и настроений, которые нам известны по позднейшим статьям, лекциям и книгам Дмитрия Мережковского с их усиливающейся критикой официального — «монашеского» — православия. Идея необходимости оправдания плоти присутствовала у него уже в романе «Юлиан Отступник» (1895) и владела им в период написания трактата «Л. Толстой и Достоевский». Мережковского Гиппиус назовет одним из трех своих учителей наряду с Достоевским и Ницше¹³. Можно предположить, однако, что к идее божественной плоти, «жизни-Бога» Гиппиус приходит своими путями: через чтение тех же йенских романтиков и Спинозы. Заметим, что в его текстах этого периода почти нет упоминания Христа, христианства и церкви — и в этом основное отличие его писаний от построений Мережковских.

Религиозность, представленная в этом фрагменте, отсылает к Ницше с его утверждением витальности, а упоминание богатырей может быть соотнесено не только с фольклором, но и с религией сверхчеловека; все это сочетается с ключевыми и для нового христианского сознания идеями воплощения и оправдания плоти (как пишет Гиппиус, «чтобы жизнью стал Бог»). Таким образом, адресация «М–им» — это своего рода апелляция к единомышленникам, в некотором смысле желание получить от них поддержку.

¹² Гиппиус писала об этом так: «В октябре тысяча восемьсот девяносто девятого года, в селе Орлине, когда я была занята писанием разговора о Евангелии, а именно о плоти и крови в этой книге, ко мне пришел неожиданно Дмитрий Сергеевич Мережковский и сказал: „Нет, нужна новая Церковь“. Мы после того долго об этом говорили, и выяснилось для нас следующее: Церковь нужна как лик религии евангельской, христианской, религии Плоты и Крови» (*Гиппиус З.Н. Дневники. М., 1999. Т. 1. С. 89*).

¹³ *Гиппиус Вл. О самом себе. С. 124.*

Очевидно, Гиппиус остался недоволен той формой, в которую облеклись его мысли. А возможно, он не хотел открыто признавать идейную близость со своими уже знаменитыми литературными крестными (как он позже назовет Мережковских).

В начале 1900-х Гиппиус отходит от Мережковских; он не принимал участия ни в журнале «Новый Путь», ни в Религиозно-философских собраниях. Этот временный отход, тем не менее, был связан не с идейными разногласиями, а с желанием Гиппиуса порвать с литературой как таковой — история уходов Гиппиуса от литературы и от Мережковских может стать темой самостоятельного исследования.

Текст печатается по черновой рукописи (ИРЛИ. Ф. 77. Ед. хр. 184. Л. 1) с незначительными пунктуационными исправлениями.

М[ережковск]им

Вы всегда шли от жизни к Богу, или от жизни к жизни, но пора выйти от Бога к жизни и жизнью убить память низкой смерти. Люди, послушайте мою простую правду, люди, так жить нельзя!

Может быть, во мне кончается путь ваш (вы, люди, — путь, я конец пути), и не знаю, устали ли вы на пути, но я не могу, я устал смертельно, я не могу дольше жить так, как жили вы.

Не нужно смертельной усталости: сила нужна, богатырь, которые взяли бы все безумие, бессмыслие, скуку и понесли бы от Бога к жизни, чтобы Бог воплотился бы в жизни, чтобы жизнью стал Бог.

Еще слишком далеко до радостных песен¹⁴, мы не созрели и до унылых молитв: мы пьем безумие жизни, мы пьем безумство смерти, и не знаем что делать, как быть... Без веры, бесславно живем, в сумерках смертных проходим томительно к смерти, живем и умираем рождаем, чтобы умерло в свой черед...

3 мая 1900 г.

¹⁴ Первая книга Гиппиуса, включавшая стихи и прозу, называлась «Песни». Открывал ее цикл «Песни о Леле», далее в книге встречаются «песни о земле» (цикл «Могилы. Из песен о земле») и еще несколько упоминаний *песен* («стихие песни», «песня унывная», «песни затишья»). Вообще же мотив пения и песня как жанровое определение встречаются у поэтов-символистов постоянно — ср. хотя бы «программное» стихотворение З.Н. Гиппиус «Песня». Укажем на символически важное соединение церковного пения и гимна богу Пану в финале романа Мережковского «Смерть богов. Юлиан Отступник». Ср. также в «Так говорил Заратустра»: «Святой отвечал: Я слагаю песни и пою их; и когда я слагаю песни, я смеюсь, плачу и бормочу себе в бороду: так славлю я Бога» (*Ницше Ф.* Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 7).

Литература

Гиппиус Вл. О самом себе / Публ. Евг. Биневича // Петрополь-96. Литературная панорама 1993–1996. СПб., 1996. С. 121–126.

Иванова Е. Александр Добролюбов — загадка своего времени // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 191–230.

Кульюс С. Валерий Брюсов и Спиноза // Русская филология. Тарту, 1977. Вып. V. С. 70–98.

Мицц З. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Блоковский сборник III. Творчество А.А. Блока и русская культура XX века. Тарту, 1979. С. 76–120.

Рыкунина Ю.А. Два письма Вл.В. Гиппиуса А.М. Добролюбову 1898 года // Русская литература. 2015. № 2. С. 187–192.

References

Gippius Vl. “O samom sebe”. [About Myself], ed., publ., afterword by Evg. Binevich. *Petropol 96. Literaturnia panorama 1993–1996* [Petropol 96. Literary Panorama 1993–1996]. St.-Petersburg, 1996, pp. 121–126. (In Russ.)

Ivanova E.A. “Aleksander Dobrolyubov — zagadka svoego vremeni” [Alexander Dobrolyubov — the Enigma of his Time]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 1997, No 27, pp. 191–230. (In Russ.)

Kulius S. “Valerii Briusov i Spinoza” [Valeriy Briusov and Spinoza]. *Russkaya filologiya* [Russian Philology], issue V, Tartu, 1977, pp. 70–98. (In Russ.)

Mints Z. “O nekotorykh ‘neomifologicheskikh’ tekstakh v tvorchestve russkikh simbolistov” [On Some “Neomythological” Texts in the Works of Russian Symbolists]. *Blokovskiy sbornik III: Tvorchestvo A.A. Bloka I russkaya kultura XX veka*. [The Works of A.A. Blok and Russian Culture of XX Century], Tartu: Tartu University press, 1979, pp. 76–120. (In Russ.)

Rykunina Yu. “Dva pisma Vl.V. Gippiusa A. M. Dobrolyubovu 1898 goda” [Two Letters of Vl.V. Gippius to A.M. Dobrolyubov]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 2015, No 2, pp. 187–192. (In Russ.)

“You Have Always Been Moving from Life to God”: from Vladimir Gippius’ Draft Manuscripts

Yu.A. Rykunina

Abstract: Literary heritage and letters of the poet Vladimir Gippius (1876–1941) provide a vast field for research. The draft published herewith is in between epistolary and essay. The small prosaic piece helps to deeper understand Gippius’ philosophical views at the beginning of the XXth century as well as his attitude to his literary godparents, the Merezhkovskies.

Keywords: Vladimir Gippius, Dmitry Merezhkovsky, Russian writers’ draft manuscripts, Russian literature at the turn of the XIX–XXth centuries.

Information about the author: Iulia A. Rykunina, PhD, freelance researcher, Moscow, Russia. E-mail: rykuninay@mail.ru

Андрей Белый и переводы Эллиса из Верхарна

Елена Глухова

Аннотация: Комментированная публикация двух не известных ранее писем Эллиса и Андрея Белого посвящена работе Эллиса над переводами Бодлера и Верхарна. На основании этих свидетельств возможно утверждать, что предисловие к переводу драмы Верхарна «Монастырь», подписанное именем Белого, в действительности принадлежит Эллису. Эти письма также проливают свет на взаимоотношения корреспондентов и некоторые вопросы деятельности книгоиздательства «Мусагет».

Ключевые слова: Андрей Белый, Эллис (Л.Л. Кобылинский), Эмиль Верхарн, Шарль Бодлер, книгоиздательство «Мусагет»

Сведения об авторе: Глухова Елена Валерьевна, к.ф.н., ст. научн. сотрудник ИМЛИ РАН, Москва, Россия. E-mail: elenagluhova@mail.ru

В ряду сохранившихся воспоминаний современников о личности и фактах биографии поэта и теоретика русского символизма Эллиса (Л.Л. Кобылинского), пожалуй, именно мемуарное наследие Андрея Белого представляет наиболее подробное свидетельство¹. Вместе с тем к числу значительных биографических документов также относится и переписка Белого и Эллиса. Однако этот эпистолярный корпус представлен весьма неполно: в большинстве своем сохранились письма Эллиса, некоторые из них цитировались и публиковались². Писем Белого сохранилось гораздо меньше: это 6 открыток, отправленных из его путешествия по

¹ *Белый Андрей*. Начало века / Подгот. текста, коммент. А.В. Лаврова. М., 1990; *Белый Андрей*. О Блоке. Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи / Вступит. ст., сост., коммент. А.В. Лаврова. М., 1997. — По наблюдению современного исследователя, именно воспоминания Белого во многом задали определенный ракурс восприятия личности Эллиса и породили целый ряд воспоминаний современников, в которых зачастую воспроизводятся одни и те же биографические клише: Глуховская Е. Эллис в воспоминаниях современников // Летняя школа по русской литературе. 2014. № 2. С. 127–138.

² См., например: *Лавров А.В.* Письма Эллиса к Блоку (1907) // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. М.: Наука, 1981. С. 276–277; *Эллис*. Письма к В.Я. Брюсову / Предисл., публ., коммент. А.В.Лаврова // Писатели символистского круга: Новые материалы. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. С. 313.

Италии, и одно письмо 1912 года³. Полагаем, что дальнейшее ознакомление с эпистолярным наследием Эллиса позволит реконструировать реальный ход событий, очевидцами и участниками которых были наши герои, а также в некоторых случаях расставить иные акценты в тех обстоятельствах их жизни, о которых нам зачастую известно лишь мнение одной из сторон. Публикуемое здесь новонайденное письмо Андрея Белого к Эллису обращает на себя внимание не только фактом находки в малоизвестном архивном фонде, но и в тематическом плане — в нем пойдет речь о переводческом опыте Эллиса с точки зрения одного из ближайших его соратников по символизму.

Даже на фоне интенсивной переводческой деятельности русских символистов именно Эллису принадлежит попытка последовательного включения франкофонной символистской традиции в русскую культуру. Собственно говоря, в книгопечатную культуру Серебряного века Эллис вошел сначала как переводчик и уже затем как оригинальный поэт. Впрочем, мнения современников относительно профессионализма его переводческой деятельности разнятся; чаще всего критике подвергались переводы Эллиса из Бодлера⁴. Можно предложить, например, два крайних полюса мнений о трудах Эллиса, «неистового бодлерианца»⁵. Один из них представлен В.Я. Брюсовым, поместившим в «Весех» разгромную рецензию на публикацию переводов Бодлера в сборнике Эллиса «Иммортели» в 1904 г., где, в частности, писал: «[...] г. Эллис только *пересказывает* вялыми стихами содержание французских стихов, нигде не возвышаясь над посредственностью, часто падая ниже — до полного обессиливания и безобразного искажения оригинала»⁶. Ср. запись в дневнике М. Волошина от 20 сентября

³ Писем корреспондентов к Эллису практически не сохранилось — это вполне объяснимо тем образом жизни, который он вел. Уезжая слушать лекции Штейнера в Германию в 1911 г., часть своего архива Эллиса оставил на хранение Э.К. Метнеру (См.: *Эллис. Из творческого наследия / Предисл., публ. и предисл. А.В. Лаврова // Писатели символистского круга...* С. 328–372). Известные на сегодняшний день письма Андрея Белого к Эллису были опубликованы в работах: *Письмо Андрея Белого к Эллису / Предисл., публ. и примеч. А.В. Лаврова // Лица: Биограф. альманах. Вып. 5. М.; СПб., 1994. С. 386–398.* (То же в: *Лавров А.В. Андрей Белый: Разыскания и этюды. М.: НЛО, 2007. С. 412–424*); *Нефедьев Г.В. Итальянские письма Андрея Белого: ракурс к «Посвящению» // Archivio Italo-Russo II. Русско-итальянский архив II / Сост. Д. Рицци и А. Шишкин. Салерно, 2002. С. 115–139.*

⁴ Ср. обзор в кн.: *Willich H. Lev L. Kobylinskij-Ëllis: Vom Symbolismus zur ars sacra. Eine Studie über Leben und Werk. München, 1996. S. 47–50.* — *Slavistische Beiträge*, 341.

⁵ *Валентинов Н. (Н. Вольский). Два года с символистами. М., 2000. С. 243.*

⁶ *Аврелий [В. Брюсов]. Новый перевод Бодлера // Весы. 1904. № 4. С. 42.*

1907 г.: «После многих лет я встретился с Эллисом в мае у Брюсова. Эллис читал свои переводы Бодлера, Брюсов давал ему указания. Переводы были очень плохи и бесцветны. Переводчик понимал и любил Бодлера, но совсем не чувствовал и не понимал ни русского языка, ни бодлеровского стиха»⁷.

Напротив, высоко оценил переводы Эллиса его друг и слушатель его курса по истории французского символизма в одном из кружков при книгоиздательстве «Мусажет», филолог, богослов, писатель С.Н. Дурылин⁸. Он подчеркивает ту роль, которую сыграли лекции Эллиса для круга «Молодого Мусажета», а также особый ракурс его жизнетворческой позиции⁹. По словам Дурылина (1926 г.), «...бодлерианская проповедь Эллиса оказалась не бесплодной. Она звала не только к изучению Бодлера и французских символистов, и даже не только к символизму, как искусству, — она звала к *символизму*, как построению символического мирозерцания, к символизму, как пути к познанию, к символизму, как к творчеству жизни, — как к верховному и единому по существу подвигу человека, мыслителя и творца»¹⁰.

Отношение Андрея Белого к переводческой деятельности Эллиса было неоднозначным. В рецензии на новое издание его перевода книги Бодлера «Цветы зла» (1908)¹¹ Белый давал осторожную и скорее положительную оценку: «Среди всех полных переводов “Цветов зла” перевод г. Эллиса бесспорно лучший, но — увы — и он грешит столь крупными дефектами (не всегда по вине автора), что о них можно много распространяться. Талантливый

⁷ Волошин М. Собр. соч. Т. 7. Кн. 1. Журнал путешествия; Дневник 1901–1903; История моей души / Сост., подгот. текста, коммент. В.П. Кулченко. СПб., 2006. С. 270.

⁸ Дурылин С. Бодлэр в русском символизме / Публ., предисл., коммент. Г.В. Нефедьева // Книгоиздательство «Мусажет»: История. Мифы. Результаты: Исследования и материалы. М.: РГГУ, 2014. С. 283–285. См. также редкое свидетельство о лекционной деятельности Эллиса — опубликованные Н.А. Богомолым тезисы доклада Эллиса о Бодлере в Московском литературно-художественном кружке: *Богомол Н.А.* Из заметок о русском бодлерианстве // Богомол Н.А. Вокруг «Серебряного века»: Статьи и материалы. М.: НЛО, 2010. С. 55–549; *Нефедьев Г.В.* «Моя душа раскрылась для всего чудесного...»: Переписка С.Н. Дурылина и Эллиса (1909–1910 гг.) // С.Н. Дурылин и его время. Кн. 1. Исследования / Сост., ред. А. Резниченко. М.: Модест Колеров, 2010. С. 113–158.

⁹ См. подробнее: *Поляков Федор.* Чародей, рыцарь, монах. Биографические маски Эллиса (Льва Кобылинского) // *Lebenkunst — Kunstleben.* Жизнетворчество в русской культуре XVIII–XX вв. / Sch. Schahadat (Hrsg.). München, 1998. С. 125–139. — *Die Welt der Slaven. Sammelbände / Сборники*, 3.

¹⁰ Дурылин С. Бодлэр в русском символизме... С. 283.

¹¹ *Бодлэр Ш.* Цветы зла. Стихотворения / Пер. Эллиса, вступ. ст. В. Брюсова. М.: Заратустра, 1908.

поэт (к сожалению, мало печатавшийся) и блестящий теоретик, г. Эллис безусловно, теряет в роли переводчика. Тем не менее, перевод Эллиса заслуживает полного внимания и благодарности. Проникся ли г. Эллис всеми особенностями бодлэровской формы? К сожалению, далеко не всегда [...]»¹².

Публикуемое нами письмо Белого, которое было написано через несколько месяцев, подтверждает его критическое отношение к переводам Эллиса. Отметим, что в переиздание своей статьи в книге «Арабески» этой главы о русских переводах Бодлера Белый предпочел не включать¹³. Сходную критическую позицию к переводам Эллиса занимал Александр Блок, высказавший свое мнение в рецензии на его перевод драмы Верхарна «Монастырь», вышедшем в издательстве «Польза» годом ранее. Этой книге предшествовало предисловие, подписанное именем Андрея Белого:

«Эмиль Верхарн принадлежит к числу самых замечательных поэтов современной эпохи. Вместе с Кардуччи, Ст. Георге он заслуживает быть причисленным к тем избранникам, имена которых служат как бы эпиграфом целой эпохи. Верхарн — гений, и его всеобъемлющее творчество не знает себе равного в наши дни по своей интенсивности, широте и оригинальности. Верхарн создал свой собственный, новый и необъятный мир; не без основание его сопоставляют с Данте, Шекспиром, Гёте и Бодлером.

Хотя Верхарн преимущественно лирик, и перлы его вдохновений заключены в свободно-бегущие ритмы его «роèmes», хотя, бесспорно, Верхарн никогда не достиг позже глубины и напряженности своих «Soirs» «Débâcles» и особенно «Flambeaux Noirs», тем не менее Верхарн велик и как драматург.

Из его 2-х драм («Зори», «Монастырь» и «Филипп II»), появившихся после эпохи 90-х гг., т.е. после эпохи относительного умиротворения его иступленного, экстаического лиризма, «Монастырь» (1899 г.), где в более общей, символической форме намечены те вечные типы религиозных созерцаний, более реальной и отчасти даже бытовой формой воплощения которых и является «Монастырь».

«Монастырь» — драма покаяния. Монах Балтазар, убивший своего отца, доводит свое раскаяние до такой степени чудовищного напряжения, что этим совершает еще больший грех и в силу этого гибнет морально. Как характерна для Э.Верхарна эта гибель от чрезмерности, эта чудовищность размеров морального пафоса, превращающая последний в проклятие и ужас! В самой задаче драмы виден облик великого безумца нашей безумной эпохи!

¹² *Белый А.* Шарль Бодлэр (Символизм Бодлэра. Его стих. Бодлэр в русском переводе) // *Весы.* 1909. № 6. С. 77.

¹³ *Белый А.* Арабески. Книга статей. М., Мусагет, 1911. Переизд.: *Белый А.* Собр. соч. Арабески: Книга статей. Луг зеленый: Книга статей. М.: Республика, 2012. С. 191–196.

Не менее безумца Бальтазара интересен и другой монах Фома, представляющий прямую противоположность ему; он — рационалист, политик и честолюбец. Борьба за главенство в монастыре (кандидатура на место приора) служит внешней канвой глубоко-индивидуальной трагедии христианской души.

Весьма выпукло выступает в «Монастыре» также общественный элемент, борьба феодально-аристократических традиций с новым веянием эпохи, с смутным предчувствием демократизации даже в стенах монастыря. Мы уверены, что — помимо большого интереса в чтении — «Монастырь» Верхарна, к сожалению, мало известный у нас в России, как и все почти драмы Верхарна, переданный в художественном переводе Эллиса, может явиться вместе с тем и весьма ценным материалом для театра»¹⁴.

В письме к матери от 7 августа 1908 г. Блок сообщал: «Еще прочти, как я выругал Бюро и Эллиса»¹⁵. Действительно, Блок язвительно отозвался не только о самом переводе, но и о предисловии к книге:

«...о переводе драмы Верхарна, лежащем перед нами, не стоило бы говорить, если бы одно обстоятельство не заставляло нас заступиться за бедную литературу и за бедного читателя. Это обстоятельство — предисловие к переводу, написанное А. Белым, писателем замечательным и интересным в литературе определенное положение. Правда, положение это совсем другое, чем то, которое навязывает себе А. Белый, но — не о нем речь. Нам желательно только, чтобы этот писатель, взяв на себя роль «защитника литературных ценностей», не впадал в ошибки, слишком прискорбные и слишком недостойные писательского звания.

Мы далеки от согласия с А. Белым, когда он называет Верхарна гением и сопоставляет его с Шекспиром и Дантом. Гений прежде всего — народен, чего никак нельзя сказать о Верхарне. К сожалению, А. Белый все чаще упускает из виду существенные признаки в угоду своим теориям. Впрочем — назвать Верхарна гением — безобидно: все равно никто не поверит; другое дело — назвать перевод Эллиса художественным; этому того и гляди могут поверить. [...] Ах, оставаться бы ему в «секретном месте», в «Универсальной библиотеке» (которую мы благодарим за дешевизну изданий, а не за качество переводов), без предисловий г. Белого, стоящего на страже русской литературы!»¹⁶

¹⁴ *Верхарн Эмиль*. Монастырь / Пер. Эллиса; предисл. Андрея Белого. М.: Польза, [1908]. В библиографический список прижизненных публикаций и изданий Белого, составленный А.С. Петровским и К.Н. Бугаевой, это предисловие к переводу было включено, равно как и в последующие библиографии писателя.

¹⁵ *Блок А.А.* Письма к родным / Предисл. М. Бекетовой. М.: Книжный клуб Книговек, 2015. С. 184. Позднее в письме к матери от 11 июня 1910 г. Блок отмечал, что «был взбешен эллисовским переводом».

¹⁶ *Блок А.А.* Полное собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Наука, 2010. Т. 8. С. 166–167.

Следует, конечно учитывать, что блоковская рецензия была написана в контексте острой полемики о мистическом анархизме, а Эллис и Белый являлись ее активными участниками. По этой причине рецензия Блока была направлена против того и другого оппонента. Отголоски подобного критического мнения о переводе Верхарна прочитываются в приводимом ниже письме Белого. Можно предположить, что мнение Блока сыграло свою роль в перемене его отношения к переводческой деятельности Эллиса (например, отмечая грамматическую некорректность переводов Эллиса из Бодлера, Белый был явственно солидарен с Блоком).

Публикуемые нами письма являются важным свидетельством одного малоизвестного факта, который следовало бы зафиксировать в современных библиографических указателях: предисловие к переводу драмы Верхарна «Монастырь» было написано не Белым, а самим автором перевода, Эллисом. Кроме того, можно было бы указать на значимость именно для Эллиса того историко-культурного ряда, в который автор предисловия помещает имя Верхарна: наряду с современниками — Джозуэ Кардуччи и Стефаном Георге, — упоминаются Данте, Шекспир, Гёте и Бодлер. Появление имени Кардуччи (1835–1907) — итальянского поэта, филолога и нобелевского лауреата (1906), масона, — кажется здесь особенно знаменательным. В частности, Кардуччи был автором лекции о Данте, переведенной на русский язык¹⁷. По его инициативе в 1899 г. в Риме было основано Общество Данте Алигиери, отделение которого появилось в Москве в 1908 г.¹⁸ Как известно, Эллис неоднократно настаивал на важности наследия Данте для мифопоэтики русского символизма, а в период 1907–1908 гг. обратился к переводам из Данте¹⁹.

¹⁷ *Кардуччи Дж.* Данте и его произведения (Лекция) / Перев. с итал. яз. Павла Риттера. Харьков, 1899. — 52 с.

¹⁸ См.: Устав Общества «Данте Алигиери» в Москве [Текст] = Statuto della Società “Dante Alighieri” di Mosca. М.: Торг. Д. Типо-лит. Барнет, [1908]. — 19 с. Поэзия Кардуччи переводилась фрагментарно, переводы публиковались в журналах «Отечественные записки» (1876, IX) и «Русская мысль» (1893, X), однако учитывая своеобразное увлечение Эллисом «культулом Сатаны», нельзя не упомянуть принадлежавшее перу Кардуччи стихотворение «Inno a Satana», опубликованное в 1865-м году под псевдонимом Enotrio Romano. На страницах журнале «Весы» появились воспоминания, посвященные Кардуччи, и некролог ему: В журналах и газетах [Воспоминания о Кардуччи — Vers et prose (Tome VI. Juin-aout 1906) — Поправки] // Весы. 1906. № 8. Август. С. 73–76; *Papini Giovanni.* Джозуэ Кардуччи [† 16 февраля 1907] // Весы. 1907. № 7. Июль. С. 87–92.

¹⁹ Сонеты из *Vita nuova* Данте в ранних переводах Эллиса / Предисл. Ф. Полякова; подгот. текста и коммент. Е. Глуховой, Ф. Полякова // Wiener Slavistisches Jahrbuch = Vienna Slavic Yearbook. Bd. 5. 2017. С. 185–216.

На основании содержания публикуемое ниже письмо Андрея Белого предположительно датируется сентябрем 1909 г., т.е. временем известного инцидента Эллиса с Румянцевским музеем²⁰. Оно сохранилось в материалах Рукописного отдела Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (Москва, ГМИИ) в фонде египтолога В.М. Викентьева (1882–1960), который был инициатором создания в 1918 г. Музея-института классического Востока в Москве; его архив сначала осел в фондах этого музея, а затем был передан в ГМИИ²¹. Путь письма Белого в фонд Викентьева можно реконструировать следующим образом: в 1918 г. Белый снимал угол в квартире антропософов Сизовых (давних знакомых Эллиса) по адресу: ул. Садово-Кудринская, д. 6, кв. 2, где проживал и Викентьев²², который тогда был женат на М.И. Сизовой, подруге и корреспондентке Эллиса. Публикация приведена к нормам современной орфографии; письмо Белого написано карандашом, вероятно второпях, бумага измята, разорвана, конец письма утрачен. — Ответное письмо Эллиса хранится в составе фонда Андрея Белого в НИОР РГБ.

Андрей Белый — Эллису²³
[сентябрь 1909]

Дорогой Лева,

Приглядываясь (внутренно) к тебе за последний период после музейного инцидента, скажу откровенно: «Ты мне не нравишься». Не говоря уже о том, что и в этом инциденте ты вел себя не столь *прямо и просто*²⁴, как того требовали обстоятельства, начиная с того, что позволил себе напечатать в «Весах» неправду²⁵, будто

²⁰ См. об этом подробнее в обстоятельной статье: Глуховская Е.А. Инцидент с Эллисом в контексте русского символизма: к истории одного (около)литературного скандала // Русская литература. 2012. № 1. С. 137–148.

²¹ См. справку о нем: Российское научное зарубежье. Библиографический справочник / Гл. ред. Ю.В. Мухачев, ред.-сост. М.Ю. Сорокина; под общ. ред. Г.А.Месяца и Е.П. Чельшева. М.: Парад, 2011. С. 161.

²² Глухова Е.В. Андрей Белый в проектах первых лет Советской власти: Пролеткульт и Наркомпрос // Арабески Андрея Белого. Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика. Белград-Москва, 2017. С. 193–194.

²³ ОР ГМИИ Ф. 36. Оп. 1. Ед. хр. 479. Л. 1–2 об.

²⁴ Здесь и далее подчеркнутое Белым передается курсивом.

²⁵ Речь идет о заметке Эллиса в «Весах» (1909, № 7. С. 104): «Считаю нужным заявить, что я не мог до сих пор дать своих объяснений на целый ряд самых возмутительных и голословных обвинений, выставленных против меня, большую часть анонимно, в ряде газет, — по той простой причине, что все газеты, к которым я обращался со своими разъяснениями, не печатали оных

тебе не запрещали вход в музей, между тем в *Совете музея* доложено о том, что ты уведомлен о желании *музея*, чтобы ты не пощад.

Ты все-таки без всякого основания написал в «*Весак*» неправду, посмотрим далее с протоколом; и я знал, что это неправда; и молчал.

Во всем этом есть *казуистика*, от которой бы ты должен быть далеко (за 1000 верст).

Теперь с последним инцидентом. Все мы работаем много; идут вычисления, сметы (очень скучное занятие): ты только один был в стороне. Ты много говорил, а что ты за это время сделал?

Месяц тому назад тебя Э[милей] К[арлович] просил пересмотреть (*проредактировать*) свои статьи. Ты палец о палец не двинул; все их секретарские хлопоты у Кожебаткина²⁶; тебя хватает лишь на «*Манифесты*», «*Эксclamации*», «*Выпады*», «*Казуистику*» и пр.

Ты уже сейчас в наше дело внес скандал: от меня зависит все дело *прекратить*, либо выйти из него, либо ты меня вынуждаешь *категорически заявить*: я настаиваю на *комитете при книз[оиздательских] делах по крайней мере до приезда Э[милей] К[арловича]* Я лично без Киселева, Петровского, Кожебаткина, которые [1 нрзб.] незаменимые [1 нрзб.] реальные, а не словесные мощники, быть не желаю.

Действуй, как знаешь.

за исключением «Русских Ведомостей». В настоящем своем письме в редакцию я прежде всего заявляю, что систематическое расследование администрации Румянцевского Музея всех фактических данных, относящихся к вопросу, послужившему предметом всех обвинений против меня, не замедлит быть опубликовано и прольет первый свет на него. Я, с своей стороны, представил по требованию администрации Музея все находившиеся в моем пользовании рукописи моей работы и книги, а также и все фактические разъяснения. Я убежден, что компетентное суждение, основанное на систематической проверке всех, когда-либо за полгода читанных мною в стенах Музея книги, равно как и всех моих черновых рукописей и материалов не замедлит прервать те инсинуации, жертвой которых я сделался за последние дни.

Категорически заявляю, что мне никогда раньше, и в частности при директорстве Веневитинова, не запрещался доступ в читальный зал Румянцевского Музея». Эта записка была помещена в июльском номере, который верстался и вышел в августе, поэтому и сообщение об инциденте Эллиса с Румянцевским музеем успело в августовский номер.

²⁶ Александр Мелентьевич Кожебаткин (1884–1942), секретарь книгоиздательства «Мусагет» в 1910–1912 гг.; владелец книгоиздательства «Альциона»; см. письма Белого к нему: «Кожебак!... Да ведь это хуже, чем гусак!!!» Письма Андрея Белого к А.М. Кожебаткину / Предисл., публ., коммент. Дж. Мальмстада // Лица: Биограф. альманах. Вып. 10. СПб., 2004. С. 127–176.

Перехожу к Бодлэру.

Сначала причины моральные: еще неизвестно, на сколько сумм можно рассчитывать, а ты уже предполагаешь перевод Бодлэра весь в нашем издательстве и в этом смысле заявляешь в предисловии о том, что «мы» (это двусмысленно) издаем: далее включаешь в проспект уже «Сад Великана»²⁷ и пр. Теперь выясняется: мы можем поспеть и отпущенным суммам издать 4–5 (maximum) книг.

Выходит: идейное книгоиздательство уже обременено Эллисом целиком (включая пьесу для детей).

Я полагаю, что «Новалис»²⁸, «Рейсбрёк»²⁹; изящнее издать ~~не переводить~~, чем сразу 3 книги Эллиса³⁰; *у тебя не хватает такту это понять*; далее: ~~нам~~ ты уже взял 300 рублей; просишь еще 100 рублей для себя (д места в карьер); должен 200 рублей Кузевицкому³¹ (в этом долге участвует Метнер), забывая, что сумм еще мало; мне две недели не на что купить себе сапог, и мне буквально нет времени зайти за деньгами: сижу за сметами, шрифтами и мн[огим] другим: у тебя нет деликатности понять, что прежде дело, а потом уже «Я и мне».

Во-вторых: как ты сам не дошел до того (ведь элементарнейшая деликатность взывает к этому), что идейное книгоиздательство должно прежде всего ярко охарактеризовать первые выпуски: «Рюйсбрёк» никогда не появлялся в России, Рюйсбрёк авторитет для Метерлинка; появление Рюйсбрёка имело бы характер ознакомления с неизвестным русской публике автором; крайне глубоким и интересным, «Petits poèmes» уже в двух переводах имеется³²,

²⁷ По сообщению Г.В. Нефедьева «Сад Великана» — пьеса Эллиса для детского театра, вероятно утраченная (*Нефедьев Г.В.* «Моя душа раскрылась для всего чудесного...»). С. 158).

²⁸ В «Мусагете» планировалось издание книги переводов Вяч. Иванова «Лирика Новалиса». В каталоге книг книгоиздательства в 1912 г. эта книга значилась с пометой «готовится». Проспект этой книги, написанный Белым и отправленный вместе с письмом к Вяч. Иванову был опубликован: Переписка Андрея Белого и Вячеслава Иванова (1904–1920) / Вступит. ст., подгот. текста и коммент. Н. Богомолова, Дж. Мальмстада // Русская литература. 2015. № 2. С. 62.

²⁹ Речь идет об издании: Рейсбрук Удивительный. Одевание духовного брака / Вступит. ст. М. Метерлинка; перев. М. Сизова. М., 1910.

³⁰ Помимо перевода «Стихотворений в прозе» (М., 1910) в «Мусагете» Эллисом были изданы сборник стихотворений «Stigmata» (М., 1911) и книга «Русские символисты» (М., 1910).

³¹ Сергей Александрович Кузевицкий (1874–1951), контрабасист, дирижер, композитор, меценат; принимал участие в собраниях «Общества свободной эстетики»; в 1909 г. основал «Русское музыкальное издательство».

³² К 1909 г. вышло в свет три перевода бодлеровских «Petits Poèmes en prose»: *Бодлэр Ш.* Маленькие поэмы в прозе / Пер. и вступ. ст. А. Александр-

Бодлэра печатают всякие «Саблины»³³; гонорар ты уже раз получил, еще собираешься получить и все-таки требуешь *Бодлэра*: остается думать, что животное самолюбие («Я», *Эллис*, перевел — играет первую роль). Мне стыдно тебе писать, но твое поведение меня вынуждает писать *голую правду*.

Ты скажешь: «*Мой перевод лучше*: я лучше всех знаю Бодлэра и русский язык».

Друг мой, ты вынуждаешь меня на последнее признание в силу твоей неделикатности.

Я ценю тебя, как теоретика, поэта (которому надо еще выписаться), но как переводчика... *нет*. Неужели ты полагаешь, что в «*Весак*» случайно год не появлялась статья³⁴ о твоих переводах: все тебя любящие, начиная с Брюсова и меня и кончая... быть может Эм[илий] Карл[ович] знает, насколько [ты] не на высоте ~~твоем~~ в переводах, и щадя тебя из любви стараются тебя перевести на другое. Ты ничего не хочешь знать, не хочешь видеть: ты упоен собой.

Прежде всего ты не знаешь достаточно языка, начиная с разговорного. Я считаю себя знающим *язык*, но имел случай убедиться, что раза 4 более тебя осведомлен в языке; ни за что я бы не взялся быть профессиональным переводчиком.

Твои «Цветы зла» 3/4 совершенно далеки от подлинника; кое-что удачно уловлено чутьем ~~все-таки незнанием языка~~; твой ум и талантливость «условно» выносят тебя, но очень условно.

Киселев, Петровский лучше тебя гораздо лучше знают язык. 3-ий перевод, если уж надо его, должен быть строжайше проредактирован: настаиваю я, чтобы иметь смелость в 3-ий раз предложить читателю «Поэмы» Бодлэра с места в карьер, новое идейное предприятие должно располагать безукоризненным переводом.

Ты скажешь: «*Мой перевод безукоризненный*». Посмотрим: я открываю первую страницу и читаю: «*Арсению Гусесе*». Что это за *Арсений*? Таких «*Арсениев*» нет в Европе. Есть «*Арсен*» т.е. «*Ар-*

ровича. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1902; *Бодлэр Ш.* Маленькие поэмы в прозе / Пер. с франц. М. Волкова. СПб.: АО тип. дела в Спб. «Герольд», [1909]. — Всеобщая библиотека; № 66–67; *Бодлэр Ш.* Маленькие поэмы в прозе / Пер. с франц. под ред. Л. Гуревич и С. Парнок; со вступ. статьей Л. Гуревич. СПб.: Посев, 1909. — Ср. также: *Дурылин С.* Бодлэр в русском символизме... С. 262, 290.

³³ Имя известного книгоиздателя и переводчика В.М. Саблина (1872–1916) используется в нарицательном смысле массового издания; в его издательстве, действовавшем на протяжении 1901–1912 гг., Бодлер не выходил (см.: Каталог изданий книгоиздательства В.М. Саблина. М., [1907]–[1912]).

³⁴ Белый намекает на свою рецензию на перевод Эллиса (см. выше примеч. 11).

сену Гусеэ». Первая строка первой страницы открывается с неряшества либо с незнания.

В первой фразе далее читаю: «шлю...свое...» произведение, о котором было бы несправедливо говорить, что оно без хвоста и без головы, *ибо напротив все в нем попеременно и взаимно* (что это за набор слов? По-русски ли сказано?) и хвост и голова).

Первое заглавие ~~первого отрывка~~ предисловия «*неверно*»; первая фраза первой страницы грамматически невнятна, угловата, неудобоварима.

В первом отрывке, озаглавленном «*Чужестранец*» далее чужестранец называется «*чужеземец*». Что же: «*чужестранец*», или «*чужеземец*»?

Далее: отрывок второй: глаза падают на фразу: «*ребенок... огласил дом ...писком*». По-русски нельзя сказать: «дом оглашают писком»³⁵. А бесконечные «*который, которому, которым* и т.д., пестрящие перевод (в русском языке желательно свести в минимуму громоздкое «*который*», изящное *qui* переводимо многообразно без помощи «*который*», здесь не место вдаваться в разбор: но на 5 фраз 2 удовлетворительных; весь перевод, даже не *сверья с текстом*, чудовищно изображен в отношении к русскому языку, подчас и синтаксису: (бесконечные галлицизмы).

И такой-то перевод, ссылаясь на отсутствующего Э[милия] К[арловича], ты желаешь «*нахрапом*» провести без контроля, для этого устраиваешь скандал, грозишь, кажется собираешься жаловаться (бесстыдно!).

Знай: я отступаю; более того: стану вообще в стороне от тебя; Ты не видишь, что твое систематическое неряшество, самомнение, инстинктивная хитрость, бессознательная казуистика и желание всюду гнуть свою личную линию под меркой высоких слов (бессознательно впрочем) без всякой потенции сознать свои недостатки превращают тебя в «субъекта», невыносимого во всяком деле. Я уже много раз тебя отстаивал, умалял, замазывал твои темные стороны из любви к тебе; и ты даже не понимаешь, что твои угрозы, намеки на желание «*жаловаться*» Эм. Карловичу грубо по отношению к Кисел[еву], Ал. Серг[еевичу Петровскому], Кожебаткину, еще грубее относительно меня. Я бы мог тебе напомнить один маленький факт: Ты, пользуясь моей усталостью, однажды прочитал мне тобой написанное предисловие к «*Монастырю*» за подписью «*А. Белый*».

³⁵ Предложенные Белым редакторские поправки были внесены в окончательный текст перевода Эллиса. Так, например, вместо «дом оглашают писком» читается: «огласил дом своим визгом».

Эллис — Андрею Белому³⁶
[сентябрь 1909]

Я очень рад, что дело выяснилось. Твое письмо сплошная *ложь*.

I

В письме в Музей я говорю о том, что мне вход не запрещался *раньше*, парируя в[опрос] о рецидиве. Кроме того, я полагаю, что и теперь *официально* (а для подписчиков «Весов» я стою на официальной т[очке] зр[ения]) до суда (письмо же писано до резолюции и до протокола, которого к тому же я не видал), что запрещения нет.

II

Я работал по журналу очень много. Уже в мае я составил в письмах Метнеру проекты почти всех дел. ~~Но меня игнорируют~~ Посещение Крахта³⁷, приглашение Кожебаткина, план первой конституции (в духе интимных отношений [?]) и многие другие — мое дело.

Но меня игнорируют.

1) Мое заявление даже не было прочитано у Крахта.

2) Я не был приглашен на I техническое собрание, даже не был уведомлен.

Моя работа в «Весах», причем ни Сережа³⁸, ни ты часто даже не бывали на ред[акционных] собраниях — гарантирует мою готовность работать.

«Св[ободная] Совесть» доказала, кто может работать³⁹. Я заранее учитываю, что Киселев ничего делать не будет, Петровский — сомнительно.

³⁶ НИИОР РГБ. Ф. 25. К. 25. Ед. 31. Л. 22–23 об. Письмо карандашом с нумерацией рукой Эллиса на первом листе римской I; письмо без обращения.

³⁷ К.Ф. Крахт (1868–1919), скульптор; в его художественной мастерской на Пресне проходили собрания «Молодого Мусагета» (см. справку о нем Г.В. Нефедьева в кн: Книгоиздательство «Мусагет»... С. 286).

³⁸ С.М. Соловьев (1885–1942), ближайшим образом лично связанный с кругом «Мусагета» и опубликовавший там в 1910 и 1913 гг. две книги стихов, по замечанию современного исследователя, был «самым “немусагетским” из всех “мусагетовцев”» (*Шапошников М.Б.* «Мусагетские» книги стихов Сергея Соловьева // Книгоиздательство «Мусагет»... С. 136).

³⁹ Позднее Белый охарактеризовал этот подготовленный Эллисом литературно-философский сборник «Свободная совесть» (Кн. 1–2. М., 1906) как «тупейший» и «ничтожнейший» (*Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 509).

III

Месяц тому назад начался инцидент с Музеем. Мог ли я редактировать Метнера? Пошло, грубо, лживо и преступно бросать мне такие обвинения. Я был близок к нервной болезни.

IV

Не-совещательный Комитет — есть измена самому внутреннему с твоей стороны перед Метнером и мной.

V

«По крайней мере до Метнера» Комитет существовать не может. [Давайте?] думать о возможности его прекратить.

VI

О Бодлэре

Отзыв о моих работах над Бодлэром со стороны членов Комитета элементарно вынуждает меня прекратить всякое сношение как с журналом, так и с издательством, ибо перевод Бодлэра — дело всей моей жизни и имеет для меня гиератическое значение. С Метнером я уже говорил об этом, и он высказал высокое мнение о моем переводе. Очень рад узнать твое настоящее мнение обо мне, а не фразы с пьяных глаз о моей гениальности.

Насколько застегнутый и холодный Брюсов ко мне относился *моральнее*. Я утверждаю, что поэтические переводы могут судить лишь поэты, а не Киселевы и Петровские.

Предисловие к прозе Бодлэра о [*1 нрзб.*] переводе не стоит в связи с изданием «Полезы», ибо «Цветы зла» были изданы «Заратустрой».

«Сад Великана» я включил в проспект вообще (не на 1 год во всяком случае) и предположительно.

Я взял не 400, а всего 300 руб., т.е. столько, сколько указано Метнером. Прошу вообще меня не обсчитывать там, где есть документальные данные (письмо Метнера).

Я буквально умираю с голода (ты это знаешь), по прозе Бодлэра долг в 200 р. (К-му), я эту прозу взял у Антика в апреле и лишил себя 200 р. гонорара⁴⁰.

⁴⁰ (К-му) — предположительно имеется ввиду С.А. Кусевичкий, упоминаемый в письме А. Белого (см. выше примеч. 31). В книгоиздательстве В.М. Антика «Полез» (в серии «Универсальная библиотека») вышел перевод драмы Верхарна «Монастырь».

Каждый день задержки — для меня [*1 нрзб.*].

Рейсбрек же только через месяц может начать печататься.

Кроме того, твоя и моя книга уже были решены (даже условные детали я решил с Метнером) еще в мае.

Я рассматриваю, как хулиганство, попытку временного и фактически-существующего Комитета переделывать решение, давая себе *обратную* силу, что юрид[ически] — абсурдно.

Мой перевод редакции *Рачинского*, и одобрен к исп[олнению].

Твоя критика моего перевода — смешна. По-русски Арсенов нет также как по-французски Арсениев.

По-немецки Эмиль, но зовем же мы Метнера Эмилий. Как тебе не стыдно?

«Дом оглашается писком» можно. Твое заявление голословно и неясно. Почему *qui* изящнее который — дело вкуса.

О Верхарне

Ты мог бы не согласиться на предисловие к моему переводу. Оно же касается Верхарна, а не меня, подобно предисловия Брюсова к Бодлэру, которое он написал, не видя перевода.

Советую твое письмо напечатать в «Голосе Москвы», я даю рыцарское слово впредь не считать себя в числе твоих друзей.

Эллис

Бодлэра я буду продолжать печатать.

Литература

Белый А. Начало века / Изд. подгот. А.В. Лавров. М.: Худ. литература, 1990. 687 с.

Белый А. О Блоке. Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи / Изд. подгот. А.В. Лавров. М.: Автограф, 1997. 608 с.

Белый А. Собр. соч. Арабески: Книга статей. Луг зеленый: Книга статей. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2012.

Блок А.А. Письма к родным / Предисл. М. Бекетовой. М.: Книжный клуб Книговек, 2015. 672 с.

Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Наука, 2010. Т. 8. 602 с.

Богомолов Н.А. Из заметок о русском бодлеризме // Богомолов Н.А. Вокруг «Серебряного века»: Статьи и материалы. М.: НЛО, 2010. 720 с.

Бодлэр Ш. Цветы зла. Стихотворения / Пер. Эллиса; вступ. ст. В. Брюсова. М.: Заратустра, 1908.

Валентинов Н. (Н. Вольский). Два года с символистами. М.: Согласие, 2000. 384 с.

Верхарн Эмиль. Монастырь / Пер. Эллиса; предисл. Андрея Белого. М.: Польза, [1908].

Волошин М. Собр. соч. Т. 7. Кн. 1. Журнал путешествия; Дневник 1901–1903; История моей души / Изд. подгот. В.П. Купченко. СПб., 2006.

Глухова Е.В. Андрей Белый в проектах первых лет Советской власти: Пролеткульт и Наркомпрос // Арабески Андрея Белого. Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика. Белград; Москва, 2017. С. 193–194.

Глуховская Е. Эллис в воспоминаниях современников // Летняя школа по русской литературе. 2014. № 2. С. 127–138.

Глуховская Е.А. Инцидент с Эллисом в контексте русского символизма: к истории одного (около)литературного скандала // Русская литература. 2012. № 1. С. 137–148.

Дурылин С. Бодлэр в русском символизме / Публ., предисл., коммент. Г.В. Нефедьева // Книгоиздательство «Мусaget»: История. Мифы. Результаты. Исследования и материалы. М.: РГГУ, 2014. С. 283–285.

«Кожебак!... Да ведь это хуже, чем гусак!!!» Письма Андрея Белого к А.М. Кожебаткину / Предисл., публ., коммент. Дж. Мальмстада // Лица: Биограф. альманах. Вып. 10. СПб., 2004. С. 127–176.

Лавров А.В. Андрей Белый: Разыскания и этюды. М.: НЛЮ, 2007. 520 с.

Нефедьев Г.В. «Моя душа раскрылась для всего чудесного...»: Переписка С.Н. Дурылина и Эллиса (1909–1910 гг.) // С.Н. Дурылин и его время. Кн.1. Исследования. М.: Модест Колеров, 2010. С. 113–158.

Нефедьев Г.В. Итальянские письма Андрея Белого: ракурс к «Посвящению» // Archivio Italo-Russo II. Русско-итальянский архив II / Сост. Д. Рицци и А. Шишкин. Салерно, 2002. С. 115–139.

Переписка Андрея Белого и Вячеслава Иванова (1904–1920) / Вступит. ст., подгот. текста и коммент. Н. Богомолова, Дж. Мальмстада // Русская литература. 2015. № 2. С. 29–103.

Письмо Андрея Белого к Эллису / Предисл., публ. и примеч. А.В. Лаврова // Лица: Биограф. альманах. Вып. 5. М.; СПб., 1994. С. 386–398.

Поляков Федор. Чародей, рыцарь, монах. Биографические маски Эллиса (Льва Кобылинского) // *Lebenkunst — Kunstleben*. Жизнетворчество в русской культуре XVIII–XX вв. / Sch. Schahadat (Hrsg.). München, 1998. С. 125–139. — *Die Welt der Slaven. Sammelbände/Сборники*, 3.

Российское научное зарубежье. Библиографический справочник / Гл. ред. Ю.В. Мухачев, ред.-сост. М.Ю. Сорокина; под общ. ред. Г.А. Месяца и Е.П. Челышева. М.: Парад, 2011.

Сонеты из *Vita nuova* Данте в ранних переводах Эллиса / Подготовка текста и комментарии Елены Глуховой и Федора Полякова; Предисловие Федора Полякова // *Wiener Slavistisches Jahrbuch = Vienna Slavic Yearbook*. Bd. 5. 2017. С. 185–216.

Эллис. Из творческого наследия / Предисл., публ., коммент. А.В. Лаврова // Писатели символистского круга: Новые материалы. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. С. 328–372.

Эллис. Письма к Блоку (1907) / Публ., предисл. А.В. Лаврова // Литературное наследие. М.: Наука, 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 273–291.

Willich H. Lev L. Kobylinskij-Ellis: Vom Symbolismus zur *ars sacra*. Eine Studie über Leben und Werk. München, 1996. S. 47–50. — *Slavistische Beiträge*, 341.

References

Bely A. *Nachalo veka*, ed. A.V. Lavrov. Moscow: Khudozhestvennaya literature publ., 1990. 687 p.

Bely A. *O Bloke. Vospominaniya. Stat'i. Dnevniki. Rechi*, ed. A.V. Lavrov. Moscow: Avtograf publ., 1997. 608 p.

Bely A. *Sobranie sochineniy. Arabeski: Kniga statei. Lug zeleny: Kniga statei*. Moscow: Respublika publ.; Dmitrij Sechin publ., 2012.

Blok A.A. *Pis'ma k rodnym*, introd. M. Beketova. Moscow: Knizhny klub Knigovok publ., 2015. 672 p.

Blok A.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem*: in 20 vols. Moscow: Nauka publ., 2010. V. 8. 602 p.

Bodler Sh. *Cvety zla. Stihotvorenija*, transl. Ellis, introd. V. Bryusov. Moscow: Zarautstra publ., 1908.

Bogomolov N.A. "Iz zametok o russkom bodlerianstve". In Bogomolov N.A. *Vokrug "Serebrjanogo veka": Stat'i i materialy*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2010. 720 p.

Durylin S. "Bodler v russkom simbolizme", ed., introd., comm. G.V. Nefed'ev. In *Knigoizdatel'stvo «Musaget»: Istorija. Mify. Rezul'taty: Issledovania i materialy*. Moscow: RGGU publ., 2014, pp. 283–285.

Ellis. "Iz tvorcheskogo nasledija", introd., ed., comm. A.V. Lavrov. In *Pisateli simbolistskogo kruga: Novye materialy*. St.-Petersburg: Dmitrij Bulanin publ., 2003, pp. 328–372.

Ellis. "Pis'ma k Bloku (1907)", ed., introd. A.V. Lavrov. In *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow: Nauka publ., 1981. Vol. 92. Book 2, pp. 273–291.

Glukhova E.V. "Andrei Bely v proektah pervyh let Sovetskoj vlasti: Proletkul't i Narkompros". In *Arabeski Andreia Belogo. Zhiznennyj put'. Duhovnye iskanija. Poetika*. Belgrad; Moscow, 2017, pp. 193–194.

Glukhovskaya E. "Ellis v vospominanijah sovremennikov". In *Letnjaja shkola po russkoj literature*. 2014. № 2, pp. 127–138.

Glukhovskaya E.A. "Incident s Ellisom v kontekste russkogo simbolizma: k istorii odnogo (okolo)literaturnogo skandala". *Russkaia literatura*. 2012. № 1, pp. 137–148.

"Kozhebak!... Da ved' eto huzhe, chem gusak!!!" Pis'ma Andreia Belogo k A.M. Kozhebatkinu, ed., introd., comm. Dzh. Mal'mstad. In *Litza: Biographicheskij al'manah*. Issue 10. St.-Petersburg., 2004, pp. 127–176.

Lavrov A.V. *Andrei Bely: Razyskanija i etjudy*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2007. 520 p.

Nefed'ev G.V. "Ital'ianskie pis'ma Andreia Belogo: rakurs k 'Posvjashheniu'" In *Archivio Italo-Russo II. Russko-ital'ianskij arhiv II*, eds. D. Ricci, A. Shishkin. Salerno, 2002, pp. 115–139.

Nefed'ev G.V. "'Moja dusha raskrylas' dlja vsego chudesnogo...": Perepiska S.N. Durylina i Ellisa (1909–1910). In *S.N. Durylin i ego vremja*. Book 1 "Issledovania". Moscow: Modest Kolerov publ., 2010, pp. 113–158.

"Perepiska Andreia Belogo i Vyacheslava Ivanova (1904–1920)", eds., introd., comm. N. Bogomolov, Dzh. Mal'mstad. *Russkaia literatura*. 2015. № 2, pp. 29–103.

"Pis'mo Andreia Belogo k Ellisu", ed., introd., comm. A.V. Lavrov. In *Litza: Biograficheskij al'manah*. Issue 5. Moscow; St. Petersburg, 1994, pp. 386–398.

Poliakov Fyodor. "Charodei, rytzar', monakh. Biograficheskie maski Ellisa (L'va Kobylinskogo)" In *Lebenkunst — Kunstleben. Zhiznetvorchestvo v russkoj kul'ture XVIII–XX vv.* Sch. Schahadat (Hrsg.). München, 1998, pp. 125–139. — *Die Welt der Slaven. Sammelbände/Sborniki*, 3.

Rossiiskoe nauchnoe zarubezh'e. Bibliograficheskij spravocchnik. Eds. Yu.V. Mухачев, M.Yu. Sorokina, G.A. Mesiatz, E.P. Chelyshev. Moscow: Parad publ., 2011.

"Sonety iz *Vita nuova* Dante v rannikh perevodakh Ellisa", eds., comm. Elena Glukhova, Fyodor Poliakov, introd. Fyodor Poliakov. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. Bd. 5. 2017, pp. 185–216.

Valentinov N. (N. Vol'skij). *Dva goda s simbolistami*. Moscow: Soglasie publ., 2000. 384 p.

Verharn E. *Monastyr'*, transl. Ellis; introd. A. Bely. Moscow: Pol'za publ., [1908].

Voloshin M. *Sobranie sochineniy*. V. 7. Book 1. “Zhurnal puteshestvija; Dnevnik 1901–1903; Istorija moej dushi”, ed. V.P. Kupchenko. St-Petersburg, 2006.

Willich H. Lev L. *Kobylinskij-Ëllis: Vom Symbolismus zur ars sacra. Eine Studie über Leben und Werk*. München, 1996, pp. 47–50. — Slavistische Beiträge, 341.

Andrei Bely and Ellis’ Translations of Verhaeren

Elena Glukhova

Abstract: The annotated publication of two previously unknown letters by Ellis and Andrei Bely has to do with Ellis's work on his translations of Baudelaire and Verhaeren. On the basis of this witness it can be argued that the preface to the translation of the Verhaeren's drama «Monastery», signed by Bely's name, in fact belongs to Ellis. The letters also shed light on the relations between the correspondents and on some issues concerning the activity of the publishing house «Musaget».

Keywords: Andrei Bely, Ellis (Lev Kobylinsky), Emile Verhaeren, Charles Baudelaire, publishing house “Musaget”.

Information about the author: Elena Glukhova, Senior Research Fellow, A.M.Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences; e-mail: elenagluhova@mail.ru

Неизвестный перевод Андрея Белого

Д.О. Торшилов

Аннотация: Неопубликованный текст Андрея Белого является чуть ли не уникальным образцом его *переводов*. Выполненный во время тесного сотрудничества с В.Э. Мейерхольдом, перевод статьи К. Зервуса о постановке «Ревизора» проливает дополнительный свет на представления Белого о связи языкового и визуального как в его творчестве, так и в исследовательской деятельности.

Ключевые слова: Андрей Белый, Гоголь. Мейерхольд, теория и практики перевода, языковое и визуальное.

Информация об авторе: Торшилов Дмитрий Олегович, к.ф.н., доцент кафедры классической филологии Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета; Москва. E-mail: dmitry.torshilov@gmail.com

Собственные произведения Андрея Белого всегда задействуют такие ресурсы родного языка, которые делают их переводимыми на другие языки разве что в прямом словарном смысле, с утратой их специфических достоинств; с этим связано другое обстоятельство — сам Белый, «скиф», никогда не переводил с иностранных языков; в списке его сочинений, в отличие от большинства его ближайших спутников в русской литературе, раздел «переводы» остается пустой. «Из всего поколения старших символистов Андрей Белый наименее культурен [...] Как-то не представляется, что он бывал в Лувре, читал Гомера...», — писал Н.С. Гумилев [10, с. 19].

Из этого правила известны только два или три небольших исключения. В сентябре 1913 г., вскоре после признания себя учеником Р. Штейнера, Белый переводит с немецкого фрагмент из его драмы-мистерии «Врата посвящения» (в переводе Белого «У врат посвящения»; опубликован: [16], об истории создания см.: [12]). Согласно сообщению С.В. Казачкова, в частном собрании хранится сделанный Белым перевод курса лекций Р. Штейнера «Бхагавадгита и послания апостола Павла» [13, с. 77]. Возможно, это все же конспект или пересказ, а не собственно перевод. Наконец, в конце мая 1927 г. Белый переводит с французского хвалеб-

ный отзыв о мейерхольдовской постановке «Ревизора» известного художественного критика (грека по происхождению) Кристиана (Христоса) Зервоса (1889–1970). Зервос и его журнал «*Cahiers d'art*» были тесно связаны не только с П. Пикассо (как повторяет Белый), но и с А. Матиссом, Ж. Браком, впоследствии с Ж. Миро, М. Шагалом, Ф. Леже.

О датировке перевода говорит письмо Белого П.Н. Зайцеву от 9 июня 1927: «Еще: думаю, что в Никитинский сборник о Мейерхольде хорошо было бы напечатать маленькую статью о “*Ревизоре*”, появившуюся в органе Пикассо (по-французски); она — коротка, но ее очень стоило бы напечатать как мнение органа Пикассо (да и самого Пикассо), считающего, что “*Ревизор*” — чудо сценического воплощения; будучи в Тифлисе, я перевел эту статейку и оставил Мейерхольду, который хотел выслать Вам» [11, с. 389]. Упоминает Белый его и в «Ветре с Кавказа», очерке о своем летнем путешествии 1927 г.: «Я что-то нигде не наткнулся на такого рода разбор; нет, — наткнулся: в французском журнале, в журнале... Пикассо... Там высказались: “*Ревизор*” Мейерхольда есть новая главка в истории изобразительности» [1, с. 86].

В Тифлисе, согласно «Ракурсу к дневнику» [5, с. 498], Белый вместе с К.Н. Бугаевой останавливался как раз у Мейерхольдов; это было 19–24 мая 1927 г. В эти дни выполнен и публикуемый перевод. Экземпляр журнала, с которого он сделан, надо полагать, также нашелся у Мейерхольдов. «Никитинским сборником» Белый называет сборник «Гоголь и Мейерхольд», вышедший в издательстве «Никитинские субботники» в конце того же 1927 г. и открывающийся его одноименной статьей [8, с. 9–38; переиздана: 4, с. 369–386].

Это период самого активного сотрудничества Белого с Мейерхольдом и его театром. Он начинается осенью 1926 г., когда Мейерхольд предлагает переработать первый том романа «Москва» в драму для постановки в ГосТИМ'е [5, с. 492–495]; зимой Белый работает над этой драмой, посещает репетиции «Ревизора», в феврале пишет упомянутую статью «Гоголь и Мейерхольд» (подробнее об отношениях Белого с Мейерхольдом см., в частности, [3]).

По переводу драмы-мистерии Штейнера, выполненному верлибром, все же нельзя было судить, как Белый переводил бы обычную прозу; ведь специфика его стиля — ритмизация, обилие неологизмов, прихотливый синтаксис и интонация сказа — свойственна вовсе не только его художественной прозе, но и статьям, и переписке; по некоторым воспоминаниям, она была отчетливо слышна даже в его устной речи [7, с. 335]. При этом перевод статьи Зервоса сделан вовсе не «языком Андрея Белого». К сожалению, остается без ясного ответа обратный вопрос, — как проявля-

лась стилистика Белого, когда он писал не на родном языке, — потому что написанное им по-немецки не опубликовано (например, письмо М. Бауэру, см. [6]; неясно, аутентична или сделана при помощи переводчика его немецкая статья «Die Anthroposophie und Rußland», см.: [19], [14]).

Относительно содержания публикуемой статьи нужно сказать, что Зервос, писавший в основном о художниках, в постановке «Ревизора» видит прежде всего зрелище и даже просто картину: «эффекты, реализуемые цирком и кинематографом», «красочные эффекты», «несравнимый колорит», «три захватывающих и прекрасных картины»; режиссер вообще сравнивается с «иллюстратором», которого не надо упрекать за «свободу обращения с текстом и его духом». Белому, проза которого в 1920–1930-е гг. особенно экфрасична, полна выполненными с преувеличенной точностью и детализацией описаний (ср.: [9, с. 793–795; 15; 17; 18, с. 357]), оказался близок этот парадокс текста как картины. Эту линию, «изобразительность Гоголя», развивает третья глава его написанного впоследствии «Мастерства Гоголя» [2], которой он отчасти обязан Мейерхольду и Зервосу.

Автограф перевода хранится в РО Центральной научной библиотеки СТД РФ. Оригинал: Christian Zervos Le “Revisor” de Gogol réalisé par Meyerhold // Cahiers d’art. 1927. № 2. P. 75–76. Публикатор благодарит В.П. Нечаева за сохранность редкого текста и возможность с ним познакомиться.

Кристиан Зервос

«Ревизор» Гоголя в воплощении Мейерхольда

Перевод Андрея Белого

«Ревизор» Гоголя — последнее создание Мейерхольда, чуждого артиста, единственного в своем роде, который сумел в наши дни возвысить искусство постановки до чистого классицизма. Весь мир знает сюжет Гоголя, как кажется, инспирировавший Жана Кокто в его прекрасном романе «*Фома Самозванец*»¹.

Вот этот сюжет: некто приезжает в провинциальный город. Его ошибочно принимают за Ревизора, своего рода контролера провинциальной администрации. Все охвачены паникой, особенно те из чиновников, которые имеют на совести большие или малые проступки.

¹ Роман Ж. Кокто по-русски обычно называют «Самозванец Тома». Был напечатан в «Никитинских субботниках» двумя годами ранее, в 1925 г., в переводе В. Мониной.

Ложный Ревизор входит в свою роль; он становится причиной смятения погруженных в сон провинциалов, всюду одних и тех же.

Самозванец устрашает всех и покоряет сердца, особенно сердце дочери городничего, предмет вожделений городской молодежи. Потом обман раскрывается, и все оказываются потерпевшими.

Для этой фабулы Мейерхольд дал прекраснейшее сценическое оформление, секретом которого он гениально владеет. Его попытка послужила поводом к многим диспутам в России и даже подверглась жестокой критике со стороны московской прессы.

Театральные критики ему ставят в вину свободу обращения с текстом и в особенности с духом текста, в чем они сильно неправы.

Подобно тому как нельзя требовать, чтобы иллюстратор книги слепо следовал тексту, так же ошибочно отнимать у режиссера право на импровизацию и на внесени своего понимания в дух пьесы.

Мейерхольд воспользовался пьесой Гоголя для выражения своего взгляда на театр. Я, зритель, никогда не хожу в театр: сценическое воплощение пьесы всегда ниже пьесы. Обыкновенно я удовлетворяюсь чтением пьесы и воссозданием ее в себе сообразно с моим собственным пониманием.

Но когда режиссер, или, лучше сказать, тот, кто дает жизнь пьесе, дает мне разрешение ее столь же оригинально, как и поэт, тогда его роль кажется мне нужной и заслуживающей поощрения.

В постановке «Ревизора» Мейерхольд ввел все свои зрелища. Как я уже объяснял в предыдущей статье**, постановка Мейерхольда включает в чисто театральные эффекты еще и эффекты, реализуемые цирком и кинематографом.

В «Ревизоре» эти эффекты возвышены до классического стиля; они оказываются здесь слитыми, воспринятыми и воплощенными так, что производят впечатление цельности.

Это реализовано посредством ни с чем несравнимого колорита, далеко превосходящего художественное чутье его собратьев по искусству.

Вместе с Пикассо в «Ревизоре» я восхищаюсь глубочайшим знанием искусства краски. Ни один художник, ни один постановщик балета (кроме Пикассо) не мог достичь столь точных, совершенных и правдивых красочных эффектов. Посмотрите на боль-

** «Cahiers d'art» № 9 за 1926 год. (Прим. Белого. Сноска с номером * пропущена.)

Статья называлась «Les recherches de Meyerhold» («Поиски Мейерхольда»).

шое кресло посередине сцены, посмотрите на позы действующих лиц!***

Посмотрите в финале пьесы, когда ложь разоблачена, на искусство, с которым Мейерхольд распределяет внимание на три захватывающих и прекрасных картины.

В таком выявлении конца пьесы Мейерхольд выказал оригинальность. Он порвал с традицией. Традиция заключалась в экспозиции конца пьесы сообразно с указаниями (нарисованными) Гоголя. Мейерхольд выявил конец пьесы сообразно с духом своего понимания и тех требований, которые он себе ставил. Мейерхольд ввел в конец пьесы новый элемент: гротеск. Гротеск в последние годы был использован балетом. Но в балете нет словесного материала, который, будучи противопоставлен пантомиме, увеличивает гротеск. Этот эффект был получен Мейерхольдом посредством картонных манекенов, которые выявляют пластику другого рода и силы, чем пластика живого существа, не могущего оставаться неподвижным достаточно долго для того, чтобы дать полное впечатление гротеска.

Так мы рассматриваем искусство театра. Вот почему в этом обзоре я не говорю ни о чем ином, кроме опыта Мейерхольда.

Это единственный опыт, который меня интересует. Остальные искания теряются в бесконечности нисколько меня не интересующих деталей, потому что в них отсутствует подлинный дух сцены.

Христиан Зервос****

Литература

1. *Андрей Белый*. Ветер с Кавказа. М.: Федерация, 1928.
2. *Андрей Белый*. Мастерство Гоголя. М.; Л.: ГИХЛ, 1934.
3. Из переписки А. Белого: Письма В.Э. Мейерхольду и З.Н. Райх / Публ. вступ. ст. и комм. Джона Малмстада // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 132–166.
4. *Андрей Белый*. Мастерство Гоголя // *Андрей Белый*. Собрание сочинений. Т. IX / Общ. ред., сост., послесловие и комм. Л.А. Сугай. М.: Издательство «Дмирий Сечин», 2013.
5. *Андрей Белый*: Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А.В. Лавров и Дж. Малмстад; подг. текста А.В. Лаврова, Дж. Малмстада, Т.В. Павловой, М.Л. Спивак; статьи и коммент. А.В. Лаврова, Дж. Малмстада, М.Л. Спивак // Литературное наследство. Т. 105. М.: Наука, 2016.

*** Речь идет о снимках с «Ревизора», приложенных к тексту статьи. Примечание переводчика. (*Прим. Белого*.)

**** Редактор «*Cahiers d'art*», органа Пикассо. (*Прим. Белого*. Другой рукой зачеркнуто «органа Пикассо», добавлено «*Paris, 1927, № 2*».)

6. Андрей Белый. Письмо Михаилу Бауэру / Подг. текста, прим. М.Л. Спивак, пер. с нем. Х. Шталь // *Арабески Андрея Белого. Жизненный путь. Духовные искания. Поэтика* / Ред.-сост. К. Ичин, М.Л. Спивак. М.; Белград, 2017. С. 225–261.
7. Берберова Н.Н. Из книги «Курсив мой» // Воспоминания об Андрее Белом / Сост. В.М. Пискунов. М.: Республика, 1995. С. 326–340.
8. Гоголь и Мейерхольд: Сборник литературно-исследовательской ассоциации ЦДРП / Под. ред. Е.Ф. Никитиной. М.: Никитинские субботники, 1927. 88 с.
9. Глухова Е.В., Торшилов Д.О. Проза Андрея Белого // *Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты прозаиков: В 3 т. Т. 1. Кн. 2.* М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 768–806.
10. Гумилев Н.С. Соч.: В 3 т. Т. III. Письма о русской поэзии. М.: Художественная литература, 1991.
11. Зайцев П.Н. Воспоминания / Сост. М.Л. Спивак, вступ. статья, комм. М.Л. Спивак, Дж. Малмстада и др. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
12. Казачков С.В. «В «Весах» сентября...» // *Литературное обозрение*. 1995. № 4/5 (252). С. 72–73.
13. Казачков С.В. «Медитацией укрепленные мысли...» // Андрей Белый: автобиографизм и биографические практики / Ред.-сост. К. Кривеллер, М.Л. Спивак. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 27–79.
14. Майдель Р. фон, Безродный М.В. К переводу статьи Белого «Die Anthroposophie und Rußland» на русский язык // *Новое литературное обозрение*. 1994. № 9. С. 161–167.
15. Николеску Т. Белый и экспрессионизм // Андрей Белый в изменяющемся мире. К 125-летию со дня рождения. М.: Наука, 2008. С. 441–451.
16. Штейнер Р. У врат посвящения / Пер. Андрея Белого. Публ., прим., послесловие С.В. Казачкова // *Литературное обозрение*. 1995. № 4/5 (252). С. 69–71.
17. Торшилов Д.О. Зрительное в языке: методы анализа визуального ряда произведений литературы в работах А. Белого 1916–1934 гг. // *Труды РАШ. Вып. 3.* М., 2005. С. 120–165.
18. Шулова Я.А. «Петербург» и «Москва» А. Белого (вопросы генезиса поэтики). СПб.: Издательство СПбГПУ, 2009.
19. Andrej Bjely. Die Anthroposophie und Rußland // *Die Drei. Monatsschrift für Anthroposophie und Dreigliederung*. 1922. № 7. S. 26–38. № 8. SS. 45–57.

References

1. Andrey Bely. *Veter s Kavkaza [Wind from the Caucasus]*. Moscow, Federatsiia Publ., 1928. (In Russ.)
2. Andrei Belyi. *Masterstvo Gogolia [Mastery of Gogol]*. Moscow; Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1934. (In Russ.)
3. Iz perepiski A. Belogo: Pis'ma V.E. Meierkhol'du i Z.N. Raikh [From the Correspondence of A. Bely: Letters to V.E. Meyerhold and Z.N. Raich], publ. vstup. st. i komm. Dzhona Malmstada. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2001, no 51, pp. 132–166. (In Russ.)
4. Andrei Belyi. *Masterstvo Gogolia [Mastery of Gogol]*. Andrei Belyi. *Sobranie sochinenii*. T. IX, Obshch. red., sost., posleslovie i komm. L.A. Sugai. Moscow, Dmirii Sechin Publ., 2013. (In Russ.)
5. Andrei Belyi. *Avtobiograficheskie svody: Material k biografii. Rakurs k dnevniku. Registratsionnye zapisi. Dnevniky 1930-kh godov [Autobiographical Codes: Material for a Biography. Perspective to the Diary.Registration Records. The Diaries of the 1930s]*, Sost. A.V. Lavrov i Dzh. Malmstad; podg. teksta A.V. Lavrova, Dzh. Malmstada, T.V. Pavlovoi,

M.L. Spivak; stat'i i komment. A.V. Lavrova, Dzh. Malmstada, M.L. Spivak. Literaturnoe nasledstvo. T. 105. Moscow, Nauka Publ., 2016. (In Russ.)

6. Andrei Belyi. *Pis'mo Mikhailu Baueru [Letter to M. Bauer]*, Podg. teksta, prim. M.L. Spivak, per. s nem. Kh. Shtal'. Arabeski Andreia Belogo. Zhiznennyi put'. Dukhovnye iskania. Poetika, Red.-sost. K. Ichin, M.L. Spivak. Moscow; Belgrad, 2017. Pp. 225–261. (In Russ.)

7. Berberova N.N. Iz knigi «Kursiv moi» [From the book “Italic Is My”]. *Vospominaniia ob Andree Belom [Memories of Andrei Bely]*. Sost. V. M. Piskunov. Moscow, Respublika Publ., 1995. Pp. 326–340. (In Russ.)

8. *Gogol' i Meierkhol'd: Sbornik literaturno-issledovatel'skoi assotsiatsii TsDRP [Gogol and Meyerhold: Collection of the Literary and Research Association of the TsDRP]*, Pod. red. E.F. Nikitinoi. Moscow, Nikitinskie subbotniki Publ., 1927. (In Russ.)

9. Glukhova E.V., Torshilov D.O. Proza Andreia Belogo [Prose of Andrei Bely]. *Russkaia literatura 1920–1930-kh godov. Portrety prozaikov [Russian Literature of 1920–1930-ies. Portraits of Prose Writers]*. V 3 t. T. 1. Kn. 2. Moscow, IMLI RAN Publ., 2016. Pp. 768–806. (In Russ.)

10. Gumilev N.S. *Sochineniia v 3-kh tomakh. T. III. Pis'ma o russkoi poezii [Works in 3 Vol. T. III. Letters on Russian Poetry]*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1991. (In Russ.)

11. Zaitsev P.N. *Vospominaniia [Memories]*, Sost. M.L. Spivak, vstup. stat'ia, komm. M.L. Spivak, Dzh. Malmstada i dr. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. (In Russ.)

12. Kazachkov S.V. «V “Vesakh” sentiabria...» [“In the Libra of September...”]. *Literaturnoe obozrenie*, 1995, no 4/5 (252), pp. 72–73. (In Russ.)

13. Kazachkov S.V. «Meditatsiei ukreplennye mysli...» [“Thoughts, Strengthened by Meditation...”]. *Andrei Belyi: avtobiografizm i biograficheskie praktiki [Andrei Bely: Autobiographism and Biographical Practices]*, Red.-sost. K. Kriveller, M.L. Spivak. SPb.: Nestor-Istoriia Publ., 2015. Pp. 27–79. (In Russ.)

14. Maidel' R. fon, Bezrodnyi M.V. K perevodu stat'i Belogo «Die Anthroposophie und Rußland» na russkii iazyk [To the Translation of Andrei Bely's Article “Die Anthroposophie und Rußland” into Russian]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1994, no 9, pp. 161–167. (In Russ.)

15. Nikolesku T. Belyi i ekspressionizm [Bely and Expressionism]. *Andrei Belyi v izmeniaiushchemsia mire. K 125-letiiu so dnia rozhdeniia [Andrei Bely in a Changing World. On the 125th Anniversary of his Birth]*. Moscow, Nauka Publ., 2008. Pp. 441–451. (In Russ.)

16. Shtainer R. U vrat posviashcheniia [At the Gate of Initiation], Per. Andreia Belogo. Publ., prim., posleslovie S.V. Kazachkova. *Literaturnoe obozrenie*, 1995, no 4/5 (252), pp. 69–71. (In Russ.)

17. Torshilov D.O. Zritel'noe v iazyke: metody analiza vizual'nogo riada proizvedenii literatury v rabotakh A. Belogo 1916–1934 gg. [Visual in the Language: Methods of Analyzing the Visual Range of Literature in the Works of A. Bely 1916–1934]. *Trudy RASH*, 2005, vyp. 3, pp. 120–165. (In Russ.)

18. Shulova Ia.A. «Peterburg» i «Moskva» A. Belogo (voprosy genezisa poetiki) [“Petersburg” and “Moscow” of A. Bely (Questions of the Genesis of Poetics)]. St.-Petersburg, SPbGPU Publ., 2009. (In Russ.)

19. Andrej Bjely. Die Anthroposophie und Rußland [Anthroposophy and Russia]. *Die Drei. Monatschrift für Anthroposophie und Dreigliederung*, 1922, no 7, ss. 26–38; no 8, ss. 45–57. (In German)

Unknown Translation by Andrey Bely

Dmitry O. Torshilov

Abstract: Unpublished text by Andrey Bely is a unique example of his translations. Completed during Bely's close cooperation with V.E. Meyerhold, it sheds more light on Bely's ideas about the connection that exists between the linguistic and the visual both in his work and in his studies.

Keywords: Andrey Bely, Gogol, Meyerhold, translation theory, the visual and the linguistic.

Information about author: Torshilov Dmitry O., PhD, Associate Professor, Department of Classical Philology at the Institute of Oriental and Classical Studies, Russian State University for the Humanities; Moscow. E-mail: dmitry.torshilov@gmail.com

Тептелкин и другие в романе Конст. Вагинова «Козлиная песнь»*

Н.И. Николаев

Аннотация: В таких героях романа Конст. Вагинова «Козлиная песнь» (Л., 1928) как Тептелкин и Философ, с одной стороны, достоверно воспроизводятся отдельные черты личности Л.В. Пумпянского и М.М. Бахтина, что позволяет считать этот роман важным источником для реконструкции деятельности Невельской школы философии в Ленинграде в середине 1920-х гг., а с другой стороны, эти герои ни в коей мере полностью не совпадают со своими прототипами. Это несовпадение обусловлено как особой поэтикой романа, так и его общей концепцией.

Ключевые слова: К. Вагинов, русская литература 1920-х годов, прототипы, Л.В. Пумпянский, М.М. Бахтин

Информация об авторе: Николай Иванович Николаев, главный библиотекарь отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки Санкт-Петербургского гос. университета; Санкт-Петербург. E-mail: n.nikolaew@spbu.ru

Памяти Всеволода Николаевича Петрова

Романы Конст. Вагинова вновь появились в сознании читающей публики только с конца 1960-х гг. вследствие двух обстоятельств: во-первых, с открытием творчества обэриутов, с которыми был близок Вагинов, а во-вторых, с открытием «группы Бахтина», среди участников которой он тоже был упомянут¹. Более того, тут же присоединилась устная легенда (заметим, хорошо известная еще первым читателям), что герои вагиновских романов имеют прототипы. Но было названо имя только одного из них — Л.В. Пумпян-

* Приносим благодарность за критические замечания, сделанные при обсуждении ранних вариантов статьи, Д.М. Бреслеру, С.И. Николаеву, Диме Петрову, А.И. Степанову, В.И. Эрлю.

¹ *Ревзина О.Г.* [Заседание Лингвистического объединения при Лаборатории вычислительной лингвистики МГУ, посвященное 75-летию со дня рождения М.М. Бахтина. Обзор] // Вопросы языкознания. 1971. № 2. С. 160–161. В докладе А.А. Дорогова «Идеи М.М. Бахтина в историко-культурном контексте».

ского, как прототипа Тептелкина в «Козлиной песни» и Куку в «Трудах и днях Свистонова»².

Однако насколько Пумпянский как прототип отразился в герое романа КП?

Оговоримся сразу. Действительно, прототипами героев романа КП Вагинова были представители Невельской школы — Пумпянский, Бахтин, их друзья и знакомые. Однако не будет бóльшей ошибки, чем считать, что прототипы совпадают с героями, то есть что Тептелкин это и есть Пумпянский; то же самое и относительно других персонажей. Но столь же неприемлема и другая крайность — полагать, что в Тептелкине соединены разные прототипы, и даже называть их имена.

В самом деле, КП вроде бы выглядит как роман с ключом, но имя все же здесь соотносится не с денотатом, а с референтом, то есть в отличие от других романов с ключом, где прототип пародировается, то есть изображается юмористически, сатирически, трагически; здесь реальные черты прототипов служат лишь элементами при построении героев романа, героев, находящихся в совершенно ином романном измерении. То есть, в отличие от романов с ключом, где предполагается, что данный герой и есть данный прототип, в КП Вагинов относительно каждого персонажа называет несколько абсолютно достоверных реалий (с разной лишь акцентировкой — вплоть до неузнаваемости) — почему роман и имеет в этих деталях характер исторического свидетельства, тем более ценного, что об этом периоде, например, в истории Невельской школы мы имеем самое приблизительное представление. А все остальное выстраивает в соответствии со своим художественным заданием. Об этом говорит и сам Вагинов в романе перед судом великих комических поэтов: что он вывел своих героев не смехом Гоголя и Ювенала, обличительным, он просто перенес их в жизнь³; то есть комический эффект от самой жизни.

В 1973 г. в беседах с В.Д. Дувакиным Бахтин, сказав, что Тептелкин это — Пумпянский, добавил, что Пумпянский был его другом и поэтому он прекрасно помнит, что было и одеяло, которым

² *Кожин В., Конкин С.* Михаил Михайлович Бахтин. Краткий очерк жизни и деятельности // Проблемы поэтики и истории литературы. Сб. ст. Саранск, 1973. С. 7. Причем в этом кратком очерке, в разделе, написанном В.В. Кожинным, названы только два романа Вагинова — «Козлиная песнь» (далее — КП) и «Труды и дни Свистонова» (далее — ТДС). О прототипе Куку Кожиннову было известно только со слов, скорее всего, М.М. Бахтина, поскольку самого романа он еще не видел и не читал, о чем говорит написание имени Куку через дефис: Ку-ку.

³ *Вагинов К.К.* Полн. собр. соч. в прозе. СПб., 1999. С. 67–68; далее ссылки на это издание даются в сокращении — ПССП; ссылки на романы КП и ТДС даются по этому изданию с указанием соответствующей страницы.

он укрывался, были и бесплатные уроки, была и башня, где он жил на даче. А в 1972 г. на вопрос — «Говорят, что в этом романе выведены и Вы?» — ответил, что да, в том месте, когда философ возвращается в поезде в Ленинград и повторяет: «Мир задан, а не дан; реальность задана, а не дана» (КП: 57), что тогда он увлекался философией Г. Когена.

Из всех участников Невельской школы Вагинов ранее всех познакомился и ближе всех сошелся с Пумпянским. В конце 1922 г., как вспоминал М.И. Шапиро, ученик Пумпянского, который готовил его в конце 1900-х гг. в гимназию, он, читавший в «Звучащей раковине» историю литературы по приглашению Н.С. Гумилева, перед своим отъездом за границу передал эту работу нуждавшемуся в заработке Пумпянскому. Не позднее именно этого момента и произошло знакомство Вагинова и Пумпянского. Во всяком случае уже в конце 1922 г. Пумпянский пишет начало заметки или статьи о Вагинове:

О К. В[агинове]

1. Стих как граница. Несправ[едливость] матер[иального] и форм[ального] анализа. Но поэтики еще нет! — Новый стих как новая граница между усилившейся работой мысли и тоже усил[ившимся] трудом фонтетическим.

2. Новая более трудная связь. [зачеркнуто карандашом]

И залетевшую со стрелки стрекозу

Надо было выделить точнее единственность и исключить значительность. [фраза дописана чернилами]⁴

Заметка не завершена. И спустя совсем немного времени Пумпянский обращается уже к прозе Вагинова:

Звезда Вифлеема

осень Павловская в платке ситцевом; стены еще уцелевших домов; вокруг П[етербурга] снега, но в П[етербурге] еще тепло; на широких конях широкие люди...; и слышит он русскую речь на “а”; звуки не вылетают изо рта...

1. все это произведение рождено интересом к словам и к синкретизму слов. Надо найти не-синкретический слог и высказать то же единым языком. Быть может, это соединение Тита Ливия с советским языком есть временное несовершенство. Проза должна не любить слов, она — не стихи.

⁴ Тетрадь “Antiquité” 23 сентября 1922 г. — 2 августа 1923 г.; однако большую часть тетради занимает “История русской классической литературы”, 30 мая 1923 г. — 2 августа 1923 г.; быстрая запись карандашом среди ноябрьских материалов 1922 г.; запись могла быть сделана несколько позднее, но, скорее всего, вскоре после этого времени, так как сделана на пустой странице, возможно, специально оставленной пустой для заполнения другими материалами.

2. недостатком старой беллетристики была гипертрофия наблюдательности к характерному — но разве лучше чрезмерная наблюдательность к оттенкам слов? Надо слагать сюжеты.⁵

В издании 1999 г. начало заметки «осень ~ изо рта» воспроизведено в примечаниях (ПССП: 573) и определено как отрывок из второй неопубликованной и несохранившейся части «Звезды Вифлеема». Краткая характеристика прозы Вагинова — «соединение Тита Ливия с советским языком» — в издании 1999 г. помещена на задней крышке переплета. Такая характеристика (исторической) повествовательности, совмещенной с аномалиями — советскими — языка, указывает тот уровень, с которого должен начинаться анализ стилистического развития прозы Вагинова.

Еще одна незавершенная запись о творчестве Вагинова была сделана 28 мая 1923 г.:

Несколько замечаний о поэзии Константина Вагинова

1. Ограничения: незнание его ровесников и всего его литературного поколения. Но это же есть, в известном смысле, преимущество: мне легче, поверх литературной смуты, увидеть связь поэзии Вагинова с общей историей русского стиха. — Есть две русские литературы: старший классицизм основателей и вторая литература (1848–1903), с гораздо меньшими тематическими заслугами, но, вероятно, гораздо более представляющая великорусскую народность (или ту народность, которая представляет в образованном мире алтайскую расу народов). Старший классицизм есть творение правителей; вторая литература — народности. — К началу XX в. возрождение классицизма (возрождение канона французской поэзии; возрожденная любовь к людям и обществу 20-ых и 30-ых гг.; к старым русским писателям; возрождение лирического стихотворения.⁶

Важен уже сам замысел неоконченной работы — «увидеть связь поэзии Вагинова с общей историей русского стиха»; важна и попытка рассмотрения его творчества в рамках общей концепции истории русской литературы.

Итак, в первые полгода знакомства с Вагиновым Пумпянский трижды приступает к разбору его поэзии и прозы. Сюда следует добавить не сохранившийся доклад о Вагинове, прочитанный на вечере, посвященном выходу его сборника стихотворений в 1926 г.

Вечер состоялся 7 мая 1926 г. на квартире М.В. Юдиной (ПССП: 516). С большой вероятностью можно предположить, что именно этот доклад и этот вечер упомянуты в самом начале КП: «Он [Тепелкин] писал трактат о каком-то неизвестном поэте, чтоб прочесть его кружку засыпающих дам и восхищающихся юношей [...] В этот

⁵ Запись в той же тетради чернилами, сделанная, скорее всего, в начале 1923 г.; судя по расположению на странице среди других записей, запись представляет собою законченный текст.

⁶ Тетрадь 12 декабря 1922 г. — 25 ноября 1923 г.; запись чернилами.

вечер Тептелкин должен был читать [...] Вот сегодня я сделаю доклад о замечательном поэте» (КП: 17–18). В письме от 7 мая 1926 г. П.Н. Лукницкого Л.В. Горнунгу имеется описание этого вечера: «Сегодня был на вечере, посвященном творчеству К. Вагинова, — вечер был закрытый в частной (зато — огромной) квартире. Читал длинный, замысловатый, а в общем неудовлетворительный доклад о Вагинове Пумпянский. Потом он же читал стихи Кости, не вошедшие в книгу (начиная с [19]21 г.) и всю книгу. Вечер закончился чтением самим Вагиновым стихов, написанных после выхода, а их немало»⁷. Не следует ли из этого, что действие романа начинается 7 мая 1926 г.?

Эти свидетельства показывают постоянное внимание и заинтересованность Пумпянского творчеством Вагинова в первой половине 1920-х гг. Следует также отметить, что в эти годы это единственный случай обращения Пумпянского к творчеству современного поэта. А наличие французских изданий XVIII в., принадлежавших Вагинову, в библиотеке Пумпянского и просто говорит о дружеских отношениях, таких, какие связывали неизвестного поэта и Тептелкина на протяжении всего романа: Тептелкин восхищается поэзией неизвестного поэта (КП: 28 и далее), они встречаются, беседуют, обмениваются сокровенным. Вероятно, именно Пумпянский и ввел Вагинова в тесный кружок Невельской школы, где он вскоре стал своим. Впрочем, Вагинов становился своим у всех и везде. Вышедшую в 1926 г. свою поэтическую книгу он подарил с почтительной надписью Пумпянскому. И столь же почтительная надпись была им сделана при поднесении книги Бахтину. Важно отметить, что эта книга была одной из немногих, сохранившихся у Бахтина от тех времен.

Но несмотря на все эти тесные отношения к 1928 г. между ними происходит разрыв. О ссоре Пумпянского и Вагинова известно не только из устных рассказов и преданий, но и из воспоминаний А.И. Вагиновой и Н.К. Чуковского. Можно было подумать, что это случилось осенью 1927 г., когда в «Звезде» (1927. № 10) появился первый вариант КП — «Тептелкин». Однако, скорее всего, это случилось раньше. Своеобразную историю написания КП и собственно историю этого разрыва Вагинов описал в следующем романе — ТДС (1929), в частности, когда Куку (по преданию — Пумпянский) приходит объясняться к Свистонову (то есть Вагинову) по поводу того, что он выведен в романе Свистонова как Куку⁸.

⁷ Н.С. Гумилев в переписке П.Н. Лукницкого и Л.В. Горнунга // Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 542.

⁸ Куку — одно из имен в «Мертвых душах», глава 8-я: «француз Куку» на балу. Это имя, отсылающее к французскому языку Пумпянского, с одной стороны, а с другой, к его занятиям творчеством Гоголя: именно в 1924–1925 гг.

Но как бы ни описывал этот разрыв сам Вагинов, вероятно, ближе всех сойдясь с Пумпянским, он в КП перешел некоторую грань дозволенного и сказал нечто такое, что было известно только им обоим. Ведь и само имя — Тептелкин — он заимствовал у Пумпянского. В автобиографической заметке 1923 г. «Нечто о 9 веснах!» Пумпянский в записи о весне 1921 г. отмечает, «Негодяи Теп[телкины] уже появились в моей жизни»⁹ Своеобразное объяснение, если не оправдание, появлению этого имени в романе Вагинов приводит в рукописном дополнении к печатному тексту КП, напоминая, что прототип главного героя романа, то есть Пумпянский, сам придумал его имя — «Тептелкин»: «Пусть читатель не думает, что Тептелкина автор не уважает и над Тептелкиным смеется, напротив, может быть, Тептелкин сам выдумал свою несносную фамилию, чтобы изгнать в нее реальность своего существа, чтобы никто, смеясь над Тептелкиным, не смог бы и дотронуться до Филострата» (КП: 18–19). Но и Вагинов понял, что зашел слишком далеко, о чем и говорит одно из позднейших рукописных дополнений к уже изданному ТДС: Свистонов после объяснения наблюдает за реакцией Куку с болью: «Я поступил безнравственно, воспользовавшись им для своего романа [...] Он верил в меня, в мою дружбу. Поступок мой не этичен [...]» (ТДС: 197). Но многие черты Куку — любовный роман, показная эрудиция, множество прочитанных книг, то, что ничего не пишет, похож на Пушкина, занимается кино — можно соотнести не только с Тептелкиным, героем КП (и с Пумпянским как его прототипом), но и с другими людьми той же среды.

Однако и помимо этого разрыва Вагинов к тому времени отходил или уже отошел от Невельского кружка. Вероятно, его заседания стали менее регулярны; не только сам кружок стал распадаться, но и его члены начали разбредаться. Во всяком случае, Бахтин на вопрос об обэриутах (с которыми сошелся Вагинов) и об А.Н. Егунове (одном из абдемитов¹⁰, к которым переметнулся Ва-

он приступает к анализу «Мертвых душ»; и скорее всего, это имя мог назвать и сам Пумпянский как пример гоголевского стиля.

⁹ Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 23–24.

¹⁰ АБДЕМ (А. Болдырев, А. Доватур, А. Егунов, А. Миханков) — группа филологов-классиков 1920-х гг., занимавшихся совместным чтением и переводом греческих текстов; об абдемитах и Вагинове см.: Васильев А.Н. Аристид Иванович Доватур: Документальное наследие ученого в архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН. СПб., 2000. С. 5, 12, 60–61; Гаврилов А.К. О филологах и филологии: Статьи и выступления разных лет. СПб., 2011. С. 26, 152, 154–155, 196; Доватур А.И. Устные воспоминания // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: альманах. Вып. 5. СПб., 2014. С. 179–183.

гинов и с которыми — сверстниками — дружил до последних дней жизни) ответил, что не знал ни тех, ни другого близко.

Другие реалии, связанные с Пумпянским.

«Китайский халат» (КП: 18, 65); по воспоминаниям И.И. Канаева жил тогда Пумпянский в чрезвычайной бедности, носил купленную по случаю какую-то экзотическую куртку, вероятно, ту, в которой он запечатлен на фотографии участников Невельской школы в Ленинграде. В КП куртка стала шелковым халатом.

«Дача в Петергофе» (КП: 53); по воспоминаниям И.И. Канаева, Пумпянский в некоторые годы летом жил поблизости от биологического института в Старом Петергофе (этот институт упомянут в романе — КП: 59–60), читал лекции его сотрудникам. В рукописи лекции «О Марселе Прусте» указано, что она написана 8 августа 1926 г. в Старом Петергофе и, вероятно, тогда же прочитана в биологическом институте¹¹. О Старом Петергофе, где летом жил Пумпянский, упоминает М.К. Юшкова-Залесская, жена Б.В. Залесского, одного из ближайших друзей Бахтина, в своем дневнике¹².

«Доклады» в домашних кружках; уже на первых страницах КП Тептелкин отправляется делать доклад. Это было тогда по воспоминаниям И.И. Канаева обычным делом; он сам дважды в таких кружках слышал доклад Пумпянского о «Памятнике». Этот доклад, как понравившийся Ф. Сологубу, вспоминает и Бахтин¹³.

Клубные лекции (КП: 112; ПССП: 528, зачеркнутый абзац в авторском экземпляре издания 1928 г.) и частные уроки во второй половине 1920-х гг. — единственный источник существования Пумпянского; с середины 1920-х гг. до конца жизни (и особенно много в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг.) Пумпянский прочитал огромное количество популярных лекций, — «10 тысяч», по его словам, — на самые различные темы. И именно этот его универсализм и получил отражение в фигуре Тептелкина.

Но особенно характерно Вагинов воспроизводит сферу духовных и профессиональных интересов Пумпянского. В архиве Пумпянского относительно полно, хотя и с неизбежными потерями, сохранились материалы как раз 1918–1925 гг. с записью лекций, рефератов, конспектов, планов, набросков, а также списки всех прочитанных и просмотренных книг с 1921 по 1925 г. (несколько тысяч названий). Причем эти названия заносились в погодные списки тут же по просмотре или прочтении. По этим спискам видно, какие

¹¹ Пумпянский Л.В. О Марселе Прусте // Произведенное и названное: Философские чтения, посвященные М.К. Мамардашвили. 1995 год. М., 1998. С. 11–12.

¹² Паньков Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. М., 2010. С. 455–456.

¹³ М.М. Бахтин: Беседы с В.Д. Дувакиным. М., 2002. С. 173.

именно проблемы волновали его и его друзей в эти годы. Эти материалы и соотносятся со сведениями о Тептелкине у Вагинова.

В романе только Тептелкин (наряду с неизвестным поэтом) удостоен предыстории — глава «Расцвет», где говорится о его преподавании в университете на юге. А между тем в главе «Расцвет» воспроизводятся известные, вероятно, Вагинову по рассказам Пумпянского и его друзей факты пребывания в Невеле и Витебске. И при этом ни одного намека на то, что и философ (Бахтин) там тоже был. Впрочем, во время пребывания Пумпянского в Витебске с осени 1919 по осень 1920 г. Бахтин находился в Невеле и только позднее перебрался в Витебск. Так же как нет ни одного намека о прежней в Невеле деятельности Невельской школы. Но все же в романе воспроизводится то воодушевление и восторг, с которым представители Невельской школы принимали участие в культурной работе: диспуты, лекции, преподавание и т.д. — они были постоянно в центре внимания, и об этом говорят сообщения в невельской газете «Молот» и витебской периодике.

Воспроизводит Вагинов и тот восторг окружающих, который неизменно сопутствовал выступлениям представителей Невельской школы. А имена, которые называет Вагинов — Абелия, Данте, Новалис, Платон, Петрарка, Вяч. Иванов, последнее имя особенно важно из-за особой роли его в становлении идей Невельской школы, — соответствуют тем курсам, названия которых сохранили газеты, а материалы к ним — архив Пумпянского: курс истории европейской эстетики, истории мировой культуры, истории греческой литературы, истории греческой философии. Более того, именно здесь Вагинов воспроизводит известную по другим воспоминаниям манеру Пумпянского держаться на кафедре и его способ преподавания: комментирование и перевод с листа (КП: 61–62). И наконец, передает, — скорее всего, достоверно — рассказ самого Пумпянского о Витебске:

— Мне вспомнилось, — говорит Тептелкин, — как я преподавал несколько лет тому назад в одном университетском городе. Я помню, как раз в этот день, в этот час, мы — я и учащая молодежь — отправились на противоположный берег реки и там в рощице я прочел лекцию. (КП: 58)

Тептелкин говорит об этой платоновской затее читать в роще лекцию, вспоминая университет. Но там, в главе «Расцвет» — южный город, врангелевский десант... А здесь явно другой университетский город — Витебск, а река — Западная Двина. Это один из швов в романе, что и подтверждает достоверность этого события. Для Вагинова этот рассказ как раз важен потому, что в нем показано, как Тептелкин всегда и повсюду старается утверждать эллинское начало.

Уже на первых страницах романа возникают некоторые постоянные темы Пумпянского — «лекция об американской цивилизации» (КП: 18), будущее Европы. Пумпянский постоянно следил за судьбами послевоенной Европы. В 1923 г. он пишет, вероятно, известную Вагинову статью «О социологическом интересе мировой войны». Пумпянский внимательно изучал последствия мировой войны и сам ее ход. В его библиотеке сохранилось большая подборка книг по истории войны на разных языках.

Тептелкин изучает санскрит для своего трактата, чтобы проникнуть в восточную мудрость (КП: 65). Пумпянский, скорее всего, и в самом деле изучал санскрит, а списки прочитанных книг и рефераты некоторых из них говорят о значительном интересе к восточной философии и культуре. Возможно, здесь было и влияние такого знатока Востока как М.И. Тубянский. А на одном из заседаний Невельской школы, где Пумпянский прочитал свой реферат, свое мнение высказал наряду с Бахтиным и Тубянским, судя по записи, известный востоковед Н.И. Конрад.

Отрицательное отношение к фрейдизму Тептелкина —

[...] и дети, засунув палец в рот, созерцали провода.

Тептелкин был печален. Он шел домой и думал о том, что вот и палец можно истолковать по Фрейду, он думал о том, что вот омерзительная концепция создалась столь недавно.

Читал ли он философское стихотворение, вдруг фраза приковывала его внимание и даже любимое стихотворение Владимира Соловьева:

Нет вопросов давно, и не нужно речей.

Я стремлюсь к тебе, словно к морю ручей, —

приобрело для него омерзительнейший смысл.

Он чувствовал себя свиной, валяющейся в грязи. (КП: 102) —

вполне соответствовало отношению к нему представителей Невельской школы, а сами рассуждения Тептелкина и цитата из Вл. Соловьева, вероятно, просто воспроизводят смысл слов или даже сами слова Пумпянского. Занятия Невельской школы в зиму 1924–1925 гг. были посвящены рассмотрению фрейдизма¹⁴ и, конечно, посещались Вагиновым. Своеобразным итогом этих занятий была написанная весной 1925 г. заметка Пумпянского «К критике Ранка и психоанализа», где обыгрываются те же приемы фрейдистского истолкования: «Вообразим... в применении к философии! Категорический императив окажется, вероятно, Vaterkomplex, а Фихтево “Я” — борьбой с Vaterimago за права своего собственного пениса»¹⁵. Тогда же и Бахтин пишет для заработка статью с критикой

¹⁴ Николаев Н.И. Издание наследия Бахтина как филологическая проблема (Две рецензии) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1998. № 3. С. 124.

¹⁵ Пумпянский Л.В. К критике Ранка и психоанализа (1925) // Филос. науки. 1995. № 1. С. 84.

фрейдизма «По ту сторону социального», напечатанную под своеобразным псевдонимом — именем своего друга В.Н. Волошинова (Звезда. 1925. № 5).

И наконец, та сфера интересов Пумпянского, в связи с которой он наиболее и известен читающей публике: история русской литературы. Всего два упоминания, но каких характерных, связанных с важнейшим для Пумпянского способом исследования — методом историко-сравнительных сопоставлений. Причем отдельных работ на обе упоминаемые темы у Пумпянского нет. Вероятно, это планы или отзвуки бесед Вагинова на эти темы с Пумпянским, и следовательно, сведения, предоставляемые нам в романе, вполне достоверны.

Первая тема: Пушкин и Парни — «доставал с полки томик Парни и начинал сличать его с Пушкиным» (КП: 18). О том, насколько в те годы эта тема занимала Пумпянского, говорят посвященные Пушкину и Парни фрагменты курса «Истории новой русской литературы» (1921–1922)¹⁶.

Вторая тема связана с высказанной Пумпянским много позднее в статье «Стиховая речь Лермонтова» программой исследования пушкинской поэзии, предполагающей выяснение истории каждого пушкинского слова: «В стихах Пушкина [...] от каждого сказанного и каждого несказанного слова, как бы предположенного взаимосвещением соседних слов, от единства, наконец, каждого стиха тянутся смысловые нити, пересечение которых в бесконечности и составляет то, что делает стихи Пушкина единственными и неповторимо совершенными. К каждому слову нужен поэтому комментарий стилистически-смысловой»¹⁷.

И именно эта программа уже предполагалась в середине 1920-х гг. Пумпянским, ибо в романе говорится:

«Надо отвлечься», — подумал он. Закутался в одеяло, сел к столу, стал сличать Пушкина с Андре Шенье.

Toujours ce souvenir m'attendrit et me touche¹⁸ (КП: 85)

Проблема восприятия Пушкиным поэзии А. Шенье была сформулирована Пумпянским в первой половине 1920-х гг. в работе «К истории русского классицизма»: «[...] А. Шенье — великий реставратор центрального положения античности, родоначальник особого 'второго' Ренессанса. Вот почему так необычайно важна та минута, когда (1819–1820) Пушкин узнал А. Шенье и понял возможность нового александрийского стиха, заново взятого у французов»¹⁹. Итак,

¹⁶ Пумпянский Л.В. Классическая традиция. С. 689–690.

¹⁷ Там же. С. 348–349.

¹⁸ «Мне сердце трогает одно воспоминанье» (франц.) Перевод Вс. Рождественского. Первая строка стихотворного фрагмента А. Шенье.

¹⁹ Пумпянский Л.В. Классическая традиция. С. 110.

новый тип антологии А. Шенье оказал необычайное воздействие на Пушкина. Приведенный же стих А. Шенье, возможно, и был тем мотивом, к которому восходят все упоминания о воспоминании в пушкинских пьесах, сочиненных в антологическом вкусе. Таким образом, целая программа изучения поэзии Пушкина сведена у Вагинова к трем строчкам прозаического текста.

И наконец, важное свидетельство Вагинова о полной непроницаемости Невельской школы и окружающей новой действительности, где, вероятно, приводятся почти дословно выражения Пумпянского:

Затем он [Тептелкин] с грустью читал отчеты о спорах. Он чувствовал, что при крайнем упадке гуманитарных наук и при крайней скудости в хороших книгах возможна только пустая болтовня, а не ученый спор.

Иногда он перелистывал новые, выходявшие книги. Его поражала форма изложения.

“Современники, — думал он, — отличаются невозможной формой изложения, полным отсутствием духа критики, крайним невежеством и чрезвычайной наглостью”. (КП: 64)

«Крайнее невежество и чрезвычайная наглость» это почти те же слова, которыми Пумпянский в 1927 г., а затем и в течение еще нескольких лет, вероятно, готовясь к лекциям о новых книгах — и таким делом приходилось заниматься для заработка — характеризует эти книги для себя. Одна из наиболее частых формулировок для себя — «наглая безграмотная книга».

Особым образом Вагинов использует для построения романа некоторые положения трактата «Автор и герой в эстетической деятельности» Бахтина. А слышать он его слышал, вероятно, тогда же, когда Пумпянский конспектировал начало трактата в 1924 г.²⁰ Вагинов материализует автора романа (КП: 14, 15, 18, 25–26, 45, 74, 77, 80–82, 92, 95, 99, 103, 135, 146; ПССП: 466–468, «Послесловие» в издании 1928 г.), то есть себя, и себя как неизвестного поэта, и вообще вольно ведет себя по отношению к самому себе. И перед судом великих комических поэтов он, неизвестный поэт, оправдывается: «[...] я породил автора [...] я растлил его душу и заменил смехом» (КП: 67). И там же объясняет судьям, что он просто погружает героев в море жизни, а комический эффект возникает сам по себе: «Я позволил автору погрузить в море жизни нас и над нами посмеяться» (КП: 68) Но тем самым Вагинов реализует положение Пумпянского из его книги о Гоголе (несомненно известной Вагинову), что «прочитать механичность телесно-бытовых функций в условленной деятельности образованных людей менее всего способны образованные сами [...] Гениальная комическая натура есть,

²⁰ См.: Бахтин М.М. Собр. соч. В 6 т. М., 2003. Т. 1. С. 327–328.

прежде всего, натура, (сатирически) прозревшая чрез обман их историзированного самолюбия и увидевшая, что *только в смехе* историзируется их целевая деятельность и что мнимая ее трагическая историзация сама есть первый и ближайший повод (и предмет) комической историзации»²¹. В этом положении содержится и объяснение названия романа: «трагическая историзация», то есть трагедия, оказывается «комической историзацией», то есть козлиной песнью.

И все же, несмотря на то, что такое большое количество реалий, принадлежащих Пумпянскому, обнаруживается в фигуре Тептелкина, Тептелкин, разумеется, не совпадает с Пумпянским. Несовпадение героя и его прототипа отметил хорошо знавший в те годы Пумпянского Н. Чуковский²². И чтобы понять меру несовпадения, достаточно посмотреть, как Вагинов не лучшим образом обошелся с Бахтиным, или, что было бы даже нагляднее, по общеизвестности биографии, с руководителем «Звучащей раковины» поэтом Н.С. Гумилевым — прототипом Заэфратского²³.

Помимо уже приведенного выше эпизода в поезде, почти все остальное в философе (Андрее Ивановиче Андриевском) вроде бы никак не вяжется с биографией Бахтина: философ — человек уже в летах, а Бахтину в 1925 г. — 30 лет; у философа умерла жена, по которой он тоскует; жена Бахтина была жива и здорова. Впрочем минимальное портретное сходство имеется — усы и борода (ср. фотографии Бахтина 1920-х гг.): «к высокому философу, совершенно седому, с длинными пушистыми усами», «философ с густой, седой шевелюрой, с молодежавым лицом, с пушистыми усами и бородой лопатой», «философ с пушистыми усами», «вспомнил философа с пушистыми усами», «философ с пушистыми усами», «философ, не замечая происшедшего, уже играл чистую, прекрасную мелодию, и круглое, с пушистыми усами, лицо его» (КП: 53, 57, 65, 76, 82).

Однако эта как бы не имеющая никакого отношения к Бахтину биография философа для нас-то как раз и имеет характер исторического свидетельства, поскольку в романе Вагинов, выстраивая вероятностную биографию для других своих героев, опирается на реальность, то и в данном случае — с биографией философа — он делает то же самое, исходя, вероятнее всего, из принятых в кружке мнений о Бахтине.

Вагинов собрал все эти бытовые разговоры, которые ни к чему не обязывали и ни к чему не вели, и составил из них биографию

²¹ Пумпянский Л.В. Классическая традиция. С. 265.

²² Чуковский Н.К. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 193–194.

²³ Никольская Т.Л. Н. Гумилев и П. Лукницкий в романе К. Вагинова «Козлиная песнь» // Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 622–624.

философа, читая которую Бахтин, наверное, немало повеселился. Мы имеем в виду все эти высказывания по типу — «в прежние времена...»: в прежние времена Бахтин, такой талантливый человек, был бы оставлен при кафедре в университете для подготовки к профессорскому званию и был бы послан по обычаю в заграничную командировку; посетил бы Париж, Рим и, конечно, Германию, Марбург, великого Г. Когена. Напомним, что Бахтин, по его словам, тогда увлекался Г. Когеном, и это видно по его текстам.

«Философ играл. Он видел Марбург, великого Когена и свою поездку по столицам западноевропейского мира; вспомнил, как он год прожил на площади Жанны д'Арк; вспомнил, как в Риме...» (КП: 53)

В прежние времена Бахтин уже давно бы и диссертацию защитил и стал бы профессором, жил бы как профессор в огромной квартире, встречал бы друзей и т.п. Это вспоминает уже сам философ:

“Здесь я сотрудничал в специальных философских журналах, которых было почти достаточно. Здесь напечатана была моя работа, в свое время известная, здесь я защищал ее на звание профессора”.

Философ прошелся по большой комнате, оклеенной дорогими, но выцветшими обоями.

Он увидел гостиную в ее прежнем виде.

Услышал философские и литературно-философские разговоры (КП: 109)

Отметим лишь, что уже написанные труды Бахтину печатать было негде, и жил он не в профессорской квартире, а в комнате, поражавшей всех своей аскетической обстановкой, если не бедностью, и вынужден был не писать свои труды, а заниматься для заработка обличением фрейдизма, формализма, вульгарного социологизма и даже писать о философии биологии.

Толчком для создания такой биографии философа, скорее всего, послужили рассказы друзей Бахтина о том, как в октябре 1920 г. в Витебске он написал шуточную мистифицированную автобиографию, в «омфалическом» вкусе, при поступлении на работу. Впрочем, эта шутка имела вполне серьезную цель — получить место преподавателя на кафедре истории западноевропейской литературы в Витебском институте народного образования:

Михаил Михайлович Бахтин

[...]

Родился 1891 г. в городе Орле. В 1908 году окончил Одесскую 4-ю гимназию. 1908 по 1910 год состоял студентом филологического факультета Новороссийского университета. С 1910 по 1912 год находился в Германии, где прослушал 4 семестра Марбургского университета и один семестр в Берлине. С 1912 по 1914 год состоял студентом Петроградского

университета. В 1914 году закончил Петроградский университет с оставлением по кафедре классической филологии Ф.Ф. Зелинским. С 1914 по 1917 год работал при университете, в филологическом обществе и обществе классической филологии. С 1917 по 1918 год состоял преподавателем Свенянской мужской гимназии. 1918 по 1920 состоял преподавателем Ед[иной] тр[удовой] шк[олы] 2-й ст[упени] и педагогических курсов г. Невеля.

М. Бахтин²⁴

Все в этой автобиографии вымышлено, за исключением места рождения и преподавания в Невеле. Публикаторы этого текста справедливо полагают, что Бахтин стилизует свое жизнеописание, используя факты биографии своего брата Николая и своего старшего друга М.И. Кагана. Впрочем, год рождения — 1891 — скорее всего, заимствован у Пумпянского. Те же сведения повторяются и в других витебских документах того времени²⁵. Эту биографическую канву Вагинов и превращает в жизнеописание философа, героя романа.

Однако в высказываниях Тептелкина о философе Вагинов отразил действительные отношения Пумпянского и Бахтина. То, что Бахтин в романе выведен философом, было естественным для всех, кто его знал, кто с ним сталкивался, а не только для представителей Невельской школы.

Вот как о нем говорит неизвестный поэт, то есть сам Вагинов: «[...] вспомнил философа с пушистыми усами и мысленно преклонился перед его стойкостью; в прежние времена этого философа ждала бы великолепная кафедра. Почтительную молодежь было бы не оторвать от его книг. Но теперь нет ни кафедры, ни книг, ни почтительной молодежи» (КП: 65).

Но только Пумпянский по размаху своих дарований и интересов мог оценить действительный масштаб философских трудов Бахтина. Недаром в его архиве осталось несколько конспектов бахтинских лекций и выступлений. Для Пумпянского такие записи — случай редчайший. Поэтому когда Тептелкин думает, — «Сюда придет и философ, его старый наставник, и необыкновенный поэт, духовный потомок западных великих поэтов, прочтет им всем новые стихи свои на лоне природы» (КП: 52), — то здесь можно видеть действительное высказывание Пумпянского о Бахтине — «наставник», только лишь своеобразно интонированное Вагиновым.

²⁴ Лисов А.Г., Трусова Е.Г. Реплика по поводу автобиографического мифотворчества Бахтина (Новая находка в фондах Витебского архива) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. № 3. С. 165. На с. 164 воспроизведена автобиография Бахтина (автограф).

²⁵ Паньков Н.А. Загадки раннего периода (Еще несколько штрихов к «Биографии М.М. Бахтина») // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 1 (2). С. 81.

Но оставив в стороне эти косвенные свидетельства, а также черты облика философа совсем уж никак не идущие к Бахтину, такие, как игра философа на скрипке, его воспоминания о променаде в цилиндре с тросточкой или грусть о своей юности, мы упомянем еще несколько эпизодов, уже непосредственно соотносящихся с Бахтиным.

Во-первых, два раза упоминается область теоретических разысканий Бахтина в эти годы: первый раз, когда Костя Ротиков сообщает неизвестному поэту, что он берет «уроки методологии искусствознания» у Андрея Ивановича, то есть философа (КП: 58); второй — когда философ сетует на то, «что он освещает вопросы философии и методологии совсем не перед той аудиторией, перед которой разрешать их должно, что в общем это какая-то дикая забава. К чему методология литературы его вечному спутнику фармацевту? Зачем он читает свои трактаты вечно подвизным и практическим людям?» (КП: 109). Методологии искусствознания и литературы посвящены трактат Бахтина «Автор и герой» и его же статья 1924 г., вне всякого сомнения известные Вагинову.

Во-вторых, вполне достоверно описана поездка Бахтина, или одна из его поездок, в Петергоф на празднование годовщины биологического института: «После обеда все вместе направились в старый Петергоф на празднование годовщины местного института» (КП: 59). В книге сказано, что философ со спутниками опоздали, «научная часть кончилась, неслась музыка из небольшого зала небольшого дворца герцогов Лейхтенбергских» (КП: 60), — в этом дворце и располагался биологический институт. Именно там в 1925 г. А.А. Ухтомский прочитал свой доклад о хронотопе²⁶, на котором присутствовал Бахтин, отметивший этот доклад при публикации в 1975 г. своего труда «Формы времени и хронотопа»: «Автор этих строк присутствовал летом 1925 г. на докладе А.А. Ухтомского о хронотопе в биологии; в докладе были затронуты и вопросы эстетики»²⁷. О том, что в КП описано посещение Бахтиным биологического института и его присутствие на докладе Ухтомского, неоднократно писал Вяч. Вс. Иванов: «Напечатанная отдельной книгой почти одновременно со “Скандалистом” (а в журнале за год до того) КП Вагинова представляет собой художественное воссоз-

²⁶ См. тезисы доклада: *Ухтомский А.А. Доминанта души: Из гуманитарного наследия*. Рыбинск, 2000. С. 77–80; там же сказано, что Ухтомский выступил с докладом «О временно-пространственном комплексе, или хронотопе» перед сотрудниками Петергофского естественно-научного института осенью 1925 г.

²⁷ *Бахтин М.М. Собр. соч.*: В 6 т. М., 2012. Т. 3. С. 341; как отмечают комментаторы, по словам И.И. Канаева, Бахтин слушал этот доклад вместе с ним и, вероятно, Пумпянским; там же отмечено, что пребывание Бахтина и всей их компании в Петергофе отражено в КП (Там же. С. 797–798).

дание отдельных моментов жизни круга Бахтина в Ленинграде в конце 1920-х годов. Некоторые эпизоды воспроизведены с документальной точностью, например, поездка в Петергоф, где Бахтин слушал в биологическом институте доклад Ухтомского, повлиявший на его концепцию»²⁸. Только из романа мы узнаем о ежегодном праздновании годовщины института, открывавшемся научной частью, то есть докладом или докладами. Вероятно, в такой день и был прочитан доклад Ухтомского. Если исходить из того, что действие в КП начинается в мае 1926 г., то описанный в романе праздник в институте согласно дневнику М.К. Юшковой-Залесской, жены Б.В. Залесского, частично опубликованному замечательным исследователем бахтинского наследия Н.А. Паньковым, приходится на 11 июля 1926 г.: «С Б.[В. Залесским] на празднике. Оч[ень] тоскливо. Интересн[ый] доклад Ухтомского. Играла неудачно (мигрень). Возвращались с Вагиновыми. Рада быть дома»²⁹. Если это не ошибка памяти или даже записи, то в 1926 г. Ухтомский сделал какой-то другой неизвестный доклад. Если же действие романа начинается в 1925 г., то в записи 11 июля 1925 г., если на этот день приходилось празднование годовщины, ничего не говорится ни о празднике, ни о докладах, зато речь идет о даче Пумпянского в Петергофе: «С Б.[В. Залесским] в Ст[аром] Петергофе у Л.Вас. Пумпянк[ого], (у него чуждо). Ост[ались] ночевать. Бесконечно разговаривала с Л.В., когда уже легли»³⁰. Поэтому пока невозможно указать к какому году относится описанное в КП празднование.

Вполне достоверно изображены и спутники философа: жена как сотрудница местного института («философ Андрей Иванович в сопровождении фармацевта и научной сотрудницы местного института»; «на траве аккуратно сидела сотрудница местного института»; «философ, фармацевт и научная сотрудница» — КП: 59–60) и близкий друг Бахтина в течение многих десятилетий, столь много помогавший ему и столь высоко его почитавший биолог и историк науки И.И. Канаев (вечный спутник философа — фармацевт (КП: 109), в середине 1920-х гг. — сотрудник биологического института). Причем фармацевту приданы и внешние черты сходства с Канаевым («фармацевт, вечно шевелящий губами»; «огромного роста, в крахмальном белье и собственном не носил, а преподносил свой костюм» — КП: 59). Показана и отличавшая Канаева и тогда и впоследствии забота о Бахтине: «Фармацевт следит, как бы не оступился философ, как бы не разбился, как бы не пропало одно из последних философских светил» (КП: 60). Канаев вспоминал, что

²⁸ *Иванов Вяч. Вс.* Избр. труды по семиотике и истории культуры. Т. 2: Статьи о русской литературе. М., 2000. С. 607.

²⁹ *Паньков Н.А.* Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. С. 457.

³⁰ Там же. С. 455.

ему очень повезло в жизни встретиться с такими людьми как Бахтин и Пумпянский. Более таких он не встречал.

В-третьих, вероятно, по своим наблюдениям Вагинов описывает подготовку Бахтина, то есть философа, к докладам в различных кружках. Тогда существовал обычай путешествовать из одного домашнего кружка в другой интересным людям. Вот Бахтин записывает тезисы, вот готовится к обсуждению, вот за ним заходит по обыкновению Канаев, вот они вместе отправляются... а, возможно, с ними и сам Вагинов (КП: 109–110).

И только уяснив, каким образом запечатлены реалии в романе и каким образом они трансформируются, можно перейти к «основному труду» всей жизни Тептелкина:

На первой странице было выведено: “Иерархия смыслов. Введение в изучение поэтических произведений”. На второй странице в нижнем углу (Тептелкин любил оригинальность) помещалось посвящение “Моей Единственной” (единственной с большой буквы) и фотографическая карточка Мечты. На третьей странице римская цифра 1, на четвертой посредине выступало одно слово; “предисловие”, на пятой...

Труд был начат солидно. Дальше под основным текстом шли примечания на французском языке из виднейших современных лингвистов, без перевода на русский язык (труд был явно рассчитан на настоящих ученых, а не на глупых студентов). Основной текст, казалось, тоже был написан на иностранном языке и только согласован русскими окончаниями. Тут намекалось на возможность дать новые определения понятию романтического и понятию классического, тут говорилось о поэтических способах окрашивать настоящее время в прошедшее и будущее и разрушалось нелепое представление, что смыслы гнездятся в слове, и давалось определение эстетического как фантазма, как гармонизации природы и истории.

“И если б истинный художник, — думал Тептелкин, — заглянул в эту книгу, он не смог бы оторваться от нее; на него подействовал бы завораживающий пафос этих страниц: художественное произведение всегда лично, принципиально лично, нельзя видеть художественное произведение безлично, дело не в имени, а в том, что личность в произведении отражается”.

* * *

“Искусство есть восхищенность, есть объективный фазис бытия. В эстетическом нет ни природы, ни истории, это особая сфера: и не логическая, и не этическая, и не сумма их”. Сколько бы ни читал художник, неотступно звучал бы в его ушах лейтмотив книги: искусство есть бытие восхищенное, фантазия есть объективный фазис бытия (КП: 37–38)

Все в этом труде, который упоминается в романе еще дважды (КП: 65, 144), столь необычно, непроницаемо, что не надо даже пародировать, достаточно цитат.

Без сомнения, все описанное может относиться только к трудам Пумпянского. Вагинов воспроизводит и их внешний вид, и оформление («Достал тетрадь» — КП: 37): весь архив Пумпянского

за 1919–1925 гг. состоит из нескольких ученических тетрадей, исписанных бисерным почерком; каждая тетрадь имеет особое название, используемое в других тетрадях для отсылок; помимо названия, каждая тетрадь имеет эпиграф, а то и несколько на разных языках; другой особенностью Пумпянского была привычка нумеровать большие разделы в каждой работе. Характеризует Вагинов и стиль Пумпянского — чрезвычайно емкий, насыщенный иноязычными выражениями (см., например, его труд «К истории русского классицизма»), а также терминами, в том числе и вновь образованными и восходящими в своей основе к другим языкам. Когда Вагинов говорит о том, что в труде Тептелкина дается новое определение классического и романтического, то это отсылка к тем определениям Пумпянского, которые он дает, прежде всего, в «Достоевском и античности» (1922), а также в других работах того времени.

Наконец, определение эстетического, или искусства, причем данное дважды, рядом, причем второе закавычено, то есть, вероятно, это точная цитата, или как бы цитата, соотносится с определением эстетического в «Авторе и герое» и статье 1924 г. Бахтина, работам известным Вагинову и, вероятно, обсуждавшимся им с Пумпянским. Ср.: «[...] эстетическая деятельность создает свою действительность, в которой действительность познания и поступка оказывается положительно принятой и преображенной: в этом своеобразии эстетического»³¹; «Эстетически значимая форма есть выражение существенного отношения к миру познания и поступка, однако это отношение не познавательное и не этическое»³².

Однако для трех вещей прямых текстуальных соответствий у Пумпянского не находится: 1) для названия «Иерархия смыслов»; 2) для такой особенности как «примечания на французском языке из виднейших современных лингвистов»; 3) для положений «о поэтических способах окрашивать настоящее время в прошедшее и будущее» и «о нелепом представлении, что смыслы гнездятся в слове». Впрочем, представление это нелепо именно потому, что смысл определяют текстовые единства от предложения и выше³³.

Что касается названия, то здесь может быть три варианта: 1. весьма вероятно, это название утраченного сочинения; такое вполне могло произойти. Бахтин в 1922 г. в письме М.И. Кагану пишет, что Лев Васильевич «прекрасно устроился в Петрограде [...] на днях должна выйти, вероятно, уже вышла из печати его работа о Ромэн Роллане и о Гоголе [...] Кроме того, он договорился уже об издании его лекций по натурфилософии в Берлине (на русс[ком])

³¹ Бахтин М.М. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. С. 287, 797–798.

³² Там же. С. 290.

³³ См. статью 1924 г. Бахтина — Бахтин М.М. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. С. 301, 830–831.

яз[ыке]»³⁴. Ни одна из этих работ не была издана и их рукописей в архиве Пумпянского не сохранилось, как не сохранилось и рукописей всех его напечатанных работ. 2. более вероятно, что это название работы, которую Пумпянский собирался написать и изложил ее план Вагинову; для этой-то работы Пумпянский и намеревался почитать французских лингвистов, а также описать способы окрашивания времени. 3. самое вероятное заключается в том, что Вагинов придумал за Пумпянского такую работу, используя некоторые его мысли, высказанные по разным поводам; то есть и здесь Вагинов приводит часть реалий, а остальное домысливает.

Какую же роль играют в романе Тептелкин и философ и почему Вагинов использовал при их создании черты личности Пумпянского и Бахтина?

Критика 1920-х гг. в соответствии со стереотипами времени обрушилась на ловко подставленную ей Вагиновым башню-культуру со стоящим на верху ее Тептелкиным. И Тептелкину как вместилищу всех грехов прошлого здорово от критики досталось. Такое восприятие романа как сатирического в том или ином виде фактически дошло до последнего времени. И только один критик 1920-х гг., И. Сергиевский, увидел в КП идеологический роман.

Вот почему Бахтин не раз говорил своим собеседникам в конце 1960-х — начале 1970-х гг., что КП — роман совсем непонятый, петербургский. В ТДС Куку сообщает собеседнице: «говорят, со времени символистов не появлялось подобного романа. А написан он стилем исключительным и охватывает целую эпоху» (ТДС: 192). Скорее всего, здесь приведены слова Бахтина. Если прототип Куку — Пумпянский, а это так, раз он прототип Тептелкина в КП, то он передает мнение о КП Бахтина: со времени символистов, то есть «Петербурга» А. Белого (ср. рекомендации Бахтина иностранным посетителям начала 1970-х гг. — в первую очередь издать переводы «Петербурга» и КП).

Но более определенно о романе он высказался в 1973 г. в беседах с В.Д. Дувакиным, употребив при этом эпитет «космический», который он не раз использовал и в лекции об Андрее Белом 1920-х гг., как отметили комментаторы романа в издании 1999 г.³⁵ Таким образом, суждения Бахтина о романе в определенной степени следуют его впечатлениям 1920-х гг.:

«Как прозаик он [Вагинов] был замечателен, очень интересен. Новатор. И до сих пор совершенно непонятый и нецененный [...]»

³⁴ Каган Ю.М. О старых бумагах из семейного архива (М.М. Бахтин и М.И. Каган) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992. № 1. С. 72.

³⁵ ПССП: 523. Ср., например: «он [Андрей Белый] стремится [...] заменить историко-бытовой и религиозно-ортодоксальный план космическим» (Бахтин М.М. Собр. соч.: В 6 т. М., 2000. Т. 2. С. 339).

«[...] раскрывается очень яркое своеобразие Вагинова: с одной стороны, детализация мелкая, тончайшие оттенки, а с другой стороны, необычайная широта горизонта, почти космическая. Это он там резко так дал. И вот это своеобразие раскрывается и в Тептелкине. [...]

Вообще это совершенно своеобразная, я бы сказал, в литературе трагедия, трагедия — вот можно так это назвать — трагедия смешного человека. Смешного человека. Трагедия чудака, но только не в стиле Достоевского, а в ином стиле несколько [...]

«[...] Я бы сказал, Вагинов в этом отношении — совершенно уникальная фигура в мировой литературе»³⁶.

Итак, какова проблема романа?

Прежде всего, название романа является переводом распространенной этимологии греческого слова *tragoidia* — то есть «козлиная песнь».

Итак, речь в романе идет о трагедии. Чьей? Во-первых, неизвестного поэта, «не нашедшего общего языка с современностью». В его рассуждениях «о нисхождении во ад бессмыслицы» «для нахождения новой мелодии мира» (КП: 66–68) можно видеть развитие символистских теорий (например, Вяч. Иванова). Причем поиски смысла обрамляются в ненавязчиво данный миф об Орфее (КП: 66–67). Ср., например, в главе «Путешествие с Асфоделиевым» (говорящая фамилия) ездю по Ахеронту на извозчике и, наконец, смерть неизвестного поэта, теперь уже Агафонова. Скорее, здесь что-то более от ранних работ Пумпянского: о Петербурге — царстве зла и т.д., и поэте заклинающем...³⁷ Но оставим эту трагедию за специалистами по поэзии 1920-х гг.

Вторая трагедия — это трагедия Тептелкина, что и было отмечено критикой 1920-х гг., увидевшей в нем главное действующее лицо; кстати, и первая — журнальная — публикация романа (Звезда. 1927. № 10) строилась вокруг Тептелкина и философа. Эта, по словам Бахтина, особая, другая — в отличие от описанной Достоевским — трагедия смешного человека, Тептелкина (Пумпянского), когда прежний, воспитанный начиная с эпохи Возрождения, идеал учености становится смешным, а сама фигура воплощенной учености становится безысходно трагической.

И здесь нужно сказать несколько слов по поводу замечания Е.А. Тоддеса и М.О. Чудаковой, что пародийность в КП мешает развиваться историзации, которая в романе переходит в простую календарность³⁸.

И действительно это так: историзации, как ее понимают Тоддес и Чудакова — то есть всеизвестность лица, на которую отсыла-

³⁶ М.М. Бахтин: Беседы с В.Д. Дувакиным. С. 211, 223, 224.

³⁷ Пумпянский Л.В. Классическая традиция. С. 590–598, 811–823.

³⁸ Чудакова М.О., Тоддес Е.А. Прототипы одного романа // Альманах библиофила. М., 1981. Вып. X. С. 176.

ет цитата из него, и соответствие времени — для Пумпянского и Бахтина в образах Тептелкина и философа в самом деле нет. Ибо те черты, которые действительно относятся к Пумпянскому и Бахтину, как мы пытались показать, были известны только очень узкому кругу людей (всего несколько человек). Читатель же эти черты и не мог никак воспринять, их для него не существовало, и дошедшая до нас широко распространенная легенда, что Тептелкин — это Пумпянский, обязана своим появлением не узнаванию читателей, а просто сообщению, что Тептелкин — это многим известный лектор Пумпянский.

Сначала Н. Чуковский, как пишет он в своих воспоминаниях — если, конечно, это не «вторичное» воспоминание по аналогии с КП, — увидел Пумпянского в Тептелкине вагиновской поэмы «И дремлют львы как изваянья...», а затем, скорее всего, именно он опознал его же в Тептелкине КП и рассказал всем остальным³⁹. Ведь Н. Чуковский был достаточно близко знаком с Пумпянским: помнил его по урокам истории русской литературы в Тенишевском училище, а потом, после окончания школы, брал у него уроки французского языка. Но Невельского кружка — Бахтина и др. он не знал никак, не знал, кто Костя Ротиков (его прототип — И.А. Лихачев), хотя его упоминает, не знал и И.И. Канаева (его родственника). При всей своей исключительной достоверности, особенно в деталях, воспоминания Н. Чуковского, как это обычно и бывает, содержат хронологические неточности: Пумпянский не мог в конце 1925 г. перейти к марксизму, как пишет Н. Чуковский, это могло произойти только в конце 1926 г.; и то же о написании романа с 1924 г.; Н. Чуковский помнит, что Вагинов главу за главой в течение трех лет читал по разным квартирам и поэтому отсчитывает начало работы над романом от времени издания его журнального варианта в «Звезде» в 1927 г. Но если отсчитывать от момента появления книги, то Вагинов приступил к написанию КП в 1926 г. Скорее всего, по нашему мнению, так и было. Комментаторы «Библиотеки поэта» драматическую поэму «И дремлют львы как изваянья...» (июнь 1925 г.) и стихотворения «Философ» («Два пестрых одеяла...»; конец лета 1925 г.)⁴⁰ и «Я стал просвечивающей формой...» (осень 1925 г.) рассматривают как своего рода прототекст КП: те же темы, те же главные герои — Тептелкин, (старый) философ, Филострат как будущий неизвестный поэт КП. Но это еще не герои КП, они еще не приобрели явных черт сходства с Пумпянским и Бахтиным. Тогда как стихотворение «Ленинградская ночь», написанное не ранее 1927 г., а возможно, и 1928 г., представляет философа, Тептелкина

³⁹ Чуковский Н.К. Литературные воспоминания. С. 189–190, 192.

⁴⁰ О датировке этой редакции стихотворения, озаглавленной «Философ», см.: Вагинов К.К. Песня слов. М., 2012. С. 111, 185.

и Филострата уже героями КП⁴¹. Следовательно, Вагинов мог приступить к созданию КП только после осени 1925 г. и, скорее всего, в 1926 г. Здесь мы следуем комментаторам ПССП, определившим время создания романа 1926–1928 гг. (КП: 146).

И, следовательно, не из-за пародийности нет историзации. Отсутствие историзации было предположено уже самим замыслом. И для читателя Тептелкин и философ были такими же вымышленными персонажами, какие ему встречались и в других романах. Нужно сказать, иные второстепенные персонажи узнавались скорее, что и дало В.Б. Шкловскому повод говорить о «памфлетном мемуарном романе»⁴².

Что же касается второй части утверждения Е. Тоддеса и М. Чудаковой о пародийности, сходящей в календарность, то здесь ими отмечена важнейшая особенность романа — быстротечность событий.

Действие романа начинается в 1924/1925 или в 1926 г., скорее последнее; четыре года спустя после 1920-го (в первом случае), и заканчивается — прошло два года (КП: 100) — в 1927 или 1928 г. (во втором случае), когда Тептелкину 37 лет, то есть столько же, сколько и Пумпянскому. За это время действительно происходят катастрофические изменения в жизни героев.

Перед нами не просто крушение элитарного замысла культуры.

Кружок ученых людей (Тептелкин, философ и другие) бескорыстно, настойчиво старается сохранить башню культуры среди происходящего упадка гуманитарных наук. Но не выдержав столкновения с действительностью, они волей-неволей расстаются с мечтой сохранить огонек гуманизма; кружок их распадается и из хранителей культуры они превращаются в обывателей, так или иначе прилагающих свои гуманитарные способности и выучку на потребу существующему положению вещей, которому в начале романа они пытались противостоять.

Здесь следует отметить, что Вагинов, создавая башню культуры своих героев, использует не только весь набор всевозможных символов башни — от Вавилонской до башни Вяч. Иванова — но и каждый элемент этой башни сознательно подбирает так, чтобы ее обитатели как можно более отличались от окружающего мира, как можно более чувствовали свое отличие и свой разлад, свою уединенность. То, что в КП идея башни культуры сочетается с идеей Третьего (славянского) Возрождения, было отмечено в замечательной статье С.С. Хоружего⁴³. Идея нового Возрождения была одной

⁴¹ Поэты группы «ОБЭРИУ». СПб., 1994. С. 622–623.

⁴² Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914–1933). М., 1990. С. 406.

⁴³ Хоружий С.С. Трансформации славянофильской идеи в XX веке // *Вопр. философии*. 1994. № 11. С. 52–56. См. также: Николаев Н.И. Судьба идеи

из главных тем виленского кружка друзей конца 1900-х гг., куда входили братья Бахтины, Пумпянский, Кобеко и Лопатто. М.И. Лопатто в 1972 г. вспоминал, как в те годы говорил, «что надо уехать и где-нибудь на счастливом острове создать монастырь поэтов нового Возрождения»⁴⁴. Таким образом, один из главных мотивов КП восходит к началу 1910-х гг. Недаром ключевыми словами в КП являются «возрождение» (КП: 17, 27, 68, 80, 100, 106, 137, 144), «ренессанс» (КП: 52), «гуманизм» (КП: 35, 67, 77, 81, 82, 97) и «гуманисты» (КП: 63, 97).

Что же касается деятельности Невельского кружка и его представителей — прототипов героев романа, — то все названные выше черты прототипов в образах Тептелкина и философа сознательно интонированы относительно идеи башни культуры, а деятельность Невельского кружка в КП соответственно сознательно стилизована под воспроизведение всеми признаваемых культурных ценностей XIX в.

Отсюда ясно, что и труд Тептелкина тоже интонирован в сторону идеи башни культуры; он должен быть средоточием, высшим достижением этой башни культуры; он должен быть эзотеричен — и таковым он должен был представляться читателям. Интересы пребывающих на башне — прежде всего Тептелкина — историко-культурные, ориентированные на позднюю языческую античность и поздний гуманизм: «Утешение философии» Боэция; Марк Аврелий... «Зодиак жизни»...⁴⁵, барокко, бывшее тогда в моде в послевоенной Европе. Причем уже сам набор этих имен и их сочинений как бы показывает обреченность последних мудрецов 20-х гг. XX в. по аналогии с обреченностью на гибель первых и обреченностью на забвение вторых. Причем почти все герои подчеркивают эту об-

Третьего Возрождения // MOYSEION: Профессору Александру Иосифовичу Зайцеву ко дню семидесятилетия. Сб. ст. СПб., 1997. С. 343–350; *Он же*. М.М. Бахтин, Невельская школа философии и культурная история 1920-х годов // Бахтинский сборник. Вып. 5. М., 2004. С. 259–268; *Он же*. Идея Третьего Возрождения и Вяч. Иванов периода Башни // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006. С. 226–234; *Брагинская Н.В.* Славянское возрождение античности // Русская теория 1920–1930-х гг.: Материалы Десятих Лотмановских чтений. М.: РГГУ, 2004. С. 49–80.

⁴⁴ *Эджертон В.* Ю.Г. Оксман, М.И. Лопатто, Н.М. Бахтин и вопрос о книгоиздательстве «Омфалос» (Переписка и встреча с М.И. Лопатто) // *Лопатто М.И.* Я не гость, не хозяин — лишь имя... Стихотворения. Проза. Письма. Pisa; Москва: Водолей, Università di Pisa, 2015. С. 415.

⁴⁵ О попытке выяснить, какое же из изданий этой поэмы имел в виду Вагинов, см. статью А.Х. Горфункеля: *Горфункель А.Х.* Поэма П.-А. Мандзоли «Зодиак жизни» в фондах ГПБ // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Л., 1985. С. 132.

реченность: «мы давно [...] пережили гибель, и никакая гибель нас не удивит», «мы — последний остров Ренессанса», «мы свое будущее знаем» (с цыганкой), «надо было поддержать падающую культуру» (КП: 36, 52, 60, 69).

Столь же резко выведена окружающая действительность, не соответствующая мыслям и чувствам обитателей башни — упадок гуманитарных наук, падение науки, и вообще распад. Наконец, из поздней античности фигура Филострата.

Надо сказать, что такое интонирование противоположно деятельности Тептелкина в главе «Расцвет», где все было наполнено другими авторами.

Все это, наверное, и позволило автору самой серьезной и вместе с тем резко критической рецензии на КП И. Сергиевскому сказать, что тема романа — гибель последнего поколения дореволюционной петербургской интеллигенции. И если бы это было только так — гибель замкнувшейся в новых условиях в своих интересах интеллигенции, после отказа от своих идей влачащей филистерское существование — то перед нами было бы очередное повествование на тему гибели художника в окружающем мире, то есть очередное воплощение темы крушения элитарного замысла. Более того, по социологическим параметрам под эту элиту могло подойти вообще любое кружковое объединение со своей идеей, каких было множество в 1920-е гг. — мистических, религиозных, поэтических, научных и т.д. — и куда с большим эффектом можно было дать их пародийное изображение (так, например, как в «Бамбочаде» и «Гарпагониане»), а не создавать его с героями, прототипами которых были столь им уважаемые люди, подлинное значение которых, неприемлемое для других, он вполне понимал.

О том же, что КП — роман не только о крушении элитарного замысла (башни), говорит сама деятельность прототипов — представителей Невельской школы — особенно в первые пореволюционные годы в Невеле и Витебске. Энтузиастическая деятельность, отраженная в главе «Расцвет» — чтение лекций, докладов, участие в диспутах, даже забота о внешнем виде Невеля — свидетельствует о наличии культурной программы; более того, наличествовало крайнее совпадение мысли и дела, а необычность всего этого для обыденной интеллигенции засвидетельствована в похищении профессоров во время энтузиастического выступления Тептелкина, то есть элитарность напрочь чужда Невельской школе.

По поводу кружка Вяч. Иванова (и его башни), антикизирующую деятельность которого стилизовал Вагинов при изображении башни культуры (ср. стихотворение Вагинова «Эллинисты»), Пумпянский в 1925 г. писал в статье о Блоке, что определенная система, отличавшая этот кружок и его главу, «конечно, тоже верна какой-то социальности, но всегда групповой, не общенациональ-

ной»⁴⁶. Энтузиазм же в осуществлении своей культурной программы появляется лишь как далекая предыстория в главе «Расцвет», и с первых страниц романа без всяких промежуточных фаз мы попадаем на башню культуры. Но мы знаем, что в 1925 г. идея элитарности чужда Невельской школе, значит здесь речь идет, скорее, о другом (ср. однако поэму «И дремлют львы как изваянья...» с Тептелкиным, философом и Филостратом; башня предстает как последнее прибежище перед гибелью во время метафизической чумы). Видимо, произошли какие-то важные изменения, если энтузиастичность можно свести, как у Вагинова, к элитарности, столь чуждой окружающему миру, а представление о метафизической чуме как выражении одержимости окружающего мира говорит о глубоком умственном беспокойстве: что-то не так.

Что же касается разрушения башни и гибели ее обитателей в окружающем «догматическом море» (КП: 52), то мера их падения исчисляется несоответствием их нынешнего положения с мечтой: духовный пир — прежде на башне — и...

О том же, что произошло с героями, говорит и само имя главного персонажа — Тептелкина. В самом имени заключено определение того, что из себя представляет эта гибель. Ведь в жизни самого Пумпянского, как уже было сказано, «негодяи Тептелкины» появились в 1921 г. Такое имя во множественном числе, указывающее на массовую эпидемию, уже несет в себе нечто уничижительное. Это имя, возможно, на общем языке Пумпянского и Вагинова означало какое-то новообразование времени, что-то чуждое Пумпянскому, возможно, именно то, что определяет героев повествования Вагинова, поскольку к концу романа все герои стали как бы «Тептелкиными». Если в стихотворении «Я стал просвечивающей формой...» 1925 г. — «И выплывает в ночь Тептелкин, / В моем пространстве безызмерном / Он держит Феникса сиянье / В чуть облысевшей голове.» — идея башни, то в конце романа Тептелкин разбирает свою фамилию со всех сторон, удивляясь ее неблагозвучности (КП: 144). Итак, имя главного героя КП уже в 1925 г. было нарицательным в Невельском кружке и близких к нему людей и, возможно, служило символом мировой пошлости.

В описании гибели обитателей башни Вагинов проявил удивительное визионерство, выразившееся в создании вероятностных судеб своих героев. Диссонанс распада мы слышим, когда философ, до тех пор извлекавший лишь чистые звуки при помощи своей скрипки, вдруг играет кафешантанный мотив (гибели башни), столь пугающий Тептелкина (и предвещающий гибель) (КП: 82). Философ, чьи произведения никто не читает, — скорее всего, эта линия не доведена до завершения — должен стать конторским слу-

⁴⁶ Пумпянский Л.В. Классическая традиция. С. 541–542.

жащим. Костя Ротиков: «если философ займется конторским трудом» (КП: 97). Отметим, что, действительно, Бахтин в ссылке в первой половине 1930-х гг. служил экономистом (в райпотребсоюзе). Самоубийство неизвестного поэта, не выдержавшего столкновения с современностью. (Вагинов уже знал, что он смертельно болен и предчувствовал свою кончину). Тептелкин, которого загубил быт, читающий украдкой по ночам свой труд, превратился в заурядного лектора — и Пумпянский, действительно, в течение многих лет был популярнейшим лектором — или, другая вероятность — в чиновника, кричащего на подчиненных (ПССП: 466–467, «Послеловие» в издании 1928 г.). (Этого, слава Богу, с Пумпянским не произошло). Причем эти превращения героев сопровождаются и общим распадом всего этического в близких к башне людях. Это и циничные высказывания Асфоделиева, печатающегося под псевдонимами и говорящего в статьях о пролетарской литературе, что «ее расцвет не только будет, но уже есть. За это тоже деньги платят» (КП: 75).

Башня и последующая судьба ее обитателей воспроизводят идеологическую, а не конкретную бытовую ситуацию, в которой оказались представители Невельской школы в середине 1920-х гг. Прежняя деятельность Невельской школы, в прежних формах и направлениях, — с ее собственной насыщенной программой преобразования культуры, сложившейся в конце 1910-х — начале 1920-х гг. в результате последовательной критики (одно из постоянных слов Тептелкина) всех авторитетных течений европейской и отечественной мысли в области философии, эстетики и собственно филологии, — становилась невозможной перед лицом грядущих и уже ощущаемых в середине 1920-х гг. социокультурных изменений. И здесь ни в коем случае нельзя называть прямой социологической причины распада и прекращения деятельности Невельской школы. Нет ничего более отличного от ее действительной истории. Необратимость совершающихся и надвигающихся изменений, вернее, их ощущение, передана в романе образами естественными для обитателей башни (неизвестный поэт и Тептелкин по-другому мыслить не могут): «большевизм огромен [...] создалось положение, подобное первым векам христианства» (КП: 27), «христианство появилось на периферии греко-римского мира в Иудее, нищей, печальной, узкой и косной духом» (КП: 28). И как продолжение этого ассоциативного ряда в подчеркивании мотива башни... философ напоминает собой последних языческих философов в обступившем их христианском мире (КП: 65).

С этим ощущением тесно связаны некоторые оттенки в восприятии современности у обитателей башни. Эти оттенки, как и ощущения, мы можем и должны рассматривать как те недоуменные — трагические — мотивы, — воспользуемся термином М.И. Ка-

гана⁴⁷, — как те антиномии сознания, которые и определяют внутреннее напряжение в построении романа. И именно наличие этих недоуменных мотивов в романе и показывает, что с помощью простой социологической интерпретации не объяснить судьбу представителей Невельского кружка в 1920-е гг.

Так, когда неизвестный поэт и Тептелкин, как истинные обитатели башни, «духовно плюнули на проходивших пионеров» — «экое поколение растет, без всякого гуманизма, будущие истинные представители средневековья, фанатики, варвары, не просвещенные светом гуманитарных наук» — Тептелкин думает — «какие славные, загорелые дети эти пионеры» (КП: 35–36); то есть сталкивается идея башни и идея жизни. Вполне возможно, что здесь дается отсылка на впечатления и слова Ф. Сологуба, которого в те годы неоднократно навещали представители Невельского кружка, а с ними наверняка и Вагинов. Так, 10 апреля 1925 г. К.И. Чуковский отметил в дневнике: «Я забыл записать о Сологубе: он, к удивлению, очень одобрительно отзывался о пионерах и комсомольцах. “Все, что в них плохого, это исконное, русское, а все новое в них — хорошо. Я вижу их в Царском Селе — дисциплина, дружба, веселье, умеют работать...”»⁴⁸.

Или, когда Тептелкин говорит: «пусть ярко освещены электричеством деревни [...] пусть разворачивается жизнь более красочная, чем Эйфелева башня, — чего-то нет в новой жизни» (КП: 101); то есть именно того, что было на башне.

Именно эти трагические недоуменные мотивы и являются, по нашему мнению, художественным аналогом, пусть крайне заземленным, духовного напряжения, в котором в эти годы пребывали представители Невельской школы. Недаром философ говорит, и возможно, здесь парафраз подлинных слов Бахтина, только интонированных согласно идее башни: «должен был бы появиться писатель, который воспел бы нас, наши чувства». На что неизвестный поэт отвечает — «Это и есть Филострат» (КП: 54). Что можно понимать так: только Филострат мог бы передать эти чувства, но Филострата теперь нет и, следовательно, сделать это некому. С другой стороны, ведь именно Вагинов и создает КП.

Чувства героев романа, встревоженные недоуменными мотивами, и говорят о выборе, перед необходимостью которого стояли представители Невельской школы. И не потому, что их кто-то принуждал, их вынуждало собственное сознание, настолько оторвавшееся от традиционных движений мысли в процессе их переосмысления. Возможности выбора и перечислены в виде сюжетных судеб бывших обитателей башни и их знакомых.

⁴⁷ Коган М.И. О ходе истории. М., 2004. С. 593–627.

⁴⁸ Чуковский К.И. Дневник, 1901–1929. М., 1991. С. 336.

Первая возможность состояла в сохранении принципа башни, или, что бы ни происходило, в продолжении разработки своих идей. Философу, например, стать конторским служащим и продолжить писать свои трактаты, которые никто не будет читать (судьба А.А. Мейера). Или вообще замолчать, оставшись верным идее башни: стать конторским служащим и молчать. Такой оказалась судьба М.И. Кагана; неудачей окончилась его попытка говорить на языке эпохи; и только перед кончиной он смог опять писать, вернувшись к языку своих работ невеликого периода. Впрочем, А.Ф. Лосев не смотря ни на что продолжил в эти годы разрабатывать свои идеи в гегелево-гуссерлианском духе, а перестраиваться стал только во второй половине 1930-х гг. (и только лишь после лагеря). Однако при ощущении новых необратимых изменений это означает разрабатывать свои идеи монологически, в некий будущий прок, без оглядки на историю и современность. И тогда это ничем не будет отличаться от антропософии, мистики и т.д., то есть нечто совсем непонятное для других.

Другим возможностям предшествует отказ от принципа башни, весьма цинично сформулированный Костей Ротиковым: «[...] мы последние гуманисты, мы должны донести огни. Нам нет дела до политики, мы не управляем, мы отставлены от управления, но мы ведь и при каком угодно режиме все равно были бы заняты или науками, или искусствами» (КП: 97)⁴⁹. Вот оно социологически сформулированное оправдание сервиллизма. Здесь имеется в виду продолжение профессиональной гуманитарной деятельности: чтение лекций и писание на заказ таких брошюр как «Социальные перевороты от Египта до наших дней» (КП: 102; ПССП: 466, последняя глава журнальной редакции), деятельность, подобная той, какой занимаются Костя Ротиков и Миша Котиков, прототипы которых, кстати, оставили заметный след в отечественной культуре. В собирательстве безвкусицы первым пародируется заостренная до логического предела, верная в общем программа изучения массового искусства и литературы, а значит и безвкусицы, ибо ее материал не менее репрезентативен. В собирательстве Мишей Котиковым реликвий и сведений о жизни покойного известного поэта пародируются также доведенные до логического конца задачи и способы

⁴⁹ Возможно, здесь воспроизведены не лишние трагического недоумения слова М.А. Кузмина, подобные тем, которые были записаны в декабре 1936 г. Э.Ф. Голлербахом: «М.А. Кузмин говаривал, что ему решительно все равно, кто “там, наверху” — “пускай нами управляет хоть лошадь, мне безразлично”. С лошадью, даже самой породистой, он не стал бы заигрывать и не стал бы ржать ей в угоду» (М.А. Кузмин в дневниках Э.Ф. Голлербаха // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г. Л., 1990. С. 227).

историко-биографического метода, до сих пор, увы, столь распространеного.

Наконец, поражающий своим цинизмом вариант Асфоделиева — печататься под псевдонимами, говорить, что пролетарская литература уже есть, быть ближе к современности и получать деньги. Отметим, что именно тогда Бахтин печатался под псевдонимами, именами друзей, критиковал то же, что и все — фрейдизм, формализм, вульгарный социологизм, но критиковал по-своему, не воспевая изменения и не следуя официозу.

Естественно, вряд ли именно так эти возможности осознавались представителями Невельской школы, ибо в жизни такое наблюдается редко, но Вагинов в романе этими сюжетными вероятностями как бы очерчивает то мыслительное пространство, в котором, возможно, и двигалась мысль участников Невельского кружка. И тогда перед нами идеологический роман в полном смысле слова, как об этом и говорит И. Сергиевский, назвавший основной темой вагиновского романа «тему умирающего Петербурга»: «В разработке этой довольно-таки потрепанной темы Вагинов идет, однако, своим особым путем, с самого же начала переключая ее в некий философско-исторический план и, тем самым, превращая роман в своего рода поэтический трактат о гибели последнего поколения дореволюционной петербургской интеллигенции. Такая трактатная установка сказывается уже в самой структуре романа [...] Его подчеркнутая трактатность — не только лабораторный эксперимент высококвалифицированного мастера, но и определенный этап на пути к овладению трудным жанром идеологического романа»⁵⁰. Ведь ни Бахтин, ни Пумпянский не последовали, по примеру иных, ни одной из этих возможностей, хотя и они вроде бы отказались от «башни».

И высшее проявление трагически недоуменного мотива представляет вторая сюжетная завершенность судьбы Тептелкина — в послесловии автора издания 1928 г.: не идея башни была плоха, а Тептелкин ее недостоин, он стал глупым чиновником, кричащим на подчиненных. И если в первом сюжетном варианте лектор Тептелкин, пишущий социальные перевороты, по ночам, вспоминая, читает свой труд, то во втором варианте происходит гибель личности как таковой, забвение личности, предательство идей юности, то есть Тептелкин не просто становится частью современности, он становится наиболее дурной и презираемой ее частью.

Существовал ли этот трагический мотив для Невельской школы, сознавали ли ее представители, что они предали свое, и если да, то насколько? В разговоре с С.Г. Бочаровым 21 ноября 1974 г. Бах-

⁵⁰ Сергиевский И. К. Вагинов. Козлиная песнь [рец.] // Новый мир. 1928. № 11. С. 284–285.

тин говорит именно о предательстве: «[...] Мы ведь все предали — родину, культуру». — «А как можно было не предать?» — «Погибнуть. Я тогда же начал писать статью “О непогибших”. Статью ненаучную. Конечно, не кончил и, конечно, потом уничтожил». Затем С.Г. Бочаров поясняет: «Статья была “ненаучная”, видимо, публицистическая; мы таких у Бахтина не знаем. Видимо, созвучная вагиновской “Козлиной песни” — это ведь как раз роман о “непогибших”. О трагедии тонкой интеллигенции в те самые годы, которая (трагедия) — “козлиная песнь”»⁵¹. Таким образом, Вагинов достаточно достоверно раскрывает все пространство имевшихся возможностей. Кроме того, нам известно, что в 1927–1928 гг. кружок перестает существовать, а Бахтин и Пумпянский начинают во второй половине 1920-х гг. выпускать книги и статьи, резко отличающиеся от того, что они писали ранее. Особенно отчетливо это видно у Пумпянского, достаточно сравнить статью о Тютчеве 1928 г. и статью о Тургеневе 1929–1930 гг. Более того, они перестают писать даже для себя так, как делали ранее. Единственным исключением у Бахтина стали его наброски первой половины 1940-х гг. Все работы у того и другого написаны по-новому и в связи с конкретным внешним поводом. Однако во всех этих книгах и статьях в трансформированном виде присутствует терминология и проблематика ранних работ. Более того, эти поздние работы совершенно нельзя понять без ранних, ибо в них-то и зародились и эта терминология, и эта проблематика. Итак, можно говорить о единстве при изменении. И даже М.И. Каган, живший в Москве, единственную нам известную позднюю работу «Недоуменные мотивы в творчестве Пушкина» пишет по-новому, но терминология этой работы, вероятно, предназначенной для печати, становится ясной только при учете его ранних работ.

Причем как распад Невельского кружка нельзя объяснить только внешними причинами, так и изменение в характере новых книг и статей столь же мало связаны с ними, ибо тогда не было бы смысла упорно сохранять прежнюю терминологию и проблематику. Скорее, этот новый характер работ представителей Невельской школы связан с изменением самих, так сказать, ментальных структур эпохи.

Об этом изменении и свидетельствует следующий пассаж из романа КП, где Тептелкин осознает, что его отношение к культуре — а ведь он тот же, что и на башне, он страдает из-за разрушения башни — ничем не отличается от отношения к ней всех иных граждан, то есть они все равны перед ней (КП: 137). Это завершение первого сюжета для Тептелкина содержит не менее страшное открытие истины о себе, чем трагическое недоумение во втором.

⁵¹ Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 492–493.

Более того, один из тех, кто прежде был в окружающем «догматическом море» — Кандайкин, и пристраивает Тептелкина к культуре.

Это свидетельство показывает, что в середине 1920-х гг. Вагинов, а значит и участники Невельского кружка почувствовали — и, возможно, прежде всего в силу характерного для кружка отрыва от всех предшествующих метафизических и позитивистских истолкований культуры, — сдвиг, происходящий с тем местом, которое занимает интеллигенция, в эпоху массовых идеологий (или массовой культуры): явление, для которого в XIX в. предпосылки еще только складывались и которое в XX в. характеризует сплошь все общество. На фоне происходящего сдвига деятельность Невельского кружка должна была выглядеть анахронизмом и его члены это осознавали.

Этот сдвиг места, занимаемого интеллигенцией в культуре, еще едва намечавшийся в 1920-е гг., М.К. Мамардашвили характеризует как утрату интеллигенцией права на принадлежащую исключительно ей способность суждения об обществе и путях его развития и как обретение интеллигенцией единственного назначения — обслуживание массовых идеологий (или массовой культуры). И только те люди относятся к интеллигенции, которые участвуют в разработке массовых идеологий и их обслуживании. Любые единичные попытки это оспорить следует рассматривать как проявление романтического бунта⁵².

Поскольку массовая культура (или массовая идеология) принципиально безлична, анонимна, то есть для ее потока не важна личность высказывающегося, то вполне возможно, как это и делал Бахтин, публиковать тексты под именами друзей. Поскольку массовая культура (или массовая идеология) требует и принимает тексты только на ее языке, то это и осуществлял Бахтин, критикуя вульгарный социологизм на языке напостовцев, фрейдизм на языке Фрейда, а формальную школу на языке формалистов. Но в каждой такой критике он придает этому языку такое измерение, такую акцентированность, которая может быть только бахтинской. Вот почему бессмысленно искать в этих книгах и статьях бахтинское и не его. Более того, эта вынужденная критика, с помощью которой Бахтин выявлял ограниченность этих массовых идеологических явлений — а последователей каждого из критикуемых им явлений множество — в свою очередь раскрывала все возможное пространство современного мышления.

Поскольку массовая идеология — это предельная форма общественного сознания, то именно оно и становится объектом исследования у Бахтина, например, в «Марксизме и философии языка». Бо-

⁵² *Мамардашвили М.К.* Интеллигенция в современном обществе // Проблемы рабочего движения. М., 1968. С. 421–430.

лее того, эта новая проблематика приводит и к выработке нового языка анализа — в «Проблемах творчества Достоевского» (1929). И этот язык становится основным для всего последующего творчества Бахтина. Здесь Бахтин, буквально в течение нескольких лет изменивший свой язык, находит и адекватное определение форме этого сознания — полифония голосов, диалог голосов. И тем самым находит ответ — каждый голос имеет право на существование. Но и сознание каждой личности есть также полифония языков. Впоследствии этот тезис был развит в диалог внутренних хронотопов. А в результате анализа массовой идеологии в книге «Творчество Франсуа Рабле» Бахтин показал, что и общественное сознание — это тоже полифония языков. Причем в последние годы Бахтин настаивал на этическом значении каждого голоса, его ценности. Таким образом, отказ от прежнего, пусть и вынужденный, привел к освоению совершенно новой проблематики, и все труды Бахтина и являются сами по себе грандиозным воплощением современного гуманитарного сознания XX в.

Однако в 1920-е гг. осознание этой проблематики происходило, вероятно, крайне мучительно, в пределах антиномий, данных в романе, где Вагинов лишь пунктиром намечает все эти возможности, в частности, касающиеся массовой идеологии и места интеллигенции.

Но возможность выхода из этой ситуации уже была предположена критической работой конца 1910-х — начала 1920-х гг. Поэтому всплеск новой проблематики выразился в модификации языка, хотя, наверное, и с некоторыми неизбежными потерями. Во всяком случае, Бахтин и Пумпянский как бы забыли 1920-е годы, ибо отказ от прошлого все же был.

Таким образом, роман КП является одним из важнейших идеологических романов XX века, романом, которому более всего противопоставлена однозначность истолкования.

1986, 2015

Литература

Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. 632 с.

Брагинская Н.В. Славянское возрождение античности // Русская теория 1920–1930-х гг.: Материалы Десятых Лотмановских чтений. М.: РГГУ, 2004. С. 49–80.

Вагинов К.К. Полн. собр. соч. в прозе. СПб.: Академический проект, 1999. 590 с.

Каган М.И. О ходе истории. М.: Языки славянской культуры, 2004. 704 с.

Васильев А.Н. Аристид Иванович Доватур: Документальное наследие ученого в архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 176 с.

Гаврилов А.К. О филологах и филологии: Статьи и выступления разных лет. СПб.: Издательство СПбГУ, 2011. 380 с.

Горфункель А.Х. Поэма П.-А. Мандзолли «Зодиак жизни» в фондах ГПБ // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Л., 1985. С. С. 132–139.

Иванов Вяч. Вс. Избр. труды по семиотике и истории культуры. Т. 2: Статьи о русской литературе. М.: Языки русской культуры, 2000. 880 с.

Каган Ю.М. О старых бумагах из семейного архива (М.М. Бахтин и М.И. Каган) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992. № 1. С. 60–68.

Кожин В., Конкин С. Михаил Михайлович Бахтин. Краткий очерк жизни и деятельности // Проблемы поэтики и истории литературы. Сб. ст. Саранск, 1973. С. 5–15.

Лисов А.Г., Трусова Е.Г. Реплика по поводу автобиографического мифотворчества Бахтина (Новая находка в фондах Витебского архива) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. № 3. С. 161–166.

М.М. Бахтин: Беседы с В.Д. Дувакиным. М.: Согласие, 2002. 432 с.

Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г. Л.: б.и., 1990. 260 с.

Николаев Н.И. Издание наследия Бахтина как филологическая проблема. (Две рецензии) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1998. № 3. С. 114–157.

Николаев Н.И. Судьба идеи Третьего Возрождения // MOYSEION: Профессору Александру Иосифовичу Зайцеву ко дню семидесятилетия. Сб. ст. СПб., 1997. С. 343–350.

Николаев Н.И. М.М. Бахтин, Невельская школа философии и культурная история 1920-х годов // Бахтинский сборник. М., 2004. Вып. 5. С. 210–280.

Николаев Н.И. Идея Третьего Возрождения и Вяч. Иванов периода Башни // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006. С. 226–234.

Никольская Т.Л. Н. Гумилев и П. Лукницкий в романе К. Вагинова «Козлиная песнь» // Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1994. С. 620–625.

Паньков Н.А. Загадки раннего периода (Еще несколько штрихов к «Биографии М.М. Бахтина») // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 1 (2). С. 74–89.

Паньков Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. М.: Издательство МГУ, 2010. 720 с.

Пушлянский Л.В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы / Изд. подгот. Н.И. Николаев. М.: Языки русской культуры, 2000. 864 с.

Ревзина О.Г. [Заседание Лингвистического объединения при Лаборатории вычислительной лингвистики МГУ, посвященное 75-летию со дня рождения М.М. Бахтина. Обзор] // Вопросы языкознания. 1971. № 2. С. 160–162.

Хоружий С.С. Трансформации славянофильской идеи в XX веке // Вопр. философии. 1994. № 11. С. 52–62.

Чудакова М.О., Тоддес Е.А. Прототипы одного романа // Альманах библиофила. М.: Книга, 1981. Вып. X. С. 172–192.

Чуковский К.И. Дневник, 1901–1929. М.: Советский писатель, 1991. 544 с.

Чуковский Н.К. Литературные воспоминания. М.: Советский писатель, 1989. 336 с.

Эджертон В. Ю.Г. Оксман, М.И. Лопатто, Н.М. Бахтин и вопрос о книгоиздательстве «Омфалос» (Перепiska и встреча с М.И. Лопатто) // *Lonanno M.I.* Я не гость, не хозяин — лишь имя... Стихотворения. Проза. Письма. Pisa–Москва: Водолей, Università di Pisa, 2015. С. 401–423.

References

Bocharov S.G. *Siuzhety russkoi literatury*. Moscow: lazyki russkoi kul'tury publ., 1999. 632 p.

- Braginskaia N.V. "Slavianskoe vrozozhdenie antichnosti". *Russkaia teoriia 1920–1930-kh gg.: Materialy Desiatykh Lotmanovskikh chtenii*. Moscow: RGGU publ., 2004. P. 49–80.
- Chudakova M.O., Toddes E.A. "Prototipy odnogo romana". *Al'manakh bibliofila*. Moscow: Kniga publ., 1981. Issue X. P. 172–192.
- Chukovsky K.I. *Dnevnik, 1901–1929*. Moscow: Sovetsky pisatel' publ., 1991. 544 p.
- Chukovsky N.K. *Literaturnye vospominania*. Moscow: Sovetskii pisatel' publ., 1989. 336 p.
- Edzherton V. Iu.G. Oksman, M.I. Lopatto, "N.M. Bakhtin i vopros o knigoizdatel'stve 'Omfalos' (Perepiska i vstrecha s M.I. Lopatto)". In Lopatto M.I. *Ia ne gost', ne khoziain — lish' imia...* *Stikhotvoreniiia. Proza. Pis'ma*. Pisa–Moskva: Vodolei publ.; Università di Pisa, 2015. P. 401–423.
- Gavrilov A. K. *O filologakh i filologii: Stat'i i vystupleniia raznykh let*. St.-Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU publ., 2011. 380 p.
- Gorfunkel' A.Kh. "Poema P.-A. Mandzoli Zodiak zhizni v fondakh GPB". *Issledovanie pamiatnikov pis'mennoi kul'tury v sobraniiax i arkhivakh otdela rukopisei i redkikh knig*. Leningrad, 1985. P. 132–139.
- Ivanov Viacheslav Vs. *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury*. Vol.2: Stat'i o russkoi literature. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury publ., 2000. 880 p.
- Kagan M.I. *O khode istorii*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury publ., 2004. 704 p.
- Kagan Iu.M. "O starykh bumagakh iz semeinogo arkhiva (M.M. Bakhtin i M.I. Kagan)". *Dialog. Karnaval. Khronotop*. 1992. № 1. P. 60–68.
- Khoruzhy S.S. "Transformatsii slavianofil'skoi idei v XX veke". *Voprosy filosofii*. 1994. № 11. P. 52–62.
- Kozhinov V., Konkin S. "Mikhail Mikhailovich Bakhtin. Kratkii ocherk zhizni i deiatel'nosti". *Problemy poetiki i istorii literatury. Sbornik statei*. Saransk, 1973. P. 5–15.
- Lisov A.G., Trusova E.G. "Replika po povodu avtobiograficheskogo mifotvorchestva Bakhtina (Novaia nakhodka v fondakh Vitebskogo arkhiva)". *Dialog. Karnaval. Khronotop*. 1996. № 3. P. 161–166.
- M.M. Bakhtin: *Besedy s V. D. Duvakinym*. Moscow: Soglasie, 2002. 432 p.
- Mikhail Kuzmin *i russkaia kul'tura XX veka: Tezisy i materialy konferentsii 15–17 maia 1990 g.* Leningrad: b.i., 1990. 260 p.
- Nikolaev N.I. "Izdanie nasledii Bakhtina kak filologicheskaiia problema. (Dve retsenzii)". *Dialog. Karnaval. Khronotop*. 1998. № 3. P. 114–157.
- Nikolaev N.I. "M.M. Bakhtin, Nevel'skaia shkola filosofii i kul'turnaia istoriia 1920-kh godov". *Bakhtinskii sbornik*. Moscow, 2004. Issue 5. P. 210–280.
- Nikolaev N.I. "Ideia Tret'ego Vozrozhdeniia i Viach. Ivanov perioda Bashni". *Bashnia Viacheslava Ivanova i kul'tura Serebrianaogo veka*. St.-Petersburg, 2006. P. 226–234.
- Nikolaev N. I. "Sud'ba idei Tret'ego Vozrozhdeniia". *MOYSEION: Professoru Aleksandru Iosifovichu Zaitsevu ko dniu semidesiatiletia. Sbornik statei*. St.-Petersburg, 1997. P. 343–350.
- Nikol'skaia T.L. N. "Gumilev i P. Luknitskii v romane K. Vaginova *Kozlinaia pesn'*". *Nikolai Gumilev: Issledovaniia i materialy. Bibliografiia*. St.-Petersburg: Nauka publ., 1994. P. 620–625.
- Pan'kov N.A. "Zagadki rannego perioda (Eshche neskol'ko shtrikhov k *Biografii M.M. Bakhtina*)". *Dialog. Karnaval. Khronotop*. 1993. № 1 (2). P. 74–89.
- Pan'kov N.A. *Voprosy biografii i nauchnogo tvorchestva M.M. Bakhtina*. Moscow: Izdatel'stvo MGU publ., 2010. 720 p.
- Pumpianskii L. V. *Klassicheskaiia traditsiia: Sbranie trudov po istorii russkoi literatury*, ed. N.I. Nikolaev. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury publ., 2000. 864 p.
- Revzina O.G. "[Zasedanie Lingvisticheskogo ob"edineniia pri Laboratorii vychislitel'noi lingvistiki MGU, posviashchennoe 75-letiiu so dnia rozhdeniia M.M. Bakhtina. Obzor]". *Voprosy iazykoznanii*. 1971. № 2. P. 160–162.

Vaginov K.K. *Polnoe sobranie sochineniy v proze*. St.-Petersburg: Akademicheskii proekt publ., 1999. 590 p.

Vasil'ev A.N. *Aristid Ivanovich Dovatur: Dokumental'noe nasledie uchenogo v arkhive Sankt-Peterburgskogo filiala Instituta rossiiskoi istorii RAN*. St.-Petersburg: Dmitry Bulanin publ., 2000. 176 p.

Teptelkin and Others in Konstantin Vaginov's "Satyr Chorus"

N.I. Nikolaev

Abstract: L.V. Pumpiansky and M.M. Bakhtin were K. Vaginov's inspiration for Teptelkin and the Philosopher — the characters of his novel "Satyr Chorus" (Leningrad, 1928); the novel is therefore considered an important source that helps to reconstruct the activity of the Nevel school of philosophy in Leningrad in the 1920's. These characters however do not fully coincide with their archetypes. This discrepancy is due to the poetics of the novel as well as its general concept.

Keywords: K. Vaginov, Russian literature of the 1920's, archetype, L.V. Pumpiansky, M.M. Bakhtin.

Information about the author: Nikolay I. Nikolaev, chief librarian in the rare book and manuscript section of the St.-Petersburg State University Scholarly Library. E-mail: n.nikolaew@spbu.ru

«Пахнут смертью господские Липки...»: О контекстах «киевского» стихотворения Мандельштама

И.С. Булкина

Аннотация: Последнее «киевское» стихотворение Мандельштама прочитано в контексте сборника Николая Ушакова «Киев» (1936). Исторические и топографические комментарии к сюжету стихотворения о «мертвом городе»: Киев 1919 г. и рефлексия на него Мандельштама в Воронеже 1937 г. Рассмотрены и переосмыслены «просоветские» реминисценции.

Ключевые слова: Осип Мандельштам, Николай Ушаков, Николай Островский, Киев, «Воронежские тетради».

Информация об авторе: Инна Семеновна Булкина, PhD Тартуского университета, независимый исследователь, Киев, Украина. E-mail: inna001@rambler.ru

Как по улицам Киева-Вия
Ищет мужа не знаю чья жинка,
И на щеки ее восковые
Ни одна не скатилась слезинка.

Не гадают цыганочки кралям,
Не играют в Купеческом скрипки,
На Крещатике лошади пали,
Пахнут смертью господские Липки.

Уходили с последним трамваем
Прямо за город красноармейцы,
И шинель прокричала сырая:
— Мы вернемся еще — разумеете...¹

«Как по улицам Киева-Вия...» — одно из последних стихотворений Мандельштама. Оно было написано в апреле 1937-го и, по свидетельству Н.Я. Мандельштам, должно было заключать «Воронежские тетради»: «Это стихотворение тоже надо вернуть на место. Одно время О. М. хотел кончить им Воронежские тетради, но мне кажется, что стихи о воскресших кончают их лучше. Тогда я этих

¹ Мандельштам О.Э. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 254.

стихов не знала»². В примечаниях к изданию в «Библиотеке поэта» Н.И. Харджиев указывает: «По сообщению Н.Я. Мандельштам, связано с воспоминаниями о пребывании в Киеве в 1919 г., во время эвакуации Красной Армии. Эти воспоминания были вызваны сборником стихов Н. Ушакова “Киев”, изданным в Киеве в 1936 г.»³.

Мирон Петровский — единственный из многочисленных комментаторов этого стихотворения, кто учитывает в своем анализе сборник Ушакова; при этом он полагает, что Мандельштам «откликнулся» «не на какое-то одно произведение или на определенные строчки Николая Ушакова, но на всю его книгу целиком»: «По свидетельству жены поэта, оно было вдохновлено книгой стихов Николая Ушакова “Киев”, вышедшей незадолго до того — в 1936 году, — насквозь прочитанной Мандельштамом. Но напрасно мы стали бы искать в книге Ушакова стихотворение или строчки, непосредственно от которых зажглось поэтическое воображение Мандельштама. Таких строчек там не обнаружить. “Как по улицам Киева-Вия...” — отклик не на какое-то одно произведение или на определенные строчки Николая Ушакова, но на всю его книгу целиком, на книгу, до предела насыщенную киевской конкретикой 1918, 1919 и ряда последующих лет. Эта книга всколыхнула в памяти Мандельштама воспоминание, относящееся к тому же месту и времени»⁴.

Мы попытаемся показать, что рефлексия Мандельштама на книгу Ушакова была вполне «определенной» и работа с этим контекстом позволяет точнее понять смысл его «киевского» стихотворения. По крайней мере, попробуем внимательно прочесть книгу, «насквозь прочитанную Мандельштамом» в Воронеже в 1937 г.

Николай Ушаков, в самом деле, был человеком из Киева 1919-го, человеком из «ХЛАМа», «подвала поэтов», где произошло знакомство Мандельштама с будущей женой, и поздние комментарии Надежды Яковлевны, которая видела себя той самой неведомо чьей «жинкой», ищущей пропавшего без вести мужа («как известно, я киевлянка»⁵), тоже продиктованы киевскими воспоминаниями 1919 г.

«Киев» Ушакова — опыт «фрагментарного» поэтического эпоса, во многом зависимый от пастернаковских поэм и сборников конца 1920-х, того, что сам Б.Л. Пастернак называл «хроникой [...]

² Мандельштам Н.Я. Третья книга. М., 2006. С. 443.

³ Мандельштам О.Э. Стихотворения / Изд. подгот. Н.И. Харджиев. Л., 1973. С. 304.

⁴ Петровский М.С. Городу и миру. Киевские очерки. Киев, 1990. С. 259–260.

⁵ Ср. комментарий Н.Я. Мандельштам: «Конкретизация тревоги и размышлений о египетских казнях, флейтистах и тому подобных вещах: как известно, я киевлянка» (Мандельштам Н.Я. Третья книга. С. 443).

в стихотворной форме»⁶. Сборник Ушакова состоит из пяти разделов, причем влияние киевских стихов Пастернака более всего ощутимо в городских зарисовках первого раздела «Утро». Отдельный интерес представляет второй раздел — «1918», это «городская повесть», написанная по мотивам «петербургской повести» о «бедном Евгении». Одноименный герой повести Ушакова изображен на фоне бурной киевской истории 1918-го: конец февраля, смена властей — вступление в Киев немцев, смена времен года — за весной наступает лето, в начале июня происходит взрыв военных складов в Зверинце, жертвой которого стала невеста Евгения Настенька; Евгений теряет разум и очередной смены властей — ухода немцев и гетмана, прихода петлюровцев — он уже не замечает.

С этим сюжетом связано знаменательное совпадение: взорванные киевские пещеры и наступление «ледяной бригады» по Днепру упоминаются еще в одном стихотворении. Это «Киев» Валентина Катаева (1923), и там впервые (не перифрастически, как у Тютчева, а «прямым текстом») появляется соположение Киева и Вия. Кажется, оно отчасти продикувано ассоциациями с «Кошмаром» и «Киевскими пещерами» из «Трилистника кошмарного» Ин. Анненского. Причем, отметим гоголевский подтекст этих «кошмаров» у Анненского, а затем и у Катаева, ощущение могильной духоты и смертельной тяжести: «“Душно мне! душно!” — простонал он диким, нечеловечьим голосом. Голос его, будто нож, царапал сердце, и мертвец вдруг ушел под землю»⁷. (Ср. в «Киевских пещерах»: «Что-то по самые плечи / В землю сейчас уходило, / Чьи-то беззвучно уста / Молят дыханья у плит ...»⁸). У Катаева продолжается «кошмарный» пещерный сюжет, из взорванных (пусть даже «в уме») пещер поднимается тот самый гоголевский мертвец:

Перестань притворяться, не мучай, не путай, не ври,
 Подымаются шторы пудовыми веками Вия.
 Я взорвать обещался тебя и твои словари,
 И Печерскую лавру, и Днепр, и соборы, и Киев.
 Я взорвать обещался. Зарвался, заврался, не смог,
 Заблудился в снегах, не осилил проклятую тяжесть,
 Но, девчонка, смотри: твой печерский языческий бог
 Из пещер на тебя подымается, страшен и кряжист.
 [...]
 Он скрипит сапогами, ореховой палкой грозит,
 Шелушится по стенам экземою, струпьями фресок,
 Он дойдет до тебя по ручьям, по весенней грязи,
 Он коснется костями кисейных твоих занавесок⁹.

⁶ Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2003. Т. 1. С. 520.

⁷ Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1968. Т. 1. С. 202.

⁸ Анненский Ин. Избранные произведения. Л., 1988. С. 74.

⁹ Катаев В. Отец. М., 1928. С. 312.

Мы не можем с уверенностью утверждать, что это стихотворение было актуально для Мандельштама в апреле 1937 г., но, по всей видимости, Катаев читал его Мандельштаму в 1923 г., в разгар своего романа с Е.А.Булгаковой¹⁰.

Однако вернемся к «Киеву» Ушакова. В следующих разделах, «Сказанье старых времен» и «Но военное счастье переменчиво», продолжается рассказ о событиях гражданской войны 1918–1919 гг., при этом Ушаков стремится выстроить «историческое» повествование и создать ощущение «документальной хроники»: к стихам прилагаются прозаические комментарии, зачастую с цитатами из советских газет и речей Сталина.

Последний раздел посвящен советскому Киеву, он носит название *«Мы над Киевом знаменем веем»*, и его жизнеутверждающий пафос можно определить характерным девизом второй половины 1930-х: «Жить стало лучше, жить стало веселее». Но мы, прежде всего, обращаем внимание на буквальное ритмическое и фонетическое совпадение этого названия с мандельштамовской формулой *«Как по улицам Киева-Вия»*. В «советском» разделе речь об успехах коммунистического строительства, о мирной городской жизни, театре и университете, а заканчивается он стихотворением «Жемчужина (Еще о Киеве)»:

Ветер медленный и лазурный
Перестук ближних строек донес,
Против ЦИКа
Над розовой урной
Задевая зеркальный утес¹¹.

И соответствующее примечание: «21 января 1934 года Всеукраинский исполнительный комитет в связи с решением XII съезда КП(б)У постановил перенести столицу УССР в Киев. [...] С весны 1934 г. промышленное и коммунистическое строительство в Киеве пошло ускоренным темпом. Вокруг Киева стали расти первые цеха новых заводов. В б. Липках и на Печерске, на ул. Воровского (Крещатик), Чудновского (Терещенковская), Леонтовича (Гимна-

¹⁰ Историю своих отношений с Е.А.Булгаковой («синеглазкой») Катаев описал в рассказе «Медь, которая торжествовала», а затем в романе «Алмазный мой венец». О посвященных «синеглазке» стихах, которые он читал Мандельштаму, см.: Катаев В. Алмазный мой венец. М., 1994. С. 228–229; см. также: Котова М.А., Лекманов О.А., Видгоф Л.М. В лабиринтах романа загадки. Комментарий к роману В.П. Катаева «Алмазный мой венец». М., 2004. С. 111. Ср. также признание Катаева в мемуарах Б.Панкина: «Мандельштам браковал все, что я написал, но находил одну-две настоящие строчки, и это было праздником и наградой» (Панкин Б. На грани стихий // Новый мир. 1986. № 8. С. 250).

¹¹ Ушаков Н. Киев. Киев, 1936. С. 71.

зическая), Лысенко (Театральная), на ул. 25 Октября (Институтская) [...] киевляне увидели новые дома. Перед ЦИКом Украины поставлен памятник борцам за революцию — урна на черной полированной скале»¹².

Памятник был поставлен в бывшем Царском саду, получившем название «Парк Жертв революции», чуть ниже Купеческого сада на спуске с Печерска. Заканчивается это стихотворение строфой о Липках и о запахе, который спускается сверху — с печерских Липок к Крещатику:

Тянет запахом знойным и липким,
он откуда-то сверху идет.
Это липы в цвету,
это Липки,
это липень как липовый мед¹³.

Отметим это напоминание о «борцах и жертвах» вместе с характерным совпадением киевской топографии: направление сверху вниз, от Липок к Крещатику, и идущий сверху запах — «знойный и липкий», запах липового меда у Ушакова, и запах смерти у Мандельштама. В таком топографическом контексте напомним также, что «ХЛАМ» находился в соседнем квартале, в подвале гостиницы «Континенталь» на Николаевской улице, тоже спускавшейся с Липок. В Липках в 1919 г. размещалась Украинская ЧК и — по городской легенде (впрочем, вполне обоснованной) — пыточные подвалы в экспроприированных особняках.

В очерке 1929 г. «Киев и его окрестности», написанном во многом под влиянием мандельштамовского очерка «Киев» (1926), Ушаков описывает «ХЛАМ» в те весенние месяцы 1919 г., когда там появился Мандельштам: «В марте 1919 г. организовался первый киевский подвал поэтов ХЛАМ... Он помещался в подвальчике на Николаевской, где теперь клуб правозаступников. На улицах стояла пронзительная сырость. Из подвала были видны австрийские ботинки идущих мимо красноармейцев... В ХЛАМе подавали бифштексы и вино. Поэты просили, чтобы публика не звенела ложечками о стаканы. [...] Стихи поэтов слушали комиссары, студистки и гурманы, затем поэты и все остальные слушали стихи комиссаров. На святой прибыли О. Мандельштам и Рюрик Ивнев. Зеленый собирался взять Киев. В мае ХЛАМ лопнул...»¹⁴

После того как «ХЛАМ лопнул» и Мандельштама выдворили из «Континенталья», он поселился у Хазиных, на углу Крещатики и Институтской, еще одной улицы, спускавшейся с Липок к Креща-

¹² Там же. С. 85–86.

¹³ Там же. С. 72.

¹⁴ Ушаков Н. Киев и его окрестности // Ветер Украины. Киев, 1929. Кн. 1. С. 122.

тику. Это и есть та ключевая киевская локация, описанная в «Киеве-Вие»: «Под самый конец, когда большевики перед уходом расстреливали заложников, мы увидели в окно — к этому времени Мандельштама уже выгнали из гостиницы и он жил с братом в кабинете моего отца — телегу, полную раздетых трупов. Они были небрежно покрыты рогожей, и со всех сторон торчали части мертвых тел. Чека помещалась в нашем районе, и трупы через центр вывозились, вероятно, за город. Мне сказали, что там был сделан желоб, чтобы стекала кровь, — техника еще была наивной»¹⁵.

Итак, «воспоминание» о Киеве 1919 г. в Воронеже 1937 г., «навеянное» сборником Ушакова, было по смыслу своему прямо противоположно жизнеутверждающему «советскому» разделу «*Мы над Киевом знаменем веем*», а запах, идущий «сверху», с Липок, для Мандельштама на тот момент со всей очевидностью был запахом смерти. В этой связи, как нам кажется, следует обратиться к еще одному исследовательскому сюжету о «советских» реминисценциях в этом стихотворении. А. де Жонж в свое время показал его сходство с эпизодом отступления красных в романе Н. Островского «Как закалялась сталь» и с обещанием «Мы еще придем, товарищи!», прозвучавшим в конце 7-й главы. При этом американский исследователь делает вывод о «позитивном» значении метонимической «шинели» и о «просоветском оттенке тона и ассоциаций мандельштамовского стихотворения»¹⁶. Наблюдения А. де Жонжа выглядят тем убедительнее, если помнить, что Мандельштам в Воронеже действительно работал над радиоверсией романа Островского. О том, как он относился к тексту романа, свидетельствует письмо Сергея Рудакова жене: «Теперь радио-дела. 1-я часть сделана так. Взял Островский, составлен монтаж из его кусков, но т.к. они Осю не удовлетворяют художественно, он многое пересказал в своем вольном стиле, приукрасил бедного автора своей манерой, так сказать, подарил ему свои красоты»¹⁷.

Надо думать, в случае стихотворных реминисценций, «монтаж» оказывается более «вольным», сложным, и фактически «пересмысливает» оригинальный текст. Именно так это произошло с «запахом Липок» из книги Ушакова. «Киевское» стихотворение 1937 г. по своему смыслу и пафосу прямо противоположно «киевскому» очерку 1926 года о «самом живучем городе». (Хотя и там «погромный липовый пух в нервическом майском воздухе» — сво-

¹⁵ Мандельштам Н.Я. Вторая книга. М., 1999. С. 26.

¹⁶ Жонж А. де. Как закалялось стихотворение: Мандельштам и Н. Островский // Русская литература XX века: исследования американских ученых. СПб., 1993. С. 433.

¹⁷ О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. Материалы об О.Э. Мандельштаме. СПб., 1997. С. 96.

его рода *memento mori*.) Ключевой образ стихотворения — образ мертвого города, и гоголевский Вий здесь, кроме всего прочего, должен напомнить о сюжете одноименной повести: о мертвецах и о панихиде. Все это в самой малой степени сочетается с «просоветским оттенком» последнего раздела ушаковского сборника («*Мы над Киевом знаменем ведем*») и его пафосом «жить стало лучше».

И обратим внимание еще на одну особенность этого текста, коль скоро мы сопоставляем его с романом Н. Островского. «Как закалялась сталь» — фактически двуязычная книга, где украинская речь вплетается в авторскую ткань отчасти как «местный колорит» и знак «народного» происхождения героев. Роль «украинизмов» в стихотворении Мандельштама не столь очевидна и однозначна. Но если мы, вслед за А. де Жонжем, читаем реплику красноармейца («сырой шинели») на фоне романа Островского, то признаем: в оригинальном виде («Мы еще придем, товарищи!») в контексте «Киева-Вия» она звучала бы угрожающе. Но то, что «сырая шинель» в конце стихотворения и потерявшая мужа «жинка» в его начале принадлежат к одной языковой стихии, делает их персонажами одного ряда — потерянными, потерявшимися, потерпевшими поражение жертвами.

Последнее «киевское» стихотворение содержит в себе два временных плана — 1919 г. и 1937 г. По мысли М. Петровского, «оно отражает не столько точку зрения и опыт Мандельштама 1937 года, сколько — года 1919-го»¹⁸. Нам представляется, что все обстоит совершенно иначе, и стихи о мертвом городе, запахе смерти и потерявшей мужа киевской «жинке» — это именно воронежские стихи 1937 г. Но М. Петровский прав в другом: в этом стихотворении соединились два разных ощущения и видения киевской истории 1919 г., и читать его нужно на фоне «просоветских» текстов Ушакова и Островского, но точно так же — на фоне первого киевского стихотворения «На каменных отрогах Пиэрии...». Вместе с «осколками» «Свадебных песен» Сафо¹⁹ там есть счастливое и праздничное ощущение утопии искусства («О, где же вы, святые острова...»), которое приносит с собой «новый мир», — это и было киевское ощущение весны 1919 г. Последнее «киевское» стихотворение передает то «сознание обреченности», о котором «задним числом» вспоминает Надежда Яковлевна, говоря о первых днях знакомства с Мандельштамом в мае 1919 г.

¹⁸ Петровский М.С. Городу и миру. Киевские очерки. С. 261.

¹⁹ Ср.: «Перед тем, как написать стихи о свадьбе и черепахе, Мандельштам перелистал у меня в комнате томик переводов Вячеслава Иванова из Алкея и Сафо в милом Сабашниковском издании...» // Мандельштам Н. Вторая книга. С. 36. См. также: Тарановский К. Пчелы и осы (Очерки о поэзии О. Мандельштама) // Тарановский К. О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 127.

Литература

Жонж Алекс де. Как закалялось стихотворение: Мандельштам и Н. Островский // Русская литература XX века: Исследования американских ученых. СПб., 1993. С. 422–435.

Катаев В.П. Алмазный мой венец. М., 1994.

Котова М.А., Лекманов О.А. [Видгоф Л.М]. В лабиринтах романа-загадки. Комментарий к роману В.П. Катаева «Алмазный мой венец». М., 2004.

Мандельштам О.Э. Стихотворения / Изд. подгот. Н.И. Харджиев. Л., 1973.

Мандельштам О.Э. Соч. В 2 т. / Сост. П.М. Нерлер; подгот. текста и коммент. А.Д. Михайлова и П.М. Нерлера. М., 1990.

О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. Материалы об О.Э. Мандельштаме. СПб., 1997. С.7–185.

Мандельштам Н.Я. Вторая книга / Предисл. и примеч. А. Морозова. М., 1999.

Мандельштам Н.Я. Третья книга / Сост. Ю.Л. Фрейдин. М., 2006.

Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. / Сост. Е.Б. Пастернак, Е.В. Пастернак. Коммент. Л.С. Флейшман. М., 2003. Т. 1.

Петровский М.С. Городу и миру. Киевские очерки. Киев, 1990.

Тарановский К. Пчелы и осы (Очерки о поэзии О. Мандельштама) // Тарановский К. О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 123–164.

Ушаков Н. Киев. Киев, 1936.

Ушаков Н. Киев и его окрестности // Ветер Украины. Киев, 1929. Кн. 1.

References

Kataev V.P. *Almaznyi moi venets* [Diamond is my crown]. Moscow, 1994.

Kotova M.A., Lekmanov O.A. [Vidgof L.M]. *V labirintakh romana-zagadki. Kommentarii k romanu V.P. Kataeva «Almaznyi moi venets»* [In the labyrinths of the novel-riddles. Commentary on the novel by V.P. Kataev "Diamond is my crown"]. Moscow, 2004. (In Russ.)

Mandel'shtam O.E. *Stikhotvoreniia* [Poems]. Izd. podgot. N.I. Khardzhiev. Leningrad, 1973. (In Russ.)

Mandel'shtam O.E. *Sochineniia: V 2 t.* [Works: In 2 vols]. Sost. P.M. Nerler; podgot. teksta i komment. A.D. Mikhailova i P.M. Nerlera. Moscow, 1990. (In Russ.)

O.E. Mandel'shtam v pis'makh S.B. Rudakova k zhene (1935–1936) [O.E. Mandel'shtam in letters SB. Rudakova to his wife (1935–1936)]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1993 god. Materialy ob O.E. Mandel'shtame* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1993. Materials about OE Mandel'shtam]. St. Petersburg, 1997, pp. 7–185. (In Russ.)

Mandel'shtam N.Ia. *Vtoraia kniga* [The second book]. Predisl. i primech. A. Morozova. Moscow, 1999. (In Russ.)

Mandel'shtam N.Ia. *Tret'ia kniga* [The third book]. Sost. Iu. L. Freidin. Moscow, 2006. (In Russ.)

Pasternak B.L. *Poln. sobr. soch.: V 11 t.* [Complete set of works: In 11 vols.]. Sost. E.B. Pasternak, E.V. Pasternak. Komment. L.S. Fleishman. Moscow, 2003, t. 1.

Petrovskii M.S. *Gorodu i miru. Kievskie ocherki* [The city and the world. Kiev essays]. Kiev, 1990. (In Russ.)

Taranovskii K. *Pchely i osy (Ocherki o poezii O. Mandel'shtama)* [Bees and wasps (Essays on the poetry of O. Mandel'shtam)]. Taranovskii K. *O poezii i poetike* [About poetry and poetics]. Moscow, 2000, pp. 123–164. (In Russ.)

Ushakov N. *Kiev*. Kiev, 1936. (In Russ.)

Ushakov N. Kiev i ego okrestnosti [Kiev and its environs]. *Veter Ukrainy* [Wind of Ukraine]. Kiev, 1929, kn. 1. (In Russ.)

Zhonzh Aleks de. Kak zakalialos' stikhotvorenie: Mandel'shtam i N. Ostrovskii [How the poem was tempered: Mandelstam and N. Ostrovsky]. *Russkaia literatura XX veka: Issledovaniia amerikanskikh uchenykh* [Russian literature of the twentieth century: Studies of American scientists]. St. Petersburg, 1993, pp. 422–435.

**“Pahnut smert’iu gospodskie Lipki”:
on some contexts of the “Kiev poem” by Osip Mandelstam**

Inna S. Bulkina

Abstract: The last Kiev-related poem by Mandelstam is interpreted in the context of Nikolay Ushakov’s collection of poems “Kiev” (1936). Historical and topographical comments on the plot of the poem about the “dead city” given on the article consider: Kiev in 1919 and reflections on it in Voronezh in 1937. Supposedly “pro-Soviet” reminiscences in the poem are revisited.

Keywords: Osip Mandelstam, Nikolay Ushakov, Nikolay Ostrovsky, Kiev, “Voronezh notebooks”.

Information about the author: Inna S. Bulkina, PhD, independent researcher, Kiev, Ukraine. E-mail: inna001@rambler.ru

Из комментаторских заметок

4. К публикациям статей С.Н. Дурылина о символизме

Н.А. Богомолов

Аннотация: В заметках приводятся дополнительные данные (в том числе, по материалам архива ГАХН — Государственной Академии художественных наук) к истории докладов 1925–1926 гг. и соответствующих статей Сергея Дурылина о раннем русском «декаденте» Александре Добролюбове и о рецепции поэзии Ш. Бодлера в русском символизме. Будучи опубликованными 90 лет спустя, эти работы получили известность в 1920 годы — в том числе, благодаря заинтересованному обсуждению в ГАХН, где доклады собрали довольно широкую аудиторию литераторов и ученых.

Ключевые слова: С.Н. Дурылин, ГАХН, русский символизм, источниковедение, комментарий

Информация об авторе: Николай Алексеевич Богомолов, д.ф.н, профессор МГУ, Москва. E-mail: nab50@mail.ru

В изучении истории русской культуры XX века фигура Сергея Николаевича Дурылина стала занимать значительное место. Вышли несколько книг его прозы, статей и неопределенного жанра произведение «В своем углу», появились посвященные целиком ему или в значительной степени ему сборники, издана биография. И тем не менее, исследователи явно находятся только в начале пути. Малоизвестен Дурылин 1910-х годов, аресты и ссылки разбивают его биографию 1920-х, а Дурылин, писавший в 1930–1950-е об официально признанных деятелях русской культуры, мало кому сейчас интересен. И потому даже лежащие на поверхности сведения о его трудах и днях зачастую остаются необследованными. Не претендуя на многое, мы хотели бы привести ряд данных, связанных с судьбой некоторых существенных для истории русского литературоведения дурылинских произведений середины 1920-х годов.

После своего освобождения из ссылки в конце 1924 г. и до нового ареста летом 1927 г. С.Н. Дурылин принимал самое актив-

ное участие в работе ГАХН¹. Согласно хронике в «Бюллетенях ГАХН», он сделал доклад в Отделении археологии (о раскопках в Челябинске), 6 докладов в Комиссии нового искусства (живопись), входившей в Социологическое отделение, и 10 докладов в различных подсекциях Литературной секции. Отчасти это было вызвано стремлением заработать², но только отчасти. Во-первых, требовала выхода его интеллектуальная энергия, а во-вторых, уже в Челябинске он начинает вести записи «В своем углу», где весьма сильно мемуарное начало, что сказалось и на его докладах в ГАХН.

Нас будут интересовать три его доклада, тесно между собою связанных, прочитанных за один год, с октября 1925 по октябрь 1926-го. Два из них недавно впервые опубликованы, и здесь хотелось бы добавить некоторые материалы к этим добросовестным публикациям.

1. «АЛЕКСАНДР ДОБРОЛЮБОВ»

Статья С.Н. Дурылина «Александр Добролюбов» не слишком давно, но уверенно введена в круг тех исследований 1920-х годов о раннем русском символизме, которые не утратили своего значения до сей поры. Насколько мы знаем, впервые использовал ее А.А. Кобринский в своем предисловии к изданию стихов Добролюбова³ по машинописи из фонда Дурылина в РГАЛИ. В 2014 г. по экземпляру машинописи с правкой и с подписью «С. Раевский» (один из многих псевдонимов Дурылина) из собрания Дома-музея С.Н. Дурылина (Большево) статью опубликовали А.И. Резниченко и Т.Н. Резвых⁴. Однако ни в том, ни в другом случае не было указано, что работа эта вошла в научный оборот в то же время, когда была написана.

¹ В последнее время деятельность ГАХН была изучена с различных сторон, однако как раз работой литературной секции почти не занимались. См. только что вышедший двухтомник: Искусство как язык — языки искусства: Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов. М., 2017. Многие материалы размещены также на сайте: <http://dbs.rub.de/gachn/index.php?pg=17&g0=2&l=ru> (дата обращения 19.05.2017).

² В архиве Дурылина сохранилось много однотипных справок о полученных за доклады гонорарах. Обычно такой гонорар составлял 10 рублей (см.: РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 961).

³ *Минский Н., Добролюбов А.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2005. С. 430 и далее. Эта машинопись представляет собою вполне точную копию рукописи: РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 25.

⁴ *Дурылин С.Н.* Статьи и исследования 1900–1920 годов / Сост.: А. Резниченко и Т. Резвых. СПб., 2014. Далее: *Дурылин*, с указ. стр.

Среди опубликованных отчетов Государственной Академии художественных наук мы обнаруживаем известие об этом: «*П/секция русской литературы*, поставив своим главным заданием изучение раннего символизма, заслушала следующие доклады: С.Н. Дурылин сделал сообщение (9.X.[1925]) на тему “Александр Добролюбов” (К истории раннего символизма). Докладчик указал, что А. Добролюбов является первым русским “декадентом”, совершенно самостоятельно пришедшим к культу личности и признанию новых поэтических форм, и оказавшим значительное влияние на ранних русских символистов (Брюсова, И. Коневского и др.). Кризис, пережитый Добролюбовым в 90-х гг., приведший его от атеистического “декадентства” и эстетического индивидуализма к религиозным исканиям, завершился уходом Добролюбова в народ»⁵.

Доклад про А. Добролюбова анонсировался Дурылиным в ГАХН как один из возможных в цикле о русском символизме, о чем свидетельствует письмо секретаря подсекции, направленное Дурылину менее чем за 2 недели до дня выступления:

Москва, 26-го сент. 1925 г.

С.Н. Дурылину

Многоуважаемый Сергей Николаевич!

Предс[едатель] п[од]с[екции] русск[ой] литер[атуры] Н.К. Гудзий просит Вас прочитать доклад «*Символизм и народная поэзия*» в пятницу 9-го или, самое позднее, в пятницу 16-го октября.

В случае же невозможности для Вас прочитать этот доклад теперь — мы просим прочитать доклад об Александре Добролюбове *не позднее пятницы 9-го октября*.

О Вашем согласии прошу Вас сообщить мне (по адресу Академии) в самый ближайший срок.

Ученый секретарь русской п/с Д.Усов⁶

На листке с письмом Дурылин карандашом сокращенно записал те источники, на которые должен был опираться.

Как и следовало предполагать, более подробные сведения находятся в отложившейся в архивном фонде ГАХН папке под заглавием: «Литературная секция. Подлинные протоколы заседаний подсекции русской литературы № 1–15 и материалы к ним»⁷.

«Протокол № 1 заседания п/с русской литературы литературной секции ГАХН от 9 октября 1925 г.»⁸, председательствовал

⁵ [Б.п.] Литературная секция // Бюллетени ГАХН. М., 1925. [№] 2–3. С. 32–33.

⁶ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 961. Л. 13. О докладе Дурылина «Символизм и народная поэзия» у нас информации нет.

⁷ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 36.

⁸ Там же. Л. 2. В дальнейшем мы не указываем листы данного протокола и для большей отчетливости изложения временами нарушаем тот порядок, в котором документы подшиты.

на котором, как и в большинстве заседаний, Н.К. Гудзий, а ученым секретарем был Д.С. Усов, начинается списком членов ГАХН, пришедших на встречу. Вот он: «Присутствовали: Ю.Н. Верховский, Л.П. Гроссман, Б.В. Горнунг, Н.К. Гудзий, Д.С. Дарский, С.Н. Дурылин, А.И. Кондратьев, А.Ф. Лосев, Л.Е. Остроумов, М.А. Петровский, И.Л. Поливанов, И.Н. Розанов, А.И. Ромм, Д.С. Усов, С.В. Шувалов, Г.И. Чулков». Кажется, в особых комментариях эти имена не нуждаются.

Сохранился также явочный лист с подписями гостей, показывающий, что доклад заинтересовал очень многих. Нам, к сожалению, удалось прочитать не все фамилии: две остались неразобранными вообще, некоторые могут быть прочитаны нами неверно. Среди приглашенных — В. Саводник, Чекан, Михайловский, Н. Полухин, [К.Ф.] Юон, Е. Гениева, Л. Воскресенская, А. Левенталь, Е. Нерсесова, Ю.[Г.] Перель, А. Ведерников [?], Е. Черкас, Л.[В.] Горнунг, Е. [В.Н.?] Челинцева, Т. Шафман [?], А. Шенрок, З. Купер, Л. Фудель, Н. Чернышев, П. Васильев, Н. Чернышев, А. Печковский, Н. Устюгов, Н. Аппельберг[?], Артемьева, А. Ростовцев⁹.

Тезисы доклада и запись его обсуждения опубликованы¹⁰, и воспроизводить их здесь не имеет смысла (хотя при публикации в

⁹ Приведем минимальные пояснения о ряде присутствовавших. В.Ф. Саводник (1874–1940) — литературовед, впоследствии член-корреспондент ГАХН; Б.В. Михайловский (1899–1965) — выпускник Брюсовского института, аспирант ГАХН, впоследствии профессор МГУ, зав. сектором Горького ИМЛИ; Елена Васильевна Гениева (1891–1979), многолетний друг Дурылина, их переписка недавно опубликована; Л. Воскресенская — возможно, Лидия Александровна, жена доктора Александра Дмитриевича Воскресенского, сестра Е.А. Нерсесовой; А.Г. Левенталь — будущая жена Д.С. Усова, «Гуговна», как называла ее Н.Я. Мандельштам; Евгения Александровна Нерсесова (урожд. Бари, 1881–1967), близкий друг Дурылина; Шенрок — вероятно, Алексей Владимирович (1893–1968), впоследствии диакон; сразу два Н. Чернышева — художники Николай Сергеевич (1898–1942), близкий друг Дурылина, и Николай Михайлович (1885–1973), один из организаторов группы «Маковец», сотрудник ГАХН; Фудель Лидия Иосифовна (1895–1933) — дочь священника И.И. Фуделя, первая жена Н.С. Чернышева; Васильев — вероятно, Пантелеймон Иванович (1891–1976 или 1977), композитор, друг Дурылина; Николай Владимирович Устюгов (1896/97–1963), историк; Александр Петрович Печковский — «аргонавт», в начале века — студент-химик.

¹⁰ См.: Усов Дмитрий. «Мы сведены почти на нет...» М., 2011. Т. 2. С. 351–353, в комментарии Т.Ф. Нешумовой. Отметим лишь некоторые неточности: в последней фразе первого тезиса странное слово «эстеистичен» на самом деле читается «атеистичен»; в начале второго тезиса, вероятно, следовало сохранить индивидуальное написание: «Ничше» и «Гюисман»; то же относится к концу седьмого тезиса, где отчетливо написано «песнотворчестве» вместо нормативного «песнетворчестве». Тезисы датированы 3 октября 1925 г.

книге Дурылина они не были бы лишними), но следует отметить, что доклад (а соответственно, и статья) не раз переделывался. Под опубликованным в томе трудов Дурылина вариантом стоит дата «Коктебель. 17–26 июня 1926 г.» 22 октября того же 1926 года Дурылин на той же подсекции ГАХН читает доклад «Александр Добролюбов и Валерий Брюсов»¹¹. Видимо, мы должны предположить, что опубликованный в книге Дурылина вариант представляет собою синтез как первого доклада, так и второго, из которого была извлечена одна линия.

Как кажется, об этом свидетельствует краткое изложение доклада 1926 г.: «Основным началом личности Добролюбова и Брюсова является начало *волево*. Оно сделало из обоих организаторов русской символической школы, оно же развело их по разным путям: Брюсова в литературу и коммунизм, Добролюбова в мистику и сектантство. Первоначальная история их отношений отмечена преобладающим влиянием Добролюбова на Брюсова; отношение же Добролюбова к творчеству раннего Брюсова было явно критическим. В докладе Дурылина был приведен ряд неопубликованных писем обоих писателей»¹². В первом же примечании к опубликованному тексту статьи Дурылин пишет: «Приношу глубокую благодарность Ж.М. Брюсовой, разрешившей мне воспользоваться крайне интересными письмами А. Добролюбова к В.Я. Брюсову...»¹³ Естественно, что если бы эти «крайне интересные письма» были в распоряжении докладчика еще в 1925 году, он не преминул бы ими воспользоваться¹⁴.

Никаких следов доклада в фонде Дурылина в РГАЛИ не сохранилось, однако среди протоколов заседаний подсекции рус-

¹¹ Доклад с таким же названием числится как прочитанный на заседании «Кружка памяти Валерия Брюсова» 9 февраля 1927 г. (см.: РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 41об.). Отметим как характерный факт запись в протоколе заседания подсекции от 8 октября 1926 г.: «Ввиду того, что доклад С.Н. Дурылина является самостоятельным историко-литературным исследованием и включен в план работ п/с истории русской литературы на 1926–27 ак. год, утвержденный Правлением ГАХН, — просить Президиум об оплате доклада С.Н. Дурылина» (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 47. Л. 4).

¹² Бюллетени ГАХН. 1927. № 6–7. С. 41.

¹³ Дурылин. С. 685. Эти выписки сохранились: РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 2. Ед. хр. 271. Л. 27–41. Дурылиным они озаглавлены: «Выписки из архива В.Я. Брюсова. Брюсов и Добролюбов».

¹⁴ Для будущих исследователей отметим, что сохранился и рукописный сборник П.П. Картушина, на который ссылается Дурылин (Из писаний брата Александра Добролюбова // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 288. Л. 1–28). Одновременно упоминание этого человека следует считать данью его памяти, принесенной Дурылиным. См.: Дурылин С.Н. В своем углу. М., 2006. С. 100–103 и др.

ской литературы литературной секции ГАХН сохранился протокол № 3 за 1926–1927 гг. от 22 октября, где находим хотя бы самые первоначальные сведения. Вот тезисы доклада:

1. В истории русского раннего символизма Брюсов и А. Добролюбов являются его истинными зачинателями, активистами и организаторами символического движения.

2. В деле создания русской символической школы, связанном с широким творчеством и культурным проникновением в символическое искусство Запада, Добролюбову принадлежит первенство. Это первенство В. Брюсов признавал одинаково и в начале 90-х г. при зарождении русского символизма, и в десятых гг. XX в., при подведении его итогов.

3. Основным началом личности Добролюбова, как и личности Брюсова, должно признать волевое начало. Именно оно сделало из них обоих деятелей и организаторов русской символической школы, но оно же и развело их в разные стороны: В. Брюсова в литературы и коммунизм, А. Добролюбова — в мистику и сектантство.

4. Первоначальная история отношений А. Добролюбова и В. Брюсова, до «ухода» первого в «народ», характеризуется явным преобладанием влияния А. Добролюбова над В. Брюсовым.

5. В. Брюсов высоко ценил творчество А. Добролюбова и в начале 90-х г., когда готовился быть его издателем, и в 900-ом г., когда выпрашивал у ушедшего в народ Добролюбова разрешения издать его последние стихи. Наоборот, отношение Добролюбова к творчеству раннего Брюсова было критическим.

6. Письма Добролюбова из эпохи его «ухода» показывают, что он высоко ценил личность Брюсова и посвящал его в самые сокровенные пути и уклоны в своей внутренней жизни. В 900-х гг. и позднее В. Брюсов сознательно отстранялся от общения с Добролюбовым.

7. В личностях А. Добролюбова и Брюсова, стоявших у колыбели русского символизма, выразились два начала в русском символизме. Русские символисты в своих жизненных и творческих путях пошли один [так!] за Добролюбовым, другие за Брюсовым¹⁵.

Из самого протокола мы узнаем, что на заседании было 7 членов и сотрудников ГАХН (Г.О. Винокур, Н.К. Гудзий, С.Н. Дурылин, С.А. Охитович, И.Л. Поливанов, Д.С. Усов, Г.И. Чулков), приглашенных же 40 человек, что было для подобных заседаний много.

Первым выступил А.А. Ильинский-Блюменау, говоривший не на тему, почему его реплика мы опускаем. Протокол дальнейшего обсуждения приводим полностью:

Иоанна БРЮСОВА — дополняет доклад С.Н. Дурылина своими воспоминаниями о Добролюбове 1898 г. В настоящее время Добролюбов, по слухам, живет на Алтае. В докладе С.Н. Дурылина даны правительные наблюдения над манерой отношения Брюсова к людям (внима-

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Карт. 47. Л. 8.

ние к ним до постижения их, потом резкий отход или же деловые сближения).

Н.К. ГУДЗИЙ — находит, что влияние Добролюбова на Брюсова-поэта не было столь органичным, как это могло бы казаться, — он более интересовался Добролюбовым как сильною яркою личностью на фоне третьестепенных поэтов эпохи. Брюсову-эклектику Добролюбов был интересен как одна из многих разновидностей. Кроме Добролюбова Брюсов интересовал еще в те годы один неизвестный поэт — Степанов. Доклад мог бы быть пополнен наблюдениями над Брюсовым-символистом — как известно, символизм для Брюсова всегда был только литературной школой. Что касается самого Добролюбова, то он был особой (об) линией в русском символизме, насыщенной декадентством.

Г.Н. БУЛЫЧЕВ — для В. Брюсова в Добролюбове был дорог неповторимый поэт, обладавший своим лицом, несмотря на свое косноязычие.

С.Н. ДУРЫЛИН — благодарит всех участвовавших в прениях за их дополнения и соображения и останавливается на вопросе об отношении Брюсова к символизму: для него символизм был чем-то, лежащим в проблеме формы. Статья «Ключи тайн» могла быть вызвана увлечением потебнианством. Вопрос об отношении Брюсова к Добролюбову придется много раз ставить, усложняя его материалами. Стихотворение Брюсова «Камни» можно считать отголоском «Из Книги Невидимой». Можно говорить о влиянии общих литературных источников: у обоих бодлэрианские сонеты. Декадентство Добролюбова было чрезвычайно жизненным; оно предугадывает ряд уходов — Белого в теософию, Эллиса и Соловьева в католичество и т.д. В настоящее время продолжают существовать добролюбовцы. Деятельность самого Добролюбова продолжалась еще в начале Революции: он писал песни и составлял нравоучительные сборники типа толстовского «Круга чтения»¹⁶.

Наконец, из явочного листа мы узнаем имена еще некоторых присутствовавших на заседании: Е.А. Нерсесова (о которой см. выше) на этот раз была с мужем Александром Нерсесовичем (1877–1953), профессором-юристом, а в это время — директором университетской библиотеки. Лев Охитович, как и упомянутый выше Сергей Александрович Охитович — литераторы. В. Измаильская — исследовательница творчества А.А. Блока, неоднократно выступавшая на заседаниях той же секции. Были там известный впоследствии профессор Б.И. Пуришев с женой, литератор София Николаевна Шиль (известна также под псевдонимом Сергей Орловский; 1863–1928), писатель и последователь Н.Ф. Федорова А.К. Горностаев, поэтесса и впоследствии детский драматург Валентина Александровна Любимова (Любимова-Маркус; 1895–1968) и, наконец, Марина Казимировна Баранович (1901–1975) — актриса, переводчица, антропософка, помощница Б.Л. Пастернака¹⁷.

¹⁶ Там же. Л. 7 и об.

¹⁷ Там же. Л. 9.

Отметим также, что в одной из записных книжек Дурылина сохранился большой фрагмент, связанный с работой над исследованием биографии и творчества Добролюбова. Прочитывая вопрос Д.С. Мережковского: «...за пять веков христианства, кто третий между этими двумя — св. Франциском Ассизским и Александром Добролюбовым?»¹⁸ — он подробно на него отвечает. Поскольку наши заметки далеки от академического труда, приведем лишь самое начало этих рассуждений, которое уже дает представление о дальнейшем их направлении: «Я не знаю, почувствовал ли Мережковский до конца всю правду своего дерзкого вопроса, и даже не знаю, м. б., на этот вопрос можно ответить, что третий есть — но я наверное знаю, что есть огромная область христианского сознания и действия, в которой *третьего* между св. братом Франциском и братом Александром, русским юношей нашего времени, *определенно* нет. Если и есть этот третий, то уже за пределами христианства. Это область отношения человека к зверю, твари словесной к твари бессловесной, твари разумной к твари неразумной»¹⁹.

2. «БОДЛЭР И РУССКИЙ СИМВОЛИЗМ»

Второй материал, нуждающийся в некотором комментарии, был опубликован Г.В. Нефедьевым²⁰ с должной текстологической подготовкой и обширным комментарием, а также с попыткой проследить историю текста этой работы — от первой зафиксированной попытки Дурылина еще в 1910 г. написать работу «Бодлер и Лермонтов» до завершения публикуемой статьи. Как часто бывает в подобных случаях, вполне возможны споры об отдельных аспектах работы предшественника (так, мы бы взяли в качестве основного текста вариант неопубликованного сборника «Русские символисты», а не машинописи с правкой из архива Дома-музея Дурылина, поскольку прагматика второго неясна, а первый был предназначен к печати), но мы ограничимся лишь указаниями на ряд текстов, оставшихся вне поля его зрения.

Доклад «Бодлэр и русский символизм» (ведший протокол Д.С. Усов пишет «Боделэр», и мы сохраняем оба написания) Ду-

¹⁸ Дурылин. С. 733. Эти же слова есть в рукописи, о которой мы говорим далее.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 230. Л. 42. Дальнейшие размышления идут до л. 47, иногда помечаясь как вставки на определенную страницу, но какого варианта — пока понять не удалось.

²⁰ К истории русского символизма: С.Н. Дурылин о Ш. Бодлере / Публ. и примеч. Г.В. Нефедьева // Книгоиздательство «Мусагет»: История. Мифы. Результаты: Материалы и исследования. М., 2014. С. 253–327.

рылин сделал 19 февраля 1926 года. Публикатор отыскал в записной книжке Дурылина и воспроизвел (насколько это было возможно: карандашные пометы и в самом деле очень неразборчивы) его запись обсуждения доклада, последовавшего сразу после окончания. Однако у нас имеется возможность познакомиться с более развернутой записью в протоколе заседания. Вот она:

М.Д. ЭЙХЕНГОЛЬЦ находит, что доклад построен без материальной базы — без детального анализа тех стихотворений Боделэра, которые могли повлиять на стихи русских авторов. Не обследован *стиль* Боделэра — сочетание метафор, аллегорий, импрессионистического метода и т.д.; Боделэр соединяет стиль романтиков с некоторыми приемами парнасизма. Кроме отдельных тематических замечаний, влияющая стилистическая сторона творчества Боделэра не отмечена. В частности, оппонент выдвигает вопрос, на чем основывается характеристика «Сенилий» как произведения, возникшего под влиянием Боделэра.

Д.С. УСОВ отмечает безусловную *историческую* ценность доклада С.Н. Дурылина. Следовало пристальнее всмотреться в работу символистов *по переводу* Боделэра и в их выбор — напр., у Вячеслава Иванова. Почти обойден вниманием И.Ф. Анненский, его переводы и 1 подражание Боделэру; в общей картине русского боделэрианства даже отдельные высказывания Анненского — «иногда мелочи показательны», заметил сам докладчик, — лягут на свое место.

Г.И. ЧУЛКОВ: как кажется, задание доклада было мемуарным и материальным. Но воспоминания всегда подвергаются опасности увидеть факты в неверной перспективе и в неверном масштабе. Так, значение Элиса [так!] выдвинуто не совсем точно. Оппонент характеризует *бестолковость* Элиса как психологического типа; с историко-литературной точки зрения, он представляет собой только курьез. Его переводческие приемы были тоже далеко не всегда мастерскими. Мнения Вяч. Иванова, Блока, Белого об Элисе всегда показывали, что они знают ему место. Основной стержень доклада превосходно сделан. Он ценен именно постольку, поскольку он мемуарен. Смущает только некоторая нечетливость *оценки* русского боделэрианства.

А.А. СИДОРОВ: основной пафос доклада был устремлен к тому, чтобы доказать, что символизм проломил рамки чистой литературы и стал мирозерцанием. «Разница масштаба», о которой говорил Г.И. Чулков, воскрешает перед нами разницу между петербургской и московской школой. Крахтовский кружок — филиал «Мусагета» — имеет все права на внимание рус книжной культуры. После А. Добролюбова Элис был самой трагической фигурой русского символизма. Он более гениален, чем талантлив. У него не было неизбежного фундамента формальных предпосылок, которые могли бы из него сделать поэта. Что же касается его переводов, то если есть где-либо в русской переводческой литературе *перлы*, то к ним принадлежат переводы.

Изучение Боделэра для эпохи около 1910 г. было чрезвычайно серьезной и строгой школой. Это имя заставило всех, имевших отношение к символизму, присмотреться и к задачам поэтики, и к задачам формальной композиции стихотворений, и к задачам символического миро-

воззрения. Здесь докладчик скорее даже преуменьшил значение Боделэра. Оппонент указывает на некоторые работы Крахтовского кружка: С.Я. Рубанович дал изумительные переводы забракованных пьес Боделэра; ряд докладов из среды молодого «Мусагета», прочитанных тогда, имели бы значение и в настоящее время для ГАХН. Такова, по мнению оппонента, и его собственная детальная работа по обследованию переводов Стефана Георге из «Цветов Зла». В заключение А.А. Сидоров отмечает, что русский символизм в широком смысле переживает сейчас волну заслуженного внимания, которое особенно приятно констатировать в общем направлении работ подсекции русской литературы.

И.Н. РОЗАНОВ: докладчик указал на 4 стороны материала по «русскому боделэрианству»:

1. Боделэр в претворении русских символистов.
2. Боделэр в переводах
3. Боделэр в отзывах.
4. Боделэр в жизни

Но не обо всех этих сторонах доклад дает полное представление. Элис недостаточно известен, чтобы, говоря о нем, можно было обойтись без цитат. Докладчик напрасно ограничил свою работу московскими символистами и не назвал поэтов, интересных *по сравнению* с Боделэром — как, например, Сологуб, Александр Тиняков.

Б.В. ГОРНУНГ: в докладе смешаны 2 темы — 1. тема историко-литературная, где можно построить этюд о влиянии Боделэра на русский символизм, и 2. тема о русском боделэрианстве с точки зрения философии культуры. Доклад С.Н. Дурылина относится ко 2-й теме. Следовало поставить вопрос о судьбе учений такого типа, как Боделэрова; они всегда выходят за пределы литературного и для литературы оказываются бесполезными. В этой области Боделэр ждет такого исследователя, каким был Жирмунский для Брентано. Боделэр как учитель, вероятно, еще долго останется живым и не отойдет в область истории литературы, тогда как чисто литературное влияние Боделэра уже отошло в прошлое.

Наконец, докладчик указывает, что в настоящее время еще нельзя говорить о серьезном изучении Боделэра ни на Западе, ни в России. Как следствие недостаточно серьезного отношения к изучению Боделэра на русской почве является, напр., Сергей Кречетов с его вульгарным и примитивным демонизмом и садизмом; такие явления даже вдохновляют на борьбу с Боделэром.

По вопросу о Тургеневе оппонент замечает, что Тургенев Боделэра *знал*. Но, по компетентному указанию Л.П. Гроссмана, никаких биографических данных о каком-либо интересе Тургенева к Боделэру установить нельзя.

Б.В. НЕЙМАН указывает на книгу киевского исследователя Радзевича о влиянии Боделэра на Тургенева. Из русских боделэрианцев следовало еще привлечь А. Мирэ с ее стихотворениями в прозе.

Н.К. ГУДЗИЙ находит, что настоящий доклад — один из интереснейших в русской подсекции за текущий год. Его хочется рассматривать как в известном смысле *программный* — на тему о боделэровском влиянии; он живо подводит нас к проблеме боделэровской культуры в

русском эстетическом сознании известной поры. Может быть, фигура Элиса выдвинута в ущерб общей перспективе, но услышать о ней было любопытно так же, как в предыдущем докладе С.Н. Дурылина — об Александре Добролюбе. Если же расчленять данный доклад на детали — к нему можно было бы заявить ряд историко-литературных претензий.

С.Н. ДУРЫЛИН указывает, что тема доклада была и уже, и шире того, чего от него ждали. Для него Боделэр представлял *жизненный* интерес. Наряду с Тиняковым могут быть названы Курсинский и Головачевский. Типологически все они названы в Брюсове, но то, что у него — большая картина, здесь — миниатюра.

Что касается рассмотрения материала поэзии Боделэра, прямо влиявшего на тот или иной цикл русских поэтов, то эта тема потребовала бы такого формального подхода, который совершенно не оставил бы места для всей «мемориальности» и для всех культурно-исторических справок. Боделэр — поэт пластик по преимуществу. Во всем своей багаже метрическом, эйдологическом и стилистическом Боделэр — типичный традиционалист. Тургенев у Флобера находился у колыбели новой французской поэзии и возможность встречи с Боделэром и испытанного влияния не исключается. На замечание Д.С. Усова докладчик указывает, что Вячеслав Иванов выбрал произведения Боделэра, говорящие о нем как об учителе жизни. Что касается И. Анненского, то это — индивидуальный угол русского символизма, так же, как и Ф. Сологуб.

Заседание закрывается в 22 ч. 20 м.²¹

Приведем также тезисы к этому докладу:

1. Литературная школа русского символизма создалась под преимущественным влиянием и воздействием французского символизма; участие в ее судьбе немецкого и английского символизма несравненно менее заметно.
2. Наиболее постоянным и прочным влиянием на русских символистов следует признать из всех французских поэтов влияние Бодлэра.
3. Усвоение Бодлэра и его поэзии со стороны его формы и содержания началось в русской поэзии еще гораздо раньше появления школы русских символистов. Бодлэр впервые вышел в русскую поэзию как поэт города (со стороны содержания) и как автор стихотворений в прозе (со стороны формы).
4. Будучи переводим еще в 60-х годах XIX ст. Бодлэр не вошел в творчество поэтов 60–70 г. Наоборот, с появлением первых символистов в начале 90-х г. Бодлэр не только становится одним из наиболее часто переводимых поэтов, но и входит тесно в собственное творчество первых символистов.

²¹ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 36. Л. 33–34 об. Текст выступления Д.С. Усова ранее был воспроизведен Т.Ф. Нешумовой: *Усов Дмитрий*. «Мы сведены почти на нет...». М., 2011. Т. 1. С. 480. Фамилия М.Д. Эйхенгольца была неверно воспроизведена Г.В. Нефедьевым как «Эйхенвальд». Дурылин записал также выступление Б.В. Неймана, которое публикатору разобрать не удалось.

5. Для первых символистов Бодлэр был знаменем нового содержания, вносимого в поэзию поэтами нового искусства.

6. Сильное влияние и прямое заимствование содержания и основной теоретической темы Бодлэр[а] находится в стихах Мережковского, Бальмонта, Брюсова и меньших поэтов 20 г. [так!]

7. Изучение Бодлэра со стороны его формально-творческих задач и методов было начато еще в 80-х годах А.И. Урусовым и усиленно продолжено в 90-х.

8. Бодлэр как теоретик и глава французского символизма с наибольшей яркостью был изучен и отображен в критической и поэтической деятельности Эллиса. В конце 900-х значение Бодлэра как одного из основоположников символизма как мировоззрения было выдвинуто Андреем Белым.

9. В связи с деятельностью Эллиса и Белого в начале 1910 г. XX ст. Бодлэр был изучаем как типологический образ художника действительного искусства и подлинно символического мировоззрения²².

И, наконец, присутствовавшие. Помимо выступавших, в протоколе и явочном листе значится Ольга Александровна Шор (1894–1978), многолетняя спутница, биограф и издательница сочинений Вяч. Иванова; известный впоследствии лингвист, а тогда школьный учитель Николай Семенович Поспелов (1890–1984); под фамилией Кругликова хотелось бы видеть известную художницу, но она в те годы жила в Ленинграде (что, конечно, не исключает присутствия на заседании); известный литературовед В.Л. Львов-Рогачевский; Л. Маяковская — возможно, сестра В.В. Маяковского Людмила Владимировна (1884–1972); о Е.В. Гениевой мы уже говорили ранее; Юрий Григорьевич Перель (присутствовал и на докладе 1925 г.) — возможно, известный впоследствии историк астрономии (1905–1964). Б.В. Михайловский, М.П. Штокмар, А.В. Алпатов, тогда аспиранты, впоследствии стали довольно известными литературоведами. А.А. Штейнберг, выступившая с двумя докладами о журнале «Весы», также, судя по всему, была аспиранткой ГАХН.

Отметим также, что будущий историк творчества Дурылина, которого заинтересует работа над этим текстом, должен будет обратиться к ветхой записной книжке, включающей раздел «Бодлэр в русском символизме. (Соображения и воспоминания)»; он открывается констатацией: «Впервые стихи Бодлэра появились на русском языке в конце 60-ых годов, в переводах наиболее прилежных переводчиков той эпохи В.С. Курочкина и В.С. Лихачева»²³, после чего следуют многочисленные заметки Дурылина о поэзии Бодлера, иногда помечаемые как вставки в конкретные места рукописи работы.

²² Там же. Л. 35.

²³ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 230. Л. 33.

Как кажется, история доклада и его восприятия современниками заставляет нас относиться к нему, а впоследствии статье Дурьлина не только как к исследованию, но и как к воспоминаниям или напоминанию об Эллисе, находившемся в это время за границей и выпавшем из поля зрения большинства слушателей Дурьлина, а возможно — и его самого. Впрочем, это уже тема для других разысканий²⁴.

Литература

Дурьлин С.Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов / Изд. подгот. А.И. Резниченко и Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. 895 с.

Нефедьев Г.В. К истории русского символизма: С.Н. Дурьлин о Ш. Бодлере // Книгоиздательство «Мусагет»: История. Мифы. Результаты: Материалы и исследования / Сост. А.И. Резниченко. М.: РГГУ, 2014. С. 253–327.

Нефедьев Г.В. «Моя душа раскрылась для всего чудесного...». Приложение: Переписка С.Н. Дурьлина и Эллиса (1909–1910 гг.) // С.Н. Дурьлин и его время. М.: Модест Колеров, 2010. Кн. 1. С. 113–158.

Усов Дмитрий. «Мы сведены почти на нет...» / Изд. подгот. Т.Ф. Нешумова: В 2 т. М.: Эллис Лак, 2011.

References

Durylin S.N. *Stat'i i issledovaniia 1900–1920 godov* [Articles and studies 1900–1920]. Izd. podgot. A.I. Reznichenko i T.N. Rezykh. Saint-Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2014. 895 p.

Nefed'ev G.V. K istorii russkogo simvolizma: S.N. Durylin o Sh. Bodlere [To the history of Russian symbolism: S.N. Durylin about Sh. Baudelaire]. *Knigoizdatel'stvo «Musaget»: Istorii. Mify. Rezul'taty: Materialy i issledovaniia* [Books Publishing “Musaget”: History. Myths. Results: Materials and Research]. Sost. A.I. Reznichenko. Moscow, RGGU Publ., 2014, pp. 253–327.

Nefed'ev G.V. «Moia dusha raskrylas' dlia vsego chudesnogo...». Prilozhenie: Perepiska S.N. Durylina i Ellisa (1909–1910 gg.) [“My soul has opened up for all that is wonderful...”. Appendix: Correspondence Durylin and Ellis (1909–1910 gg.)]. *S.N. Durylin i ego vremia* [S.N. Durylin and his time]. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2010, kn. 1, pp. 113–158.

Usov Dmitrii. «My svedeny pochni na net...» [“We are reduced almost to nothing ...”] Izd. podgot. T.F. Neshumova: V 2 t. Moscow, Ellis Lak, 2011.

From the notes of a Commentator

4. About S.N. Durylin's Works on Symbolism

Nikolay A. Bogomolov

Abstract: The notes offer some additional data (including the ones based on the funds of the State Academy of Artistic Sciences — GAKhN) concerning Ser-

²⁴ Подход к теме и публ. переписки Дурьлина с Эллисом за 1909–1910 гг. см.: Нефедьев Г.В. «Моя душа раскрылась для всего чудесного...» // С.Н. Дурьлин и его время. М., 2010. Кн. 1. С. 113–158.

gei Durylin's lectures and articles of the 1925–26 on the early Russian decadent Alexander Dobroliubov, Charles Baudelaire and Russian Symbolism. Published 90 years later, these works however were well-known in the 1920s due to the discussions at the State Academy of Artistic Sciences, where Durylin's lectures assembled a wide audience of writers and scholars.

Ключевые слова: S.N. Durylin, State Academy of Artistic Sciences (GAKhN), Russian Symbolism, source studies, commentary.

Информация об авторе: Nikolay A. Bogomolov, Doctor Hab. of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University. E-mail: nab50@mail.ru

Заметки комментатора [5.] Казус Пестовского

Р.Д. Тименчик

Аннотация: Недавнее (2016) издание поэм Вл. Пяста («По тропе Тангейзера», «Поэма о трех городах») позволяет поставить ряд текстологических, эдичионных и комментаторских вопросов.

Ключевые слова: Вл. Пяст, комментарий историко-литературный, комментарий историко-бытовой, поэзия символизма и постсимволизма.

Сведения об авторе: Роман Давидович Тименчик, проф. Еврейского университета (Иерусалим, Израиль). E-mail: litfact@gmail.com

Короткая память в отношении к Пясту
наш общий грех.

О. Мандельштам

А все откуда? А всё оттуда —
Из анекдота, из анекдота.

Н. Горбаневская

1. Об исправности текста

В Одессе вышли в прошлом году две книжки, представившие часть литературного наследия Владимира Пяста. Во-первых, поэзия его — вослед двадцатилетней давности сборнику подвижнического томского издательства «Водолей», — блоковского друга, имевшая немногочисленных ценителей как в России (например: «Вчера критик Поступальский говорил о замечательности Вашей лирики...»¹), так и в эмиграции (например, рецензент, — весьма вероятно, Юрий Офросимов, — писавший по поводу «Истории русской литературы» Артура Лютера: «Среди поэтов, выделяю-

¹ Письмо Б.М. Зубакина В. Пясту: Новое о Мандельштаме / Публ. Л.С. Ильинской, А.И. Немировского // Филологические записки. Воронеж, 1994. Вып. 3. С. 162.

щихся после смерти Блока и Гумилева, необходимо было отметить О. Мандельштама и Вл. Пяста»²) при жизни поэта, да и по смерти его (например: «Особенно настаивал Борис Слуцкий на том, что никто не ценит такого поэта, как В. Пяст. — Его высоко ценили Блок и Гумилев, — со свойственной ему стальной убежденностью говорил он. — Мы все в большинстве растем вширь. А вот Пяст — упорно куда-то в сторону»³), еще обстоятельно не рассматривалась как неотъемлемая часть символистского корпуса. В книге перепечатана биографическая заметка об авторе, написанная Е.Р. Обатиной⁴.

Во-вторых, — и это самое событийное, — вторая книжка включает в себя две большие поэмы, числившиеся до прошлого года в важнейших desiderata по истории символизма/постсимволизма (приложен и стихотворный перевод из А. Стриндберга, в томе перепечатаны также статьи Е.М. Голубовского, Ю.В. Дойкова, фрагменты из мемуаров Надежды Мандельштам, обнародованы внутренние рецензии 1930-х годов и письмо Пяста И.В. Сталину января 1936 г. при посылке «Поэмы о трех городах»). Первая пространная поэма «По тропе Тангейзера» — в тридцати одном «отрыве» (Мандельштам шутил: «Слышу на улице шум быстро идущего Пяста, / Вижу: торчит из пальто / Семьдесят пятый отрыв») — имеет центральным сюжетом путешествие автора в Саратов для бесед со старцами в 1926 г., вторая — «Поэма о трех городах» (Петербург-Петроград-Ленинград) из четырех с половиной тысяч стихов, начатая писанием в 1932 году в ссылке в Архангельске, куда Пяст попал после ареста в 1930 году за контрреволюционную деятельность («по моему мнению — вследствие недоразумения», — писал он поэту Акопу Акопяну⁵), продолженная в Одессе в 1934 году, подвергалась по ходу сочинения и пересочинения неизбежной конъюнктурной правке и была окончательно

² О.Г. [Рец. на кн.:] Arthur Luther. Geschichte der russischen Literatur. Leipzig, 1924 // Дни. 1924. 18 мая.

³ Борис Слуцкий: Воспоминания современников. СПб., 2006. С. 542 (воспоминания В.Цыбина).

⁴ Литературный Санкт-Петербург. XX век. Энциклопедический словарь: В 3 т. СПб., 2015. Т. 3. С. 116–118. К сожалению, в текст заметки к словам «перед смертью, наступившей от заболевания раком», врезана фраза «(по другим данным, покончил с собой)» — версия, с которой всю жизнь боролась процитированная далее падчерица Пяста Татьяна Филипповна Фоогд-Стоянова (познакомившая в Амстердаме в 1997 г. автора этих строк с хранившейся у нее частью архива поэта). Сама заметка эта написана, по-видимому, достаточно давно, — в ней, например, отсутствует ссылка на другую энциклопедическую статью о Пясте: Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 228–231.

⁵ ОР РНБ. Ф. 622. Оп. 1. № 5.

отставлена, по-видимому, с началом «большого террора». Обе они на две единицы расширили список пястовских «анекдота», неизданного тож.

Напомню, что сразу после смерти поэта начались поиски его архива. Ю.Н. Верховский писал В.Н. Княжнину (Ивойлову) 1 декабря 1940 г.: «Вл.Дм. Бонч-Бруевич интересуется рукописным наследием покойного Пяста, и меня просили поразузнать, не сохранилось ли чего у Нонны Александровны, а также у Омелянович — и еще у кого-нибудь в Ленинграде»⁶. Рукописи и списки поэм и прозы покойного с того предвоенного, последнего в жизни поэта года разбрелись по свету (проза по большей части пока и не обнаружена). Счастливым решением одесских издателей сделан первый шаг к преодолению обидной исторической несправедливости. В некоей перспективе — издание этих текстов как полноценного литературного памятника эпохи т. ныне н. серебряного века.

Поэмы эти в своих отступлениях от основного сюжета, — в «откатах», как называет их автор (С. 88)⁷, содержат капсулы мемуарных новелл, которые могли бы войти в задуманную Пястом перед арестом вторую часть «Встреч». К примеру, в строфах о любимом поэте —

...не смею

Я уж вымалывать участь, подобную Мею:

Стыдно в Осмеркинской студии слыть за профана,
Что ж что Есенин... Но «Притчу пророка Нафана» —

Нет ей соперницы по музыкальному блеску! —
«Вихорь», «Еврейские песни», «Цветы» и «Тедеску»,

«Фринэ», «Самсона» с его предсказанием точным,
«Альфуса», «Дым», «На бегу», «Подражанье Восточным», —

Все бы алмазом иссечь, чтоб века сохранилось!
«Знаешь ли, Юленька, глупо, а все же приснилось» (С. 251–252)

⁶ ИРЛИ. Ф. 94. № 52. Л. 3. Нонна Александровна — первая жена Пяста, Надежда Степановна Омелянович — вторая. См. о ней в письме М.А. Бекетовой 1935 г. к Пясту из Ленинграда в Одессу: «Хочу спросить Вас, что Вы разумеете под тем, что какая-то неизвестная мне Зоя послужила причиной моего антагонизма с Над[еждой] Степ [ановой]? Мой антагонизм состоит в том, что я считаю ее отчаянной эгоисткой: ведь она чуть не потеряла Ваши рукописи и не хотела Вами заниматься; если бы не покойная и добрейшая Ваша тетушка, все бы пропало. Да и вообще она Вас часто уже надувала под видом благородства и бескорыстия» (*Voogd-Stojanova T. // To Nonour Jeanne Van der Eng-Liedmeier. Amsterdam, 1980. P. 94; «Зоя» — героиня «Поэмы о трех городах»; тетушка — О.П. Вакуловская.*)

⁷ В дальнейшем номер страницы в скобках означает ссылку на издание: *Пяст В. Поэмы / Сост. А.Н. Катчук. Одесса: Изд-во Optimum, 2016.*

— содержится, как кажется, намек на эпизод с участием Сергея Есенина в мастерской художника Александра Осмеркина, который в 1925 году писал портрет Пяста. Сюда же вкраплено предостережение гонителям поэтов отсылкой к меевскому «Сампсону» —

Ты, умственный атлет гремучих наших дней,
 Певец, и ты силен как ветхий назарей:
 Ты так же смел и горд пред силою земною
 И так же слаб, как он, пред всякой красотой...
 Но если б ты погиб и духом изнемог,
 Но если бы тебя коварно усыпили,
 И предали тебя врагам, и ослепили
 О!.. За тебя тогда заступится сам Бог, —
 И за тебя, за нового Сампсона,
 Во прахе разгромит все капище Дагона, —

подобно тому, как в предыдущий период своего подсоветского существования он напоминал власть имущим про меевскую «Эндорскую прорицательницу»: «кстати, это стихотворение имеет конец, предназначенный для связи его с современностью:

То царство распадется в прах,
 В пучине зол и бед потонет,
 Где царь пророков вещей гонит
 И тщится мысль сковать в цепях!»⁸

Или, вдобавок к рассказанному во «Встречах» об Александре Головине, он в поэме «По тропе Тангейзера», повествуя о том, как задумался было в 1926 году о переходе из строгого православия в снисходительный ислам, в скобках вспоминает:

Головин, «мирискусник», художник и лев,
 С ним лет за десять виделся дважды я.
 И всегда молодел я, душой посвежев,
 Старика в посещение каждое.

Был он прямо противоположен
 Идеалу Старца Соловецкого.
 В дэнди этого великосветского
 Все же прозорливец кем-то вложен.

Объяснение можете речи его
 Дать иное? — «Бывают случайности?»
 Об исламе завел ни с того ни с сего
 Разговор, — говорится: без крайности.

«Знаете ли вы, что Магомета
 Вымирает догма правоверная?

⁸ Л.А. Мей и его поэзия / Ред. и ст. Вл. Пяста. П., 1922. С. 15.

Лег через десятка два, наверное,
Песня мусульманства будет спета.

Тут виною ли Порты, «больной человек»⁹,
Или перст Немезиды карающий,
Но религию эту в теперешний век
Нам нельзя не признать умирающей...» (С. 168)

Впрочем, сам автор своей заслугой считал не только штрихи к обликам своих именитых современников и экскурсы в духовные кладовые рубежа двух предыдущих веков, а бытописание, сворачивание «с Дантовой и Тассовой дороги» «к Потопенке назад» (С. 186). Его идеалом на минуты становится пристальная жанровая живопись в манере Питера де Хоха:

...другим предоставлю большие полотна.

Малый голландец под стать мне, какой-нибудь Питер
Хоэг; стремлюсь к одному, отразился бы «Питер»

В жанрах моих, с каталожной пометкою «масло».
Разум пока мой остер, и пока не угасло,

Вышею силой раздуто в костер ненароком,
Памяти пламя, — да буду о прошлом пророком! (С. 271)

Он фиксирует мелочи петербургского уклада; так, у него, посадив даму на дрожки, —

Номер извозчика крикнул ей вслед, как обычай
Требует, ротмистр (С. 325)

(нам доводилось убеждаться в живучести этого обычая, садясь в такси сто лет спустя).

Или «Питерское выраженье [...] вместо жительниц улицы ставить» (С. 244), но кажется не только питерское — см. у москвича Пастернака: «Бывалый гул былой Мясницкой / Вращаться стал в моем кругу...».

Владимир Пестовский-Пяст был поэт, действительно понимающий души вещей, как человек эпохи Метерлинка, и умеющий в вещь вписать мифологему:

Уже не вздрагиваешь весь пугливо
Когда тебе кто «закурить предложит».
Разверстые скрижали портсигара
Тебя теперь соблазном не тревожат (С. 129).

⁹ We have on our hands a sick man, — a very sick man, — сказал Николай I о Турции в разговоре с британским послом в 1853 году, может быть, и цитируя «Персидские письма» (The Home Book of Quotations, classical and Modern. Selected and arranged by Burton Stevenson. New York, 1934. P. 2061).

Как видим, кавычками отмечены новые словечки 1910–1920-х, как и в других случаях:

...не забуду, хоть петь не могу, тополей я,
Роль в моей жизни их тоже была «колоссальной» (С. 360),

или:

...Суетливый и громоздкий неустроенный «желдор».
«Бесплацкартная» — на жесткой верхней лавке проведенная
Ночь, и утренняя давка на вокзале обыденная... (С. 173),

или:

Кто борется (хвала ему и честь)
С «кошмарами», которых и не счесть
В речах — писательской и разговорной:

«Полпервого», «пока» и «я пошла»,
«Мы влазили», — хвала тому, хвала
За труд неблагодарный и упорный.

Но как бы слух к такому ни привык,
Как это бы ни вклинилось в язык,
Оно в нем будет глупою «нагрузкой»,

За годы рабства Неманов и Висл
Законной мезтью... Хуже, если смысл
Звучащего не понимает русский.

В такой стране невыносимо жить,
Где, говоря: «Пришлось мне одолжить»,
Воображают сказанным: «Я занял» (С. 96–97).

Но тут прервем рассказ о россыпи бесценных для историка русской бытовой культуры острых деталей в сочинениях Пяста, чтобы оговорить досадную ненадежность предъявленного текста.

Во-первых, поэмы напечатаны не полностью. В «Трех городах» пропущены главы XX–XXV. Не вошло, таким образом, в числе прочего, «отяжеляющее» и «недоступное для читателя», — по мнению рецензента 1930-х годов — отступление о «Башне» (С. 443). Тут, кстати, возникнет вопрос — надо ли уже для сегодняшнего читателя комментировать, наряду с прочими звездными именами, еще одного обитателя Википедии: Анатолия Григорьевича Железнякова, более известного как Матрос Железняк (20 апреля (2 мая) 1895, село Федоскино, Московская губерния — 26 июля 1919, Пятихатки, Екатеринославская губерния) — балтийского матроса, анархиста:

Тот же Таврический, перед Войною недавней,
Думу вмещал малославную, — коей бесславней

После Собрание некое там помещалось...
С жизнью своей эфемерной оно распрощалось,

И приступить не успев к болтовне бесполезной,
Железняковской руки под нажимом железной.

Прямо гляди через Пруд из беседки, — всегдашней
Рифмой мелькнет тебе Дом за деревьями — с Башней,

В ней-то — не как во дворце — вековечная слава
Храм создала себе, гением муз Вячеслава

И Кузмина, обитавших в том башенном доме,
Кроме которых (хоть есть ли нужда в этом «кроме»?)

В ней побывали другие бессмертные целой,
Можно сказать, академией: Брюсов и Белый,

Блок, Сологуб и Волошин, подолгу живавший
В башне; Сергей Городецкий (как все, завывавший)...

Там зародился, по Белому, дик и неистов,
Бунт двуголовый (читай — «манифест» акмеистов)

Хлебников «признан» был там, Пастернак с Мандельштамом, —
Раньше чем где-либо... А поэтическим дамам

Где было воздано столько любви и почета?
...Там же толпились они и без счета.

Но о «засилье поэтов» тогда и помину
Не было! — Башни хозяин души половину

Выделил, если не больше, художникам прочим,
В башне, безвестным, но мудрым воздвигнут[ой] зодчим, —

В Башне, глядящей в Таврический, в Думу и в небо,
Из основных мирискусников кто только не был?

Хоть живописцам обычно скушны разговоры,
Но основателя звездоиздательства «Оры»,

Автора славных «По Звездам» и «Кормчие Звезды»,
Так мастера почитали, что целые гнезда

Вкруг его Башни птенцам своим юным свивали...
Чаще же всех знаменитостей кисти бывали

Бакст, Добужинский, Судейкин, — а главное: Сомов,
Маг умирающих снов, совершенств невесомых...

Был молодых композиторов замкнут и тесен
Башенный круг: глубже всех Каратыгин и Гнесин

Нас погружали в свое музыкальное море
Вычисленных обертонами фантасмагорий.

Ночь напролет посвятив обсужденью вопросов
Метафизических, тут выступали философ

Вслед за философом: Розанов, Эрберг, Аничков,
Галич, Бердяев и Эрн, выкрутасно напичкав

За ночь уставшие, все выносящие уши,
Пачками доводов... пачкали юные души,

(В давней поэме об этом рассказано кем-то...)¹⁰
(Их вообще, сколько в башне зачато поэм-то!)

...Там, в кой огонь в сочтаньи чудовищном со льдом,
Памятку Башни закончу сейчас — Мейерхольдом,

И хоть неназванных многих заперет досада,
Выйду из сени дубовой дуплистого Сада,

В одноименную улицу...

Почему-то не вошел в текст первой поэмы и заменен отточием «Отрыв двадцать шестой: Расплаты, коли суждена расплата» (С. 153) — рассказ об умирании девочки, во многом по неизбежности совпадающий со стиховым нарративом «Смерти пионерки» Багрицкого, содержащий в себе опыт графического оформления интертекстуального двуголосия — расположенные рядом по горизонтали четверостишия Пяста и Мандельштама («Этот эпиграф — из Мандельштама — в этом месте проходит второй темой»)¹¹.

Не подвергавшийся комментаторской рефлексии текст пестрит неверными прочтениями и опечатками, вроде новгородских пятен вместо пятин (С. 57), Карамзина вместо Каразина (С. 359), абракадабры в латинице и самовольной правки текста.

Из самых злосчастных опечаток, приводящих, как говорила в таких случаях, не называя Пушкина, Ахматова, к оскорблению величества (*Laesus majestatis*):¹²

К желтому Банку сворачивал с Зоей теперь я.
Банковский мостик. Два льва, но не те, что воспеты
Тем, перед кем, — как прелаты в присутствии папы,
Мы обнажаем тонзуры, снимаем мы шляпы, —
Небольшим перед поэтом, меньшие поэты... (С. 358)

Небольшой — вместо «набольшего» — «голова дому или делу, старшины» (Даль).

¹⁰ Пяст имеет в виду свою «Поэму в ногах» (1908).

¹¹ *Тименчик Р.* Что вдруг. Статьи о литературе прошлого века. М., 2008. С. 301–302. С машинописной копией поэм, хранящихся в Мемориальной квартире Андрея Белого (отдел Государственного музея А.С. Пушкина), меня любезнейшим образом ознакомила Моника Львовна Спивак.

¹² *Ахматова А.* Записные книжки. М.; Torino, 1996. С. 378.

2. О трудностях чтения и комментирования

«Отрывистая вязь» (С. 185) пястовских поэм — отражение его нестандартной личности. Далекий от его мира, но пронизательный Евгений Шварц вспоминал:

Он до того был углублен в запутаннейшие ходы своих мыслей, что я каждый раз удивлялся, когда узнавал он меня на улице. Говорил Пяст голосом дрожащим, будто вот-вот разрыдается, что при отсутствующем, безразличном взгляде его светлых глаз казалось совсем странным. Он принадлежал полностью к поколению писателей умерших, к более чистым символистам, чем создатели школы. Блок мог в четырех строчках дать живое, живейшее изображение пассажирского поезда. А Пяст не видел ничего вокруг. Он переводил Стриндберга, писателя второстепенного, по причинам внечеловеческим казавшегося им всем, даже крупнейшим представителям школы, значительным. В начале двадцатых годов сходил Пяст несколько раз с ума. Начиналось это обычно с того, что в одном из темных и длинных коридоров, в глубинах Дома искусств или, говоря проще, в служебных помещениях бывшего елисеевского особняка находили Пяста стоящим лицом к стене и на одной ноге. На вопросы он не отвечал, с места сойти отказывался, и скорая помощь увозила его в психиатрическую лечебницу. И вскоре он возвращался в состоянии обычном для себя. В нем угадывалось что-то значительное. Heilige Ernst наличествовала в самых своих высочайших степенях. Но, увы, в годы гражданской войны, голода, разрухи, полного перерождения его среды ключ к его значительности был утерян¹³.

Впрочем, пястовский аутизм не стоит преувеличивать, он был порой педантично внимателен к набегающим случайностям, подзревая в них символы. Подсказкой к поэтической зоркости ему служила русская поэзия —

Усики, жженные зноем, крыжовника
Мей воспевал, — вот таким восхищен
Летом, как это... (С. 135)¹⁴

Чего-то ему не было дано узнать о внешнем мире, например, о русской эмиграции — скажем, в его прогулке по былым литературным адресам поэт-парижанин Михаил Струве числится в покойниках, хотя пережил Пяста на восемь лет:

...Заходим ко Струве,

Или Струве, как поэта тогда называли
В «Цехе поэтов». Поэты тогда убывали,

¹³ Шварц Е. Телефонная книжка. М., 1997. С. 414–415.

¹⁴ У Льва Мея: «И крыжовник обжег себе усики; / И наливом сквозным светит яблоко» («Лето красное, росы студеные...»).

Как вообще молодежь. Без того не велик-то
 Был их запас. Хорошо на манер Бенедикта

Дело иметь с австрияками было. Руками
 Голыми в плен забирал комсостав с денщиками

Лившиц, и сам приводил в помещение штаба;
 Воины были они небольшого масштаба:

Восемь девярых империи этой лоскутной
 Только и ждали к распаду дорожки попутной.

Чуть эшелоны нетронутых кадров подъедут
 К фронту, бывало, — как хором и рвякают: «Где тут

Плен этот самый? — задолго до «эры братанья»...
 Анрепу тоже подтягивать: «Rule Britania!»

В лондонских было кофейных недурно, и «T'isa
 Long-ong way to Tipperary», — Анрепу из «Физы».

Смертью славных погиб, — в помещеньи квартиры
 На Лопухинской почасту настраивать лиры

И смаковать «Haut-Lanterne» к себе приглашавший
 «Физовцев», — Струве, поэт, никому не мешавший.

В братской могиле (по-шведски de bradernas gruve)
 Тело покоится этого — младшего — Струве.

Много их, выходцев шведских... (С. 253–254)¹⁵

Но вообще он мнительно-настороженно чуток к вторжениям внешнего мира, регистрируя разного рода связи бессвязного как первооснову своего мироздания, отчасти, в духе развиваемой ныне антидоктрины коинсидентологии¹⁶. Ему поэтому естественно уподобить свою нарративную манеру онейроидной галлюцинации:

Я нагоняю трамвая вагон на Бассейной.
 Это во сне (монографию зри Манасейной)¹⁷:

Это во сне, повторяю, преобыкновенно
 Одолевать протяженность пространства мгновенно. (С. 305)

¹⁵ Немалочисленные петербургские Струве были немецкого происхождения. Пяст записал их в шведы из-за подобного имени у одного персонажа в стриндберговской «Красной комнате». Как указал нам шведский славист Магнус Юнгрен, «de bradernas gruve» — неправильный шведский язык, должно быть: «/de/ brödernas» (возможно скорее в старые времена: «brödernes grav») или скорее «brödragrav». По этой теме см.: *Ljunggren M. En gysk symbolist hos Strindberg // Strindbergiana. 2012. № 27. С. 19–30.*

¹⁶ См.: *Резев Й.* Коинсидентология: краткий трактат о методе. СПб., 2015.

¹⁷ Зри: *Манасейна М.М.* Сон как треть жизни человека, или физиология, патология, гигиена и психология сна. М., 1892.

Для сюжетики поэм существенно, что их перерезают трамвайные маршруты четырех десятилетий (начиная с парового трамвая) и потому ожидаемо появляется цитата из самого знаменитого поэтического трамвая XX века:

Быть по желанию моему.
 Быстро развеивается сон...
 Холодно с грохотом в полутьму
 Бешено вывернувший вагон.
 Ну же «Вожатый, останови». [...]

 От пересадки на пожар:
 Имени «Томского стадион».
 Авиашкола, Дворец и Яр...
 «Остановите же вы вагон». (С. 183)¹⁸

Ближайшими предшественниками «расточаемым стилистики красам» (С. 186) стали, видимо, полиметрические поэмы Пастернака, ценимого Пястом¹⁹, и стиховой эпос превознесенного им за виртуозность Сельвинского²⁰. Типологически Пяст с самоиронией говоривший, что, «рыцарь печальной зевоты» (С. 374), «закручивать мастер мозги я» (С. 344), «скрепив витым кольцом всю цепь характеристик» (С. 186), «кто сумеет мне отказать/ во владении комплиментом/ и в умении орнаментом/ расходящееся связать?» (С. 64), «как-нибудь самой кривульной, затерянной тропкой/ я до вершины взойду с моей музой робкой...» (С. 298), несколько напоминает по поэтике одного поэта конца прошлого века. Когда-то голландский русист Кейс Верхейл привел Иосифа Бродского в Амстердаме в гости к падчерице бедного поэта и земляк его по дому Мурузи огласил ей свой экспромт:

How do you do, Mr. Pyast!
 I'm your future, you are my past.

¹⁸ Действие этого «отрыва» происходит в Москве. Стадион «Юных пионеров», два года назад уничтоженный, в 1926 году носил имя М.П. Томского, впоследствии правого уклониста, через десять лет покончившего с собой.

¹⁹ См. надпись на сборнике «Ограда» (1922): «Взыскательному мастеру Борису Леонидовичу Пастернаку юношеские труды Вл. Пяста. 10 XII 923» (Библиотека Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля).

²⁰ См. автометаописательное рассуждение о своем «сверхдлинном размере»:
 ...оставить попрошу пока

Небезызвестного чудачествами, оборванного (в двух смыслах)
 стихотворца...

Да и то сказать. Все право имеет сердиться Илья Сельвинский
 (Единственная, но и прелестная к нему рифма «исполинский»)
 На разглашающего его секрет — как-никак соперника:
 Секрет четырехударного «пятидольника», «пятимерника» (С. 60).

При такой идиосинкратической композиции поэмы изобилуют постоянными проверками читателя на сообразительность. Поэмы эти — сверстницы придуманной в те же годы в «Огоньке» Михаилом Кольцовым «викторины». Загадка строится так:

Один писатель (писатель он русский,
Но заграничных изобразитель див)
Бессмертный создал образ, французский
Театр в рассказе изобразив (С. 51)

— далее следует восемь строк вольного стихового переложения детективного сюжета и лишь затем читателю сообщается ответ загадки

Хоть о постигшем пару разгроме
Дает Муратов свой отчет потом... (С. 52)²¹

Имена реальных лиц прозрачно зашифрованы, подмигнув узкому кругу и заблокировав выугливание будущим комментаторам. Так поддразнивает Пяст своего современника, описывая частную библиотеку в 1917 году, говоря о тех авторах, которых

Очень чуждается библиотечный читатель.

Лег через десять лишь в силу войдет перемена
Вкусов, и выпустит (правда, и то «для гурменов»

Скажут иные...), хотя нарасхват они рваться
Будут (Анри де Ренье белых томиков двадцать

В крепких обложках), — Коленко, ловкач пресловутый,
Вождь переводческой армии, плохо обутой:

У чудотворца пойдёт и Марсель параличный... (С. 288)²²

²¹ Новелла «Ложь в театре»; см.: *Муратов П.П.* Эгерия. Роман и новеллы. М., 1997. С. 459–467.

²² «Возглавлял издательство с момента его образования и до 1929 г. Александр Александрович Кроленко (1889–1970). Это был издательский деятель нового, послереволюционного типа. Будучи юристом по образованию, Кроленко с детства любил и знал книги (этому способствовала и богатая домашняя библиотека). Первая мировая война прервала его юридическую карьеру. В 1920 г. он возглавил библиотечный сектор Петроградского военного округа, а вскоре был приглашен акад. Н.А. Котляревским на работу в издательство «Наука и школа». Здесь он приобрел первый опыт издательской работы. Ему-то и предложило Философское общество возглавить вновь создаваемое издательство. Под руководством А.А. Кроленко в течение нескольких лет издательство выработало свое направление, которое режиссер и художник Н.П. Акимов характеризовал как «систему Станиславского в книжном деле»» (*Рац М.В.* Издательство «Academia». Заметки библиофила // «Academia». 1922–1937. Выставка изданий и книжной графики. М., 1980. С. 9; см. также:

Или об исторических персонажах в рассказе саровской бого-молки:

О Покотилове пишет и Милус,
Ты его, верно, читал? (С. 116)²³

Иногда с несколько неуклюжим лукавством тасуются не буквы, а цифры:

Что же? Три года назад, когда издал я «Встречи»,
Мне попеняла немного сотрудница «Речи»,

Тощая дама с осанкою императрицы,
Бывшая старше меня лет, пожалуй, на тридцать.

Впрочем, кокетничать брошу, к чему это? — мне ведь
Сорок седьмой: не на тридцать, а на 29.

(Честное слово!) Вот так: «Недостаточно стары
«Вы, чтобы ваши сейчас выпускать мемуары;

Вам, может быть (без улыбки!), покажется странно,
Но полагаю, и мне это было бы рано...» (С. 258)

Думаю, что выведена Елена Колтоновская со сбитым счетом ее годов. Однажды Пяст попал ей на перо в газетной хронике о вечере «Пушкинского общества» при Петербургском университете: «Выступило более 20 новых поэтов, среди которых были и зрелые, как В.А. Пяст, и совсем еще неопределившиеся, известные, даже “знаменитые”, пользующиеся явной симпатией аудитории, например, Мандельштам, Рюрик Ивнев, и безвестные, начинающие»²⁴. Все же пястовские «Встречи», возможно, ускорили ее обращение к своей памяти: «В 30-е гг. посылала свои восп. о лит. жизни Петербурга 1890-х гг. В.Д. Бонч-Бруевичу в сб. “Звенья”, но издание сб-ка было прервано, а рукопись К. утрачена»²⁵.

Пястовскую технику намека продемонстрируем на одном примере ассоциативной вязки мотивов:

Не Гете я, — Рабиндранат Тагор,
Хоть далеки мне славные дела его,

Мартынов И.Ф., Кукушкина Е.Д. Александр Александрович Кроленко // Книга. Исследования и материалы. Сб. 28. М., 1974. С. 178–190; в последнем стихе цитаты назван Пруст).

²³ См. записанное в 1844 г. «Симбирским Совестьным судьей Николаем Александровичем Мотовиловым, близким человеком и сотаинником Преподобного Серафима»: *Нилус С.* Близ есть при дверех. О том, чему не желаю верить и что так близко. Сергиев Посад, 1917. С. 11–15.

²⁴ *Е.К.* [Колтоновская Е.А.]. Вечер молодых поэтов // Речь. 1916. 21 ноября.

²⁵ *Грачева А.М.* Колтоновская Е.А. (1870–1952) // Русские писатели. 1800–1917. М., 1994. Т. 3. С. 30.

Как маяки меж недоступных гор
На высотах массива Гималаева...

Но у меня на Гималаях друг
(Как у того, кто пел о том с усмешкою),
С ним на свиданье, на пожатье рук,
Всегда медлительный, я не промешкаю.
Мне говорили ближние друзья
(Алмазна речь, когда любовью скажется),
Что будет миг, не обозначаю я,
Что этот друг отцом моим окажется.

И Блок, кому синонимом ПОЭТ,
Меня на точку для дыханья трудную
Однажды ставя, записал «секрет»,
Что зрит во мне традицию подспудную,
Которой суть вовеки не понять
Как раз певцам и рыцарям традиции:
Не в том она, чтоб был на месте «ять»,
Не в неподвижности, не в эрудиции.

За слишком лестное благодаря,
Я, друг без лести преданный покойного,
Весь в этой вот традиции горя,
Спешу очиститься от недостойного... (С. 207–208)²⁶

Здесь зарифмована выборка из дневника Блока за 1911–1912 гг.: «Пяст, совсем расстроенный, рассказывает, что было с ним на Финляндском вокзале 7-го октября (секрет)»; «Если писать статью, то уже [...] в связи с [Пястом]: “Запечатанная поэзия” (Эдгар По — подземное течение в России)»; «Не любя демократии, ненавидя всякий американизм, ведь они не поймут и той тайной, запрятанной глубоко культуры, которая есть в По, Гиппиус, Пясте, Пушкине...»²⁷.

Загадку представляют собой «Гималаи». Это для опознания посвященными другого друга Блока цитируются окрыленные пиррихии «Первого свидания» Андрея Белого:

В разрыв трагической культуры,
Где бездна гибельна (без дна!), —
Я, ахнув, рухнул в сумрак хмурый, —

²⁶ Далее, если пересказать прозой, автор объясняет, что он самоподобился Тагору, потому что пошел в своего отца, как и тот.

²⁷ Блок А. Дневник. В двух томах. Л., 1928. Т. 1. С. 123, 31, 35 (в записи о «секрете» имя Пяста заменено тремя звездочками); ср.: Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М., Л., 1963. Т. 7. С. 165, 81, 85; о проблематике сложных взаимоотношений Пяста с Блоком см.: Переписка [А.А. Блока] с Вл. Пястом / Вступ. ст., публ. и коммент. З.Г. Минц // Литературное наследство. М., 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 175–228.

— Как Далай-лама молодой
С белоголовых Гималаев, —...

Точно так же для не весьма широкого круга посвященных вводится название первой книжки В.Б. Шкловского «Свинцовый жребий», книги стихопрозы в 16 страниц с подзаголовком «Дар Виктора Шкловского лазарету деятелей искусств»:

Первое в наших краях поездов появление
С теми, кто жертвой — подобных себе истребленья

(Выросшей вдруг в человечестве мании новой)
В первые месяцы вынул свой жребий свинцовый. (С. 238)

«Помощи скорой» туда подъезжали кареты
И без простоя возили калек в лазареты,

Между же прочими — в самый богатый «дворцовый»:
Тяжести частью лишался там «жребий свинцовый»,

Бархатом ручек утепленный в бархате кресел,
По Архимеду он менее прежнего весил. (С. 240)

Так же появляется в кавычках титул книги Мариэтты Шагиной «Своя судьба» (С. 238), а в «советской» главе — в кавычках и без оных — образчики новой титрологии из Ф. Панферова и А. Серафимовича:

Как будто не буквы, а самые звуки
В мой мозг проникали,
Подобные стали
Брускам в ярко-белом раскале;
И мозг мой — как штамба
Расплавом
Стремившейся вылиться глыбы
На миг наполнялся,
Чтоб тысячесильные краны
Нести ее дальше могли бы,
Несли бы
«Железный поток» и по куриям дальним ... (С. 343)

Не погрешив против истины, можно утверждать, что, по-видимому, каждая строфа в обеих поэмах рассчитывает минимум на одну глоссу.

3. О комментариях и автокомментариях

В книжке «Стихотворения» из одесской дилогии предпринята попытка комментария, которую нельзя считать успешной. Так, пояснения к стихотворению «Великолепная Мангуст», некогда по-

радовавшему читателей, даже не очарованных Пястом²⁸, целиком неверны. Правильный и великолепный же комментарий см. в работе Александра Соболева «“Великолепная Мангуст” В. Пяста: опыт комментария с двумя экскурсами»²⁹. Посвящение В.К. И.-Ш. над вторым стихотворением из цикла «Два портрета», изображающим неженственную женственность, обращено не к Иванову-Шурыгину, а к Вере Константиновне Ивановой-Шварсалон, в то время как первый портрет из цикла живописует ее отца³⁰. Стихотворение «На “Альманахе”» (август 1920) отношения к «Альманыху муз» (1916) не имеет, а относится к состоявшемуся 3 августа устному шестому «Живому Альманыху Дома литераторов», «посвященному всецело поэтам и их творчеству», о котором Пяст написал отчет в газету³¹. Там же и ряд других неточностей.

Томик «Поэмы» выпущен без комментария (выборочно разъяснены некоторые из «устарелых» слов). Это вынужденное решение скорее верное — даже минимальнейший комментарий ко всем названным Пястом именам (а ведь к скольким еще не названным, запрятанным в складки текста) людей, мест, книг и событий потребовал бы долгой работы научного коллектива.

²⁸ См.: «Он слишком умный поэт. Рассуждений сколько угодно, но ни образности, ни музыкальности, т.е. того, что поэту только и нужно — нет у него. De la musique avant toute chose — не закон для Пяста. В тоненьких белых книжках нет следа этой музыки. [...] Мы же (да простит автор) отдаем пальму первенства стихотворению из “Третьей книги лирики”, посвященному кобыле Мангуст.

О, тонконогая Мангуст...

Твоя блестящая карьера

Ахматовских достойна уст!

Это стихотворение сделано легко и музыкально» (*Эрг* [Гуль Р.Б.]. [Рец. на кн.:] Пяст Вл. Ограда: Первая книга лирики. Берлин; Пг.; М.: Изд. З.И. Гржебина, 1922; Львиная пасть: Вторая книга лирики. Берлин; Пг.; М.: Изд. З.И. Гржебина, 1922. Третья книга лирики. Берлин; Пг.; М.: Изд. З.И. Гржебина, 1922 // Накануне. 1923. 12 октября). Ср.: «В этих двух сборниках он неизменно холоден и элегантен, его форма всегда закончена [...] напев музыкален, но на всех этих богатствах лежит тяжелая склепная тень» (*Петровская Н.* [Рец. на кн.:] Пяст Вл. Ограда: Первая книга лирики. Берлин; Пг.; М.: Изд. З.И. Гржебина, 1922; Львиная пасть: Вторая книга лирики. Берлин; Пг.; М.: Изд. З.И. Гржебина, 1922 // Накануне. 1922. 25 ноября).

²⁹ *Соболев А.Л.* Летейская библиотека. Очерки и материалы по истории русской литературы XX века. М., 2013. Т. II. Страннолюбский перебарщивает. Сконапель истоар. С. 43–62.

³⁰ Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография / Отв. ред. А.Ю.Галушкин. М., 2005. Т. I. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. С. 605.

³¹ См. наши комментарии в кн.: *Пяст Вл.* Встречи / Вступ.ст., подгот. текста и комм. Р. Тименчика. М., 1997. С. 293, 325.

Эту необходимую составляющую своих поэм Пяст осознавал и сам. Готовя выпустить «Поэму о городах» в свет, он стал работать над примечаниями, только часть которых воспроизведена в одесском издании. Первые читатели (например, В. Шкловский) именно эти кусочки пястовской мемуарной прозы очень ценили. Но, разумеется, Пяст, прислушивавшийся в первую очередь к себе, а не к воображаемому читателю, давал объяснения весьма выборочно, тем самым еще более усугубляя темноты остального текста.

Вот строфы из самого начала первой, вступительной Песни «Поэмы о трех городах» (строфы 4–7):

Не выбросил ли Тупикова дом
С его «Былым», проросшим после «Колосом»,
Меня на свет, — в обличи худом
С длиннучим носом и гремучим голосом?
Со впадиною сверху, где висок
Венчается твердыней мозга, теменем,
Уже в утробе скомаквшего срок,
Считаться не желавшего со временем?

В том доме многие на волоске
От смерти не бывали ль и впоследствии?
Но дула блеск, внезапный шок в виске,
Нажим курка, такое ль это бедствие?
Не там ли Щеголева компаньон
С собой покончил. Где отсюда следует,
Что, труд о Пушкине прервав, и он,
Пройдет пять лет, за спутником последует?

Пусть от болезни все же дирижер
Широких взмахов — умер Паша Щеголев.
В свой час под сень сойдет и Ольга Форш —
А памятник достроит ли свой Гоголев?
Уйдет и сильный Алексей Толстой —
Вслед за своим, хоть временным, наперсником...
И Ремизов, и с этими, и с той
Порвавший, но оставшийся им «сверстником».

Насупротив, лишь стукнет ему год,
Буржуазии сын, на горе Друзиным
И неким прочим, двадцать лет живет
В арабском доме вычурном Мурузином,
И маленький — кто скажет Пяс, кто Пяст,
А кто и Пес, не с бабушкой вместе ли
Шагает в первый ножками подъезд
С той улицы, что памятна о Пестеле? (С. 199–200)

Здесь речь идет о рождении (недоношенного) автора, Владимира Пестовского, сменившего имя на «Пяста», в доходном доме

А.М. Тупикова (Литейный пр., 21 / ул. Пестеля, 14), где в 1906–1927 гг. находилось издательство «Былое», руководимое (наперником А.Н. Толстого) П.Е. Щеголевым, заместитель которого по финансовой части П.А. Краков покончил с собой в связи с крахом издательства в 1927 г., а также кооперативное издательство «Колос» Ф.И. Витязева-Седенко. Все это, по мнению Пяста, должно было быть понятно читателю.

При оформлении для печати этой «Песни» он счел нужным в процитированном фрагменте пояснить только порвавшего со Щеголевым и автором романа о Гоголе Ольгой Форш Алексея Ремизова — «А.М. Ремизов, белоэмигрант-писатель, так недавно опубликовал article, начинающийся словами “Три нас было сверстника и навсегда останутся: Пал Елисеич Щеголев, а третий — доктор Нюренберг”» («белоэмигрант-писатель» вписано позднее в машинопись) и, памятный на литературные обиды³², закрепил примечанием имени Г.Е. Горбачева (присутствовавшего до слухов о его аресте в 1935 году в первом варианте поэмы на месте слов «И неким прочим») с В.П. Друзиным: «В учебнике для вузов Г.Е. Горбачева “Капитализм в русской литературе” автор поэмы назван: в одном месте книги “убежденным”, в другом — “пошлым”, но в обоих — буржуа. Друзин, писавший критические очерки в “Красной газете”, а потом в журналах, упомянут ради полной рифмы».

К строкам

Не утопить забвения реке,
Когда-когда пойду долиной Стиксовой,
Мой первый вылет на паровике
Из-под аркад громады Фредериксовой (С. 204),

где речь о поездке шестилетнего Пестовского по «линии паровой конно-железнодорожной» к Фарфоровому заводу на Шлиссельбургском тракте от доходного дома Эссен-Стенбок-Фермора (Фредерикса), Пяст делает примечание:

Хоть я не предполагаю читать в комментариях лекции по петербургологии, но для круглых в ней невежд укажу, что «громада» — («Дом Фредерикса») — первое общежитие по комнатной системе на углу Лиговской и 2-ой Советской. О нем см. «Конец хазы» В. Каверина. В нем жила, между прочим, учительница из-за Невской заставы Мария Васильевна Величко. От этого дома и начинался «паровик». В предыдущем стихе была «гипербола» — вместо «выезд», — «поэтический» «вылет».

³² См., например: *Тименчик Р.Д.* Выписки к записям // М.Л. Гаспаров. О нем. Для него: Статьи и материалы / Сост., предисл. М. Акимовой, М. Тарлинской. М., 2017. С. 564–580.

О заключительных строфах «Поэмы о трех городах» — про перестраивавшегося в 1932 году поэта —

И потому — за тридцать восемь лет
 Не больше двух сменилось поколений, но
 Семяниковского завода нет,
 А есть «Судостроительный», но «Ленина».
 Другой завод гремит «Большевиком»,
 И огненным пейзажем феерическим
 Сияет ночь, и не паровиком
 К нему летишь, а трамом электрическим.

В том, что Россия — великанов трам,
 Что Ленинград — и только Петроградская
 В нем сторона — хотя на малый грамм
 Легла на чашу, и игра их братская,
 И в том, что достояние самих
 Рабочих масс развернутый «Обуховский»,
 Вина — и «пчел» — «партиек» — «трудовых»,
 И трутней с трубками, как Тугоуховский.

Я чувствую — финальный мой аккорд,
 Театра тему сливший с пропагандою,
 Притушен был, как будто с клавикорд
 В «Старинный вечер», выточенный Вандою:
 «Надсаживавшегося» «из Бордо»
 Фатально мне напоминать «французика»,
 Тогда как здесь — необходима в до-
 Мажорном оркестрованная музыка (С. 223), —

Пяст примечал:

Россия — великанов трам — «Трам» не всегда означает «Театр рабочей молодежи», но иногда, как в данном случае — «вагон трамвая». «Трамваем» называется путь, или целое данного способа движения. Вариант 8-и стихов: «Что весь СССР — гигантский трам, / что Ленинград — и только Петроградская / в нем сторона — хотя на малый грамм / того причиной их «работа» братская. / И в том, что достояние живых рабочих сил тот “Большевик Обуховский”, / — вина партийных “пчелок трудовых”... / и трутней всей породы Тугоуховской». Вариант хуже основного. В обоих — намек на известную книгу А.М. Коллонтай. *Выточенный Вандою* — т.е. Вандою Ландовской, выступавшей в «Вечерах старинной музыки» с двумя Казадезюсами (из которых один сделался солистом-виртуозом рояля). Ванда играла на клавесине, звук которого не притушенный, а мало сравнительно с роялем «обертонированный», звонко-сухой. *Фатально мне напоминать французика* — как видит читатель, «лейтмотив» всей первой, скорей все-таки вступительной «песни» — игравшее такую роль в шестилетнем моем возрасте «Горе от ума», с его различными персонажами.

Очевидно, что эти пястовские примечания в свою очередь должны обрасти широким историко-культурным комментарием,

куда должны войти этюды о разрастании до абстракции символа «трамвая», об образности учения, изложенного в книге «Любовь пчел трудовых», о пафосе культа старинной музыки в предреволюционном Петербурге, об аллюзионном потенциале грибоедовской комедии в пору между двумя революциями, когда Блок даже Анри Матисса называл французиком из Бордо и т.д.

Пястовский лироэпос — это текст, предполагающий сноски к сноскам, взывающий к эскалации комментария.

4. О минимальном и оптимальном

Речь выше шла, в основном, все же о минимальном комментарии, строго необходимом в массовых изданиях. Литературному же памятнику приличествует комментарий не минимальный, а оптимальный. Минимальный комментарий, изготовляемый под знаком фактологической бесспорности, регистрирует часто обыгрываемые Пястом ходовые мемы первой трети прошлого века — например, «пусть к “приспособившимся” отнести себя “Вовам” / Я [...] не мог» (С. 268)³³, «Не в саде ль Сан-Галли // “Чубаров” расцвел» (С. 11)³⁴, «Марсово поле (над ним — такова моя вера — / Будет он выситься, свето-Гидониев глобус!)» (С. 372)³⁵, «И в час, когда питерский воздух промозглый окрест / Октябрьскими пулями был иссечен и пронизан, / В квартире на Сергиевской “J’y suis et j’y reste!” — / Нелепый, но чванный, к себе приспособил девиз он» (С. 355)³⁶, She из романа Райдера Хаггарда (С. 16), разумеет-

³³ Как это сделано в изданиях Маяковского к строчкам: «Вокруг него его подхалимы — патриоты — приспособились Вовы — пишут, руки продавшие вымыть...». Имеется в виду водевиль Е.А. Мировича в петроградском Интимном театре в 1916 г. Ср.: «фарс веселый — взять хотя бы “Вова приспособился” — лучшее, что когда-либо в жизни приходилось мне видеть в театре» (*Пяст В.* Комедия и философия («Человек и сверхчеловек» в Гос. театре комич. оперы) // Жизнь искусства. 1920. 30 ноября — 2 декабря).

³⁴ В 1926 г. в саду завода «Красный кооператор» (быв. Сен-Галли) близ Чубарова переулка (ныне — Транспортный) в районе Лиговки произошло групповой изнасилование, породившее термин «чубаровщина». См.: *Шаропова О.Л.* «Чубаровщина»: в преддверии судебных политических процессов конца 1920-х годов // https://eu.spb.ru/images/pss_dep/sharapova.pdf

³⁵ Разработанный другом Пяста, уничтоженным в 1937 году Григорием Гидони, проект «Светового Памятника Революции» в виде гигантского полупрозрачного глобуса, внутри которого находится зал светомузыки для тысяч зрителей. См.: *Пяст В.А.* Светопамятник Гидони // Красная газета. 1927. 18 сентября.

³⁶ «Раз уж я здесь, я здесь и останусь». Изречение, числившееся за маршалом Патрисом Мак-Магоном. Об истории цитаты см., например: *Dupré P.* Encyclopédie des citations. Paris, 1959. P. 112; *Geflügelte Worte: der Zitaten-*

ся, Венеру Обри Бердслея (С. 16), коль скоро вся поэма называется «По тропе Тангейзера», или «темные восторги расставанья» (С. 100) из волошинского венка сонетов «Corona astralis» и т.д., и т.п. А оптимальный комментарий должен обозначить хотя бы кратко биографический и историко-литературный контекст цитаты, и здесь возможна умеренная доля предположительности.

Рассмотрим два примера. Это отсылки к двум мемам Ахматовой. Первый — в поэме «По тропе Тангейзера», второй — в «Поэме о трех городах».

Первый — запомнившийся всем надолго с самого своего появления: «Восприятие ее иногда нравится своей затейливой вещественностью: “Высоко в небе облачко серело, как беличья расстеленная шкурка”»³⁷.

У Пяста:

«Беличьей» простреленную шкуркою
Небо обернулось не шутя!
Сказано решительное «нет!»
Мелкой дрожью мышцы тела схвачены...(С. 84).

Этот образ Ахматовой, столь ценимая в Цехе поэтов «обратная гипербола»³⁸, дождался десять лет спустя своей канонизации или коронации в присутствии Пяста. Ахматова рассказывала П.Н. Лукницкому:

«Зимой [19]21–22 в Д[оме] Иск[усств] заседание. Лурье выбр[али] председателем. Имя А.А. у всех на устах. Хотим писать как Ахматова, не как Гум[илев] (но ведь А.А. [врезала?] беличью шкурку на фоне символизма). А.А. сидела со Шкловским и ехидничала. Шкловский встал и стали их [к...ть] — говорил все, что А.А. ему нашептала — (А.А. боялась, что он скажет, что это она сказала)»³⁹. Речь шла о вечере Цеха поэтов 27 февраля 1922 г.⁴⁰

schatz des deutschen Volkes. Gesammelt und erläutert von Georg Büchmann. Frankfurt/Main, Berlin, 1986. S. 333 („Ich bin da und bleibe da“).

³⁷ Чудовский В. По поводу стихов Анны Ахматовой // Аполлон. 1912. № 5. С. 48.

³⁸ См., впрочем, рассказ Гумилева в передаче И.Одоевцевой: «“Все же, несмотря на то, что это образ чисто акмеистический, надо обладать изумительным зрением, чтобы разглядеть в небе на таком расстоянии крохотную распластанную беличью шкурку. Я советовал заменить ее овечьей, но Ахматова меня, конечно, не послушала” — рассказывал мне он. — “Хорошо сделала”, — подумала я про себя» (Одоевцева И. Об “акмеистах” // Новое русское слово. 1974. 3 февраля).

³⁹ Лукницкий П.Н. Асуміана // ИРЛИ. Коллекция П.Н. Лукницкого. Сообщено Т.М. Двинятиной.

⁴⁰ Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М., 2005. Т. I. Ч. 2. Москва и Петроград. 1921–1922 гг. С. 334.

Семь лет спустя Пяст писал в мемуарной книге: «“Ахматовское” направление стало определять чуть ли не всю женскую лирику России. Ее

“Беличья распластанная шкурка”, —

как правильно говорил когда-то Викт. Шкловский, — стала “знаменем” для пришедшей поэтической поры, — послужив ключом для некоего возникающего направления...»⁴¹

А еще десять лет спустя Шкловский, которому книга Пяста напомнила о его импровизации и перешептывании с Ахматовой, вставил в свои мемуары: «А любовь, воздушная и минутная, связана с тающим облаком. Облако конкретное, маленькая беличья шкурка стали знаменем акмеизма»⁴².

Легкий сдвиг, усиливающий трагизм, смелое переименование цитаты Пяст позволил себе как очевидец жизни мема, как соглядатай его истории.

Второй мем тоже, как говорил другой поэт постсимволистского поколения, «прогремел на всю Россию».

Мы, унесясь, героиню оставили в спертom
Траме, несущемся (бывшим!) маршрутом четвертым.

Не беспокойтесь, читатель, она — не иголка,
Не потеряется Зоя, как та треуголка,

Пушкин которую будто бы клал на газоне
Возле себя, либо в память о Наполеоне,

Либо фантазией дикою: камерлакейской
(Пушкинское выраженье) вместо лицейской

Формы (фуражки невзрачной) форснуть обуянный...
(Так нам поведано бардом, Ахматовой Анной).

Впрочем, вам этому слишком не стоит удивиться:
Вывел же Лермонтов с гривой косматую львицу!

Львицами, правда, зовут аванажных и в теле
Женщин, — но гривы у этих растут на хребте ли!

Наша такая поэма, что все ей здорово!
Вместо четвертого, кончик маршрута второго

Нами посильно описан — и в песню годится!
Вдоволь четвёртым успеем еще насладиться!

⁴¹ Пяст В. Встречи. М., 1929. С. 156.

⁴² Шкловский В. О Маяковском. М., 1940. С. 29; см. подробней: *Тименчик Р.Д.* Виктор Шкловский, филолог: из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // *Литературная жизнь. Статьи. Публикации. Мемуары. Памяти А.Ю. Галушкина / Сост. М.П. Одесский, М.Л. Спивак. М., 2017. С. 278–279.*

Нынче от кладбища к кладбищу номер тот пущен.
Раньше ж — от места, где чуть не повешен был Пушкин

(С теми пятью в протоколе стоял он не вместе ль?
Рюмин, Апостол, Каховский, Рылеев и Пестель),

От Декабристов могилы тогда «Голодая»... (С. 258–259)

Стихотворение «Смуглый отрок бродил по аллеям...» Пяст услышал на первом заседании Цеха поэтов 20 октября 1911 г. у Городецкого⁴³. С тех пор, с 1911 по 1932 год он должен был не раз наткнуться на прославленный *pointe* этого стихотворения:

«Анна Ахматова любит предметы независимо от их отношения к ее горю и тоске, напротив — крупное и большое и начинает она любить через эти мелочи и когда вспоминает Пушкина, то самым близким ей в нем вспоминается «треуголка», да «разорванный том Парни». В таком изощренном ощущении вещей, кажется, можно видеть ту нить, которая выведет поэта из лабиринта овладевшей им печали»⁴⁴.

«Перчатки и треуголки Ахматовой, “деревянные домики” Цветаевой неожиданно открыли новый мир, научили с особенной тревогой брать в руки новую женскую книгу»⁴⁵.

«Они [не названные по именам Гумилев и Ахматова] идут, рука об руку, по дорожке, огибающей озеро, и прислушиваются к шелесту шагов смуглого отрока, бродившего тут столетие назад:

Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни...»⁴⁶

Ср. о «воспоминании о Пушкине Вс. Рождественского (не без влияния Ахматовой):

О чем задумался, отбросив Апулея,
На бронзовой скамье курчавый лицеист»⁴⁷. И т.д.

Пяст посещал и последующие первые собрания Цеха в 1911 г.⁴⁸ Дискуссия о финальных реалиях в ахматовском стихотворении могла возникнуть в Цехе после сопоставления его со стихотворе-

⁴³ Лукницкий П.Н. *Asutiana*. Встречи с Анной Ахматовой. Т. II. 1926–1927. Париж; М., 1997. С. 28.

⁴⁴ *Зноско-Боровский Е.* [Рец. на кн.:] Ахматова А. Вечер. СПб., 1912 // Литерат. и попул.-научн. прилож. «Нивы». 1913. № 1. С. 159.

⁴⁵ *Э[ренбург] И.* Новые поэтессы // Гелиос. Париж, 1913. № 1. С. 46.

⁴⁶ *Голлербах Э.* Город муз. Детское Село, как литературный символ и как памятник быта. Л., 1927. С. 64.

⁴⁷ *Слонимский А.* [Рец. на кн.:] Петербургский сборник. Пг., 1922 // Книга и революция. 1922. № 4(16). С. 45.

⁴⁸ Например, на квартире С. Пиленко в отсутствие Гумилева 10 ноября 1911 г. (Записи М.Л. Лозинского // ИРЛИ. Коллекция П.Н. Лукницкого. Альбом X. № 19.)

нием Михаила Кузмина, написанного в то же время: «С какою-то странной силой... / Владеют нами слова... [...] / Но слово одно “треуголка” / Владеет мною теперь. / Конечно, тридцатые годы, / И дальше: Пушкин, лицей / Но мне надоели моды...»⁴⁹. Что могла бы ответить Ахматова в такой дискуссии, где ее сравнили с Лермонтовым, чья ошибка была незадолго до того вновь введена в активный оборот?⁵⁰ Исходя из того, о чем писала впоследствии ее подруга В.С. Срезневская в воспоминаниях о молодой Ане Горенко: «Мы много гуляли по паркам, обе боготворили Пушкина, знали его хорошо, помнили и изучали его биографию по всем доступным нам источникам (письмо Жуковского отцу, лицейские заметки, словом, тот скудный материал, попадавший в наши еще такие слабые руки)!»⁵¹ [18], — она должна была напомнить придиравшимся к «треуголке» один из самых популярных источников:

Форма одежды сначала была стеснительна. По будням — синие сюртуки с красными воротниками и брюки того же цвета: это бы ничего; но зато, по праздникам, мундир (синего сукна с красным воротником, шитым петлицами, серебряными в первом курсе, золотыми — во втором), белые панталоны, белый жилет, белый галстук, ботфорты, треугольная шляпа — в церковь и на гулянье. В этом наряде оставались до обеда. Ненужная эта форма, отпечаток того времени, постепенно уничтожалась: брошены ботфорты, белые панталоны и белые жилеты заменены синими брюками с жилетами того же цвета; фуражка вытеснила совершенно шляпу, которая надевалась нами только, когда учились фронту в гвардейском образцовом батальоне⁵².

Не потому ли, что этот источник был назван, или потому, что Пяст, как часто в этих двух поэмах бывает, продолжает думать над уже написанным и на протяжении выстраивания следующего куска, в его повествовании через 10 стихов на трамвайном маршруте появляется Иван Иванович Пуцзин?

Литература

Ахматова А. Записные книжки (1958–1966) / Сост. и подготовка текста К.Н. Суворовой. М.; Torino, 1996. 873 с.

⁴⁹ Кузмин М. Осенние озера: Вторая книга стихов. М., 1912. С. 71; *Тименчик Р.* Ахматова и Пушкин. (Разбор стихотворения «Смуглый отрок...») // Пушкинский сборник. Рига, 1968. С. 130.

⁵⁰ Ср.: «У Лермонтова “Терек прыгает, как льявица, с косматой гривой на хребте”, а между тем, сколько известно, льявица именно и отличается от льва отсутствием гривы» (*Измайлов А.* Кривое зеркало. Пародии и шаржи. СПб., 1910. С. 45).

⁵¹ Цит. по: *Тименчик Р.* Анна Ахматова и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 108–109.

⁵² Записки И.И. Пуцины о Пушкине. СПб., 1907. С. 20.

[Блок А.А.] Переписка с Вл. Пястом / Вступ.ст., публ. и коммент. З.Г. Минц // Литературное наследство. М., 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 175–228.

Грачева А.М. Колтоновская Е.А. (1870–1952) // Русские писатели. 1800–1917. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. Т. 3. С. 29–30.

Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. I. Ч. 1–2. Москва и Петроград. 1921–1922 гг.

Мартынов И. Ф., Кукушкина Е.Д. Александр Александрович Кроленко // Книга. Исследования и материалы. Сб. 28. М.: Книга, 1974. С. 178–190.

Пяст Вл. Встречи / Изд. подгот. Р. Тименчик. М.: Новое лит. обозрение, 1997. 416 с.

Пяст В. Поэмы / Сост. А.Н. Катчук. Одесса: Изд-во Optimum, 2016.

Рац М.В. Издательство «Academia». Заметки библиофила // «Academia». 1922–1937. Выставка изданий и книжной графики. М.: Книга, 1980. С. 4–16.

Реgev Й. Коинцидентология: Краткий трактат о методе. СПб.: ТрансЛит, 2015. 56 с. Соболев А.Л. Летеиская библиотека: В 2 т. М.: Трутень, 2013.

Тименчик Р. Анна Ахматова и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиография Л.: Наука, 1982. С. 106–118.

Тименчик Р. Ахматова и Пушкин. (Разбор стихотворения «Смуглый отрок бродил по аллеям...») // Пушкинский сборник / Уч. зап. Латвийского госуниверситета. Т. 106. Рига, 1968. С. 124–131.

Тименчик Р.Д. Виктор Шкловский, филолог: из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Литературная жизнь. Статьи. Публикации. Мемуары. Памяти А.Ю. Галушкина. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 271–284. (Биб-ка «Литературного наследства»). Новая серия. Вып. 1.)

Тименчик Р.Д. Выписки к записям // М.Л. Гаспаров. О нем. Для него: Статьи и материалы. М.: Новое лит. обозрение, 2017. С. 564–580.

Тименчик Р. Что вдруг. Статьи о литературе прошлого века. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, [2008.] 686 с.

References

Akhmatova A. *Zapisnye knizhki (1958–1966) / Sost. i podgotovka teksta K.N. Suvorovoi*. Moscow; Torino, 1996. 873 p.

[Blok A.A.]. “Perepiska s Vl. Piastom”, introd., comm. Z.G. Mints. *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow, 1981. Vol. 92, book 2, pp. 175–228.

Gracheva A.M. “Koltonovskaia E.A. (1870–1952)”. *Russkie pisateli. 1800–1917*. Moscow: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopedia, 1994. Vol. 3, pp. 29–30.

Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov. Sobytiia. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiia, ed. A.Yu. Galushkin. Moscow: IMLI RAN, 2005. Vol. I. Ch. 1–2. Moskva i Petrograd. 1921–1922 gg.

Martynov I.F., Kukushkina E.D. “Aleksandr Aleksandrovich Krolenko”. *Kniga. Issledovanie i materialy*. Issue 28. Moscow: Kniga, 1974, pp. 178–190.

Piast V. *Poemy*, ed. A.N. Katchuk. Odessa: Optimum Publ., 2016.

Piast V. *Vstrechi*, ed. R. Timenchik. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1997. 416 p.

Rats M.V. “Izdatel'stvo ‘Academia’. Zаметki bibliofila”. *“Academia”*. 1922–1937. *Vystavka izdaniia i knizhnoi grafiki*. Moscow: Kniga, 1980, pp. 4–16.

Regev I. *Koinsidentologiiia: Kratkii traktat o metode*. St.-Petersburg: TransLit, 2015. 56 p.

Sobolev A.L. *Leteiskaia biblioteka*: in 2 vols. Moscow: Truten', 2013.

Timenchik R. “Anna Akhmatova i Pushkinskii Dom”. *Pushkinskii Dom. Stat'i. Dokumenty. Bibliografiia*. Leningrad: Nauka Publ., 1982, pp. 106–118.

Timenchik R. "Akhmatova i Pushkin. (Razbor stikhotvoreniia *Smuglyi otrok brodil po alleiam...*)" *Pushkinskii sbornik*. Uchenye zapiski. Latviiskogo gosuniversiteta. Vol. 106. Riga, 1968, pp. 124–131.

Timenchik R. *Chto vdrug. Stat'i o literature proshlogo veka*. Moscow; Ierusalim: Mosty kul'tury Publ.; Gesharim Publ., [2008.] 686 p.

Timenchik R.D. "Viktor Shklovskii, filolog: iz Imennogo ukazatel'ia k *Zapisnym knizh-kam Akhmatovoi*". *Literaturnaia zhizn'. Stat'i. Publikatsii. Memuary. Pamiati A.Iu. Galushkina*. Moscow: IMLI RAN publ., 2017, pp. 271–284. (Bib-ka "Literaturnogo nasledstva". Novaia seria. Issue 1.)

Timenchik R.D. "Vypiski k zapisiam. *M.L. Gasparov. O nem. Dlia nego: Stat'i i materialy*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017, pp. 564–580.

Notes of a Commentator

[5.] The Pestovsky Enigma

Roman Timenchik

Abstract: The new 2016 edition of the poems by V. Pyast (*Along Tannhäuser's Path; Poems of Three Cities*) allows to raise a series of problems in the field of text studies, publishing and commentary.

Keywords: V. Pyast, historico-literary commentary, Russian Symbolist and Post-Symbolist poetry.

Information about the author: Roman D. Timenchik. PhD. Professor of Hebrew University of Jerusalem (Israel). E-mail: litfact@gmail.com

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-4-317-325

УДК 821.161.1

Проблема датировки прозы И.А. Бунина*

С.Н. Морозов

Аннотация: В настоящей статье предпринята попытка выработать методологию датировки художественной прозы И.А. Бунина и выявить некоторые закономерности авторской датировки. Рассмотрены разные варианты датировки прозаических произведений И.А. Бунина: произведений без авторской даты, с одной авторской датой и с несколькими авторскими датами. В статье определены даты ряда прозаических произведений писателя, поставлен ряд вопросов по датировке прозы, требующих решения в дальнейшей работе над научным Собранием сочинений И.А. Бунина.

Ключевые слова: И.А. Бунин, проза, датировка, собрание сочинений.

Информация об авторе: Сергей Николаевич Морозов, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия. E-mail: morozov.sn@yandex.ru

На современном этапе буниноведения возникает много вопросов и проблем, связанных с текстами И.А. Бунина, особенно на подготовительном этапе работы над научным Собранием сочинений писателя. Одна из таких проблем — датировка художественной прозы писателя. Эта проблема относительно поэзии И.А. Бунина глубоко исследована Т.М. Двигятиной в подготовленном ею двухтомнике стихотворений поэта¹. Относительно прозы эта проблема практически еще не рассматривалась.

Особенность творческой работы И.А. Бунина состояла в том, что он часто начинал рассказ, стихотворение и оставлял их, не завершив. Все эти свои рукописи (наброски, отрывки и другие рабочие материалы) он обычно возил с собой, перечитывал и в свое время возвращался к работе, заканчивая то или иное произведение. В связи с этим сразу возникает проблема датировки этих произведений. Когда имеется авторская дата под текстом, она обычно

* Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17–18–01410).

¹ *Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. / Вступ. статья, сост., подгот. текста, примеч. Т.М. Двигятиной. СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Вита Нова, 2014.*

указывает время завершения данного произведения. Когда конкретно писатель начинал работать над каждым из своих рассказов и повестей, установить практически невозможно. Хотя по целому ряду его произведений это известно по дневникам, письмам и другим архивным источникам.

В настоящей статье предпринята попытка выработать методологию датировки художественной прозы И.А. Бунина и выявить некоторые закономерности авторской датировки.

Писатель почти всегда проставлял авторские даты под текстами художественной прозы, но обычно ограничивался указанием только года, иногда давал более точную дату или несколько дат, в течение которых создавалось данное произведение, иногда указывал место написания. В подобном случае никаких особых вопросов не возникает, но иногда появляется возможность уточнить даты работы писателя над произведением по сохранившимся рукописям, упоминаниям в письмах и дневниках. Например, рассказ «Господин из Сан-Франциско» датирован Буниным «Октябрь 1915 года», однако по черновым рукописям нам известно, что автор начал писать этот рассказ 14–15 августа 1915 г. в Глотова, по дневникам Бунина мы знаем, что он работал над этим рассказом с 14 по 19 августа 1915 г., а последняя его редакция датирована концом октября 1915 г. Таким образом, при наличии достаточного количества архивных свидетельств мы можем датировать конкретное произведение довольно точно, даже выстраивая цепочку его создания: замысел, написание, редактирование, публикация.

Однако в сложных случаях даже при наличии авторской даты почти невозможно проверить ее или уточнить. Такие ситуации встречаются почти во всех периодах творчества писателя. Один из ранних рассказов Бунина «Перевал» имеет довольно долгую творческую историю, судя по авторской дате: «1892–1898». Впервые он напечатан в журнале «Русская мысль» в 1901 г. (№ 8) вместе с двумя рассказами «Костер» и «В августе», написанными в 1901 г. Отдавая в журнал два новых рассказа, Бунин приложил к ним свой старый рассказ, над которым, очевидно, долго работал. Рассказ «Перевал», можно сказать, один из первых «философских» рассказов писателя. Создавался он в довольно сложное для самого автора время, он сам испытывал переломный период в своей личной жизни, отчасти это отразилось и в тексте произведения, да и жизнь в России в эти годы все чаще свидетельствовала о надвигающемся переломе.

Бунин вспоминает: «В Полтаве [в 1892–1894 гг.] я впервые приступил более или менее серьезно к беллетристике»². Действи-

² Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. / Под общ. ред. А.С. Мясникова и др. М.: Худож. лит., 1967. Т. 9. С. 261.

тельно, именно в 1892 г. он пишет рассказы «Танька», «Кастрюк», «На хуторе», и вскоре они появляются в печати. Рассказ «Перевал», судя по авторской дате, тоже был начат в 1892 г., но печатать его Бунин не спешил. Творческая история этого рассказа неизвестна, в письмах и дневниках Бунина не говорится о работе над ним, никаких автографов рассказа не сохранилось. По авторской дате и времени первой публикации можно констатировать, что писатель постоянно возвращался к этому рассказу, надо полагать и перед отправкой рассказа в журнал его текст подвергся редактуре. В итоге мы видим, что Бунин работал над рассказом «Перевал» 10 лет, и датировать его следует шире авторской даты: 1892–1901.

Один из наглядных примеров долгой и упорной работы Бунина — рассказ «Белая лошадь», впервые опубликованный под заглавием «Астма». Авторская дата рассказа лаконична — «1907 г.», однако писал этот рассказ Бунин не менее семи лет, а также возвращался к нему в годы эмиграции. Начало работы над рассказом относится к 1900 г., и тогда он назывался «Белая смерть». Очевидно, Бунин поделился своим замыслом с А.М. Горьким, который писал ему в ответном письме от 25 ноября 1900 г.: «Где “Белая смерть”? Иван Алексеевич — ее надо в “Жизнь” дать, непременно!»³. В письме к старшему брату Ю.А. Бунину от 12 января 1901 г. Бунин писал: «Бьюсь над стервой “Белой смертью”, — когда кончу, — кажется, — много и быстро напишу»⁴. По всей видимости, Бунин на время оставил это произведение и переключился на более короткие рассказы. Однако через несколько лет он снова вернулся к этому тексту, о чем свидетельствует объявление о подписке на московский журнал «Правда», в котором анонсировалась публикация рассказа «Белая смерть»⁵. В письме к Бунину от 5 августа 1905 г. редактор-издатель журнала В.А. Кожевников торопит писателя поскорее прислать в редакцию журнала уже объявленный рассказ «Белая смерть»⁶. Но Бунина опять не удовлетворяло это произведение, и он снова оставил его «отлеживаться», как он иногда выражался.

Рассказ «Белая смерть», получивший новое заглавие «Астма», Бунин закончил только летом 1907 г. Он писал Н.Д. Телешову 7 ию-

³ Горький А.М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М.: Наука, 1997. Т. 2. С. 72.

⁴ Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 346.

⁵ Полтавские губернские ведомости. 1905. 30 марта (№ 25). С. 7.

⁶ Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1 (1870–1909) / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 576.

ля 1907 г.: «По пути в Птб заеду к тебе на часок и прочту новый рассказ — целых два или 2 ½ листа!»⁷. В середине ноября 1907 г. вышла 3-я книга «Литературно-художественного альманаха издательства “Шиповник”», в которой и был, наконец, напечатан рассказ «Астма». Таким образом, датировать рассказ «Астма» следует так: 1900–1907.

Однако история работы над рассказом «Астма» на этом не заканчивается. Уже в эмиграции Бунин вновь возвращается к своему раннему произведению, редактирует его и публикует 1-ю часть рассказа под новым заглавием «Белая лошадь» в парижской газете «Возрождение» (1927. 3 марта (№ 639). С. 2–3), авторская дата под текстом: «1907–1927». 2-я часть рассказа «Белая лошадь» с подзаголовком «Из повести» появилась лишь через два года в парижской газете «Последние новости» (1929. 13 октября (№ 3126). С. 2–3), авторская дата отсутствует. Принимая во внимание все авторские даты и публикационную историю рассказа «Белая лошадь», его следует датировать, очевидно, так: 1900–1907, 1927, 1929.

Следующие два рассказа схожи по своей творческой истории. Рассказ «Скит» написан в 1901 г., в этом же году опубликован в «Журнале для всех» (1901. № 7. С. 819–826). Однако через много лет Бунин вновь отредактировал этот рассказ и под новым заглавием «Мелитон» напечатал в парижской газете «Последние новости» (1930. 6 июля (№ 3392). С. 2) с авторской датой: «1900–1930». Несоответствие в годе написания этого рассказа можно объяснить простой опечаткой или тем, что замысел этого рассказа был уже в 1900 г. Так или иначе, пока мы можем только повторить авторскую дату «1900–1930», но в комментариях это расхождение должно быть обязательно указано.

Рассказ «Свиданье» Бунин писал в 1902 г., в том же году напечатал его в журнале «Русская мысль» (1902. № 7. С. 160–168). Однако в «Полном собрании сочинений» Бунина (Пг., 1915. Т. 4. С. 17–22), где рассказ напечатан под заглавием «Счастье», стоит авторская дата: «1903 г.». В эмиграции Бунин вернулся к своему раннему рассказу и, отредактировав его, напечатал в парижской газете «Возрождение» (1926. 22 августа (№ 446). С. 3) под заглавием «Заря всю ночь», авторская дата: «1903–1926». Опять мы видим несоответствие в годе написания данного рассказа, но в данном случае можно с большей уверенностью поставить такую широкую датировку: 1902–1926.

⁷ Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, Р.Д. Дэвиса, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 53.

Любопытна история рассказа, получившего за свою публикационную историю четыре заглавия. В 1903 г. Бунин написал рассказ «В хлебах», который был напечатан в московском журнале «Правда» (1904. № 3. С. 105–111). В «Полном собрании сочинений» писателя (Пг., 1915. Т. 4. С. 23–28) этот рассказ напечатан под заглавием «Сон Обломова-внука» и имеет авторскую дату: «1903 г.». В эмиграции Бунин дважды возвращался к этому произведению, каждый раз меняя заглавие. В парижской газете «Возрождение» (1926. 9 сентября (№ 464). С. 2–3) рассказ озаглавлен «Далекое» и имеет авторскую дату: «1903–1926». Через одиннадцать лет в парижской газете «Последние новости» (1937. 22 авг. (№ 5993). С. 3) этот рассказ был напечатан под заглавием «Восемь лет» и имел подзаголовок «“Жизнь Арсеньева”». Вариант первого наброска», авторская дата отсутствует. Таким образом, мы видим, как в течение долгого времени ранний рассказ трансформировался из самостоятельного произведения в вариант фрагмента романа «Жизнь Арсеньева», который создавался в эмиграции. Исходя из столь долгой творческой истории данного рассказа, конечно, необходимо давать ему широкую датировку: 1903–1937. Но тогда возникает вопрос: на каком хронологическом месте печатать это произведение в научном Собрании сочинений писателя? Формально решать этот вопрос в данном случае никак нельзя, значит должно быть принято и сформулировано какое-то исключение. При подобных сложных случаях решение о месте публикации конкретного рассказа должно приниматься по итогам тщательной текстологической работы.

Рассказ «Старая песня» Бунин написал, по воспоминаниям В.Н. Муромцевой-Буниной, в Глотова в начале 1908 г.⁸ Это подтверждается авторской датой под этим рассказом «1908 г.» в «Полном собрании сочинений» Бунина (Пг., 1915. Т. 4. С. 77–91). Впервые он был напечатан в московском журнале «Северное сияние» (1909. № 5. С. 5–21). В эмиграции Бунин отредактировал этот рассказ и, дав новое заглавие «Маленький роман», напечатал в парижской газете «Возрождение» (1926. 23 сентября (№ 478). С. 2–3), авторская дата: «1909–1926». Здесь мы вновь сталкиваемся с несоответствием года написания рассказа и при определении редакторской даты должны сделать поправку с учетом известных нам данных и датировать это произведение так: 1908–1926.

Над своим необычным произведением «Воды многие», написанном в форме дневника, Бунин работал долго. В.Н. Муромцева-Бунина писала, что этот рассказ — дневник, который вел Бунин

⁸ Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / Сост., предисл. и примеч. А.К. Бабореко. М.: Сов. писатель, 1989. С. 415.

во время путешествия на Цейлон в 1911 г.⁹ Все свои дневники Бунин увез с собой в эмиграцию, часто их перечитывал. Следует отметить, что в дошедшем до нас дневнике писателя отсутствуют записи за даты, указанные в рассказе. Безусловно, этот рассказ был написан на основе дневниковых записей, которые впоследствии, очевидно, Бунин уничтожил.

Задача датировки этого рассказа довольно сложная. В «Собрании сочинений» Бунина (Берлин, 1935. Т. 9. С. 251–285) авторской даты под этим произведением нет. Редакторская дата в современных изданиях Бунина «[1911–1926]» не совсем корректна, т.к. Бунин в 1911 г. не писал этот рассказ, а только вел дневник во время своего путешествия на Цейлон. Первая часть этого произведения была напечатана в берлинской газете «Руль» (1925. 23 апреля (№ 1333). С. 2–3) под заглавием «Вечные скрижали: Из путевой книги 1911 г.». Следующая часть рассказа появилась в брюссельском журнале «Благонамеренный» (1926. № 1. С. 62–70) под заглавием «Из книги “Воды многие”». Заключительная часть рассказа была напечатана в парижском журнале «Современные записки» (1926. № 29. С. 5–18) под заглавием «Из книги “Воды многие”». Через десять лет Бунин напечатал в парижской газете «Последние новости» (1937. 25 дек. (№ 6118). С. 2) еще один отрывок под заглавием «Воды многие», который, однако, не вошел в окончательный текст рассказа. Ни в одной из прижизненных публикаций этого произведения авторской даты нет. На наш взгляд, упоминать в редакторской дате 1911 г. не оправданно. Реально над созданием этого рассказа Бунин стал работать в 1925 г., возможно, работа началась и ранее, но у нас нет документальных доказательств, подтверждающих это. В связи со всем вышеизложенным, на наш взгляд, рассказ «Воды многие» следует датировать по времени его публикации: 1925–1926, 1937.

Датировка эмигрантского рассказа «Бернар» во всех современных изданиях четкая и однозначная — 1952 г., в связи с чем этот рассказ обычно ставится на последнее место в сборниках прозы писателя. Однако на самом деле это произведение написано намного раньше. Впервые рассказ «Бернар» был напечатан в рижской газете «Сегодня» (1927. 12 июня (№ 129). С. 4). Следующая публикация этого рассказа была в парижской газете «Последние новости» (1929. 17 марта (№ 2916). С. 2). В обеих этих газетных публикациях авторская дата отсутствует. Рассказ «Бернар» Бунин включил в два своих сборника и Собрание сочинений. В сборнике «Божье древо» (Париж, 1931) рассказ «Бернар» имеет авторскую дату: «1927–1930 гг. Приморские Альпы». В «Собрании сочине-

⁹ Бунин И.А. Собр. соч.: В 8 т. / Сост., предисл. и примеч. А.К. Бабореко. М.: Моск. рабочий, 1996. Т. 5. С. 585–586.

ний» (Берлин, 1935. Т. 9. С. 241–244) под текстом рассказа «Бернар» стоит более лаконичная авторская дата: «1930», а в сборнике «Весной в Иудее. Роза Иерихона» (Нью-Йорк, 1953) появляется уже третья авторская дата этого рассказа: «1952 г.». Таким образом, мы имеем три авторские даты, которые, в общем-то, все правильные, но в научном Собрании сочинений И. Бунина все эти авторские даты следует объединить в одну и датировать рассказ «Бернар» так: 1927–1952.

По всем приведенным здесь примерам видно, что И. Бунин обычно ставил дату окончания работы над конкретным произведением, которое он готовил к печати. В дальнейшем он мог ставить другую дату, указывающую на время последней редакции того или иного рассказа. Эту особенность авторских датировок следует учитывать при определении редакторской даты произведения.

Возникает и еще один вопрос в связи с предварительной работой по подготовке научного Собрания сочинений И.А. Бунина: на каком месте в хронологическом ряду следует ставить конкретное произведение, если оно имеет широкую датировку? По первой дате, если она не совпадает со временем первой публикации (например, рассказ «Перевал»), никак нельзя ставить произведение в хронологический ряд, т.к. оно еще не было завершено. Более резонно было бы принять решение ставить в хронологический ряд каждое произведение с широкой датировкой по времени первой его публикации. При этом необходимо оговорить, что это исключение из общего правила: произведения выстраиваются в хронологическом ряду по имеющимся точным авторским датам, а когда применяется широкая датировка — тогда по первой публикации. Но как быть в тех случаях, когда Бунин ставил несколько авторских дат под одним произведением, и они не являются опечаткой или ошибкой автора, как, например, в рассказе «Бернар»? Печатать рассказ в редакции 1952 г. и ставить его в хронологическом ряду в 1927 г. никак нельзя. Следовательно, этот рассказ надо печатать в 1952 г., но с широкой датировкой: 1927–1952. Очевидно, так же надо поступать и с теми рассказами, которые вообще не имели авторских дат, присваивать им редакторскую широкую датировку и помещать в хронологическом ряду по последней дате.

В результате исследования проблемы датировки прозы Бунина мы пришли к следующим выводам. В научном Собрании сочинений И. Бунина при датировке конкретного произведения в комментариях следует указывать полную редакторскую дату, включающую все периоды работы писателя над этим произведением. Например, как мы датировали рассказ «Белая лошадь»: 1900–1907, 1927, 1929. В связи с разнообразными ситуациями датировки целого ряда прозаических произведений Бунина возникает вопрос:

как обозначать дату в основном тексте? На наш взгляд, в основном корпусе под текстом произведения воспроизводится авторская дата только в том случае, когда не предполагается широкой датировки. При отсутствии авторской даты или при наличии нескольких авторских дат под текстом выставляется только редакторская дата в угловых скобках, а в комментариях излагается полная творческая история произведения с приведением всех имеющихся авторских дат. И в том, и в другом случае в комментариях приводится полная редакторская дата произведения и дается ее обоснование. При этом следует стремиться датировать более точно каждое произведение, если в авторской дате стоит только год. В комментариях, привлекая все известные и доступные архивные источники (письма, дневники, воспоминания и др.), необходимо по возможности уточнить авторскую дату до нескольких месяцев, одного месяца или даже нескольких дней.

В настоящей статье рассмотрены лишь наиболее наглядные примеры, которые показывают всю сложность проблемы датировки прозы И. Бунина, и решение этой проблемы никак не может быть формальным. Относительно того или иного рассказа могут приниматься разные решения и делаться соответствующие исключения, которые должны быть тщательно и аргументированно объяснены в комментариях будущего научного Собрания сочинений И.А. Бунина.

Литература

Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. / Под общ. ред. А.С. Мясникова и др. М.: Художественная литература, 1967. Т. 9. 624 с.

Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. / Сост., предисл. и примеч. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1996. Т. 5. 592 с.

Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. / Вступ. статья, сост., подгот. текста, примеч. Т.М. Двинягиной. СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Вита Нова, 2014.

Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 768 с.

Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; Подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, Р.Д. Дэвиса, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2007. 830 с.

Горький А.М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 1997. Т. 2. Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1 (1870–1909) / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 944 с.

Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / Сост., предисл. и примеч. А.К. Бабореко. М.: Советский писатель, 1989. 512 с.

References

Bunin I.A. *Sobranie sochinenii: V 9 t.* [Collected Works: In 9 vol.]. Pod obshch. red. A.S. Miasnikovaidr. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1967, t. 9. 624 p. (In Russ.)

Bunin I.A. *Sobranie sochinenii: V 8 t.* [Collected Works: In 8 vol.]. Sost., predisl. i primech. A.K. Baboreko. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1996, t. 5. 592 p. (In Russ.)

Bunin I.A. *Stikhotvoreniia: V 2 t.* [Poems: In 2 vols.]. Vstup. stat'ia, sost., podgot. teksta, primech. T.M. Dviniatinoi. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma; Vita Nova Publ., 2014. (In Russ.)

Bunin I.A. *Pis'ma 1885–1904 godov* [Letters 1885–1904]. Eds. O.N. Mikhailov, S.N. Morozov, L.G. Golubeva, I.A. Kostomarova. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003. 768 p. (In Russ.)

Bunin I.A. *Pis'ma 1905–1919 godov* [Letters 1905–1919]. Eds. O.N. Mikhailov, S.N. Morozov, R.D. Davies, L.G. Golubeva, I.A. Kostomarova. Moscow, IMLI RAN Publ., 2007. 830 p. (In Russ.)

Gor'kii A.M. *Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma: V 24 t.* [Complete Works. Letters: in 24 vol.]. Moscow, Nauka Publ., 1997, t. 2. (In Russ.)

Letopis' zhizniitvorchestva I.A. Bunina. T. 1 (1870–1909) [Chronicle of life and creativity I.A. Bunin. Vol. 1 (1870–1909)]. Sost. S.N. Morozov. Moscow, IMLI RAN Publ., 2011. 944 p. (In Russ.)

Muromtseva-Bunina V.N. *Zhizn' Bunina. Besedy s pamiat'iu* [V.N. Bunin's life. Conversations with memory]. Sost., predisl. i primech. A.K. Baboreko. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1989. 512 p. (In Russ.)

The Problem of Dating I.A. Bunin's Prose

Sergey N. Morozov

Abstract: The article attempts to work out a method of dating I.A. Bunin's fictional prose and to bring out the logic of the author's dating. The article considers several variants of dating Bunin's works either undated by the author, or with double or several author's dates. The article specifies dates of some pieces of prose, and raises some questions concerning dating Bunin's prose that are to be solved while working on the academic edition of Bunin's collected works.

Keywords: I.A. Bunin, prose, dating, collected works.

Information about the author: Sergey N. Morozov, PhD, senior researcher, M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: morozov.sn@yandex.ru

ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-4-326-357

УДК 821.161.1

Как всё начиналось

Альбин Конечный

Аннотация: Приводятся документы и воспоминания о работе автора по созданию Музея А.А. Блока в Ленинграде и организации в Музее истории Ленинграда выставки «Петербургские народные гулянья и развлечения. Конец XVIII — начало XX веков» (1984).

Ключевые слова: Музей-квартира Александра Блока, народные гулянья, городская зрелищно-бытовая культура, музейное дело, история гуманитарных институтов.

Информация об авторе: Альбин Михайлович Конечный, старший научный сотрудник в Музее истории Санкт-Петербурга (1979–1994) и в Российском институте истории искусств (1994–2014); Санкт-Петербург. E-mail: ya.albin1935@yandex.ru

Старинный друг Токуаки Баннай — профессор Государственного университета Хитоцубаси (Токио) — с присущей ему деликатностью и настойчивостью, уговорил вспомнить, с чего началось мое изучение зрелищно-бытовой культуры дореволюционно-го Петербурга¹.

А всё началось с Александра Блока, и не случайно.

В 1980 г., по «Постановлению партии и правительства», отмечалось столетие со дня рождения Александра Блока. Блок был канонизирован и удостоен, после Пушкина, звания Великого русского поэта. Волею судеб, я и моя жена, Ксения Кумпан, были втянуты в вихрь юбилея: работали в архиве, разыскивая материалы для блоковского «Литературного наследства», готовили публикации и участвовали, по просьбе В.Н. Орлова, в подготовке двухтомника «Александр Блок в воспоминаниях современников» (издан в 1980 г.). И вот, в июле 1979 г., по решительному настоянию В.Н. Орлова — члена Всесоюзного юбилейного комитета по

¹ Фрагменты данного очерка приведены в переводе на японский в статье: *Bannai Tokuaki. A. Konechnyi's works on Pre-revolutionary Popular Fairs and Amusements — One of the First Researches of Russian Cultural Studies in the Last Period of Soviet Regime // Journal of the Open University of Japan. 2016. № 34. P. 93–108.*

празднованию столетия поэта, я был принят на работу (за это Владимир Николаевич обещал завещать Музею свою библиотеку и ряд картин, и слово свое сдержал) в Отдел истории города Государственного музея истории Ленинграда (ГМИИ) и возглавил группу по созданию Музея-квартиры Александра Блока, как филиала ГМИИ.

Первоначально музей-квартира Блока должен был располагаться на втором и четвертом этажах дома № 57 по улице Декабристов. Это была коммуналка, заселенная рабочими. Помню, что как-то ранним утром мы пришли осматривать последнее прибежище Блока на втором этаже дома. Нам открыла дверь немолодая женщина, в «веселом» настроении, и узнав, что здесь будет располагаться музей, стала читать какие-то строки из Блока, перебивая их рассказом от том, что все квартиранты знают, кем был их прежний жилец, гордятся этим и любят его поэзию. Мы зашли в небольшую комнату, где скончался Блок, там, кроме сохранившейся изразцовой печи, маленького столика, табурета и искорженной железной кровати, больше ничего не было. На столе стояла почти полная бутылка «бормотухи» (странно, что ее не допили накануне!), а на кровати дремал ее владелец, который мирно отреагировал на наше появление. К моменту строительства музея, жильцы съехали, получив отдельные квартиры, правда, вместе с ними исчезла и латунная ванна, которой пользовалась Любовь Дмитриевна, да и нам она была ни к чему. Когда начался монтаж мемориала и экспозиции, жильцы часто приходили к нам и живо интересовались ходом дел и трепетно рассматривали экспонаты, и хотя посторонним не полагалось здесь находиться, но мы им полностью доверяли, ведь это тоже был их дом.

Юбилей отмечался с размахом, и ситуация почти выходила из-под контроля, бдела только цензура — «недреманное око начальства».

Блок оказался в одиночестве, вырванным из культурного контекста своего времени, — запрещено было упоминать в печати многих лиц из его окружения, особенно это касалось эмигрантов «первого призыва» (по выражению С. Маковского). С. Бочаров рассказывал мне, что он вынужден был прибегнуть к эвфемизму, заменив в статье фамилию Ходасевича на «поэта тяжелой лиры» («Тяжелая лира» — сборник стихотворений В. Ходасевича). Бывали и курьезы. В одной моей публикации о Блоке главный редактор «Литературного обозрения», увидев ссылку на запрещенную тогда книгу Берберовой «Курсив мой», но не учув крамолы, потребовал от рабочего редактора поставить курсив.

Цензура не дозволила, например, поместить в экспозиции музея современную фотографию окрестностей Шахматова, потому что в кадр попали непонятные столбы с проводами. Позже, когда



Интервью А. Конечного перед открытием музея А.А. Блока. 1980

к нам в музей приехал офицер из этих мест, большой поклонник Блока, выяснилось, что вблизи Шахматова дислоцировалась обычная воинская часть. Известно, что Блок прекрасно знал город и часто бродил по нему. В его кабинете висел план Петрограда, но выставить его нам не разрешили. «Знающие люди» хорошо «понимали», что кто-то, «с того берега», может узнать, где находится Адмиралтейство и сколько мостов в городе (кстати, в послевоенные годы было запрещено фотографировать мосты). Я уже не говорю о книгах, посвященных Блоку, которые жестко «фильтровались» чиновниками известного учреждения — Комитетом по делам печати, так именовалась цензура. Правда, кое-что из «солёнького» нам удалось выставить.

В атмосфере двоемыслия проявляла себя и внутренняя цензура. Так, почтенный и авторитетный профессор Ленинградского университета (фамилию называть не буду) на полях машинописи тематико-экспозиционного плана, который я принес ему для отзыва, сделал две, ошеломившие меня, пометы карандашом: в экспозиции нет изображений Ленина и народовольцев (профессор был осведомлен, что эти персонажи к творчеству поэта не имели никакого отношения!). Чтобы не позорить профессора (план сдавался в архив, и когда-нибудь эти маргиналии обнаружались бы) и избежать скандала с дирекцией музея, я стер эти «ценные замечания».

Как-то, в октябре 1980 г., дирекция ГМИЛ'а попросила меня дать интервью телевидению о ходе работ по созданию музея. Региссер телевидения предложила мне встать с микрофоном на берегу реки Пряжки, напротив дома, где находилась последняя кварти-

ра поэта. На мне была твидовая куртка (красная, с коричневыми квадратами), подаренная американским славистом, это была единственная одежда на выход. Интервью сняли и записали, но, спустя время, мне позвонила режиссер и огорченно сообщила, что из-за вызывающего вида куртки передачу не выпустили в эфир.

Курьез случился и с плакатом для Музея-квартиры Александра Блока, исполненным художником А.Б. Батуриным². С Александром Борисовичем мы долго перебирали фотографии поэта и, наконец, остановились на самой поздней, сделанной в 1921 г., она и послужила основой для плаката. Как представитель музея, я пришел на художественный совет Союза художников утверждать работу Батурина. Члены Совета долго всматривались в загадочное выражение глаз Блока на плакате. И вдруг кто-то вскрикнул: «Да ваш Блок смотрит из-за угла!» Начались прения, и всё же плакат утвердили, уже не оставалось времени на новый вариант плаката, а срывать правительственный срок открытия музея боялись.

Музей был открыт к юбилею поэта (25 ноября 1980 г.; ул. Декабристов, д. 57)³. Помпезного открытия музея, к счастью, не состоялось. На торжество должен был приехать первый секретарь обкома партии, но не явился, так как не нашлось красной ковровой дорожки, по которой по протоколу «их высочество» должен был взойти на четвертый этаж, в квартиру Блока. Избегая встречи с вельможами, и я не присутствовал при перерезании ленточки. На следующий день, направляясь на конференцию в Тарту⁴, мы с женой ехали на автобусе по Большому проспекту Васильевского острова, который пересекают улицы-линии, и на нескольких углах висел плакат с Блоком. Но когда мы вскоре вернулись из Тарту,

² Батурин Александр Борисович (1914–2003) — художник, график; ученик В.В. Стерлигова, за что был арестован в 1934 г., в 1938–1946 гг. находился в сталинских лагерях, реабилитирован в 1956 г. Работы А.Б. Батурина находятся в Русском музее, Третьяковской галерее, Музее истории города и др., а также за рубежом (в 1996 г. в Париже был учрежден Институт Александра Батурина). Ксения Кумпан и я познакомились и сразу сблизились и подружились с Александром Борисовичем в середине 1970-х гг., когда он часто приходил в Отдел эстампов ГПБ.

³ Подробнее о Музее-квартире Александра Блока см.: *Конечный А.* Последний адрес Блока // Литературное обозрение. 1980. № 11. С. 97–99. 25 ноября 1981 г. в Географическом обществе я выступил с сообщением «Об организации музея Александра Блока. (К вопросу о создании заповедных уголков Петербурга-Петрограда-Ленинграда)».

⁴ 28 ноября 1980 г. в Тартуском университете открылась конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Александра Блока. Я выступил с сообщением «Рассмотрение драмы Александра Блока “Роза и Крест” в Литературно-театральном комитете (по материалам ЦГИА)», а также рассказал об открытии Музея-квартиры Александра Блока.

то плакаты на улицах были сняты, и большая часть тиража была припрятана, а может, уничтожена⁵.

Открытие музея широко освещалось в средствах массовой информации, а я получил бронзовую всесоюзную медаль за тематико-экспозиционный план музея.

Мне предложили стать директором музея, но я решительно отказался, и меня оставили в Отделе истории города в должности старшего научного сотрудника. Сотрудники отдела, помимо научной работы — написания ежегодных исторических справок и составления тематических картотек, занимались и просветительской деятельностью (чтением лекций, организацией тематических вечеров, экскурсий и пр.).

Для одной из лекций я выбрал историю Сенной площади, и шире, Коломны (быт простонародья, досуг горожан, торговля, появление доходных домов, отражение этой части города в русской поэзии и литературе: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Блок и др.).

А в качестве научной работы предложил тему «Повседневная и зрелищная жизнь города на страницах газеты «Северная пчела»», которая выходила с 1825 до 1864 г. Основал газету (совместно с Н.И. Гречем) Ф.В. Булгарин — первый бытописатель повседневной жизни столицы⁶. «Северная пчела» стала регулярно освещать городской быт, сообщать о праздниках и развлечениях, фиксировать перемены в жизни столицы и ее горожан. И с этого времени газеты становятся ценнейшим источником информации по городскому быту во всех его проявлениях. Для начала я просмотрел и сделал выписки из «Северной пчелы» за 1825–1830 гг. и предложил администрации музея издать печатную (с иллюстрациями) летопись жизни города по материалам этой газеты. Однако начальство сочло подобную работу неуместной и нежелательной⁷. Мои доводы о том, что пропадает уникальный материал, что газеты разрушаются быстро, а читатели-варвары, ленясь делать выписки, вырезают бритвой газетные заметки (частое явление!) — остались неслышанными. (И вот, в феврале 1988 г. случился огромный пожар в библиотеке Академии Наук, погибла треть газетного фонда.)

⁵ Единственный плакат, который хранился у меня, я позже отдал Александру Борисовичу для его юбилейной выставки. На обороте макета плаката (он остался у меня) инскрипт А.Б.: «Дорогому Альбину. В память о неслучайной встрече, с любовью. А. Батулин».

⁶ Подробнее см.: *Конечный А.* Булгарин бытописатель и Петербург в его очерках // Петербургские очерки Ф.В. Булгарина. СПб.: ИД «Петрополис», 2010. С. 5–42.

⁷ В свернутом виде я позже реализовал эту идею. Готовя к публикации «Петербургские очерки Ф.В. Булгарина», я просмотрел насквозь газету за 1825–1856 гг., сделал выписки и отобрал 24 репрезентативных очерка о повседневной и праздничной жизни горожан в 1820-х — начале 1840-х гг.

Однако я продолжал просматривать «Северную пчелу» и, обратив особое внимание на обильную информацию о площадных празднествах, решил написать историческую справку на этот сюжет. Машинописные работы сотрудников обсуждались внутри отдела, потом сдавались в архив и не всегда доходили до глаз начальства. В отделе было свободное расписание и можно было ежедневно, если не было заседаний, заниматься в библиотеках и архивах. Я регулярно просматривал «Пчелу», делал необходимые выписки и разыскивал документы по городским гуляньям в архиве (тогда он именовался Ленинградский Государственный исторический архив).

Прошлое Старого Петербурга по-прежнему оставалось закрытым. С первых дней своего существования новая власть ставила своей целью разрушить связь времен, и в частности, устои традиционного быта. Издаются декреты «Об отмене прав частной собственности на недвижимость в городах» (20 августа 1918 г.), «О принудительных уплотнениях и переселениях в квартирах» (27 апреля 1922 г.) и постановление «О районных тройках по уплотнению» (1920) и др.

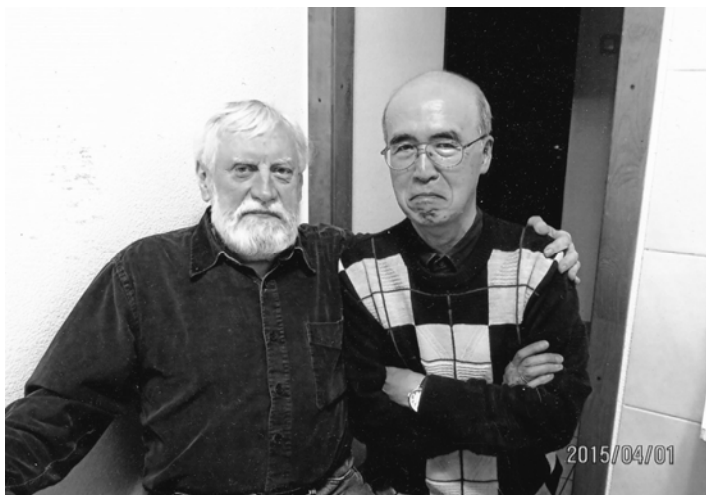
По этим декретам лишние, по решению властей, комнаты вместе с обстановкой (мебелью, вещами и другими предметами домашнего обихода) переходили к новым владельцам. Что, кстати, произошло и с квартирой А. Блока.

Как отметил Юрий Щеглов: «Исторический катаклизм XX века осмысляется, помимо прочего, как грандиозный сдвиг в “вещественном оформлении” жизни: кажется, будто целая Атлантида вещей неожиданно погрузилась под воду, оставив ошарашенного носителя цивилизации на замусоренном берегу, где лишь трудно узнаваемые обломки напоминают о недавней густоте и пестроте окружавшего его предметного мира»⁸.

К 1930-м годам Старый Петербург практически исчезает со страниц произведений, выходящих в Москве и Ленинграде⁹. В советское время цензура всячески препятствовала проникновению в печать материалов о прежней повседневной и праздничной жизни города, если прошлое Петербурга не противопоставлялось настоящему, чтобы подчеркнуть новые и огромные перемены, происшедшие после революции в Ленинграде. С этих позиций и написаны воспоминания писателя Л.В. Успенского (1900–1978) «Записки старого петербуржца» (Л., 1970). Книга посвящена «великому Ленинграду»; в памяти автора «отражается не обычное время, а великий переломный период истории — живая половина нашего века» (С. 5).

⁸ Щеглов Юрий. Антиробинзонада Зоценко: Человек и вещь у М. Зоценко и его современников // Die Welt der Slaven. München, 1999. Bd. XLIV. С. 230–231.

⁹ См., к примеру: Филиппов Борис. Ленинградский Петербург в русской поэзии и прозе. Paris: La Presse Libre, 1974.



А. Конечный и Токуаки Баннай. 2015

И только в начале 1980-х гг. началось изучение и популяризация Старого Петербурга. Этому во многом способствовали работы тартуско-московской семиотической школы, выпустившей программный сборник «Семиотика города и городской культуры. Петербург»¹⁰ по материалам одноименной конференции, устроенной 11–13 февраля 1983 г. кафедрой русской литературы Тартуского университета, и начавшиеся в том же году в Институте этнографии Академии Наук ежегодные научные чтения «Этнография Петербурга-Ленинграда».

На восьмидесятилетии Лидии Яковлевы Гинзбург, которое отмечалось в гостинице «Европейская» 18 марта 1982 г., у меня завязался в застолье светский разговор с Кириллом Васильевичем Чистовым (зав. Отделом этнографии восточных славян Института этнографии). Я рассказал К.В. Чистову, что недавно вернулся из Тарту, где выступал на конференции¹¹ с сообщением о петербургских народных гуляньях на масленой и пасхальной неделях, и получил от него приглашение сделать на эту тему доклад в Институте этнографии и написать статью.

По инициативе Кирилла Васильевича и состоялось мое знакомство с Токуаки Баннай, этнографом и фольклористом, встреча с которым произошла (по свидетельству Токуаки) 23 апреля 1982 г. у здания Биржи, на стрелке Васильевского острова. А позже я и

¹⁰ Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Т. XVIII.

¹¹ 20–21 февраля 1982 г. в Тартуском университете проходила конференция, посвященная проблемам исследования литературы и народной культуры XVIII–XIX вв.

Ксения Кумпан познакомились с женой Токуаки — Томоко Баннай, которая также занималась русской культурой и бытом. И постепенно наше профессиональное общение переросло в дружбу.

В этом же, 1982 году, в Ленинград приехал Алексей Левинсон, у которого Токуаки (кажется, по нашей рекомендации) уже побывал в Москве и ознакомился с его диссертацией о народных гуляньях, и мы собрались в квартире на улице Беринга. Так сложилась наша тройка, одержимая изучением народных городских гуляний, их самобытной эстетики.

Необходимо сказать, что Алексей, как и я, не сразу пришел к теме народных гуляний. После окончания аспирантуры в Институте конкретных социальных исследований (ИКСИ) АН СССР в 1972 г. он написал диссертацию по теоретической урбанографии (его руководителем был знаменитый философ и социолог Ю.А. Левада¹²). На лекции Левады по социологии, которые собирали разнообразную и многочисленную аудиторию, обратила особое внимание московская партийная власть. Началась «чистка» ИКСИ, Леваду сослали в другой институт, а ученый совет закрыли — защита диссертации не состоялась. Алексей нашел работу социолога при архитекторах, которые проектировали парковые аттракционы, и решил заняться историей каруселей и качелей.

И вот, в поисках материалов по истории каруселей и качелей, Алексей Левинсон приехал в Ленинград (вероятно, в 1979 г.) и по совету нашего общего московского друга Александра Осповата обратился за помощью к Ксении Кумпан, которая в это время работала в Отделе эстампов Публичной библиотеки, она и привела в наш дом Алексея.

Левинсон написал работу «Социальная история народных гуляний: карусель» (1979), а в 1980 г. в Институте искусствознания защитил кандидатскую диссертацию «Развитие фольклорных традиций русского искусства на народных гуляньях»¹³.

В феврале 1983 г. на «петербургской» конференции в Тарту гуляньям было посвящено два доклада: мой о петербургских балаганах и А. Левинсона о карусельном «деде». Эта тема была всячески поддержана З.Г. Минц (в связи с поэзией Блока) и Ю.М. Лотманом, как историком культуры и исследователем светского и придворного быта.

¹² Левада Юрий Александрович (1930–2006) — в 1988 г. основал Всесоюзный центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), с 2004 г. — «Левада-Центр».

¹³ Эти работы вошли в монографию: *Левинсон А.* Опыт социографии: Статьи. М.: НЛО, 2004. В настоящее время А. Левинсон заведует Отделом социально-культурных исследований в «Левада-Центре», куда пришел работать в 1988 г.

Вернувшись из Тарту, я продолжил собирать сведения о гуляньях, просматривая «Северную пчелу», фонды Музея города, Отдела эстампов ГПБ и др., и даже поработал в Москве: в Историческом архиве, Театральном музее, Музее истории и реконструкции Москвы. Благодаря А.Г. Лебедевой¹⁴, я побывал в маленькой московской квартире А.Я. Шнеера¹⁵ и, с любезного согласия Александра Яковлевича, после крайне важного для меня разговора, познакомился с его уникальной картотекой по театру, цирку и эстраде.

Моими ориентирами в поисках сведений по городским гуляньям стали также две книги:

1. Лейферт А.В. Балаганы. Пг., 1922¹⁶.

2. Кузнецов Е.М. Русские народные гулянья по рассказам А.Я. Алексеева-Яковлева в записи и обработке Евг. Кузнецова. М.; Л., 1948¹⁷.

Необходимо с благодарностью вспомнить упомянутого выше Е.М. Кузнецова, успевшего записать рассказы Алексеева о его режиссерской деятельности на поприще устройства общедоступных зрелищ и развлечений. Беседы с Алексеевым Кузнецов вел в начале 1930-х гг., когда он был художественным руководителем цирка, а книга была завершена в послевоенные годы. При всей ценности и информативности этой работы, следует иметь в виду, что книга писалась в эпоху борьбы с космополитизмом. В своей монографии Кузнецов декларирует тезис: «творческая природа русских

¹⁴ Лебедева Анастасия Григорьевна (1900–1985) — литературовед, историк цирка; я и Ксения Кумпан бесконечно благодарны милой Анастасии Григорьевне за щедрую помощь во время занятий А. Блоком в конце 1970-х гг.

¹⁵ Шнеер Александр Яковлевич (1892–1994) — филолог, выпускник Бернского университета (Швейцария, 1917); один из авторов первой советской азбуки «Долой неграмотность. Букварь для взрослых» (1919; ему принадлежит фраза: «Мы — не рабы, рабы — не мы»); историк цирка и театра; инициатор создания «Театральной энциклопедии», составитель издания «Цирк. Маленькая энциклопедия» (1973, 1979).

¹⁶ Книга «Балаганы» написана сыном купца 2-й гильдии А.П. Лейферта (1849–1912?) — знаменитого антрепренера балаганного «театра Развлечения и Польза» (1880–1898) на Марсовом поле, устроителя городских гуляний. Подробнее см.: Петербургские балаганы. СПб.: Гиперион, 2000. С. 12–15.

¹⁷ Кузнецов Евгений Михайлович (1900–1958) — выпускник Царскосельского лицея (1917), историк эстрадного и циркового искусства, исследователь массовых народных зрелищ; зав. Отделом искусств ленинградской «Вечерней Красной газеты» (1920–1929); один из создателей Музея циркового искусства в Ленинграде (1928); художественный руководитель Ленинградского цирка (1933–36 и 1944–1947); основатель и редактор журнала «Советский цирк» (1957–1958).



А.Я. Алексеев-Яковлев (1850–1939)

народных гуляний» — в «подлинно народной, глубоко демократической линии русского национального лицедейства»¹⁸.

Из книги «Русские народные гулянья» я узнал, что А.Я. Алексеев (Яковлев)¹⁹ в начале 1930-х гг., по просьбе Музея циркового искусства и лично Е.М. Кузнецова, изготовил макет «“На горах”. “На балаганах”». Народные гулянья на масленице в 70–80-х гг. на Марсовом поле.

В поисках макета я обратился за помощью к научным сотрудникам Музея циркового искусства, которым меня рекомендовала А.Г. Лебедева. Музей размещался в здании цирка, построенного в 1877 г. цирковой семьей Гаэтано Чинизелли (современный адрес: наб. реки Фонтанки, 3). С сотрудниками музея у меня сложились доверительные отношения, особенно после того, как я прочел для

¹⁸ Кузнецов Е.М. Русские народные гулянья... С. 22. Хотя, как известно, на петербургских гуляньях до 1872 г. принимали участие исключительно иностранные труппы.

¹⁹ Несколько слов об авторе макета. Алексей Яковлевич Алексеев (сценический псевдоним Яковлев; 1850–1939) родился в Петербурге в семье дворянина; учился в гимназии. Творческий путь А.Я. Алексеева, как сценариста и режиссера, начался в начале 1870-х гг. у знаменитого В. Берга — содержателя «Пантомимного театра» на Адмиралтейской площади. Позже Алексеев работал как режиссер, художник-декоратор и сценарист в антрепризах Лейферта в балаганных театрах «Развлечения и Польза» (1880–1898) и «Скоморох» (1890–1891). На сцене «Развлечения и Польза» — одного из ведущих площадных театров Марсова поля, он поставил сорок пять своих инсценировок и двадцать семь «живых картин». Подробнее см.: Петербургские балаганы. С. 15–21.

артистов лекцию об истории цирков в Петербурге. Я стал часто бывать в музее, даже присутствовал в цирке на репетициях. Сотрудники (сейчас не могу вспомнить их имена) показали всё, что было в фондах музея. На мой вопрос: почему так мало сохранилось материала по дореволюционным гуляньям? — музейщики признались, что во время идеологических кампаний 1940-х гг. Е.М. Кузнецов спрятал от посторонних глаз часть материалов по истории дореволюционной массовой зрелищной культуры. Мне доверительно разрешили обследовать закрома здания цирка, его бесхозные помещения.

После продолжительных поисков, разгребая цирковой реквизит, в начале лета 1983 г. я обнаружил сильно помятый макет. Эта была самая радостная находка в моей жизни! И тут же созрело решение — надо устраивать выставку. Эта идея была поддержана и только что открывшейся в июне 1983 г. выставкой «Петербургские жанровые сцены», организованной сотрудниками фонда живописи и графики Музея истории города А.М. Павелкиной, Г.Б. Васильевой и К.В. Житорчуком. Жанровые сцены, главным образом XIX века, были представлены графикой, живописью и предметами декоративно-прикладного искусства.

Началась работа над составлением тематико-экспозиционного плана задуманной выставки. Музей циркового искусства любезно предоставил макет Яковлева Музею города на временное хранение, для его реставрации и экспонирования. Я разработал подробные методические указания (этот документ случайно сохранился у меня) по реставрации с восстановлением утраченных деталей и построек макета-миниа­тюры гуляний на Марсовом поле. В приложении поместил источники для реставрационных работ: фотографии, литографии, рисунки и лубки, архивные чертежи сооружений (балаганных театров, каруселей, катальных гор и торговых построек) и печатные свидетельства о гуляньях. Однако, Комбинат декоративно-прикладного искусства отказался брать на реставрацию маленький макет, заявив, что работа продолжительная и сложная, а оплата, по их расценкам, ничтожная. Меня выручила старая приятельница — художница Ленфильма Елена Серафимовна Фомина, взявшись с большим интересом и энтузиазмом бесплатно спасти макет²⁰.

А в декабре 1983 г. я выступил с докладом «Петербургские народные гулянья на масленой и пасхальной неделях» на первых чтениях «Этнография Петербурга-Ленинграда»²¹.

²⁰ 29 сентября 1984 г. на семинаре в Доме Ученых я сделал сообщение «История макета А.Я. Алексеева-Яковлева и ход его реставрации».

²¹ См.: Этнография Петербурга-Ленинграда. Тридцать лет изучения. 1974–2004. СПб., 2004. С. 14. См. также: *Конечный А.М.* Петербургские народные

Удача не покидала меня — в архивах, библиотеках и музеях к моим занятиям отнеслись с заметным интересом, мне любезно выдавали все материалы, делали необходимые копии.

При выявлении и отборе иконографического материала в большинстве случаев мне пришлось столкнуться с проблемой опознания, интерпретации и атрибуции конкретного изображения. Эта работа велась с одновременным привлечением архивных документов, периодики, исследований по истории Петербурга, каталогов выставок, свидетельств современников, сопоставлением идентичных изображений из фондов музеев Ленинграда и Москвы.

В Отделе истории города, где я работал, к выставке по гуляньям отнеслись благожелательно, одобрили мою историческую справку и тематико-экспозиционный план. Но памятуя, как администрация музея отказала мне в издании летописи повседневной и праздничной жизни города по материалам газеты «Северная пчела», я решил подстраховаться отзывом от специалистов Института этнографии, который и привожу ниже:

Отзыв

на тематико-экспозиционный план выставки «Петербургские народные гулянья и увеселения», составленный ст.н. сотр. ГМИИ
А.М. Конечным

Создание в ГМИИ выставки, посвященной народным гуляньям и увеселениям, следует всячески приветствовать. Она продолжает тематику, начало которой было положено выставкой «Петербургские жанровые сцены» и по своему содержанию будет отличаться новизной — показ городского быта вообще и народных гуляний, в частности, до сего времени почти отсутствовал в музеях. Вместе с тем вопрос о народных праздниках представляет большой научный интерес, как в контексте календарной обрядности, так и в контексте массовой бытовой городской культуры. О календарных обрядах, приуроченных церковью к православным праздникам (рождеству, пасхе и др.), но имеющих древнее языческое происхождение, имеются очень интересные монографии, вышедшие в последние годы. Что же касается городских праздников, то вопрос этот представляет практически научную целину. Следует также отметить, что выставка, посвященная петербургским гуляньям, будет, безусловно, интересна для самой широкой публики.

Тематико-экспозиционный план выставки составлен на высоком научном уровне. Краткие страницы «обоснования» основаны на большом исследовании, обобщении широкого круга источников (см. «исторические справки», составленные А.М. Конечным). «Обоснование» написано стройно, логично, тесно увязано с будущей выставкой, и, как нам представляется, в почти неизменном виде может быть использовано на экспозиции в виде трех текстов, предваряющих показ трех этапов

гуляний. Единственное замечание к тексту состоит в том, что в первом разделе говорится о «масленичных» и «весенних» гуляньях, во втором и третьем — о «масленичных» и «пасхальных». Второй вариант правильнее, т.к. весенние праздники отнюдь не исчерпываются пасхальными. Специальный показ масленичных и пасхальных гуляний интересен тем, что в них проявилась удивительная сила народных традиций, которые почти полностью перекрыли религиозную основу церковных праздников.

Подбор экспонатов для выставки представляется весьма удачным. Особенно хорошо, что среди них имеются подлинные предметы и макеты, тем более что некоторые из них можно показать в действии. Безусловно, интересны афиши и программы балаганов. Следует обратить внимание на цветовой решение выставки. Общее ее оформление может быть выполнено в театрализованном стиле.

Ст. науч. сотр. восточнославянского сектора ИЭ АН СССР,
доктор истор. наук

Т.В. Станюкович

Ст. науч. сотр. восточнославянского сектора ИЭ АН СССР,
канд. истор. наук

Н.В. Юхнёва.

Март 1984 г.

11 ноября 1984 г. в 15 часов (у меня сохранилось приглашение) в четырех залах бывшего Комендантского дома (Петропавловская крепость, 4) состоялось открытие выставки «Петербургские народные гулянья и развлечения. Конец XVIII – начало XX веков». У входа в залы, на подрамнике, находилась афиша гуляний, исполненная по моей просьбе художником А.Б. Батуриным²².

В городе еще не было рекламы выставки, поэтому на ее открытии присутствовали, в основном, музейщики — те, кто помогал в ее создании, друзья и просто любопытные, для них я и провел первую экскурсию.

На выставке было представлено около 150 экспонатов из различных фондов Государственного музея истории Ленинграда (графики и живописи, фототеки, плаката, историко-бытовой коллекции), а также материалы из собраний Отдела эстампов Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Музея циркового искусства, Ленинградского Государственного исторического архива, Государственного Русского музея, Ленинград-

²² Много времени провел я в мастерской Александра Борисовича, обсуждая различные варианты афиши, слушая его рассказы о занятиях живописью и лагерной Одиссеи, меня всегда поражала его детскость и доброта. Он умел слушать других и деликатно отстаивать свое мнение. Часто мы встречались в застолье в его доме, возвращаясь иногда с подарками его работ. В 1997 г. он лег в больницу (сердце), мы с женой навещали его. Александр Борисович не мог жить без привычных занятий, и когда он узнал, что я подготовил монографию «Быт и зрелищная культура Санкт-Петербурга — Петрограда XVIII — начало XX века. Материалы к библиографии» (СПб., 1997), то он, лежа на больничной койке, изготовил жизнерадостную обложку для книги.



Афиша выставки 1984 г.

ского Государственного музея театрального и музыкального искусства, Ленинградской театральной библиотеки им. А.В. Луначарского, Ленинградского Государственного архива кино-фоно-фото документов²³.

Экспозиция залов строилась по хронологическому принципу и отражала три периода в истории петербургских балаганов:

Первый зал. Народные развлечения в конце XVIII — первой четверти XIX в.

Второй зал. Празднества на Адмиралтейской площади (1827–1872).

Третий зал. Гулянья на Царицыном лугу (Марсовом поле), Преображенском и Семеновском плацах (1873–1901).

Четвертый зал посвящен самому любимому развлечению на праздничной площади — крытой карусели с балагуром-зазывалой — «дедом».

Следует заметить, что до начала XIX в. основным источником по истории гуляний служит изобразительный материал, так

²³ Подробнее см.: *Конечный А.М.* Петербургские народные гулянья и развлечения. Конец XVIII — начало XX в.: (Обзор выставки) // Советская этнография. 1985. № 6. С. 138–142 (с илл.).

как архивные документы по раннему периоду не обнаружены (вероятно, и не существуют), а обзоры народных увеселений появились в периодике только в 1810-х годах. Петербургский быт в эти годы не привлекал внимание русских художников, воспитанных на жанрах портрета и исторической живописи, поэтому первые зарисовки народных праздников принадлежат иностранцам, наблюдавшим неведомые им забавы. Художники-европейцы более остро воспринимали своеобразие и экзотику повседневной и праздничной жизни Петербурга. На переднем плане большинства изображений рубежа XVIII–XIX вв. находятся катальные горы (на масленице), либо перекидные качели и карусели (на пасхальной неделе). В это время на гуляньях преобладают не зрелищно-театральные формы, а развлекательные — прообраз современных аттракционов, вокруг которых и организовано пространство праздничной площади.

Изобразительный материал *первого зала* воссоздает общую картину народных развлечений конца XVIII — первой четверти XIX в., а также указывает места их проведения.

Гулянья на масленной неделе чаще всего проходили на льду (если он был крепким) Невы: против Смольного монастыря (гравюры Х.-Г. Гейслера), Литейного двора (офорт М.-Ф. Дамам-Демартре), Петропавловской крепости (гравюра Д. Кваренги, литографии Н. Серракаприола и П.П. Свинына), стрелки Васильевского острова (гравюра Й.-Е. Маркуса) и Петровской (Сенатской) площади (картина Д.-А. Аткинсона). Зимних деревянных катальных гор было всегда две (их высота достигала 20 м.), они возводились (чаще всего охтинскими плотниками) параллельно друг другу, но в разных направлениях — скатами навстречу. Помосты гор выкладывались льдом и поливались водой, а их башни украшались разноцветными флагами, елками, иногда скульптурой и «перспективными картинами», вечером освещались площадками.

В последней четверти XVIII в. горы появились и на пасхальных гуляньях — они были устроены по типу придворных катальных сооружений (как в Ораниенбауме и Царском Селе). С этих летних деревянных гор спускались по покатым желобам на колясках.

Пасхальные празднества устраивались на левобережных площадях Невы: Сенной (гравюры Х.-Г. Гейслера), Театральной (гравюра Д. Скелтона по рис. Д. Кваренги), Петровской (Сенатской; гравюра С.В. Галактионова) и на Царицыном лугу (Марсовом поле; гравюра Й.-Е. Маркуса). Центром этих гуляний были перекидные качели (круглые, маховые, подвесные) и карусели. В конце XVIII в. качели стали сооружать и на масленице.

Изобразительный материал дает представление не только о местах (топографии) проведения гуляний, но и об эволюции зрелищно-развлекательных форм народных развлечений, организации про-

странства места проведения гулянья, архитектуре и оформлении площадных построек, городских типажах и об атмосфере праздника. Заметим, что простонародные жанровые сцены возникают на многочисленных гравюрах и рисунках (реже в живописи) только в последнем десятилетии XVIII в., хотя и ранее бытовой материал присутствовал на различных изображениях города, но в качестве стаффажа. Художники-иностранцы, запечатлев, прежде всего, в своих рисунках экзотические, на их взгляд, сооружения — горы, качели и карусели, часто позже наряжали гуляющий на праздничной площади петербургский люд в придуманные одеяния.

Возле гор и качелей располагались небольшие строения в виде шалашей («лубошных») или сараев, получившие с 1820-х годов устойчивое название «балаганов», а сами праздники часто стали называть: гулянья «на горах», «на балаганах» (масленица) и «под качелями» (на Пасху). В этих деревянных (или из лубка) постройках выступали кукольники, вольтижеры, фокусники, давали представления комедианты.

Первые три или четыре дня праздника стечение гуляющих было не так велико. Но уже с четверга (эта традиция сохранилась и в XIX в.) почти весь город собирался у гор и качелей. Светская публика и состоятельные горожане выезжали на гулянье, чтобы продемонстрировать новые экипажи и моды, а также посмотреть на забавы народа, который, в свою очередь, с любопытством взирал на множество карет или саней, опоясывающих толпу и постройки. Праздничная площадь превращалась в своеобразную сцену (театр в театре), а участники гуляний были одновременно зрителями и действующими лицами.

Гулянья продолжались неделю (от воскресенья до воскресенья), открывались они в полдень по выстрелу сигнальной пушки²⁴ и с подъема разноцветных флагов²⁵ на всех крупных постройках, в восемь часов вечера праздника прекращались.

Празднества на Адмиралтейской площади (1827–1872), которым посвящен *второй зал* выставки, — период апогея театрально-зрелищного искусства и формирования классического типа гуляний «на балаганах».

Дважды в году (на масленой и пасхальной неделях) на площади возводился развлекательный городок, растянувшийся на расстояние более километра от Дворцовой до Исаакиевской площа-

²⁴ Полуденный выстрел с 1732 г. производился с Петропавловской крепости, в 1865–1872 гг. пушка находилась во дворе Адмиралтейства, с 1873 г. — на Нарышкином бастионе Петропавловской крепости.

²⁵ Что означала расцветка флагов или изображений на них: конкретную символику, принадлежность к определенному государству или частному лицу? — установить не удалось.

ди. Первую линию занимали большие балаганы (преобладали театры), обращенные фасадами к Невскому проспекту. Вдоль Адмиралтейства тянулись две катальные горы (всегда скатами навстречу друг другу) и располагались мелкие строения. По торцам второй линии, перпендикулярно ей, также стояли балаганы. Всего на площади находилось до 16 балаганов (в среднем 12), длина и высота их не регламентировалась, а ширина с 1836 г. была ограничена до 10 сажен (21 м). С 1867 г. с торгов в Городской Думе стали отдавать все постройки для народных праздников, разрешив за отдельную плату оставлять не сломанными балаганы и карусели после окончания масленицы на время Великого поста до гулянья на пасхальной неделе.

Главным развлечением горожан становятся многожанровые представления в балаганных театрах (в них шли короткие военные и приключенческие пантомимы, ставились «живые картины», выступали фокусники и вольтижеры и т.д.). В 1830 г. в балагане Лемана горожане впервые увидели пантомиму-арлекинаду, ставшую навсегда самым любимым театральным зрелищем.

Соперником площадных театров была большая карусель с балагуром-зазывалой — «дедом». Изобразительный материал выставки дает возможность проследить историческую трансформацию карусели от деревенского «масленичного колеса» XVIII в. (колесо от телеги насаживалось на замороженный в лед Невы столб, а по радиусам устанавливались перекладины с санями) до внушительного сооружения середины XIX в. — большой крытой карусели, представляющей собой синтез аттракциона и театрализованного зрелища (внутри карусели, в центре ее, находилась круглая сцена для представления «живых картин», коротких пантомим, танца), — публичка, кружась в лодочках или вагончиках, наблюдала представление. Подобная карусель, по мнению социолога А.Г. Левинсона, как «действие-зрелище повторяла в миниатюре всю систему гулянья»²⁶.

Всё это можно было увидеть в зале на литографиях К.П. Бегрова и В.Ф. Тимма, акварели В.С. Садовникова, гравюре Л.А. Серякова, картине «У балаганов» и др., а также на лубках и редких фотографиях 1860-х гг. (горы, качели и карусели; балаган купца Малафеева с рекламой-щитом пантомимы «Битва русских с кабардинцами» и др.).

Особое внимание на выставке было уделено одной из любимых народных забав — райку, представленному в экспозиции макетом «Потешная панорама» и популярными лубками, которые демонстрировались в нем («Мыши погрёбают кота», листы из серии «Раёк», «Последний день разрушения города Помпеи» и др.)

²⁶ Левинсон А.Г. Развитие фольклорных традиций русского искусства на народных гуляньях. Машинопись. М., 1980. С. 146.



Зал выставки 1984 г. (слева — раёк)

под произвольный рассказ, который иногда не соответствовал сюжету картинки, владельца панорамы (раёшника)²⁷.

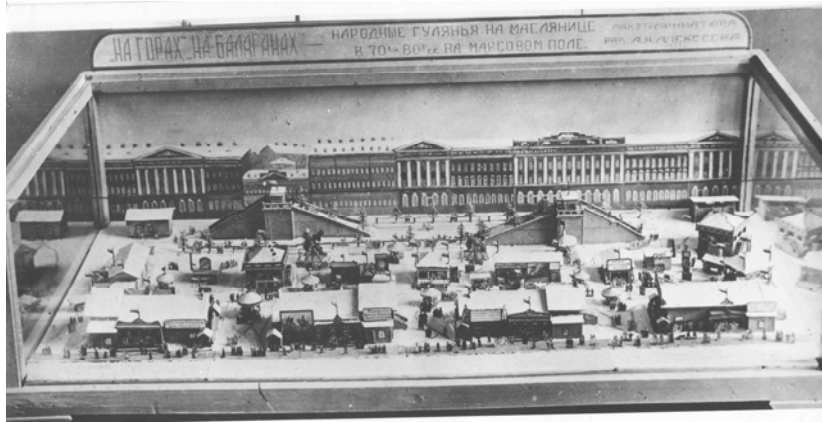
Напротив «Потешной панорамы» располагались ширма и куклы театра «Гиньоль» (изготовлен в 1867 г.; аналог русского Петрушки).

В 1830-х годах на гуляньях появились специальные постройки — «панорамы» (или «косморамы»), в которых демонстрировались живописные виды городов, экзотических уголков Европы и памятные исторические события. На выставке эту функцию выполнял старинный стереоскоп XIX века — оптическое устройство для объемного показа видовых фотографий на стекле.

Специально для детей мои друзья с «Ленфильма» (В. Лукин и В. Коковкин) оборудовали моторчиком праксиноскоп — металлический цилиндр с прорезями (прообраз кинематографа), куда вставлялись раскрашенные ленты с рисунками акробатов, фокусников и пр. Дети могли нажать кнопку, праксиноскоп начинал вращаться с определенной скоростью и фигурки приходили в движение²⁸.

²⁷ См.: Петербургский раёк. СПб.: Гиперион, 2003.

²⁸ Приводим отзыв (без правки) школьника на выставку: «Лебедев Стас, 10 лет, 4 класс. Мне здесь понравилось, но больше всего праксиноскоп, когда он крутится там из-за картинки с акробатом получается что он бегаёт на руках и дрыгает ногами на которых прыгает кот. Мне ещё понравилась фотография, на которой изображена картина гора, отвесная пропасть. Жалко что нет в панораме картинок. Смешные были яички, музыка шарманки была хорошей шум толпы смешной. Картинка катание на Неве очень красиво нарисована смешной был петрушка. Я сказал о том который сидит с права что им можно детей пугать. На выставке мне очень понравилось большое спасибо».



Макет А.Я. Алексеева-Яковлева. 1930-е

О характере репертуара балаганов свидетельствуют подлинные афиши: «Цирк и Большой театра обезьян Ф. Липпарда» (1865), «Народный Пантомимный театра В. Берга» (1866) и копия рукописи представления в балагане В. Берга «Путешествие в ад купца Угорелова» (1871).

Экспонировались также копии документов: план расположения построек и список арендаторов балаганов во время масленичного гулянья 1854 г. (с указанием фамилий и подданства арендаторов, размера балагана и жанра представления в нем) и чертеж балагана Малафеева.

Жанровые сцены масленичных и пасхальных гуляний представлены фарфоровыми изделиями знаменитых петербургских заводов из бытовой коллекции Музея города — статуэтками и рисованными пасхальными яйцами, ранее принадлежавшими императорской семье.

На выставке можно проследить, как меняется техника изображения гуляний: на смену гравюре в 1820-х годах приходит литография, позднее лубок и фотография (особенно в 1890-х гг.).

Третий зал отведен гуляньям, которые проходили на Царицыном лугу (1873 — масленица 1897), Преображенском (пасхальное гулянье 1897 г.) и Семеновском плацах (1898–1901).

Главный экспонат этого зала — уникальный макет-миниатюра (длина 84 см, ширина 43 см) под авторским названием ««На горах». «На балаганах». Народные гулянья на масленице в 70-х — 80-х гг. на Марсовом поле», исполненный в начале 1930-х гг. А.Я. Алексеевым-Яковлевым и реставрированный художницей Е.С. Фоминой в 1983 г.

На макете воссоздан весь комплекс сооружений на Царицыном лугу (Марсовом поле): балаганные театры (и вывески на них),

катальные горы, «Большой самокат Николаева», карусели, качели, тир, «Музей восковых фигур», пожарное депо, полицейский пикет, торговые палатки («Берлинские пышки» и др.) и пр.

И хотя на Марсовом поле количество больших балаганных театров уменьшилось до четырех-пяти, они всё еще не потеряли былой притягательности. Однако, как свидетельствуют фотографии знаменитого мастера К. Булла, здесь отчетливо прослеживается тенденция к развитию и совершенствованию аттракционных форм: на гуляньях появляется карусель в виде парусных лодок, которые, кружась, покачивались, как на волне; летние катальные горы превращаются во внушительное механическое сооружение, получившее экзотическое название «американских гор»; перекидные качели обретают очертания паркового «Колеса обозрения».

Этот период гуляний, помимо фотографий, представлен также рисунками, лубками, афишами бенефиса клоуна Анатолия Дурова и балаганных театров (А. Берг, В. Егарева, А. Лейферта, Легата), программами и рукописями балаганных постановок, фарфоровыми статуэтками завода Гарднера. Завершает зал афиша общества «Старый Петербург», приглашающая в марте-апреле 1922 г. в Городскую Думу на «вечера, посвященные воспоминаниям о былых петербургских балаганах».

Четвертый зал посвящен самому любимому развлечению на праздничной площади — крытой карусели с балагуром-зазывалой — «дедом», который «заводил» толпу своими выкриками-прибаутками (часто непристойными) и зазывал покататься внутри карусели и одновременно посмотреть короткое представление на маленькой сцене в центре сооружения. На Марсовом поле крытая карусель с «дедом» получает свое завершение в «Большом самокате», который приводился в движение паровой машиной.

На стене, в центре этого зала, помещена огромная фотография «Большого самоката» с «карусельным дедом», слева у стены атрибуты «балагура» — залатанный армяк и лапти, под фотографией «Большого самоката» — стол с предметами для торговли на гуляньях: чайник с подогревом для сбитня, чайник для кваса, кринка для моченых груш, кружки, миска, полотенце. На стене справа повешена знаменательная афиша общества «Старый Петербург», извещающая о «грандиозных рождественских гуляньях» в манеже Николаевского кавалерийского училища с 30 декабря 1923 г. по 7 января 1924 г.

Однако, попытка общества «Старый Петербург» применить традиционные формы народных гуляний к новым социально-общественным условиям была обречена на провал.

Уходя с выставки, желающие могли включить и послушать записи шарманки и выкриков площадных торговцев.

На выставку сразу отреагировали газеты, радио и телевидение²⁹, которые явно предчувствовали грядущие перемены. (Период с 1982 по 1985 г., когда скончались три генеральных секретаря (Брежнев, Андропов и Черненко), мы позже окрестили: «Пятилетку в три гроба!»: парафраз сталинского призыва «Пятилетку в три года!») Благодаря широкой и разнообразной рекламе, яркой и необычной афише, уже через несколько дней резко увеличился приток посетителей.

В постоянных экспозиционных залах Комендантского дома и на временных выставках можно было взять (при входе или у смотрителей) для написания отзыва небольшой листок, изготовленный в типографии и утверждённый Управлением культуры, следующей формы:

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ
ЛЕНИНГРАДА
ОТЗЫВ

Фамилия, имя, отчество....
Возраст....
Образование....
Профессия....

Эти листки временами забирал кто-нибудь из администрации — для ознакомления. К сожалению, посетители часто забывали поставить дату посещения выставки, поэтому выстроить хронологический ряд впечатлений и мнений об увиденном — не представляется возможным. Приведу несколько отзывов, сохранившихся у меня.

Естественно, что первыми желанными гостями стали этнографы: группа сотрудников Отдела этнографии восточных славян и Б.Н. Путилов (1919–1997), известный фольклорист, в те годы руководитель Группы общих проблем Института этнографии.

«Экспозиция “Петербургские народные гулянья и развлечения” представляет значительный научный и общественный интерес. Она показывает одну из интереснейших сторон быта старого Петербурга — неотъемлемую часть истории нашего города. Ее научная актуальность,

²⁹ У меня сохранился список откликов, который я составил для музейного отчета: *Воскресенская М.* Гулянье под шарманку. Выставка в Комендантском доме // Ленинградская правда. 1984. 17 ноября. — Телепрограмма «Ленинград» (репортаж С.В. Захаровой) 22 ноября 1984 г. — Интервью по радио «Ленинградская панорама» (вела Т.В. Мартыненко) 25 ноября 1984 г. — Телепрограмма «Контур» (репортаж о выставке; режиссер Е.Г. Плугатырева, вела Н.В. Оболенова) 30 декабря 1984. Повторена на Москву 6 января 1985 г. — Телепрограмма «Куранты» (мой сценарий «Петербургские развлечения») 2 февраля 1985 г. Повторена 17 февраля (на масленицу) 1985 г. и 2 февраля 1986 г.

помимо прочего, заключается еще и в том, что она включается в начавшиеся (или точнее — возобновленные) исследования по этнографии до-революционного Петербурга — современного Ленинграда.

Необходимо отметить, что строительству экспозиции предшествовала значительная и полезная изыскательская работа — выявление и собирание материалов по истории народных гуляний.

Экспозиция хорошо смотрится и построена логично и интересно.

Помимо исторического достоинства экспозиция обладает и вполне актуальной информацией. Известно, что современное конструирование бытовых безрелигиозных обрядов далеко не всегда оказывается удачным как раз потому, что не используются старые городские (не деревенские!) традиции праздников и развлечений.

Единственное наше пожелание заключается в следующем: на экспозиции явно недостает игрушек, которые всегда массами продавались во время народных гуляний.

Сотрудники Института Этнографии Акад. Наук СССР

Зав. Отделом этнографии восточных славян, член-корреспондент АН СССР К. Чистов.

Ст. научн. сотрудник ЛОИЭ, докт. ист. наук Т. Станюкович.

Ст. н. сотр. ЛОИЭ, канд. ист. наук Н. Юхнёва.

Ст. н. сотр. ЛОИЭ, канд. ист. наук Е. Иванова.

м.н.с. ЛОИЭ, канд. ист. наук Ф. Люшкевич.

Ст. н. сотр. ЛОИЭ, канд. ист. наук Т.К. Шафрановская.

27/XI. 84 г.»

«Путилов Борис Николаевич, высшее, доктор филолог. наук, ст. научн. сотр. Ин-та этнографии А.Н. СССР

Выставка замечательна, необычайно интересная, соответствует в высокой степени широкому интересу к быту и культуре старого Петербурга-Ленинграда.

За нею — очень большая, трудоемкая работа организаторов.

Наши предложения:

1) Сохранить выставку как экспозицию.

2) Найти возможным материалы ее закрепить в специальном издании — в виде каталога или книги.

Спасибо за ценное и интересное начинание.

Б. Путилов»

В отзыве этнографов содержится важное для этих лет свидетельство: «Ее [выставке] научная актуальность, помимо прочего, заключается еще и в том, что она включается в начавшиеся (или точнее — возобновленные) исследования по этнографии до-революционного Петербурга — современного Ленинграда». Напомню, что в 1983 г. в Институте этнографии состоялись первые чтения «Этнография Петербурга-Ленинграда», положившие начало ежегодной конференции (1983–2003)³⁰.

³⁰ См. список докладов (1983–2003): Этнография Петербурга-Ленинграда. Тридцать лет изучения. 1974–2004. СПб., 2004, С. 14–22. Помимо докла-

Б.Н. Путилов также отмечает, что выставка «необычайно интересная, соответствует в высокой степени широкому интересу к быту и культуре старого Петербурга-Ленинграда» и предлагает сохранить выставку в постоянной экспозиции Музея города и издать ее каталог.

С филологами З.Г. Минц и Ю.М. Лотманом мы часто с Ксенией Кумпан общались в Тарту и Питере — на конференциях и в домашнем застолье. В нашей однокомнатной квартире (на улице Беринга) Юрий Михайлович даже вел семинар по быту Павловской эпохи, а с Зарой Григорьевной обсуждали архивные находки для готовящегося блоковского тома «Литературного наследства». В один из их приездов, зимой 1985 г., я пригласил на выставку З.Г. Минц и Ю.М. Лотмана (вспоминаю, как Юрмих долго рассматривал огромный лубок³¹ «Последний день разрушения города Помпеи»³²):

«Лотман Юрий Михайлович, 63 г., высшее, филолог, историк культуры

Выставка имеет огромное культурное и общественно-воспитательное значение: она показывает *подлинно народную культуру*, те стороны народной жизни и народного духа, которые так любил Пушкин, и которые питали творчество А.Н. Островского и многих др. деятелей русской культуры. Т.к. эта сфера народной жизни совершенно не изучена, то очевидно, что создатели выставки проделали огромную *самостоятельную научную работу*. Эту работу необходимо поддержать и продолжить. Это отвечает насущным сегодняшним задачам нашей науки и культуры.

Доктор фил. наук, проф. Ю. Лотман»

Юрий Михайлович всегда призывал изучать *«подлинно народ-*

да о гуляньях (1983 г.), о котором упоминалось выше, я сделал еще два сообщения по тематике выставки: «Петербургский раёк» (1985; с показом лубков) и «Петербургский балаганный режиссер А.Я. Алексеев-Яковлев» (1996).

³¹ Лубкам, их театрализованной природе, Ю.М. Лотман посвятил статью: Художественная природа русских народных картинок // Народная гравюра и фольклор в России XVII–XIX вв. М., 1976. С. 247–267.

³² Возможно, этот лубок сподвинул Ю.М. Лотмана написать статью «Замысел стихотворения о последнем дне Помпеи» (Пушкин и русская литература: Сб. научных трудов. Рига, 1986. С. 24–33), где он пишет: «В 1834 г. в Петербурге была выставлена для обозрения картина Карла Брюллова “Последний день Помпеи”. На Пушкина она произвела сильное впечатление. Он сделал попытку срисовать некоторые детали картины и тогда же набросал стихотворный отрывок» (С. 24–25).

Гравированный лубок «Последний день разрушения города Помпеи» (55,5×65,5) был изготовлен в апреле 1834 г., после показа картины К. Брюллова в Париже, и получил широкое распространение в обеих столицах и в провинции; его можно было часто увидеть и в купеческих домах.

ную культуру», посвятив этой теме, к примеру, статью «Блок и народная культура города»³³.

«Минц З.Г., 58 л., высшее, филолог-русист

Выставка не только необыкновенно интересно смотрится, но и имеет большой научный интерес. Так, например, экспонаты выставки дают живой материал для понимания драмы Ал. Блока «Балаганчик» (петербургские «арлекинады»), стихотворений «Верная суббота» (выставленные экспонаты: фарфоровые статуэтки, яйца, игрушки и т.д.). Выставка позволяет реконструировать черты ушедшего быта и народной культуры, что очень важно для практики современного театра и кино.

Профессор ТГУ, докт. филол. наук З. Минц»

Зара Григорьевна стимулировала мои занятия балаганами, особенно интересуясь, в связи с А. Блоком, постановкой арлекинад³⁴.

Режиссеры театра и кино, как и З.Г. Минц, отмечают, что «выставка-исследование необычайно важна» для всех работников театра для «оживления и восстановления фольклорных истоков театра», «обновления репертуара выразительных средств»:

«Тименчик Роман Давыдович, 40 лет, канд. филол. наук, зав. лит. частью ТЮЗ Латв. ССР

Эта выставка-исследование необычайно важна для всех работников советского театра, для режиссеров, сценографов, драматургов, ныне, как никогда, озабоченных проблемами связи Театра и Города, решения околосценического и внесценического пространства, вовлечение публики в театральное действие, оживления и восстановления фольклорных истоков театра. В ознакомлении с этой выставкой нуждаются все, кто сегодня работает в театре, кто ищет обновления репертуара выразительных средств. Сама по себе логика развертывания экспозиции на редкость «драматургична», выставка сама становится маленьким спектаклем. Хочется искренне поблагодарить организаторов за содержательное, умное и поучительное зрелище.

Р. Тименчик»

«Волков Леонид Михайлович, 50 лет, высшее, кинорежиссер

За свою творческую жизнь мне приходилось часто снимать фильмы, посвященные истории нашего города. Сегодня я понял, что не видел этот материал раньше. Насколько интереснее, выразительнее и исторически точнее можно было бы решать эпизоды.

³³ См.: Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики. Блоковский сборник IV. Тарту, 1981. С. 7–26.

³⁴ См.: *Минц З.Г.* В смысловом пространстве «Балаганчика» // Семиотика пространства и пространство семиотики. Труды по знаковым системам XIX. Тарту, 1986. С. 44–53. Автор благодарит меня за возможность ознакомиться с рукописью «Петербургские гулянья на балаганах».

Благодарю за необычную, яркую, необыкновенно полезную выставку.

Секретарь Союза кинематографистов СССР, лауреат Госпремии СССР

Л. Волков. 1/XII. 84 г.»

«Пухарев Юрий Михайлович, 35 [лет], высшее, режиссер

Мое впечатление можно выразить даже в одном слове: это удивительно! Удивительно и прекрасно! Трудно переоценить значение этой выставки: она и познавательна — где еще можно одновременно увидеть столь редкое собрание материала? — и полезна как для профессионалов, так и для всех остальных! Необходимо не терять столь прекрасное начало. Жаль, что нет каталога выставки. Хорошо бы на основе собранного материала поставить театрализованное представление, составлять его будет истинный материал, да мало ли что еще может быть?! Пропаганда русской культуры в том и заключается, и она необходима. Чем шире и глубже мы будем изучать истоки нашей культуры, тем более основанной надеяться на богатство современной.

Еще раз глубоко благодарю устроителей выставки за их гигантской труд, самоотверженность, в частности, Конечного Альбина Михайловича.

Ю. Пухарев»

«Коллектив Ленинградского театра кукол-марионеток с огромной признательностью благодарит организаторов этой *уникальной* экспозиции, представляющей одну из ярчайших страниц русской (и Петербургской) культуры и истории. Будет очень обидно, нелепо и негосударственно, если эта экспозиция, после окончания в этом зале, не найдет своего продолжения.

Необходим *каталог* этой уникальной выставки, и последующая экспозиция в различных выставочных залах Ленинграда и других городов.

Большая благодарность Альбину Михайловичу Конечному — организатору, создателю и *душе* этой выставки. Кропотливый, вдумчивый, научный подход в организации этой экспозиции виден во всём!

Большое спасибо!

По просьбе всех участников экскурсии — главный режиссер театра, з.д.и. РСФСР

В.Н. Лопухин»

В июле 1985 г. я и завлит театра кукол-марионеток Н.Д. Румянцева сочинили сценарий представления «Раёк», сыгранный актерами этого театра на специальном вечере.

Осмотрел выставку композитор и известный ученый И.В. Мациевский, написавший в эти годы музыку к трем нашумевшим в городе фольклорным фильмам: «Нескладуха» (1979), «Барабаниада» (1981) и «Небывальщина» (1983):

«Мациевский Игорь Владимирович, композитор, этноинструментовед, высшее, кандидат искусствоведения, зам. пред. Фольк[лорной]

комис. Союза композиторов СССР

Прекрасная выставка! Заслуживает всяческой поддержки и повторения, может быть, и еще более широкого. Хорошо бы сделать каталог и опубликовать материалы этой выставки отдельной книгой. Хорошо бы также попытаться сделать живую реставрацию отдельных эпизодов.

Поздравляю с большим успехом!

И. Мацевский»

Благодарю известного востоковеда Юрия Львовича Кроля за значимый для меня разговор о лубках и оценку выставки:

«Кроль Юрий Львович, 53 года, высшее, востоковед, ст.н.с. ЛО ИВ АН СССР

Выставка, посвященная народным празднествам старого Петербурга, произвела на меня самое лучшее впечатление. Благодаря усилиям, высокому профессиональному уровню и любви к делу ее организаторов удалось собрать, определить, связать в систему и представить яркий материал, доселе сокрытый от внимания ленинградцев. Перед глазами зрителя — целая страница почти неизвестного ему аспекта истории города, страница, помогающая понять и осмыслить существенные стороны родной культуры.

Чрезвычайно желательно, чтобы эту выставку увидело как можно большее число людей и чтобы она *была превращена в постоянную*.

Ю. Кроль»

Особая признательность искусствоведам за ценные советы и постоянную поддержку:

«Н.Т. Яглова, М.Ф. Коршунова, Е.И. Кириченко — Высшее, искусствоведы, кандидаты наук — Институт им. Репина, Государственный Эрмитаж, ВНИИ искусствознания.

Выставка знакомит с совершенно неизвестной областью культурной жизни города дореволюционной России. До сих пор изучается сфера профессионального театра, а между тем в прошлом, наряду с ним, существовала самостоятельная традиция народных празднеств, объединявших в неразрывном единстве явления, впоследствии приобретшие самостоятельность. Экспозиция имеет не только познавательную ценность, но и художественную. Начинание кажется нам очень плодотворным и своевременным, и поэтому было бы чрезвычайно желательно продолжение этой работы в экспозиционной деятельности музея.

Н. Яглова.

М. Коршунова.

Кириченко»

«Левинсон Алексей Георгиевич, 1944 г. рожд., высшее, канд. искусствоведения (история театр. искусства), искусствовед.

Выставка является первым в нашей стране научно выполненным собранием уникальных материалов по одной из важнейших форм отечественной демократической культуры. Учитывая общий объем экспозиции, можно сказать, что представлены полно и с вполне обоснованным отбором важнейшие источники и документы по истории народных гу-

ляний. Выставка несомненно послужит стимулом для дальнейших изысканий в области русской народной культуры. Администрация и научные сотрудники сделали замечательное дело, дав возможность широко зрителю и специалистам ознакомиться с материалами, которые практически не были известны до сих пор, за некоторыми исключениями. Хочется надеяться, что музей продолжит начатую работу, научная, пропагандистская и культурная ценность которой очень высока.

Зав. сект. ВНИИ тех. эстетики А. Левинсон»

На выставке побывали представители разных профессий — сотрудники Музея этнографии народов СССР, Музея В. Маяковского (Москва), Музея фресок Дионисия (Ферапонтов монастырь), Музея под открытым небом (Архангельск), искусствоведы, научные работники, преподаватели, студенты, инженеры, дети с родителями, а также: архитектор, архивист, биохимик, комсомольский работник, плановик, строитель, режиссер массовых праздников, метрдотель из Сухуми, тракторист из Ташкента и др.

Однако цензура по-прежнему не дремала. Довольно скоро после открытия выставки мне позвонила смотрительница залов — пенсионерка, восторженная приверженица музейной профессии, и сообщила, что по выставке ходят две нелюбезные дамы с двумя парами очков (что особенно её поразило) и переписывают все этикетки к экспонатам (вот тогда я и забрал для защиты выставки ряд отзывов). А вскоре меня вызвали в дирекцию музея и заявили, что Управление культуры считает недопустимым появление подобной выставки, пропагандирующей дореволюционные праздники, и к тому же с религиозной тематикой (узрели пасхальные императорские фарфоровые яйца!³⁵). Чиновники проявили полное непонимание и неприятие петербургских «народных гуляний».

Нависла угроза демонтажа выставки. Но для этого нужно было собрать специальную комиссию, куда обязательно, кроме администрации и меня, должны были войти художник и монтажники, которые, получив деньги за работу, исчезли в неизвестном направлении ловить рыбу.

И снова за поддержкой я обратился к этнографам и искусствоведам.

5–7 марта 1985 г. в Институте этнографии проходили вторые чтения «Этнография Петербурга-Ленинграда» при участии мос-

³⁵ В конце 1985 г. в Музее истории города прошла отчетная профсоюзная конференция, на которой обсуждали итоги года. Как рассказали мне коллеги, несколько выступающих отметили особый успех выставки по гуляньям. Директор ГМИЛ Л.Н. Белова (1924–1993), преданная музейному делу и высокому начальству, вдруг неожиданно закричала: «Опять Конечный с его яйцами!» Так и прозвали меня за глаза: «Конечный с его яйцами».

ковского Института этнографии. В программу конференции входила экскурсия на выставку³⁶.

«Группа участников проводимой Институтом этнографии Акад. Наук СССР научной конференции, посвященной этнографии Петербурга-Ленинграда [5–7 марта 1985 г.], этнографы

Выставка в музее города Ленинграда, посвященная народным гуляньям, чрезвычайно интересна и важна для понимания истории и быта старого Петербурга и русского народного быта вообще. Можно представить себе, какой огромный труд музейных работников, собравших в различных хранилищах столь разнообразный и интересный материал и подготовивших прекрасную уникальную экспозицию, вложен в это полезное дело. В результате на ярких и убедительных экспонатах раскрыта интересная область городского быта, ранее не представленная ни в одном музее. Выставка несомненно послужит в дальнейшем для пополнения экспозиции Музея. Она имеет и практическое значение в связи с устройством народных гуляний и празднеств, приобретающих все большее значение в современном общественном быте. Для научных работников она важна в связи с разработкой проблем этнографии города, роли городской культуры в развитии народной русской культуры в целом. Многие экспонаты до устройства выставки были мало известны даже специалистам.

Подготовивший выставку А.М. Конечный сумел не только собрать материал, но и применить остроумные экспозиционные приемы, сделавшие этот материал доходчивым, понятным, доступным широким кругам ленинградцев и гостям города.

Следовало бы издать каталог выставки и во всяком случае зафиксировать выставку, являющуюся несомненным достижением музея.

М.Г. Рабинович, доктор историч. наук, член Научного совета по музеям Министерства культуры СССР.

О.Р. Бурина, кандидат ист. наук, сотр. Института этнографии АН СССР (Москва).

Е. Филиппова. Ин-т этнографии, Москва».

Этнографы отметили: в экспозиции «на ярких и убедительных экспонатах раскрыта интересная область городского быта, ранее не представленная ни в одном музее», и выразили пожелание — «выставка несомненно послужит в дальнейшем для пополнения экспозиции Музея» и «следовало бы издать каталог выставки и во всяком случае зафиксировать выставку, являющуюся несомненным достижением музея».

Приехали отстаивать выставку и сотрудники Института искусствознания Министерства культуры:

«Всесоюзный научно-исследовательский институт искусствознания МК СССР, сектор народного творчества
Научные сотрудники сектора народного творчества Всесоюзного

³⁶ См.: Этнография Петербурга-Ленинграда. Тридцать лет изучения. 1974–2004. СПб., 2004. С. 15–16.

НИИ искусствознания МК СССР ознакомились с выставкой “Петербургские народные гулянья и развлечения. Конец XVIII — начало XX веков”.

Считаем, что Главное управление культуры Исполкома Ленсовета, Государственный музей истории Ленинграда — создатели этой выставки, сделали значительный вклад в изучение истории отечественной культуры.

Проблема корней народной культуры, ее генезиса и преемственности новых форм всё более явственно осознается как одна из важнейших в общем ряду вопросов становления, развития и дальнейшего совершенствования социалистической культуры.

Своеобразным эпиграфом к выставке могут служить плакаты Общества изучения, популяризации и художественной охраны Старого Петербурга 1923 и 1924 гг., свидетельствующие о том, что важность сохранения традиции живой городской культуры такого историко-культурного центра, каким является Ленинград, осознавалась уже в первое послереволюционное десятилетие.

Коллектив сектора, работая над 1-м томом «Истории художественной самодеятельности народов СССР», знает многие свидетельства преемственности традиции народных гуляний в послереволюционной действительности.

Претворение форм в современных праздниках и тех праздниках будущего, которые предстоит создавать, не может не опираться на традиции, которые должны быть всесторонне рассмотрены и научно осмыслены.

Неотъемлемой частью этого многосложного и важного дела уже стала настоящая выставка. Не сомневаемся, что она многократно будет отражена в научных работах многих исследователей — в частности, и в трудах нашего института.

Выражаем особую благодарность горячему энтузиасту изучения отечественной культуры, культуры жемчужины отечественной истории — Ленинграда — ст. научному сотруднику музея истории Ленинграда Альбину Михайловичу Конечному, уделившему не один час времени для подробнейшего рассказа о выставке и большой работе, ведущейся отделом истории города Музея, исследователю вдумчивому и глубоко компетентному.

Зав. сектора, и.о. профессора, Л.П. Солнцева

Кандидаты искусствоведения:

Соколовская А.Л.

Богемская К.Г.

Румянцев С.Ю.

Уч. секретарь сектор Максимов В.Н.

30.03.85»

Но призыв авторитетного института: «Считаем, что Главное управление культуры Исполкома Ленсовета, Государственный музей истории Ленинграда — создатели этой выставки, сделали значительный вклад в изучение истории отечественной культуры» — не был услышан.

2 апреля 1985 г. выставка прекратила свое существование, и вскоре была полностью разобрана, ей не нашлось места в многозальной постоянной экспозиции по истории Петербурга в Комендантском доме Петропавловской крепости, она не была зафиксирована, каталог не издали, а мои отношения с администрацией после скандала оставляли желать лучшего.

Однако, несмотря на косность и охранительскую позицию чиновников, интерес к изучению прошлого, в частности к повседневной жизни, заметно возрастал: появлялись новые публикации, открывались выставки с исторической тематикой и т.д.

Здесь уместно вспомнить знаменательную статью архивиста и историка Ю.Н. Афанасьева «Прошлое и мы» (кстати, я показывал ее администрации музея, но без пользы), опубликованную в журнале «Коммунист» (1985. № 14. С. 105–166), в которой автор призывает исследовать историю без изъятий и идеализации.

Заметным событием в 1985 г. (год начала «перестройки») стала Межвузовская научно-практическая конференция «Досуг, игра и гармоническое развитие личности», которая прошла 27–29 ноября в Доме ученых³⁷, где с докладом «Игровые структуры в системе социального действия» выступил известный социолог Ю.А. Левада.

А 5 декабря 1986 г. во Дворце работников искусств им. К.С. Станиславского был устроен вечер (у меня сохранилось приглашение) в двух отделениях: 1. Петербургские площадные народные праздники (с моим рассказом). 2. Городской музыкально-песенный фольклор (выступал Ленинградский камерный фольклорный ансамбль).

Выставка послужила началом моих исследований и публикаций по зрелищно-бытовой культуре Старого Петербурга и выступлений с докладами и лекциями в Европейском университете Санкт-Петербурга и в зарубежных университетах (Америки, Германии, Италии, Швейцарии, Японии).

Литература

Конечный А. Булгарин бытописатель и Петербург в его очерках // Петербургские очерки Ф.В. Булгарина. СПб.: ИД «Петрополис», 2010. С. 5–42.

Конечный А. Быт и зрелищная культура Санкт-Петербурга — Петрограда XVIII — начало XX века. Материалы к библиографии. СПб.: РИИИ, 1997. 164 с.

Конечный А.М. Петербургские народные гулянья и развлечения. Конец XVIII — начало XX в.: (Обзор выставки) // Советская этнография. 1985. № 6. С. 138–142.

³⁷ Конференция была организована Высшей профсоюзной школой культуры, Ленинградским гос. университетом, Ленинградским институтом авиационного приборостроения. На конференции я делал сообщение «Игровые зрелищно-развлекательные формы петербургских площадных народных праздников в XIX в».

Конечный А.М. Петербургские народные гулянья на масленой и пасхальной неделях // Петербург и губерния: Историко-этнографические исследования. Л.: Наука, 1989. С. 21–52.

Конечный А. Последний адрес Блока // Литературное обозрение. 1980. № 11. С. 97–99.

Левинсон А. Опыт социографии: Статьи. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 664 с.

Лотман Ю.М. Блок и народная культура города // Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики. Блоковский сборник IV. Тарту, 1981. С. 7–26.

Лотман Ю.М. Художественная природа русских народных картинок // Народная гравюра и фольклор в России XVII–XIX вв. М.: Сов. художник, 1976. С. 247–267.

Миц З.Г. В смысловом пространстве «Балаганчика» // Семиотика пространства и пространство семиотики. Труды по знаковым системам XIX. Тарту, 1986. С. 44–53.

Петербургские балаганы / Изд. подгот. А.М. Конечный. СПб.: Гиперион, 2000. 256 с. (Сер. «Забытый Петербург».)

Петербургский райк / Изд. подгот. А.М. Конечный. СПб.: Гиперион, 2003. 94 с. (Сер. «Забытый Петербург».)

Филлипов Борис. Ленинградский Петербург в русской поэзии и прозе. Paris: La Presse Libre, 1974. 72 с.

Щеглов Юрий. Антиробинзонада Зошенко: Человек и вещь у М. Зошенко и его современников // Die Welt der Slaven. München, 1999. Bd. XLIV. S. 225–254.

Этнография Петербурга-Ленинграда. Тридцать лет изучения / Ответств. ред.-составитель Н.В. Юхнева. 1974–2004. СПб.: МАЭ РАН, 2004. 402 с.

Bannai Tokuaki. A. Konechnyi's works on Pre-revolutionary Popular Fairs and Amusements — One of the First Researches of Russian Cultural Studies in the Last Period of Soviet Regime // Journal of the Open University of Japan. 2016. № 34. P. 93–108.

References

Bannai Tokuaki. “A. Konechnyi's Works on Pre-revolutionary Popular Fairs and Amusements — One of the First Researches of Russian Cultural Studies in the Last Period of Soviet Regime”. *Journal of the Open University of Japan*. 2016, № 34, pp. 93–108. (In Jap.)

Etнография Петербурга-Ленинграда. Тридцать лет изучения, 1974–2004, ed., comp. N.V. Iukhneva. St.Petersburg: MAE RAN Publ., 2004. 402 p. (In Russ.)

Filippov Boris. *Leningradskii Peterburg v russkoi poezii i proze*. Paris: La Presse Libre, 1974. 72 p. (In Russ.)

Konechnyi A. “Bulgarin bytopisatel' i Peterburg v ego ocherkakh”. *Peterburgskie ocherki F.V. Bulgarina*. St. Petersburg: Petropolis Publ., 2010, pp. 5–42. (In Russ.)

Konechnyi A. *Byt i zrelishchnaia kul'tura Sankt-Peterburga — Petrograda XVIII — nachalo XX veka. Materialy k bibliografii*. St. Petersburg: Russian Institute of Art History Publ., 1997. 164 p. (In Russ.)

Konechnyi A.M. “Peterburgskie narodnye gulian'ia i razvlecheniia. Konets XVIII — nachalo XX v.: (Obzor vystavki)”. *Sovetskaia etnografiia*. 1985, № 6, pp. 138–142. (In Russ.)

Konechnyi A.M. “Peterburgskie narodnye gulian'ia na maslenoi i paskhal'noi nedel'akh”. *Peterburg i guberniia: Istoriko-etnograficheskie issledovaniia*. Leningrad: Nauka Publ., 1989. pp. 21–52. (In Russ.)

Konechnyi A. “Poslednii adres Bloka”. *Literaturnoe obozrenie*. 1980, № 11, pp. 97–99. (In Russ.)

Levinson A. *Opyt sotsiografii: Stat'i*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. 664 p. (In Russ.)

Lotman Yu.M. “Blok i narodnaia kul'tura goroda”. *Nasledie A. Bloka i aktual'nye problemy poetiki. Blokovskii sbornik*. Issue IV. Tartu, 1981, pp. 7–26. (In Russ.)

Lotman Yu.M. “Khudozhestvennaia priroda russkikh narodnykh kartinok”. *Narodnaia graviura i fol'klor v Rossii XVII–XIX vv.* Moscow: Sovetsky khudozhnik, 1976, pp. 247–267. (In Russ.)

Mints Z.G. “V smyslovom prostranstve ‘Balaganchika’”. *Semiotika prostranstva i prostranstvo semiotiki. Trudy po znakovym sistemam*. Issue XIX. Tartu, 1986, pp. 44–53. (In Russ.)

Peterburgskie balagany, ed. A.M. Konechnyi. St. Petersburg: Giperion Publ., 2000. 256 p. (ser. “Zabytyi Peterburg”) (In Russ.)

Peterburgskii raek, ed. A.M. Konechnyi. St. Petersburg: Giperion publ., 2003. 94 p. (ser. “Zabytyi Peterburg”) (In Russ.)

Shcheglov Yuri. “Antirobinzonada Zoshchenko: Chelovek i veshch' u M. Zoshchenko i ego sovremennikov”. *Die Welt der Slaven*. München, 1999. Bd. XLIV, pp. 225–254. (In Russ.)

How It All Began

Albin Konechnyi

Abstract: In the Soviet studies on Russian cultural history popular fairs (a variety of games, amusements, and leisure) in the pre-revolutionary era were among the most important aspects of Russian culture. However, it had hardly been researched primarily because of many taboos of “academism” in Soviet Humanities, although cultural models concerning to festivals and playing had been offered by M. Bakhtin, and Yu. Lotman. Especially the Russian popular fairs called *narodnye gulyan'e* which were the main entertainment in pre-revolutionary Russian cities, particularly for St. Petersburg citizens, had been absolutely without due care and attention. In this context A. Konechnyi's studies from the early 1980s were exceptional, fundamental and epoch-making. The exhibition “Narodnye gulyan'e and amusements in St. Petersburg on Carnival and Easter weeks” in November 1984 in the Museum of History of Leningrad which was organized by Konechnyi, caused a great “scandal” in the Soviet academia, resulting “pros and cons”. The article describes in details the process of difficult and elaborate organization of this display, public reactions to it, and explains that Konechnyi's academic standpoints have been based on discoveries by painstaking work and reconstruction of “missing link” texts. The author argues that this new academic movement, though fledging, might contribute significantly to the post-Soviet culture studies.

Keywords: Alexander Blok's memorial flat, public fairs (*narodnye gulyan'e*), city popular amusements and leisure, museum studies, history of the Humanities

Information about the author: Albin M. Konechnyi, Senior research fellow at the Museum of the History of St. Petersburg (1979–1994) and the Russian Institute of Art History (1994–2014), St. Petersburg. E-mail: ya.albin1935@yandex.ru

ФОРУМ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-4-358-376

УДК 821.161.1

О новой книге А.Н. Ужанкова и о проблемах изучения «Слова о полку Игореве»

А.М. Ранчин

Аннотация: Рассматриваются работы о «Слове о полку Игореве» отечественного исследователя А.Н. Ужанкова и ставятся некоторые общие вопросы изучения этого памятника древнерусской словесности.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», отечественная медиевистика, исторические и культурные контексты, интерпретация текста, библейские подтексты

Информация об авторе: Андрей Михайлович Ранчин, д.ф.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова; Москва. E-mail: aranchin@mail.ru

О «Слове о полку Игореве» написано так много и высказано столько гипотез, замечаний, мнений — от убедительных суждений до безумных фантазий, что появление еще одной книги об этой «трудной повести» едва ли может стать заметным и по-своему удивляющим событием в медиевистике. Стоит сразу сказать: А.Н. Ужанкову это удалось. Событие, правда, оказалось печальным и тревожным.

Монография А.Н. Ужанкова¹ состоит из четырех разделов: ««Слово о полку Игореве». Культурный контекст», ««Слово о полку Игореве». Комплексное исследование», ««Слово о полку Игореве». Открытие и первое издание», ««Слово о полку Игореве». Древнерусский текст и перевод». Начнем с конца. Новый перевод «Слова» малооригинален, а комментарий еще и крайне лаконичен. Раздел, посвященный открытию и подготовке «песни» к изданию, представляет собой по сути изложение информации из трудов других медиевистов. Первый раздел книги имеет по большей части косвенное отношение к древнерусской «песни» — в нем кратко сообщается о принадлежащей автору теории «литератур-

¹ Ужанков А.Н. «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М.: НИЦ «Академ-книга», 2015. 512 с.

ных формаций», подробно изложенной в более ранних книгах², а также описаны представления книжников Древней Руси о творчестве, о сущности истории, о народе русь и о Русской земле и т.д. С многими суждениями и замечаниями автора можно согласиться (надо, впрочем, признать, что немалая их часть отличается той убедительностью, которая присуща тривиальности), с некоторыми стоило бы поспорить. Однако, как резонно заметил один вымышленный философ и поэт, «нельзя объять необъятное». Поэтому сосредоточимся на главном — на «комплексном исследовании» «Слова». В нем А.Н. Ужанков предлагает новую интерпретацию, датировку и атрибуцию древнерусского памятника. Автор книги так формулирует свою главную задачу: «показать “Слово о полку Игореве” в его религиозном, историко-культурном и литературном контексте» (с. 4). В понимании «Слова» как памятника, укорененного в религиозной книжности и ориентированного на библейские мотивы и образы, А.Н. Ужанков выражает солидарность с известным итальянским славистом Р. Пиккио (с. 4). Ссылается он, правда без указания страниц, и на книгу Б.М. Гаспарова «Поэтика “Слова о полку Игореве”» (1984, 2000), когда пишет, что древнерусская «повесть» предстает «своеобразной [...] интерпретацией» библейской притчи о блудном сыне (с. 6). Для А.Н. Ужанкова этот евангельский претекст «Слова» исключительно значим, ибо он считает, что в древнерусском памятнике история пленения и возвращения на Русь князя Игоря интерпретируется как наказание за грех, покаяние и спасение грешника, то есть как своего рода вариант притчевого сюжета. Однако ссылка на Б.М. Гаспарова без обозначения страниц оказывается лукавством: получается, что для ее автора новозаветная притча — основной, структурообразующий подтекст «Слова». Но это не так. Автор «Поэтики “Слова о полку Игореве”» помимо этого подтекста находит в произведении реализацию мифологемы временной гибели — воскресения, причем эта мифологема ориентирована как на сюжет крестной смерти и воскресения Христа, так и — в не меньшей степени — на языческие по происхождению мотивы оборотничества и на солярную символику. При этом, по мысли исследователя, разные мотивы — языческие и христианские по происхождению — в тексте древнерусской «песни» удивительным образом синтезируются: «Такое сплетение апокалиптических мотивов, языческого фольклора и древнейших архаических пластов мифологического сознания является одной из самых поразительных

² См., например: *Ужанков А.Н.* 1) О принципах построения истории русской литературы XI — первой трети XVIII века. М., 1996; 2) Стадиальное развитие русской литературы XI — первой трети XVIII века.: Теория литературных формаций. М., 2008.

черт художественной структуры «Слова о полку Игореве»³. Характеристика «Слова» как «симбиоза языческих и христианских образов-символов», принадлежащая Б.М. Гаспарову, безмерно далека от редуccionистского толкования А.Н. Ужанкова. Для Б.М. Гаспарова библейская притча о блудном сыне, которой в книге посвящено всего лишь несколько страниц⁴, — один из мотивов и кодов «Слова», для А.Н. Ужанкова — это мотив из числа самых главных; что касается языческой образности, он ее попросту игнорирует.

Сюжетный мотив покаяния Игоря, которому придает такое значение А.Н. Ужанков, в тексте «Слова» отсутствует. Чтобы обнаружить его присутствие, автор книги прибегает к более чем странной для профессионального филолога процедуре: он как бы «дописывает» текст «Слова», вчитывает в него этот мотив. Оказывается, «бегство Игоря Святославича [...] из половецкого плена в 1185 г. обусловлено заступничеством Божиим после его раскаяния» (с. 104). Основным аргументом становится соображение, что «в Древней Руси спасение Игоря из плена не могло рассматриваться не как результат помощи Бога» (с. 309, здесь и далее выделения в цитатах принадлежат автору книги), именование Игоря праведником, освобожденным из рук грешников (это реминисценция из Псалтири — Пс. 36: 32–33) в рассказе Лаврентьевской летописи о походе 1185 (с. 104), вызов Игорем из Руси священника и покаянная молитва новгород-северского князя, содержащаяся в повествовании Ипатьевской летописи (с. 308).

Логика этих соображений довольно странна. Несомненно, для древнерусских книжников освобождение князя Игоря было свидетельством божественного произволения, однако это не основание приписывать Игорю — герою «песни» раскаяние в совершенном. «Слово», как показали многочисленные исследования (назову лишь работы Р.О. Якобсона, И. Клейна, Б.М. Гаспарова, Т.М. Николаевой, Н.С. Демковой, Т.И. Подкорытовой) — произведение мифопоэтической природы, и его персонажа нельзя рассматривать, исходя из логики реального поведения. Так же неправомерно, опираясь на тексты совершенно иного типа — на летописные повести, приписывать свойства «летописного» Игоря — Игорю «песенному». На некорректность такой подстановки, которая была осуществлена А.Н. Ужанковым еще в более ранних работах, давно было указано; автор, однако, предпочел критику проигнорировать⁵. Кроме того, в повести из Лаврентьевской летописи по-

³ Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве». М., 2000. С. 321–322.

⁴ Там же. С. 298–301.

⁵ См.: Соколова Л.В. Политическое и дидактическое осмысление событий 1185 г. в летописях и в «Слове о полку Игореве» // Труды Отдела русской ли-

каения Игоря тоже нет (именование праведником объясняется стремлением противопоставить православного русского князя «поганым» половцам — язычникам). В тексте повести из Ипатьевской летописи злосчастный князь действительно кается, но не в богопротивном походе в Степь (в котором, как убежден А.Н. Ужанков, он должен принести покаяние), а в иных грехах — прежде всего, в разорении русского города Глебова.

А.Н. Ужанков, как и Р. Пиккио, трактует поход на половцев 1185 года как греховный, нечестивый. Между тем такой однозначной оценки его нет даже в летописях, тем или иным образом осуждающих новгород-северского князя за самонадеянность. А в «Слове» изображение Игоря, неосмотрительно и горделиво решающегося на такое предприятие, не лишено — наряду с осуждением! — возвеличивания. Характеристика Игоря Святославича: «ниже истягну умь свои крѣпостию своею и поостри сердца своего мужеством»⁶ бесспорно не содержит негативного смысла, о чем свидетельствует семантика составляющих ее лексем и контексты их употребления в других памятниках древнерусской книжности⁷.

По мнению А.Н. Ужанкова, в «Слове» Игорь, как горделивец и алчущий славы завоеватель, противопоставлен князю Владимиру Мономаху, смиренному сердцем радетелю за Русскую землю, инициатору блестящих походов против половцев в начале XII столетия. Именно Мономах, как считает сочинитель рецензируемой книги, подразумевает создатель «Слова» под «старым Владимиром». Мономах для А.Н. Ужанкова идеальный князь Древней Руси: «Названный Владимиром, а в крещении Василием, в честь его деда, крестившего в 988 г. Русь, Владимир Мономах с детства проникся духовной благодатью, а с юности возымел трепетный страх перед Страшным Судом» (с. 78). На чем основывается прозорливость исследователя, знающего, каким был в детстве Владимир, — спрашивать бессмысленно. Так же абсурдно задаваться вопросом, воспринял бы духовную благодать юный княжич, если бы его крестили с именем не Василий, а, например, Георгий.

тературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Т. 57. СПб., 2006. С. 91–92, 101–102; Ранчин А.М. История в «Слове о полку Игореве»: «старые» и «нынешние» князья // Ранчин А.М. Вертоград златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007. С. 418–423.

⁶ Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия, с переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800. С. 5. Далее «Слово» цитируется по этому изданию, страницы указываются в тексте рецензии.

⁷ Орлов А.С. «Слово о полку Игореве». 2-е, доп. изд. М.; Л., 1946. С. 90–91; Ранчин А.М. История в «Слове о полку Игореве»... С. 420–421.

Текст, претендующий на научность, превращается в идеологический конструкт — панегирик и даже некое подобие жития. Кстати, автор книги заявляет, что князь жил по Священному Писанию (с. 299) и ничтоже сумняшеся объявляет: Владимир Мономах и почитался на Руси святым, в доказательство чего ссылается на его некролог в Ипатьевской летописи под 6634 (1125) г.: Мономах являл собой «пример благоверного князя, за что и стал почитаем как святой» (с. 279). Однако такая трактовка — свидетельство нечуткости интерпретатора к семантике летописного выражения, и она основана на совершенно превратном толковании текста. Да, в некрологе о Мономахе сказано как о «с(вят)омъ и добромъ кн(язи)»⁸. Но соседство лексемы *святѣи* с другим однородным определением — *добрыи* — неоспоримо свидетельствует, что в данном случае *святѣи* означает не 'отличающийся духовным совершенством и близостью к Богу', а 'праведный, добродетельный'; такое значение у этого слова довольно широко распространено в древнерусской письменности⁹.

А.Н. Ужанков, убежденный в том, что «жизнь свою Владимир Мономах строил по христианским заповедям, памятуя о смерти и Судном дне, на котором ожидал воздаяния по делам своим» (с. 79), противопоставляет Мономаха и его отца князьям — потомкам Святослава и Олега Черниговских (Игоревых прадеда и деда): «Обращает на себя внимание тот факт, что половцы выступают союзниками черниговских князей — Святославичей (впоследствии — Ольговичей), а Всеволод Ярославич и Мононаховичи воюют постоянно против половцев [...]» (с. 277). Реальность, увы, весьма далека от этой незатейливой антитезы. А.М. Панченко, в осведомленности и непредвзятости которого вряд ли можно усомниться, когда-то констатировал, следуя свидетельствам летописей и самого князя, оставленным в его Поучении: «[...] в княжьем ремесле, в мирском поведении десятословие и нагорная проповедь им нисколько не учитывались»¹⁰. Между прочим, сам А.Н. Ужанков признает, что Владимир не по праву захватил принадлежавший Олегу Чернигов (см. с. 278–289), так что «крамольник» и «зачинатель междоусобиц» Олег воевал за свое достоинство против узурпатора. Уступка же Чернигова Олегу в 1094 г. объясняется, конечно же, не миролюбием Мономаха, как, вслед за автором Поучения, заявляет небеспристрастный исследователь (см. с. 279), а

⁸ Полное собрание русских летописей. 3-е изд. М., 1998. Т. 2. Стб. 289, л. 108.

⁹ См.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Глав. ред. В.Б. Крысько. Т. 11: (сѣѣне — стѣгъ). М., 2016. С. 73.

¹⁰ Панченко А.М. Эстетические аспекты христианизации Руси // Русская литература. 1988. № 1. С. 59.

военным превосходством Олега, и именно «Гориславич», как давно заметил историк В.В. Мавродин, в этой ситуации проявляет милосердие и благородство, позволяя своему сопернику беспрепятственно покинуть Чернигов¹¹.

Половцев же не приглашал на Русь только ленивый, не брезговал такими союзами и автор Поучения, в чем откровенно и без какого-либо стыда и признавался, гордясь разорением русского города Минска в союзе со степняками: «и на ту осень идохомъ с Черниговци . и с Половци . с Читѣвичи . к Мѣньску . изъехахомъ город . и не вставихомъ оу него ни челѣдина . ни скотины»¹².

По мнению автора книги, неудачный поход князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. противопоставлен победоносным боевым действиям 1111 г., главным организатором и инициатором которых был Мономах: «Владимир Мономах дает решающую битву на границе Руси и Половецкой степи, у города Шаруканя, у начала Дона, когда он еще течет по Русской земле. Игорь Святославич направляет свои войска в середину Половецкой земли и далее — к устью Дона! Поход Владимира Мономаха преследует оборонительные цели; поход же Игоря Святославича получается *завоевательным!*» (с. 283, ср. с. 301); Одно из доказательств этих захватнических поползновений новгород-северского правителя — фраза «Слова» об Игоре и его брате Всеволоде, вложенная в уста бояр Святослава Киевского: «Се бо два сокола слѣтѣста съ отня злата стола, поискати града Тьмутороканя» (Изд. 1800 г. С. 24), указывающая якобы на далеко простиравшиеся планы Игоря (с. 300). Неблагодарный характер похода проявляется в выборе времени: войска выступают против половцев на Пасху, когда нужно думать о душе, а не о славе. А.Н. Ужанков безапелляционно резюмирует: «Совершенно очевидно, что праведному походу под предводительством Владимира Мономаха противопоставлен неправедный поход (славы ради) Игоря Святославича» (с. 298).

В действительности всё это далеко не очевидно. Мало того, такая трактовка разительным образом не согласуется ни с семантикой «Слова», ни с историческими фактами, эта хлипкая конструкция держится на неприкрытых подтасовках. Что касается похода 1111 г., предоставим слово авторитетному историку. «Решающий перелом в войне с половцами» был достигнут благодаря тому, что «военные действия были перенесены в Степь. Русским

¹¹ См.: Мавродин В.В. Очерки истории левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века). СПб., 2002. С. 252; ср. характеристику розни между Олегом и Владимиром другим историком: Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 463.

¹² Полное собрание русских летописей. 3-е изд. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 248, л. 81 об.

удалось выявить слабое место своего врага. Нападая весной на половецкие становища и разоряя их, они подрывали жизненный и экономический потенциал противника, истребляли его живую силу, лишали возможности совершать набеги на русские земли»¹³. Поход 1111 г. с формальной стороны был актом агрессии против Степи (половецкий город Шарукань стоял, естественно, вне русских границ), хотя и не являлся завоевательным: ни Мономах, ни другие князья не стремились захватить южные степи, представлявшие интерес и ценность лишь для кочевников или полукочевников половцев. Это был прежде всего превентивный удар, а уже затем — поход за славой и добычей. (О том, что князь Владимир не был глух к «звону» славы, явственно говорит текст написанного им Поучения.) Игорев поход 1185 г. также был агрессивным, но отнюдь не завоевательным: как давно было доказано, с относительно малым войском Игорь не мог рассчитывать выйти к донскому устью и тем более закрепиться в Тмуторокане, который к тому же в это время, по-видимому, принадлежал не половцам, а Византии. Слова бояр Святославу — эпическая гипербола, одна из многих в древнерусской «песни»; такая же, как наделение относительно слабого, не полновластного Святослава мощью и «грозою» или как утверждение, что Всеволод Большое Гнездо может «раскропить» Волгу веслами, а Дон вычерпать шлемами своих воинов. (Впрочем, если бы Игорь лелеял такой безумный замысел, он был бы для древнерусского книжника и его аудитории воплощением безрассудства, но вовсе не агрессором: Тмуторокань, в котором некогда княжил Игорев дед Олег, мог считаться родовым достоянием новгород-северского князя, его «дединой».)

Что же до кощунственного выбора времени для выступления войск, то ни один из текстов, посвященных походу 1185 г., именно за это князя Игоря Святославича не осуждает.

Речь порой «заводит далеко» не только поэта, но и ученого. Объясняя, почему автор «Слова» назвал битву Игоря с половцами трехдневной (она длилась чуть более суток, то есть два дня — субботу и утро воскресенья), А.Н. Ужанков усматривает здесь контрастную переключку с событиями 1111 г., когда русские войска дважды схватывались со степняками: сначала в пятницу, а потом в понедельник: в «Слове» для создания такой соотнесенности отсчет ведется от начала сражения, конец которого намеренно приурочен не к воскресенью, а к понедельнику — дню второй победы в 1111 г. (с. 287). Остается лишь изумленно воскликнуть: какая странная арифметика! В летописном рассказе о событиях 1111 г. действия в пятницу и схватка в понедельник — это два разных сражения, а не одно трехдневное, и отсчет дней от пятни-

¹³ Карпов А.Ю. Владимир Мономах. М., 2015. С. 127.

цы до понедельника отсутствует¹⁴. (К слову, это четыре, а не три дня.) Каким же изощренным «тайнописцем» нужно счесть автора «трудной повести» и какими гениальными «криптологами» его читателей, чтобы увидеть в тексте «Слова» такой изощренный шифр! Не проще ли, например, посчитать, что в «Слове» отсчет ведется от пятницы, как дня первого столкновения Игоря с неприятелем, до воскресенья? Временная характеристика сражения в этом произведении, действительно, несколько загадочна (обычно в ней видят символические смыслы), но предложенное А.Н. Ужанковым толкование ее абсолютно произвольно.

Игорь в «Слове» представлен неоднозначно. С одной стороны, поход малыми силами против половцев без поддержки и согласия киевского властелина и его соправителя Рюрика Ростиславича — проявление своеволия и самонадеянности и даже вызов Судьбе или Провидению, воля которого выразилась в затмении солнца. С другой — это свидетельство храбрости и мужества, и злосчастный Игорь, и особенно его брат Всеволод Буй Тур представлены героями. Финальная здравица в тексте памятника: «Пѣти слава Игорю Святѣславича, Буй туру Всеволодѣ, Владимиру Игоревичу. Здрави Князи и дружина, побарая за христьяны на поганья плѣкы. Княземъ слава, а дружинѣ Аминь» (Изд. 1800 г. С. 46), очевидно, обращена именно к князьям-участникам похода 1185 г., который осмысливается не только как набег за славой и трофеями, но и как один из подвигов в долгой борьбе против «поганных» язычников ради христиан, то есть Русской земли. Правда, автор книги приписывает прозванию Всеволода негативную семантику, хотя и признает, что в древнерусских памятниках, пусть и нечасто, слово *буеть* имело и «положительный оттенок» — как отвага (с. 302). Но ведь в «Слове» подвиги Всеволода на поле брани героизируются, так что можно как минимум утверждать, что для автора значимы не только негативные, но и позитивные коннотации именованья Буй Тур; мало того — присутствие отрицательной семантики требует сильных доказательств.

Кстати, сам А.Н. Ужанков в одном месте своей книге пишет, что в «Слове» есть «подчеркивание общерусского значения похода на половцев новгород-северского князя Игоря Святославича, “иже истягну умь крепостию своею..., наполнився ратного духа, наведе своя храбрья плѣкы на землю Половецкую за землю Руськую”» (с. 333), тем самым отрицая свою главную идею о безусловном осуждении Игоря похода автором «песни».

Игорь во многом подобен герою старофранцузской «Песни о Роланде»: «Роланд всегда выступает в ореоле военной славы.

¹⁴ См.: Полное собрание русских летописей. Т. 2. Стб. 266–268, л. 99 об.–100.

Он — лучший из рыцарей Карла [...] Он начинает бой, и, описывая его подвиги, автор “Песни” не может сдержать своей воинственной фантазии: враги падают десятками и сотнями. [...] Но в этом идеальном воинском образе есть и отрицательные черты. Его друг-побратим Оливьер [...] говорит ему: “Очень горяч и горделив ваш норов”. Все дальнейшее подтверждает слова Оливьера¹⁵.

Завершая разбор этого «сюжета» книги, нужно признать, что нет никаких оснований вообще считать отношение автора «Слова» к Владимиру Мономаху панегирическим или апологетическим. *Бессспорно* этот властитель упомянут в древнерусском тексте лишь единожды, причем отнюдь не лестным для него образом: «Владимирь по вся утра уши закладаше [закладывал, закрывал, могут подразумеваться как собственно уши, так и воротные проемы. — А.Р.] въ Черниговѣ» (Изд. 1800 г. С. 15), слыша звон славы своего соперника в борьбе за черниговский престол — Игореву деда Олега Святославича. Как бы ни относился сочинитель «песни» к Олегу Святославичу (его оценка — предмет долгого ученого спора), Владимир Мономах, опасавшийся Олега и затворяющий ворота/уши днем, предстает личностью вовсе не героической.

Настаивая на том, что «старый Владимир» в «Слове» — это не Владимир Святой, а Владимир Мономах, А.Н. Ужанков обнаруживает в памятнике соотнесенность Владимир Мономах как глава Мономаховичей ↔ Игорь Святославич как глава клана Ольговичей. Но в тексте такая корреляция нигде не выражена. К тому же если Мономах был прародителем Мономаховичей, то Игорь — всего лишь один из потомков Олега Святославича. Считать же героя «Слова» главой Ольговичей можно было только с 1198 г., когда он стал старшим в этом клане. Между тем датировать произведение временем не раньше 1198 г. как будто бы нет оснований.

Впрочем, А.Н. Ужанков как раз настаивает на поздней датировке и пытается доказать, что «Слово» было создано осенью–зимой 1200 г. (с. 273), относительно незадолго до кончины главного героя, которую исследователь почему-то приурочивает ко времени вскоре после 22 декабря 1200 г., хотя летописи относят ее к 1202 г.¹⁶ Основания для этой датировки таковы: во-первых, в «Слове» о Всеволоде Большое Гнездо сказано: «Ты бо можеши

¹⁵ Самарин Р.М. «Песнь о Роланде» и проблемы литературного анализа // Самарин Р.М. Зарубежная литература: Учебное пособие для филологических специальностей / Предисл. А.В. Русаковой; Послесл. Б.Л. Сучкова. М., 1978. С. 34–35.

¹⁶ Ср.: Прохоров Г.М., Творогов О.В. Игорь Святославич // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 2. С. 238; Горский А.А. «Всею еси исполнена земля Русская...»: Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М., 2001. С. 23.

Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти» (Изд. 1800 г. С. 28) — то есть подразумевается поход Всеволода на Дон в 1198 г.; здесь А.Н. Ужанков развивает наблюдения украинского историка Б.И. Яценко (с. 241, 268); во-вторых, говорится: «Игореви Князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу» (Изд. 1800 г. С. 39–40), а «отним», отцовским мог быть назван не новгород-северский престол, а более высокий черниговский, который тоже занимал отец Игоря Святослав Ольгович и на который его сын взошел только в 1198 г. (с. 253, 268–269) — и в этом случае автор книги следует за Б.И. Яценко; в-третьих, это слова «Половцы сулицы своя повръгоша, а главы свою подклониша подь тыи мечи харалужнии» (Изд. 1800 г. С. 32), которыми создатель «песни» обозначил могущество волынского князя Романа Мстиславича — эти строки будто бы содержат аллюзию на победоносный поход Романа, видимо состоявшийся в 1200 или начале 1201 г. (с. 272–273). У А.Н. Ужанкова есть и другие соображения в пользу своей датировки, но три перечисленные являются главными.

Что касается первого и третьего доказательства, то они — следствие игнорирования поэтической (в самом широком смысле) природы древнего творения, глухоты к его смыслу — художественному, а не документальному. И в обращении к Всеволоду, и в словах, адресованных Роману, заключена эпическая гипербола, вовсе не обязательно предполагающая реальные походы на степняков. Подходя же к «Слову» так, как это делает А.Н. Ужанков, мы вынуждены будем признать, что целью похода было завоевание Тмутороканя, битва длилась три дня, Путивль стоял на Дунае, до которого простирались границы княжества Ярослава Осмомысла. К тому же в монологе автора, обращенном к Всеволоду Большое Гнездо, прямо говорится о том, что князь *может* («можетши») совершить поход на Волгу и Дон, а не о том, что он такой поход предпринял в действительности.

Но обе эти трактовки по крайней мере допустимы. С якобы черниговским «отним» столом всё намного хуже. Здесь мы сталкиваемся уже не с пренебрежительным отбрасыванием более чем вероятного тропеического, а не фактического смысла, а с примером замалчивания точного указания, которое содержится в тексте «Слова». Еще довольно давно А.А. Горский заметил, что «отень» престол может быть именно новгород-северским, а не черниговским¹⁷; А.Н. Ужанков на его работу сослался, но соображения автора опровергать не посчитал нужным (с. 255). Между тем в тексте «трудной повести» есть прямое свидетельство, что «отним» для

¹⁷ Горский А.А. Проблема даты создания «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». М., 1986. С. 34.

Игоря ее творец называл именно престол новгород-северский; это уже процитированная выше речь бояр к Святославу Киевскому: приближенные Святослава метафорически именуют Игоря и его брата «соколами», которые выступили в поход 1185 г. — «слѣтъста съ отня злата стола» (Изд. 1800 г. С. 24). Естественно, речь здесь может идти только о Новгороде-Северском, где некогда правил их отец и откуда вышел с войсками Игорь.

Поздняя дата, названная А.Н. Ужанковым, не согласуется с концовкой «песни», где провозглашается слава и здравица князьям — участникам похода. Между тем один из упомянутых в этом фрагменте князей, Всеволод Буй Тур, умер еще в 1196 г., так что традиционно эта дата считалась верхней границей, *terminus ante quem* для «Слова». А.Н. Ужанков ограничивается маловразумительным замечанием, что славу могли петь и мертвым (с. 262–263). Но могли ли здравицу? Между тем пожелание «Здрави Князи и дружина» (Изд. 1800 г. С. 46) следует сразу за возгласением славы северским князьям и несомненно относится к ним. Кроме того, довольно странно полагать, что автор мог в одном высказывании смешать живых и мертвых: а ведь получается, что славословие приносится здравствующим Игорю и его сыну Владимиру и покойному к 1200 г. брату Всеволоду. И наконец, если отказаться от понимания славословия как обращения к живым, ничто не помешает — если якобы найдутся какие-то переклички с историческими событиями 1210-х гг., например, — отнести создание «песни» ко времени после смерти главного героя. Пренебрегая традиционным взглядом на эти слова как на обращения к живым, мы вообще стираем верхнюю границу датировки.

Еще слабее аргументирована атрибуция — приписывание авторства монаху, которого автор книги отождествляет с выдубицким игуменом Моисеем. А.Н. Ужанков, проследившая в «Слове» переклички с Книгой пророка Иеремии, утверждает, что на Руси до 1499 г. был известен перевод лишь отдельных фрагментов в составе Паремийника, а совпадения древнерусского памятника и ветхозаветной книги выходят за их рамки. Из этого утверждения делается вывод: автор должен был читать Книгу Иеремии на греческом, что, скорее всего, мог именно монах (с. 343, 345). Увы, это утверждение не соответствует истине. На Руси был известен помимо фрагментарного перевода в составе толковых пророчеств, который подразумевает автор книги, еще и мифодиевский перевод; он тоже неполный, но по выбору фрагментов из Иеремии во многом дополняет тот, о котором писал А.Н. Ужанков. Наконец, известен сохранившийся в небольшом отрывке еще один славянский перевод¹⁸. Каким он был по объему, неизвестно.

¹⁸ См.: *Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 93, 109, 117.

Обращение *братие*, принадлежащее автору «Слова», А.Н. Ужанков считает адресацией к монашеской аудитории, не принимая во внимание, что оно в древнерусских текстах — в летописях, в одной берестяной грамоте, в Сказании о Борисе и Глебе — часто подразумевает мирян, прежде всего дружинную среду. О такой семантике этой лексемы писали задолго до выхода ужанковской книги¹⁹.

Некоторое сходство «песни» о князе Игоре с рассказами киевского летописного свода, приписываемого исследователями игумену Моисею, совершенно недостаточно для далекоидущих выводов об авторе «Слова».

Но главное — «Слово», при всей относительной приемлемости таких категорий, как религиозная и светская литература, памятник светский, очевидно в очень сильной степени ориентированный не только на книжную, но и на фольклорную традицию, насыщенный языческой по происхождению образностью. Все это препятствует гипотезе о его возникновении и исконном бытовании в монашеской среде.

К сожалению, игнорирование идей и аргументов, не совпадающих с авторскими, — весьма яркая черта книги А.Н. Ужанкова. Эпитет Игорева деда Олега в «Слове» — *Гориславич* — он безапелляционно трактует, как 'принесший много горя' (с. 77), хотя допустимо и понимание 'горящий славой'²⁰, и толкование 'пертерпевший много горя'. (Напомню, что Лаврентьевская летопись под 6636/1128 г. приводит прозвание Рогнеды *Горислава*, бесспорно указывающее на ее печальную судьбу²¹.) В книге неоднократно встречаются всецело одобрительные, без каких-либо оговорок или новых аргументов «за», ссылки на известную концепцию А.Н. Робинсона, считавшего, что в сознании древнерусского общества XII в. судьба, и в частности смерть, Ольговичей прочно соотносилась с солнечными затмениями и с солярным мифом, хотя эта яркая, но построенная на неверных посылах идея была недавно блестяще опровергнута²². В новой книге А.Н. Ужанков без оговорок повторяет свою, предложенную в более ранних работах, датировку произнесения «Слова о Законе и Благодати» Илариона (который, как он почему-то полагает, якобы почитался на Руси

¹⁹ См.: *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 295, 298; *Ранчин А.М.* История в «Слове о полку Игореве»... С. 422–423.

²⁰ *Никитин А.Л.* «Слово о полку Игореве» в контексте изучения древнерусской истории и литературы // *Герменевтика древнерусской литературы*. М., 2004. Вып. 11. С. 658–659.

²¹ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Стб. 300, л. 99 об.

²² См.: *Максимов В.Н.* Невидимые затмения и фальшивые солнечные символы (по следам публикаций А.Л. Никитина и А.Н. Робинсона) // *Герменевтика древнерусской литературы*. М., 2008. Сб. 13 / Отв. ред. Д.С. Менделеева. С. 413–424.

как святой — см. с. 49) кануном Пасхи 25 марта 1038 г. (с. 97; ср. с. 122, 233–234), несмотря на то что в последнее время было показано: проповедь не могла быть составлена до рождения у Ярослава Мудрого первых внуков, то есть до самого конца 1030-х — середины 1040-х гг.²³

Предлагая конъектуру *пытью горазду* ('пытливому человеку-умельцу' — с. 60) вместо выражения *птицю горазду* в первом издании «Слова» (Изд. 1800 г. С. 37), А.Н. Ужанков, не отмечая, что такое чтение было предложено задолго до него Л.А. Булаховским, даже не упоминает о много раз отмечавшейся уязвимости такой правки: слово *пытць* неизвестно в древнерусской книжности²⁴. Плач Ярославны он (впрочем, не первым) трактует как род христианской молитвы, попросту игнорируя его сходство с заклинанием-заговором, подробно прослеженное Б.В. Сапуновым²⁵.

Книга А.Н. Ужанкова не лишена неточностей, порой весьма грубых. Ограничусь парой примеров: старая и хорошо известная специалистам монография В.Ф. Миллера «Взгляд на Слово о полку Игореве» (1877) дважды — в тексте (с. 322) и в сноске (с. 360, примеч. 137) приписана некоему В.Р. Миллеру. Утверждается, что до Игоря никто из русских князей не попадал в плен (с. 299), хотя «в 1154 г. половцами был захвачен Святослав Всеволодович, будущий великий князь и один из героев “Слова о полку Игореве”» — правда, во время междоусобицы на русской земле²⁶.

К сожалению, автор рецензируемой книги не чурается и откровенных искажений и инсинуаций. Отстаивая свое первенство в обнаружении в «Слове» перекличек с Книгой Иеремии, он обвиняет меня в несправедливом приписывании этого открытия Р. Пиккио и даже в искажении ссылок: «Вызывает удивление стремление нынешнего профессора МГУ А. Ранчина отдать приоритет открытию влияния Книги пророка Иеремии на “Слово” итальянскому ученому Р. Пиккио, с которым я, якобы, соглашусь²⁷. Р. Пиккио *не обнаружил* (!) этого влияния Книги пророка

²³ См.: *Поппэ А.* О зарождении культа свв. Бориса и Глеба и о посвященных им произведениях // *Russia Medievalis*. München, 1995. Т. 8. No 1. P. 56–57; *Назаренко А.В.* Территориально-политическая организация государства и епархиальная структура церкви в Древней Руси (конец X–XII век) // *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 г.). С. 193–194, примеч. 68; *Карпов А.Ю.* Ярослав Мудрый. М., 2001. С. 539–540, примеч. 20.

²⁴ См.: *Творогов О. В.* Птицы // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 4. С. 189.

²⁵ *Сапунов Б. В.* Ярославна и древнерусское язычество // «Слово о полку Игореве» — памятник XII в.: Сб. статей. М.; Л., 1962. С. 321–329.

²⁶ *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля русская...». С. 27.

²⁷ См.: *Ранчин А.М.* Путеводитель по «Слову о полку Игореве». М., 2012. С. 115. Прим. 31. — Примеч. А.Н. Ужанкова. — *А.Р.*

Иеремии на “Слово”, о котором я писал еще в 1994 г.²⁸ Приведенная А.М. Ранчиным параллель между Игорем, желавшим “испити шеломом Дону” и “желавшими” из Израиля “пить воду из Нила”, взята им из моих работ, а не Р. Пиккио» (с. 359, прим. 133).

Весь этот пассаж — сплошная череда передержек и фальсификаций. В своей книге, которая, кстати, является учебным пособием (что скрыл А.Н. Ужанков, не приведя ее подзаголовков), а отнюдь не научной работой, и потому не претендует на полноту информации об истории изучения «Слова», приводя ряд наблюдения итальянского слависта, я писал далее о согласии с ним А.Н. Ужанкова в подходе к этому произведению как к памятнику религиозной литературы, а не о приоритете в обнаружении конкретных реминисценций из библейских книг. Причем слово «соглашаюсь» точно отражает позицию самого А.Н. Ужанкова, выраженную в его статье, на которую я и ссылался и в которой сказано: «Совершенно прав Р. Пиккио»²⁹. Эти слова согласия повторены и в рецензируемой книге (см. с. 313). Первой работой Р. Пиккио, выявляющей библейские подтексты в «Слове», была отнюдь не статья 1997 г.: итальянский ученый обратился к этой теме еще в 1970-е гг., и соответствующие работы перечислены им в одном из примечаний статьи, на которую ссылается А.Н. Ужанков³⁰. Указание на переключку с Иер. 2:18 в статье Р. Пиккио есть — имеющий очи да видит³¹.

Насильственное подчинение изучаемого предмета заданной идеологической идее о «Слове» как памятнике с религиозным содержанием, с доминантными мотивами греха и покаяния, пренебрежение аргументами, этой идее противоречащими, способны сформировать весьма тягостное впечатление не только от принципов работы автора, но и от книги в целом. Между тем она не лишена некоторых частных достоинств. Хорошо прослежена эволюция описаний природы в Задонщине (где господствуют принцип сравнения, а не символизации, и большая фактическая точность) в сопоставлении со «Словом» (с. 190–191), интересен анализ описаний природы в житиях Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского (с. 194–195). Правда, в отличие от автора книги я бы не

²⁸ См.: *Ужанков А. Н.* Эволюция средневекового мировоззрения и развитие русской литературы XI–XVIII вв. // *Герменевтика древнерусской литературы*. Сб. 7. Ч. 1. М., 1994. С. 20. — Примеч. А.Н. Ужанкова. — *А.Р.*

²⁹ *Ужанков А.Н.* В свете затмения. Христианские основы «Слова о полку Игореве». — www.pravoslavie.ru/archiv/slovo-christianosnov.htm

³⁰ См.: *Пиккио Р.* «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси // *Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН*. СПб., 1997. Т. 50. С. 431, примеч. 3.

³¹ См.: Там же. С. 436.

употреблял по отношению к древнерусской словесности понятие пейзаж: изображение природы в ней строится по принципу перечня отдельных признаков, как характеристика, а не как «картина», которой является пейзаж в строгом смысле слова. В главе «Можно ли алгеброй проверить гармонию?» (с. 291–294) заслуживают внимания аргументы против гипотезы А.И. Соболевского — Н.К. Гудзия о необходимости объединить два упоминания о затмении в тексте «Слова» (ученые таким образом предлагали устранить якобы произошедшую порчу вследствие ошибки переписчика, перепутавшего листы рукописи). Впрочем, нельзя игнорировать и свидетельство в пользу такой конъектуры: оба оторванных друг от друга фрагмента объединяет анафора «Тогда». Убедительны предположение о Книге Иеремии как одном из претекстов «Слова» и названные в тексте конкретные примеры переключек (глава «Книга пророка Иеремии и “Слово о полку Игореве”» — с. 296–322). Здесь же есть любопытные замечания о поэтике света в древнерусском памятнике, об оксюмороне и антитезе (с. 304–307, 314–321). Интересны наблюдения по поводу ритмического сходства «Слова» и Галицкой летописи (с. 328–329). Однако все эти ценные мысли и замечания меркнут, «заволакиваются тьмой» из-за общего предвзятого подхода.

Библейский пласт в «Слове» находится в сложном взаимодействии и сплетении с другими пластами, древнерусская «повесть» не поддается прочтению как история о грехе, покаянии и спасении князя Игоря. Библейская по происхождению образность в «Слове» приобретает дополнительную семантику, не до конца ясную. О том, сколь радикальным могли быть семантические трансформации реминисценций из Священного Писания, свидетельствует Слово (Моление) Даниила Заточника — памятник во многом столь же выбивающийся из древнерусской книжности, как и «песнь» об Игорево походе: Даниил применяет к князю эротическую образность из Песни Песней, которая в церковной традиции истолковывалась как аллегория союза и любви Христа и Церкви.

А.Н. Ужанков в своей книге считает литературным контекстом «Слова» религиозную словесность. Между тем памятник из-за своей уникальности и жанрово-семантической неопределенности в этот контекст не вписывается, в главном он вообще выпадает из древнерусской словесности, следствием чего является герменевтическая проблема, если не катастрофа, описанная Б.М. Гаспаровым: исследователи должны реконструировать структуру произведения и истолковывать его без опоры на ключи и подсказки, которые должны даваться таким контекстом³².

³² Гаспаров Б.М. Поэтика «Слова о полку Игореве». С. 5.

Книга А.Н. Ужанкова высветила две особенности, одна из которых свойственна изучению «Слова о полку Игореве», а вторая характеризует состояние современного российского литературоведения. Изучение «Слова», на мой взгляд, переживает кризис, если не зашло в тупик. С одной стороны, о памятнике написана целая библиотека исследований, проанализирована буквально каждая лексема. С другой — все обобщающие вопросы и попытки ответа на них продолжают вращаться вокруг одних и тех же камней преткновения: «Слово» — устный или письменный по происхождению памятник? каков его жанр? какова авторская позиция? как соотносятся языческие и христианские элементы? это цельный текст или он сформировался посредством позднейших наслоений на первоначальное ядро? Убедительных решений этих проблем нет и — по недостатку сведений, — боюсь, быть не может. Пока что у многих взаимоисключающих точек зрения есть свой набор доказательств, во всех случаях аргументы оказываются неполными. Наши интерпретации ускользающего, переменчивого и обманчивого текста едва ли не неизбежно оказываются не обретением истины, и играми ума.

Вторая особенность — это идеологизация филологических интерпретаций, за которой закрепилось наименование религиозная филология³³. Обыкновенно изъяны такого подхода проявляются при изучении литературы Нового времени. Естественно, в отношении абсолютного большинства древнерусских сочинений тотальная интерпретация в свете Священного Писания абсолютно оправдана. Случай «Слова», однако же, иной. А.Н. Ужанков — по своему статусу профессиональный филолог-медиевист, автор многочисленных книг, в прошлом научный сотрудник ИМЛИ РАН, до недавнего времени — проректор Славянской академии и Литературного института, его книга была рекомендована к печати Ученым советом Литинститута и вышла под его грифом и под грифом Комиссии по изучению духовных основ русской культуры РАН. В его случае игнорирование альтернативных гипотез, идей и мнений не может быть списано на дилетантизм. Это сознательная позиция: ведь без такой процедуры истолкование «Слова», предложенное автором книги, не будет внешне убедительным даже для читателя-неспециалиста.

Само же издание такой книги в качестве авторитетного научного труда³⁴, со всеми подобающими «регалиями» — тревожный

³³ См. об этом, например: *Бочаров С.Г. Р.С. О религиозной филологии // Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 588.*

³⁴ Само название книги явно соотнесено с классическим сборником статей Д. С. Лихачева «Слово о полку Игореве» и культура его времени» (Л., 1978).

симптом общего состояния гуманитарной науки³⁵, в которой начинают размываться границы между ученым трудом и идеологическим опусом.

Литература

- Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
- Бочаров С.Г.* Сюжеты русской литературы. М., 1999.
- Гаспаров Б.М.* Поэтика «Слова о полку Игореве». М., 2000.
- Горский А.А.* «Всего еси исполнена земля Русская...»: Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М., 2001.
- Горский А.А.* Проблема даты создания «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». М., 1986.
- Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Карпов А.Ю.* Владимир Мономах. М., 2015.
- Карпов А.Ю.* Ярослав Мудрый. М., 2001.
- Мавродин В. В.* Очерки истории левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века). СПб., 2002.
- Максимов В.Н.* Невидимые затмения и фальшивые солнечные символы (по следам публикаций А.Л. Никитина и А.Н. Робинсона) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2008. Сб. 13. С. 413–424.
- Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009.
- Никитин А.Л.* «Слово о полку Игореве» в контексте изучения древнерусской истории и литературы // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 11. М., 2004. С. 658–659.
- Орлов А.С.* «Слово о полку Игореве». 2-е, доп. изд. М.; Л., 1946.
- Пиккио Р.* «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Т. 50. СПб., 1997.
- Поппэ А.* О зарождении культа свв. Бориса и Глеба и о посвященных им произведениях // *Russia Medievalis*. München, 1995. Т. 8. № 1. Р. 56–57.
- Панченко А.М.* Эстетические аспекты христианизации Руси // Русская литература. 1988. № 1. С. 50–59.
- Ранчин А.М.* История в «Слове о полку Игореве»: «старые» и «нынешние» князья // Ранчин А.М. Вертоград златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007. С. 418–423.
- Ранчин А.М.* Путеводитель по «Слову о полку Игореве». М., 2012.
- Ранчин А.М.* «Слово о полку Игореве»: поиски контекста // Текст и традиция: Альманах. [Вып.] 4. СПб., 2016. С. 19–40.
- Самарин Р.М.* Зарубежная литература: Учебное пособие для филологических специальностей / Предисл. А.В. Русаковой; Послесл. Б.Л. Сучкова. М., 1978.
- Сапунов Б.В.* Ярослава и древнерусское язычество // «Слово о полку Игореве» — памятник XII в.: Сб. статей. М.; Л., 1962. С. 321–329.
- Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб., 2003.
- Соколова Л.В.* Политическое и дидактическое осмысление событий 1185 г. в ле-

³⁵ Случай А.Н. Ужанкова — не единичный пример «религиозно-филологического» подхода к «песни» об Игорево подходе; см. об этом: *Ранчин А.М.* «Слово о полку Игореве»: поиски контекста // Текст и традиция: Альманах. [Вып.] 4. СПб., 2016. С. 19–40.

тописях и в «Слове о полку Игореве» // Труды Отдела русской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Т. 57. СПб., 2006. С. 91–102.

Ужанков А.Н. «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М.: НИЦ «Академкнига», 2015. 512 с.

Ужанков А.Н. О принципах построения истории русской литературы XI — первой трети XVIII века. М., 1996.

Ужанков А.Н. Стадиальное развитие русской литературы XI — первой трети XVIII века: Теория литературных формаций. М., 2008.

Ужанков А.Н. Эволюция средневекового мировоззрения и развитие русской литературы XI–XVIII вв. // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 7. Ч. 1. М., 1994.

References

Alekseev A.A. *Tekstologĭia slavianskoi Biblii* [The text of the Slavonic Bible]. St.-Petersburg, 1999. (In Russ.)

Bocharov S.G. *Siuzhety russkoi literatury* [Plots of Russian literature]. Moscow, 1999. (In Russ.)

Gasparov B.M. Poetika «Slova o polku Igoreve» [Poetics of “The Tale of Igor’s Cap-maign”]. Moscow, 2000. (In Russ.)

Gorskii A.A. «Vsego esi ispolnena zemlia Russkaia...»: *Lichnosti i mental'nost' russkogo srednevekov'ia: Ocherki* [“In all you fulfilled the Russian land ...”: Personalities and mentality of the Russian Middle Ages: Essays]. Moscow, 2001. (In Russ.)

Gorskii A.A. Problema daty sozdaniia «Slova o polku Igoreve» [The problem of the date of the creation of “The Tale of Igor’s Cap-maign”]. *Issledovaniia «Slova o polku Igoreve»* [Studies of “The Tale of Igor’s Cap-maign”]. Moscow, 1986. (In Russ.)

Zalizniak A.A. *Drevnenovgorodskii dialect* [Ancient Novgorod dialect]. Moscow, 1995. (In Russ.)

Karpov A.Iu. *Vladimir Monomakh* [Vladimir Monomakh]. Moscow, 2015. (In Russ.)

Karpov A.Iu. *Iaroslav Mudryi* [Yaroslav the Wise]. Moscow, 2001. (In Russ.)

Mavrodin V.V. *Ocherki istorii levoberezhnoi Ukrainy (s drevneishikh vremen do vtoroi poloviny XIV veka)* [Essays on the history of left-bank Ukraine (from ancient times to the second half of the 14th century)]. St.-Petersburg, 2002. (In Russ.)

Maksimov V.N. Nevidimye zatmenia i fal'shivye solnechnye simvol'y (po sledam publikatsii A.L. Nikitina i A.N. Robinsona) [Invisible eclipses and fake solar symbols (following the publications of AL Nikitin and AN Robinson)]. *Germevenitika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. 2008, no. 13, pp. 413–424. (In Russ.)

Nazarenko A.V. *Drevniaia Rus' i slaviane (istoriko-filologicheskie issledovaniia)* [Ancient Rus and the Slavs (historical and philological studies)]. Moscow, 2009. (In Russ.)

Nikitin A.L. «Slovo o polku Igoreve» v kontekste izucheniia drevnerusskoi istorii i literatury [“The Tale of Igor’s Cap-maign” in the Context of the Study of Old Russian History and Literature]. *Germevenitika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. 2004, no. 11, pp. 658–659. (In Russ.)

Orlov A.S. «Slovo o polku Igoreve» [“The Tale of Igor’s Cap-maign”]. 2-e, dop. izd. Moscow, 1946. (In Russ.)

Pikkio R. «Slovo o polku Igoreve» kak pamiatnik religioznoi literatury Drevnei Rusi [“The Tale of Igor’s Cap-maign” as a monument of religious literature of Ancient Rus]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) RAN* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences]. 1997, vol. 50. (In Russ.)

Poppe A. O zarozhdenii kul'ta svv. Borisa i Gleba i o posviaschennykh im proizvedeniakh [On the origin of the cult of the Holy. Boris and Gleb and the works dedicated to them]. *Russia Medievalis*. München, 1995, vol. 8, no. 1, pp. 56–57. (In Russ.)

Panchenko A.M. Esteticheskie aspekty khristianizatsii Rusi [Aesthetic aspects of the Christianization of Rus]. *Russkaia literatura*. 1988, no. 1, pp. 50–59. (In Russ.)

Ranchin A.M. Istoriiia v «Slove o polku Igoreve»: «starye» i «nyneshnie» kniaz'ia [History in “The Tale of Igor’s Campaign”: “old” and “current” princes]. In: Ranchin A.M. *Vertograd zlatoslovnyi: Drevnerusskaia knizhnost' v interpretatsiakh, razborakh i kommentariiakh* [Vertograd the golden-haired: Old Russian bookishness in the interpretations, analysis and comments]. Moscow, 2007, pp. 418–423. (In Russ.)

Ranchin A.M. *Putevoditel' po «Slovu o polku Igoreve»* [Guide to “The Tale of Igor’s Campaign”]. Moscow, 2012. (In Russ.)

Ranchin A.M. «Slovo o polku Igoreve»: poiski konteksta [“The Tale of Igor’s Campaign”: the search for context]. *Tekst i traditsiia: Al'manakh* [Text and Tradition: Almanac]. St.-Petersburg, 2016, no. 4, pp. 19–40. (In Russ.)

Samarin R.M. *Zarubezhnaia literatura: Uchebnoe posobie dlia filologicheskikh spetsial'nostei* [Foreign Literature: A Textbook for Philological Specialties]. Predisl. A.V. Rusakovoi; Poslesl. B.L. Suchkova. Moscow, 1978. (In Russ.)

Sapunov B.V. Iaroslavna i drevnerusskoe iazychestvo [Yaroslavna and Old Russian paganism]. «*Slovo o polku Igoreve*» – *pamiatnik XII v.* [“The Tale of Igor’s Campaign” – a monument of the 12th century]. Moscow, 1962, pp. 321–329. (In Russ.)

Sverdlov M.B. *Domongol'skaia Rus': Kniaz' i kniazheskaia vlast' na Rusi VI — pervoi treti XIII vv.* [Pre-Mongolian Rus: Prince and prince’s power in Russia VI — the first third of the XIII century]. St.-Petersburg, 2003. (In Russ.)

Sokolova L.V. Politicheskoe i didakticheskoe osmyslenie sobytii 1185 g. v letopisiakh i v «Slove o polku Igoreve» [Political and didactic comprehension of the events of 1185 in the annals and in “The Tale of Igor’s Campaign”]. *Trudy Otdela russkoi literatury Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) RAN* [Proceedings of the Department of Russian Literature at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences]. St.-Petersburg, 2006, vol. 57, pp. 91–102. (In Russ.)

Uzhankov A.N. «*Slovo o polku Igoreve*» i ego epokha [“The Tale of Igor’s Campaign” and its era]. Moscow, NITs «Akademkniga» Publ., 2015. 512 p. (In Russ.)

Uzhankov A.N. *O printsipakh postroeniia istorii russkoi literatury XI — pervoi treti XVIII veka* [On the principles of building the history of Russian literature XI — the first third of the XVIII century]. Moscow, 1996. (In Russ.)

Uzhankov A.N. *Stadial'noe razvitie russkoi literatury XI — pervoi treti XVIII veka: Teoriia literaturnykh formatsii* [Stadial development of Russian literature XI — the first third of the XVIII century: The theory of literary formations]. Moscow, 2008. (In Russ.)

Uzhankov A.N. Evoliutsiia srednevekovogo mirovozzreniia i razvitie russkoi literatury XI–XVIII vv. [Evolution of the medieval world outlook and the development of Russian literature of the 11th — 18th centuries]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Moscow, 1994, vol. 7, no 1. (In Russ.)

On the new book by A.N. Uzhankov and the study “The Tale of Igor’s Campaign”

Andrey M. Ranchin

Abstract: The article considers A.N. Uzhankov’s works on *Slovo o polku Igoreve* (*The Tale of Igor’s Campaign*) and raises some general questions connected with the studies of the Old Russian national epic.

Ключевые слова: *Slovo o polku Igoreve* (*The Tale of Igor’s Campaign*), national medieval studies, historical and literary contexts, interpretation of a text, biblical subtext.

Информация об авторе: Andrey M. Ranchin, Doctor Hab. of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University. E-mail: aranchin@mail.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ
Научный журнал

2017 № 4

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 67296 от 30 сентября 2016 г.
Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 80039
ISSN 2541-8297

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
Телефон: +7 (495) 690-50-30
E-mail: litfact@gmail.com
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка А.В. Лавочкина

Подписано в печать 30.08.2017
Формат 60×90 1/16
Усл.-печ. л. 23,5
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ №